

А.И. ПОДБЕРЕЗКИН

**ПОЛИТИКА
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
СДЕРЖИВАНИЯ РОССИИ
В XXI ВЕКЕ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. Подберезкин

**ПОЛИТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО
СДЕРЖИВАНИЯ РОССИИ
В XXI ВЕКЕ**

Монография

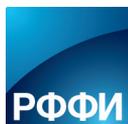
Под редакцией О.Е. Родионова

Москва
Издательский дом
«Международные отношения»
2019

УДК 327(470+571)

ББК 66.4(2Рос)

П44

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 19-114-00003, не подлежит продаже

Подберезкин, Алексей Иванович.

П44   Политика стратегического сдерживания России в XXI веке : монография / А.И. Подберезкин; под редакцией О.Е. Родионова. — М. : ИД «Международные отношения», 2019. — 808 с.

ISBN 978-5-906367-95-2

Настоящая работа является результатом серии исследований автора и его коллег по Центру военно-политических исследований МГИМО МИД РФ — Концерна ВКО «Алмаз-Антей», опубликованных в различных книгах и статьях в 2014–2018 годы. Основной акцент работы сделан на практических рекомендациях и выводах для внешней и военной политики России на ближайшие годы, вытекающих из необходимости сохранения стратегической стабильности и стратегического равновесия в условиях резкого обострения военно-политической обстановки в мире. В последние десятилетия эта актуальная проблематика практически исчезла из научного, политического и образовательного дискурса, что привело к резкому падению уровня подготовки и принятия военно-политических решений.

Работа рассчитана на подготовленного читателя, который ориентируется во внешнеполитической и военно-политической проблематике, и которому необходима информация и аргументация в научной, образовательной и практической работе, прежде всего, сотрудников аппаратов Совета Безопасности РФ, Министерства обороны и Генерального штаба ВС РФ, Министерства иностранных дел, а также преподавателей и слушателей соответствующих учебных заведений и научно-исследовательских институтов.

This work is the result of a series of researches made by Professor Alexey Podberyozykin and his colleagues in the Center of politico-military researches of MGIMO the Russian Foreign Ministry — Concern VKO “Almaz-Antey”, published in various books and articles from 2014 to 2018. The main focus of work is placed on the practical recommendations and conclusions for Russian foreign and military policy for the following years arising from maintaining strategic stability and strategic balance in the conditions of sharp aggravation of a politico-military situation in the world. In the last decades this relevant perspective practically disappeared from a scientific, political and educational discourse that led to sharp falling of level of training and adoption of politico-military decisions.

This work is designed for the prepared reader who is guided in a foreign policy and politico-military perspective and information, and the argument in scientific, educational and practical work, first of all, for those in need of it — employees of Security Council of the Russian Federation, Ministry of Defence and General Staff of the Russian Armed Forces, the Ministry of Foreign Affairs and also teachers and students of the relevant educational institutions and research institutes.

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-906367-95-2

© Подберезкин А.И., 2019

Оглавление

Предисловие	9
Глава I.	
ЧТО ЕСТЬ: Стратегическое сдерживание традиционными средствами	29
1.1. Национальная безопасность и стратегическое сдерживание	37
1.1.а). Стратегическое сдерживание и военно-политическая обстановка в мире	42
1.1.б). Стратегическое сдерживание и стратегическая стабильность	51
1.1.в). Военно-силовые меры стратегического сдерживания: политическое и ядерное сдерживание	60
1.1.г). Владимир Путин и правящая элита как цель политики «силового принуждения» западной коалиции	61
1.1.д). Военные средства и политические национальные интересы	62
1.2. Критерии наибольшей эффективности политики стратегического сдерживания России до и после 2025 года	68
1.2.а). Интересы и цели политики стратегического сдерживания	69
1.2.б). Обеспечение интересов развития России в XXI веке средствами стратегического сдерживания	74
1.2.в). Стратегические цели развития России в XXI веке и стратегическое сдерживание	83
1.3. Вероятность появления принципиально новых сил и средств политики «новой публичной дипломатии» Запада	91
1.3.а). «Новая-старая» или «асимметричная реальность»	91
1.3.б). Многовариантность политики «силового принуждения»	97
1.3.в). Новая роль «мягкой силы»	107
1.3.г). Терроризм и экстремизм как средство политики «силового принуждения» России	115
1.3.д). Цифровая «платформатизация»	123
1.4. Политика стратегического сдерживания России в новых условиях развития военно-политической обстановки после 2018 года	132
1.4.а). Переход от традиционного стратегического сдерживания к новому типу сдерживания	134
1.4.б). Укрепление стратегического сдерживания традиционными политико-дипломатическими средствами	144
1.4.в). Укрепление стратегического сдерживания новыми системными национальными средствами в новых условиях	157
1.4.г). Необходимость реорганизации процесса принятия решений в интересах стратегического сдерживания	167
Примечания	177

Глава II.

Необходимость перехода России

от концепции «стратегического сдерживания»

к концепции «стратегического управления» 189

2.1. Возможность дальнейшего повышения эффективности

политики стратегического сдерживания России

в условиях усиления военно-политического давления Запада 198

2.1.а). Пределы роста военного бюджета России 205

2.1.б). Основные противоречия концепции
«стратегического сдерживания» России 212

2.2. Новые внешние условия формирования политики стратегического

сдерживания Россией в XXI веке: «гибридная реальность» 221

2.2.а). Изменения в политике, стратегиях и концепциях государств:
от публичной дипломатии к «новой публичной дипломатии» 239

2.2.б). Влияние глобальных качественных изменений
в технологических, социальных и экономических областях
на политику государств и развитие международной
и военно-политической обстановки в новом веке 255

2.3. Новая стратегия национальной безопасности России

как неизбежное следствие изменения международной

и военно-политической обстановки в мире 258

2.3.а). Основные варианты базового сценария развития
международной обстановки 264

2.3.б). Необходимость поиска нетрадиционных средств
противодействия развитию негативного варианта
базового сценария эволюции международной
и военно-политической обстановки 273

2.4. «Стратегия противоборства» и «стратегия управления»:

две стратегии национальной безопасности России в XXI веке 277

2.4.а). Неизбежность смены национальной стратегии 286

2.4.б). Стратегическое сдерживание или стратегическое управление
в условиях переходного периода? 293

2.4.в). Модели политики «стратегического сдерживания»
и «стратегического управления» России 300

2.4.г). Переход от концепции стратегического сдерживания
к концепции стратегического управления
как первый шаг новой Стратегии национальной безопасности 312

2.4.д). «Стратегия управления» и ликвидация неравенства
в соотношении сил российской и других локальных
человеческих цивилизаций 319

Примечания 326

Глава III.**КАК СДЕЛАТЬ ПЕРЕХОД:****переход России к политике эффективного управления****от политики стратегического сдерживания** 339

3.1. Как эффективнее учесть суть, особенности и характер современного военно-силового противоборства в политике стратегического сдерживания?	344
3.1.а). Учёт особенностей и характера современного противоборства в политике безопасности России	347
3.1.б). Суть современной политики безопасности России	354
3.1.в). Реформирование органов управления внешней и внутренней политики России, определение приоритетов ресурсов и возможностей	357
3.1.г). Правовое и нормативное обеспечение политики безопасности и эффективного стратегического сдерживания в политико-дипломатической области	366
3.2. Конкретные планы в области политики стратегического сдерживания и безопасности	373
3.3. Оперативное руководство, координация действий и контроль за реализацией мероприятий в области стратегического сдерживания и политики безопасности	380
3.4. Воздушно-космическая оборона как средство обеспечить опережающее развитие России	396
3.4.а). Тунки соперничества	403
3.4.б). Запрет реформ	411
Примечания	418

Глава IV.**Политика «силового принуждения» Запада и политика****противодействия (стратегического сдерживания) России** 423

4.1. Стратегический характер невоенных средств политики «силового принуждения» Запада	433
4.1.а). Смена главного объекта военно-политического воздействия	435
4.1.б). Санкции как силовое средство влияния на правящую элиту	446
4.1.в). Общая характеристика «санкционной политики» США в отношении России	451
4.1.г). Финансовые и экономические последствия санкций для России	456
4.1.д). Положительное влияние санкций Запада на политический курс и экономику России	467
4.1.е). Санкции как традиционные средства политики «силового принуждения» западной коалиции	473
4.1.ж). Примеры, иллюстрирующие неэффективность санкций	475

4.2. Действия США и их союзников по ЕС в 2016–2018 годах против России	485
4.2.а). Нереально малое значение экономических санкций против России в политике Запада	497
4.2.б). Суть реальной санкционной политики Запада	502
4.2.в). Возможные конкретные будущие финансово-экономические последствия для России	512
4.3. Некоторые выводы и прогноз относительно политики западной военно-политической коалиции и действующей стратегии противодействия России	523
4.3.1. Долгосрочный и системный характер политики санкций США и их союзников	525
4.3.1.а). Санкции и развитие ситуации в военно-политической области	532
4.3.1.б). Эскалация финансово-экономических санкций	538
4.3.1.в). Ответная реакция России в военно-политической области	542
4.3.1.г). Необходимость новой стратегии	546
4.3.1.д). Расширение нормативно-правовой базы ответных действий	555
4.4. Сценарии России по противодействию политике «силового принуждения» Запада на среднесрочную перспективу	557
4.4.1. Сценарий № 1. «Стратегическое отступление»	560
4.4.2. Сценарий № 2. «Адекватные ответные действия»	575
4.4.3. Сценарий № 3. «Варианты стратегий опережающего развития»	588
4.4.3.а). Почему проваливаются современные сценарии опережающего развития?	589
4.4.3.б). Вариант № 1. Стратегия развития и противодействия в рамках существующей парадигмы отношений с Западом	597
4.4.3.в). Вариант № 2. Активного технологического развития («технологического скачка»)	603
Примечания	614

ГЛАВА V.

Современная военно-промышленная политика в мире в условиях развития четвертого этапа промышленной революции .....

5.1. Общемировые тенденции развития национального оборонно-промышленного комплекса	631
5.2. Основные внешние и внутренние факторы формирования российского оборонно-промышленного комплекса	639

5.2.а). Низкая эффективность государственного управления, как главное препятствие развития российского оборонно-промышленного комплекса	640
5.2.б). Внешние и внутренние факторы развития российского оборонно-промышленного комплекса	644
5.2.в). Последствия развития российского оборонно-промышленного комплекса	656
5.3. Современное состояние российского оборонно-промышленного комплекса: два периода современной истории	662
5.3.а). Краткая история развала советско-российского оборонно-промышленного комплекса	663
5.3.б). Период частичного восстановления оборонно-промышленного комплекса	669
5.3.в). Совершенствование механизмов управления оборонно-промышленного комплекса	676
5.4. Опережающее технологическое развитие страны: роль оборонно-промышленного комплекса	684
5.5. Институты развития человеческого капитала, темпы развития оборонно-промышленного комплекса и Вооруженных Сил РФ	695
5.6. Влияние военного искусства на развитие оборонно-промышленного комплекса	704
5.7. Организация промышленной политики России и оборонно-промышленного комплекса	710
5.8. Адекватная оценка современного состояния оборонно-промышленного комплекса России	719
5.9. Военно-техническое сотрудничество как фактор развития оборонно-промышленного комплекса	724
5.10. Модернизация вооружения, военной и специальной техники, и новые промышленные разработки.....	730
5.11. Диверсификация экономики: роль оборонно-промышленного комплекса	742
Примечания.....	750
Приложения	763
Приложение 1. Основные термины и определения	765
Приложение 2. Аббревиатуры	801

Предисловие

на самом деле наше время – век одновременно
и конкуренции, и кооперации¹

*В. Трубников,
начальник СВР РФ 1996–2000*

Основные проблемы политики стратегического сдерживания:

1. Особенности и характерные черты развития военно-политической обстановки (ВПО) во втором десятилетии XXI века;
2. Неизбежность выбора Россией новой стратегии развития и обеспечения безопасности;
3. Возможные варианты такой стратегии на среднесрочный и долгосрочный периоды;
4. Особенности современной (2018–2019 гг.) Стратегии развития и обеспечения безопасности России;
5. Необходимость смены парадигмы развития России.

Россия в 2018 году в очередной раз за последние десятилетия встала перед необходимостью выбора эффективной долгосрочной стратегии², от которой зависит её будущее не только как государства, но и как нации. Речь идет уже не только о развитии или укреплении безопасности, а о выборе стратегии выживания, которая будет таковой на ближайшие 5–7 лет. В той или иной форме к этому вопросу В. Путин обращается регулярно, требуя (как, например, на встрече 21–23 ноября с представителями ВС и ОПК) «конкретных результатов в выполнении майских (2018 г.) указов», которые, кстати, не заложены для реализации в большинстве положений принятого 27 сентября общего плана правительства.

Проблема решительного выбора связана с резким обострением ВПО в мире, усилением силового давления на Россию, целью которого является политическая капитуляция и смена правящей элиты страны³. Это же связано с потерей экономической и военной мощи Россией в последние 30 лет, которые восстанавливаются с трудом и, к сожалению, медленнее, чем этого бы хотелось. Просто для примера — современные Сухопутные силы России (которыми когда-то пугали страны НАТО) фактически можно сравнить с сухопутными войсками Турции по количеству и в меньшей степени по качеству и боевой эффективности. Как признаёт один из экспертов, сегодня Сухопутные войска РФ имеют в своем составе примерно 280 тыс. чел. и порядка 2 300 танков (по штату, с учетом возрождения дивизий, возможно, их число увеличилось, но, конечно, не на порядки). По численности это примерно соответствует тому, чем располагают вооруженные силы Турции (260 000 чел. и, приблизительно, 2 224 танка в войсках). Конечно, по своим качествам и вооружению отечественные войска куда как превосходят турецкие, но сравним территорию Турции и России... Другими словами, российская сухопутная армия вовсе не велика и, признаться, даже не совсем ясно, как подобной численностью могут быть решены задачи в сколько-то масштабном конфликте.

Поэтому выбор стратегии развития и сдерживания объясняется как внешними, так и внутренними условиями и возможностями, которые для России качественно ухудшились по сравнению с советским периодом, что, к сожалению, пока ещё далеко не всеми осознаётся. Прежде всего, сторонниками либерального лагеря из правящей элиты страны, влияние которых в политике, не смотря на все провалы, остаётся сильным.

Основные цели и политические инструменты США и возглавляемой ими коалиции те же, что и были в XX веке, но акценты несколько смещены в направлении обеспечения информационно-когнитивной победы в области сохранения национальной системы ценностей и суверенитета, которая поддерживается гарантиями военного превосходства и лидерством в военно-промышленной области США⁴. Эти стратегические цели — сохранение контроля — финансово-экономического и военно-политического — скорректированы в направлении расширения

союза и коалиции сторонников США, с одной стороны, и повышения их зависимости от США, с другой.

Необходимость выбора стратегии всё больше диктуется и политико-идеологическими мотивами. Она связана с кризисом в политике России последних лет, завершением выборов Президента и части управленческой элиты осенью 2018 года, которые формируют курс развития страны до 2024 года⁵. Более того, именно судьба В.В. Путина и части правящей элиты страны стала главной тактической политической целью западной военно-политической коалиции, которая сформулировала политику «силового принуждения» России к отказу от суверенитета и национальных ценностей. Иными словами, вплотную встаёт проблема эффективной защищённости нации, государства и её правящей элиты, которая связана с внутривластным стабильностью и сохранением контроля в стране со стороны части путинской правящей элиты, а также той части либералов, которая до определённого времени её поддерживает.

Сценариев развития России и избранной (волей или неволей) стратегии не так уж, и много. Основных из них, на мой взгляд, всего-навсего три. **Первый сценарий**, нынешний, стагнационно-инерционно-инфляционный, неизбежно ведет к дальнейшему ослаблению стратегического сдерживания (хотя и будут предприниматься попытки реанимации институтов государств и его экономики). Это сценарий очень медленного выздоровления и относительного отставания от темпов развития других государств, когда средний уровень душевого валового внутреннего продукта (ВВП) гражданина и его индекс человеческого капитала (ЧК) всё дальше скатывается за границу 50-и государств.

Второй сценарий — скатывания к либерально-коррупционному государству «образца 90-х годов» — не так уж и малореалистичен, как это может показаться: значительная часть правящей элиты не связана с Россией ни местом проживания, ни активами, ни семьей. Поэтому она может относительно легко продолжить и даже усилить процесс разграбления страны, который В.В. Путину как-то удалось местами остановить.

Третий сценарий развития России — мобилизационный, предполагающий изменения в стратегии не только развития, но и безопасности. Это сценарий опережающего развития и укрепления национальной безопасности.

Для многих ясно, что период до 2024 года будет периодом, когда Россия либо дальше будет отставать от быстро развивающихся государств, как это было последние 40 лет, что превратится уже в откровенную капитуляцию, либо её правящая элита сможет, наконец, найти в себе волю и силы, чтобы вернуться в число стран — мировых лидеров. Необходимость этого выбора недвусмысленно сформулировал В.В. Путин в своём послании ФС РФ 1 марта и в указе от 7 мая «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года», в котором он поручил Правительству РФ до 1 октября утвердить основные направления деятельности, прогноз социально-экономического развития, «предусмотрев механизмы и ресурсное обеспечение достижения национальных целей...»⁶. Этот документ был утверждён Правительством РФ 27 сентября 2018 года под названием «Основные направления дея-

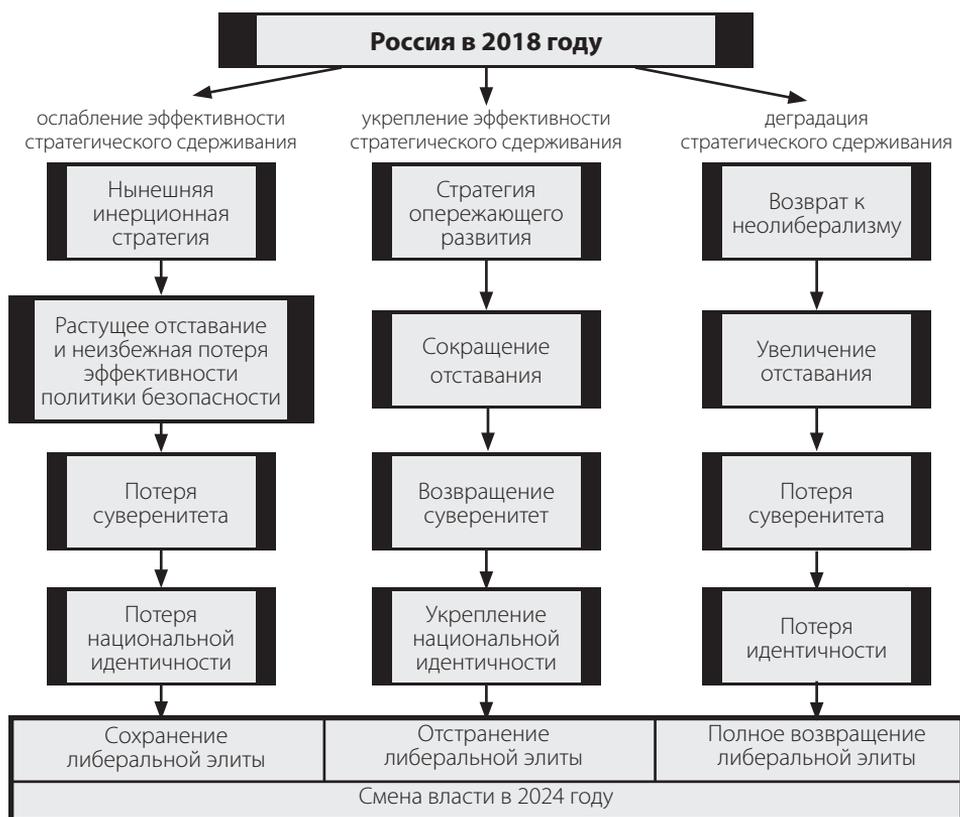

Рис. 1 Выбор стратегии развития России до 2024 года

тельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (далее — ОНДП), который декларировал, что они направлены на реализацию положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», определяют цели, основные задачи и приоритеты деятельности Правительства Российской Федерации «по осуществлению прорывного научно-технологического и социально-экономического развития».

Таким образом, ОНДП являются ключевым документом стратегического планирования Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, определяющим основные механизмы, меры и действия по реализации своих полномочий. ОНДП разработаны в соответствии с положениями Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

По данным Минфина России, на реализацию указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596, 597, 599, 601, 604, 605 и 606 года (далее — указы) законопроектом предусматриваются бюджетные ассигнования федерального бюджета: в 2019 году — в объеме 1 088 114,0 млн. руб., в 2020 году — 1 118 525,4 млн. руб., в 2021 году — 1 246 704,0 млн. руб. Данные о планируемых бюджетных ассигнованиях федерального бюджета на реализацию задач, определенных указами, в 2019 году и плановом периоде 2020 и 2021 годов. Увеличение в целом объема бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию положений указов в 2019 году связано в основном с предусматриваемым увеличением бюджетных ассигнований федерального бюджета на выполнение задач Указа № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» на 125 773,6 млн. руб., или на 87,2%, Указа № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» — на 36 296,8 млн. руб., или на 11,3%, Указа № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» — на 43 151,5 млн. руб., или на 33,4 %, Указа № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» — на 20 374,4 млн. руб. или на 104,9%, по сравнению с бюджетными ас-

сигнованиями федерального бюджета, предусмотренными на эти цели в 2018 году⁸.

В представленной Минфином России информации о бюджетных ассигнованиях на реализацию в 2019–2021 годах указов основные факторы, оказавшие влияние на изменение объема бюджетных ассигнований на реализацию указов, не содержатся. Отмечено лишь, что цели, задачи и показатели социально-экономического развития Российской Федерации, определенные указами, **формировались на основе прогнозных параметров 2012 года и отражали целевое состояние экономики к 2018 году**, а национальные цели развития российской экономики на период с 2019 по 2024 год определены Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁹.

По результатам анализа представленной Минфином России информации о расходах федерального бюджета, предусматриваемых законопроектом в 2019 году и плановом периоде 2020 и 2021 годов на реализацию указов, отмечается следующее:

Указ Президента Российской Федерации «О долгосрочной государственной экономической политике» (далее — Указ № 596) 4.3.3.1. На реализацию Указа № 596, по данным Минфина России, законопроектом предусматриваются бюджетные ассигнования федерального бюджета: в 2019 году — в объеме 269 989,0 млн. рублей, что на 125 773,6 млн. рублей, или 87,2%, больше по сравнению с предусмотренными сводной бюджетной росписью на 2018 год, в 2020 году — в объеме 211 163,8 млн. рублей, что на 58 825, 2 млн. рублей, или на 21,84%, больше по сравнению с планируемыми бюджетными ассигнованиями в 2019 году, в 2021 году — в объеме 223 963,5 млн. рублей, что на 12 799,7 млн. рублей, или на 6,1%, меньше по сравнению с 2020 годом¹⁰.

Подобная постановка проблемы, на мой взгляд, выглядит уже достаточно запоздалой — за последние 30-40 лет Россия отстала от ведущих государств, в своём развитии на целые десятилетия. Некоторые (например, В. Иноземцев) считают, что эта отсталость измеряется столетиями. Представляется заведомо заниженными и цели, которые сегодня формулирует правительство: как предлагается в бюджете на 2019–2021 годы, можно будет выйти на прирост ВВП в 3% только в 2021 году, что

изначально **программирует отставание** уже существующее три десятилетия. Примечательно, что такие темпы роста ВВП в ОНДП гарантируют «сокращение разрыва между Германией и увеличение отрыва от Индонезии в темпах роста», что выглядит, по меньшей мере, на взгляд нормального человека странным: «сокращение разрыва» с Германией такими темпами может происходить бесконечно долго потому, что темпы развития и состояние национального человеческого капитала (НЧК) этой страны намного опережают российские, а сравнивать Россию с Индонезией, которая по численности населения уже более чем в 2 раза превосходит нашу страну, — натяжка.

Но, что ещё хуже, — даже такая сверхскромная постановка задачи в России, как показывает практика, отнюдь не гарантирует её решения. Даже, как показывает история, частичное — практически все предыдущие задачи, стратегии и концепции, сформулированные российской властью, оказались в итоге не реализованы, прежде всего, из-за отсутствия **механизма реализации** и мотивации правящей элиты. Надо сказать, что чисто бюрократически в ОНДП такая задача вроде бы и поставлена, когда все направления закреплены за конкретными заместителями правительства, но и здесь доминирует установка на некие «планы» и «программы» федерального, регионального, отраслевого и местного значения.

Можно сказать заранее, что даже эти скромные амбиции не будут реализованы, на мой взгляд, в силу прежних причин:

- бюрократические «планы правительства» останутся в лучшем случае планами исполнительной власти, которые (даже с учётом их скромных масштабов) выполнены не будут;
- акцент на развитии информационных технологий запоздал, как минимум, на несколько десятилетий: этим надо было заниматься в 80-90-е годы прошлого века, а не «перестройками». Сегодня пытаться догнать — значит не догнать никогда. Можно попытаться сделать «технологический рывок» на новых направлениях, в том числе информатики и связи, которые должны базироваться на достижениях национальной фундаментальной науки, но эту науку многие годы гнобили в России;
- нужна общенациональная мобилизация человеческих, материальных и финансовых ресурсов, чего в ОНДП нет.

Тем не мене, надо признать, что объективно В.В. Путин стоит перед выбором определения вектора опережающего (даже, на мой взгляд, мобилизационного) развития страны, в связи с чем он поручил Правительству разработать достаточно конкретную стратегию, механизмы её реализации и соответствующие ресурсы на среднесрочный период. Как эта стратегия будет сформулирована — отдельный разговор, который требует специального исследования¹¹. В этой работе я хочу подчеркнуть, что эта стратегия будут реализовываться в постоянно усложняющейся международной и военно-политической обстановке, что предполагает, во-первых, неизбежно **сочетание решения задач опережающего развития и укрепления безопасности, а, во-вторых, принципиально новой базовой концепции безопасности, которая сегодня основывается на идее стратегического сдерживания**¹².

Это вывод обусловлен, прежде всего, политикой США, которые не только контролируют 25% мирового ВВП, но и формируют широкую подконтрольную военно-политическую коалицию, ориентированную на увеличение промышленного и технологического разрыва с Россией уже в ближайшие годы. С этим связано, например, поручение Д. Трампа МО и ряду министерств подготовить доклад о влиянии нового (4-го) этапа промышленной революции на развитие промышленности и ОПК США¹³.

В доктринальном документе верхнего уровня — Стратегии национальной безопасности, принятой в декабре 2017 года, — обозначены четыре национальных интереса США:

1. Защита территории страны.
2. Содействие процветанию Америки.
3. Сохранение мира с помощью силы.
4. Усиление влияния США в мире.

США планируют достичь энергетической независимости к 2025 году и сконцентрировать на своей территории не только научно-исследовательские центры и структуры по разработке новых технологий, но и производства, на которых инновации будут внедряться и превращаться в базовые технологии нового промышленного уклада.

Соединённые Штаты для того, чтобы сделать свою собственную экономику «неуязвимой» для внешних угроз, сохранить лидерство и при-

тормозить конкурентов и соперников, будут пытаться создать на американской территории автаркию и обеспечить там рост национального благосостояния, концентрацию капитала, ресурсов и производственных мощностей, чтобы полностью удовлетворить внутренние потребности в настоящем и не зависеть от импорта товаров или сырья, особенно критически значимых категорий, в будущем. Полиотраслевая структура собственной экономики, установленные вокруг границы и барьеры, высокий уровень развития технологий, финансовая и военно-политическая независимость, система стимулирования внутреннего спроса и стратегия выхода на внешние рынки — все эти меры помогут в будущем не опасаться воздействий извне, региональных кризисов и возводимых барьеров со стороны третьих стран, пусть даже очень сильных в экономическом или военно-политическом плане. Этим целям служит и резкое увеличение расходов на национальную оборону, и поддержка военно-промышленного комплекса. Приоритетной целью промышленной политики становится «поддержка создания динамичного внутреннего обрабатывающего сектора».

«Трампономика» будет создавать условия для «возвращения ключевых для национальной безопасности отраслей на американскую территорию». Одновременно с этим внешняя политика будет направлена на создание очагов напряжённости в различных регионах мира, для того чтобы расширять объёмы поставок американских вооружений и военного оборудования своим союзникам. Таким образом, концепция Трампа «мир через силу» будет содействовать мобилизации промышленности и трансформации экономики для перехода к новому технологическому укладу.

Данные экономической статистики за 2017 год свидетельствуют, что в первый год президентства Д. Трампа произошло улучшение состояния американской экономики. Она стала обладать большей стабильностью. Позитивная динамика реального ВВП в 2017 году подтвердила положительный эффект от роста личных расходов на потребление, экспорта, инвестиций в коммерческую недвижимость и в основной капитал, местных расходов и расходов федерального правительства, что отчасти компенсировало сокращение инвестиций в материально-производственные запасы.

Показатель внутреннего спроса подскочил на 4,6%, и этот рост оказался самым быстрым за три года, что подчёркивает силу экономики. Потребительские расходы, на которые приходится более двух третей экономической активности США, выросли на 3,8% в четвёртом квартале, и это также оказалось самым высоким показателем с четвёртого квартала 2014 года. Сильный внутренний спрос поддерживается ожиданиями пролонгированного положительного эффекта от снижения налогов.

Также росту благосостояния домашних хозяйств помог подъём стоимости акций на фондовом рынке, увеличение цен на недвижимость и рост заработной платы, поскольку компании начали конкурировать за квалифицированных рабочих, а некоторые штаты повысили минимальную заработную плату на местном уровне. Всё это продолжит поддерживать потребительские расходы¹⁴.

Но именно этого в ОНДП и нет. Формально вопросам безопасности отводится одна-единственная последняя страница, на которой говорится о ежегодном уточнении государственного оборонного заказа (на 2018–2027 годы) и выполнении его требований, включая и фразу (на одну строчку из всего 100 страничного документа), посвященную развитию военно-технологической мощи российского ОПК. Прежняя острота проблемы сохранения эффективности стратегического сдерживания в условиях эскалации военно-силового давления на Россию со стороны Запада, к 2018 году превратилась в неотложность её решения.

Можно выделить два принципиальных подхода, которые существенно отличаются в своих основах.

Первый — отвечать на силовые действия и нарастающую эскалацию политики «силового принуждения» силовыми методами и средствами, к чему призывают часть российской элиты.

Второй — продолжать стратегическое отступление, отражая логику, сформулированную В.В. Путиным в Сочи 18 октября 2018 года: «Россия никогда не поставит мир на грань кризиса для удовлетворения собственных целей»¹⁵. Об этом заявил президент РФ Владимир Путин на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Означает ли это, что Россия не будет защищать свои интересы и цели с помощью военных, а не только политико-дипломатических средств? Видимо именно эти средства президент имел ввиду, когда

говорил: «Это плохая идея. Нагнетание обстановки, истерики — это не наш метод», — сказал Путин о возможности спровоцировать масштабный кризис в мире для решения задач во внешней политике». В частности, глава российского государства «не считает возможной эскалацию внешнеполитической ситуации в целях оздоровления отношений с другими странами». В.В. Путин прямо говорит: «Вообще поставить весь мир на грань какого-то всеобъемлющего, с труднопрогнозируемым результатом кризиса — это безответственная политика. Мы никогда такую политику не проводили и проводить не будем»¹⁶, — заверил Путин.

Вместе с тем он оставил открытым вопрос о действиях России в условиях кажущейся неизбежной эскалации. Дальнейшее усиление эскалации, которое может происходить по разным направлениям, не получив эффективного ответа со стороны России, может привести к началу процесса дезинтеграции страны: падение уровня жизни, низкие темпы роста и угрозы внутривнутриполитической дестабилизации, вкупе с нарастающим внешним военно-политическим давлением, могут привести к кризису российской власти, который в этих условиях неизбежно перерастёт в кризис государственности. Нужна более эффективная концепция системного противодействия силовой политике Запада, нежели только опора на стратегическое сдерживание, фактически не работающее в новых условиях, но которая традиционно считается гарантией безопасности¹⁷.

Уникальность и опасность этого периода (2018–2024 годов, который я назвал «переходным периодом»), объясняется, на мой взгляд, несколькими принципиальными и общими обстоятельствами, суть которых сводится к **Смене парадигмы** развития России, которую я коротко изложил на круглом столе Изборского клуба 28 августа 2018 года, а до этого опубликовал в специальной работе¹⁸.

Первое. Самая главная проблема современной России — отсутствие адекватной оценки её правящей элитой международных и внутривнутриполитических реалий, неспособность увидеть страну и мир в комплексе, во взаимосвязи различных тенденций и факторов, формирующих МО. Одной из таких реалий является противоборство с Россией возглавляемой США западной военно-политической коалицией, объединяющей

более 60 государств и сотни тысяч негосударственных акторов. Как пример политики такой коалиции, — в Сирии против России выступают «три круга» государств во главе с США, которые в разной степени участвуют в антиасадовской и антироссийской политике.

Новая парадигма МО. Этап № 1.

1 Реальность силового и военного противоборства с Западом и неизбежность войны.

2 Война вместо позора (потеря суверенитета и идентичности), либо война и позор.

3 Отстранение либерально-прозападной элиты от власти и публичное осуждение результатов ее привлечения.

При этом сохраняются отчасти иллюзии, а иногда и вполне эгоистические расчёты части правящей элиты страны на «врастание» в западную цивилизацию, её систему ценностей и условия существования, сложившиеся в период «романтического» восприятия Запада конца 80-х и середины 90-х годов. Западная военно-политическая коалиция продолжает в целом исходить из радикального представления о России как **главной угрозе своей цивилизации**. Более того, необходимости уничтожения России как государства и нации, включая раздел её территории и природных богатств. Последние попытки цивилизационного вмешательства в раскол РПЦ — яркий пример приоритетов такой политики.

К сожалению, сохраняется и в 2018 году традиционный подход Запада к оценке политики России, характерный к упрощенному восприятию времён доминирования КПСС. Так, в документе влиятельного Института по исследованию проблем международной безопасности США в сентябре 2018 года современная структура внешнеполитической деятельности рассматривалась в качестве продолжения структуры КПСС.

Вот как описал это отношение Запада к России известный французский учёный Дел Вал, «Первый вывод, который отсюда напрашивается: западные страны не смогут защититься от этой многоликой и многообразной угрозы, если они полностью не пересмотрят свои геополитические союзы и партнерства (как во внешней, так и во внутренней политике). А первым шагом к такому пересмотру должно стать требование к нашим своеобразным партнерам (исламским государствам — *А.П.*) прекратить действовать как враги и выбрать один из двух лагерей —

западный или исламистский. При этом они не должны скрываться под маской обидчивости или уверять нас, что их правая рука (про-западная) не знает, что делает левая (про-джихадистская). Второй вывод: мы не сможем победить такого «асимметричного» врага до тех пор, пока наши политические и стратегические элиты не откажутся от парадигмы «холодной войны», побуждающей их по-прежнему предпочитать исламистские государства Персидского Залива и Турцию, входящую в НАТО, постсоветской России, рассматриваемой многими влиятельными атлантистами как угрозу худшую, чем исламский терроризм»¹⁹.

Правящей российской элите, наконец, надо не просто осознать это обстоятельство, но и публично, политически, медийно и нравственно сделать критические выводы из своей прозападной политики. Отделив и отстранив в том числе ту свою часть, которая продолжает ориентироваться на западные, а не национальные интересы. Видимо, необходима компания, которая проходила и проходит в большинстве стран Европы по «декоммунизации» и «десоветизации», в результате которой часть правящей элиты должна будет дистанцирована от власти (в особенности та, которая преуспела в карьере в последние десятилетия), а также от системы западных ценностей. Без этого, т. е. Без своего рода «пересмотра правил» политического сосуществования в России, говорить о её опережающем развитии и суверенитете бессмысленно: все критерии и оценки будут иметь своим источником западную систему и так или иначе апеллировать к ней.

Второе. Необходимо просто и ясно сформулировать главную цель национального развития, включая частные задачи, например, обеспечение безопасности, укрепление суверенитета и т.д. Это — политико-идеологическая задача огромной важности, означающая формулирование главного общенационального приоритета. Во все времена — от Московского государства и имперской России до СССР — такая цель была смыслом существования народа, которая не может быть сведена к примитивной идее «комфортного существования», которая регулярно озвучивается теми или иными представителями власти сегодня.

Новая парадигма. Этап № 2.

1. Человек, его творческие возможности — главная национальная цель.
2. «Технологический скачок» — главное средство развития.
3. Институты развития НЧК — приоритет.

В качестве варианта предлагается идея развития и максимальной реализации творческого потенциала человека и всей нации, ускоренного развития национального человеческого капитала, по уровню которого Россия в 2018 году заняла 59 место в мире²⁰.

Этот потенциал, по мнению многих экспертов, является и главной силой развития экономики и общества, основой государственной и военной мощи. Для России также важно, что, только качественно увеличив этот потенциал, она сможет компенсировать консервативные темпы и отставание в развитии демографии и традиционной экономики. Этот же политико-идеологический выбор будет означать, что мы (пусть с опозданием в 32 года) вернулись на единственно эффективный путь развития — научно-технологический.

После отказа летом 1985 года горбачёвского руководства СССР от проведения Пленума ЦК КПСС по ускорению научно-технического прогресса, развитие страны пошло в ложном направлении. В итоге за последние 30 лет мы не только не смогли реализовать сценарий опережающего национального развития (который был необходим и возможен), в основе которого лежали бы быстрые темпы технологического развития и качества человеческого потенциала, но и разрушили большинство из того, что было в экономике. Развитие страны превратилось в постоянный процесс — то медленного, то быстрого — разрушения и стагнации.

В этой связи необходимо напомнить то, что всячески игнорируется сегодня: в 2018 году Россия только-только вышла на уровень развития экономики РСФСР по объёму ВВП **1989 года**, но при этом:

- были разрушены или уничтожены наукоёмкие отрасли экономики;
- за эти же годы США, КНР, Индия и целый ряд других государств увеличили свои экономики в 8–20 раз при качественных изменениях в развитии.

Во втором десятилетии нашего века отчётливо проявилось главное противоречие: потенциал России совершенно не соответствует необходимой мощи и влиянию в современном мире. Среди мировых центров силы Россия занимает только периферийное место. К сожалению, с точки зрения современной МО и ВПО Россия превратилась фактически в региональную державу, обладающую глобальными геополитическими интере-

сами в силу своего географического, исторического и ресурсного значения, обладающую несколькими сохранившимися атрибутами великой державы:

- природные ресурсы и территория;
- членство в Совбезе ООН и других организациях;
- военная и ядерная мощь;
- главное — сохранилось отчасти высокое качество национального человеческого капитала и его культурного, исторического и духовного наследия.

Поэтому вопрос темпов её социально-экономического развития превратился в **вопрос о сохранении суверенитета и национальной идентичности.**

Третье. Основные универсальные «драйверы» социально-экономического развития к началу нового века — демография и прирост объема ВВП — себя исчерпали. Будущее государств будет зависеть не просто преимущественно, но и в основном от темпов технологического развития и способности нации к быстрому и качественному повышению НЧК. От этого же будет зависеть и её способность защищать национальные интересы и суверенитет. Именно поэтому задачи опережающего социально-экономического развития и повышения способности противостоять военно-силовому давлению извне совмещаются²¹.

Новый алгоритм. Этап № 3.

1. Прогноз и планирование.
2. Новые механизмы реализации.
3. Новая правящая элита.

Сказанное означает, что стратегические прогнозы и планирование, все правовые и нормативные документы должны исходить из общей системы политико-идеологических взглядов, в основе которых лежит установка на максимально быстрые темпы развития человеческого капитала нации, прежде всего, в таких областях, как:

- увеличение душевого дохода с нынешних 15 тыс. долларов до 60–70 тыс. долл. США;
- увеличение продолжительности и качества образования до уровня передовых стран мира;
- увеличения продолжительности и качества жизни;
- увеличения творческого и интеллектуального потенциала нации;

- созданию условий для опережающего развития творческих (креативных) групп населения.

Четвёртое. Есть все основания полагать, что стратегии развития и обеспечения безопасности России были либо катастрофическими, либо, как минимум, неэффективными. Более того, не смотря на послание В.В. Путина 1 марта 2018 года, действия правительства и план деятельности до 2021 года вызывают обеспокоенность. Учитывая отсталость России и её рост в последние десятилетия, предлагаемые планы означают консервацию отставания, которая в нынешних условиях обострения ВПО будет означать уничтожение России. Необходимо сменить стратегию развития и обеспечения безопасности страны на более эффективную, отвечающую, прежде всего, требованиям, указанным выше. Используя выражение Б.А. Гарта, «полезно построить на свежей основе здание стратегической мысли»²². **Нельзя допустить, чтобы инерция стагнации 2014–2018 годов продлилась до 2024 года,** когда произойдёт окончательное формирование системы МО и ВПО. В этом случае социально-экономический кризис неизбежно перерастёт во внутривнутриполитический и смену правящей элиты.

Правящей элите страны и лично В.В. Путину неотложно нужен адекватный стратегический прогноз развития МО и ВПО, а также России, стратегический план и реализация опережающего сценария развития России, в основе которого лежит сознательное стратегическое планирование мобилизационного варианта развития. Всё это возможно только при смене существующей стратегии и кадрового потенциала исполнителей.

Пятое. Этот мобилизационный сценарий развития предполагает опережающие темпы экономического роста и социального развития при одновременном обеспечении необходимого уровня безопасности. Другими словами, стратегия России до 2024 года — это стратегия «технологического рывка» в сочетании с укреплением безопасности не только государства, но и нации.

Подобный «технологический рывок» предполагает, прежде всего, опережающие темпы развития НЧК и его институтов, которые дадут резкий «выброс» творческого потенциала нации, ещё более резкое увеличение её силовых — военных и не военных — возможностей.

Новый алгоритм. Этап № 4.

1. Выбор мобилизационного сценария развития.
2. Создание соответствующих механизмов.
3. Переход от государственных методов и общенациональным.

По сути дела предлагаемая работа уже, в более развернутом виде, раскрывает эту логику рассуждений, которая параллельно посвящена попытке решения двух крупных и важных, но практически не решаемых в настоящее время в прикладных исследованиях и научной литературе задач, к которым ещё только-только приступают (причём с заметным опозданием) в России:

Во-первых, определения особенностей влияния современного ВПО на ситуацию и политику России, т.е. интегрированного влияния, синтеза всех процессов, факторов и тенденций, составляющих военно-политическую обстановку, на Россию, не только внешние, но и внутренние условия её существования со второго десятилетия нового века²³. До недавнего времени в планах и стратегиях развития России это влияние почти не учитывалось, в лучшем случае, как в Концепции социально-экономического развития марта 2008 года, рассматривалась цена на нефть.

Это влияние и даже этот феномен не может быть просто перечнем всех (или многих) относительно постоянных и переменных величин, составляющих МО и ВПО, тем более, что влияние субъективных факторов и переменных прогнозировать практически невозможно. Таким постоянных и переменных величин, формирующих ВПО, — десятки тысяч, а субъективных — бесконечное количество²⁴. Современная ВПО представляет собой именно такой синтез сотен и тысяч факторов, тенденций и процессов, полный учет которых в полном объеме невозможен, хотя отдельные аспекты и области уже поддаются количественному анализу и даже моделированию.

Современная ВПО и коалиционная стратегия США и их союзников определённо угрожают России, причём эти угрозы развиваются по эскалации, которая постепенно, но уверенно переходит от силовых спектров политики к военно-силовым. Такой переход фактически уже произошёл; сегодня мы наблюдаем завершение этого этапа. И нам нужны новые средства и меры для эффективного противоборства уже на данном этапе развития ВПО. Они уже применяются, но де-факто,

без системного осмысления и организационного начала, что серьёзно ослабляет их эффективность²⁵.

Поэтому в предыдущих разделах стояла задача значительно скромнее: попытаться выделить только те из них, которые в наибольшей степени влияют на формирование наиболее вероятных сценариев и вариантов их развития с тем, чтобы максимально аргументировано обосновать основные варианты развития ВПО до 2050 года. К сожалению, даже эту задачу полностью решить не удалось — чем дальше продвигался анализ, тем большее количество всё более новых и важных факторов проявлялось и казалось критически важным²⁶. Поэтому пришлось, в конце концов, просто остановиться, не закончив в ряде случаев начатое.

Во-вторых, не менее важно также критически и адекватно определить масштабы и степень влияния уже самой России на формирование ВПО в мире и на степень влияния на политику западной коалиции, т.е. попытаться максимально реалистично оценить возможности сдерживания России критического нарастания напряжённости в мире, исходя из обоснованных вариантов сценария будущего развития ВПО. Здесь важно, как и всегда в политике, не только не переоценит влияние России, но и не недооценить его, что не менее опасно. Именно реальные возможности и задачи России в современной ВПО представляются главным фундаментом для построения эффективной системы национальной безопасности, реалистического гособоронзаказа на длительный период и программ развития НЧК.

Прежде всего, было практически важно предложить некоторые соображения относительно мер по повышению эффективности политики безопасности России в её силовом и даже военном спектре, которые мне показались наиболее важными и неотложными²⁷.

---

¹ Трубников В. Записки начальника внешней разведки. — М.: АСТ 2001 г. См. подробнее: http://tass.ru/opinions/interviews/5315610?utm_source=smi2.ru&utm_medium=refer-ral&utm_campaign=exchangesmi2

² Об этом я написал достаточно много в последние годы. См., например: Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберёзкин. Центр Военно-политических исследований; — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.

³ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan., 2018. — P. 11.

- ⁴ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017. <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply>
- ⁵ Достаточно подробно эту проблему я затронул в опубликованной в июне 2018 года работе: См. *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.
- ⁶ *Путин В.В.* Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 г.
- ⁷ «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года». Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2018 г.
- ⁸ Заключение Счётной палаты РФ на проект Федерального Закона «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». 11 октября 2018 г., № ЗСП-166/16-09. — С. 88–89.
- ⁹ Заключение Счётной палаты РФ на проект Федерального Закона «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». 11 октября 2018 г., № ЗСП-166/16-09. — С. 88–89.
- ¹⁰ Заключение Счётной палаты РФ на проект Федерального Закона «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». 11 октября 2018 г., № ЗСП-166/16-09. — С. 88–89.
- ¹¹ См., например: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад / А.И.Подберёзкин. Центр Военно-политических исследований; АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.
- ¹² Эта задача стояла и прежде, но сегодня она стала уже не просто острой, но и неотложной. См., например: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберёзкин. Центр Военно-политических исследований; АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.
- ¹³ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017. <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply>
- ¹⁴ *Лосев А.* «Трампономика»: первые результаты / Валдайские записки, 2018. — № 87. — С. 14–15 / <http://ru.valdaiclub.com/files/22104/>
- ¹⁵ ИТАР-ТАСС, 18 октября 2018 г.
- ¹⁶ ИТАР-ТАСС, 18 октября 2018 г.
- ¹⁷ *Ходарёнок М.* Гарантия устойчивости стратегических сил сдерживания // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 102–104.
- ¹⁸ До этого я неоднократно обращал внимание на эти обстоятельства в разных работах достаточно подробно. См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос.

Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

¹⁹ А. Дел Вал. Истинные враги Запада: как они отвергли Россию и поощряют исламизацию открытого общества / пер. Ю. Линника. — Париж, 2016.

²⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

²¹ См., например: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберёзкин. Центр Военно-политических исследований; АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.

²² *Лиддел Гарт, Бэзил.* Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 451.

²³ Определённая часть работы применительно к России была сделана в книге автора: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

²⁴ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — №5. — С. 19–35.

²⁵ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan., 2018. — P. 11.

²⁶ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

²⁷ Этой проблеме была посвящена серия моих статей в различных журналах. См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6, а также: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3 и др.

Глава I.
**ЧТО ЕСТЬ: Стратегическое
сдерживание традиционными
средствами**

... при осуществлении стратегического сдерживания к военной силе следует прибегать лишь в случаях, когда возможности других средств действительно исчерпаны. Ибо угрозам надо не только противодействовать, но и делать все возможное, чтобы предотвращать их...¹

*М. Гареев,
генерал армии*

Стратегическое сдерживание в современном и несколько упрощенном понимании — политика, осуществляемая военными (преимущественно ядерными) средствами в целях предотвращения войны. В США подчеркивается, что ядерное оружие (ЯО) применяется в случае «провала» политико-дипломатических средств².

Но, как уже говорилось выше, подобный подход, вполне устраивающий политиков (из-за его неопределённо широкого понимания) и военных, не вполне устраивает общественность, которая хотела бы быть уверена в том, что случайность не сможет привести к катастрофе. На самом деле это наивное ожидание — беспочвенно. Как говорил бывший министр обороны США У. Перри, мы были десятки раз на волосок от применения «случайно» ЯО. И если этого не произошло, то это тоже было случайно.

Тем не менее, сдерживание, как предмет обсуждения, стало модным предметом дискуссий, а это короткое определение уже стало недостаточным во втором десятилетии нового века. В том числе и в России, но применительно не к ядерному сдерживанию, а сдерживанию силового давления со стороны Запада.

На «простой» вопрос: сколько ВВСТ и ВС надо, чтобы обеспечить безопасность России, ответить, на самом деле трудно.

За пять лет Вооруженные силы России получили: 80 межконтинентальных баллистических ракет; 102 баллистические ракеты подводных лодок; три ракетных подводных крейсера стратегического назначения «Борей»; 55 космических аппаратов; 3 237 танков и других боевых бронированных машин; более одной тысячи самолетов и вертолетов; 150 кораблей и судов; 6 подводных лодок, 13 береговых ракетных комплексов «Бал» и «Бастيون».

Это позволило перевооружить 12 ракетных полков на комплекс «Ярс»; 10 ракетных бригад — на комплекс «Искандер»; 12 авиационных полков — на МиГ-31БМ, Су-35С, Су-30СМ, Су-34; 3 бригады армейской авиации и 6 вертолетных полков — на Ка-52 и Ми-28; 16 зенитных ракетных полков — на зенитную ракетную систему С-400; 19 дивизионов — на комплекс «Панцирь-С»; 13 дивизионов — на ракетные комплексы «Бал» и «Бастيون».

Впервые за историю новой России по периметру нашей границы создано сплошное радиолокационное поле системы предупреждения о ракетном нападении.

Оснащенность армии и флота современным вооружением достигла 59,5%. В стратегических ядерных силах уровень современности составляет 79%, в Сухопутных войсках — 45%, в Воздушно-космических силах — 73%, в Военно-Морском Флоте — 53%.

Бесценный боевой опыт в Сирии получили более 48-ми тысяч военнослужащих Российской армии. 80% экипажей оперативно-тактической и 90% армейской авиации имеют от 100 до 120 боевых вылетов. Экипажи дальней авиации получили практику нанесения ударов по важным объектам боевиков. Всего авиацией ВКС России за два года совершено 34 тысячи боевых вылетов. Впервые в боевых действиях участвовали летчики корабельной авиации с тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов». Ими выполнено 420 боевых вылетов.

По наиболее важным объектам боевиков применялись высокоточные ракеты большой дальности «Калибр» и Х-101, «Искандер», «Точка-У» и Х-55. Кораблями и подводными лодками нанесено 100 ударов, а самолетами стратегической авиации — 66 ударов на дальность от пятисот до полутора тысяч километров. Каждая ракета поразила назначенную цель.

Зенитные ракетные системы С-400 «Триумф», С-300В и ЗПК «Панцирь» совместно с истребительной авиацией обеспечили полное превосходство наших Воздушно-космических сил в сирийском воздушном пространстве.

В сирийской операции было апробировано **двести пятнадцать видов вооружений**. При их боевом применении выявлено семьсот два недостатка и недоработки, 99% из которых уже устранены³.

Логика размышлений такова: концепция стратегического сдерживания лежит в основе Стратегии национальной безопасности России, утвержденной в качестве документа в очередной редакции Указом Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 года, которая, в свою очередь, сама является «основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»⁴.

При этом пояснение относительно собственно концепции стратегического сдерживания в документе ограничены только двумя статьями Стратегии национальной безопасности России в редакции 31 декабря 2015 года — №34 и №35, — в которых говорится следующее (целесообразно привести эти выдержки целиком), на которые я уже обращал внимание в прежних работах, говоря о необходимости пересмотра концепции стратегического сдерживания⁵:

Статья № 34: «Достижение стратегических целей **обороны** страны осуществляется в рамках реализации военной политики **путём стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов**, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны»⁶. Речь идёт, таким образом, во-первых, только об обороне страны и, во-вторых, только о применении Вооружённых Сил РФ и других войск «в рамках реализации военной политики». Между тем резкое расширение спектра средств и мер силовой политики западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ) и военно-политической коалиции не находит своего адекватного отражения в концепции стратегического сдерживания, которая остаётся на уровне военных и военно-технических угроз и опасностей⁷.

Иными словами, не военные силовые средства и меры политики не являются частью стратегического сдерживания. Ниже, в Статье № 36, добавляется, что «в целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные **на предотвращение применения военной силы** в отношении России, защиту её суверенитета и территориальной целостности»⁸. Иными словами, невоенные меры рассматриваются в качестве инструментов «обеспечения» стратегического сдерживания, т.е. предотвращения применения военной силы, а собственно военная сила («ядерное сдерживание» и другие войска в готовности к боевому применению) — «осуществляют» — стратегическое сдерживание⁹.

Таким образом, Стратегия национальной безопасности России рассматривает стратегическое сдерживание как военную политику недопущения и предотвращения войн, а не как политическую концепцию защиты национальных интересов и системы ценностей России. Из неё достаточно определённо следует, что стратегическое сдерживание ограничено только вопросами военной безопасности и не распространяется на другие области, хотя не военные средства и меры государства и «разрабатываются и реализуются». По аналогии с американской терминологией, эту политику можно назвать «сдерживанием, посредством ядерного устрашения» («deterrence»), которая существовала все послевоенные годы и сохранила свои черты до настоящего времени. Поэтому в Стратегии национальной безопасности России стратегическое сдерживание рассматривается как концепция недопущения, т.е. предотвращения войн и конфликтов военными средствами и мерами (прежде всего ядерными), оставляя «за скобками» другие области силового противоборства, которые становятся средствами «обеспечения»¹⁰.

Между тем именно не военные области силового противоборства стали главными областями противоборства между ЛЧЦ, государствами и их коалициями с конца XX века, прежде всего, потому, что риски вооруженного столкновения, когда практически все ЛЧЦ обладают ЯО и средствами его доставки, экономические, морально-политические и иные издержки стали чрезвычайно высоки¹¹. Даже конфликт с КНДР

США показал, что опасность вооруженного столкновения превратилась в очень высокую степень риска, на которую Вашингтон был не готов пойти в 2017–2018 годах.

2 марта 2018 года на своей странице в Twitter президент США Дональд Трамп написал, что «...торговые войны — это благо, и в них легко побеждать». Одним из постулатов «трампономики» является признание факта, что на глобальном рынке у США не партнёры, с которыми нужно сотрудничать, а соперники, с которыми придётся конкурировать, отстаивая американские экономические интересы. Для мировой торговли, оцениваемой в 55% глобального ВВП, и для многосторонних торговых договоров такое отношение будет иметь весьма негативные последствия¹².

Больше всего пострадают от потенциальной торговой войны страны-экспортёры, у которых экспорт в США товаров с добавленной стоимостью высок в процентном отношении к ВВП, существует высокая доля обрабатывающей промышленности в национальном производстве и большой профицит в торговле с США. В абсолютном выражении на Китай приходится около половины всего дефицита США, за ним следуют Япония, Германия и Мексика. Судя по торговой статистике, от протекционистской политики Трампа также пострадают Канада, ряд стран ЕС, Бразилия, Южная Корея, Турция и Россия.

Соединённые Штаты могут сосредоточиться на сфере услуг. В 2017 году США экспортировали услуг на сумму \$778 млрд., а импортировали только на \$534 млрд. Это создало положительное сальдо в размере \$244 млрд. Роялти и лицензионные сборы дали профицит в \$75 млрд., услуги транспорта — \$55 млрд., ИТ-сервисы — \$53 млрд., финансовые и страховые услуги — \$45 млрд. Услуги составляют 23% мировой торговли, и в этой сфере США конкурентоспособны на мировом рынке, что помогает компенсировать дефицит в торговле потребительскими товарами.

Сокращение баланса ФРС США на сумму \$600 млрд. может в силу эффекта денежного мультипликатора сократить денежное предложение для внешнего финансового рынка на \$3 трлн. Повышение ставок поможет привлечь в США триллионы долларов, необходимых для финансирования дефицита бюджета, так как сделает американский рынок облигаций привлекательным на фоне нулевых и отрицательных ставок

в ЕС и в Японии, но одновременно может обрушить долговые рынки по всему миру и вызвать финансовый кризис за пределами США. Иностранцы владеют 42% всех Казначейских облигаций США, но китайские и японские инвесторы и банки в последние месяцы продают облигации Казначейства США: их доля в структуре долгового рынка США постоянно снижается¹³.

Именно на огромное экономическое, технологическое и политико-дипломатическое превосходство западной военно-политической коалиции был сделан акцент в политике западной ЛЧЦ в последние десятилетия в форме концепции политики «силового принуждения». По сути дела это продолжение политики «сдерживания» («containment»), проводившейся Западом после Второй Мировой войны, но в ещё более агрессивной, силовой форме, ведь «сдерживание коммунизма» уже не было необходимости.

Эта политика окончательно оформилась при Б. Обаме в последние годы существования его администрации и была несколько модернизирована при Д. Трампе. Цель такой политики — «силового принуждение» правящей российской элиты к проведению такого политического курса, который устраивал бы правящие круги западной ЛЧЦ, включая десувенинизацию, отказ от национальных интересов и ценностей и даже смену руководства страны¹⁴. В наиболее лаконичной и конкретной форме она выражается в требовании отстранить от власти В.В. Путина (и его окружение), что отчётливо проявляется, например, в характере и направленности санкций против России в 2014–2018 годы.

Наиболее опасным, но и наиболее вероятным и перспективным вариантом развития военно-политической обстановки будет вариант, в котором предусматривается полномасштабное применение всех средств публичной и официальной дипломатии западной ЛЧЦ против России, а именно и прежде всего невоенных средств и мер¹⁵. Этот вариант считается также самым безопасным и эффективным с точки зрения использования военной силы¹⁶.

В этой связи становится, на мой взгляд, очевидным, что старая парадигма стратегического сдерживания не отражает новых военно-политических реалий. Даже само определение «стратегическое сдерживание» требует принципиальной переоценки. Это уже не только предотвраще-

ние войны, но и защита национальных интересов¹⁷. Вместе с тем в рамках этой новой парадигмы возможна разработка и эффективной системы мер силового противоборства и противодействия политике «силового принуждения» США¹⁸. В частности, как минимум, по трем стратегическим направлениям, например, дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в США и других странах западной коалиции:

- в области межнациональных, межрасовых отношений;
- в области социальных и социально-экономических отношений;
- в области межрелигиозных и межконфессиональных отношений.

Очевидно, что такой подход требует коренного пересмотра Стратегии национальной безопасности России, но, прежде всего, если начинать «по порядку», он потребует решения задач политико-идеологического и стратегического характера в отношении развития России.

1.1. Национальная безопасность и стратегическое сдерживание

... перед стратегией не обязательно ставится только одна цель: добиться военного разгрома противника...
(правительство А.П.) может поставить перед собой стратегические задачи более ограниченного масштаба¹⁹

*Лиддл Гарт,
военный теоретик*

Стратегическое сдерживание в традиционном понимании — концепция достаточно узкого, ограниченного масштаба, цель которой предотвратить военное (прежде всего ядерное) нападение. Во всяком случае, к этому сводится большинство заявлений политических руководителей современности — от Д. Трампа до В.В. Путина, — которые в 2018 году несколько раз комментировали своё отношение. При этом такие комментарии, как правило, вызвали новые комментарии, требовавшие уточнений и дополнительных комментариев. Как это случилось, например, на встрече в октябре 2018 года в Сочи в клубе «Валдай» В.В. Путина, где он заявил только об ответном ударе ядерным оружием.

В США к концепции сдерживания ещё более неопределённое отношение. Так, в саммари «Национальной оборонной стратегии», опубликованной в январе 2018 года, говорится об использовании военной силы только в случае «провала сдерживания»²⁰, что является заведомой ложью — против Сирии, а до этого Ирака и Югославии военная сила применялась США вне всякого контекста «провала сдерживания».

Таким образом, в отношении между США и Россией, когда речь идет о сдерживании и, особенно, ядерном сдерживании, существует много неопределённостей и, вероятно, сознательно напущенного тумана. На мой взгляд, это вполне объективно — никто и никогда не сможет гарантировать, как и когда, а тем более каким образом может быть использовано ЯО, причём не только в стратегических вариантах, но и в тактических. Да и неядерное, ВТО, кибернетическое, космическое, гиперзвуковое и пр. оружие не будет использовано, как показывает вся история войн, в соответствии с некими правилами.

В этом смысле стратегическое сдерживание является частной концепцией, которая не отвечает не только за эффективность внешней, но и даже военной политики, более того, даже военной стратегии на конкретном ТВД. В политическом сознании, однако, укоренилась точка зрения, в соответствии с которой стратегическая мощь России способна решить большинство международных проблем, если даже ни все проблемы национальной безопасности. Иногда в общественном мнении складывается впечатление, что национальная безопасность и стратегическое сдерживание — синонимы, что абсолютно не соответствует действительности. Не секрет, что споры о военной доктрине и военной стратегии России усилились в последние годы не только в связи с ростом актуальности угроз, но и с определённой неясностью в намерениях нашей страны, которые порой, как представляется, создаются сознательно.

Эти намерения, на мой взгляд, не ясны и самой правящей элите, которая всячески уходит от обсуждения политико-идеологических проблем в финансово-бухгалтерскую «конкретику», что неизбежно оставляет нерешенными массу вопросов, связанных со Стратегией национальной безопасности России, её Военной доктриной, Концепцией внешней политики и другими политическими документами стратегического плани-

рования, которые рассматриваются в лучшем случае в качестве нормативных и малозначимых актов²¹.

Так, например, можно согласиться с Дмитрием Верхотуровым, который сформулировал проблему современной военной доктрины России таким образом: Военная доктрина заканчивается там, где начинается обмен ядерными ударами, а она должна с этого места начинаться. Необходимы «варианты модификации военной доктрины», которые отражали бы реалии, а не строились на предположениях, которые ничем не подкреплены. План вероятной войны все же должен доходить до конца и предусматривать достижение военной победы над вероятным противником. В другом случае план вероятной войны представляет собой стопку бесполезной бумаги, хотя и украшенной грифами секретности.

Действительно, существующая Стратегия национальной безопасности России, утверждённая в конце 2015 года, очень слабо отражает реальные угрозы, сформировавшиеся в последние годы, делая акцент на военных угрозах и опасностях в то время как силовое давление нарастает, прежде всего, по направлению использования тех сил и средств, которые мы традиционно привыкли называть «мягкой силой». Это, кстати, в полной мере относится не только к России, но и другим ядерным державам. Особенно тем, как странам-членам западной коалиции, которые активно ищут новые средства и способы применения силы в условиях сохранения ядерного сдерживания. Появляются всё более экзотические и опасные концепции.

Так, в октябре 2018 года в США и Великобритании одновременно зазвучали политические требования усилить возможности «силового принуждения» в отношении России в самых разных областях — от дополнительного размещения войск вдоль российских границ до применения кибероружия²². 7 октября военное командование Великобритании заявило, что оно готово к тому, чтобы осуществить кибератаку против Москвы и оставить российскую столицу без электроэнергии в случае нападения РФ на одну из стран Запада. По его утверждению, в условиях, когда Великобритании недостает обычных оборонных ресурсов, чтобы противостоять «агрессии Кремля», чиновники британского правительства «покаялись активизировать наступательный киберпотенциал, включая способность выключать свет в Кремле».

Такой сценарий, как сообщает собеседник издания, предоставит Союзенному Королевству больше вариантов действий при условии, «если [президент РФ] Владимир Путин прикажет российским войскам либо «захватить маленькие острова, принадлежащие Эстонии», чтобы проверить, насколько серьезной выглядит приверженность НАТО соблюдать статью 5 своего устава (в которой утверждается, что вооруженное нападение на одну страну блока рассматривается как атака на весь блок), либо «совершит вторжение в Ливию, чтобы получить контроль над нефтяными резервами и спровоцировать новый миграционный кризис в Европе», либо «использует нерегулярные формирования, чтобы осуществить нападение на британские войска или создать угрозу новым британским авианосцам».

Между тем, как показывает политическая практика, в 2014–2018 годы России приходилось сталкиваться именно с проблемами силового давления со стороны западной военно-политической коалиции (санкции, информационные провокации, высылки дипломатов, спортивные провокации, «дело Скрипалей» и пр.), в которых собственно ядерному оружию и даже использованию военной силы уделялось минимум внимания.

И, наоборот, даже в тех случаях, когда возникали проблемы военно-политического характера (обстрелы в Сирии, сбитые самолеты и т.д.) они перерастали в политико-информационное или политико-дипломатическое противоборство. Успех или неудачи в таком противоборстве обеспечивались, прежде всего, наличием и использованием не военных инструментов силовой политики, которые входят традиционно в перечень сил и средств так называемой политики «мягкой силы».

Надо признать, что в самые последние годы Запад был вынужден пересмотреть своё отношение к возможностям России в этой области. Если ещё до недавнего времени они рассматривались как сверхмалые, на грани того, чтобы с ними считаться, то опыт противоборства последних лет показал, что в России умеют быстро учиться. Прогресс, конечно, не достиг необходимого уровня, но тем не менее. В частности, ещё в 2016 году PR-агентство Portland представило традиционный рейтинг 30 стран по влиянию с использованием «мягкой силы». Престижным считается само лишь помещение страны в рейтинг.

Под термином «мягкая сила» в этом рейтинге понимается влияние государства на мировую политику посредством своей культуры, языка и других гуманитарных ценностей. Рейтинг агентства Portland рассчитывается на основании 7 основных критериев, среди которых 6 объективных (культура, образование, деловой климат, стандарты государственного управления, распространенность цифровых технологий, отношения с другими странами), а также данные социологических опросов.

Первое место заняли США, сместив на вторую позицию Великобританию — лидера прошлого года. Среди самых влиятельных стран, использующих для своего доминирования во внешней политике «мягкую силу» — также Германия, Канада и Франция. Япония заняла 7, Китай — 28 место. Израиль в список не попал. Нет в списке ни одной мусульманской страны²³.

Однако Soft Power 30 этого года принес неожиданность — впервые в список попала Россия, заняв в нем 27-е место. Успех принесли показатели влияния «мягкой силы» в области культуры — Эрмитаж, Большой театр, Чехов, Достоевский, Малевич, Чайковский и Булгаков.

На глобальное восприятие России повлияло также ее участие в борьбе с террористами в Сирии. При этом авторы рейтинга не преминули отметить — проявления «жесткой силы» в России гораздо более заметны, чем проявления «мягкой силы». По распространенности цифровых технологий Россия оказалась на 11 месте, по культурному влиянию — на 14, по международным отношениям — на 8, по качеству образования — на 20.

Но получила низкие оценки по деловому климату (27 место), системе госуправления (30), а также по итогам опроса, проведенного среди граждан других государств (30).

Положительно оценены затраты России на средства массовой информации и усилия ее дипломатов. Отрицательно — высокий уровень коррупции и дискриминация меньшинств в стране. В любом случае, попав в Soft Power 30, Россия значительно продвинулась в мировом восприятии стран.

Таким образом, можно констатировать, что Россия фактически стала использовать те же средства и способы не военного принуждения, которые использовались в последние десятилетия против неё. Но это

использование ещё только в самом начале процесса, оно требует осмысления и организационных мер в целях повышения своей эффективности, а также нормативного закрепления. Количественно, можно оценить его по 100 бальной шкале как уже не ноль, но ещё далеко не 100, даже не 75 баллов.

1.1.а). Стратегическое сдерживание и военно-политическая обстановка в мире

Современное состояние политики сдерживания России-НАТО — нестабильно и опасно. Частью этой проблемы является различное понимание сдерживания, которое сложилось в России и НАТО²⁴

*Авторы доклада
«Россия и НАТО: как преодолеть нестабильность сдерживания?»*

Стратегическое сдерживание воспринимается и трактуется по-разному не только в мире, но и в России, где существует, казалось бы, традиционная доктринальная трактовка. Во многом это объясняется тем, что, не смотря на все ссылки и реверансы, странным образом сама Стратегия национальной безопасности России (которая должна лежать в основании любых стратегических документов, особенно документов стратегического планирования) не является такой основой ни для Концепции (Стратегии) социально-экономического развития, ни для бюджетного планирования, ни даже для Военной доктрины страны, хотя традиционные ссылки на неё и присутствуют²⁵.

Это ведёт к очевидному непониманию сути реальной, а не нормативной Стратегии национальной безопасности даже внутри страны. Прежде всего, с точки зрения целеполагания. Как следствие остаётся не вполне понятной и роль стратегического сдерживания и ядерного оружия. Так, некоторые российские авторы признают, что даже при поверхностном взгляде на нашу оборонную доктрину (которая, конечно, предусматривает предварительную разработку планов вероятной войны) становится вполне очевидно, что она как раз и является бесполезной бумагой. В ней указан конечный пункт планирования — нанесение массирован-

ного ядерного удара, а что будет потом, об этом ничего не сказано. Так, приверженность Договору СНВ от 2010 года неизбежно ведет уже сейчас к ослаблению возможностей СЯС РФ.

Американская сторона не выполнила ключевую преамбулу Договора о СНВ о «наличии взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями, возрастающей важности этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений и то, что нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений сторон».

Отсутствие механизма контроля за реализацией данной преамбулы обеспечивает развертывание системы глобальной ПРО США и ее региональных сегментов. Так, в рамках создания системы ЕвроПРО в Румынии приведен в готовность наземный противоракетный комплекс (ПРК) Aegis Ashore. К 2018 г. аналогичный ПРК с усовершенствованной противоракетой SM-3 будет развернут в Польше. На военно-морской базе (ВМБ) «Рота» (Испания) развернуты работы по оборудованию инфраструктуры для размещения кораблей ВМС США, оснащенных системой управления Aegis и противоракетами SM-3. Сами корабли, оснащенные системой Aegis, уже находятся на этой ВМБ.

При этом угрозу объектам СЯС ВС РФ представляет трансформация этих противоракет в ракеты средней дальности при условии доработки установок вертикального пуска (УВП) Mk 41, программного обеспечения и системы боевого управления. Также вполне объяснимо, что американцы добились включения пункта 7 Статьи 1 Договора: «Для целей настоящего Договора: а) ракета типа, созданного и испытанного исключительно для перехвата объектов и борьбы с объектами, не находящимися на поверхности Земли, не рассматривается как баллистическая ракета, на которую распространяются положения настоящего Договора». Специалисты подтверждают, что ракеты типа SM-3 элементарно могут быть переоборудованы под баллистическую ракету средней дальности, о чем неоднократно заявлял академик РАН Юрий Соломонов²⁶.

Добавлю, что не сказано по сути ничего и о том, как, какими способами и средствами будет развиваться конфликт до применения ЯО, а главное — какими средствами он может быть предотвращён, а ещё

раньше — какими силовыми средствами он будет развиваться до военной фазы и т.д. Другими словами, мы почти ничего не знаем о предварительных стадиях силового конфликта (таких, как сегодня), о том как он будет перетекать в военную фазу, а тем более как он будет развиваться на стадии применения массово ВТО и ЯО и после этого, ведь любая война, в конечном счёте, заканчивается переговорами о мире.

Это, естественно, не остаётся незамеченным на Западе, где почему-то трактуют стратегическое сдерживание как «интегрированное стратегическое сдерживание», направленное на принятие превентивных (?) действий с целью доминирования (!) на ранних стадиях конфликта, что может вызвать «быстрое и неконтролируемое развитие эскалации в ходе кризиса России — НАТО»²⁷.

Это непонимание ведёт к досадной недооценке опасности развития современной ВПО, когда рост военно-силовой эскалации в отношении России сопровождается, с одной стороны, снижением масштаба финансирования ВС и ОПК, а, с другой, массовыми пропагандистскими мероприятиями в духе известного фильма «Если завтра война». Между тем, ни внешний пацифизм, ни сокращение усилий на оборону на фоне их усиления у оппонентов, не укрепят безопасности. Они, кстати, не очень-то помогают развитию экономики: сокращение военного бюджета в 2018 году не повлияло на темпы роста ВВП.

Поэтому на повестку дня в 2018 году встает вопрос о переходе к мобилизационному сценарию развития в одном из его вариантов. Таких вариантов, которые способны интегрировать в себе решение задач укрепления безопасности и задач опережающего социально-экономического развития. Одновременно с разработкой такого варианта мобилизационного сценария необходимо рассмотреть сотни частных вариантов опережающего развития отдельных отраслей, подотраслей, корпораций и предприятий²⁸.

Самый «чистый» и гарантированный вариант обеспечения стратегического сдерживания заключается в победе в соревновании за качество НЧК и его институтов, которая автоматически трансформируется в «технологическом скачке» и сверхбыстрых темпах развития демографического и социально-экономических потенциалов. В итоге — взрывной рост творческой активности нации и достижение ею самых лучших показате-

телей в эффективности развития. Например, в качестве личного состава ВС и ВВСТ, что превращает вооруженную борьбу в противоборство с заранее известным результатом. Соответственно, такая «чистая» победа — наиболее труднодостижимый результат, требующий мобилизации усилий всей нации. Поэтому предлагаются многочисленные «простые» варианты.

Соответственно, в военно-технической сфере заметное место должно получить создание и опытное производство оружия и техники мобилизационного образца: наиболее простых, технологичных, изготавливаемых полукустарными методами из наиболее доступного сырья. В число военно-хозяйственных мер должно также входить освоение производства оборудования для небольших рассредоточенных предприятий военного назначения: всевозможные малогабаритные химические установки для производства топлива и военно-значимых материалов, металлообрабатывающие станки и комплексы, оборудование для производства патронов и снарядов и так далее. Если это будет сделано, то тогда есть шанс (не слабый) на то, что после долгой схватки американцы вынуждены будут или отступить, или же договориться²⁹.

Вариант второй, предусматривающий достижение военной победы над вероятным противником, состоит в коренном пересмотре военной доктрины и выработки весьма экстравагантной ее версии — «ядерной сверхвооруженности», когда угроза ядерного многократного уничтожения лишает смысла любое применение ядерного или неядерного оружия. По этому варианту же пробовали идти, когда создавали и испытывали «сверхбомбы» мощностью в 50 и более мегатонн. То, что от него отказались совсем не означает, что такой вариант категорически неприемлем. В конце концов, идея автоматического запуска ядерных ракет, выраженная в концепции «Периметр», существовала, что доказывает её приемлемость.

Если это будет сделано, то появляются шансы достичь военной победы над вероятным противником в глобальной схватке и переделать миропорядок в свою пользу. Несмотря на фантастичность этой экстравагантной версии военной доктрины, тем не менее, только она обещает достижение конечного военного успеха, полного разгрома и капитуляции противника.

В отличие от подобных рассуждений дилетантов, профессионалы-военные тщательно и скрупулёзно подходят к анализу. В частности, в одной из работ военных экспертов делаются очень взвешенные и долгосрочные по своему значению оценки. Для того чтобы иметь право сделать такие выводы авторы проделали большую работу, включая работу по созданию научно-методического аппарата (НМА) оценки состояния военной безопасности, который включает целый комплекс аналитических методик — оценки конфликтного потенциала намерений субъектов ВПО, военного потенциала противостоящего субъекта, влияния силового стратегического сдерживания РФ на ВПО, каждая из которых в свою очередь включает в себя целый ряд частных методик. Часть из них заимствованы авторами, но часть — оригинальны, разработанные специально в интересах исследования. Принципиальное значение, на мой взгляд, имеет построение авторами концептуальной модели национальной безопасности и модели формирования национальной и военной безопасности РФ³⁰.

Особенный интерес может вызвать раздел, посвященный формированию военно-политической обстановки, в котором авторы исследовали напряженность отношений между РФ и одним из субъектов ВПО, зависящей, прежде всего, от конфликтности военной политики оппонента и его военного потенциала. Предложенные подходы и методы аналитического исследования, безусловно, могут быть полезны, а сам подход — выбор показателя «обобщенный конфликтный потенциал» и «потенциал конфликта интересов» — обоснован³¹.

Представляет также интерес попытка классификации ВПО по масштабу (ВПО в мире, в регионе, в отдельной стране, в части страны), с которой, однако, можно поспорить. На мой взгляд, существует наиболее глобальная ВПО, в рамках которой, (как и в рамках глобальной МО) формируются региональные и страновые ВПО³², т.е. отдельные ВПО могут рассматриваться как часть от более общей. Так, глобальная ВПО характеризуется конфронтацией между Россией и западной военно-политической коалиции, которая вытекает из глобальной МО. Соответственно, региональная ВПО, например, в Передней Азии (в Юго-Восточном Средиземноморье и Ближнем Востоке) характеризуется преимущественно этими факторами, хотя наличие огромного

числа региональных и локальных субъектов и акторов существенно дополняет эту характеристику. Тем не менее, региональная ВПО, а тем более ВПО в стране, не может принципиально противоречить глобальной. А последняя формируется под влиянием цивилизационных и идеологических мегатрендов. Как заметил известный французский политолог А. Дел Вал, «Идеология исламистов представляет принципиальную угрозу самому существованию наших открытых обществ, независимо даже от терроризма как способа их борьбы с нами, коль скоро эта идеология противопоставляет себя всему социально-политическому устройству наших демократических систем, коль скоро она пытается оспорить законность западного плюралистического уклада и, как следствие, побуждает людей не подчиняться местным государственным законам во имя «шариата». Враждебность европейских исламистов открыто проявляется в тот момент, когда они начинают оспаривать принцип Макса Вебера о «монополии государства на законное принуждение», когда они отказываются становиться верными гражданами принявшей их страны, хотя и пользуются всеми благами ее открытости.

Прежде чем оценивать кого-то как «врага» или как «друза», вы должны задать себе следующие вопросы: какова природа угрозы, подвергающей опасности всё наше существование, наше мировоззрение и образ жизни, нашу цивилизационную сущность? Кто конкретно воплощает эту угрозу? в силу какого мировоззрения, какой идеологии или религии? И кто, в таком случае, наш главный враг? Постсоветская Россия, враждебная Североатлантическому Альянсу, а также другие государства (как союзные Москве, так и нет), которые не приемлют западное понимание демократии, — или радикальный исламизм, вынашивающий вполне определенные планы по завоеванию Европы и уже начавший их осуществлять захват Европы...»³³.

Этот спор носит отнюдь не только теоретический, но и прикладной характер. Так, в Сирии, например, влияние «внешних спонсоров» террористов — стран-участниц западной военно-политической коалиции, предопределяет весь процесс регионального развития ВПО, хотя, надо признать, некоторые эксперты отдают предпочтение большему влиянию местных факторов. Причём эти эксперты относятся как

к числу сотрудников МО РФ, так и числу ответственных сотрудников МИД³⁴.

Можно также согласиться и признать полезным попытку классифицировать ВПО на ВПО «мирного времени» и «военного времени», а также по степени изменчивости — на «стабильную», «нестабильную» и «переходную»³⁵, в соответствии с которыми предлагаются критерии напряженности ВПО и предприняты попытки их количественного анализа. Особенно интересна частная методика оценки эффективности невоенных мер снижения напряженности ВПО, основанная на политико-дипломатических отношениях субъектов ВПО в зависимости от их уровня, оцениваемого по специальной шкале.

Это особенно важно при возможном переходе от военных действий, которые ведутся без ЯО, к войне с ограниченным применением ЯО.

В настоящее время вопросы организации прикрытия авиационных и морских стратегических ядерных сил, как в пунктах базирования, так и при выполнении ими боевых задач решены в теоретическом и практическом аспектах. Относительно прикрытия объектов Ракетных войск стратегического назначения высказываются различные взгляды, поэтому в статье основное внимание уделяется именно этим войскам. В них сосредоточена основная часть ядерных боезарядов и весь потенциал ответно-встречного удара.

Конструкторские решения, организация применения сил и средств Ракетных войск направлены на реализацию способности к «глубокому» ответному удару. Но в задачу воздушно-космической обороны традиционно входит и обеспечение Верховного главнокомандования информацией для реализации ответно-встречного удара. Для этого в ходе строительства ВКО РФ осуществляется процесс совершенствования космического и наземного эшелонов СПРН для гарантированного предупреждения об ударе баллистических ракет.

Имеющиеся на вооружении США маловысотные малозаметные ядерные крылатые ракеты при современном состоянии радиолокационного поля РТВ создают угрозу нанесения скрытного «разоружающего» удара по потенциалу ответно-встречного удара — стационарным ракетным комплексам, которые находятся в готовности к пуску. Это качество в сочетании с высоким ядерным потенциалом и повышенной способ-

ностью по преодолению ПРО, определяет их приоритет для агрессора. Наиболее опасны крылатые ракеты при возможном обмене сторонами ограниченными ядерными ударами на этапе перехода России к применению ядерного оружия первой после безъядерного периода в ситуациях, критических для национальной безопасности.

Для устранения угрозы предлагается вокруг некоторых позиционных районов РВСН отдельного старта развернуть локальные маловысотные радиолокационные полосы предупреждения об ударах крылатых ракет (рис. 1). Предупреждение должно согласовываться с возможностями СПРН об ударах баллистических ракет и позволять ограничить реализуемыми рамками потребности в радиолокационной технике и личном составе РТВ.

Наращивание боевой устойчивости Ракетных войск стратегического назначения предполагает их огневую защиту силами воздушно-космической обороны. При этом мы полагаем, что агрессор для обеспечения безнаказанности должен стремиться поразить в «разоружающем» ударе с высокой надежностью все МБР, в том числе и прикрытые оборонной и проверить возможность выполнения этого требования многочисленными расчетами. Задача его ПРО — компенсировать ошибки в разоружении СЯС РФ, неизбежные при любой реализации.

При этом фундаментальное значение приобретает эффект обороны «группового объекта». (Таблица 1.1.)

Таблица 1.1 Результаты оценки эффекта обороны «группового объекта»

Огневые возможности обороны (МОЖ числа уничтоженных зарядов)	Прикрывается 30 ПУ		Прикрывается 90 ПУ	
	Прирост наряда	Боевой наряд	Прирост наряда	Боевой наряд
Оборона отсутствует	0	60	0	180
4	25	85	43	223
12	44	104	73	253
20	58	118	86	266
40	91	151	142	322

Полигонный наряд на одну ПУ — два боеприпаса.
Вероятность поражения ПУ одним боеприпасом — 0,95.

Определённое теоретическое и методологическое значение имеет обращение авторов к очередной попытке оценить состояние военного потенциала государств, которая вызывала многочисленные споры. Эта попытка предназначена для получения количественных оценок состояния военного потенциала государства относительно ситуации на глобальном и региональном уровне. Авторы выделяют ряд показателей³⁶, которые сознательно ограничивают по их количеству наиболее важными, полагая, что в каждой из групп достаточно по 3–8 показателей, что, на мой взгляд, недостаточно³⁷. Я не предлагаю (как это делается в некоторых исследованиях ООН, где присутствует более 200 показателей и критериев) сделать численность таких показателей чрезмерной, но современные возможности сбора и обработки информации вполне позволяют увеличить численность таких показателей до нескольких десятков, даже сотен и тысяч³⁸. Так, рассматривая показатель военно-экономического потенциала, авторы используют 6 показателей³⁹, один из которых — ВВП страны — требуется конкретизировать и дополнить такими понятиями, как наукоёмкость, производительность труда, объёмы приборостроения и т.д., включая показатели бюджета и внешней торговли⁴⁰.

Особенный интерес вызывает попытка авторов сценарного планирования развития МО и ВПО, которой уделяется в работе значительное внимание, и которое особенно актуально в последние годы⁴¹. В частности, авторы выделяют в качестве наиболее вероятных следующие: «Жёсткая глобализация», «Умеренная глобализация», «Биполярность 2.0», «Возвышение Китая», «Регионализация» и «Хаос», которые рассматриваются под различными углами зрения и с точки зрения наибольшей вероятности их реализации⁴². В целом я согласен с основными направлениями исследования и анализа, прежде всего выводом относительно возможности построения реалистических моделей и прогноза, получения «объективного и достоверного результата... прогнозирования МО и ВПО», сделанных авторами работы, хотя в ряде случаев и использую другие методологические приёмы⁴³.

Наконец, для многих интересна и особенно актуальна будет третья часть исследования, посвященная основам методологии ресурсно-экономического обеспечения строительства и развития военной органи-

зации Российской Федерации, в частности, влиянию основных внешних факторов и последствий развития различных военно-политических сценариев⁴⁴. В частности, когда речь идёт об использовании совокупности методик, построенных на основе динамической стохастической модели общего равновесия макроэкономического анализа и прогнозирования для военного планирования (ДиСОР МАП ВП).

1.1.б). Стратегическое сдерживание и стратегическая стабильность

В этой связи приобретают исключительно важное значение такие понятия как «стратегическое сдерживание» и «стратегическая стабильность», которые становятся центральными в стратегии национальной безопасности России до 2024 года. Стратегическое сдерживание отнюдь не гарантировало стратегическую стабильность в период после 1990 года. Наоборот. В эти годы войны стали нормой, а применение ВТО — характерной чертой политики новой западной коалиции.

США приступили к формированию широкой коалиции для борьбы с ИГ. На полях саммита НАТО, прошедшего 4–5 сентября 2014 г. в Уэльсе (Великобритания), государственный секретарь США Джон Керри встретился 5 сентября в узком кругу с главами внешнеполитических ведомств Великобритании, Франции, Германии, Канады, Австралии, Турции, Дании и Италии. В ходе состоявшейся дискуссии Керри настоятельно просил оказать США военную и финансовую помощь в борьбе с ИГ на территории Ирака и Сирии, каковая была ему обещана в виде участия континентов вооружённых сил указанных стран в воздушной кампании против ИГ и в материально-техническом обеспечении противостоящих ИГ сил в регионе. Уже 10 сентября президент США Б. Обама объявил о формировании широкой международной коалиции с целью «ослабить и в конечном итоге уничтожить» ИГ. К концу 2014 г. К коалиции присоединились более 60 государств и международных организаций. Однако военный аспект борьбы с ИГ в одной из двух форм — нанесение авиационных ударов по объектам ИГ, подготовка и оснащение формирований, ведущих вооружённую борьбу

с террористами — либо в обеих формах затронул лишь 22 государства. Участие же в воздушной кампании против ИГ приняли 15 стран.

Официально о своем участии в совместных авиационных ударах заявили союзные США государства⁴⁵:

- Франция — 18 сентября (Operation Chammal);
- Нидерланды — 24 сентября;
- Бельгия — 26 сентября (Operation Desert Falcon);
- Великобритания — 26 сентября (Operation Shader);
- Дания — 2 октября;
- Австралия — 3 октября (Operation Okra);
- Канада — 7 октября (Operation Impact);
- Италия — 17 октября (Operation Prima Parthica).

К возглавляемой США многонациональной коалиции присоединились также:

- Турция (24 июля);
- Иордания (23 сентября);
- Саудовская Аравия (23 сентября);
- ОАЭ (23 сентября);
- Катар (23 сентября);
- Бахрейн (23 сентября);
- Марокко (26 ноября).

Координация действий союзников была возложена на командующего Объединенным центральным командованием вооруженных сил США (U.S. Central Command, CENTCOM) генерала Ллойда Остина. Примечательно, что первые два месяца воздушная кампания США против ИГ не имела традиционного условного наименования и лишь 16 октября получила таковое — операция Inherent Resolve (OIR)⁴⁴². На следующий день, 17 октября, министерство обороны США официально объявило о создании многонационального межвидового оперативного соединения, призванного решать задачи вооруженного противоборства с ИГ, — Combined Joint Task Force — Operation Inherent Resolve (CJTF-OIR).

В состав авиационного компонента многонациональной коалиции для борьбы с ИГ вошли:

- от **ВВС США** — около 90 пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов боевого компонента (истребители, бомбардировщи-

ки, штурмовики, ударные БЛА и т.п.) и около 190 пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов компонента боевого управления и боевого обеспечения (самолеты дальнего радиолокационного обнаружения, самолеты боевого управления и целеуказания, самолеты радиоэлектронной борьбы, самолеты радиоэлектронной разведки, военно-транспортные самолеты, самолеты-заправщики, разведывательные БЛА и т.п.;

- от **ВМС и Корпуса морской пехоты США** в зоне ответственности CENTCOM на ротационной основе постоянно находилась авианосная многоцелевая группа с авиакрылом в составе 44 истребителей, 10 самолетов радиоэлектронной борьбы, четырех самолетов дальнего радиолокационного обнаружения, двух транспортных самолетов и 18 вертолетов, а также амфибийно-десантная группа с усиленной смешанной авиаэскадрильей в составе восьми штурмовиков, 12 конвертопланов и 11 вертолетов;
- от **сухопутных войск США** — боевые вертолеты и ударные БЛА;
- от **ВВС Великобритании** — 16 истребителей, 10 ударных БЛА, самолет дальнего радиолокационного обнаружения, самолет боевого управления и целеуказания, два самолета радиоэлектронной разведки, два самолета-заправщика, четыре военно-транспортных самолета и четыре транспортных вертолета;
- от **ВВС Франции** — от шести до девяти истребителей, самолет дальнего радиолокационного обнаружения, самолет-заправщик, военно-транспортный самолет;
- от **ВМС Франции** — в зоне боевых действий эпизодически находилась авианосная многоцелевая группа с авиакрылом в составе 24 истребителей, девяти штурмовиков, двух самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и трех вертолетов, а также базовый патрульный самолет;
- от **ВВС Австралии** — шесть истребителей, самолет дальнего радиолокационного обнаружения, самолет-заправщик;
- от **ВВС Канады** — шесть истребителей, два базовых патрульных самолета, самолет-заправщик, два военно-транспортных самолета;
- от **ВВС Дании** — семь истребителей и военно-транспортный самолет;

- от **ВВС Нидерландов** — шесть истребителей (и еще два в резерве), самолет-заправщик;
- от **ВВС Бельгии** — шесть истребителей и военно-транспортный самолет;
- от **ВВС и армейской авиации Италии** — четыре истребителя (или штурмовика), самолет-заправщик, военно-транспортный самолет, два разведывательных БЛА и боевые и транспортные вертолеты;
- от **ВВС Германии** — неустановленное количество самолетов радиоэлектронной разведки и самолет-заправщик;
- от **ВВС Польши** — четыре истребителя;
- от **ВВС Турции** — 70 истребителей;
- от **ВВС Иордании** — шесть истребителей;
- от **ВВС Марокко** — шесть истребителей;
- от **ВВС ОАЭ** — четыре истребителя, самолет-заправщик, военно-транспортный самолет;
- от **ВВС Саудовской Аравии** — четыре истребителя, самолет-заправщик, военно-транспортный самолет;
- от **ВВС Бахрейна** — два истребителя;
- от **ВВС Катара** — два истребителя.

Выделенные в состав коалиции контингента ВВС Германии, Италии и Польши предназначались исключительно для решения задач воздушной разведки⁴⁶.

«Стратегическое сдерживание» — это, на мой взгляд, в современном понимании — политическая стратегия, способная обеспечить защиту основных систем ценностей и интересов нации и государства от внешних угроз и опасностей⁴⁷. Она отнюдь не ограничена только применением военных средств и способов, более того, она предполагает самое широкое использование всех средств и всех способов, как имеющихся, так и разрабатываемых нацией, для защиты своих интересов.

«Стратегическая стабильность» — любимое детище наших демократически настроенных учёных, которые полагают, что это условие отношений гарантирует защиту национальных интересов, хотя это имеет к ним далеко не всегда прямое отношение. Так, известный учёный академик РАН А.А. Кокошин пишет: «С учетом новой политико-военной обстановки, развития технологий и систем вооружений важно сосредото-

точить внимание на условно узкой трактовке понятия «стратегическая стабильность», которая в первую очередь предполагает определенное состояние взаимодействия России и США в стратегической ядерной сфере с учетом, разумеется, фактора стратегической ПРО и стратегического неядерного оружия, а также нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО). Понятие «стратегическая стабильность» применимо и к взаимодействию сторон в силах и средствах общего назначения (обычных вооружений)⁴⁸.

Иными словами, это военно-техническое («узкое») условие сохранения стратегического равновесия, которое может совершенно не препятствовать ни нанесению ущерба безопасности нации и государства, ни его системы ценностей, ни фундаментальным интересам. Так, например, стратегическая стабильность не препятствует даже теоретически намерениям и действиям по внутривнутриполитической дестабилизации. Или такой политике, которая направлена, например, против отдельных граждан, даже если они и являются частью правящей элиты⁴⁹.

Чувствуя это, А.А. Кокошин пишет: «При этом надо иметь в виду, что существует и более широкая интерпретация стратегической стабильности, предполагающая фактически рассмотрение вопросов положения дел в системе мировой политики, в различных сегментах этой системы. Такая интерпретация, безусловно, имеет право на существование. Однако в нынешних сложнейших условиях продуктивное рассмотрение Россией и Соединенными Штатами широкой повестки дня (фактически связанной с динамикой изменений миропорядка) представляется весьма затруднительным. Это связано не только с конкретными разногласиями между РФ и США по проблемам международной безопасности, по оценкам обстановке в регионах мира, но с тем, что для России неприемлем тот миропорядок, который выстраивали США после завершения холодной войны и распада СССР»⁵⁰.

Другими словами, стратегическая стабильность допускает нанесение ущерба силовыми (военными) средствами при определённых условиях. «Стратегическую стабильность можно рассматривать как обеспечение политико-военных, оперативно-стратегических и военно-технических условий, минимизирующих опасность возникновения конфликтных и кризисных ситуаций, которые могли бы поставить вопрос о военных действиях с применением ядерного оружия».

По мнению А.А. Кокошина, «В основе стратегической стабильности в ее стратегическом ядерном измерении лежит неспособность каждой из сторон нанести упреждающий удар (или удар в назначаемое время), способный вывести из строя если не все, то подавляющую часть ядерных сил и средств другой стороны, которые могут быть использованы в ответном ударе возмездия. Стабильной ситуация считается тогда, когда страна-агрессор не может прикрыться своими средствами противоракетной обороны (ПРО) от ответного удара возмездия (наносящего «неприемлемый» ущерб) стороны, подвергшейся нападению».

При этом А.А. Кокошин как-то забывает, что политических целей, причём решающих, можно добиться и при помощи невоенных средств. В этом случае сами по себе СЯС не играют никакой роли — «поражение СССР в холодной войне» было достигнуто США без единого выстрела, не говоря уже об угрозе применения ядерного оружия.

На мой взгляд, проблема стратегической стабильности в настоящее время потеряла свою актуальность как предмет переговоров. Во-первых, потому, что США в принципе стали признавать только те переговоры, на которых они могут рассчитывать на уступки (а лучше — капитуляцию). Во-вторых, сам ядерный баланс перестал быть актуальным, ибо потерял свою универсальность: сегодня гиперзвуковое ВТО, космическое, ЭМИ-оружие могут быть более эффективными, чем ЯО. Поэтому тезис А.А. Кокошина, ставший традиционным для обоснования важности стратегической стабильности — «Для российских СЯС это сочетание неуязвимости, высокой степени выживаемости всех трех компонентов сил и средств сдерживания со способностью преодолевать ПРО противника. То есть речь идет о невозможности обеспечения обезоруживающего «первого» удара американскими ядерными и неядерными средствами по российским СЯС с нейтрализацией ответного удара со стороны СЯС России средствами национальной (стратегической) ПРО США» — уже не столь актуален.

Вместе с тем остаются вопросы, которые вряд ли можно отнести к переговорной проблематике с западной коалицией. Стратегическая стабильность предполагает полную подконтрольность всех средств поражения высшему государственному руководству и военному командованию в целях предотвращения случайного и несанкционированного ис-

пользования ядерного оружия (начиная с тактического). Это в том числе предусматривает надежную защиту от кибератак противника (или какой-либо третьей стороны), систем боевого управления, сохранение в руках высшего руководства всей полноты власти для принятия решений на ответные действия на основе объективных, надежных данных системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая состоит из двух эшелонов — космического и наземного. Первый — орбитальная группировка космических аппаратов обнаружения стартов баллистических ракет на высокоэллиптических и геостационарных орбитах.

Главный компонент наземного эшелона СПРН — радиолокационные станции дальнего обнаружения, причем «вклад первого (космического) и второго (наземного) эшелонов одинаково важен». По сигналам, поступающим от первого, должны приниматься предварительные решения по ответным действиям стратегических ядерных сил. Космический эшелон СПРН дает возможность существенно увеличивать время предупреждения о ракетном нападении и снижать уровень ложных тревог. По информации второго, наземного, эшелона принимаются окончательные решения о масштабе и способах применения СЯС.

«Надежное обеспечение стратегической стабильности — двусторонний, взаимный комплекс действий, динамический процесс (во многом это циклы «действия — контрдействия»). Одна из проблем — недопущение перехода противостояния к наиболее угрожающей ситуации, к потере управляемости обстановки, особенно к ситуации ядерного конфликта, когда встанет вопрос о применимости ядерного оружия. («Ядерный конфликт» — кризисная ситуация с вовлечением одного или нескольких обладателей ядерного оружия, в ходе которой напряженность во взаимоотношениях доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают использовать в явной форме это оружие в качестве инструмента политического давления. Высшая фаза ядерного конфликта означает его применение в различных масштабах — от единичных и групповых ударов до массированного использования ядерного оружия.)».

«Необходима максимизация усилий по снижению вероятности возникновения ядерной войны на сравнительно ранних этапах за счет недопущения и ограничения войн меньшего масштаба и просто вооруженных

конфликтов, в которые в разных формах могут вовлекаться государства, обладающие ядерным оружием. Для обеспечения стратегической стабильности важны политико-правовые меры, ограничение развития целого ряда технологий, систем вооружений — например, как было в бессрочном советско-американском Договоре об ограничении систем ПРО 1972 г.».

«Сейчас крайне важная и актуальная задача заключается в том, чтобы наладить диалог между Россией и США по проблемам стратегической стабильности. Этот диалог — даже в условиях неблагоприятного общего международно-политического контекста — за счет принятия ряда конкретных совместных мер может уменьшить вероятность войны с применением ядерного оружия. Внимание следует сосредоточить на широком спектре политико-военных, оперативно-стратегических и военно-технических вопросов с акцентом на проблемы обеспечения устойчивости стратегического ядерного баланса РФ-США. Предметом особой заботы должны стать и вопросы, связанные с минимизацией шансов эскалации тех или иных конфликтов, и меры по предотвращению случайных, несанкционированных действий»⁵¹.

В качестве закономерного и естественного результата проведенного комплексного исследования авторы обосновывают основные задачи перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации, в качестве которых они подчёркивают необходимость создания системы моделирования ВС РФ, информационного обеспечения взаимодействия ситуационных центров и особенностей мониторинга угроз национальной безопасности России⁵². Особенно акцентируют авторы своё внимание на необходимости создания системы поддержки принимаемых решений (СППР), обосновывая её функции, основные задачи и структуру, а также очерчивая строго те требования, которым она должна соответствовать⁵³.

Подытоживая, могу сказать, что рецензируемая работа представляет собой оригинальное, добросовестное и поисковое исследование, которое сегодня крайне необходимо при обсуждении и реализации планов военного строительства в долгосрочном периоде в связи с поручением Президента РФ правительству о подготовке соответствующего прогноза и плана развития до 2024 года, а также для стимула в активизации науч-

но-исследовательских работ в области стратегического прогнозирования и планирования.

Эта потребность носила вполне обоснованное практическое значение, которое вытекало из двух принципиальных соображений: первого — изменение в соотношении сил в мире, прежде всего, между ЛЧЦ и их коалициями (или центрами силы) далеко не всегда идет в пользу России, которой требуется поиск новых, асимметричных, а не зеркальных мер, для обеспечения безопасности; второго — усиление политики «силового принуждения» со стороны Запада уже фактически привело к состоянию не просто силового противостояния, а военно-силового противоборства, требующего срочного поиска как военных, так и не военных силовых средств и способов борьбы, повышающих эффективность политики безопасности России.

Очевидно, что как соображения, изложенные в первых трех книгах, так и предложения, сформулированные в заключительной части работы, носят субъективный и дискуссионный характер. Они не отражают ни позиции МГИМО, ни, тем более, МИД РФ, ни АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей», ни партнеров и сотрудников Центра военно-политических исследований (ЦВПИ). Как, впрочем, возможные и даже неизбежные неточности, ошибки и заблуждения самого автора.

Важно также добавить, что в четвертой, заключительной, книге я попытаюсь максимально конкретно с практической точки зрения рассмотреть вопросы эволюции ВПО и потребностей безопасности России, отсылая, по возможности, читателей к другим частям этой и других работ Центра⁵⁴.

Я выражаю свою глубокую признательность своим учителям и коллегам, в сотрудничестве с которыми развивался процесс подготовки этой работы, а также сотрудникам Центра военно-политических исследований МГИМО, без участия которых подготовить эту и другие работы было бы невозможно⁵⁵. ЦВПИ за 2013–2018 годы провел огромную работу, которая нашла свое отражение в десятках книг, научно-исследовательских работах, многих сотнях статей и комментариев в российских и зарубежных СМИ, множестве докладов и выступлений, презентаций и комментариев. Они во многом повлияли на формирование экспертного сообщества в России, составили тот общий интеллектуальный

фон, изначальную базу для развития исследований в военно-политической области, на основе которых во многом и была подготовлена эта работа.

1.1.в). Военно-силовые меры стратегического сдерживания: политическое и ядерное сдерживание

Военно-силовые (традиционные) средства и меры стратегического сдерживания вполне определённо описаны в Стратегии национальной безопасности России. Они включают в себя «ядерные силы и войска, готовые к боевому применению»⁵⁶. Их технологическое развитие в новых областях — космической, гиперзвуковой, лазерной и пр.- представляет огромную проблему потому, что каждый раз такая новая область становится критически важной для сохранения возможности стратегического сдерживания. В 2018 году определились такие новые области, как:

- создание гиперзвуковых ЛА;
- лазерное оружие;
- электромагнитное оружие;
- кибернетические операции;
- беспилотные ЛА;
- высокоточное и сверхмощное неядерное оружие.

«Исключительно важное значение в работе имеет определение сущности военных и невоенных мер, которые являются «комплексом мероприятий и действий, направленных на устранение противоречий между РФ и другими субъектами ВПО или снижение их конфликтности дипломатическими, политическими, информационными и экономическими мероприятиями»⁵⁷.

На мой взгляд, это очень узкое и не вполне точное определение: не военные (силовые) меры могут и являются средством не только военно-силовой политики, но и более широкой политики достижения национальных интересов, причём как оборонительных, защитительных, так и иных. Они приобретают всё более важное, иногда исключительное значение в современный период, не только «для устранения противоре-

чий», но и для достижения вполне конкретных политических целей. Так, использование военной силы и не вооруженных отрядов самообороны в Крыму и на Восточной Украине в 2014 году не являлось ни применением невоенной силы в ответ на военную угрозу, ни, тем более, использованием военной силы «в чистом виде». Асимметричность и гибридность силовых приёмов в политике в новом веке стало нормой, более того, неизбежностью⁵⁸.

1.1.г). Владимир Путин и правящая элита как цель политики «силового принуждения» западной коалиции

Именно в результате такого подхода авторы предлагают схему основных направлений невоенных мер, которые они соотносят исключительно с «парированием военных опасностей и угроз»⁵⁹. Между тем, не только «парирование военных угроз», но и продвижение национальных интересов и ценностей является функцией невоенных силовых инструментов политики. Так, например, утверждение (или изменение) тех или иных национальных норм и правил, их продвижение и закрепление в международном праве и политической практике возможно и необходимо, но без силовых инструментов — нереально. И в этом можно согласиться с авторами, утверждающими, что «особенность невоенных мер состоит в их конкретно-историческом содержании»⁶⁰. Как и с тем, что разработка таких мер должна проводиться заблаговременно. Более того, в реальной политике если этого не происходит, то государство стремительно начинает терять свои позиции в мире. Так, свёртывание с конца 80-х годов прошлого века в СССР и России своих инструментов силового невоенного применения в политике (фактическая ликвидация обществ дружбы, иностранных редакций, совместных проектов с женскими, молодёжными, профсоюзными и пр. организациями, отказ от работы с зарубежными институтами привели к тому, что среди всех многочисленных и порой очень эффективных невоенных инструментов политики остались только политико-дипломатические и небольшое количество СМИ, которые были уже не в состоянии со-

действовать продвижению системы ценности России за рубежом и привлекать союзников⁶¹.

К сожалению, авторы порой формально-традиционно относятся к политико-дипломатической практике как системе невоенных мер, имеющей относительно небольшое значение и постепенно уступающей позиции инструментам «новой публичной дипломатии»⁶², которые напротив в возрастающей степени влияют на формирование современной МО и ВПО. В качестве иллюстрации можно привести активность Д. Трампа в социальных сетях, которая нередко становится важнее всех усилий Государственного департамента США (не случайно тот запланировал его существенное сокращение). Переговорный процесс в области ограничения и сокращения вооружений и военной деятельности только в воспалённом мозгу М.С. Горбачёва играл какое-то самостоятельное политическое значение. На самом деле это — всегда всего лишь Средство, а не цель, инструмент политики, причём нередко военной политики, который для США имел смысл только в случае односторонних уступок и компромиссов со стороны СССР и России. То, что это было именно так, доказывает одно простое обстоятельство: как только Россия перестала делать односторонние уступки, весь переговорный процесс превратился в затяжную и незначительную по своему политическому значению процедуру. В настоящее время США форсировано разрушают все механизмы и договорённости в этой области просто-напросто потому, что они им не нужны при реализации нынешней военной и внешней политики силового принуждения других субъектов ВПО.

1.1.д). Военные средства и политические национальные интересы

Эту проблему можно рассмотреть на примере СЯС Франции.

В «Белой книге» отмечается, что стратегические ядерные силы Франции являются независимыми, однако «вносят вклад в общее сдерживание и безопасность союзников, при этом угроза интересам безопасности любого из союзников рассматривается, как угроза французским национальным интересам»⁶³.

Результаты анализа доктринальных документов и перспектив развития стратегических ядерных сил свидетельствует о стремлении Парижа привести их в соответствие характеру существующих и прогнозируемых угроз безопасности государства.

Состояние и перспективы развития стратегических ядерных сил.

Основным предназначением стратегических ядерных сил Франции в мирное время и период непосредственной угрозы агрессии является ядерное сдерживание, в ходе военных действий с применением ядерного оружия — поражение критически важных и стратегических объектов вероятных противников путем нанесения ракетно-ядерных ударов.

Руководящими документами определен для них следующий состав задач: ядерное сдерживание вероятных противников; приведение СЯС в высшие степени боевой готовности с расщеплением сил и средств; заблаговременное предупреждение противника о возможном применении СЯС; применение их как самостоятельно, так и во взаимодействии с США и Великобританией в случае крайнего обострения военно-политической и стратегической обстановки в Европе и возникновении угроз жизненно важным интересам страны; подготовка и нанесение массированных ракетно-ядерных ударов с целью поражения органов государственного и военного управления, важнейших военно-политических центров, военных и экономических объектов.

Для решения этих задач создана стратегическая ядерная диада Франции в составе морского (атомные ракетные подводные лодки) и воздушного (самолеты-носители ядерного оружия) компонентов.

Морской компонент. По взглядам ВПР Франции, морские СЯС играют главную роль в решении задач ядерного сдерживания и достижения французским руководством своих политических и стратегических целей.

В боевом составе морского компонента находится 3-я эскадра ВМС с четырьмя ПЛАРБ типа *Triomphant*, которая включает одну ПЛАРБ с 16 баллистическими ракетами (БРПЛ) типа М45 и две ПЛАРБ с 16 БРПЛ М51 на каждой. Всего 48 БРПЛ и 288 боевых блоков, при этом на четыре лодки имеется три комплекта вооружения. Это позволяет экономить на поставках боекомплектов ракет, ядерных головных частей

и сохранить эксплуатационный ресурс. При этом одна ПЛАРБ находится на капитальном ремонте или перевооружении, очередная ПЛАРБ — на боевом патрулировании, которое осуществляется обычно в Норвежском, Баренцевом морях и в Северной Атлантике. Средняя продолжительность похода — около 60 суток.

Планами строительства и развития СЯС Франции предусматривается в 2018 г. завершить перевооружение всех ПЛАРБ на ракеты М51. До 2020 г. БРПЛ М51 будут модернизированы за счет установки нового маршевого двигателя третьей ступени, что подтверждено успешным испытательным пуском ракеты. Предполагается приступить к замене боеголовок TN-75 на новые боеголовки типа TNO (Tete Nuclearie Oceanique). С 2020 г. планируется открыть новую НИР в интересах создания ПЛАРБ нового поколения и перспективной БРПЛ. На пункте базирования ПЛАРБ «Иль-Лонг» будут продолжены работы по реконструкции действующих и строительству новых объектов инфраструктуры и развитию учебно-материальной базы.

По данным Jane's, БРПЛ М51 обладает следующими тактико-техническими характеристиками: максимальная дальность стрельбы — 8 тыс. км; стартовая масса — 56 т. Головная часть ракеты комплектуется шестью ядерными боеголовками TNO с возможностью последующего переоснащения на ядерные боеголовки нового поколения мощностью до 300 кт. Ракета оснащена двигателями с модифицированным твердым топливом. Улучшены гидродинамические характеристики обтекателя головной части, за счет установки аэродинамической иглы повышены баллистические параметры полета ракеты в плотных слоях атмосферы. В конструкции БРПЛ применена астронавигационная система, что позволило повысить точность стрельбы (КВО составляет 250 м).

Следует отметить, что значительный прогресс в компьютерном моделировании, применение совершенных методик и современной научно-экспериментальной базы позволили оптимизировать количество испытательных пусков БРПЛ М51 при одновременном сохранении заявленных параметров вооружения. В результате ракета была принята на вооружение после проведения пяти успешных испытательных пусков, что обеспечило значительную экономию финансовых и матери-

альных ресурсов. Как уже отмечалось, предусматривается модернизация этой ракеты с целью сохранения промышленной базы и создания условий для проведения исследований ряда критических технологий. Необходимо подчеркнуть, что руководство Франции, соблюдая мораторий на ядерные испытания, успешно проводит сертификацию существующих и разработку новых видов боевого оснащения без проведения натурных испытаний.

Воздушный компонент включает 52 самолета-носителя и 52 ядерных заряда. В боевом составе находится 32 самолета Rafale (20 модификации F3 — в ВВС, 12 модификации MF3 — в авиации ВМС) и 20 самолетов Mirage 2000N. Они имеют на вооружении 52 крылатые ракеты ASMP-A в ядерном оснащении. С учетом возможности дозаправки в воздухе самолеты приобретают значительную дальность боевого применения. При этом истребители Rafale морской версии F3, с принятием решения на применение ядерного оружия и получении боевого распоряжения, передаются в оперативное подчинение командованию надводных сил и перебазированы на авианосец Charles de Gaulle. Это обеспечивает поражение объектов противника крылатыми ракетами на расстоянии до 1000 км от района нахождения авианосца. В мирное время ядерные боевые части к ракетам ASMP-A содержатся в хранилище на военно-морской базе Тулон, которая является портом приписки французского авианосца.

В Париже считают, что значимость авиационного компонента СЯС в настоящее время возрастает, поскольку функции «последнего предупреждения» о решимости применить ядерное оружие могут трансформироваться в функции регионального ядерного сдерживания вероятных противников. В целом высокие тактико-технические характеристики и маневренные возможности самолетов-носителей и крылатых ракет позволяют демонстрировать вероятному противнику способность развертывания на любом ТВД и высокую боевую готовность. Возможность прорыва ими системы ПВО противника предоставляет руководству Франции эффективные инструменты ядерного сдерживания. В связи с этим самолеты-носители ядерного оружия все чаще привлекаются к учениям в составе ОБВС НАТО в рамках коалиционных и совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки⁶⁴.

Стратегическое сдерживание, как концепция, существующая сегодня в Стратегии национальной безопасности, **практически бесполезна** для организации противодействия главным усилиям западной коалиции по отстранению правящей российской элиты от власти и конкретно — отстранению В.В. Путина. Аналогичная ситуация возникает и когда авторы рассматривают военную политику, «высшей целью которой они объявляют предотвращение военных конфликтов, обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства»⁶⁵. Это, безусловно, заметно сужает функцию военной политики, которая сводится в целом к защите национальных интересов и ценностей, причём не только государства, но и всей нации, общества и отдельных личностей. Это вне сомнений означает, что при необходимости военная политика **будет использовать вооруженное насилие для защиты этих ценностей и интересов, а не только служить целям стратегического сдерживания и предотвращения военных действий (СС и ПВД)**. Кстати, сами авторы в предлагаемом изображении структуры военной политики, говоря о внутренней и внешней её стороне, вполне определённо упоминают как возможность и необходимость применения военной силы для разрешения внутренних, так и внешних конфликтов⁶⁶.

В целом, говоря о теоретической и методологической части работы по исследованию военной организации России, можно вполне согласиться со смелыми и обоснованными выводами, смысл которых сводится к тому, что существующие теоретические представления уже отстают от реалий и не могут служить локомотивом в развитии военно-теоретической мысли. При этом особенно важное значение, на мой взгляд, приобретает утверждение военных экспертов о том, что «в современных условиях очевидна возрастающая роль невоенных угроз и враждебных акций практически без применения военной силы...»⁶⁷.

В частности, по информации кампании ABC, российские интернет-тролли «из компании, которую связывают с президентом Владимиром Путиным», в 2016 г. пытались воздействовать на общественность в США через американских активистов-правозащитников. С их помощью они старались усилить напряженность на расовой почве и ожесточить разлад по политическим вопросам. Это ABC News

рассказали конгрессмены, которые участвуют в расследовании возможного российского вмешательства в президентские выборы. По их словам, две интернет-группы, защищающие права афроамериканцев — BlackMattersUS и BlackFist, использовались российскими агентами, которые таким образом выходили на американских активистов напрямую, помогали им устраивать акции, тренироваться в самообороне и создавать музыкальные видеоролики. В ряде случаев активисты даже получали финансовую поддержку, добавили собеседники ABC. Эту деятельность они связывают с российским «Агентством интернет-исследований», которое базируется в Петербурге и которое в конгрессе считают ключевым участником российской операции по воздействию на выборы в США⁶⁸.

Аккаунты обеих групп в Facebook и Twitter уже заблокированы, связаться с их участниками ABC News не смогли. Однако журналистам удалось выйти на некоторых участников акций, организованных этими группами. Российская «фабрика троллей» могла стоять за двумя проафроамериканскими блогерами — Уильямом и Кэльвином, которые выкладывали посты и видео с острым политическим содержанием и в том числе критиковали Х. Клинтон.

Работа троллей после выборов не завершилась, отмечают ABC News. По их данным, уже в 2017 г. не меньше пяти тренеров в США получили деньги от группы BlackFist, чтобы проводить бесплатные уроки по самообороне для всех, кто хочет уметь защищать свои права. Тренер из Бруклина Омонвейл Эйдевейл сообщил, что через PayPal получил \$320 за четыре тренировки в месяц.

Недавно журнал РБК рассказал о деталях работы и финансировании «американского отдела» петербургской «фабрики троллей». РБК нашел и подтвердил причастность сотрудников «фабрики» к 120 сообществам и тематическим аккаунтам в соцсетях, которые уже заблокированы, и подсчитал совокупные расходы на предвыборную кампанию в США. Анализ заблокированных групп показал, что чаще всего «тролли» поднимали темы расовых и национальных конфликтов и политические вопросы. На раскрытку этих тем в основном и тратился рекламный бюджет в соцсетях, который составлял 240 000–260 000 руб. В месяц, или \$43 000 в год, или под \$90 000 за два года⁶⁹.

1.2. Критерии наибольшей эффективности политики стратегического сдерживания России до и после 2025 года

... как показывает опыт всех без исключения ролевых игр, люди, находящиеся у власти, всегда реагируют на конкретную тактическую угрозу, а не на отдаленную проблему⁷⁰

С.Переслегин и Е. Переслегина

... на самом деле, оно, это будущее, не «должно стать», а уже стало⁷¹

*Ш. Султанов,
политолог*

Для того, чтобы определиться с эффективностью политики безопасности вообще и стратегического сдерживания, в частности, т. е. выбрать их наиболее адекватную форму для России не только на современный период, но и на будущее, важно определить критерии, относительно объективно отражающие современные международные и внутривнутриполитические российские реалии в области безопасности государств. В разные периоды времени представления о безопасности, а тем более о политике сдерживания, были и могут быть очень разными — то, что для некоторых стран является сегодня безопасным, для других может быть опасным, даже чрезвычайно опасным. Так, с точки зрения военной безопасности, не только для Запада, но и значительной части российской элиты, состояние безопасности для России было почти идеальным. Вплоть до конца 2013 года у многих в правящей элите России бытовало мнение, что Россия «никогда прежде не находилась в более безопасном мире». В наиболее ярком виде это нашло отражение в концепции национальной безопасности России 1997 года, отрицавшей вообще существование военных угроз. Но и значительно позже, вплоть до конца 2013 года, я неоднократно был свидетелем таких «оптимистических» оценок, включая и в тех органах власти, где подобные оценки были недопустимы. Это заблуждение существовало вне всяких сколько-нибудь разумных обоснований, основываясь просто-напросто на оценке намерений «партнёров»⁷².

Ситуация стремительно изменилась с конца 2013 года, перейдя из ка-

тегории «абсолютная безопасность» в категорию «угрозы безопасности» всего лишь за несколько месяцев. Тем самым вновь подтвердилось правило, что отношения между государствами следует оценивать не в понятиях «намерения», а в понятиях «возможности», но ещё точнее — понятиях «интересы». Если бы с самого начала М. Горбачёв и Б. Ельцин оперировали понятиями «интересы» и «возможности», то многих ошибок и даже преступлений удалось бы избежать.

1.2.а). Интересы и цели политики стратегического сдерживания

Как говорилось выше, именно критерии ресурсов («возможности») и «интересы» должны лежать в оценке состояния и перспектив безопасности и стратегического сдерживания. В прикладном политическом смысле такие критерии должны быть максимально близки представлениям о соответствии имеющихся ресурсов (возможностей) объективно существующим потребностям («интересам») и политическим целям, которые отражают субъективные представления правящей элиты. Или, в конкретном, частном случае, на мой взгляд, может быть соответствие политики стратегического сдерживания национальным интересам и главным политическим целям⁷³.

Иначе говоря, стратегическое сдерживание эффективно тогда, когда оно обеспечивает национальные интересы (потребности) в их субъективном преломлении в качестве политических целей.

И, наоборот, стратегическое сдерживание неэффективно, если оно не обеспечивает защиту национальных интересов и реализацию сформулированных целей. Как видно, эффективность стратегического сдерживания зависит, прежде всего, от того, насколько адекватны политические цели (при том понимании, что объективные потребности изначально адекватны). Так, например, стратегическое сдерживание в СССР было эффективно на уровне ядерного сдерживания до тех пор, пока речь шла о защите внешнеполитических интересов страны, даже в их весьма расширенном понимании — обеспечении гарантий Кубе, Мозамбик, Анголе и странам-членам ОВД. Но то же стратегическое

сдерживание оказалось не эффективным, более того, бесполезным, против кампании за права человека, начатой после подписания Заключительного акта в Хельсинки 1 августа 1975 года, которая закончилась развалом ОВД и СССР.

Другими словами, изначально принципиально важно выяснить насколько такая политика будет реально и эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и реализации сформулированных правящей элитой на основе этих интересов политических целей. При этом важно сделать несколько ремарок.

В моей интерпретации интересы — объективно существующие потребности, которые могут быть определены как наиболее общие интересы (в порядке убывания приоритетности, значимости)⁷⁴:

- интересы (потребности) человечества;
- локальной человеческой цивилизации;
- нации;
- государства;
- класса, социальной группы;
- корпорации;
- личности.

Интересы (потребности) делятся на первичные и вторичные. К первым относятся интересы безопасности и физического выживания, а ко вторым — социальные, духовные, нравственные и когнитивные потребности. Очевидно, что потребности стратегического сдерживания — это первичные потребности обеспечения выживания нации. Но не только — по мере развития общества и значения для него интеллектуальных и духовных ценностей, они превращаются в важнейшие потребности, т.е. объект защиты.

Соответственно и средства и способы защиты трансформируются от более простых, военных, к силовым, не военным, способам и средствам, которые должны обеспечить безопасность и сдерживание агрессии. В этом смысле очень показателен период 1975–1990 годов, когда СССР и его союзникам было необходимо обеспечить сдерживание западной экспансии не столько силами ядерного сдерживания и даже военной силой, сколько силами и средствами, получившими название «мягкой силы» — инструментами СМИ, культуры, образования, высоких

стандартов жизни и привлекательности политической системы. Обладая в 1990 году лучшей в мире армией и ВВСТ, СССР и его союзника не смогли обеспечить безопасность ни своей коалиции, ни внутриполитической стабильности, ни политической системы, ни даже собственно безопасности правящей элиты⁷⁵.

Таким образом, важнейшим критерием эффективности стратегического сдерживания является не способность предотвратить ядерное (или военное) нападение, а способность обеспечить внутриполитическую стабильность, суверенитет и сохранение национальных интересов и системы ценностей. **К сожалению, до сих пор это не нашло своего отражения в важнейших нормативных документах России.**

Очевидно, что объективная приоритетность и значимость абсолютно не означает, что на практике эти реалии всегда доминируют. Наоборот, сплошь и рядом мы видим, как в реальной политике менее значимые интересы определяют конкретное поведение элит. Более того, частные и личные интересы более низкого порядка могут в политике оказаться важнее интересов более высокого порядка. Субъективность политики, в особенности военной политики и военного искусства, делают общее правило иерархии очень условным: на какое-то время иерархия интересов может уступить место «политической целесообразности». Так, глобальный интерес экологической безопасности с приходом Д. Трампа к власти уступил частным и национальным интересам США, когда речь зашла о реальных мерах по ограничению экономической деятельности. Более того, политика Д. Трампа «Америка фёрст» означает принципиальное признание приоритета национальных интересов США над глобальными, цивилизационными и региональными интересами, а внутриполитические и даже личные интересы США в 2017–2018 годах доминировали над общечеловеческими и даже национальными.

Кроме того, очевидно, что интересы могут быть разделены по времени, которые могут нередко противоречить друг другу, на:

- долгосрочные;
- среднесрочные;
- краткосрочные,

Не случайно, например, то, что прогнозы и программы развития делятся на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. И это, как

правило, также отражается на тех, кто формулирует политические цели и расставляет политические приоритеты. То, что для государственного деятеля, думающего о стратегической перспективе, может быть «хорошо», для политика, думающего о выборах текущей осенью, — может быть «очень плохо».

Интересы и потребности делятся, кроме того, как правило, на более частные интересы, которые могут не только не совпадать, но и конфликтовать между собой — безопасности, политические, экономические, военные, социальные, личностные и пр. Известно принципиальное и, как представляется, непреодолимое противоречие между развитием и безопасностью (между расходами на «масло» и «пушки»).

Другими словами, важно изначально попытаться сформулировать и формализовать основные интересы (объективные потребности) для того, чтобы вычленил из них наиболее приоритетные, доминирующие в силу разных причин в настоящее время или в ожидаемом будущем. Только после этого мы можем говорить об эффективности той или иной политики, направленной на обеспечение именно этих интересов⁷⁶.

Цели — это осознанные и реализуемые интересы, которые в отличие от интересов, носят достаточно субъективный, нередко исключительно личностный характер, неся на себе сильнейший отпечаток влияния правящих элит, «политических классов», тех или иных социальных групп, либо даже отдельных личностей, их профессионализма, образованности и сугубо личных качеств, которые (например, в случаях с М. Горбачёвым и Б. Ельциным) играли огромную роль в истории России. Они могут нести очень сильное влияние и наносить отпечаток на всю историю стран. Настолько сильный отпечаток, что нередко противоречат даже какое-то время объективным интересам. Так, субъективная политика М.С. Горбачёва в области безопасности во второй половине 80-х годов объективно противоречила интересам:

- национальным интересам государства СССР, а затем и России, которая, в конечном счёте, почти потеряла свой суверенитет, территорию, население и экономику;
- государственным интересам России (разрушая институты и само государство);

- интересам большинства социальных слоёв (но не крупному слою нарождающейся прозападной буржуазии);
- интересам своих союзников по антизападной коалиции (но не интересам части прозападных элит в этих странах) и т.д.

Соответственно политика стратегического сдерживания России последних десятилетий, как политика предотвращения войны, почти не влияла на защиту и продвижение таких национальных интересов как экономические, демографические, цивилизационные ценности, гуманитарные, культурные, образовательные и научные интересы. Она носила и продолжает носить достаточно узкий, «военно-профессиональный», характер защиты от военного нападения. Она ничуть не мешала ни уничтожению ОПК, культурного, духовного, научного и образовательных потенциалов, оставаясь по сути такой же и сегодня.

Естественно, что национальные интересы и цели России существуют не в вакууме, а в тех реалиях — международно-политических, экономических, технологических и прочих, — которые объективно минимально зависят от России, но могут решительно влиять на условия её безопасности и развития. Они формируют МО и ВПО в мире и в регионах.

Очевидно, что для разработки перспективной стратегии сдерживания, а тем более опережающего развития, нужен стратегический прогноз и планирование, которыми в России долгое время пренебрегали (в то время как на Западе и в Китае, а также целом ряде других стран, успешно пользовались). Критики такого подхода считают, что прогноз, рассчитанный на 25–30 лет, кажется, порой крайне маловероятным и даже несбыточным потому, что простые экстраполяции уже «не должны работать», а качественно новые парадигмы «невозможно угадать»⁷⁷.

На самом деле ситуация представляется не вполне такой: то будущее, которое нас ожидает, например, после 2025 года, уже отчасти (и даже в немалой степени) существует сегодня. Очень правы Сергей и Елена Переслегины, когда пишут: «Пугает только новое. Очень трудно убедить современного человека, что самым опасным из всех сценариев оказывается тот, в котором не происходит ничего неожиданного — просто последовательно распаковываются современные тренды, хорошо всем известные и привычные. Никто не верит, что не одна Россия, но и весь

«цивилизованный мир» уже давно исчерпали все позиционные возможности не только для «устойчивого развития», но и для «управляемой деградации»⁷⁸.

Таким образом, критерии эффективности стратегического сдерживания это такие критерии, которые максимально соответствуют объективным интересам и субъективным представлениям о национальной безопасности и развитии России в разных условиях МО и ВПО. То, что может быть хорошо для части населения страны, например тех 15% граждан, получивших максимальный выигрыш от развала СССР, может быть катастрофично для всей нации и десятков миллионов граждан, оставшихся за её границами или скатившихся в пропасть социальной нищеты.

Тем не менее, есть самые общие, достаточно универсальные, критерии, которые иллюстрируют эффективность национальной политики безопасности и её части — стратегического сдерживания. Это количественные критерии демографического развития, прироста ВВП, относительные показатели развития экономики и социальной структуры общества, а также качественные критерии, иллюстрирующие качество национального человеческого капитала, качество управления, экономики и социальных институтов.

1.2.6). Обеспечение интересов развития России в XXI веке средствами стратегического сдерживания

К сожалению, можно только поддержать вывод об усилении эскалации и предложить вариант развития силового сценария МО после 2021 года как **продолжение** наиболее вероятного действующего варианта сценария. Естественно, с некоторыми корректировками, которые, однако, не меняют, как минимум, до 2040 года общей направленности развития этого варианта⁷⁹.

Прежде всего, если говорить о глобальном изменении в соотношении сил — главной угрозой существующему сценарию развития МО и ВПО, — то можно констатировать, что качественных, принципиаль-

ных изменений до 2040 года не произойдет: «новые центры силы» — КНР, Индия, Бразилия и Россия, — конечно, внесут коррективы в развитие МО, которые уже учитываются.

Не вдаваясь глубоко в детали мирового социально-экономического прогноза, сошлюсь на долгосрочный прогноз, сделанный под редакцией академиков В. Садовниченко, Ю. Яковца и А. Акаева, у которого видно, что быстрый рост населения и ВВП новых центров силы не повлияет радикально на расстановку сил до 2040 года⁸⁰.

В Бразилии до 2030 г. сохранится тенденция роста населения, но затем при инерционном сценарии страна вступит в период депопуляции, численность населения сократится с 235 млн. человек в 2038 г. до 150 млн. В 2100 г. При активной политике поддержки рождаемости численность населения к 2060 г. увеличится до 260 млн. человек и затем стабилизируется на этом уровне (см. рис. 1.1).

Прогноз экономической динамики показывает, что при инерционном сценарии темпы экономического роста замедляются (эта тенденция просматривается уже в 2014 г.), при инновационном сценарии Бразилия увеличит объем ВВП с 2,25 трлн. долл. В 2012 г. до 5,4 трлн. долл. В 2050 г. И войдет в число развитых стран (см. рис. 1.2).

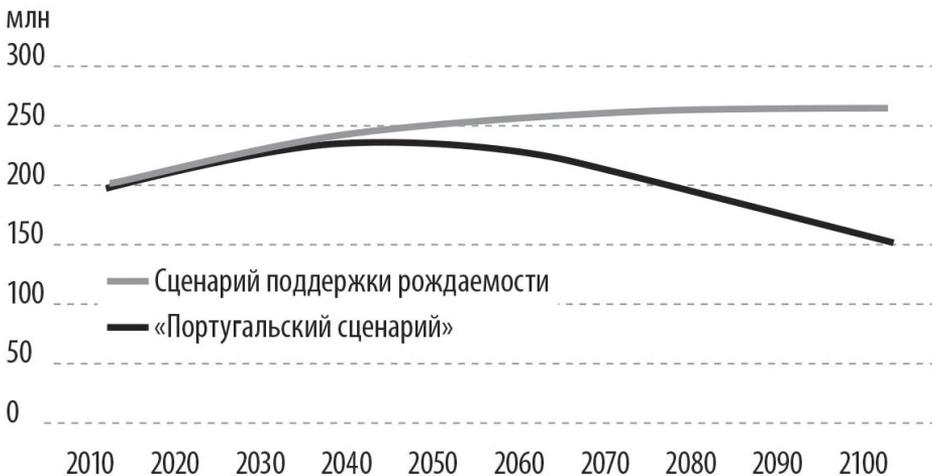

Рис. 1.1 Два сценария прогнозной динамики общей численности населения Бразилии, млн. человек⁸¹

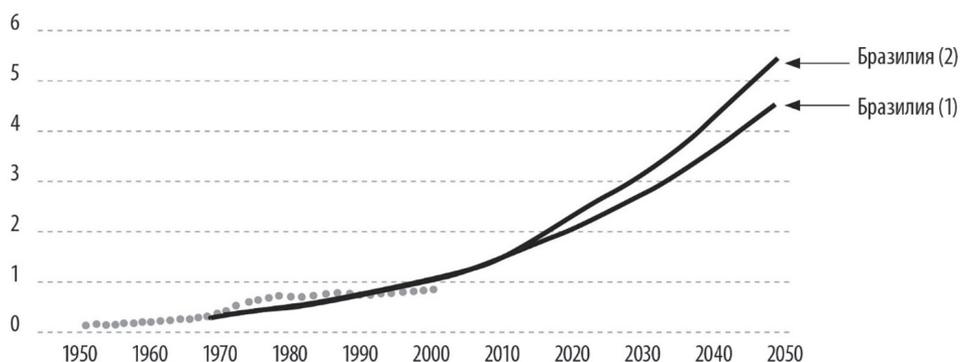

Рис. 1.2 Динамика ВВП Бразилии (трлн долл.) для инерционного (1) и инновационного (2) сценариев развития

В России при инерционном сценарии после небольшой заминки вновь возобновится депопуляция, потому что в детородный возраст вступит когорта провальных 1990-х гг., к 2050 г. численность населения сократится до 112 млн. человек и во второй половине XXI века будет продолжать сокращаться. Опережающими темпами будет уменьшаться численность трудового населения. В результате активной социодемографической политики при полной ликвидации сверхсмертности и поддержке рождаемости процесс депопуляции удастся существенно замедлить, а при оптимальном сценарии даже обеспечить рост населения (см. рис. 1.3).

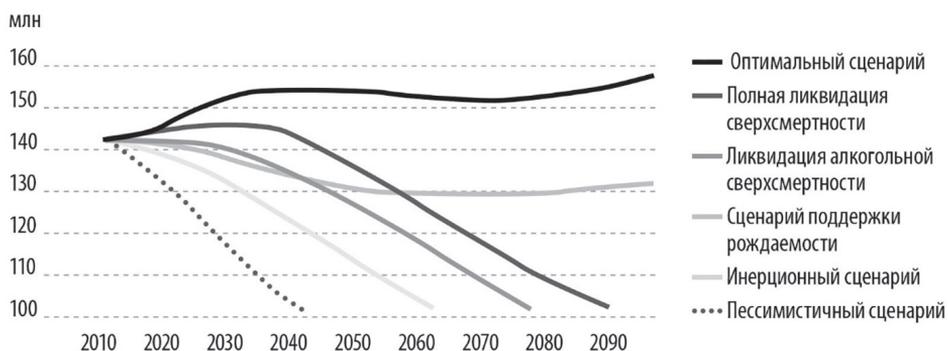
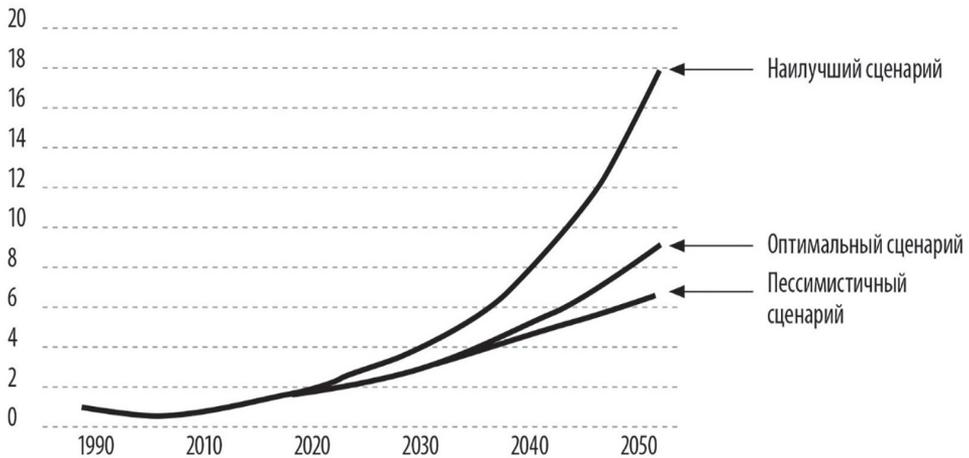

Рис. 1.3 Прогнозные сценарии демографического будущего России, население РФ, млн человек, 2014–2100 гг.

Рис. 1.4 Прогноз динамики ВВП для различных сценариев экономического развития России в 2010–2050 гг.

В июле 2018 года, по данным Росстата, будущая демографическая ситуация в России в целом рассматривалась как пессимистическая: за 2017 год «прирост» населения (даже с учётом иммигрантов) был отрицательный, но еще хуже представлялась ситуация до 2035 года. Росстат допустил увеличение числа жителей России до 157 млн. человек.

Власти улучшили свой оптимистичный прогноз по численности населения через 18 лет до 157 млн. человек. Сценарий обновили с учетом госпрограммы, предусматривающей увеличение продолжительности жизни и снижение смертности.

Росстат в июле 2018 года обновил свой демографический прогноз до 2036 года и пришла к выводу, что через 18 лет, по оптимистичному сценарию, в России будут жить 157 млн. человек, следует из данных, опубликованных на сайте агентства.

Средний вариант прогноза говорит о том, что население страны к 2036 году, напротив, уменьшится до 145 млн. В пессимистичном сценарии отмечается, что численность населения России сократится до 136 млн. человек⁸². К сожалению, до сих пор это не нашло своего отражения в важнейших нормативных документах России.

Напомню, что в конце декабря прошлого года Росстат ожидал, что к 2036 году в стране будет жить до 154 млн. человек. Средний вариант прогноза предполагал 147 млн. человек. На тот момент увеличение численности населения объясняли миграционным, а не естественным приростом. Каждый год, полагали в ведомстве, в страну будет переезжать 350–450 тыс. человек по оптимистичному прогнозу и 285–300 тыс. по среднему.

Обновление прогноза в Росстате объяснили увеличением естественного прироста, который к 2035-му составит 349 тыс. человек за год. Помимо этого аналитики повысили ожидания по числу мигрантов до 500 тыс. человек. Оптимистичный вариант новой версии прогноза скорректировали также с учетом Концепции демографической политики России до 2025 года и госпрограммы «Развитие здравоохранения», предполагающей увеличение продолжительности жизни и снижение смертности.

В очередной раз можно напомнить, что в основе социально-экономического развития нации, главным фактором развития в новом веке, является развитие и внедрение современных технологий, которое возможно только при помощи творческой части нации. Национальный человеческий капитал и его институты — двигатель социально-экономического и технологического развития современности⁸³. При любом сценарии демографический фактор останется ограничителем экономического роста.

При наилучшем сценарии (сочетании оптимальной демографии, роста креативного класса и его институтов, и инновационной экономики) России удастся ускорить темпы экономического роста и войти в состав ведущих экономик мира. Однако более реален сценарий умеренных темпов роста и небольшого повышения доли в мировом ВВП.

В Индии до середины XXI века сохранятся высокие темпы роста населения, и она выйдет на первое место в мире по его численности. Однако во второй половине века, по среднему сценарию прогноза, Индия вступит в период депопуляции (см. рис.1.5).

Потребуется изменение демографической политики, чтобы замедлить этот процесс. При оптимальном сценарии в Индии сохранятся высокие темпы экономического роста.

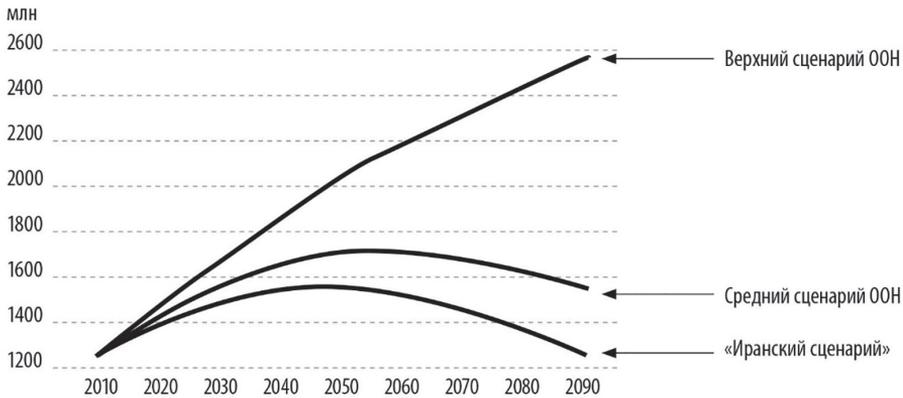

Рис. 1.5 Сценарии прогнозной динамики общей численности населения Индии

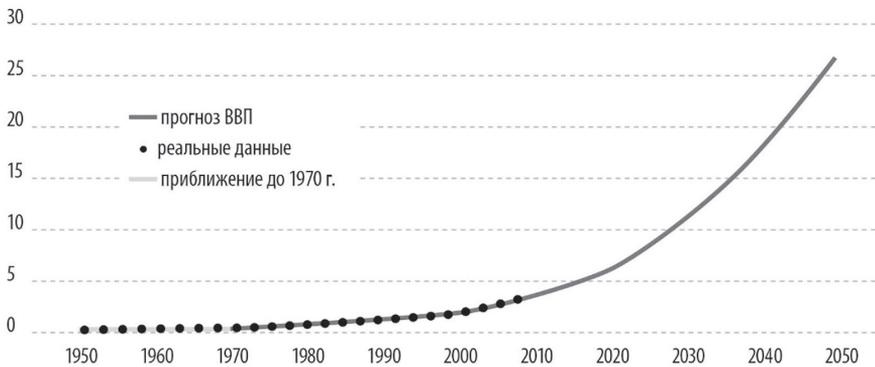

Рис. 1.6 Динамика ВВП Индии, трлн долл.

Однако слабая обеспеченность развития природными ресурсами, низкий уровень развития науки и образования и низкий уровень жизни при падении темпов роста численности населения и его трудоспособной части станут серьезными ограничителями экономического роста в Индии (см. рис. 1.6).

В Китае в результате реализации политики «Одна семья — один ребенок» численность населения к 2027 г. достигнет 1412 млн. человек и затем начнет снижаться до 1300 млн. В 2050 г. И 830–840 млн. В 2100 г. (см. рис. 1.7).

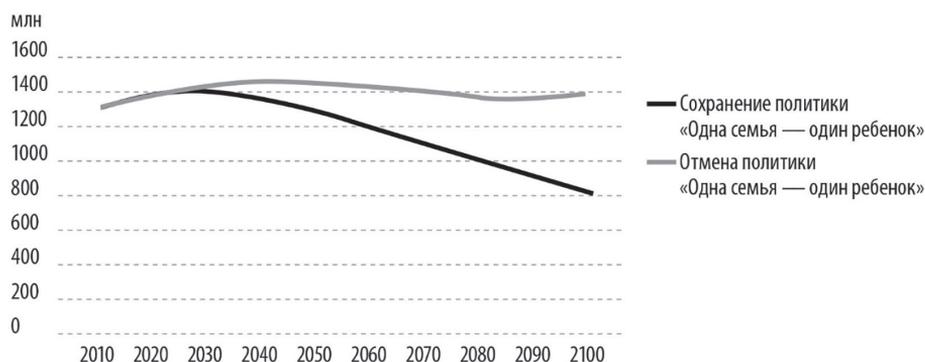

Рис. 1.7 Два сценария прогнозной динамики общей численности населения КНР

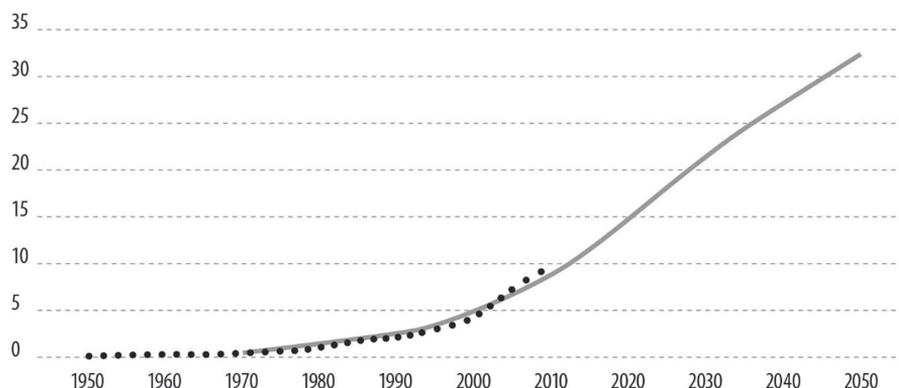

Рис. 1.8 Динамика ВВП Китая, трлн долл.

Таким образом, качественные изменения можно оказать только от КНР и Индии. При этом крайне трудно предположить, что Индия «выпадает» из мейнстрима западной ЛЧЦ и превратится в союзника Китая. Скорее всего, наоборот — и в этом, пожалуй, единственное качественное отличие МО 2040 года от МО 2016 года: Индия превратится в самостоятельный центр сил, конкурирующий с Китаем.

В этой связи важно напомнить, что развитие широкой коалиции западной ЛЧЦ (в которую входят более 50 государств, включая Японию и ряд арабских стран) отнюдь не остановится. Более того, некоторые страны этой коалиции смогут развиваться высокими темпами, а сама коалиция, вероятно только укрепится. Это озна-

чает, что соотношение сил в 2040 году в целом сохранится в пользу западной ЛЧЦ.

Технологии, прежде всего в военных областях. Эти технологии, вкупе с совершенствованием управления, обладают огромным экономическим эффектом.

Интересно в этой связи, каким образом в США рассматривают возможную МО и ВПО в настоящем и в будущем. Вот как, например, видится это из РЭНД-корпорации.

Рис.1.9 Позиции потенциальных противников США

Примечательно, что на этой схеме нет Индии, Бразилии и ЮАР, которых США, вероятно, не рассматривают в качестве потенциальных противников.

С точки зрения общих интересов авторы доклада РЭНД предлагают в этой связи следующую матрицу.

Таблица 1.2 Общие интересы США и потенциальных противников

Страны	Ценности	Стратегические интересы	Экономические интересы
Китай	незначительные	средние	высокие
Россия	незначительные	небольшие	средние
Иран	незначительные	средние	средние
КНДР	отсутствуют	небольшие	отсутствуют
ИГИЛ	отсутствуют	отсутствуют	отсутствуют

Как видно из рисунка и матрицы, для США и западной ЛЧЦ в целом угроза видится только от двух потенциальных противников, которые будут обладать полным набором атрибутов государственной мощи, — КНР и России. При этом с КНР отмечается высокая степень совпадения экономических интересов. Соответственно по отношению к каждому из потенциальных противников США предполагают использовать **конкретную стратегию** в рамках единой стратегии новой публичной дипломатии, предполагающую свой **собственный набор мер и средств**.

Если говорить конкретно о России, то предлагается военно-силовая стратегия с использованием всего набора средств публичной дипломатии с конечной «целью того, чтобы элита изменила свою политику и поведение в мире». Что скрывается более детально за этим — не оговаривается, но очевидно, что «изменение политики» означает, как минимум, отказ от суверенитета⁸⁴.

Потеря даже части суверенитета, как справедливо отмечал еще И. Ильин, означает, в конечном счете, потерю национальной идентичности и системы ценности, отказ от национальных интересов. Собственно это возможно только в том случае, когда такую политику проводит правящая элита. Это общеизвестная, даже банальная истина, отнюдь не является таковой в практической публичной политике: не случайно не только А. Кудрин требуют «снизить геополитические амбиции». Но не менее опасно надеяться на то, что противник использует весь запас средств и методов силового, но не военного характера: очень часто на практике мы встречаемся со стремлением использовать воен-

ную силу еще до того, как исчерпан весь арсенал инструментов влияния. И не только в Афганистане или Ираке. Поэтому очень важно в настоящее время иметь максимально широкий выбор всех средств публичной и официальной дипломатии в качестве широкого набора средств стратегического сдерживания на всех (практически любом) этапах эскалации конфликта или войны.

Необходимо исходить из понимания того, что возможно развитие такого сценария МО или ВПО, которое потребует «перескакивание через этапы» эскалации, быстрый переход от одних средств влияния и насилия к другим, и, наоборот. Но, главное, в современном представлении сложилось понимание эффективности как системного, комплексного использования средств стратегического сдерживания, о чем, к сожалению, очень коротко говорится в стратегии национальной безопасности России и комментируется военными экспертами. Так, М. Гареев, по сути, только повторяет это положение стратегии (в редакции 2009 года): «... стратегическое сдерживание — это комплекс взаимосвязанных политических, дипломатических, информационных, экономических, военных и других мер, направленных на сдерживание, снижение и предотвращение угроз и агрессивных действий со стороны какого-либо государства (коалиции государств) путем ответных мер, снижающих опасение противоположной стороны или адекватной угрозой неприемлемых для нее последствий в результате ответных действий»⁸⁵.

1.2.в). Стратегические цели развития России в XXI веке и стратегическое сдерживание

Как уже говорилось выше, цели — субъективное представление правящей элиты об объективных интересах (потребностях). Эти представления, как правило, не соответствуют реалиям в силу самых разных причин — непрофессионализма, узкоклассовом, групповом, корпоративном восприятии, эгоистических соображениях личного, семейного или кланового характера и многих других. В тех случаях, когда субъективные представления относительно соответствуют реалиям, т.е. цели близки интересам (потребностям), можно говорить

о «мудром государственном управлении», что, к сожалению, встречается не часто. Гораздо чаще правящие элиты преследуют цели, которые не совпадают в основном с национальными интересами, либо даже прямо им противоречат⁸⁶.

При этом, прогнозируя мировое развитие ВПО, принципиально важно изначально чётко сформулировать собственные стратегические цели, которые, во-первых, должны учитывать внешние реалии, а, во вторых, должны соответствовать основным национальным интересам. Для практических задач современной России и политики стратегического сдерживания это может означать, что российской правящей элите в будущем можно, как минимум, определить вполне субъективно следующие цели:

- ограничиться, как сегодня, констатацией стремлением с помощью стратегического сдерживания не допустить военного нападения, сохранить стратегическую стабильность, обеспечив себе уровень существования в стране и в мире с помощью требуемых западной коалицией принципиальных уступок. При этом надо понимать, что платой за такие уступки будет не только десоверенизация и потеря национальной идентичности, но и, как минимум, частичная, смена правящей элиты;
- объединить цели укрепления безопасности и цели опережающего национального развития, учитывая невозможность их разделения, попытавшись сохранить нынешнюю ситуацию в будущем за счёт мер военной безопасности;
- сформулировать цели опережающего развития и исправления тех ошибок, которые были совершены прежде правящей элитой страны в последние десятилетия в социальной, экономической и иных областях, возложив на политику стратегического сдерживания функции активного содействия опережающему национальному развитию и укреплению безопасности.

Фраза Владимира Путина о том, что «крушение СССР является крупнейшей геополитической катастрофой XX века», всем известна. Она предполагает оценку того, что произошло, но не того, что нужно сделать. Некоторые подразумевают, что её смысл — сожаление о прекращении возможности прямого управления национальными окраинами

России из Москвы. Сюда же добавляются сократившиеся возможности России определять военные аспекты отношений национальных окраин с геополитическими соседями⁸⁷. Другие — что Россия потеряла значение ведущего мирового лидера. Третьи ... чего-то ещё. Нужно, однако, отталкиваясь от современных реалий, зафиксировать, что Россия стоит перед угрозой реального уничтожения — военно-политического, экономического, цивилизационного в тех условиях, которые развиваются сегодня. Поэтому её стратегия, в т.ч. стратегического сдерживания, должна, как минимум, обеспечить её выживание в ближайшие годы, которое невозможно без опережающего развития.

В целом можно сделать вывод о том, что в целях повышения стратегического сдерживания необходимо такое планирование до 2025 года, когда следует исходить из следующего:

Первое. Основной вариант сценария развития МО и ВПО, существовавший до 2018 года сохранится до 2024 года, но он может и серьёзно ухудшиться для России в результате проведения западной коалицией политики военно-силовой эскалации, которая должна будет встретить со стороны России решительный отпор. Она, возможно, будет изменяться, но в рамках очень узкого коридора указанных четырех вариантов развития военно-силового сценария ВПО, имея в своей основе эскалацию военно-силовой составляющей.

Второе. Глобальное соотношение сил к 2024 году не изменится настолько, чтобы это принципиально повлияло на негативное развитие военно-силового сценария ВПО, навязываемого западной ЛЧЦ: ни усиление отдельных центров силы, ни другие факторы не приведут к изменению в положительную сторону стратегии западной ЛЧЦ применительно к России.

Третье. Основной целью западной ЛЧЦ применительно к России до 2024 года будет политика изменения ее поведения в мире, что равнозначно отказу от суверенитета и впоследствии от национальных интересов и идентичности. Эта цель сопряжена с политикой военно-силового давления и «силового принуждения», которые преследуют своей целью смену политического режима, лично В.В. Путина и части его окружения.

Четвертое. Такое изменение в политике РФ ведется, прежде всего, через формирование в России такой правящей элиты, которая бы

разделяла глобалистские и универсалистские системы ценностей западной ЛЧЦ и отказалась от защиты национальных интересов и идентичности.

Пятое. Для достижения этой цели разработана стратегия новой публичной дипломатии, представляющая собой широкий спектр силовых средств и способов (включая военные для поддержки их применения), которые не ограничиваются только военными средствами и способами.

Экономисты сетуют на сужение рынка сбыта, радуются сокращению субсидий республикам, огорчаются потере контроля над местами добычи и путями экспорта углеводородов. Военные добавляют приближение НАТО к российским границам и подпадание национальных окраин под влияние геополитических соперников. Оппозиция непременно напомнит о возникновении огромной русской диаспоры, о существовании огромного числа соотечественников, мгновенно ставших бывшими.

Всё это так, но есть ещё одна причина, по которой Россия упорно стремится восстановить своё влияние на территориях бывшего СССР, а Запад не менее упорно стремится не дать ей этого сделать. Причина эта вовсе не конкуренция между долларом и рублём, хотя любая конкуренция, так или иначе, сводится к конкуренции валют. Причина, по которой так упорно сошлись в клинче Россия и Запад — транспортные коммуникации России и их роль в борьбе за мировое господство. Не меньше и не больше.

Начать следует с того, что вся Россия как территория в принципе является огромным транспортным коридором между Азией и Европой. А со времён древности по сей день все перекрестки торговых путей являются очагами развития цивилизаций. В соответствии с теоремой Вальтера Кришталера, центральными местами развития являются места, где сходятся потоки — караванные, торговые пути, то есть где имеется транспортная доступность во всех направлениях.

Само географическое положение России уже делает её потенциальным цивилизационным лидером, и это ещё не учитывая огромные запасы полезных ископаемых. Разумеется, такое положение не может оставлять равнодушными все прочие цивилизационные центры, претендующие на мировое или региональное лидерство. Россия постоянно живёт в положении осаждённой крепости. Слишком много стран стре-

мится выхватить у неё контроль над стратегическими транспортными коммуникациями на суше⁸⁸.

С давних пор в наше национальное самосознание вошли саркастические высказывания о дураках и дорогах, которых, якобы, нет, а вместо них одни направления. Мы верим в это, попадая в ловушку стратегической лжи. На самом деле это далеко не так. Исторически Россия обладала транспортными коммуникациями на уровне мировых лидеров. Россия — имеется в виду не её нынешний форма в виде РФ, оставшийся на плаву после развала СССР, а именно историческая Большая Россия, то есть Российская Империя и особенно СССР. Учитывая огромные масштабы российской территории, дороги в ней строили не только для целей торговли, но и для нужд быстрой переброски войск. И если мы смогли сохранить такую территорию, то ясно, что эту задачу наши предки решили вполне хорошо.

Когда специалисты говорят о дорогах, они используют язык науки топологии — не путать с топографией. Топология — это раздел математики, изучающий искривленные пространства. Основным понятием топологии служит слово «сеть» — термин, ставший в компьютерный век весьма популярным. Но сеть — более широкое понятие. Сеть — это инструмент создания потоков. Ни для чего другого сеть больше не нужна. Даже рыбацкая сеть изменяет параметры потока косяка. Потоки — это главное, на чём строится практически всё в этом мире. Потоки информации определяют господство в управлении. Потоки транспорта определяют развитие территории (транспортная связность). Потоки покупателей определяют перспективы торговых проектов. Потоки пассажиров — средство планирования транспорта. В энергетике — потоки, в физике — поток, в урбанистике — потоки. Тот, кто понимает потоки, понимает суть всякого развития.

А так как потоки идут по сетям, то нужно понять, что такое сеть. Хотя это и просто, мало кто может коротко и связно объяснить, что это такое. Сеть — это сочетание нитей и узлов. Нити — это участки сети, где поток разгоняется до своего максимума — тут сопротивление минимально. Узлы — это места, где потоки тормозят, сталкиваются и перераспределяются. Тут-то и возникают всякие задержки. Это всяческие сортировочные и перевалочные станции, порты, вокзалы,

коммутаторы, штабы, серверы и прочие места, где потоки обрабатываются для дальнейшего перенаправления. Тут самое большое сопротивление. Логистика — это наука об оптимизации потоков в узлах. Никакого более точного определения этой науке нет. Она учит, как расшивать узкие места, чтобы поток не тормозил.

Топология говорит, что транспортная сеть состоит из внутренних структур сети и внешних, связанных с соседями. В государстве сеть состоит из замкнутых элементов (циклов) и незамкнутых (ветвей). Скопление циклов образует остов. Циклы могут входить в остов, а могут и не входить. Зачем мы это сейчас поясняем? Чтобы понять, то, что будет изложено дальше.

Так вот, сеть транспортных потоков в СССР была по мощности второй в мире. Сеть железных дорог была одной из самых сложных. Циклические остовы различаются по уровню сложности. Критерий сложности — число топологических ярусов. Это такие кольцевидные полосы, похожие на кольца ствола дерева. В СССР топологический остов сети железных дорог имел 6 ярусов. Столько имели лишь США и Франция. При этом в США имелось 655 циклов, в СССР — 383, а во Франции 263. Другие страны, которыми нам тычут в нос в качестве примера цивилизованности, отставали от нас в этом важнейшем цивилизационном параметре. Так, на втором месте находились ФРГ и Польша — 5 ярусов, Англия, ГДР, Индия — 4 яруса, Аргентина, Швеция, Канада, Испания — 3 яруса, Италия, Япония, Китай — 2 яруса. В остальных странах было 1–2 яруса, простые циклические сети без остова или сети-деревья, даже не имеющие циклов.

Автомобильные дороги имели циклический остов в 9 ярусов — уровень между Бельгией и Южной Кореей. Это ещё раз по поводу дураков и дорог с направлениями. После распада СССР внешний остов автодорог ужался на западе, юге и юго-востоке. К востоку от Мариинска сеть автодорог представлена цепью изолированных побочных остовов, висящих вдоль одной стратегической нити вдоль Транссиба до самого Владивостока. Тут требуется строительство новой магистрали, увеличивающей связность между Центром и Сибирью с Дальним Востоком. Ухудшилась связь Центра с Кавказом. Число ярусов снизилось с 9-ти до 5-ти, а общее число циклов с 2862 до 647. То есть упало в 4,4 раза. Ав-

томобильных дорог потеряно больше, чем железных. Потеряны территории с наиболее густой дорожной сетью — Прибалтика, Белоруссия, Украина, Закавказье. В южной части сеть ужалась за счёт отделения Казахстана и Средней Азии.

Всего сеть страны с распадом СССР утратила 200 циклов (48%) и 2 топологических яруса. Этот процесс хорошо описан специалистами-транспортниками. Со 2-го места Россия переместилась на 7-е. Вместо 6-ти ярусов осталось 4, вместо 382-х циклов в остове осталось 184. На первое место вышла объединенная Германия — 7 ярусов в остове и 734 цикла. Спасибо лучшему немцу всех времён и народов Горбачёву. Теперь Россию обогнали Франция, Польша, Индия и Англия. Многие крупные циклы оказались за пределами России — в основном в Казахстане.

В целом протяженность железных дорог уменьшилась со 147 000 до 86 000 км. Сеть автодорог с твёрдым покрытием сократилась с 1 293 000 км до 620 000 км. Граница в сторону Европы сжалась и сдвинулась к Азии. Утеряны не только дороги — потеряны развитые в хозяйственном плане территории. Утраты превзошли уровень потерь 1914–1921 годов. На западе и юге было потеряно 24% территории и 49% численности населения бывшего СССР. Этих данных вы не найдёте в Ельцин-центре, музее памяти человека, подписавшего Беловежские соглашения и убившего страну. Вот в каких условиях Владимиру Путину пришлось принимать страну и начинать долгую борьбу за её возрождение.

Россия преследует стратегическую цель — стать частью глобальных транспортных потоков из Азии в Европу. Без этого России не выжить в меняющемся глобальном мире. Глобализация не уходит — она меняет контуры, и для России тут возникает уникальное окно возможностей. Но придётся отвоёвывать потерянные территории. Это и стремление укрепить ЕАЭС, и необходимость включиться в Новый шёлковый путь из Китая в Европу, и решить проблему Украины и Белоруссии. Без развитых транспортных коммуникаций это недостижимо. Теперь легче понять, что стоит за словами Владимира Путина о распаде СССР как самой крупной геополитической катастрофе XX века.

Можно понять, какой грандиозности задачи стоят перед Россией, и какой степени сопротивление она встретит на этом пути со стороны геополитических врагов, которые добились неожиданных для себя успе-

хов. Но у России нет другого пути, кроме как возвращать утраченное лидерство на постсоветском пространстве.

Путь к этому пойдёт по новой колее — не через создание общего союзного государства по типу СССР-2. Это будет сложная система союзов, уплотняющихся от экономических отношений к военно-политическим и валютным. Создаваться эти союзы будут только в процессе всеобщих геополитических изменений. Потому Россия так активна сейчас на международной арене. Вернуть утраченные коммуникационные возможности — главная цель России, ее, если можно сказать, национальная идея. Борьба за Крым и Донбасс, за ЕАЭС и его сопряжение с Новым шёлковым путём, борьба за Арктику — этапы этого большого пути.

Запад это прекрасно понимает, и поэтому нас ожидают десятилетия тревог и войн, борьбы и лишений. Россия начинает медленно возвращать потерянное. Запад надеется не дать России это сделать. Цена успехов России будет лишь возрастать, но с этого пути страна не свернёт. Война разгорается. Суверенитет для России — это не конец пути, а лишь начало. Не цель, а средство. Целью является выход на утраченные позиции в области контроля над глобальными коммуникациями. Сделать это можно только став суверенными.

В этом и состоит смысл майских указов, и смысл всего, что после них происходит в России. В политических дрязгах на злобу дня этого ни в коем случае нельзя упускать из виду. Иначе просто не понять, зачем страна проходит сейчас через такие жертвы и усилия. Просто иначе нам не вернуть всего того, что мы так преступно потеряли, и не отстранить всех тех, кто принимал участие в этом преступлении — развале СССР, величайшей катастрофе XX века, катастрофе, порождающей колоссальную энергию сопротивления, как всегда в России бывало в условиях осады и отчаянной борьбы за жизнь народа и страны.

1.3. Вероятность появления принципиально новых сил и средств политики «новой публичной дипломатии» Запада

Основной прием информационной войны — это манипулирование близкой для определенной социальной группы идеологией посредством ее радикализации⁸⁹

*А. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета РФ*

Развитие России до 2024 года будет происходить, как уже говорилось, в крайне сложной ВПО и — что ещё хуже — при усиливающемся силовом давлении со стороны Запада. Это силовое давление и особенности ВПО, как я и предупреждал летом 2018 года⁹⁰, вообще не учитываются в том плане Правительства РФ, который был утверждён 27 сентября 2018 года в качестве плана действий по реализации послания Президента России от 1 марта.

Между тем особенности формирования внешних условий развития России, в которых будут решаться задачи социально-экономического развития страны, позволяют уже сделать вывод, что, как минимум, реализация этого плана (ОНОП) деятельности правительства встретит серьёзные трудности. Прежде всего, с точки зрения новых средств силового противоборства.

1.3.а). «Новая-старая» или «асимметричная реальность»

Стратегия — искусство распределения и применения военных средств, для осуществления целей политики⁹¹

*Б. Гарт,
военный теоретик*

1 октября 2018 года в Институте Международных и стратегических исследований США бы опубликован очередной доклад, систематизирующий

опыт применения невоенных средств политического и информационного насилия США, использующий, прежде всего опыт противостояния в Польше в 80-е годы и политики администрации Р. Рейгана. Цель доклада — максимально увеличить возможности политико-административного и информационного воздействия на Россию в условиях эскалации враждебного развития ВПО. Действия США в 2014-2018 годах подтверждают практическую направленность и адекватность этого доклада. Учитывая то обстоятельство, что доклад в основном отражает реальную политику Вашингтона, воспроизведём его части более подробно.

Так, авторы доклада откровенно пишут: «Наступательная кампания в США может включать несколько шагов:

Первое включает в себя откровенные и регулярные предупреждения США российским лидерам, как публичные, так и частные, о том, что их кампания по информационной войне будет встречена таким же решительным ответом. Старшие должностные лица США, такие как, Президент Дональд Трамп, серьезно не угрожали Москве, несмотря на существенные доказательства активности России на выборах в 2016 году в США; в частности, в этом убеждают российские усилия по использованию таких способов борьбы, как управление оружием, поддержка организации «Черная жизнь» и движения «#MeToo»; а также кибератаки даже против таких консервативных американских организаций, как Институт Гудзона и Международный республиканский институт.

Опыт того как реагируя на кампанию глобальных активных действий Советского Союза против Соединенных Штатов, президент США Рональд Рейган пообещал ответить силой и, в конечном счете, «оставить марксизм-ленинизм на пепельной истории», позволяет сделать вывод о том, что его политика была эффективной.

Во-вторых, Соединенные Штаты должны продолжать развивать свои наступательные кибер-способности и, что важно, — при необходимости использовать их. Решение президента Трампа подписать Президентский меморандум №13 Национальной безопасности, директиву, способствующую наступательным кибер-операциям в США, - является полезным шагом. Эта директива отменила более осторожный подход администрации Обамы в соответствии с директивой президента по вопросам политики за № 20. Но это изменение означает мало, если США

не смогут использовать или, что более важно, угрожать использовать кибератаки, чтобы защитить себя от кибер-операций перед такими странами, как Россия.

В-третьих, Соединенные Штаты должны предпринять шаги для ослабления и изоляции Москвы экономическим, военным и дипломатическим путем. Вашингтон мог бы предоставить явную и скрытую помощь правительствам, таким как Украина и Грузия, которые сражаются с поддерживаемыми Россией группами, чтобы ослабить хватку Москвы. Кроме того, авторитарная политическая система Москвы и попытка контролировать доступ к информации, в том числе через ее государственные СМИ, делают ее уязвимой для информационной и американской информационной кампании.

Авторитарная политическая система Москвы и попытка контролировать доступ к информации, в том числе через ее государственные СМИ, делают ее уязвимой для американской информационной кампании.

Кроме того, авторы доклада акцентируют внимание Вашингтона на том, что ему необходимо «активно освещать примеры российской злокачественной деятельности, нарушений прав человека и коррупции. Американским спецслужбам необходимо тесно сотрудничать с Белым Домом, чтобы быстро рассекретить информацию. В некоторых случаях может иметь смысл опубликовать информацию о российской деятельности через третьих лиц — например, СМИ или WikiLeaks — как это сделала Россия с электронными сообщениями Демократического национального комитета на выборах в 2016 году в США».

Далее в докладе следуют конкретные примеры подобных подрывных действий. По мнению авторов, примеры, которые могут быть выделены, включают:

- Прямое или косвенное участие России в нарушениях прав человека, включая использование Асадом химического оружия в Сирии или злоупотребления в Идлибе, Сирия.
- Вовлечение России в убийство (или покушение на убийство) перебежчиков, политических оппонентов, а также, журналистов и адвокатов, — расследование или преследование российской коррупции или нарушений прав человека.

- Российские доверенные лица участвовали в злоупотреблениях, таких как поддерживаемые Россией повстанческие группировки в Украине и негосударственные субъекты в Сирии. За последние несколько лет было много примеров, таких как сбитый в июле 2014 года рейс №17 «Малазийских авиалиний» со стороны российских повстанцев в Украине с использованием российской ракеты класса «земля-воздух».
- Коррупция и обман, скандалы в России.
- Информация и данные о российских солдатах, убитых и раненых в войнах в Сирии и Украине, политически чувствительном предмете для России.
- Российская поддержка террористических и повстанческих групп, таких как талибы в Афганистане и ливанские боевики «Хизбаллы», и шиитских боевиков в Сирии.
- Российские экономические проблемы.
- Антиправительственные беспорядки, протесты и демонстрации в России или в таких союзных странах, как Беларусь.
- Поддержка стран Балтии, Украины, Грузии и других стран, которые продолжают поддерживать свободу и демократию.

В заключении авторы делают вывод: «Ирония сегодняшней ситуации заключается в том, что Москва сейчас слабее, чем в 1980-х годах. Экономика России слаба, Москва потеряла большинство своих восточноевропейских союзников, и у нее нет популярной идеологии для продажи миру, не говоря уже о собственном народе. Настало время для Соединенных Штатов возродить модифицированную версию своего учебника «Холодная война» и разработать информационную кампанию, которая может конкурировать с Москвой. Еще не поздно».

Этот доклад крайне полезен для планирования политики безопасности России, в частности, планируя противодействие политике новой публичной дипломатии в отношении России, крайне важно максимально точно определить не только количество тех или иных средств противодействия, но и их предназначение, даже специализацию. Особенно, если речь идет о принципиально новых средствах и методах противодействия, разработка и внедрение которых требует времени и других ресурсов⁹².

Надо признать, что эта истина достаточно банальна для исследователей, но отнюдь не является таковой для политиков, а тем более учёных и преподавателей, которые формируют российскую элиту. В одной из диссертаций, например, пишется: «В эволюции публичной дипломатии можно выделить четыре основных исторических этапа. Первый, так называемый «до-Галлионовский» этап, связан с зарождением термина публичная дипломатия. Второй, или «пост-Галлионовский» этап, раскрывает сущность и особенности публичной дипломатии, начиная с середины 1960-х гг. до 1989 г. Третий этап включает в себя период от окончания «холодной войны» до террористических актов 11 сентября 2001 года. И четвертый, современный этап, который охватывает период после известных сентябрьских событий в США по настоящее время»⁹³. К сожалению, на этом этапе сохраняются все особенности публичной дипломатии.

Классическая современная концепция публичной дипломатии разработана деканом Школы права и дипломатии им. А.Б. Флэтчера Университета Тафта Э. Галлионом в середине 1960-х гг. Он дает публичной дипломатии следующее определение: «Под публичной дипломатией мы понимаем способы, с помощью которых правительства, отдельные группы и лица меняют установки и взгляды других народов и правительств таким образом, чтобы оказывать влияние на их внешнюю политику»⁹⁴. Именно это и будет главной целью политики в отношении России до 2040 года.

Именно правительства и правящие круги государств выстраивают стратегию, хотя она имеет в целях повышения ее эффективности и гибкости, несколько уровней и многих исполнителей, действующих строго системно и подконтрольно. В целях камуфлирования подлинной сути этой политики предлагаются разные «модели» — государственные, общественные, корпоративные и пр., — которые вроде бы действуют друг от друга отдельно. Речь идет, например, о модели Э. Гильбоа.

Присутствие нескольких моделей предполагает, что возможно использование средств и методов вне государства и без его вмешательства против другого государства, его институтов и правящей элиты. На самом деле системность, как принцип новой публичной дипломатии, предполагает, что против главной цели — правящей элиты — должны использоваться все средства и способы, но, прежде всего,

негосударственные. Если посмотреть на упомянутые модели, то легко представить себе общую цель: изменение политики, отказ от суверенитета и национальной идентичности, — против которой могут быть использованы все эти средства. И государственные, и общественно-политические, и корпоративные.

Таблица 1.3 Модели публичной дипломатии, предложенные Э. Гильбоа⁹⁵

	Модель Публичной дипломатии периода «холодной войны»	Негосударственная транснациональная модель	PR модель (лоббизм)
Акторы	государства	Транснациональные негосударственные акторы (индивиды, группы)	PR фирмы
Инициаторы	государства	Транснациональные негосударственные акторы (индивиды, группы)	Национальные государства
Цели	Распространить свою идеологию	Завоевать поддержку широких масс	Укрепить легитимность действий
СМИ/ технологии	Международное вещание	Глобальные информационные сети, СМИ	PR фирмы и их инструменты
Адресаты	Автократические режимы	Демократии	Демократии

В этом заключается суть и высокая степень эффективности средств и способов новой публичной дипломатии в условиях военно-силового противоборства:

- **во-первых**, государство не ожидает от негосударственных акторов, организаций и отдельных лиц агрессии;
- **во-вторых**, создается «эффект роя» когда против элиты (или ее отдельного представителя) используется весь набор силовых средств — информационных, экономических, политических, общественных и государственных и пр.;

- **в-третьих**, появляющиеся новые средства и методы (например, Веб 2.0 или Веб 3.0) могут приспосабливаться к использованию в целях противоборства

1.3.б). Многовариантность политики «силового принуждения»

Иногда складывается впечатление (бессознательно, но, чаще всего, под внешним воздействием), что в западной ЛЧЦ существуют отдельные элитные влиятельные группы и социальные слои, которые выступают за альтернативный сценарий развития МО в будущем, что на Западе происходит некая борьба за то, чтобы конфронтацию, противоборство с Россией перевести в плоскость сотрудничества⁹⁶. Эта тема становится особенно популярна накануне выборов в США или в Европе.

В действительности альтернативных влиятельных политических групп ни в США, ни в Европе нет. Попытка их анализа, предпринятая, например, И. Сафрончуком, безусловно, интересна и профессиональна, только она не имеет практического значения для прогноза развития сценариев МО. Он попытался следующим образом систематизировать основные моменты позиций скептиков, алармистов, реалистов и сторонников сотрудничества без условий в следующей таблице 1.4.⁹⁷

Как видно из приведенного сопоставления, только одна из групп теоретически выступает за сотрудничество, однако сколько-нибудь серьезного значения в политике США она не имеет. Таким образом, новая публичная дипломатия предоставляет в интересах противоборства широкий спектр средств, расширяя спектр традиционных средств до нового уровня и дополняя его качественно новыми средствами, одновременно разрабатывая все новые и новые способы их использования.

Известно, что новые средства, в особенности в областях новых технологий, не сразу могут найти политическое или военное применение, если изначально не ставиться такой задачи. Стратегия новой публичной дипломатии разрабатывает именно новые способы применения как традиционных, так и новых силовых средств.

Таблица 1.4

	Скептики	Алармисты	Реалисты	Сотрудничество без условий
Вектор развития России	упадок: Россия слабеет	подъем: Россия становится сильнее	признают и негативные, и позитивные тенденции в развитии России	Россия — нормальная, со своими особенностями, часть Запада
Проблема в ...	Путине и его элите	России как таковой	избегают однозначных формулировок	подходе западных стран
Решение	«осада» России и активное сдерживание ее внешней политики	активный «прессинг» России, противодействие ей на международной арене	иметь дело с такой Россией, какая есть; размены с учетом интересов РФ и США	корректировать подход западных стран и сотрудничать с Россией
Цель	дождаться коллапса нынешней системы в России и строить «другую Россию» (глубокие внутренние реформы)	ослабить Россию и заставить ее отказаться от геополитических амбиций	строить новый мировой порядок в имеющихся условиях (фактически признание многополярности), а не пытаться изменить мир вообще или Россию в частности «под себя»	выстраивать партнерские или даже союзнические отношения с Россией

Необходимо также понимать, что современные МО и ВПО характеризуются резким расширением всего спектра сил и средств публичной и официальной дипломатии, что за счет новых средств интеграции традиционных и можно проиллюстрировать на следующем примере⁹⁸.

Если говорить о военных средствах, то впечатляющий пример может дать массированное строительство в США КР всех типов базирования, численность которых к 2020 году может превысить 8000 единиц, что позволяет им вести длительную войну с разных стратегических направлений с любой страной. Это означает:

1). Что с помощью КР и других неядерных средств можно уничтожать СЯС противника, в т.ч. В хорошо защищенных объектах

Таблица 1.5 Полигонные наряды КР в обычном оснащении для поражения шахтных пусковых установок

Показатель	Полигонный наряд крылатых ракет в зависимости от величины кругового вероятного отклонения (КВО)				
	3	5	8	10	12
КВО, м	3	5	8	10	12
Наряд на ШПУ (D — 6 м)	5	14	35	54	78
Наряд на ШПУ (D — 18 м)	2	2	4	7	9

Крылатые ракеты с современными инерциальными системами и системами типа «Птан», «Вуп» и «Терком», получающие необходимую для навигации информацию с участков местности, неизвестных обороняющейся стороне, обладают точностью выхода к объекту атаки, достаточной для точного наведения с использованием систем распознавания цели.

Выводы о чрезвычайной сложности планирования одновременно скоординированного удара по большому количеству (несколько сотен) целей, расположенных на различных удалениях и большой площади, **не учитывают современных реалий**⁹⁹.

Действительно, в первых операциях в 1991–1999 годы, где были применены крылатые ракеты Ирак (1991, 1993, 1996, 1998 годы), Босния (1995 год), Афганистан и Судан (1998 год), Югославия (1999 год), количество применяемых ракет и условия их применения были существенно ограничены. Дело в том, что в начале и середине 1990-х годов на планирование ударов, подготовку ракет и иные операции **требовалось около 80 часов**. Неотъемлемой частью системы «Томагавк»

являлись два центра планирования, расположенные на территории ВМБ Норфолк и Кэмп-Смит.

Именно эта особенность объясняет достаточно низкую (по современным меркам) оперативность их применения с массированием преимущественно на начальном этапе операции.

С внедрением в конце 1990-х годов системы управления стрельбой ракетами «Томагавк» ATWCS (функционально и организационно эта система разделена на две подсистемы: расчета и контроля маршрутов полета ракет, а также управления предстартовой подготовкой и пуском («Advanced Tomahawk Weapon Control System»), развертываемой на морских носителях ВМС США, время подготовки ракет к пуску сократилось **до 25 часов**. Что позволило эффективно применять КР не только на начальном этапе боевых действий.

В результате этого в операции «Свобода Ирака» (Ирак, 2003 год) было применено более 800 крылатых ракет «Томагавк». Всего с учетом крылатых ракет воздушного базирования большой дальности ALCM и тактических КР SLAM, SLAM-ER, по разным оценкам, было применено около 1200 крылатых ракет. При этом только в первые двое суток были применены более 500 крылатых ракет, что больше, чем за всю первую войну в Заливе (Ирак, 1991 год).

Для более точной оценки тенденций изменения интенсивности применения КР в большей степени подходят примеры их применения в сопоставимых условиях, например, на одном театре военных действий.

Анализ показывает, что общее количество примененных в 2003 году крылатых ракет «Томагавк» увеличилось в 2,78 раза по сравнению с «точкой отсчета» — первым их применением в операции «Буря в пустыне» (1991 г.). При этом в первом ударе количество ракет увеличено почти в 3,3 раза.

С учетом опыта применения ракет «Томагавк» в боевых действиях в Ираке с 2004 года ведутся систематические работы по модернизации аппаратного и программного обеспечения системы управления стрельбой.

ВМС США уже с конца 2016 года получают очередную модернизированную систему управления стрельбой TTWCS («Tactical

Tomahawk Weapons Control System»). Считается, что проведенная модернизация позволит свести до минимума фактор человеческой ошибки, оборудование имеет повышенную киберзащиту, упрощенный пользовательский интерфейс и более высокую производительность.

По утверждениям разработчиков, при использовании ракет «Томагавк» Block 4 все операции по подготовке ракетного удара требуют не более часа, **после чего ракета может быть отправлена к цели.**

Так, в ходе завершающих испытаний новейшей модификации ракеты «Томагавк» Block 4 (11.01.2017) были проведены два тестовых пуска с борта эсминца USS «Pinckney» (DDG-91). Первая тестовая стрельба ракеты подразумевала максимально быструю подготовку к запуску, после чего «Томагавк» отправился к намеченной цели, следуя заложенной программе. Второй испытательный пуск был произведен без заранее подготовленной программы — с управлением ракетой во время полета.

Исходя из приведенных данных, можно предполагать, что оперативность подготовки полетных заданий для крылатых ракет по сравнению с 2003 годом существенно возросла.

Учитывая динамику количественного и качественного изменения запасов крылатых ракет в США, с большой долей вероятности можно прогнозировать значительное (в разы) увеличение масштаба применения крылатых ракет в будущих вооруженных конфликтах.

Это обусловлено двумя основными причинами:

- во-первых, значительным ростом запасов крылатых ракет в обычном снаряжении — к 2020 году только в США будет более 8 000 современных крылатых ракет большой дальности (планируется иметь не менее 4 000 КРМБ «Tomahawk» только последних модификаций Block 4, около 3 000 КРВБ JASSM и 1 500 КРВБ увеличенной дальности JASSM-ER)¹⁰⁰;
- во-вторых, увеличением количества, как самих носителей крылатых ракет, так и значительным увеличением количества ракет на самих носителях как морских, так и авиационных.

2). Вести войну на разных ТВД без использования ЯО.

Рис. 1.10 Расширение спектра сил и средств публичной и официальной дипломатии в XXI веке (на примере МИД и МО РФ)

Очень условно, но мы можем выделить следующие традиционные области, которые стали более активно использоваться в XXI веке (сектор A–A'' и сектор B–B'')¹⁰¹:

- «спорт» (дисквалификация);
- «евровидение»;
- массовые мероприятия.

Кроме того, открыты новые области, где быстро увеличивается спектр мер, сил и средств публичной дипломатии, которым предстоит противостоять в реализации стратегического сдерживания:

- сетевые СМИ;
- веб 2.0 технологии и т.д.

Суть реализации военно-силового «варианта № 4» новой публичной дипломатии будет заключаться в том, чтобы:

Во-первых, накрыть сетью связей, влияния, воздействия максимально плотно все российское общество, состоящей из множества различных общественных связей, коммуникаций, привязанностей, мод и т.д. С целью интегрировать это общество (но прежде всего его элиту) в эту сеть, соответствующую требованиям западной ЛЧЦ.

Представьте себе шахматную доску, на которой расставлены фигуры противника. Но вам не надо их сбивать — достаточно просто накрыть сетью, часть которой будет очень привлекательна («белая»), часть — менее («зеленая»), а часть (очень небольшая) — враждебна. Эта цветная сеть не вызовет отторжения и скорее всего будет воспринята обществом с энтузиазмом, ведь она дает услуги общения, интернета, моды, работы, наконец. (Вспомните джинсы, жвачку и т.п.). И только со временем люди начнут понимать, что они оказались в полной зависимости от сети, лишены суверенитета, национальной идентичности, культуры, наконец.

Во-вторых, существующее и создающееся высокоточное оружие может быть использовано (системно и очень избирательно) избирательно против тех целей, которые не попали в зависимость от сети, которые остались очагами сопротивления, сохранили суверенитет и идентичность. Это могут быть государственные и общественные институты, регионы, клубы и т.д.

Наконец, следует помнить о неизбежном появлении новых парадигм и необходимости их учитывать в будущей стратегии, а еще лучше — самим планировать и создавать такие парадигмы. Что вполне возможно, если, например, отказаться от только традиционного подхода ответа на угрозы и перейти к подходу «создание новых возможностей». Математики научились моделировать процесс появления инноваций.

Иллюстрация математической модели смежных возможностей в виде графа: вершины серого цвета — уже посещенные, известные; белые вершины в (а) представляют смежные возможности. При посещении (открытии) белой вершины проявляется множество новых смежных возможностей (новый фрагмент графа с белыми вершинами), существование которых нельзя было предсказать ранее (b) Vittorio Loreto et al.

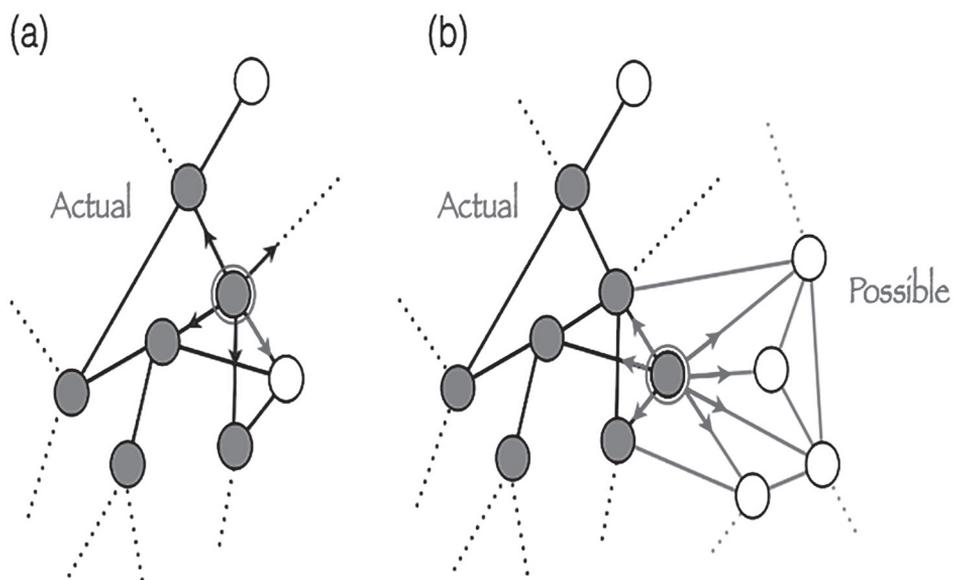

Рис. 1.11

Группа итальянских и американских ученых разработала математическую модель, которая описывает универсальные законы, регулирующие вероятность появления инноваций. Работа сообщает о новом подходе к изучению взаимодействия потенциальных возможностей с существующей реальностью, благодаря чему и совершаются новые открытия. Препринт статьи выложен в архиве Корнуэльского университета.

Процесс появления открытий и инноваций — малоизученная область, хотя выявление факторов, способствующих ему, помогло бы оптимизировать условия научно-технического прогресса в будущем. Попытки многих исследователей, от экономистов и инженеров до биологов и антропологов, изучающих вероятность появления инноваций, не достигли большого успеха. Частота возникновения инноваций тщательно измерена — она следует хорошо изученным шаблонам, которые наблюдаются во многих не связанных между собой областях; тем не менее, до сих пор никто не смог объяснить их природу.

Представление о том, что инновации возникают при взаимодействии существующей и возможной реальностей, было впервые формализовано Стюартом Кауффманом. В книге, вышедшей в 2002 году,

Кауффман ввел понятие «смежной возможности» в контексте биологической эволюции и теории эволюционного усложнения. Смежные возможности — идеи, слова, песни, молекулы, технологии и так далее — находятся в одном шаге от уже известных существующих аналогов и могут быть получены постепенным изменением или рекомбинацией имеющихся сущностей. Они соединяют фактическую реализацию конкретного феномена с множеством альтернативных неисследованных возможностей. При каждом новом открытии пространство смежных возможностей только расширяется.

Однако модель смежных возможностей довольно сложно формализовать, поскольку альтернативные возможности включают как ожидаемые и «представимые», так и полностью неожиданные. Если первые можно смоделировать, то формализовать вторые практически нереально. Более того, каждая инновация влечет за собой изменения в поле будущих возможностей, то есть пространство неисследованных смежных возможностей тоже постоянно меняется.

Тем не менее, при всей своей сложности процесс возникновения инноваций следует предсказуемым и легко измеримым эмпирическим закономерностям, наблюдаемым во многих областях знания. Например, одна из них встречается в лингвистике: закон Хипса говорит о том, что число различных слов в тексте с ростом длины анализируемого текста растет примерно как квадратный корень от числа слов в тексте. Параметры роста зависят от конкретного случая; например, для англоязычного корпуса показано, что рост идет со степенью из промежутка 0,4–0,6.

Другая хорошо известная эмпирическая закономерность — закон Ципфа — описывает распределение частоты встречаемости в речи слов естественного языка (то есть говорит о взаимосвязи частоты появления нового слова и его популярности): в произвольном тексте самое частотное слово встречается примерно в два раза чаще второго по частотности слова, и так далее. Так, в английском языке самое частотное слово — артикль «the» — составляет примерно 7% всех слов в тексте, следующий по частоте предлог «of» — примерно 3,5%, и так далее. Закон Ципфа работает в различных областях, например, аналогичное распределение частот наблюдается при появлении новых статей и правок в «Википедии» или при прослушивании музыки онлайн.

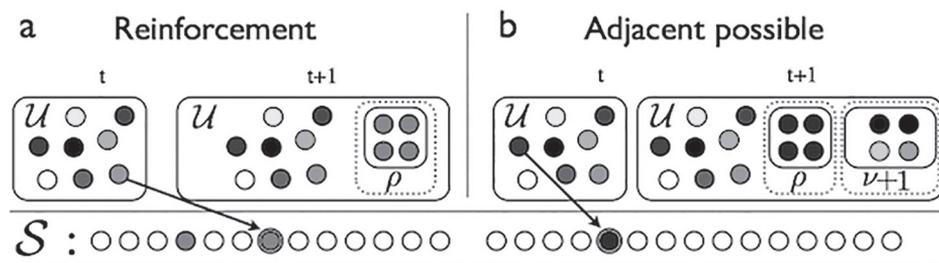

Рис. 1.12 Схема модели урны Пойа

Упомянутые примеры — это эмпирические закономерности, полученные в результате измерений. Целью новой работы стало построение математической модели, способной воспроизвести распределение, полученное эмпирическим путем.

В качестве основы ученые взяли математическую модель, известную под названием урны Пойа: урна заполнена разноцветными шарами, из нее последовательно достают по одному шару и возвращают его в урну вместе с некоторым количеством шаров такого же цвета, увеличивая вероятность вытягивания шара этого цвета в будущем.

Однако сама по себе эта модель не производит сублинейный рост частоты, описываемый законом Хипса, поскольку урна Пойа моделирует только частоту появления уже известных цветов, но не учитывает совершенно новые смежные возможности. Поэтому математики дополнили исходную модель так, чтобы при получении нового цвета модель могла вызвать абсолютно неожиданные последствия в соответствии с концепцией смежных возможностей. Они назвали свою модель «урной Пойа с триггером инновации». Изначально урна заполнена разноцветными шарами, из нее вытягивается произвольный шар и возвращается в урну вместе с некоторым количеством шаров этого же цвета. Если этого цвета еще не было в предыдущих итерациях процесса, то в урну добавляется еще несколько шаров новых цветов, которых не было в урне.

Схема модели урны Пойа с триггером инновации. (а) Базовый шаг эволюции с усилением. Элемент (серый шар), который уже попался в предыдущих итерациях, учитывается в последовательности S и возвращается в урну U вместе с ρ шарами такого же цвета. (б) Базовый шаг эволюции со смежными возможностями. При вытягивании шара с цветом,

который не выпадал раньше (на картинке красный), в урну добавляется $v + 1$ шаров с совершенно новыми цветами, вместе с q шарами красного цвета.

Математики подсчитали распределение шаров разного цвета в урне с течением времени — оказалось, что оно соответствует законам Хипса и Ципфа, то есть модель действительно воспроизводит эмпирические наблюдения, которые встречаются в реальном мире. Модель аккуратно предсказывает частоту правок «Википедии», возникновение ссылок в социальных сетях, частоту появления новых слов в текстах и прослушивания новых музыкальных треков в музыкальных онлайн-каталогах.

Интересно, что модель объединяет две разные формы открытий: с одной стороны, это могут быть уже известные явления, новые лишь для конкретного человека (например, песня в онлайн-каталоге), с другой — ранее не существовавшие, такие как новые правки в «Википедии». Математики назвали первые новинками (*Novelties*), а вторые — инновациями (*innovations*), и оказалось, что модель корректно учитывает оба феномена: похоже, что процесс обнаружения новинок аналогичен процессу возникновения инноваций из поля смежных возможностей.

Ученые отмечают, что их модель обеспечивает совершенно новый подход к изучению инноваций и событий, способных вызвать появление чего-то нового. Полученные результаты могут стать отправной точкой для более глубокого понимания смежных возможностей и природы событий, влекущих за собой инновации в биологии, лингвистике, культуре и технологиях (Надежда Бессонова).

1.3.в). Новая роль «мягкой силы»

«Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности¹⁰².

Переход к многополярности, по сути, являющейся альтернативой концепции развития мирового сообщества, разработанной в рамках Вашингтонского консенсуса (1992 г.), особенно сложно воспринимается правящими элитами ряда стран, которые считают себя победительницами в холодной войне.

Получивший развитие в последние десятилетия процесс постепенного упразднения роли национальных государств и осознанное формирование социумов в этих странах, не способных самоидентифицироваться с традициями, языком, обычаями и этносоциальными устоями, **де-факто направлен на создание и функционирование единого элитарного центра, который может управлять людьми с помощью новейших информационных технологий.**

Именно с этой целью повсеместно популяризируются национальные и зарубежные социальные сети, проводятся флешмобы как инструменты обеспечения монополярности, финансово поддерживаемые странами, после распада СССР считающими себя победителями в противостоянии, где приоритет и перевес в экономической, культурной, политической и военной власти принадлежит США.

В связи с этим с новой силой развивается дискуссия о роли «мягкой силы» в мировом развитии, о власти элит и правящего истеблишмента в современном мире. **Власть — это способность влиять на поведение других людей с целью добиться желаемых результатов, в том числе путем принуждения и угроз, повышения уровня оплаты тех или иных услуг, привлечения своим примером или возбуждения желания копировать те или иные действия.** «Мягкая сила» — это возможность заставить других захотеть тех результатов, которые желательны для управляющих процессом. «Мягкая сила» кооптирует людей, вовлекает в процесс, не принуждая их. Она находится в прямой зависимости от способности формировать в обществе предпочтения, которые воспринимаются сообществом.

«Мягкая сила» — это инструмент внешней политики страны, который реализуется за ее территориальными пределами, в том числе с использованием средств внешнеэкономической политики.

«Мягкая сила» является основным элементом ежедневной демократической политики. Способность устанавливать предпочтения, как правило, связана с нематериальными активами, такими как привлекательная личность, культура, политические ценности и институты, а также политика, которая считается законной или имеет моральный авторитет. «Мягкая сила» — это больше, чем просто убеждение или способность управлять людьми, это привлекательная для людей сила, но одновременно

это и политика создания условий соответствия людей системе координат, задаваемых лидерами политики «мягкой силы». «Мягкая сила» — это неосязаемая сила притяжения, олицетворяющая общие ценности и одновременно побуждение к содействию со стороны разделяющих эту точку зрения для достижения подобных ценностей.

Информационная революция создает виртуальные сообщества и сети, которые пересекают национальные границы. Возрастание роли ТНК и МНК в условиях монополярности, как и возрастание роли негосударственных субъектов (НКО) в условиях глобализации создает предпосылки того, что эти субъекты будут выступать в качестве такой «мягкой силы» на территории стран, являющихся реципиентами услуг, товаров, получателей грантов и разнообразной гуманитарной помощи. Эти организации, особенно НКО, используют именно «мягкую силу», вовлекая граждан в коалиции, которые мыслят и действуют через национальные границы. Политическое лидерство частично является конкуренцией за привлекательность, легитимность и авторитет. Способность делиться информацией и верить становится важным источником притяжения и власти¹⁰³.

«Мягкая сила» — это инструмент внешней политики страны, который реализуется за ее территориальными пределами, в том числе с использованием средств внешнеэкономической политики. Термин «мягкая сила» подразумевает реализацию стратегии внешней политики страны за пределами ее государственных границ, включая работу с диаспорами за рубежом.

В качестве институтов реализации «мягкой силы» той или иной страны выступают различные неправительственные и частные фонды, структуры, институты, работающие на территории других стран. Иногда это просто неофициальная поддержка официальной внешнеполитической линии, но порой и деятельность, которую не может позволить себе официальная дипломатия. В ряде случаев тактика реализации стратегии «мягкой силы» отдельными государствами на территории ряда стран может быть связана с деятельностью, направленной на изменение внутренней политики того или иного государства. Например, реализация политики «мягкой силы» в КНР идет по нескольким направлениям: развитие общественной дипломатии, интенсификация образовательных обменов,

дипломатия помощи, работа с диаспорой, продвижение культуры, создание благоприятного имиджа страны и участие в международных организациях.

Понятие «мягкой силы» имеет два аспекта — **собственно содержания и механизма реализации**. К содержательному аспекту относятся культура страны, ее язык, уровень научных достижений, привлекательность ее системы образования и здравоохранения, а также привлекательность ее социально-экономической модели в целом.

Инструментами реализации «мягкой силы» являются конкретные институты, через которые может проявляться ее сущностный аспект — различные благотворительные фонды, иные правительственные и неправительственные организации, СМИ, научные и образовательные центры и т.д.

В современном мире **результативность составляющих «мягкой силы» определяется факторами, представленными на рис.1. 13** ¹⁰⁴

Одновременно Центром публичной дипломатии США проводится ежегодный анализ уровня результативности реализации мировой политики «мягкой силы» отдельными странами и рассчитывается соответствующий рейтинг (рис. 1.14) ¹⁰⁵.

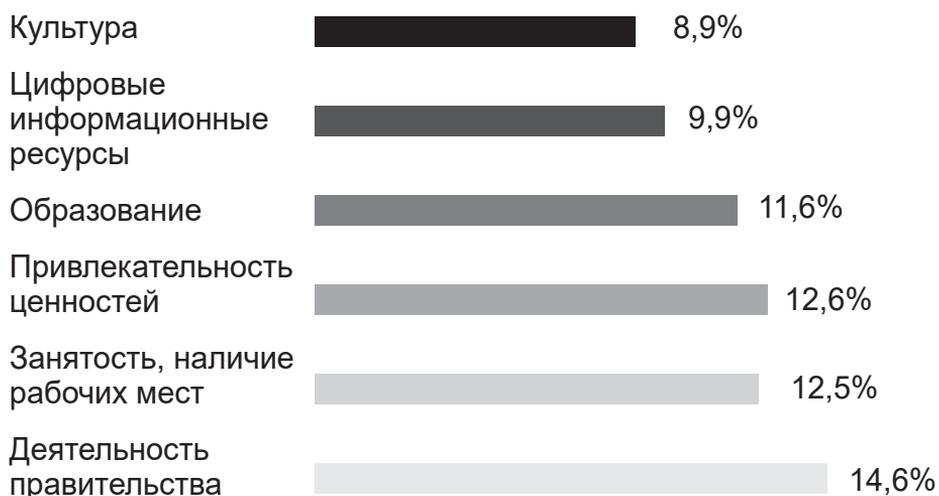

Рис. 1.13 Удельный вес факторов «мягкой силы» в современном мире

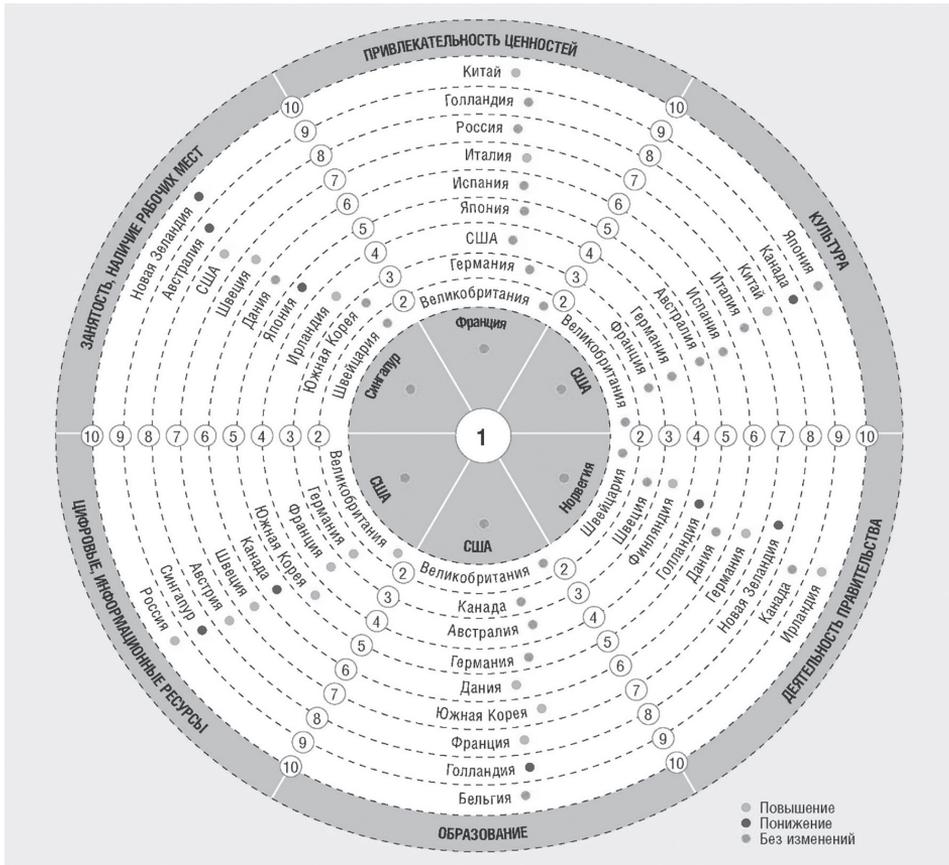

Рис. 1.14 Сравнительный анализ уровня результативности реализации мировой политики «мягкой силы» десяти ведущих стран в 2017 году

Согласно этому анализу, в 2017 г. Россия несколько улучшила свое положение в рейтинге в части развития цифровизации экономики и общественно-политической жизни, но снизился уровень ее привлекательности. Это связано, во-первых, с информационными технологиями, используемыми против нашей страны. О политизации говорят, к примеру, следующие аргументы, рассматриваемые в данном исследовании.

Главным условием демократии авторы определяют исключительно глобализированное мировое сообщество, где полностью унифицированы национально-этнические, исторические и культурно-ментальные особенности наций и народностей.

Во-вторых, процесс урбанизации, развивающийся во всех странах, обуславливает акцентирование внимания акторов, реализующих политику «мягкой силы», на работе с городскими общинами и населением городов, учитывая, что из пригородов и деревень в города переселяется в основном молодежь. На фоне снижения роли государственного регулирования и управления именно население городов и их истеблишмент представляют собой «зеленые побег» здорового будущего глобализированного мирового сообщества, именно города являются объектами приложения «мягкой силы» в современной внешнеполитической доктрине западных стран.

Авторам хотелось бы обратить внимание на факт использования в национальных интересах «мягкой силы» такой страной, как Исламская Республика Иран. В Иране влияние на внешнеполитическом контуре рассматривается как элемент обеспечения национальной безопасности и определяется, **как желание увидеть благожелательно настроенный регион, страну или территорию по отношению к государству, которое «оказывает это влияние»**. В качестве базового критерия выступает необходимость наличия условий восприятия территориями влияния национальных интересов государства, реализующего стратегию влияния, при соблюдении принципа сохранения равноправия голосов на международном уровне в случае рассмотрения спорных вопросов, касающихся государства, осуществляющего свое влияние, и сопряженных территорий и регионов. Данный подход достаточно открыто дебатруется в национальных СМИ, но в условиях доминирования в современных международных отношениях принципов формирования национальных интересов согласно Гансу Моргентау (то есть силового балансирования) сферы влияния определяются де-факто любым государством, имеющим свои национальные интересы и стремящимся сохранить свой национальный суверенитет.

В Иране же выдвигается критерий «благожелательности отношения территории» при **равноправии** сторон при рассмотрении вопросов, важных для развития Ирана и территорий влияния, что является специфическим критерием, имманентным именно этой стране. Иранцы рассматривают свою страну как региональную державу, а формирование и наличие «сферы влияния за пределами своих территориальных гра-

ниц» — как важный аспект реализации национальных интересов. Такой подход граничит с политикой вмешательства во внутренние дела стран, но Иран использует механизм «мягкой силы», опираясь на религиозную и национальную идентичность граждан этих стран. Развитие, сохранение и даже расширение сферы влияния Ирана реализуется с учетом того, что каждая страна, входящая в эту сферу, может проводить политику, отличную от целей и задач Ирана. Как отмечает ряд экспертов, арабские страны инвестировали во Францию десятки миллионов долларов, чтобы использовать финансовые пузыри и содействовать более глубокому вписыванию экономики страны в глобальные императивы, что может отрицательно сказываться на экономической, социальной, культурной самостоятельности Франции. Таким образом, национальные интересы Ирана — это обеспечение благосостояния народа, территориальная целостность и проведение военной, политической, социальной, экономической и культурной политики, отвечающей задачам независимого от внешнего управления развития страны.

В 2010 г. В предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» В.В. Путин четко определил «мягкую силу» как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия». Вместе с тем, как свидетельствует развитие политологических идей в России, к 2016 г. В области применения инструментов «мягкой силы» РФ и публичной дипломатии сформировались две проблемы:

- отсутствие в классическом понимании российской национальной концепции «мягкой силы»;
- отсутствие четкого понимания сущностного содержания публичной дипломатии как политики, осуществляемой через соответствующие институты и механизмы.

Реализация на территории России договоренностей Вашингтонского консенсуса обусловила отрицательное восприятие населением России (особенно молодежью) национальной культуры, языка, литературы, религии и национально-этических традиций как исторических ценностей, обеспечивающих самоидентификацию социума в мировом сообществе.

Как результат, в России в условиях отсутствия четкой ориентированности национальных интересов на самоидентификацию

в мировом сообществе инструмент «мягкой силы» фактически используется недостаточно полно, а подчас и недооценивается исполнителями на местах.

Реализация на территории России и других стран ЕАЭС договоренностей Вашингтонского консенсуса (1992 г.) обусловила резкое ослабление роли государств в развитии и регулировании общества, привела к утрате российским социумом его исторической роли в мировом сообществе, превращению страны в «сырьевой источник» развитых экономик и, самое главное, обусловила **отрицательное восприятие населением России (особенно молодежью)** национальной культуры, языка, литературы, религии и национально-этических традиций как **исторических ценностей**, обеспечивающих самоидентификацию социума в мировом сообществе.

- Как следствие имманентными стали применительно к «мягкой силе»:
- отсутствие координации в работе, которую ведут разные ведомства и организации;
  - отсутствие понимания предмета работы у большей части чиновничьего аппарата;
  - формализация решения задач публичной дипломатии, что в результате стало дискредитировать имидж России в глазах, как соотечественников, так и представителей потенциальных сфер влияния.

Использование понятия «общественная дипломатия» в практике российских институтов фактически не отражает характер работы по тем направлениям, на которые российское государство пытается делать ставку в рамках работы с зарубежной общественностью.

В обновленной редакции Концепции внешней политики России (30 ноября 2016 г.) **использование инструментов «мягкой силы» рассматривается как неотъемлемая составляющая внешней политики России.** К инструментам «мягкой силы» относятся информационно-коммуникационные, гуманитарные возможности, а также возможности гражданского общества. В связи с этим в рамках внешнеполитической доктрины налицо тот факт, что «мягкая сила» **понимается не как концепция или набор идей, транслируемых Россией вовне, а как система инструментов и механизмов достижения внешнеполитических**

целей. Другими словами, концепция «мягкой силы» подменяется инструментарием, который позволяет ее реализовывать. Что касается понятия «публичная дипломатия», то в Концепции внешней политики России оно отсутствует полностью, а базовые направления публичной дипломатии упоминаются в контексте общественной дипломатии или вообще выделены в самостоятельные разделы.

1.3.г). Терроризм и экстремизм как средство политики «силового принуждения» России

Скользкий путь вниз начался...
с преждевременного расширения НАТО¹⁰⁶

*У. Перри,
бывший министр обороны США*

Думать о том, что отношения между Россией и США, как лидера западной коалиции, могли бы быть другими, если бы... — наивно. Ни при каких условиях и раскладах военно-силовое противоборство с Россией не заканчивается: добившись поэтапно решения задач по развалу ОВД, разрушению СССР, созданию антироссийских сил на бывших советских территориях, США хотят завершить свою долгосрочную стратегию в отношении России её полным разделом на отдельные территории, десоверенизацией и ликвидацией нации. Это — стратегическая цель, которой можно добиваться разными средствами. Правящей элите США не откажешь в умении формулировать и добиваться последовательно долгосрочных целей.

Терроризм и экстремизм — очень эффективные инструменты внешней политики по отношению к любым акторам, в том числе и государствам, потому что это средство относительно дешево, гораздо менее рискованно, чем военные средства, политически не выражено отчётливо и, главное, не требует прямого физического участия в силовом противоборстве. В противоборстве между ЛЧЦ и их коалициями терроризм и экстремизм становится одним из основных средств силового воздействия в силу сразу нескольких причин. Насколько он оказался эффективен, показали события на Украине в январе-мае 2014 года, когда

созданные террористические и экстремистские организации смогли выполнить задачи воспитанной Госдепом и ЦРУ США правящей элиты Украины. Власть в стране была захвачена иностранным правительством без интервенций, более того, сама страна — превращена в противника главного оппонента западной коалиции.

Во-первых, противоборство между ЛЧЦ и их коалициями предполагает неизбежную и ожесточённую борьбу за продвижение «своих» систем ценностей и противодействие «чужим» системам ценностей. Это относится ко всем ЛЧЦ, а не только мусульманской, как принято считать, исходя из опыта борьбы в Северокавказском регионе (СКР). Так, Красинский В.В., например, пишет: «По мнению радикальных приверженцев «чистого ислама», решающим свидетельством единобожия (таухида) является абсолютное подчинение салафитско-ваххабитской общине и вражда по отношению к инаковерующим, которое... требует устранения «власти неверных» и построения исламского государства»¹⁰⁷.

Но, примечательно, что такой же, по сути, подход (выраженный несколькими иными словосочетаниями) присутствует и в политике США, где система ценностей нации признаётся лучшей в мире, а её нормы — универсальными¹⁰⁸. Причём продвижение этой системы ценностей предполагается силовыми, в т.ч. военными, средствами и способами.

Важно также, что, то государство, которое отказывалось от подобной политики, выраженной в продвижении собственной идеологии, становилось «не интересным» в качестве участника коалиции и центра формирования ЛЧЦ. Именно это произошло с Россией и происходит отчасти ещё и сегодня. Как справедливо отметил А.А. Громыко, «Внешняя политика государства (России в послесоветский период — *А.П.*) шла на ощупь, следуя за новыми идеологическими и мировоззренческими установками политического руководства, которые по ходу дела претерпевали существенные изменения»¹⁰⁹.

Во-вторых, международный терроризм и экстремизм — уникальное средство силового вмешательства во внутриполитические дела государств. Международный терроризм тесно связан с таким понятием, как «облачный противник», когда силовое и вооруженное воздействие на противника оказывает третья, как правило, малоизвестная или вообще не известная, сторона. Особенно важно использование «облачного

противника» для внутривнутриполитической дестабилизации крупных и развитых государств, например, как это делалось многие годы на Украине и в других бывших советских республиках, где создавался самый широкий спектр антирусских организаций — от культурологических до военных. Политические риски, например, в отношениях США и России в 90-е годы, когда на Украине и в других бывших союзных республиках готовились антирусские силы, были сведены к минимуму. Стороны старательно «не замечали», что антирусский потенциал накапливался и тщательно культивировался в правящих элитах и обществе.

Страшные итоги присутствия США и НАТО в Афганистане

Многолетнее комплексное исследование, проведённое научным коллективом американского Brown University и опубликованное в минувший четверг, 8 ноября 2018 года, позволило оценить точные потери афганского народа в ходе глобальной «войны с террором», развязанной США и их союзниками из блока НАТО.

В этом американском научном труде, основываясь на огромном массиве фактологических данных, было с высокой степенью точности оценено число погибших гражданских лиц, число погибших лиц из состава местных военных и полицейских сил, а также число боевиков из различных группировок, погибших непосредственно от прямого военного насилия в период с 2001 по 2018 годы.

Рис.1.15

Сообщается, что только по чисто военным причинам за 17 лет, по состоянию на октябрь 2018 года, погибло более 139 000 афганцев, включая потери среди нонкомбатантов, потери проправительственных сил и потери боевиков. К этой цифре следует прибавить 6334 американских солдат и контрактных работников из различных связанных с войной структур, а также 1103 солдата и контрактных служащих из других стран НАТО.

Американские исследователи подчёркивают, что озвученные потери местных уроженцев являются минимальными и включают в себя только достоверно известные данные. Количество же смертей, по которым нет точной информации, и смертей по косвенно связанным с боевыми операциями причинам в несколько раз больше, чем число погибших от прямых военных воздействий, и, вероятно, превышает 1 млн. человек.

Всего же, как отмечается в данном исследовании, глобальная война США и НАТО с террором с 2001 по 2018 годы стала причиной гибели 507 000 человек в Афганистане, Ираке и Пакистане (и это без учёта Сирии и ряда иных стран). В частности, в Пакистане погибло 65 000 человек, включая 90 американских солдат, почти 9 000 местных силовиков и 23 000 гражданских лиц; остальные жертвы — боевики. Число лиц, погибших непосредственно от боевых действий в Ираке в 2003-2018 годах, оценивается американским научным коллективом от 268 000 до 295 000 человек.

В докладе также сообщается о том, что беженцами из Афганистана по причине боевых действий стало 2,6 млн. человек, из которых 1,3 млн. проживает в Пакистане, а 0,9 млн. — в Иране.

В-третьих, терроризм дешёв в качестве средства политики. Достаточно сравнить стоимость операции по дестабилизации Украины, которая даже по официальным оценкам составила 5 млрд. долларов и стоимость интервенции в Ирак — более 1 трлн. долларов. Это показывает, что относительно небольшие суммы, инвестированные США в экстремистские и террористические организации, позволяют получить желаемый эффект. Этот эффект на Ближнем Востоке — внутривосточная дестабилизация максимально широкого круга стран. Чего, кстати, США добились — в Афганистане, Ираке, Иране, Сирии, Иордании, Египте и других странах (даже лояльных США Кувейте, Катаре и КСА) сохра-

няется «потенциал дестабилизации», который, как в Турции, может при необходимости сработать.

Конкретный пример — Сирия, где США уже многие годы сознательно тщательно культивируют террористические группировки, используя их не только против правительства страны, но и в качестве инструмента давления на Иран, Ирак, Турцию и Россию. Как только проявилась реальная возможность окончательного разгрома террористов, США активизировались, более того, демонстративно зафиксировали свою военную активность, объявив о начале военных учений. Учения возглавляемой США международной коалиции на востоке Сирии являются ответом Соединенных Штатов на «серию угроз российских военных», утверждают источники CNN. По их словам, командование отдало приказ о проведении учений конкретно после поступившего 1 сентября 2018 года от России предостережения о намерении ввести войска в зону на юге Сирии. Как сообщает телеканал, в маневрах принимают участие более 100 американских военнослужащих.

Сообщение об учениях в районе гарнизона Эт-Танф и 55-километровой зоны вокруг него накануне опубликовало центральное командование США. В сообщении отмечалось, что центральное командование уведомило российскую сторону, чтобы избежать недопонимания или эскалации. Сколько продлятся маневры не уточнялось. Ранее CNN сообщал, что за первую неделю сентября Россия дважды предупредила США, что вместе с сирийскими войсками готова нанести удары по тем территориям в Сирии, на которых находятся американские военные. Москва считает, что в районе Эт-Танф в провинции Хомс, где находится американская база, скрываются боевики. Власти США опасаются, что Россия может применить авиацию или свои военные корабли в восточной части Средиземного моря для нанесения ракетного удара по этому району. Власти США предупреждают, что неточный удар России может привести к конфронтации, в которую будут «непреднамеренно вовлечены американские силы»¹¹⁰. За несколько дней до этого президенты России, Турции и Ирана обсудили ситуацию в Сирии. Владимир Путин, Реджеп Тайип Эрдоган и Хасан Роухани призвали террористов сложить оружие.

В-четвертых, международный терроризм и экстремизм — универсальное средство, которое используют государства (или дают исполь-

зовать) даже при наличии нормальных политических и экономических отношений, не говоря уже об их применении в условиях эскалации военно-силового противоборства, которое имеет место сегодня. В 90-е годы, например, страны ЕС, да и сам ЕС, активно, а иногда и публично, поддерживали террористов на Северном Кавказе, которых они объявили «борцами с российским империализмом». Более того, вокруг этой борьбы с помощью стран западной коалиции формировались те силы, которые потом будут активно участвовать в вооруженной борьбе с Россией в Грузии, на Украине и в самой России.

В настоящее время террористические и экстремистские организации поддерживаются США и их союзниками — политически, информационно, финансово, военно-технически — во многих странах, но особенно откровенно в Сирии. При этом формально США и их союзники не отказываются от сотрудничества с другими странами, которое они, вероятно, хотят использовать для сохранения некоторого контроля над деятельностью России. Как отметил заместитель министра иностранных дел О.В. Сыромолотов осенью 2018 года, «В ходе встречи в Хельсинки 16 июля с.г. Президент России В.В. Путин напомнил Д. Трампу о нашей инициативе воссоздать двустороннюю Рабочую группу по антитеррору. Данная тема также поднималась на консультациях Секретаря Совета безопасности России Н.П. Патрушева и советника президента США по национальной безопасности Дж. Болтона (Женева, 23 августа с.г.). В настоящее время по линии профильных ведомств России и США, контакты между которыми никогда не прекращались, уточняются соответствующие параметры. Сейчас было бы преждевременно предвосхищать результаты. Мы неизменно выступали и выступаем за неполитизированное, равноправное и основанное на учете взаимных интересов сотрудничество с США в сфере антитеррора»¹¹¹.

Вопрос: Как Вы относитесь к идее США создать «арабскую НАТО» (Ближневосточный стратегический альянс MESA), целью которой является борьба с терроризмом и экстремизмом?

Ответ: Насколько мы понимаем, обозначение альянса как аналога «арабской НАТО» не вполне корректно. В качестве ключевых задач этой военно-политической структуры заявляются, борьба с терроризмом и поддержание стабильности в зоне Персидского залива. При этом речь

не идет о «жестких» обязательствах по коллективной обороне, которые прописаны в статье 5 Вашингтонского договора.

Судя по всему, инициатива находится пока в зачаточной форме. Администрация США проводит «разъяснительную» работу с государствами-участниками Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Иорданией и Египтом, и, как представляется, их мнение в любом случае будет решающим. Однако уже сейчас просматривается немало подводных камней, главный из которых связан с явной антииранской направленностью американской задумки — ведь Тегеран не приглашают к участию в создаваемом альянсе. Серьезную опасность несет в себе и перспектива дальнейшей накачки региона американскими вооружениями и техникой, что не будет способствовать укреплению там мира, добрососедства и устойчивого развития¹¹².

Откровенно говоря, у нас есть сомнения в реализуемости и, главное, «добавленной стоимости» американской инициативы. Дальнейшая милитаризация региона, ставка на «блоковый подход» и сталкивание интересов государств арабского мира вряд ли будет содействовать оздоровлению обстановки в зоне Персидского залива, преодолению кризиса в отношениях между аравийскими монархиями и Ираном. В нынешних условиях требуются коллективные действия в целях создания в регионе целостной системы коллективной безопасности и сотрудничества на основе равноправного сотрудничества и действенных мер доверия.

В этой связи хотел бы напомнить о продвигаемой Россией концепции безопасности в зоне Персидского залива, которая предусматривает поэтапное продвижение к созданию такой системы, которая бы учитывала интересы всех государств региона. Нынешняя эскалация на Ближнем Востоке, обусловленная высокой террористической активностью, взятый Вашингтоном курсом на слом Совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению мирного характера иранской ядерной программы, пробуксовкой усилий по созданию в регионе зоны, свободной от ОМУ, делает данный российский проект еще более востребованным.

Вопрос: Не могли бы Вы внести ясность — считает ли Россия движение «Талибан» террористическим? Если да, то как же их приглашают в Россию? Если нет, то почему талибы числятся в соответствующем списке ФСБ?

Ответ: в соответствии с решением Верховного Суда Российской Федерации от 2003 г. «Движение Талибан» признано террористическим и включено в публикуемый на сайте Национального антитеррористического комитета Единый федеральный список организаций, в т.ч. иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Тем не менее, конкретные лица в этом списке не фигурируют.

Не стоит заблуждаться относительно нейтральности ЕС сегодня. Федеральная служба безопасности (ФСБ) задержала участников преступной группировки, причастных к контрабанде оружия из стран Евросоюза в Россию. Изъято несколько сотен единиц огнестрельного оружия. Спецоперация проводилась совместно с МВД и Росгвардией, сообщает ТАСС со ссылкой на Центр общественных связей ФСБ. Участники группировки проживали в Москве, Санкт-Петербурге и Ярославле. При обысках у них найдено 25 пулеметов, 30 автоматов, 70 пистолетов-пулеметов, 94 карабина, винтовки и ружья, 158 пистолетов и револьверов, 2 противотанковых ружья. Кроме того, изъяты 45-миллиметровый пехотный миномет, станковый автоматический гранатомет АГС-17, самодельное взрывное устройство, 15 ручных осколочных гранат, более 4,5 тыс. патронов, глушители и большое количество запчастей.

В ФСБ добавили, что прекращена деятельность двух мастерских, в которых изготавливались боеприпасы и проводилась модернизация оружия. В конце мая ФСБ сообщила о пресечении каналов нелегальной поставки оружия. Незаконный оборот велся в 14 регионах России. В приобретении, изготовлении и сбыте средств поражения подозреваются 32 человека.

Наконец, **в-пятых**, терроризм и экстремизм могут широко использовать самые современные средства силовой борьбы — ВВСГ. Так, известны примеры применения террористами простейших БПЛА в Сирии, но возможности этих средств фактически безграничны. Беспилотный летательный аппарат MQ-9 Reaper во время испытаний впервые с помощью ракеты класса «воздух-воздух» поразил маневрирующую мишень. Об этом, как пишет Military.com, заявил командующий 432 авиакрылом на авиабазе «Крич» в Неваде полковник Джулиан Читер. По его словам, испытания состоялись еще в ноябре прошлого года, однако информация о них до сих пор не разглашалась.

Ударный беспилотник MQ-9 был разработан в начале 2000-х годов и поступил на вооружение ВВС США в 2007 году. Аппараты такого типа предназначены для разведки, наблюдения и нанесения ракетных или бомбовых ударов по наземным позициям противника. Reaper имеет в длину 11 метров и размах крыла 7 м. Максимальная взлетная масса аппарата составляет 4,8 тонны. Беспилотник может развивать скорость до 482 км. В час, а дальность его действия составляет около 1,8 тыс. км. Reaper может находиться в воздухе до 14 часов. Беспилотник оснащён, семью точками подвески для ракет и бомб общей массой до 680 килограммов¹¹³.

Особенно важна для целей экстремистов и террористов группа цифровых технологий, прежде всего, в области интернета, которые привели к появлению такого феномена как социальные сети. Сети усиливают голоса обладающих властью, где информация стала равносильна власти¹¹⁴.

1.3.д). Цифровая «платформатизация»

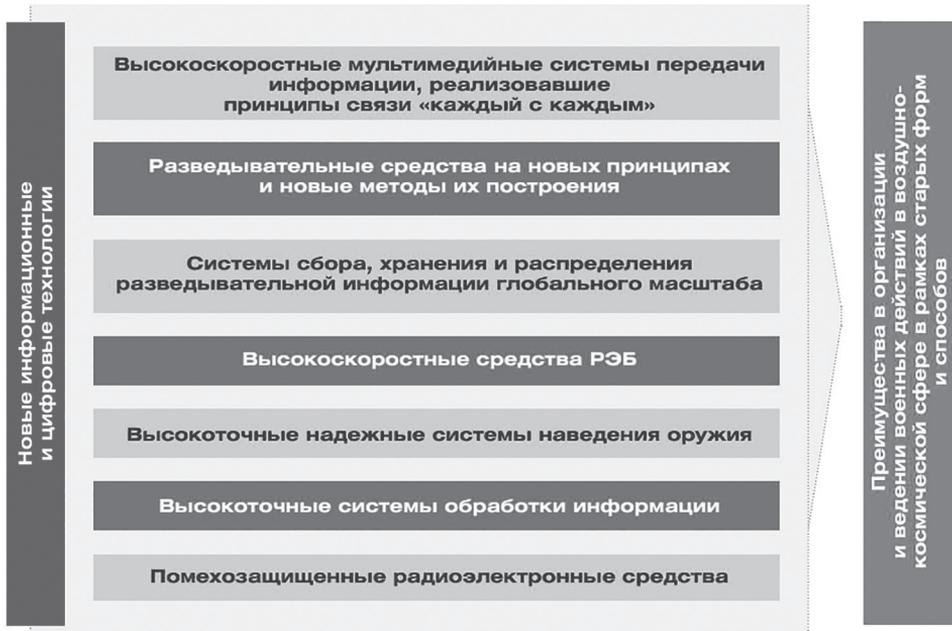
Цифровая «платформатизация» ВС Запада началась с 90-х годов, когда впервые системы обнаружения, разведки, связи и поражения были использованы в качестве политических инструментов против Ирака, а затем Югославии. Особая роль принадлежала системам определения координат GPS и КР разных типов базирования. Так, в первый же день войны в Ираке 15 кораблей и субмарин ВМС США и Великобритании обрушили на Ирак более 50 крылатых ракет Tomahawk. 21 марта, когда началась массированная воздушная операция под названием «Шок и трепет» (Shock and Awe), удары ракетами наносили 30 кораблей и подлодок из акваторий Персидского залива и Красного моря. За сутки ими было выпущено 320 «томагавков». В результате управление иракскими Вооруженными Силами оказалось серьезно нарушенным. Однако блицкрига у США и их партнеров не получилось. Почти на месяц сухопутные войска и морская пехота увязли в боях. И только после падения Багдада, которое было предопределено продажностью ряда высших иракских военных чинов, активная фаза военных действий стала затухать. Другими словами, крупные суммы в долларах оказались точнее «томагавков»,

которых до 14 апреля ВМС США в общей сложности израсходовали более 800 штук.

«Томагавки» поспособствовали и свержению режима Муамара Каддафи в Ливии. В 2011 году во время операции «Рассвет Одиссея» (Odyssey Dawn) 19 марта 112 ракет было выпущено американскими кораблями и субмаринами, а 12 КР — британскими подводными лодками по двадцати объектам в районе Триполи. 22 марта они же нанесли удар 159 ракетами. Из этого общего числа 80 пусков пришлось на долю американской атомной подводной лодки Florida (SSGN 728), которая специально предназначена для стрельбы крылатыми ракетами большой дальности¹⁵.

Таблица 1.6

Год	Операция	Против какой страны	Количество выпущенных КР
1991	«Буря в пустыне»	Ирак	288
1993		Ирак	69
1995	«Обдуманная сила»	Босния	13
1996	По объектам ПВО	Ирак	44
1998	По объектам террористов	Афганистан и Судан	79
1998	«Лиса пустыни»	Ирак	415
1999	«Союзническая сила»	Сербия и Черногория	218
2001	«Устойчивая свобода»	Афганистан	50
2003	«Свобода Ираку»	Ирак	802
2008	Удар по аль-каиде	Сомали	2
2009	Удар по аль-каиде	Йемен	2
2011	«Рассвет одиссея»	Ливия	112
2014	Удар по ИГ	Сирия	47
2016	Удар по РЛС хуситов	Йемен	5
2017	Удар по авиабазе Шайрат	Сирия	59
Всего			2264

Рис. 1.16 Преимущества внедрения новых цифровых и информационных технологий в вооруженных силах

Ключевую роль в изменении характера вооруженной борьбы в воздушном пространстве сыграли крылатые ракеты и другие управляемые по программно реализованным алгоритмам ударные средства, изготовление и применение которых без цифровых технологий вообще невозможно, в силу чего отставшие в данном отношении государства фактически лишены этого вида оружия, запасы которого в развитых странах стремительно наращиваются. Фактически, реализация достигнутого развитыми странами превосходства обеспечивалась увеличением количества и доли современных СВКН, успешно вписывающихся в рамки ранее разработанных способов их применения. Тем не менее, военные исследователи развитых стран, в первую очередь в США, уже в 1990-е годы понимали, что преимущество от технологического прорыва будет временным по ряду причин (рис.). Тогда, в случае столкновения с равным или превосходящим их по вооружению противником, победу одержит тот, кто будет использовать более совершенные формы и способы военных действий и, в первую очередь, в воздушно-космической сфере.

Грядущие изменения, которые потребуют пересмотра способов применения СВКН, обусловлены, на наш взгляд, следующими фундаментальными причинами.

Во-первых, насыщение информационными системами всех сфер жизни развитых стран, в том числе и их вооруженных сил, имеет естественный предел, по мере приближения к которому новые преимущества от внедрения цифровых технологий будут становиться все менее масштабными, а их получение — все более затратным.

Во-вторых, в мире происходит объективный и ускоряющийся процесс распространения цифровых технологий среди отстававших в этом направлении государств, а значит, эти технологии внедряются и в их вооруженных силах. Причем, поскольку названные страны идут по уже проторенному пути, получение преимуществ от внедрения цифровых технологий является для них менее затратным и по материальным ресурсам, и по времени.

Первая причина породила важную тенденцию — стремительное удорожание новых образцов вооружения и увеличение времени их разработки (например, самолеты F-22 «Раптор», F-35 «Лайтнинг-2», проект эсминца «Замволт»).

Рис. 1.17 Причины и следствия эволюции цифровых технологий¹¹⁶

Вторая дала сразу две важные тенденции:

1) развитие ВКО крупных стран (таких как Россия, Китай) и воспрепятствование доступа авиации развитых государств на их территорию.

2) развитие СВКН ранее отстававших в этом отношении стран, которые могут предложить и развить свои способы их применения.

Для поиска путей сохранения достигнутого военного преимущества в США и других странах мира (прежде всего, среди союзников США) проводятся масштабные и глубокие военные реформы, основанные на исследованиях перспективных форм и способов военных действий в предстоящие десятилетия, когда противоборствующие стороны будут обладать технологически развитыми армиями, подобными армиям США и их союзников.

В обозримый период основными факторами, оказывающими непосредственное влияние на дальнейшее развитие способов боевого применения СВКН, будут являться:

- создание качественно новой информационной инфраструктуры вооруженных сил: новых систем разведки, РЭБ, навигации, управления и связи, объединенных в единое информационное пространство;
- развитие новых концепций ведения войн, в том числе в воздушно-космической сфере, таких как «Глобальный удар», «Мгновенный глобальный удар», «Сетецентрическая война»;
- совершенствование качественных параметров средств воздушно-космического нападения (снижение заметности во всех диапазонах электромагнитного спектра, увеличение маневренности, увеличение скорости, улучшение бортового оборудования и других);
- массовое оснащение группировок СВКН высокоточным оружием;
- массовое оснащение группировок войск беспилотными летательными аппаратами различного предназначения, в том числе ударными;
- поступление в войска оружия, основанного на новых физических принципах (сверхвысокочастотное, электромагнитное, лазерное и другое).

Имеющиеся на вооружении США маловысотные малозаметные ядерные крылатые ракеты при современном состоянии радиолокационного поля РТВ создают угрозу нанесения скрытного «разрушающего» удара по потенциалу ответно-встречного удара — стационарным

1

Централизация управления и планирования на континентальной части США

Пример: операции «Глобальный удар», «Мгновенный глобальный удар».

Основные характеристики централизованных форм и способов

- Централизованные способы обеспечивают высокую подготовленность (компетентность) органов управления
- Централизованные способы обеспечивают высокую скорость реагирования после получения задачи от высшего военно-политического руководства
- Централизованные способы не обеспечивают высокую адаптивность предпринимаемых действий

2

Децентрализация и развитие технологий ведения сетецентрических военных действий

Пример: операция в Сирии, арабские революции.

Особенность: в данных операциях децентрализация мало коснулась СВКН в силу небольших масштабов их применения

Основные характеристики сетецентрических форм и способов

- Сетецентрические способы обеспечивают живучесть сил и средств ВКН
- Сетецентрические способы обеспечивают высокую скорость реакции на обстановку
- Сетецентрические способы обеспечивают максимальную адаптивность предпринимаемых действий
- Сетецентрические способы не гарантируют своевременное выполнение частных задач

Рис. 1.18 Основные тенденции развития способов применения СВКН ¹¹⁷

ракетным комплексам, которые находятся в готовности к пуску. Это качество в сочетании с высоким ядерным потенциалом и повышенной способностью по преодолению ПРО определяет их приоритет для агрессора. Наиболее опасны крылатые ракеты при возможном обмене сторонами ограниченными ядерными ударами на этапе перехода России к применению ядерного оружия первой после безъядерного периода в ситуациях, критических для национальной безопасности.

Для устранения угрозы предлагается вокруг некоторых позиционных районов РВСН отдельного старта развернуть локальные маловысотные радиолокационные полосы предупреждения об ударах крылатых ракет. Предупреждение должно согласовываться с возможностями СПРН об ударах баллистических ракет и позволять ограничить реализуемыми рамками потребности в радиолокационной технике и личном составе РТВ.

Наращивание боевой устойчивости Ракетных войск стратегического назначения предполагает их огневую защиту силами воздушно-космической обороны. При этом мы полагаем, что агрессор для обеспечения безнаказанности должен стремиться поразить в «разоружающем» ударе с высокой надежностью все МБР, в том числе и прикрытые обороной

и проверить возможность выполнения этого требования многочисленными расчетами. Задача его ПРО — компенсировать ошибки в разоружении СЯС РФ, неизбежные при любой реализации¹¹⁸.

Результаты расчетов приведены в таблице 1.7. Из нее видно, что если даже возможности обороны выглядят невысокими (относительно полигонного наряда СВН) — ее реальный вклад в увеличение боевого наряда может оказаться весьма существенным сдерживающим фактором. Он тем весомее, чем больше установок прикрывается одним средством ВКО. Этот эффект имеет фундаментальное значение при решении сложнейшей задачи защиты отдельных позиционных районов от баллистических боезарядов.

В РВСН самую высокую плотность пусковых установок имеют позиционные районы стационарных ракетных комплексов. Они и будут приоритетными объектами для применения перспективной зенитной ракетной системы ПВО-ПРО, способной уничтожить боеголовки межконтинентальных ракет. Эффект «группового объекта» имеет место и при обороне объектов системы управления СЯС, расположенных в Европейской части России.

Таблица 1.7 Результаты оценки эффекта обороны «группового объекта»

Огневые возможности обороны (МОЖ числа уничтоженных зарядов)	Прикрывается 30 ПУ		Прикрывается 90 ПУ	
	Прирост наряда	Боевой наряд	Прирост наряда	Боевой наряд
Оборона отсутствует	0	60	0	180
4	25	85	43	223
12	44	104	73	253
20	58	118	86	266
40	91	151	142	322

Полигонный наряд на одну ПУ — два боеприпаса.
Вероятность поражения ПУ одним боеприпасом — 0,95.

При обороне военно-морских баз и аэродромов авиационных стратегических ядерных сил данный эффект отсутствует. Каждый такой объект — одиночная цель для ядерных боеприпасов и прирост боевых нарядов на них (относительно полигонных) равен огневым возможностям ВКО¹¹⁹.

Один из ключевых и масштабных процессов на современном этапе в рамках цифровой экономики и в целом гибридной реальности (сращивания физической и виртуальной реальностей) — платформизация — характеризуется значительной реформирующей силовой, способной перестраивать ландшафт современных рыночных отношений, трансформировать традиционные и формировать совершенно новые рынки, а также влиять на отдельные аспекты экономической и социальной жизни человека, его свободы и независимости¹²⁰.

«Гибридная реальность»

Будучи исходно рыночной структурой, цифровая платформа, организуя рынок, выходит за рамки рынка, превращая его в известной мере в пострынок. Тем самым возникает качественно иная форма реализации экономики, которую можно определить как согласованную или субъективно взаимоувязанную «построяемую» экономику. При такой реализации, с одной стороны, сохраняется свобода экономических субъектов, их самоорганизация, а с другой — устанавливается производный от суммы субъектов, гибкий, подвижный и непритязательный порядок. Такие феномены, как волевое управление и то же внешнее регулирование деятельностью субъектов, либо отходят на второй план, либо вообще исчезают.

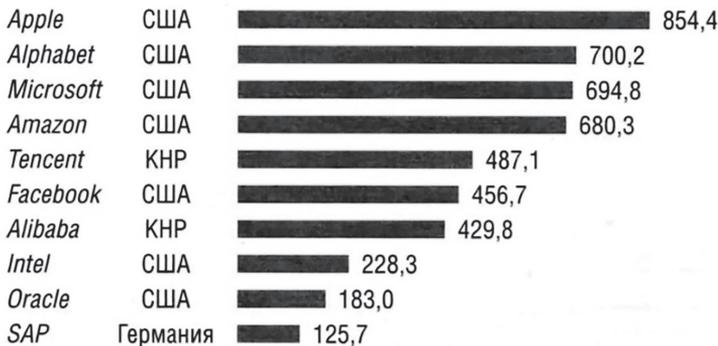
Феномен платформизации

Платформизация представляет собой процесс трансформации рынков, отраслей, бизнес-моделей, особенностей экономических и социальных отношений под влиянием распространения и развития многосторонних платформ¹²¹.

Многосторонние платформы обслуживают многосторонние (в частности, двусторонние) рынки, играя роль посредников и обеспечивая возможности для прямого взаимодействия и обмена между двумя или более сторонами участников этих платформ.

Традиционные (офлайн) многосторонние платформы известны человечеству на протяжении многих столетий. Одним из исторических примеров офлайн-платформ являются сельские и городские ярмарки,

сводившие на рыночной площади множество продавцов и покупателей (сторонних участников платформ) и зачастую контролируемые местными органами власти (операторами платформ). В качестве примеров современных офлайн-платформ можно привести торговые центры, платежные карты, масс-медиа и др.

Источник: составлено авторами на основании данных портала YCharts.com

Рис. 1.19 Рыночная капитализация крупнейших мировых платформенных компаний (по состоянию на апрель 2018 г.) млрд долл.

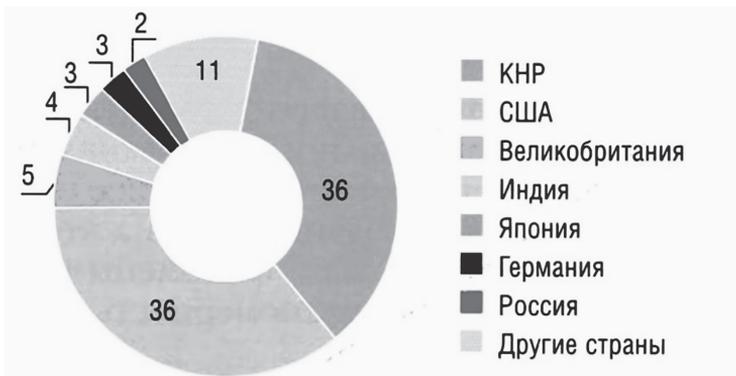

Рис. 1.20 Распределение платформенных компаний по странам мира, %¹²²

Стремительное развитие процесса платформизации в последние годы обусловлено широким распространением так называемых циф-

ровых (онлайн), платформ (ЦП) — особой разновидностью многосторонних платформ.

ЦП позволяют подключить людей, устройства и различные киберфизические системы к единому интеллектуальному информационному пространству посредством цифровых систем (совокупности технической инфраструктуры и платформенных технологий, модулей, сетей, программ и приложений для сбора и обработки больших данных и т.п.).

В связи с тем, что качество взаимодействия между участниками сообществ необходимо постоянно поддерживать и повышать, платформенные компании смещают фокус своей деятельности с организации внутренних бизнес-процессов и контроля над внутренними ресурсами на внешние, частично или полностью заменяя внутренние.

1.4. Политика стратегического сдерживания России в новых условиях развития военно-политической обстановки после 2018 года

Ядерная катастрофа могла начаться случайно,
по оплошности одного человека — этот
страшный урок я никогда не забуду¹²³

*У. Перри,
бывший министр обороны США*

Вплоть до настоящего времени политика безопасности России основывается на концепции стратегического сдерживания, в основе которой лежит задача предотвращения военного нападения на Россию¹²⁴. Именно военная составляющая является не только главной, но и единственной. Более того, имеется в виду, прежде всего, ядерное сдерживание, предполагающее применение ЯО в ответ как на нападение с помощью ядерных, так и не ядерных средств.

Ситуация в мире, однако, стремительно меняется. И ещё больше изменится в самом ближайшем будущем. Период развития военно-политической обстановки в мире (ВПО) 2018–2024 годов будет радикально **Политика стратегического сдерживания России в новых условиях развития ВПО после 2018 года** отличаться не только от периода до 2014 года, но и самых последних лет: именно в эти годы эскалация политики «силового принуждения» в отношении России перешла в качественно новую фазу прямого военно-силового противоборства, когда доля невоенных силовых средств и мер в политике западной коалиции сократилась в пользу смешанных, военно-силовых, или «асимметричных»¹²⁵. Можно уверенно прогнозировать, что прежний, традиционный набор, политико-дипломатических средств будет и далее сокращаться в пользу таких асимметричных силовых средств и мер политики, получившей название политики «новой публичной дипломатии»¹²⁶. Война в Сирии и на Украине продемонстрировали, что силовые и военные средства политики всё чаще и чаще смешиваются, когда провести различия между ними становится невозможно. Сбитый в Сирии российский самолёт Ил–20 был фактически сбит не сирийской ПВО, а израильскими истребителями, также как и политическое убийство в Донцке лидера ДНР Захарченко было террористическим актом против руководителя государства, а не рядовым взрывом.

В общей сложности с 20 июня по 15 августа 2014 г. В ходе проведения операции, как следует из докладов ВСУ, ополченцы захватили в украинской армии: Т-64 — 65 ед., БМП — 69 ед., БТР — 39 ед., БРДМ — 2 ед., БМД — 9 ед., РСЗО БМ-21 «Град» — 24 ед., РСЗО «Ураган» — 2 ед., САУ 2С4 «Тюльпан» — 2 ед., САУ 2С9 «Нона» — 6 ед., САУ 2С1 «Гвоздика» — 25 ед., Д-30 — 10 ед., минометов 82 мм — 32 ед., ЗУ 23-2 — 18 ед., автомобилей — 124 ед. Это за 55 дней гражданской войны!

Само собой, глупо отрицать приобретение ополченцами оружия и в других «военторгах». Точные данные о количестве вооружения у обеих сторон читатели узнают по самым оптимистическим прогнозам лет через 15–20. А, возможно, и не узнают никогда.

С февраля 2015 г. по сентябрь 2017 г. украинская артиллерия в зоне АТО выпускала в день от 40 до 400 реактивных и обычных снарядов и мин.

И все это при том, что 90% артиллерийских систем ВСУ и примерно столько же снарядов не производятся на Украине. Таким образом, можно утверждать, что Киев давно вынужден был бы прекратить войну в Донбассе без массированных поставок сотен артсистем, а также сотен тысяч снарядов из стран НАТО, которые ранее входили в состав Варшавского договора. Кроме того, тайно идут поставки с американских складов трофейного вооружения, захваченного армией США в ходе локальных войн. Речь идет об артсистемах и снарядах советского образца, изготовленных как в СССР, так и в других странах¹²⁷.

1.4.а). Переход от традиционного стратегического сдерживания к новому типу сдерживания

Современная война, начиная с Наполеона, ... признаёт лишь один аргумент: проявление насилия¹²⁸

*Фердинанд Фох,
маршал Франции*

Укрепление стратегического сдерживания — любимая тема российских части политиков и политологов¹²⁹, начиная с времён М.С. Горбачёва, которые до сих пор так и не осознали всю бессмысленность этой политики: неудачные переговоры и консультации означают только одно — наши оппоненты стремятся как раз к другой цели, а именно — добиться максимальных возможностей для политической (внешней и, желательно, ещё и внутренней) дестабилизации. Стратегическое сдерживание, которое все эти годы фактически сводилось к ядерному сдерживанию, очевидное препятствие такой политике, которое правящие круги западной военно-политической коалиции отнюдь не собираются укреплять.

Изменение ВПО предполагает изменение средств и способов ведения военных действий, а также корректив внешней и военной политики. Прежде всего, эти изменения отражаются на доминирующей, на сегодняшний день в России военно-политической концепции стратегического сдерживания, которая ориентирована на недопущение войны, но практически никак не отвечает на не военные угрозы, вызовы и даже пря-

мые провокации (как это было с инцидентами со сбитыми российскими самолётами в Сирии Турцией и Израилем.

Остаётся реалистичной, более того, даже усиливается, не смотря на все утверждения о рисках ядерного конфликта, угроза региональных и локальных военных конфликтов без применения ОМУ по основным направлениям военно-стратегического противоборства — западному и прибалтийскому, юго-западному, кавказскому, среднеазиатскому. Так, в северо-западном регионе от Норвегии до Польши очевидно резкое усиление военно-технических приготовлений, о чём свидетельствуют перемещения войск, складирование ВВСТ и военные учения.

Главная цель «Анаконды» — война с Россией

Войско Польское готовится к проведению крупнейшего учения «Анаконда-18», которое развернется на территории и в воздушном пространстве Польши, стран Балтии, а также в акватории Балтийского моря.

Целью маневров является проверка готовности системы управления и командования, также войск стран-членов НАТО к выполнению задач по предназначению и к взаимодействию с органами местной администрации и самоуправления в военное время.

Рис. 1.21

Рис. 1.22

Известно, что сценарий учения максимально приближен к реально сложившимся условиям геополитической обстановки. В связи с этим военно-политическое руководство Польши не скрывает, что учения направлены против России.

Напомним, что маневры «Анаконда» проводятся раз в два года. Особенностью мероприятия в текущем году станет то, что география действий впервые охватит Литву, Латвию и Эстонию. Следует отметить, что Варшава задекларировала участие в учении на своей территории лишь **12,5 тыс. военнослужащих**, что дает ей возможность не приглашать наблюдателей согласно Венскому документу.

Кроме того, сроки проведения учения будут достаточно растянутыми – более двух месяцев (с начала октября до начала декабря). По информации оперативного командования Войска Польского, маневры «Анаконда-18» будут разбиты на три этапа: в октябре переброска и сосредоточение войск, 7–16 ноября учение с войсками и с 26 ноября по 6 декабря командно-штабное учение.

Предшествовать всему будет военная компьютерная ситуационная игра для командования НАТО и Войска Польского различного уровня, в ходе которой они отработают процедуры организации и передачи руководства при проведении национальной, затем коалиционной операции и военной кампании блока.

Некоторые эпизоды учений будут отрабатываться в городской среде, в том числе в городах Хелме, Велбарке и Белостоке, который, к слову, находится непосредственно у границы с Беларусью.

Так, 10 ноября запланировано силами танковых и механизированных подразделений форсирование водных преград в районе Хелма, то есть организация переправы через Вислу. Такой сценарий отрабатывают уже на протяжении нескольких лет, непрозрачно намекая на белорус-

ский Неман в районе Гродно, и не скрывают, что целью является отработка удара с востока Польши по территории Беларуси. Недавнее учение в Литве «Saber Strike-2018», когда 12–13 июня впервые силы НАТО отработали вопросы форсирования Немана — яркое тому подтверждение.

Далее, 12–13 ноября в районе Вельбарка будет осуществляться тренировка авиации по заходу на посадку на аэродромный участок дороги. Похоже, натовцы предполагают, что в рамках гипотетического конфликта с Беларусью и Россией ракетные комплексы «Искандер» и «Полонез» смогут вывести из строя взлетно-посадочные полосы аэродромов на территории Польши.

Рис. 1.23

Не обойдется и без борьбы с терроризмом на море. Так, запланировано освобождение захваченного судна в районе порта Гдыня в условиях применения оружия массового поражения.

На фоне крупномасштабных операций как оборонительного, так и наступательного характера будут отрабатываться гибридные действия в период переброски войск на север и восток Польши. Здесь официальная Варшава особую роль отводит силам войск территориальной обороны и пограничной охраны, а именно взаимодействию 1-й Подляской бригады ТерО со штабом в Белостоке и местных отделов пограничников.

Особый интерес вызывает эпизод по отселению гражданского населения из района действия армейских подразделений, который запланировано осуществить в Белостоке, к слову, в приграничье с Беларусью.

Напомним, что такую тактику применила гитлеровская Германия — проводилось отселение от границы местного гражданского населения, куда вводились войск вермахта для дальнейшего нападения на СССР.

Похоже, Варшава стала забывать уроки истории...

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что политико-дипломатические демарши России в обоих случаях оказали небольшое влияние, можно сказать, оказались бесполезными, если бы не действия России в других областях.

Необходимо исходить из того, что в настоящее время и в будущем России будет противостоять широкая западная военно-политическая коалиция, включающая уже более 60 государств. Соответственно и в подготовке и выборе средств и мер противодействия их политике «новой публичной дипломатии» и укрепления стратегической стабильности со стороны России предстоит учитывать это негативное обстоятельство. Причём как в политико-дипломатической, так и других областях.

Под гибридизацией НАТО как военно-политической структуры следует понимать процесс заимствования у других организаций обеспечения международной безопасности (прежде всего, у ООН и ОБСЕ) широкого спектра разнородных функций, задач, понятий и методов. Незаконное с точки зрения международного права заимствование осуществляется при поддержке США и некоторых других государств-членов

НАТО в условиях крайне незначительного противодействия со стороны руководства этих организаций и значительной части международного сообщества в целом. Отдельные попытки противодействия процессу гибридизации НАТО со стороны России, Китая и некоторых других государств лишь подчеркивают самодовлеющий характер происходящего. В результате альянс в конце XX — начале XXI в. превратился в крупную структуру, деятельность которой зачастую не подчиняется существующим международным нормам и правилам¹³⁰.

Таблица 1.8 Трансформация функций НАТО

Традиционные функции НАТО	Трансформированные и новые функции
<p>Главная функция — служить инструментом внешней политики государств-членов в сфере обеспечения коллективной безопасности в зоне ответственности блока</p>	<p>В конце XX — начале XXI века зона ответственности блока последовательно расширялась и сегодня включает Балканы, страны Ближнего и Среднего Востока. Расширяются военно-политические связи НАТО с Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией</p>
<p>Осуществлять планирование, контроль и оперативное руководство операциями, которые проводятся под эгидой альянса.</p>	<p>Без изменений</p>
<p>Выполнять функцию площадки для дискуссий членов альянса и выработки согласованных решений в сфере обеспечения коллективной безопасности</p>	<p>Помимо функции обеспечения коллективной безопасности альянс реализует функции миротворчества, информационные, гуманитарные, экологические и некоторые другие.</p>
<p>Участвовать в рамках своей компетенции в создании нормативно-правовых положений, регулирующих деятельность альянса</p>	<p>Без изменений</p>
	<p>Новая функция. Служить информационно-идеологическим каналом для международной социализации государств, стремящихся вступить в альянс, для общения с государствами-партнерами, другими международными организациями</p>

«Если во время существования СССР и Организации Варшавского договора функции альянса были ограничены военными вопросами, а географически — зоной его ответственности, то с начала 1990-х гг. были запущены механизмы расширения и гибридизации военно-политического блока. Таким образом, весь мир превращается в зону ответственности НАТО, а кроме военных задач альянсу предписано заниматься широким спектром силовых и несиловых вмешательств в дела суверенных государств и целых регионов с опорой на технологии гибридных войн и цветных революций».

Таблица 1.9 Модель гибридизации НАТО

Этапы формирования геополитических инициатив НАТО	Эволюция геополитических проектов альянса	Факторы гибридизации НАТО
1 этап. 1989–1999 гг.	Глобальный тренд — расширение НАТО. Переход к практике прямого использования силы в обход существующих международных норм и правил	<ol style="list-style-type: none"> 1. Расширение НАТО на Восток. 2. Создание СЕАП-ПРМ, развертывание Средиземноморского диалога, создание отдельного формата партнерства с Россией и Украиной
2 этап 1999–2010 гг.	Глобальный тренд — расширение присутствия НАТО в стратегически важных регионах, начало процесса гибридизации альянса	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проведение операций под эгидой НАТО за пределами зоны ответственности блока. 2. Развитие стратегического партнерства НАТО-ЕС, соглашение о взаимодействии и сотрудничестве между секретариатами НАТО и ООН. 3. Стамбульская инициатива о сотрудничестве, Инициатива для Юго-Восточной Европы, партнерство с «контактными странами» в Юго-Восточной Азии. 4. Создание в 2008 г. Комиссии НАТО-Грузия, призванной руководить процессом подготовки вступления страны в альянс.
3 этап 2010-н\в	Формирование глобальной натоцентристской модели при теновом доминировании США, углубление процесса гибридизации НАТО	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобразование НАТО в глобальную гибридную военно-политическую структуру. 2. Системное развитие трех субстратегических векторов трансформации НАТО: <ul style="list-style-type: none"> – коллективная оборона; – урегулирование кризисов; – обеспечение безопасности посредством партнерства.

Важным фактором гибридизации является расширение НАТО и связанная с этим процессом трансформация зоны географического охвата Организации Североатлантического договора. В широком смысле расширение НАТО ограничивается не только приемом новых членов блока, но и предусматривает поэтапное формирование партнерских геополитических инициатив альянса, что связано с появлением у блока новых функций и повышением уровня его гибридизации. Модель гибридизации НАТО представлена в табл. 1.9¹³¹.

США и их союзники фактически начали с 2014 года процесс демонтажа или приспособления для своих интересов как традиционные переговоры и международные институты, так и весь набор традиционных политико-дипломатических средств — консультаций, переговоров, передачи информации. Нередко это прямо связывают с их стремлением военно-силовыми средствами сохранить свой контроль над формированием современной МО¹³² (что, на мой взгляд, бесспорно) или процессом превращения системы МО из однополярной в многополярную¹³³ (что, по сути, мало о чём говорит). Это хорошо видно на примере их отношений по трём крупным блокам проблем:

- Ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, где по всем основным направлениям наметился отказ США от сотрудничества и стремление пересмотреть имеющиеся договоренности с Россией и другими странами — прежде всего Ираном, КНДР и Китаем.
- Политике эскалации санкций, которая после 2014 года приобрела откровенно политико-силовой характер не только в отношении России, но и ряда других стран.
- Торгово-экономическим отношениям, которые фактически пересматриваются в одностороннем порядке со стороны США. Так, например, 30 августа президент США Д. Трамп заявил в интервью агентству Bloomberg, что США выйдут из Всемирной торговой организации (ВТО), если она не будет обеспечивать положительное для Вашингтона разрешение торговых споров. Методы пересмотра нынешнего торгового режима, применяемые Вашингтоном, всегда одинаковые, и на примере кризиса НАФТА мы это отчётливо видим. Они заключаются в игнорировании многосторонних форматов

регулирования торговли, ведении санкционных войн, давлении на лидеров иностранных государств и их крупный бизнес, заинтересованный в доступе на американский рынок.

К сожалению, первые результаты этой политики обнадёжили Трампа и его администрацию: Европейский союз в июле 2018 года фактически капитулировал, открыв свой рынок для аграрной продукции из США, а также «договорившись договариваться» в ответ на одностороннее введение Вашингтоном протекционистских тарифов. Тем же путём пошли Мексика и ряд других стран.

В этой связи план действий России по укреплению возможностей стратегического сдерживания и предотвращения войны (ПСС и ППК) может рассматриваться как в **традиционном**, достаточно узком, политико-дипломатическом контексте политики России последних лет, так и в более широком контексте **усиления** противодействия нарастающему военно-силовому противоборству со странами западной военно-политической коалиции. В этом, втором, случае, традиционная политико-дипломатическая деятельность России становится только **частью общей политики** развития стратегического сдерживания и усиления системного противоборства с западной коалицией посредством активизации силового противодействия. Естественно, что смена акцентов в российской политике потребует постепенного пересмотра внешнеполитической стратегии и, как следствие, изменения нормативно-правовых документов, организационных и иных мероприятий.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что второе направление в российской внешней политике выходит за рамки существующей традиции, которая диктуется дипломатической практикой. Она тесно связана с процессами ускорения социально-экономического и технологического развития России, которые могут дать нашему государству не только усиление эффективности традиционных политических инструментов, но и качественно новые инструменты политического влияния и меры по укреплению стратегического сдерживания. Так, например, в сентябре 2018 года в очередном докладе Бюро по человеческому развитию ООН, говорится о том, что Россия занимает 49 место в группе государств с наибольшим индексом ИРЧ¹³⁴. Надо признать, что в условиях

нарастающего силового противоборства с Западом, необходимо говорить о смене приоритетов политики России, включая все три основных критерия ИРЧ — ожидаемой продолжительности жизни, душевом доходе и продолжительности образования. Именно эти показатели сегодня влияют на:

- внутриполитическую стабильность;
- эффективность и привлекательность внешней политики России

Надо сказать, что послание Президента В.В. Путина и его поручение правительству РФ, сделанное в Указе от 7 мая 2018 года, предполагают, что именно второе направление может стать главным потому, что в этих документах ясно имеется в виду:

- необходимость разработки до 1 октября 2018 года долгосрочного прогноза развития России и реализацию соответствующих мероприятий;
- создание конкретного плана действий в соответствии с названными приоритетами и этим прогнозом, которые могут привести к опережающему развитию России.

Впрочем, как уже не раз бывало в России в последние годы, крупные идеи и концепции власти могут быть не реализованы на практике, а поэтому целесообразно рассмотреть оба потенциальных направления вне зависимости от вероятности их реального исполнения. При этом деление на традиционные и возможные принципиально новые политико-дипломатические средства и меры необходимо дополнить (в зависимости от их направленности) их делением на внешние и внутренние средства и меры стратегического сдерживания.

В итоге попытки подобного анализа получается матрица возможных средств и мер укрепления стратегического сдерживания России в 2018–2024 годах, которая формализует почти весь известный спектр возможных политико-дипломатических и иных мер и средств как традиционного, так и качественно нового характера, которая показывает, что набор средств и мер укрепления стратегического сдерживания очень широк и может быстро увеличиваться в зависимости от политических установок в то или иное время. Важно подчеркнуть, однако, что **все они должны находиться в русле одной стратегии.**

1.4.6). Укрепление стратегического сдерживания традиционными политико-дипломатическими средствами

Уже предлагалось разделить средства укрепления стратегического сдерживания на традиционные и новые, не традиционные, которые, в свою очередь, разделить на внутренние и внешние.

Внешние традиционные средства стратегического сдерживания. Следует признать, что трудности и даже возможное отсутствие перспективы достижения соглашений с западной военно-политической коалицией по тем или иным направлениям в 2018–2024 годы не должны означать отказа России от таких переговоров, а тем более российской инициативы в сокращении контактов или ограничении переговорных площадок. Свёртывание политико-дипломатической активности России — очевидно в интересах Запада, который попытается распространить попытки политико-силового давления на нашу страну за пределы членов своей коалиции на более широкий круг участников МО. В этих целях по-прежнему будут использоваться самые разные, в том числе откровенно провокационные, политико-дипломатические меры и санкции.

Тем не менее, главным средством противодействия России в этих условиях остаётся выдержка и упорное, также демонстративное, сохранение любых каналов сотрудничества, даже тех, которые, как может справедливо казаться, себя дискредитировали. Граница, вместе с тем, должна быть. Она находится на рубеже, когда происходит оскорбление государства или его лидера. Отсутствие такой границы и адекватной реакции с нашей стороны будет только поощрять вседозволенность в выборе средств и мер силового принуждения.

При этом фактические и логические аргументы российской стороны будут демонстративно игнорироваться, как это происходит с «делом Скрипалей». Рассчитывать — политически или информационно — на возможности убеждения, аргументации и логики изначально не стоит: предстоит также настойчиво и, как правило, без особенного информационного эффекта, отстаивать свою позицию в заранее неблагоприятных

ятных условиях. Надо понимать, что США и их ближайшие союзники будут изыскивать любой повод, чтобы объявить его формальным основанием для усиления давления.

Поэтому акцент в такой традиционной политико-дипломатической деятельности противодействия Западу со стороны России должен быть **сознательно смещён в область «публичной дипломатии»**, которая должна реализовываться на пропагандистском уровне не только Министерством иностранных дел и Министерством обороны (что уже происходит), но и другими структурами и органами государственной власти, а также институтами гражданского общества. Иными словами, требуется своего рода мобилизация имеющихся общественных и информационных ресурсов, прежде всего уже имеющихся, для увеличения объема и интенсивности исходящей информации.

При этом особенное значение приобретает использование информации на иностранных языках в социальных сетях, которое может быть резко увеличено. В частности, изучением международных отношений и смежных проблем в настоящее время занимаются более 50 университетов России. Только в МГИМО МИД РФ это более 8 тысяч человек. Эта «армия» пользователей может представить своего рода ополчение в несколько тысяч активных блогеров, работающих на разных языках. Всего же в России это может быть несколько десятков тысяч активистов, которые (в случае простых мероприятий по организации) могут всерьёз повлиять на ситуацию в социальных сетях и СМИ.

Представляется целесообразным пересмотреть подход государственных институтов к информационно-пропагандистской деятельности. В настоящее время информационно-пропагандистская деятельность России на 90% обеспечивается МИД, а на оставшиеся 10% — Министерством обороны, Советом Федерации и некоторыми другими институтами государства. Очевидно, что есть большие ресурсы по увеличению степени информационного влияния нашей страны в мире. Так, например, в целях активизации такой деятельности представляется целесообразным, чтобы со стороны МИД и МО России чаще выступали:

- представители отдельных департаментов и управлений;
- уполномоченные эксперты и учёные, журналисты;

Необходимо, чтобы в информационном пространстве ежедневно присутствовали представители Совета безопасности России, ФСБ, СВР, а также посольств и представительств за рубежом.

Отдельно следует сказать о повышении эффективности информационно-пропагандистской деятельности Совета Федерации и Государственной думы РФ, причём не только их председателей, лидеров фракций и комитетов, но и отдельных депутатов. Особенно активно могут действовать Комитеты и Специальные комиссии по контролю за выполнением соглашений и отдельным направлениям внешнеполитической деятельности.

Представляется актуальным и принципиально важным, чтобы координация такой деятельности стала **постоянной функцией** Совета безопасности РФ, который должен сопоставить информационную деятельность всех органов власти с внешнеполитической деятельностью государства.

Необходимо использовать мощный традиционный ресурс: у России накоплен колоссальный опыт — как позитивный, так и негативный — в области политико-дипломатической деятельности, направленной на укрепление всех аспектов международной, региональной и национальной безопасности за последние столетия, начиная с Венского конгресса 1815 года. Этот огромный опыт, представляющий собой крупный ресурс российской политики, который может и должен быть использован в современных условиях даже при том, что политика США и их союзников направлена на подчинение своим интересам деятельности международных институтов и организаций, развал сложившейся системы безопасности и фактический пересмотр всех договорённостей в области безопасности, достигнутых в последние десятилетия.

В частности, представляется целесообразным вернуть не до конца ещё утраченные советские возможности внешнеполитического влияния через воссоздание в той или иной форме таких организаций и восстановление ещё не всех утраченных связей, как:

- профсоюзы;
- молодежные;
- женские и детские;
- прочие общественные организации, движения и структуры.

Неизбежно встаёт и вопрос об идеологическом лидерстве России, которое она добровольно отдала другим странам. Идеологическое лидерство — огромный ресурс, который в своё время помог выстоять СССР в крайне неблагоприятных внешних условиях.

Кроме того, идеологическое лидерство неизбежный атрибут суверенитета и опережающего развития, инструмент привлечения на свою сторону союзников и партнёров. Так, исламская ЛЧЦ и военно-политическая коалиция сформированы на основе религиозной идеологии (сунитской и шиитской), западная — протестанско-иудейской, китайская — конфуцианства и китайского марксизма, индийская — индуизма.

Борьба с Россией в настоящее время — это, прежде всего борьба против системы ценностей и норм, выработанных исторической Россией, что отчётливо продемонстрировала политика Запада на Украине и попытки ослабить православную церковь, которая стала объектом прямых нападок, скоординированных по участникам в Греции, Константинополе (Стамбуле) и на Украине.

Сказанное означает, что параллельно стоит задача продвижения российской идеологии, укрепления православия и влияния России на постсоветском пространстве, по отношению к которому, кстати, формируется пока что невнятная «евразийская» идеология и политика.

Таким образом, эскалация военно-силового давления на Россию требует максимальной консолидации и активизации имеющихся внешнеполитических ресурсов, которые можно будет использовать в качестве средств и мер укрепления стратегической стабильности. Можно ожидать с высокой степенью вероятности, что политико-дипломатическая деятельность России и ряда других стран будет постоянно сталкиваться с политикой США и этих союзников в ближайшие годы по следующим основным векторам:

- пересмотру в свою пользу существующих договоренностей по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности или отказу от них;
- слову существующих институтов безопасности (ООН, Совбез, ОБСЕ и др.), либо их реорганизация в интересах США, как, например, ЮНЕСКО или Международного уголовного суда;

— установлению силовым образом новых международно-правовых норм и правил, соответствующих национальному законодательству США.

Надо признать, что две стратегии в области безопасности — российская и американская — прямо противоречат друг другу, а поэтому ожидать быстрых и заметных позитивных результатов в области укрепления международной безопасности и стратегической стабильности в условиях обострения такой ВПО не стоит. Тем не менее, Россия должна будет стремиться использовать все, даже самые незначительные, традиционные возможности для продвижения вперед в этой области в ближайшие годы, прежде всего в области укрепления стратегического сдерживания в ядерной области, в частности, по следующим основным направлениям (излагаемым в порядке приоритетности на сегодняшний день):

— **Прекращения гонки вооружений и ограничения военной деятельности на имеющихся направлениях, включая предотвращение гонки вооружений в космосе (ПГВК).**

Технологические достижения последних лет создали возможность перехода гонки вооружений на качественно новый, значительно более опасный уровень. Можно с высокой степенью вероятности ожидать, что ещё до 2025 года произойдут радикальные изменения в качестве ВВСТ, которые самым решительным образом повлияют на их эффективность после 2025 года. Самыми очевидными направлениями таких «технологических прорывов» ожидаются изменения в ВВСТ в следующих технологических областях:

- Массового появления в армиях разных государств высокоточного оружия (ВТО) разных типов базирования и самого различного предназначения;
- Создание и внедрение гиперзвукового оружия различной дальности;
- Развёртывание ядерного и обычного оружия в космосе и в околоземном пространстве;
- Массовое производство и внедрение робототехники, включая БЛА, бронетанковых и инженерных видов ВВСТ;
- Создание новых типов ЯО, включая миниатюрных боеприпасов;
- Развёртывание качественно новых систем боевого управления, связи и разведки;

- Развертывание широкомасштабной системы ПРО США и их союзниками в разных регионах мира.

Сказанное означает, что именно на этих направлениях следует предпринимать серьёзные усилия, с тем, чтобы политико-дипломатическими средствами и мерами ограничить их развитие.

В этих направлениях удаётся, вероятно, в ближайшие годы сохранить ДРСМД и ДСНВ, хотя им угрожают достаточно актуальные вызовы со стороны США.

Кроме того, целесообразно попытаться инициировать переговоры по ограничению гонки вооружений на КР и в ООН, а также на любых иных площадках. В том числе следует попытаться активизировать процессы на имеющихся направлениях, в частности ПГВК.

- **Укрепление значения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)** как одной из основы международной безопасности, стратегической стабильности и важнейшего элемента режима нераспространения ядерного оружия. Этот договор включает три составляющие, которые необходимо укреплять:

- ядерное нераспространение,
- ядерное разоружение и
- мирное использование ядерной энергии.

Основой такой работы остаётся План действий, принятый в 2010 году, а процесс ядерного разоружения должен осуществляться в строгом соответствии со Статьёй VI ДНЯО в «контексте всеобщего и полного разоружения» и общего подхода — поэтапного и последовательного создания условий по сокращению ядерных арсеналов. Важно **соблюдение** двух условий: соблюдение всеми государствами своих обязательств, а также противодействие радикальным подходам к ядерному разоружению.

В этом контексте следует признать опасность принятого 7 июля 2017 года Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), означающего не более чем формальный запрет, когда происходит подмена проблем международной безопасности «гуманитарными стандартами». Так, Статья 18 ДЗЯО вступает в противоречие со Статьёй VI ДНЯО, закрепляя преобладание ДЗЯО над другими инструментами, ослабляя тем самым ДНЯО.

Россия способствует созданию зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), рассматривая этот процесс как инструмент ядерного разоруже-

ния. Она считает, что важную роль продолжают играть рекомендации Комиссии ООН по разоружению, принятые в 1999 году, в деле создания и оформления юридически ЗСЯО. Россия в 2011 году ратифицировала Протоколы 1 и 2 к Договору Пелиндаба и в апреле 2015 года — протокол к Семипалатинскому договору. Россия готова к подписанию Протокола к Бангкокскому договору. Эту позицию России необходимо всячески пропагандировать и продвигать в СМИ. На 2009 год безъядерными зонами были объявлены:

- Район Антарктики (Договор 1959 года);
- Латинская Америка (Договор Тлателолько 1967 года);
- Южная часть Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года);
- Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 года);
- Африка (Договор Пелиндаба 1996 года);
- Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 года);

Кроме того, Статус безъядерного государства имеют Монголия и Беларусь.

Позиция России, которую требуется продвигать в СМИ и общественном сознании:

1. Присоединение всей ядерной «пятерки» к протоколам о гарантиях остальных договоров по ДНЯО.

2. Разработка глобальной договорённости о гарантиях ядерной безопасности.

Несмотря на разногласия в формате ядерной «пятерки» в России полагают, что удаётся принимать совместные действия по отношению к ядерным радикалам и неприсоединившимся государствам в ходе обзорного процесса ДНЯО. Поэтому целесообразно не прекращать сотрудничество на этой площадке. Вместе с тем, можно допустить, что такой формат может быть расширен до формата, в котором бы участвовали и другие государства, близкие к размещению и производству ЯО, например, КНДР и Пакистан, что сняло бы у них подозрения о возможном «сговоре» великих держав.

— **Мораторий на производство расщепляющих материалов (РМ).**

Целесообразно продолжить дальнейшие усилия России по ограничению распространения ЯО в области ограничения производства ядерных расщепляющихся материалов. Это направление объективно

затрагивает интересы многих государств, в особенности, когда РМ используются в мирных целях. В этой области важно настойчиво продвигать тезис о том, что Россия **не возражает** против переговоров по договору о запрете производства расщепляющих материалов для создания ЯО (ДЗПРМ), однако считает, что:

- **во-первых**, переговоры должны идти на площадке КР в Женеве в рамках Программы работы и,
- **во-вторых**, на основе т.н. «мандата Шеннона», который предполагает вывод из сферы охвата уже наработанного РМ.

Таким образом, мы делаем акцент на нераспространенческом, а не на разоруженческом аспекте договора (Пакистан настаивает на зачете уже произведенного РМ).

Россия поддерживает работу ГПЭ ООН в 2014–2015 годах и принятие консенсусного доклада, полагая, что результаты могли бы стать основой для переговоров на КР в Женеве. Есть основания полагать, что работа ГПЭ может быть продолжена в будущем в целях анализа контроля над производством РМ.

Как известно, США пытаются продвинуть идею ДРМ (договор о РМ), втягивая Пакистан, предлагая сделать предметом переговоров отдельные типы наработанного РМ, что абсолютно не устраивает Россию и Китай, чей ядерный оружейный комплекс не позволяет разделить гражданскую и оружейную составляющие. Важно не допустить, чтобы дискуссия перешла в область американской инициативы, а тем более позволить США фактически взять под контроль производство всех РМ.

— **Укрепление стратегической стабильности в отношениях РФ и США.**

Здесь необходимо констатировать, что ситуация ухудшается, а диалог ослабел и превратился в пустую формальность. В июне 2017 года была отложена встреча по этим вопросам между заместителями министров иностранных дел РФ и США, которая состоялась в сентябре 2017 года в Хельсинки. На этой встрече США попытались нас обвинить в «нарушении договора о РСМД (принятии на вооружении КР 9М729 в составе комплекса оперативно-тактического назначения «Искандер», превышающей по дальности 500 км) и принятии опасных доктринальных установок (т.н. концепции эскалации для деэскалации).

От апрельской встречи в Вене США уклонились, а переговоры В.В. Путина и Д.Трампа в Хельсинки в июне 2018 года эту тему не затрагивали.

Эти претензии абсурдны и США их так и не доказали, а наши претензии — реальны:

- производство и реальное испытание в качестве ракет-мишеней БР с характеристиками РСМД;
- развертывание БРПЛ с характеристиками РСМД;
- развертывание комплексов ПРО «Иджис Эшор» в Румынии, а в перспективе и в Польше;
- оснащение ЛА РСМД.

Россия в феврале 2018 года выполнила обязательства по сокращению СНВ в соответствии с ДСНВ от 2010 года, однако высказала озабоченность в отношении численности развернутых и не развернутых носителей. До 2021 года будет реализовываться контроль над соблюдением договора, но решения о будущих сокращениях нужно принимать уже сегодня, хотя стремления к этому у США не видно.

Диалог по крайне важной проблематике — ПРО — после прекращения диалога США в 2014 году, больше не возобновлялся, более того, видна значительная активизация усилий США по созданию широко-масштабной и глобальной системы ПРО:

- количество перехватчиков GVI достигло 44, а в будущем будет 104.
- перехватчик «Стандарт 3», может создать угрозу для СЯС России.
- развертываются дополнительные системы ТНААД и «Пэтриот», что, естественно, будет встречать ответную реакцию России.

В этих условиях говорить о стратегической стабильности бессмысленно: цель США заключается в разрушении стратегической стабильности.

Россия может использовать в будущем эту политику США в качестве иллюстрации их опасного курса, угрожающего мировой безопасности. США, очевидно, создают новые угрозы безопасности, о которых можно и нужно говорить. Учитывая крайнюю болезненность этой темы можно предложить ряд инициатив уже для институтов гражданского общества на Западе, где могут осознавать эту опасность. В этой связи можно было бы вернуться к идеям проведения массовых мероприятий в России и за рубежом, в центре внимания которых стоял бы вопрос усиления угро-

зы ядерной войны. Опыт России в проведении массовых мероприятий Олимпийских игр, ЧМФ и других, позволяет предположить, что проведение такого массового мероприятия, на котором присутствовали бы сотни антивоенных организаций, может привлечь внимание правящих кругов Запада, ослабив возможности США по формированию антироссийской коалиции.

- **Ограничение размещения ЯО США на территории своих стран-союзников**, прежде всего, по НАТО. Особенно опасно делегирование полномочий по применения нестратегического ЯО США их союзниками, которые отрабатываются, например, в ходе учений «Стедфаст Нун–2017» в октябре 2017 года на авиабазах Бельгии и ФРГ. Следует отметить, что «совместные ядерные миссии» — прямое нарушение ДНЯО. Необходимо добиться возвращения всего ядерного оружия на территорию США и ликвидировать созданную инфраструктуру.

Опасность, однако, многократно усиливается потому, что США планируют обратное — создание новых типов ядерных боеприпасов, включая малой мощности, и размещение их на территории своих зарубежных баз. При этом правительства этих государств могут и не знать о наличии на их территории такого оружия.

В этой связи можно было бы инициировать ряд акций на КР и в ООН, специально направленных на запрет на размещение ЯО за рубежом.

- **Противодействие развитию военного искусства в направлении допущения использования ядерного оружия** отдельно, либо в комплексе со средствами ПРО, ВТО неядерных вооружений и стратегических неядерных вооружений.

В настоящее время становится очевидным, что эволюция военного искусства в США развивается именно в этом направлении.

При этом активизируется критика военной доктрины и стратегии России, которой приписывается изменение характера использования ЯО с точки зрения его допустимости и даже желательности, хотя оно формулируется предельно точно: в случае использования против России и его союзников ЯО, либо когда применение военной силы угрожает самому существованию государства.

В этой связи можно было бы вернуться к опыту СССР, когда предпринимались попытки сделать вопросы военных доктрин и использования ЯО предметом обсуждения, например, в ООН, либо на крупных международных конференциях. Актуальность этих вопросов предполагает, что Западу было бы трудно их игнорировать. Тем более что по инициативе западных стран эта тема стала достаточно часто предметом обсуждения в прессе.

Внутренние традиционные средства укрепления стратегического сдерживания (ПСС и ПВК).

Самым приоритетным объектом внешнеполитической стратегии «силового принуждения» Запада в отношении России становится внутриполитическая стабильность. Это позволяет говорить о том, что стратегическое сдерживание в области внутренней политики становится, как минимум, не менее приоритетным, чем во внешней. Политика санкций Запада в 2014–2018 годы имела в наибольшей степени характер антиэлитной направленности, направленной на силовое принуждение к смене внешнеполитического курса (а также других приоритетов) правящей элитой России.

Существует прямая взаимосвязь между эффективностью внешнеполитических средств стратегического сдерживания и внутриполитической стабильностью, которая отчётливо проявилась в период 2014–2018 годов, когда успехи России в Крыму и в Сирии компенсировали издержки санкционной политики западной коалиции. Эта взаимосвязь выразилась в высоком уровне поддержки населением политики В.В. Путина даже при условии существовавшей стагнации и падения уровня жизни населения.

Вместе с тем ни в коем случае нельзя считать, что эта взаимосвязь будет действовать всегда. Тем более в таких масштабах. Неудачи в социально-экономической политике неизбежно скажутся на внутриполитической поддержке власти, что и произошло в России в 2018 году после непопулярной пенсионной реформы.

Следует изначально оговориться, что к традиционным внутренним средствам стратегического сдерживания относятся судебные и правоохранительные органы, обеспечивающие внутриполитическую стабильность в стране и прилегающих регионах. Обострение МО и ВПО в мире

и на основных потенциальных направлениях стратегического противоборства России — юго-западном, кавказском, южном и западном — потребовало усиления возможностей по обеспечению внутривнутриполитической стабильности, прежде всего в направлениях борьбы:

- с международным терроризмом;
- внутривнутриполитическим религиозным и социальным экстремизмом;
- использованием санкций для стимулирования социально-экономических трудностей, направленных на дестабилизацию обстановки в стране;
- сознательными попытками западной военно-политической коалиции усилить давление на всех этих направлениях.

В ближайшие годы все эти направления будут оставаться приоритетными в политике «силового принуждения» по отношению к правящим кругам России и её отдельным представителям, более того, есть основания говорить, что они будут усилены. Эскалация политики санкций Запада неизбежно будет распространяться не только на эти, но и охватывать смежные области. Так, например, дестабилизация финансовой системы России приведет к падению курса рубля, но другим, ещё более важным последствием, — станет увеличение инфляции в стране. Поэтому необходимы достаточно срочные меры для того, чтобы остановить рост инфляции, прежде всего, на потребительском уровне, ограничить его величиной менее 3%.

Необходимо обратить внимание, прежде всего, на традиционные внутренние меры и средства укрепления стратегической стабильности, которые используются в политической системе страны — институты гражданского общества, включая негосударственные политические и общественные организации и СМИ. Следует понимать, что политика «силового принуждения» Запада будет направлена на создание и развитие соответствующих структур гражданского общества, которые должны будут дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Вероятнее всего это будут небольшие НКО и СМИ, которых, однако, может быть создано десятки тысяч.

С точки зрения разработки мер по укреплению стратегической стабильности и противодействия со стороны России во внутриполитической области необходимо, на мой взгляд, предпринять шаги в следующих основных областях, исходя из представлений о том, что главной целью является внутриполитическая дестабилизация России и смена её правящей элиты и политического курса:

Во-первых, в целях ослабления угроз дестабилизации обстановки в России, необходимо максимально оперативно преодолеть колоссальный и нарастающий разрыв между богатыми и сверхбогатыми, с одной стороны, и бедными слоями населения, с другой. Этот разрыв — прямая угроза внутриполитической стабильности, которая нарастает по мере концентрации богатств внутри одной социальной группы и обеднения большинства населения.

Во-вторых, необходимы меры в области идеологии и пропаганды, консолидирующие общественное мнение против внешних угроз суверенитету и идентичности. Первые шаги в этой области продемонстрировали их высокую эффективность, которая означает, что было выбрано правильное направление. Важно, однако, понимать, что для дальнейшего процесса консолидации обозначения только внешней угрозы мало: в условиях, когда отсутствуют прямые и масштабные военные действия бесконечно апеллировать к внешним опасностям нельзя. Нужна стратегическая цель, «мечта», которой была, например, для Германии или Кореи мечта о воссоединении.

В-третьих, необходимы самые широкие меры по противодействию внешнего влияния на внутриполитическую обстановку в стране, прежде всего антитеррористического и антиэкстремистского характера.

В-четвёртых, необходима значительно более серьёзная политическая и экономическая поддержка национальных патриотических гражданских организаций и СМИ в совершенно ином качественном формате, когда структуры гражданского общества становятся значительной частью общественно-политической и экономической жизни страны. В частности, необходимы законодательные акты, предусматривающие льготы для тех организаций, которые участвуют в общественной, культурной и духовной жизни страны.

1.4.в). Укрепление стратегического сдерживания новыми системными национальными средствами в новых условиях

Одной из наиболее доступных для непосредственного измерения социальных величин является численность людей¹³⁵

*Авторы работы
«Законы истории»*

Эффективность стратегического сдерживания в новых условиях развития ВПО будет во всё возрастающей мере определяться не критериями «способности—не способности» не допустить вооруженного нападения (а тем более применения ядерного оружия), а способностью наций и их государств к опережающему развитию, которая определяется, прежде всего, количеством и качеством национального человеческого капитала (индексом ЧК), который измеряется ежегодно Бюро ООН по ИЧР. Этот же показатель во многом предопределяет темпы технологического развития и роста ВВП. Государство может и не участвовать в вооруженной борьбе или не подвергаться насилию, но из-за множества внутренних причин оказаться среди побеждённых стран (хотя военные действия, как свидетельствуют данные ООН за последние 30 лет, всегда очень сильно сказываются на показателях ИЧР)¹³⁶.

Именно показатель качества ЧК определяет, прежде всего, тенденции сохранения, укрепления или нарушения внутриполитической стабильности, являющейся самой приоритетной целью внешнего влияния. Так, пенсионная реформа, дальнейшая девальвация рубля, снижение доходов, повышение НДС в середине 2018 года не были поддержаны населением, которое открыто высказалось в сентябре на региональных выборах. Более того, в это же время прозвучали сигналы и о расколе внутриправлящей элиты, чья консолидация является важнейшей предпосылкой внутриполитической стабильности. Это, в частности, нашло отражение в споре помощника Президента и министра финансов. Как писалось в сентябрьском докладе Центра Карнеги, «Охота на финансирование реализации указа о социальных расходах, которую президент

Путин провел в мае после его переизбрания, заглянул за занавески российского государственного капитализма. «Вы должны поделиться», российскому бизнесу снова говорят: не по закону как таковому, а по просьбе государства. Помощник президента Андрей Белоусов предложил непредвиденный налог на металлы и горнодобывающие компании на том основании, что цены на их продукцию были необычайно высокими. Этому идее противостоял министр финансов Антон Силуанов, но, несмотря на то, что преобладающая позиция на встрече, на которой присутствовала последняя 7 сентября, казалось, была удалена от принудительных «добровольных» выплат, никто не отменил идею бизнеса, предлагающего эпизодическую помощь нации»¹³⁷.

Наоборот, обе стороны в споре согласны с тем, что бизнес должен оказывать более активную помощь государству, которое действует, как выразился Белоусов, как «общественная повестка дня». Силуанов пошел еще дальше, добавив, что государство «даст указания», предпринимателям путем определения инвестиционных целей для них. После этого с участием профсоюза «олигархов» — Российского союза промышленников и предпринимателей — правительственных чиновников и представителей крупного бизнеса созвали специальную комиссию по поиску надлежащих сфер для инвестиций и решили сосредоточить усилия на развитии цифровой экономики.

Раньше такие механизмы сотрудничества между государством и предприятиями, которые от него зависят, назывались социальной ответственностью, а также влекла добровольно-принудительная конфискация чрезмерного дохода, который был отдан государственному бюджету или объектам инфраструктуры или проектам, которые были особенно дороги старшему должностные лица. Теперь это явление приобрело новый псевдоним: «общественная повестка дня»¹³⁸.

В современной Стратегии национальной безопасности России¹³⁹ стратегическое сдерживание рассматривается только как средство предотвращения войны и использования ЯО, что фактически уже не соответствует современному характеру ВПО, а политико-дипломатические и информационные средства рассматриваются в качестве дополнительных, вспомогательных средств и мер, хотя их значение в последние десятилетия существенно выросло. Более того, есть все основания полагать,

что традиционных политико-дипломатических средств стратегического сдерживания в период 2018–2014 годов будет уже недостаточно. Продолжение прежней стратегии приведёт к неизбежному поражению страны, которую постепенно ограничивают союзниками, окружают врагами, дезинтегрируют и лишают идентичности без применения военной силы непосредственно. Так, если Россия в 2018 году занимала 49 место по ИРЧ, уступая странам-членам западной военно-политической коалиции по всем основным показателям человеческого развития, то стратегическое сдерживание означает, что и без военного нападения её политические и экономические позиции будут заведомо слабыми.

Очевидно и другое: если темпы национального развития определяются, прежде всего, темпами развития НЧК (демографические показатели практически не меняются, темпы роста ВВП предопределены качеством ЧК), то относительное социально-экономическое положение страны, её внутриполитическая стабильность и способность правящей элиты противодействовать внешнему давлению также будут предопределены темпами роста ЧК.

Этот тезис определённо подтверждается в 2014–2018 годы, когда санкционная политика Запада повлияла на темпы развития России (хотя и не в той степени, как ожидали на Западе). При этом собственно военная угроза со стороны западной коалиции выросла, но так и не стала реальностью, а темпы роста ВВП страны оказались отрицательными, либо близкими к нулю. В это же время темпы роста ВВП США были порядка 4%, а резкий рост военного бюджета страны не привел к увеличению его доли в ВВП, которая в 2018 году даже несколько сократилась. Таким образом, за последние 4 года стратегическое сдерживание России, не допустившее начала войны, не позволило в то же время успешно развиваться, что привело к снижению жизненного уровня и других показателей ИЧР.

Надо признать, что действия России в период 2014–2018 годов носили исключительно ответный, не эффективный и ограниченный характер. Прежде всего, потому, что они предпринимались не в той области. Они не были рассчитаны на реальное сдерживание эскалации политики «силового принуждения», скорее, носили выжидательный и запоздалый характер, причём, как правило, действовали в искусственно ограниченной области. Примером этому стал ФЗ № 127 от 4 июня

2018 года, который является символическим «ответом» на аналогичный закон в США, принятый только через 9 месяцев. В соответствии с этим законом предусматривался ряд мер в отношении США, а также «иных иностранных государств..., организаций, должностных лиц и граждан», причастных к недружественным действиям в отношении России (Статья № 1. Пункт 2). Эти меры имели очень ограниченный и ответный, запретительный характер, которые должны будут приниматься по решению президента или правительства РФ, на основании предложений Совета Безопасности Российской Федерации (Статья № 3. Пункт 3)¹⁴⁰.

Сказанное выше означает, что России необходима другая стратегия противоборства с западной политикой «силового принуждения», которая могла бы иметь более высокую эффективность. Сохранение прежней стратегии может привести к потере внутривластной стабильности, смене власти, и, как следствие, потере суверенитета и национальной идентичности.

Стратегия противодействия санкциям должна стать частью этой общей стратегией противоборства¹⁴¹. А та, в свою очередь, стратегия развития. Санкции США и ЕС против России имеют принципиально разную логику, несмотря на то, что на уровне политической риторики Вашингтон и Брюссель придерживаются сходных позиций. Так, например, США активно идут на санкционную эскалацию, а ЕС не выходит за пределы «украинского пакета», несмотря на давление своих партнёров. Политика контрсанкций должна учитывать эти нюансы. Необходимо чётко отделять политику противодействия санкциям США и ЕС. Европа, как оказывается, в принципе не нацелена на уничтожение России. Она следует в фарватере политики США в качестве «общего» члена коалиции.

Санкционное законодательство США (PL 115-44) даёт чёткое представление о параметрах и направлениях американской политики санкций в 2018 году. Закон, принятый Конгрессом США 2 августа 2017 года, предполагает конкретные виды отчётности органов исполнительной власти о ходе и направлениях реализации санкционной деятельности против России. Это позволяет спрогнозировать события, которые произойдут в 2018 году и которые, во многом будут отражать суть санкционного давления на Россию¹⁴².

В новом российском законе в полной мере отразились современные реалии. В нем выпукло обозначен его функционал как средства противодействия враждебным действиям. То есть по своему «духу» он носит скорее оборонительный, а не наступательный характер. США в нём определяются в качестве основного источника недружественных действий — в законе 2006 года таких конкретных оценок не было. Полномочия президента в целом повторяют контур закона «О специальных экономических мерах» с более выраженным фокусом на действиях против инициаторов санкций. Вместе с тем, закон носит достаточно узкий характер, в котором не отражено главное, а именно — стратегия опережающего развития России.

Разработчики закона отмечали, что он носит рамочный характер, то есть даёт президенту возможность выбора тех или иных мер. Иными словами, рассуждать о его возможностях по успешному противодействию санкциям нельзя без привязки к стратегии конкретных действий, которая могла бы стать важным шагом в имплементации закона. Разработка такой стратегии — прерогатива правительства и администрации президента. От её приоритетов и реализации во многом будет зависеть и успех нового законодательства.

Что нужно принимать во внимание при разработке такой стратегии?

Прежде всего, стратегия по противодействию санкциям должна отталкиваться от целостной картины происходящих в мире процессов, роли и места в них России, а также понимания причин, которые стоят за использованием санкций. Основная причина одна — стремление западной коалиции подчинить правящую элиту России своей политике, ограничить её суверенитет и в конечном счете уничтожить государство. Собственно санкции в этой политике играют не только подчиненную, но и второстепенную роль. Такую роль не должна выполнять политика противодействия России. Если сводить противодействие санкциям к чисто техническим мерам (квоты, тарифы, барьеры, запреты), то она неизбежно будет носить реактивный характер. Техника вряд ли может заменить стратегию. Мы будем реагировать на санкционные удары без внятного понимания того, чего конкретно мы хотим и как именно достичь поставленных целей. Работа над ней должна носить межведомственный характер с широким привлечением экспертного сообщества.

Далее, стратегия должна базироваться на понимании того, что всякая политика санкций зиждется на подавляющем экономическом, технологическом и финансовом превосходстве стран-инициаторов над страной-целью. Это значит, что в долгосрочной перспективе лучшей гарантией от любых санкций является выстраивание эффективной, развитой экономики с высоким запасом прочности. Эта прочность обеспечена только быстрым развитием НЧК и его институтов.

Здесь предстоит решить трудную дилемму между открытостью экономики и её самодостаточностью. Открытая экономика в большей степени уязвима перед санкциями. Но за самодостаточность придётся заплатить свою цену: изоляция от глобальной экономики может обойтись дороже. Поиск баланса между двумя крайностями будет сложным, хотя в российском случае он облегчается пределами изоляции страны от её партнёров даже внутри западного сообщества. Выход опять же в опережающем развитии НЧК и, как следствие, национальных технологий и институтов развития.

Следует также понимать, что в текущих условиях наши возможности нанести ответный санкционный удар странам-инициаторам серьёзно ограничены. Торговые санкции против США вряд ли причинят чувствительный вред, который заставил бы Вашингтон пересмотреть свой политический курс. Объём нашей торговли с американцами равен приблизительно половине от объёма торговли США с Бельгией или менее 1% всей американской торговли. Американский бизнес технически можно заставить уйти из России. Он понесёт убытки, но адаптируется и найдёт новые рынки. К тому же такие меры неизбежно отзовутся и на отечественном бизнесе, ведь коммерческие связи носят взаимовыгодный характер — никто нам их не навязывал. Разрушить их гораздо проще, чем собрать заново. Что касается ЕС, то здесь ущерб от ограничений может быть более болезненным. Начиная с 2014 года потери от санкций компаний из ЕС на российском направлении сопоставимы с российскими потерями. Сегодня торговля между нами растёт вопреки санкциям. Сбережение взаимовыгодных связей — столь же важная задача, сколь важной является защита российской экономики.

Необходима более широкая правовая основа для организации стратегического противодействия (например, расширение ФЗ № 127

до участников, акторов и отдельных лиц), включая привлечение негосударственных акторов. Президент России В.В. Путин подписал федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств», который можно рассматривать только как правовую основу для оперативных ответных действий, а не законодательную базу для стратегического противодействия. В Государственной думе также обсуждается законопроект о внесении поправок в Уголовный кодекс по санкционной тематике. Оба документа вызвали широкий резонанс на стадии разработки, но их время также быстро ушло. В итоге законодатели сгладили наиболее дискуссионные положения, которые касались импорта лекарств и других чувствительных тем.

Новый закон даёт президенту широкие возможности по реагированию на санкции против России. Главный вопрос теперь — в стратегии его применения и выстраивании эффективной политики противодействия. Простой набор технических мер по ограничению торговли вряд ли даст серьёзные результаты. Требуется по-настоящему долгосрочное видение проблемы и столь же долгосрочный горизонт планирования контрсанкций¹⁴³.

Новый закон обновил уже существующую в России нормативно-правовую базу. Вплоть до недавнего времени законодательной основой российских санкций и контрсанкций служил федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». Он давал Президенту и правительству достаточно много рычагов. Среди них — полномочия по ограничению программ помощи, запрету финансовых операций и внешнеэкономических операций, прекращению торговых договоров, регулированию пошлин, запрету на заходы в российские порты, ограничениям на туризм и другие. Закон, например, давал возможности соблюдать международные обязательства в случае решения СБ ООН о санкциях против той или иной страны. Он был вполне достаточен и для ответных ограничительных мер после введения против России секторальных и персональных санкций 2014 года. Однако принимался он в принципиально иных политических условиях.

Неизбежная в будущем эскалация политики «силового принуждения» и (в рамках этой политики) эскалации принятия всех видов экономических и финансовых санкций в отношении России ставит вопрос о стратегии поведения нашей страны, т.е. О её долгосрочном стратегическом курсе, из которого должны вытекать решения, ориентированные на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Это — принципиальное положение потому, что тактические и субъективные ответные действия не дают эффекта потому, что в политике они должны быть, очевидно, предсказуемы для другой стороны. На Западе должны ясно понимать, что политика «силового принуждения» встретит не только ответную реакцию, но и вызов действия России в других областях. Прежде всего, тех, которые будут обусловлены интересами России, а не реакцией на санкции.

Руководствуясь этой логикой, правящие круги России теоретически могут выбрать **три альтернативных стратегии поведения в области укрепления стратегического сдерживания на 2018–2020 годы**, учитывая, что в 2014–2018 годы уже сложилась некая практика и инерция поведения, которая задала некую инерцию и даже традицию поведения:

1. Стратегия № 1. Продолжить «Стратегическое отступление», которое имеет смысл только в том случае, если потом, позже, выигрыш во времени будет капитализирован в некие преимущества. Пока что говорить об этом не приходится: мы продолжаем сохранять отставание от стран западной коалиции.

2. Стратегия № 2. Попытаться использовать «адекватные (симметричные) ответные действия, которые очень слабо повлияют на политику «силового принуждения», переведя окончательно отношения с Западом в состояние прямой военно-силовой конфронтации.

3. Стратегия № 3. «Стратегия опережающего развития», предполагающая концентрацию всех ресурсов на развитии НЧК, технологий и общества.

Прежде чем выбрать ту или иную стратегию, необходимо отметить, что политика противодействия России действиям Запада, включая укрепление стратегической стабильности только в военной области, экономические ответные санкции, может вызывать закономерные вопросы с точки зрения эффективности.

Рис.1.24 Стратегия противодействия России

Прежде всего, потому, что организационно-содержательно, такая политика, строго говоря, сегодня не может быть названа стратегией, — в лучшем случае **набором тактических ответных мер**. Эти меры изначально не могут быть достаточно эффективными, как любые ответные меры, вызванные крайней необходимостью, они носят характер ответной и не всегда своевременной реакцией, а не продуманной долгосрочной стратегией, которая понятна нашим оппонентам. В целом они могут быть характеризованы следующим образом:

- как не всегда адекватная и своевременная попытка анализа и прогноза возможных сценариев развития МО и ВПО и вытекающих из них дальнейшего применения международных санкций в отношении российских организаций и граждан в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Представления правящей элиты о состоянии МО — разные, в отличие, например, от доминирующих представлений в США. Складывается устойчивое впечатление о расколе внутри элит, что крайне опасно для безопасности страны и провоцирует Запад.

В силу этого складывается впечатление, что у России нет страте-

гического плана развития страны в условиях эскалации международной напряженности, либо (если учесть послание Президента 1 марта 2018 года), такой план не всегда соответствует действиям правительства;

- как достаточно субъективная оценка вызовов и угроз военно-политической, информационной и финансово-экономической безопасности России в условиях возможных сценариев применения международных санкций. В некоторых случаях они неоправданно пессимистичны, а иногда — слишком оптимистичны, что даёт огромный разброс мнений.

Такие вызовы и угрозы в экономической области не связаны со всем спектром вызовов и угроз в политико-дипломатической, военной и информационной областях, рассматриваются по отдельности;

- как односторонняя (ведомственная) разработка мер по парированию существующих и потенциальных угроз экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию устойчивого развития в условиях международных санкций, ориентированная на учёт только части проблем, например, импортозамещения (которые сами по себе являются следствием политики не только Запада, но и России, а не их причиной).

Представляется, что оперативное и тактическое планирование действий России в ответ на эскалацию санкций должно быть:

1. Следствием реализации последовательной долгосрочной стратегии развития страны, а не реакцией на внешние опасности и угрозы.

2. Не только ответными действиями, но и инициативами, предпринимаемыми исходя из собственных интересов. Это означает, например, что Россия может выдвигать собственные санкции и налагать ограничения в новых областях.

3. Системными, в разных областях, исходя из общей стратегии противоборства, а не только ответных финансово-экономических действий.

4. Исключающее иллюзии относительно перспектив компромиссов и договоренностей.

1.4.г). Необходимость реорганизации процесса принятия решений в интересах стратегического сдерживания

В МИД и других органах власти России не существует объединенной системы информации, которая могла бы быть аналогичной системе Минобороны России. Поэтому де-факто сложилась ситуация, когда системы данных МО и МИД существуют параллельно и во многом дисперсно, что значительно осложняет процесс принятия решений. Так, в МИД существует достаточно подробная и уникальная информация по отдельным странам и регионам, но общестратегическая информация, характеризующая, например, военно-политическую обстановку в мире, по понятным причинам, не концентрируется.

Похожая ситуация и в МО РФ, где собирается и анализируется тщательно военно-политическая информация, но внешнеполитическая информация присутствует, опять же, по понятным причинам, далеко не полностью. Так, огромное значение на развитие ВПО в последние десятилетия приобрели такие факторы как использование силовых не военных средств и мер в политике западной военно-политической коалиции, а главное — те новые политические цели, которые ей преследуются. Прежде всего, по отношению к правящей элите или системам ценностей своих оппонентов.

Так, в октябре 2018 года исполнится 20 лет с момента принятия Конгрессом США необычного законодательного акта — «Закона о международной свободе вероисповедания» (H.R.2431). Необычность этого документа заключается в том, что в соответствии с ним одна страна объявила себя «самой свободной» и на этом основании единолично присвоила себе право вмешиваться во внутренние дела других государств. Причем в качестве основания выбрала самый сакральный — религиозный фактор. Эти и другие обстоятельства не только не остановили американских парламентариев, но они пошли еще дальше. Они присвоили себе право в случае, если «будет сделан вывод о преследовании в какой-либо стране определенной религиозной группы», развязать войну¹⁴⁴.

Изменения в системе исходных данных и всей информации, необходимой для принятия решений в области безопасности вообще и укрепления стратегической стабильности, в частности, вытекают из **качественного изменения характера современной ВПО и МО**. Негативное развитие ВПО и эскалация политики «силового принуждения» со стороны Запада потребуют от России уже в самом ближайшем будущем пересмотра как своей Стратегии национальной безопасности и Концепции внешней политики, так и структуры военной организации страны, включая системы управления политикой и характера самого стратегического сдерживания, которая должна перейти с государственного на национальный уровень, охватив своей сферой ответственности не только военную и политико-дипломатическую, но и социально-экономическую и научно-технические области.

Большое значение в этой связи имеет создание единой информационной системы обеспечения внешней и внутренней безопасности страны, учитывающей как внешние угрозы, средства и способы их применения, так и все национальные (а не только государственные) возможности по их противодействию¹⁴⁵.

Существующая военная организация России управляет в основном отдельными министерствами и структурами, а не всеми национальными институтами. Такое управление заведомо малоэффективно потому, что игнорирует значительные ресурсы нации, прежде всего, не государственные общественные и экономические ресурсы, включая информационные ресурсы (например, социальные сети), которые играют всё возрастающую роль. В этой связи представляется неизбежным до 2024 года:

1. Вычленение нескольких основных стратегических направлений и потребностей политики страны, на базе которых должно произойти объединение всех информационных и иных ресурсов (например, направления внешней политики). Подобная интеграция исходных данных (на базе Совета безопасности из всех структур — МО, МИД, СВР, ФСБ, а также АП, институтов гражданского общества и частного бизнеса) совершенно необходима для создания общенациональной системы исходных данных для принятия политических решений.

2. Необходима консолидация функций, например, внешнеполитических, в руках одного ведомства. Учитывая, что внешнеполитическая дея-

тельность предполагает постановку и решение общеполитических задач и использование всех видов национальных ресурсов, за которые отвечают самые разные ведомства (МО — за ВС, МВД — за органы правопорядка, Росгвардия — за внутриполитическую стабильность, ФСБ — за контрразведывательную деятельность, СВР — и т.д.), очевидно, что информация и управление должно находиться в руках Совета безопасности, точнее его постоянных членов и аппарата СБ.

В настоящее время внешняя политика страны полностью сконцентрирована в руках президента, что представляется в целом вполне оправданным. Однако, внешнеполитический аспект, за который отвечает МИД РФ и министр иностранных дел, сведены исключительно к дипломатической, а не внешнеполитической деятельности. Существует большой разрыв между президентским и министерским уровнями, которого нет, например, в ведущих странах за рубежом, где министр, как правило, координирует всю внешнюю политику и часто является вторым лицом в государстве. Так, в Германии, Великобритании и США министры иностранных дел отвечают за весь спектр внешнеполитических вопросов.

В России сложилась ситуация, когда за целый ряд внешнеполитических направлений отвечают отдельные министерства, их министры и даже крупные госкорпорации, у которых существует «своя» внешняя политика: Минобороны, Внешняя разведка, Минэнерго, Минпромторг, Внешэкономбанк, Сбербанк, Газпром и т.д. Степень влияния министра иностранных дел и работников министерств на эти структуры крайне ограничена, что неизбежно ведёт к ослаблению общего внешнеполитического вектора.

Кроме того, отдельные страны, прежде всего, члены ОДКБ и СНГ, не всегда соотносят свою деятельность с курсом российского МИД.

В целом развитие ВПО в ближайшие годы объективно потребует максимальной концентрации внешнеполитических ресурсов потому, что она будет зависеть в возрастающей степени не столько от политико-дипломатических средств и военных мер, сколько от других политических инструментов. Достаточно посмотреть на основные направления развития ВПО, которые не являются компетенцией ни МИД, ни МО РФ, чтобы отчётливо увидеть наиболее вероятные последствия:

- во-первых, после определенного времени стратегического отступления (которое не может продолжаться бесконечно) потребуется неизбежный переход к стратегическому контрнаступлению, который будет носить гораздо более широкий характер действий, чем только политико-дипломатическая деятельность;
- во-вторых, в процессе нарастающего силового противоборства происходит стремительное расширение использования и более широкого применения всего спектра средств и мер силового, включая средств и мер вооруженного, противоборства. Происходит стремительное превращение силовой и вооруженной борьбы в единый системный комплекс «асимметричной» борьбы, предполагающей использование средств, которые не являются аналогичными средствами нападения;
- в-третьих, неизбежно дальнейшее пространственное расширения площади противоборства не только за пределы Евразии (например, в Арктику, Африку и даже, возможно, Антарктику), но и в космическое и киберпространство. Особенно важные будущие направления силового противоборства — системы ценностей, социальные структуры и когнитивные области;

Более того, всё отчётливее обозначается взаимосвязь между политическим курсом внутри страны и его внешней политикой, когда внутриполитическая дестабилизация становится главной целью внешней политики западной коалиции. Так, не может не обратить на себя внимание тот факт, что до настоящего времени действия правительства РФ иллюстрируют, что оно движется в противоположном направлении от стратегии В.В. Путина, сформулированной в послании и указе: рост цен на бензин, пенсионная реформа, замедление и без того медленных темпов роста ВВП, неудачные шаги в области здравоохранения и образования, — всё это никак не вяжется с декларируемой В.В. Путиным ставкой на опережающее развитие человеческого капитала.

Новый подход к формированию и стратегическому планированию внешней политики и политики безопасности России требуется, кроме того, потому, что переход человечества к новому этапу своего развития при сохранении старых парадигм развития международной обстановки и особенно военно-политической обстановки, сложившихся в нача-

ле XXI века, означает стремительное наступление наиболее дестабилизирующего и угрожающего периода, который характеризуется резким обострением прежних и появлением новых опасностей и угроз. В том числе и, может быть, более всего это относится к современной России, которой предстоит в 2018 году столкнуться с необходимостью ответов на опасные и вполне конкретные вызовы.

Их анализом и перечислением последние годы занимаются многие аналитики, политики и эксперты, но для целей данного исследования требуется, прежде всего, рассмотреть те из них, которые связаны с неизбежным выбором в 2018 году новой стратегии развития России¹⁴⁶. Эта неизбежность вызвана, на мой взгляд, следующими обстоятельствами, которые не будут позволять в будущем, как прежде, затягивать принятие стратегических решений:

Во-первых, обострение ВПО в 2018 году, в частности, в Сирии и на всем Ближнем и Среднем Востоке, вокруг КНДР, на Украине и в более, чем 50 районах мира показывает, что прежние модели обеспечения безопасности не работают, а новых нет. Остается признать, что традиционный выход из подобных ситуаций — война, точнее — вооруженный конфликт, является наиболее вероятным политическим способом действия.

Во-вторых, Россия преодолела период кризиса и стагнации, но в неблагоприятных и ухудшающихся внешних условиях она принуждается Западом к стратегическому отставанию от других государств, всеми имеющимися у него средствами политики «силового принуждения». Выход из этого процесса может быть только при реализации мобилизационного сценария развития страны, который, как и прежде в отечественной истории, должен аккумулировать все национальные ресурсы и волю.

В-третьих, Запад пытается принудить правящую элиту страны сменить независимый политический (как внешний, так и внутренний) курс и руководство страны, используя в этих целях самый широкий набор средств силового принуждения — от экономических и политико-дипломатических до информационных и военных.

Таким образом, налицо оформление уже в 2018 году уникальной ВПО, в которой России отводится очень рискованное место оказаться на самом острие силовых конфликтов, либо признать политическую капи-

туляцию, заявив о смене политического курса и готовности к «корректировке» своей системы национальных ценностей и интересов. Именно эти обстоятельства, имеющие откровенно силовой, но не всегда военный характер, представляются в настоящее время наиболее важными и актуальными, а не скрупулезный (и не всегда бесспорный) перечень всех опасностей и угроз, конкретный анализ которых превратился в своего рода «специальность» среди ряда чиновников и экспертов Совета безопасности, администрации, Минобороны и МИД России¹⁴⁷. В том числе, надо самокритично признать, и автора¹⁴⁸.

Главная проблема и важнейшее опасное обстоятельство для России в 2018 году, непосредственно зависящее от правящей российской элиты и общества, заключается в том, что действующая стратегия и существующий базовый (инерционный) сценарий развития России очевидно и прямо противоречит ухудшающейся геополитической обстановке, угрожает национальным интересам России и сохранению ее идентичности, превращая страну в заложника непредсказуемого мирового экономического и военно-политического развития.

По сути дела Россия повторяет основную ошибку XX века в своей истории, когда недостатки стратегического управления компенсировались природными и демографическими ресурсами российской нации. И в этом — главная проблема для современной российской правящей элиты — оказаться не соответствующей требованиям мирового развития и возможностям России.

Огромные внутренние ресурсы и возможности России, очевидно, не соответствуют убогим темпам и масштабу развития экономики и человеческого капитала в последние 35–40 лет. И это качественное и радикальное противоречие неизбежно предстоит разрешить российской правящей элите еще до 2020 года, либо смириться с нарастающей деградацией и постепенной фактической потерей суверенитета и, в конечном счете, национальной идентичности. Никакие пропагандистские и даже внешние политические успехи не смогут изменить этого вывода.

Ситуация для России во многом обостряется тем обстоятельством, что правящие западные элиты наносят удары по правящему классу России, принуждая его к капитуляции или предательству. В этих условиях, как показывает наш опыт, раскол внутри неизбежен — часть правящей

элиты может пойти против нации и общества, стать «пятой колонной» агрессоров.

Третья Мировая (цивилизационная) война, начавшись уже в настоящее время, неизбежно будет расширяться по пространственному охвату и втягивать в свою воронку все больше государств, институтов и ресурсов. Её военно-силовая составляющая будет нарастать и, вероятнее всего, приведет к полномасштабной войне сразу на нескольких ТВД, а, может быть, и глобальному конфликту. Крайне маловероятно, что развитие ВПО, как в предыдущие десятилетия, сохранится даже на ближайшие годы, хотя и сегодня в мире одновременно «сосуществуют» более 50 — внешних и внутренних — военных конфликтов.

Характер и особенности всех этих будущих военных конфликтов до конца не известны, да и вряд ли могут быть известны вообще, — слишком стремительно развиваются ВВСТ и способы их использования, слишком динамична военно-стратегическая обстановка, но уже ясно, что такое военно-силовое противоборство будет:

- **с военно-политической точки зрения**, — борьбой военно-политических **коалиций**, представляющих разные локальные человеческие цивилизации, среди которых наибольшее развитие уже получила западная коалиция, аккумулирующая ресурсы более 60 государств; Россия в этой борьбе может рассчитывать на ограниченный круг союзников по ОДКБ и, возможно, некоторые другие страны;
- **со стратегической точки зрения**, — системной силовой борьбой, в которой будут использованы все средства политики — от когнитивно-информационных до стратегического оружия и оружия массового поражения;
- **с политико-цивилизационной точки зрения**, — бескомпромиссной схваткой, исключающей промежуточные соглашения, целью которой будет нанесение **тотального, цивилизационного, поражения** и принуждения противника к отказу от своей идентичности и суверенитета, навязыванию своих норм и правил;
- **с военно-технической точки зрения**, — будут использованы все имеющиеся виды и системы оружия и военной техники, как конвенционные, так и ОМУ, причем имеющийся опыт говорит в пользу того, что военные действия будут носить **длительный характер**,

который потребует значительных запасов ВВСТ и боеприпасов. Не случайно и своевременно, но, возможно, недостаточно высказывание Президента В.В. Путина на совещании с руководителями МО и ОПК в ноябре 2017 года о необходимости готовности предприятий к массовому производству ВВСТ и боеприпасов.

Вообще идея «национальной мобилизации» — будь то в контексте импортозамещения или повышения боеготовности — самая, на мой взгляд, перспективная в нынешних условиях. В том числе и с точки зрения сценария развития России, который должен предложить президент. В 2018 году Россия только-только вышла из достаточно глубокого кризиса и стагнации, которые усиленно стимулировались извне самыми широкими санкциями. После принятия в Конгрессе США в августе 2017 года соответствующего закона против России, Ирана и КНДР, который на три четверти состоит из санкций против России, стало окончательно ясно, что политика «силового принуждения» России имеет долгосрочный характер и нам предстоит жить с этим не один год.

Но существующая стратегия и планы развития — инерционны в своей основе. Они не могут обеспечить России необходимые темпы роста и качество экономики и человеческого потенциала. Нужна новая, мобилизационная, стратегия, сопоставимая по своей эффективности со стратегиями опережающего развития КНР, Индии, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Вьетнама и целого ряда других стран, обеспечивающих ежегодный прирост ВВП не на 1,5–2%, а на 7–8%. Такие темпы роста (и даже больше) были в СССР в 30-е, 40-е, 50-е и 60-е годы прошлого века в условиях не менее сложной военно-политической обстановки и необходимости военно-технической подготовки к возможной войне.

Будущая опасная МО и ВПО будут развиваться в соответствии с объективной своей логикой, но они окажут еще более негативное и решающее влияние на формирование сценария развития России, который не должен быть, инерционным, ибо его сохранение уже сейчас равносильно самоуничтожению. Речь должна идти не только о новой мобилизационной стратегии, но и о новом, «мобилизационном» сценарии развития России, который предусматривал бы конкретный план мобилизационной подготовки всей промышленности (а не только ОПК) и общества, всех институтов общества и государства.

Такой сценарий должен исходить из необходимости создания новой военной организации, но уже не только государства, но и общества, и всей нации, по аналогии с существовавшим Государственным Комитетом Обороны СССР. Надо отчетливо понимать, что современное состояние военной организации страны включает только некоторые (силовые) институты государства, оставляя «за скобками» институты не силовые, а, например, образовательные и научные, а также массовые общественные институты и институты и организации частного бизнеса (в США, кстати, существует именно национальная военная организация).

Динамика неравномерного развития мировых центров силы, ЛЧЦ и ведущих стран ставит под угрозу не только будущие позиции России в мире, но и саму возможность сохранения ею государственного суверенитета и идентичности. Отставание до определенного времени может не угрожать государственному суверенитету, но когда это превращается в очевидную угрозу, которая может стать реальностью, то следует понимать, что, как правило, вслед за суверенитетом быстро исчезает и идентичность, а затем и сама нация.

Как видно из рисунка, мы сегодня находимся на втором этапе «угрозы политическому суверенитету», на котором «задержались» благодаря приходу к власти В.В. Путина, хотя уже были все основания говорить, что в конце 90-х годов мы находились на третьем этапе («ликвидации институтов государства»). Процесс такого осознания должен произойти быстро и в острой форме, которая может приобрести форму социального катаклизма. Угроза такого взрыва должна серьезно рассматриваться правящей элитой России. Это означает, что разработка и реализация успешной социально-экономической стратегии, которые не удавались правящей российской элите последние 30 лет, не будет больше продолжаться потому, что неудачи привели к угрозе потери суверенитета и адекватности.

Есть основание полагать, что подобная логика лежит в основе всех сценариев развития противоборствующих ЛЧЦ в XXI веке, что, естественно, отражается непосредственно на содержании стратегического сдерживания. Субъекты ВПО конкурируют в мире не только за ресурсы, транспортные коридоры и рынки сбыта, но и за системы ценностей, нормы поведения и их продвижение в мире. Ликвидация суверенитетов,

государств и наций оставляет не только территории, ресурсы и рынки сбыта победителю, но и, главное, системы ценностей. Иначе говоря, борьба между государствами и ЛЧЦ вступает в форму борьбы за победу той или иной локальной человеческой цивилизации и сохранение той или иной идентичности. Соответственно и предмет стратегического сдерживания меняется — задачей становится не сдерживание противника от военного (прежде всего ядерного) нападения, а сохранение суверенитета и идентичности, которым в большей степени может угрожать уже не вооруженная агрессия со стороны Запада.

Эти изменения должны найти свои оценки и отражение в подготовке необходимой информации для принятия решений на высшем уровне. Иначе говоря, правящей элите России предстоит скоро не просто осознать, но и публично признать всю остроту экономической, а затем и цивилизационной угрозы, чью логику развития можно изобразить следующим образом¹⁴⁹. Лучше, если такое публичное признание произойдет не само по себе, в силу объективных причин, когда придется «обосновывать» в очередной раз запоздалую политическую реакцию, а в порядке стратегической инициативы российской правящей элиты. Алгоритм неизбежного развития МО и ВПО по отношению к России будет прост и выражен в следующей последовательности, которую надо публично озвучить.

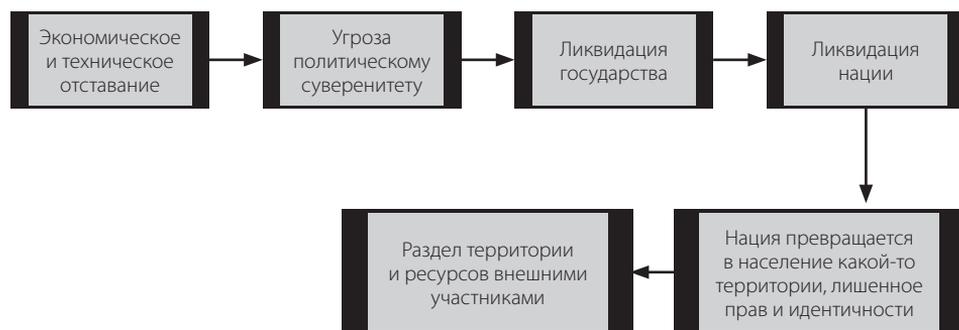

Рис. 1.25 Алгоритм неизбежного развития МО и ВПО по отношению к России

Как видно из рисунка, мы сегодня находимся на втором этапе «угроза политическому суверенитету», на котором «задержались» благодаря приходу к власти В.В. Путина, хотя уже были все основания говорить,

что в конце 90-х годов мы находились на третьем этапе («ликвидации институтов государства»). Процесс такого осознания должен произойти быстро и в острой форме, которая может приобрести форму социального катаклизма. Угроза такого взрыва должна серьезно рассматриваться правящей элитой России. Это означает, что разработка и реализация успешной социально-экономической стратегии, которые не удавались правящей российской элите последние 30 лет, не будет больше продолжаться потому, что неудачи привели к угрозе потери суверенитета и адекватности.

Есть основание полагать, что подобная логика лежит в основе всех сценариев развития противоборствующих ЛЧЦ в XXI веке, что, естественно, отражается непосредственно на содержании стратегического сдерживания. Субъекты ВПО конкурируют в мире не только за ресурсы, транспортные коридоры и рынки сбыта, но и за системы ценностей, нормы поведения и их продвижение в мире. Ликвидация суверенитетов, государств и наций оставляет не только территории, ресурсы и рынки сбыта победителю, но и, главное, системы ценностей. Иначе говоря, борьба между государствами и ЛЧЦ вступает в форму борьбы за победу той или иной локальной человеческой цивилизации и сохранение той или иной идентичности. Соответственно и предмет стратегического сдерживания меняется — задачей становится не сдерживание противника от военного (прежде всего ядерного) нападения, а сохранение суверенитета и идентичности, которым в большей степени может угрожать уже не вооруженная агрессия со стороны Запада.

Эти изменения должны найти свои оценки и отражение в подготовке необходимой информации для принятия решений на высшем уровне.

---

¹ *Гареев М.А.* «Стратегическое сдерживание» — новая концепция военной безопасности России // Красная звезда, 2008. 8 октября.

² Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan., 2018. — P. 11.

³ Итоги года и пятилетия / Воздушно-космический рубеж, 2018 февраль. — С. 1 / <http://bvpa.ru/итоги-года-и-пятилетия/>

⁴ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 4. / <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-doc.html>

- ⁵ *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 г.
- ⁶ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 4. / <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-doc.html>
- ⁷ *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / в кн.: Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–54.
- ⁸ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 4. / <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-doc.html>
- ⁹ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 4. / <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-doc.html>
- ¹⁰ Этой проблеме была посвящена серия моих статей в различных журналах. См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6, а также: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60).
- ¹¹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan., 2018. — P. 11.
- ¹² *Лосев А.* «Трампономика»: первые результаты / Валдайские записки, 2018. — № 87. — С. 20 / <http://ru.valdaiclub.com/files/22104/>
- ¹³ *Лосев А.* «Трампономика»: первые результаты / Валдайские записки, 2018. — № 87. — С. 24 / <http://ru.valdaiclub.com/files/22104/>
- ¹⁴ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.
- ¹⁵ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan., 2018. — P. 2.
- ¹⁶ *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52).
- ¹⁷ Новое определение этого понятия может быть сформулировано следующим образом: **Стратегическое сдерживание** (нов.) — это способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как

в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), так и на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам реализовать политику силового принуждения.

¹⁸ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

¹⁹ *Лиддл Гарт, Бэзил.* Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 453.

²⁰ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan., 2018. — P. 11.

²¹ *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 г.

²² *Коньков С.* Times: Лондон готов осуществить кибератаку против Москвы в случае нападения РФ на Запад // Таймс, 07.10.2018.

²³ *Дмитриевски И.* Рейтинг стран по критерию Soft Power 30 // Иерусалим-Кембридж. 15 июня 2016 г.

²⁴ Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / European Leadership Network, April 2018. — P. 2.

²⁵ В частности, в основных направлениях работы правительства от 27 сентября 2018 года даётся прямая ссылка на Стратегию, но затем о ней напрочь забывается.

²⁶ *Вильданов М.* СНВ-3: что дальше? / Алмаз-Антей, 2017. — № 2. — С. 36.

²⁷ Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / European Leadership Network, April 2018. — P. 2.

²⁸ *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52).

²⁹ См., например: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад / А.И.Подберёзкин. Центр Военно-политических исследований; АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.

³⁰ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 78–82 и С. 86–87.

³¹ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

- ³² См., например, *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т 2.
- ³³ *А. Дел Вал.* Истинные враги Запада: как они отвергли Россию и поощряют исламизацию открытого общества / Пер. Ю. Линника. — Париж, 2016. — С. 8–9.
- ³⁴ См., например: *Ходынская-Голенищева М.С.* Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений / Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 179–199.
- ³⁵ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 99–105.
- ³⁶ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 135–138.
- ³⁷ *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберёзкин. Центр Военно-политических исследований; АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей». — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.
- ³⁸ См., например: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — №5. — С. 19–35.
- ³⁹ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 137.
- ⁴⁰ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.
- ⁴¹ В частности, одна из работ последних лет: Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 743 с.
- ⁴² Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 335–374.
- ⁴³ См., например: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.
- ⁴⁴ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 376–455.
- ⁴⁵ *Барabanов М.С. Денисенцев С.А.* И др. Грозное небо. Авиация в современных

конфликтах / под ред.: В.Н. Бондарева — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. — 256 с. — С. 167–169.

⁴⁶ *Барабанов М.С. Денисенцев С.А. И др. Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / под ред.: В.Н. Бондарева — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. — 256 с. — С. 167–169.*

⁴⁷ **Стратегическое сдерживание** (нов.) — это способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), так и на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам силового принуждения.

⁴⁸ *Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях значительного ухудшения международной обстановки // Журнал «Полис. Политические исследования». 2018. — № 4. — С. 7–21.*

⁴⁹ *Подберёзкин А.И. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.*

⁵⁰ *Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях значительного ухудшения международной обстановки // Журнал «Полис. Политические исследования». 2018. — № 4. — С. 7–21.*

⁵¹ *Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях значительного ухудшения международной обстановки // Журнал «Полис. Политические исследования». 2018. — № 4. — С. 7–21.*

⁵² Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 457–470.

⁵³ *Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.*

⁵⁴ См., например: *Подберёзкин А.И., Султанов Р.Ш., Харкевич М.В. И др. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. — М.: МГИМО-Университет, 2014.*

⁵⁵ Среди других работ хотелось бы выделить такие крупные работы, как: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: коллект. монография / под ред. А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО-Университет. — 874 с., а также: *Подберёзкин А.И. Современная военная политика России. В 2-х тт. — М.: МГИМО-Университет, 2017 г.*

⁵⁶ *Путин В.В. Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 4 / <http://rg.ru/2015/12/31/>*

pac-bezopasnost-site-doc.html

⁵⁷ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 63.

⁵⁸ См., например: *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / в кн.: Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–54.

⁵⁹ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 64.

⁶⁰ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 64.

⁶¹ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

⁶² *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / в кн.: Публичная дипломатия: теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: «Аспект Пресс», 2017. — С. 36–54

⁶³ *Скакун А., Вильданов М.* Стратегические ядерные силы Франции. Национальная оборона. 2018. Февраль. — № 2. — С. 77–80.

⁶⁴ *Скакун А., Вильданов М.* Стратегические ядерные силы Франции. Национальная оборона. 2018. Февраль. — № 2. — С. 80.

⁶⁵ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 67.

⁶⁶ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 69.

⁶⁷ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 74.

⁶⁸ ABC News узнали о работе российских троллей с американскими активистами // Ведомости. 19 октября 2017 г.

⁶⁹ ABC News узнали о работе российских троллей с американскими активистами // Ведомости. 19 октября 2017 г.

⁷⁰ *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград»

(фрагмент). – С. 69.

⁷¹ Султанов Ш.З. Стратегическое сознание и мировая революция. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 3.

⁷² См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁷³ Надо сказать, что в этой области огромная заслуга принадлежит профессору МГИМО-Университета М.А. Хрусталёву, чьи теоретические построения легли в основу многих, в т.ч. моих, исследований: См., например: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО-Университет, Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики–2015. –796 с.

⁷⁴ См. ряд работ, в которых эта проблема рассмотрена подробно, начиная с: *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014 г.

⁷⁵ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁷⁶ Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2. / Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6.

⁷⁷ В частности, одна из работ последних лет: Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А.И. Подберёзкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 743 с.

⁷⁸ *Переслегин С., Переслегина Е.* Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). — С. 8.

⁷⁹ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — №5. — С. 19–35.

⁸⁰ Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС (научный доклад к VII саммиту БРИКС). — М.: НКИ БРИКС, 2014. — С. 25–28.

⁸¹ *Акаев А.А., Ануфриев И.Е., Акаева Б.А.* Авангардные страны мира в XXI веке в условиях конвергентного развития: долгосрочное прогнозирование экономического роста. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

⁸² Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/society/24/07/2018/5b56b3ab9a7947781f368764?from=newsfee>

⁸³ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.:

МГИМО-Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.

⁸⁴ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁸⁵ *Гареев М.А.* «Стратегическое сдерживание» — новая концепция военной безопасности России // Красная звезда. 8 октября 2008 г.

⁸⁶ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁸⁷ *Халдей А.* О чем предупредил мир Владимир Путин // ИА «Регнум». 22.07.2018.

⁸⁸ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁸⁹ *Бастрыкин А.И.* «Пора поставить действенный заслон информационной войне» // Коммерсант. 2016. 18 апреля.

⁹⁰ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁹¹ *Лиддл Гарт, Бэзил.* Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 454

⁹² *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. С. 25–59.

⁹³ *Дживанян Д.А.* Публичная дипломатия РФ и США в Республике Армения: сравнительный анализ принципов и механизмов реализации. — М.: РУДН, 2016. — С. 20.

⁹⁴ Definitions of Public Diplomacy / The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy / [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions> (дата обращения: 05.06.2015).

⁹⁵ *Gilboa E.* Searching for a Theory of Public Diplomacy // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. — Vol. 616. — P. 73.

⁹⁶ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политиче-

ские перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

⁹⁷ Сафрончук И. Безрадостный ландшафт // Россия в глобальной политике, 2016. Март–апрель. — № 2. — С. 164.

⁹⁸ Эта модель использовалась и прежде в работах автора. См.: Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

⁹⁹ Ломов Л. Оружие первого дня войны // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 40.

¹⁰⁰ Ломов Л. Оружие первого дня войны // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 42.

¹⁰¹ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.

¹⁰² Ермилина О., Перская В., Ткаченко А. «Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности // Экономические стратегии, 2018. — №5. — С. 55 / es2018-05_054-63_Ermilina_Perskaya_Tkachenko.pdf

¹⁰³ Ермилина О., Перская В., Ткаченко А. «Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности // Экономические стратегии, 2018. — №5. — С. 56 / es2018-05_054-63_Ermilina_Perskaya_Tkachenko.pdf

¹⁰⁴ Ермилина О., Перская В., Ткаченко А. «Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 55 / es2018-05_054-63_Ermilina_Perskaya_Tkachenko.pdf

¹⁰⁵ Ермилина О., Перская В., Ткаченко А. «Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 57 / es2018-05_054-63_Ermilina_Perskaya_Tkachenko.pdf

¹⁰⁶ Перри У. Мой путь по краю ядерной бездны. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 199.

¹⁰⁷ Актуальные проблемы противодействия терроризма и экстремизму: тематический сборник / под ред. В.В. Красинского. — М.: 2017. — С. 155.

¹⁰⁸ См. подробнее о политике «силового принуждения» западной коалиции: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др. — М.:

МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–35.

¹⁰⁹ Громыко А.А. Четверть века внешней политики России / Современная Европа, 2018. — № 3. — С. 133.

¹¹⁰ CNN: учения США в Сирии являются ответом на предостережения российских военных // ИТАР-ТАСС, 08.09.2018.

¹¹¹ Интервью О.В. Сыромолотова МИА «Россия сегодня». 10.09.2018 / www.mid.ru.10.09.18.

¹¹² Интервью О.В. Сыромолотова МИА «Россия сегодня». 10.09.2018 / www.mid.ru.10.09.18.

¹¹³ Беспилотник MQ-9 впервые сбил воздушную цель / Эл. ресурс: «Первый плюс» // <http://nplus1.ru>. 21.09.2018

¹¹⁴ Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике 2016, март-апрель. — С. 136.

¹¹⁵ Мозговой А. Политика «томагавков». Алмаз-Антей, 2017. — № 2. — С. 53 / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2017/0425/173621075/detail.shtml>

¹¹⁶ Гончаров А., Смирнов Г. Мощь воздушного противника растёт // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — № 2. — С. 27.

¹¹⁷ Гончаров А., Смирнов Г. Мощь воздушного противника растёт // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — № 2. — С. 28.

¹¹⁸ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Беломытцев А., Валеев М. Приоритетный объект прикрытия — стратегические ядерные силы // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 55 / http://bvpa.ru/wp-content/uploads/2017/08/VKR-02_2017_All.pdf

¹¹⁹ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Беломытцев А., Валеев М. Приоритетный объект прикрытия — стратегические ядерные силы // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 57 / http://bvpa.ru/wp-content/uploads/2017/08/VKR-02_2017_All.pdf

¹²⁰ Осипов Ю. Юдина Т. Гелисханов И. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 20.

¹²¹ Осипов Ю. Юдина Т. Гелисханов И. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 21.

¹²² Осипов Ю. Юдина Т. Гелисханов И. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 24.

¹²³ Перри У. Мой путь по краю ядерной бездны. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 81.

¹²⁴ Путин В.В. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

¹²⁵ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке: аналитич. доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 338 с.

¹²⁶ См., например, следующее определение: политика **новой публичной дипломатии** это политика публичной дипломатии в современных условиях реализации стратегии «силового принуждения» Запада, использующая широкое воздействие

на не государственных акторов и другие двусторонние связи с применением новейших информационных и социальных технологий, прежде всего, в области социальных сетей интернета, а также других силовых средств. (См. подробнее: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–42.

¹²⁷ *Широкорад А.* Артиллерия в боях за Донбасс. 2018. Февраль. — № 2. — С. 96 / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2018/0213/141623578/detail.shtml>

¹²⁸ *Маршал Фердинанд Фох.* Ведение войны / в кн.: Стратегия в трудах военных классиков. — М.: Финансовый контроль, 2003. — С. 255.

¹²⁹ Этой теме было посвящено много работ, в том числе и в последние годы, А.А.Кокوشина, А.Г. Арбатова и ряда других политологов, которые в период правления М.С. Горбачёва смогли ввести эту тему в политико-дипломатическую практику.

¹³⁰ *Бартош А.А.* Гибридизация НАТО как угроза национальной безопасности России. 30.05.2018. — С. 61 / <http://nic-pnb.ru/vneshnepoliticheskie-aspekty-bezopasnosti/gibrizatsiya-nato-kak-ugroza-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii/>

¹³¹ *Бартош А.А.* Гибридизация НАТО как угроза национальной безопасности России. 30.05.2018. — С. 62 / <http://nic-pnb.ru/v-aspekty-bezopasnosti/gibrizatsiya-nato-kak-ugroza-natsionalnoj-bezopasnosti-rossii/>

¹³² Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

¹³³ *Громыко А.А.* Четверть века внешней политики России // Современная Европа, 2018. — № 3. — С. 134–136.

¹³⁴ Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistic Update. — U.N., N.-Y, 2018. — P. 1.

¹³⁵ Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А.В. Коротаев. — М.: ЛКИ, 2014. — С. 8.

¹³⁶ Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistic Update. — U.N., N.-Y, 2018. — P. 7–8.

¹³⁷ Versios of State Capitalism / Carnegie Moscow Center, 2018// September.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ *Путин В.В.* Указ Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

¹⁴⁰ См. подробнее: ФЗ № 127 от 4 июня «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

¹⁴¹ *Тимофеев И.* Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.

- ¹⁴² Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.
- ¹⁴³ Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.
- ¹⁴⁴ Городненко Ю. США объявляют мировую религиозную войну / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 18.09.2018 / www.svpressa.ru.18.09.2018.
- ¹⁴⁵ См., например: Шмелёв П.С., Подберёзкин А.И. И др.
- ¹⁴⁶ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.
- ¹⁴⁷ Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
- ¹⁴⁸ См., например: Подберёзкин А.И. Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
- ¹⁴⁹ Подберёзкин А.И. Долгосрочный прогноз развития сценария международной и военно-политической обстановки в XXI веке / Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 11–20.

Глава II.
Необходимость перехода
России от концепции
«стратегического сдерживания»
к концепции
«стратегического управления»

Основная задача разработчиков долгосрочной стратегии национальной безопасности заключается не в угадывании будущего, а в его формировании¹

*Ян Новиков,
Генеральный директор АО «Концерн
ВКО «Алмаз-Антей»*

... вся социальная и даже политическая структура общества определяется набором, той суммой технологий, которая в этот момент доступна людям в конкретной стране²

*П. Агамирзян,
ученый*

Главный вопрос, стоящий сегодня перед Россией, — это выбор и разработка наиболее эффективной стратегии социально-экономического развития и обеспечения безопасности в условиях усиления военно-политического давления Запада в обозримой перспективе.

Причем изначально необходимо уточнить тот объект, для которого должна быть разработана такая новая и эффективная стратегия. Как минимум, таких объектов может быть несколько, а именно:

Во-первых, традиционно таким объектом выступает **государство**, его институты и правящая в этом государстве элита. Очевидно, что, говоря об эффективной стратегии развития и безопасности, имея в виду государство и правящую элиту, мы можем исходить, что критерии эффективности и успешности могут быть разные. Для значительной части российской элиты, например, успешная стратегия развития, предполагает возможность личного обогащения с последующим комфортом проживанием где-нибудь за рубежом, как правило, на Западе.

Сотни тысяч таких представителей не только уже проживают там, но и еще работают в России.

Во-вторых, таким объектом должна выступать нация как совокупность тех, кто ассоциирует себя с российскими реалиями традициями, ценностями и интересами. Соответственно и эффективность развития нации предполагает иные критерии, которые нередко не совпадают с критериями государства.

В-третьих, таким объектом может выступать общество, чье эффективное развитие также может измеряться критериями, отличными от критериев двух указанных выше объектов.

В-четвертых, такая эффективность может относиться к российской ЛЧЦ, включая в нее критерии, характеризующие условия развития тех, кто проживает не только в близком, но и дальнем зарубежье. Очевидно, например, что в 2017 году такие критерии не применяются к территориям ЛНР и ДНР, но применяются к Крыму.

В зависимости от выбора объекта, для которого разрабатывается стратегия развития и безопасности, возникают изначально и разные подходы к оценке внешних условий его развития и безопасности. Ряд военных экспертов, например, исходит из следующего подхода, который в целом, на мой взгляд, продуктивен.

Выше уже говорилось о том, что в 2013–2016 годы в Центре были сделаны прогнозы развития наиболее вероятных сценариев (и их вариантов развития) МО и ВПО, из которых, прежде всего, необходимо исходить при разработке различных вариантов стратегии развития и противоборства России.

В дальнейших рассуждениях мы не будем останавливаться излишне подробно на теоретических, методологических и иных основах анализа и прогноза, сведя их к необходимому для работы над Стратегией минимуму. В этой связи, прежде всего, необходимо рассмотреть возможность повышения эффективности существующей Стратегии национальной безопасности России, в основе которой находится концепция стратегического сдерживания, понимаемая как **способ** достижения стратегических целей обороны (создание «условий для мирного и динамичного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение военной безопасности»)³.

Таблица 2.1 Масштабы противоречий и методологические подходы к их разрешению

Масштабы противоречий	Формы разрешения	Продолжительность	Средства и способы противодействия
Цивилизационный	Непрямые действия	Столетия	Противодействие фальсификации религиозного мировоззрения, истории и культуры, информационно-психологическому воздействию на общественное сознание, дезинформирование через СМИ и системы образования
Глобальный	Организованное сотрудничество. Мировые и региональные войны, непрямые действия	Десятилетия	?
Региональный	Организованное сотрудничество. Военные конфликты, информационно-противоборство, экономическая (кредитно-санкционная) политика	Годы	Комплексное применение способов и средств экономического, политического, идеологического (информационного, психологического воздействия (противоборства)
Межгосударственный			
Социальные	Перевороты, революции, террор, государственное принуждение	Месяцы	

Этот **способ**⁴ обеспечен в свою очередь «политическими, военными, военно-техническими, дипломатическими, информационными и иными мерами»⁵, которые должны:

- предотвратить применение военной силы;
- защищать ее суверенитет;
- защищать ее территориальную целостность⁶.

Однако применительно к термину «национальная безопасность» толкования понятия безопасности явно недостаточно, поскольку под отсутствием опасности подразумевается возможность достижения подобной идеальной ситуации. В реальной жизни спектр опасности значительно шире. Поэтому категория «безопасность» относительна и смысловое значение приобретает только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира.

Таким образом, теория национальной безопасности — междисциплинарное направление фундаментальной науки, которое **изучает состояние защищенности национальных интересов человека, общества и государства от различных опасностей и угроз.**

Термин «национальная безопасность» появился в политологии после Второй мировой войны. В 1947 году в США был принят закон «О национальной безопасности», хотя впервые это понятие употребил президент США Т. Рузвельт в своем послании конгрессу США в 1904 году. Продолжением исследования стали методологические разработки американского политолога Г. Моргентау, в которых национальная безопасность понимается как безопасность граждан, общества и государства.

В Российской Федерации правовым актом, давшим основу теоретической и практической деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности, стал Закон от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности». Были введены такие понятия: «безопасность личности», «безопасность общества» и заложена триада «личность — общество — государство».

В Конституции Российской Федерации указываются следующие виды безопасности: безопасность государства (государственная безопасность), оборона и безопасность, общественная безопасность, безопасность граждан (людей), экологическая безопасность, безопасность труда.

Понятие «национальная безопасность» впервые было использовано в Федеральном законе от 20.02.1995 № 24 ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».

В 2009–2015 годах основополагающим документом в этой области являлась «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которую сменила новая редакция «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», принятая Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

В Законе Российской Федерации «О безопасности» (1992 года, утратил силу), «безопасность» определялась как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В Законе Российской Федерации «О безопасности» в редакции 2010 года (от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ) трактовка понятия «безопасность» отсутствует.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» были даны основные понятия теории национальной безопасности.

Национальная безопасность — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Национальные интересы Российской Федерации — совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства.

Угроза национальной безопасности — прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской

Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.

Система обеспечения национальной безопасности — совокупность сил и средств, обеспечивающих национальную безопасность посредством сосредоточения основных усилий на обеспечении национальной безопасности во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности.

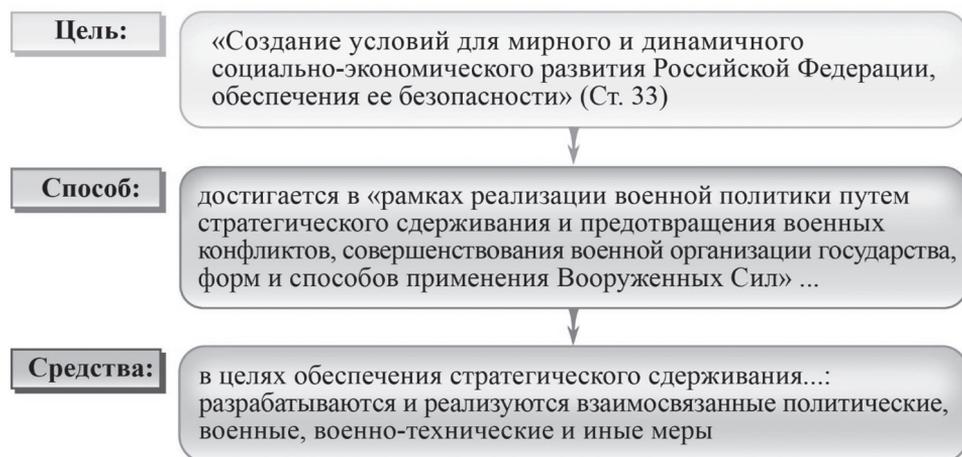
Силы обеспечения национальной безопасности — Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная или правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации⁷.

Таким образом, в основе логика современной Стратегии национальной безопасности лежит следующая модель, основанная на концепции стратегического сдерживания.

Из этой модели следует, что «стратегическое сдерживание» является основным способом, стратегией достижения целей (благоприятных условий), которые использует для этого как политические, дипломатические, экономические, так и военные средства.

При этом, безусловно, требуется конкретизация всех основных положений Стратегии, например, **как именно** стратегическое сдерживание должно обеспечить «благоприятные условия» развития и безопасности, а также, **какие меры**, и в каком сочетании, пропорциях должны обеспечить стратегическое сдерживание. Примечательно, в частности, что, говоря о конкретных мерах (ст. 36), в тексте, по сути, идет возвращение к целям стратегии, которые суживаются до:

- предотвращения применения военной силы;
- защиту суверенитета;
- территориальной целостности.

Рис. 2.1 Модель Стратегии национальной безопасности современной России (в соответствии с Указом Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г.)

Речь уже не идет ни о «динамичном развитии», ни о национальных интересах, ни о системе ценностей. Такая трактовка существенно сужает представление о целях стратегии, сводя их фактически только к защите государственного суверенитета в его традиционном, политико-территориальном, понимании.

Опыт последних локальных войн, и в особенности операции на территории Сирии, дал новый импульс в совершенствовании системы комплексного поражения противника.

Валерий Герасимов подчеркнул, что особое внимание уделяется развитию современного высокоточного оружия: ракетных комплексов стратегического назначения с повышенными возможностями по преодолению системы ПРО, принципиально нового боевого оснащения, в том числе гиперзвукового, высококомобильных подводных средств доставки ядерного оружия и других стратегических средств, не имеющих аналогов за рубежом. По его словам, это позволит перенести основную часть стратегического сдерживания из ядерной сферы в неядерную.

Совершенствование структуры органов управления и новые информационные технологии позволили в полтора раза сократить время подготовки к боевому применению такого оружия, добавил начальник

Генерального штаба. А создание межвидовой автоматизированной разведывательно-ударной системы поможет в 2–2,5 раза сократить время на решение огневой задачи и в полтора-два раза повысить точность поражения цели. Работы по созданию такой системы в целях обеспечения оперативности и непрерывности огневого воздействия на противника ведутся в настоящее время. В рамках этих работ, по словам Валерия Герасимова, «осуществляется интеграция разведывательно-информационных и информационно-управляющих систем с системами вооружения видов и родов войск»⁸.

2.1. Возможность дальнейшего повышения эффективности политики стратегического сдерживания России в условиях усиления военно-политического давления Запада

В целях обеспечения стратегического сдерживания... разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения военной силы...⁹

*Стратегия национальной безопасности России
(в редакции 31.12.2015 г.)*

Эффективность защиты национальных интересов и нейтрализация внешних опасностей и угроз, как известно, зависит от многих факторов, среди которых традиционно важнейшим считается объем и качество выделенных в этих целях национальных ресурсов. В то же время известно, что вопрос об использовании национальных ресурсов в политических целях зависит не столько от наличия, объема и качества, собственно ресурсов, сколько от адекватности тех политических целей и стратегий, которые формулируются правящей элитой, а также готовности и умения эффективного использования. Простой пример: для обеспечения защиты морских границ России требуется некое количество сил ВМФ, кото-

рых, однако, заведомо не хватит уже для обеспечения безопасности всех морских коммуникаций (даже если эти силы увеличить в 20 раз) и, тем более, для морской блокады далеких континентов — Латинской Америки, Африки и Антарктиды. Это возможно (если вообще возможно) только объединенными ВМС всей западной ЛЧЦ¹⁰.

Долгосрочное планирование ВВСТ на основе анализа целей видно на примере развития ВМФ РФ.

Создание кораблей для отечественного флота лежит в русле общемировых тенденций развития корабельного состава. С 2000 г. на стапелях ПАО СЗ «Северная верфь» и ПАО «Амурский судостроительный завод» ведется серийное строительство многоцелевых корветов проекта 20380 и его модификаций. На ПАО СЗ «Северная верфь» также завершается создание головного легкого фрегата проекта 22350. Эти корабли вполне отвечают рассмотренным в настоящей статье тенденциям, что находит свое выражение в способности решать поставленные задачи достаточно мощным ракетным, ракетно-артиллерийским либо скорострельным артиллерийским вооружением. Обеспечение базирования вертолета на фрегатах и корветах с целью придания им новых возможностей по освещению обстановки и выдачи целеуказания, также является актуальной тенденцией их развития. Дальнейшее наращивание возможностей многоцелевых корветов будет возможно за счет использования модульных робототехнических средств.

Вместе с тем недавний опыт применения высокоточного оружия на большую дальность в глубину территории противника показал высокую эффективность этого вида оружия с морских носителей и, в частности, с боевых надводных кораблей. Это делает необходимым выдвинуть проблему восстановления присутствия оснащенных ВТО кораблей России в удаленных районах Мирового океана в ряд наиболее приоритетных общенациональных задач. Парирование военных угроз в дальней морской и океанской зонах в короткие сроки может быть реализовано только при высоких темпах строительства оснащенных ВТО кораблей, способных действовать в открытом океане. Решением это задачи может стать довооружение многоцелевых корветов ВТО большой дальности при незначительном увеличении их водоизмещения.

До недавних пор ни один из перспективных проектов многоцелевых корветов (легких фрегатов) не обладал ВТО большой дальности. Однако сообщается, что, начиная со второй серии кораблей типа Incheon (Daegu (FFG-818) серии FFX-II) ВМС Южной Кореи, на них предусмотрена установка таких крылатых ракет в УВП.

Таким образом, применительно к отечественному ВМФ оптимальным с точки зрения затрат могло бы стать пополнение корабельного состава дальней морской и океанской зон более крупными кораблями водоизмещением около 7000-7500 т и более легкими водоизмещением около 4000 т. При этом расчеты показывают, что стоимость строительства более легких кораблей — многоцелевых корветов (легких фрегатов) — пропорционально водоизмещению не должна превышать 60% от стоимости тяжелого корабля (фрегата), а соотношение тяжелых и легких кораблей в составе флота должно находиться в пределах один к четырем. В этом случае существующее количество кораблей дальней морской и океанской зон может быть сохранено и даже несколько увеличено при программе ежегодной сдачи одного легкого корабля и одного тяжелого корабля — в три года.

Основным условием выполнения изложенной программы является непрерывное строительство обоих классов кораблей. Динамика строительства кораблей океанской зоны в соответствии с предлагаемой.

В случае реализации такого подхода флот уже в ближайшие годы сможет получать новые корабли океанской зоны, оснащенные высокоточным оружием большой дальности¹¹.

Иными словами, необходимый объем национальных ресурсов в целях обеспечения безопасности и неких политических целей — понятие относительное. Прежде всего, относительно (прямо пропорционально) политическим амбициям правящей элиты, нации и государства. Так, если этой элите безразлична национальная идентичность, суверенитет и территориальная целостность, то она вообще может отказаться от мер по обеспечению безопасности, либо «передовериться» другим странам и союзам. При этом далеко не всегда физический объем национальных ресурсов диктует интересы безопасности, которые например, такие государства как Швеция и Швейцария, могут обеспечить самостоятельно.

И наоборот. Если политические амбиции завышены, то это ведет

к перенапряжению национальных ресурсов и угрожает не только темпам социально-экономического развития, но и внутриполитической стабильности в стране. Отнюдь не случайно половина стран ЕС тратят на свою оборону менее 2% ВВП, а США только планируют сократить свои расходы до 3%.

— **Алексей Львович, как бы вы охарактеризовали возможности отечественной судостроительной промышленности по постройке атомного ударного авианосца водоизмещением порядка 100 тыс. тонн, если будет принято соответствующее политическое решение? Есть ли у нас для этого головное предприятие, стапель (сухой док), необходимая кооперация соисполнителей?**

— Площадки для постройки подобного корабля есть. Только у ОСК — две подходящих верфи. Работы, о которых идет речь, способен выполнить, например, «Севмаш», а основную часть корпуса, при определенных технологических решениях, могут построить на Северной верфи (после того, как на ней завершится модернизация и появится построечное место размером 250 на 70 метров).

Большое построечное место будет эксплуатироваться на заводе «Звезда» на Дальнем Востоке; думаю, справился бы с работой и севастопольский завод «Залив». То есть, если мы говорим о судостроительной промышленности России, построечные места де-факто уже существуют.

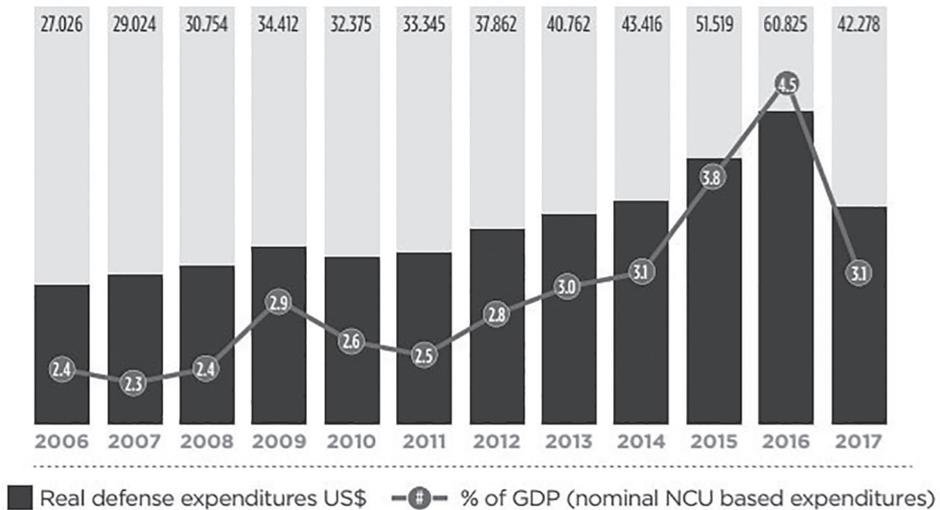
Нам в ОСК уверенности в своих силах добавляет и тот опыт, который мы получили при модернизации авианосца «Викрамадитья» — его в свое время пришлось практически строить заново. Наконец, в корпорации есть люди, которые в деталях знают, как осуществить ремонт тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов».

Второй момент, на котором бы я остановился, — силовая установка будущего авианосца. Сейчас мы строим ледокол с атомной силовой установкой мощностью 60 мегаватт, который будет использовать принцип электродвижения. В ближайшее время приступим к строительству его собрата — с установкой, мощность которой уже 120 мегаватт. Полагаю, это более чем убедительные примеры того, что в России есть необходимые компетенции по строительству мощных и надежных кораблей.

Я не затрагиваю сейчас вопрос систем вооружения, средств РЭБ, связи. Все это уже давно реализовано на кораблях, находящихся в боевом составе флота. Поэтому говорить, что в России нет каких-то технологий, которые не давали бы нам возможность построить авианосец, будет неправильно. Повторю: мое глубокое убеждение в том, что мы в состоянии создать подобный корабль. Остальное — нюансы¹².

Истина, т.е. сочетание надежной безопасности и обеспечение развития таким образом, находится где-то между двумя этими крайними полюсами, и эта истина отнюдь не абсолютна «на все времена», она исторична: в условиях прямой военной угрозы требуется мобилизация всех национальных ресурсов, но в условиях относительно благоприятного развития МО и ВПО можно выделять в целях безопасности относительно скромные доли национальных ресурсов. Поэтому проблема темпов развития и расходов ресурсов на обеспечение безопасности, — не только традиционно самая актуальная, но и острая проблема для большинства стран — от самых маленьких до самых крупных, — которые и решают ее очень по-разному, затрачивая 0% до 30% ВВП на обеспечение безопасности.

Для современной России она стоит особенно остро в силу целого ряда обстоятельств, но прежде всего, из-за усиления неблагоприятных внешних условий существования и, во-вторых, из-за сохраняющегося кризиса (сменяющегося на стагнацию) в социально-экономическом развитии страны. Решение и первого, и второго комплекса вопросов требует затрат национальных ресурсов, что предопределяется избранной в настоящее время стратегией национальной безопасности, которая должна, как минимум, формировать и стратегию социально-экономического и бюджетного развития страны. Собственно говоря, тенденции увеличения и сокращения военного бюджета в последнее десятилетие является иллюстрацией переоценки внешнеполитических приоритетов, задач социально-экономического развития и характера внешних угроз правящей российской элитой. Оценки военных расходов России в США достаточно объективны. В частности Агентство военной информации США концентрирует внимание на быстром темпе расходов МО РФ с 2006 по 2016 год (с 27 млрд. долл. до 61 млрд.), не признает, что в 2017 году последовало почти 3% сокращение до 42 млрд., что должно составить порядка 3,1% ВВП страны.

Рис. 2.2 Официальные военные расходы РФ с 2006–2017
(в млрд. долл. США)¹³

Как видно из приведенных данных, военные расходы государства в 2006 году составляли 2,4% ВВП, что соответствовало оценке внешних опасностей и угроз. В дальнейшем, в 2007–2009 годы, она выросла до 2,9% (параллельно с ростом ВВП и государственных расходов), а после кризиса 2008–2009 годов сократилась до 2,5%. Затем начался новый рост, который привел к тому, что в 2016 году военный бюджет достиг 4,5% ВВП, после чего он опять вернулся на уровень 2013 года. Это означает, что был достигнут некий предел увеличения военных расходов в мирное время.

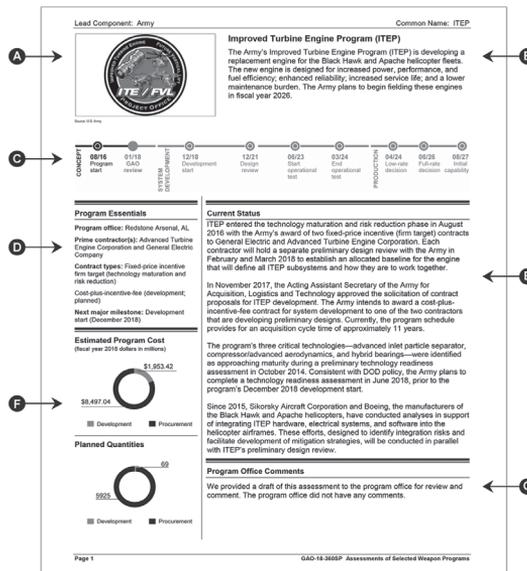
Но главное всё-таки это эффективность ВВСТ, которых выбрали для производства и оснащения ВС, но пользу которых на всех этапах необходимо тщательно контролировать. В США, например, ежегодно происходит переоценка на всех этапах эффективности процесса не только закупок, но и разработки и производства, которая становится предметом достаточно пристального публичного обсуждения. В частности, Счетная палата страны предлагает своеобразный алгоритм, представление, о развитии программы, который включает все основные её этапы — от изображения (А) и описания программы (В) до (G) научных комментариев руководителя офиса программы¹⁴.

Создание подобного «паспорта» крупнейших программ представляется крайне необходимым и в России потому, что оно неизбежно ведёт к широкому общественному и экспертному обсуждению, в результате которого:

1. Уточняются политические и военные цели, ради которых оно создаётся. Так, например, нужны ли авианосные ударные группы (АУГ) России, стоимость которых может составлять по своей величине объём всех средств, выделяемых на ВМФ России.

2. Эксперты, возможно, смогут найти более быстрые и дешёвые способы решения тех или иных задач.

3. Исполнители — в МО или на предприятиях ОПК — понимают лучше свою ответственность за сроки и затрачиваемые ресурсы и т.д.

- A Illustration or photo of system
- B Program description
- C Schedule timeline identifying key dates for the program, including the start of development, major decision reviews, production decisions, and planned operational capability
- D Program Essentials Programmatic information, including program office location, prime contractor, contract type, and next major milestone
- E Current Status Updated status of program
- F Estimated Program Cost Current estimated funding needs and quantity requirements
- G Program Office Comments General comments provided by the cognizant program office

Source: GAO analysis. | GAO-18-360SP

Рис. 2.3

2.1.а). Пределы роста военного бюджета России

С 2020-х годов начнется повышательная волна шестого Кондратьевского цикла, на основе НТР-21 и базисных инноваций ускорится темп экономического развития в мире¹⁵

Ю. Яковец, Е. Растворцев

Пределы роста военных расходов обусловлены не возможностями экономики страны, которые в условиях милитаризации и мобилизации могут обеспечить и в 5% ВВП на оборону, а потребностями ускоренного социального и экономического развития. Это означает, что те военные расходы, истории содействуют ускорению такого развития, не будут являться бременем. Речь идет, прежде всего, о НИОКР, новых технологиях человеческого капитале и его институтах. Иными словами прямые военные расходы не влияют на темпы развития, если они, так или иначе, имеют этот результат в качестве конечной цели.

Если говорить очень коротко, то к началу 2017 года такая стратегия развития сводилась к концепции стратегического сдерживания в условия стабилизации расходов на безопасность на уровне 2016 года (и даже их сокращении на 100 млрд. рублей).

Иными словами к 2017 году (и в краткосрочной перспективе) российская правящая элита сформулировала некий баланс между политическими целями и национальными ресурсами, который обеспечивается стратегическим сдерживанием. Так, ожидается, что темпы роста ВВП в ближайшие 2–3 года будут скромными (1–2%), а затраты на обеспечение безопасности (включая военную) — заморожены на уровне 2016 и даже символически сокращены.

В современных условиях практически важным является совершенствование системы испытаний авиационных комплексов радиолокационного дозора и наведения (АК РЛДН). Особенностью создаваемых АК РЛДН нового поколения (НП) являются высокий уровень многофункциональности данных комплексов, использование в бортовых РЛС технологии активных фазированных решеток (АФАР) в различных диапазонах длин волн, внедрение в комплекс станций радиотехнической разведки (СРТР),

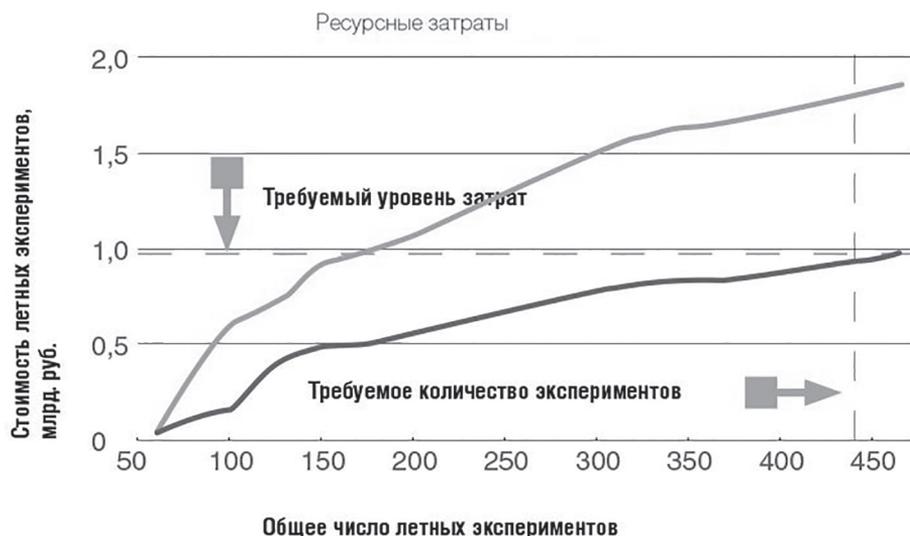

Рис. 2.4 Продолжительность испытаний техники АК РЛДН НП

режимов комплексирования и совместной обработки информации в оперативно создаваемых многопозиционных системах. Это существенно усложняет проведение испытаний и увеличивает их объём¹⁶.

Абстрактная, логическая и традиционная модель взаимодействия основных элементов использования ресурсов в интересах политики любого государства может быть представлена следующим образом: рис. 2.5.

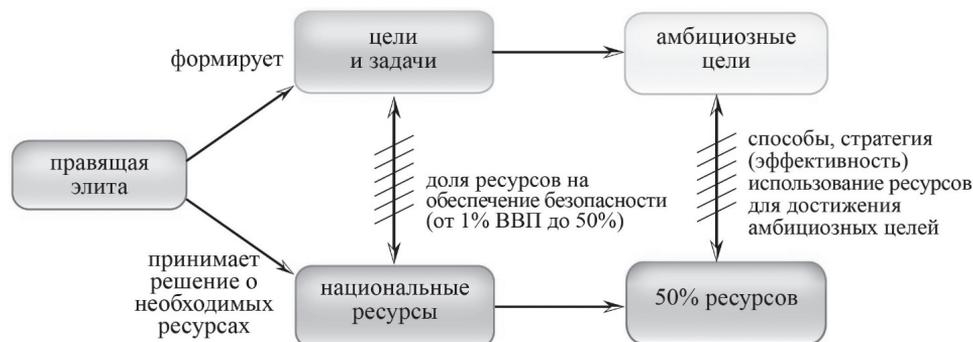

Рис. 2.5

Выбор в национальной стратегии того и иного объема ресурса в интересах обеспечения национальной безопасности это, прежде всего, **выбор политической цели и задач**, когда собственно эффективность стратегии их достижения зависит от масштабов затрат национальных ресурсов¹⁷.

Если упрощенно — формально исходить из существующей Стратегии национальной безопасности России, то современная политика стратегического сдерживания направлена только «... на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной целостности»¹⁸, т.е. на решение вполне конкретных, ограниченных и исключительно оборонительных военно-политических задач. Это означает, что в Стратегии изначально планируется использовать ресурсы, т.е. она реагирует, во-первых, на существующие (а не на будущие) угрозы, во-вторых, она не предназначена для ведения активной, наступательной политики, наконец, в-третьих, представляется очевидным, что существующая политика стратегического сдерживания изначально вообще не предназначена для нейтрализации невоенных угроз, даже в том случае если такие угрозы создавали бы реальные серьезные проблемы для развития и безопасности страны. Отсюда нередко рефлекторные, запоздалые и не всегда эффективные ответные меры, которые принимает Россия в условиях нарастающего силового противоборства, когда спектр силовых угроз увеличивается. Так, в 2014–2017 годы не известно сколько-нибудь заметных инициатив России, предназначенных против активных действий Запада в экономической, информационной, гуманитарной (спортивной, образовательной и т.п.) областях.

Иными словами современная политика стратегического сдерживания России представляет собой совокупность средств и способов, предназначенных для отражения только военных угроз, хотя в Стратегии и декларируется с возможности применения экономических, политико-дипломатических и иных средств. Возникает, в этой связи, вопрос: какая конкретно политика и стратегия, какие именно средства предназначены для отражения всего широкого спектра угроз, имеющих невоенный, полувойенный, а в целом силовой характер? И не только существующих, но и будущих?

Ответы на эти вопросы имеют принципиальный характер потому, что любая эффективная стратегия предполагает постоянное совершенствование политического и военного искусства, включая поиск новых способов и средств силового воздействия. Просто ограничиться философией «стратегического сдерживания» означает изначально отказаться от поиска широкого спектра новых средств и способов силового воздействия. Например, для активной, наступательной стратегии.

Другой аспект этой проблемы заключается в том, что изменились сами объекты (и их приоритетность) политического силового воздействия. Так, если в традиционной стратегии самыми приоритетными объектами выступают политические цели оппонента, стремление их изменить, отказаться от их достижения, то в XXI веке на первый план выступают такие объекты силового воздействия как правящие элиты, системы национальных ценностей и интересы. Для лучшего восприятия этого тезиса предлагается обратиться к известной модели, отображающей логику политического противоборства в XXI веке.

На этой модели видно, что традиционная область стратегии — «Д+» формируемая вектором «В» — «Г» находилась под влиянием группы внешних факторов («Б»), а также объема и качества национальных ресурсов («Г») и представлений правящей элиты («Д») о целях и задачах политики. Эта классическая модель сохранилась, но одновременно произошло резкое усиление влияния других факторов, а именно:

- группы факторов «Б» (внешних условий) на правящие элиты (вектор «Б»—«Д») с помощью самых разных инструментов силового давления и принуждения — от запретов на въезд и кампаний в СМИ до прямых угроз;
- группы факторов «Б» (внешних условий) на системы традиционных ценностей и национальные интересы, которые стали не только непосредственными, прямыми, но и откровенно силовыми: вмешательство в системы образования, науки, культуры, духовной жизни и пр.

Таким образом, в дополнение к традиционной области стратегии («Д+»), формирующейся под влиянием групп факторов «политические

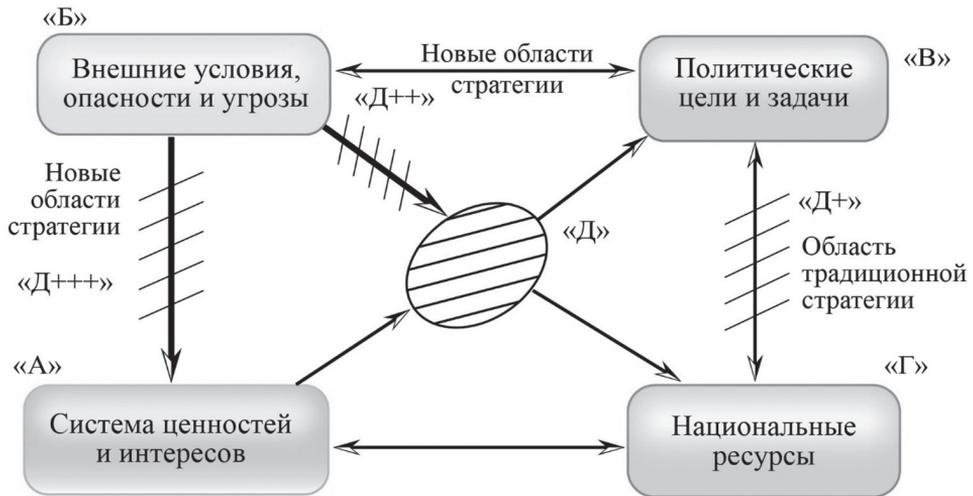

Рис. 2.6 Модель, отображающая логику политического противоборства в XXI веке

цели» («В») и «национальные ресурсы» («Г») в XXI веке добавились две новые области — силового воздействия на правящую элиту («Д») и систему национальных ценностей («А»). Подобное «расширение» стратегии, естественно, в полной мере распространилось как на средства, так и способы их использования, не только превратив **их в комплексную систему** средств и способов противоборства, но и сформулировав перед Россией, например, такие «простые» вопросы:

- как в стратегии России предусматривается силовое воздействие на правящую элиту противника? (Не случайно Россию обвинили во вмешательстве в выборы в США?). Если оно предусматривается;
- как в стратегии России предусматривается силовое воздействие на систему ценностей противника, если, конечно же, оно предусматривается.

Для наглядности изменений в стратегиях попробуем сопоставить нашу современную политику стратегического сдерживания с политикой США, получившей у некоторых экспертов обоснованное название «новой публичной дипломатии», включающей весь спектр возможных и будущих средств стратегии «силового принуждения» («the power to coerce») не только против политических целей (факторов «В»), но и против системы ценностей (факторов «А») и правящей эли-

ты («Д»), которые де-факто сформулировали новую западную стратегию — «стратегию принуждения» («the power to coerce»)¹⁹.

Таблица 2.2 Сравнение характера и средств существующей политики стратегического сдерживания России с западной политикой «новой публичной дипломатией», в основе которой находится стратегия «силового принуждения»

Политика «стратегического сдерживания» России (направлена против агрессивных целей)	Политика «новой публичной дипломатии» США и западной ЛЧЦ (направлена против целей элиты и системы ценностей)
Использование всех средств в целях противодействия военным угрозам (стратегия противодействия)	Использования всех средств в целях силового принуждения (стратегия силового принуждения) в отношении политики, элиты и системы ценностей
Цель: сохранить идентичность, суверенитет, ресурсы и основные ценности	Цель: навязать систему ценностей и нормы, выгодные западной ЛЧЦ, взять под контроль правящую элиту
Союзники: — потенциальные: другие ЛЧЦ; — реальные: члены ОДКБ	Союзники: члены НАТО и около 50 государств, объединенные в широкую коалицию под управлением страны-лидера (США)
Ресурсы: не более 2,0% мирового ВВП, 30% природных ресурсов и 20% территории	Ресурсы: более 50% мирового ВВП, 40% природных ресурсов и 30% территории

Средства политики российской и западной ЛЧЦ и способы их применения в заявленных стратегиях требуют конкретизации, которую можно представить следующим образом.

Таблица 2.3

Средства политики стратегического сдерживания России	Политика «новой публичной дипломатии» США
Военные и иные средства, предназначенные для нейтрализации угрозы использования военной силы	Военные и иные средства, предназначенные для обеспечения эффективной военно-силовой политики в зависимости от масштаба и характера использования
Традиционные: – политические, экономические, информационные и пр.; – военные средства ведения обычных войн и операций; – средства для ведения глобальной войны (СНВ, ВКО и пр.)	Традиционные: – политические, экономические, информационные и пр.; – военные средства ведения обычных войн и операций; – средства для ведения глобальной войны (СНВ, ВКО и пр.) – экстремистские организации; – террористические организации; – диверсионные подразделения; – силы быстрого развертывания; ... – глобальные ядерные силы; – комплекс стратегических наступательных и оборонительных вооружений
?	Информационные, психологические и иные средства политики «новой публичной дипломатии»
?	Экономические, финансовые, торговые средства «новой публичной дипломатии»
?	Гуманитарные (образовательные, научные, технологические и пр.) средства

Даже самое беглое сопоставление политики России и ее стратегии с политикой и стратегией Запада, а также средств политики стратегического сдерживания России и средств политики «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ говорит о том, что:²⁰

- политика стратегического сдерживания России изначально **ограничена** по своим целям и средствам только предотвращением «чисто внешнего», преимущественно вооруженного, использования военной силы;

- эта политика ограничена даже в области противодействия использованию военной силы **только** угрозами территориальной целостности и суверенитета, т.е. угрозам государству, а не ЛЧЦ и нации, например, не идет речь об угрозах таким приоритетам, как национальная идентичность, духовные ценности, либо важнейшие национальные интересы;
- в существующей стратегии отсутствует, как минимум, общая, интегрированная, политическая цель для политики стратегического сдерживания (хотя бы в традиционном варианте «обеспечения благоприятных условий для национального развития»), которая должна быть обеспечена силовыми средствами;
- наконец, главное, — политика стратегического сдерживания не предусматривает переноса акцентов в противоборстве между государствами на нацию и цивилизацию, их системы ценностей и фундаментальные интересы, т.е. фактически игнорирует «направление главного удара» со стороны потенциального противника. Это неизбежно ведет к неточному распределению средств и внимания, а также к неверной расстановке акцентов в политике²¹.

2.1.6). Основные противоречия концепции «стратегического сдерживания» России

Военная доктрина России, принятая в декабре 2014 года, содержала несколько новых элементов²²

Russia Military Power. 2017

Действительно, стратегическое сдерживание и новый вариант военной доктрины России, сформулированные в 2014–2015 годах в новых редакциях Стратегии национальной безопасности²³ и Военной доктрины России, несли в себе несколько существенных отличительных черт, прежде всего, раскрывающих возможности неядерного и невоенного в целом сдерживания противника.

Однако именно в этих областях, а именно в области неядерных вооруженных сил и вооружениях, а также в невоенных инструментах по-

литики Россия в максимальной степени уступала западной ЛЧЦ. Если стратегический ядерный потенциал РФ «уравнивал» ее в правах и военно-силовых возможностях с Западом, то переход к политике «неядерного сдерживания» в условиях, когда соотношение экономики России и западной коалиции было, как минимум, 1 : 30, выглядело странно.

Еще больше было несоответствие невоенных силовых возможностей России и Запада, об использовании которых говорилось в новом варианте Стратегии национальной безопасности России — экономических, информационных, дипломатических, других, — где соотношение сил было уже не 1 : 30, а 1 : 50 и даже 1 : 100. Еще Б. Обама, говоря о подавляющем информационном превосходстве Запада, говорил о том, что США будут его активно использовать²⁴.

Получается, что новая стратегия противодействия Западу со стороны России будет опираться на те средства и способы, где превосходство западной коалиции заведомо очевидно?

Совершенно очевидно, что в условиях ограниченных ресурсных возможностей России симметричные меры окажутся не просто неэффективными, но и невозможными. Поэтому требуется еще раз переоценить основные положения Стратегии и Военной доктрины.

Нормальная политическая логика требует, чтобы уже сегодня произошли такие изменения в Стратегии национальной безопасности России, в частности, внесения существенных корректив в существующую концепцию стратегического сдерживания, сделав из этого некую Программу действий. Прежде всего в следующих областях:

- **Во-первых**, должны быть четко определены политические цели и конкретные задачи политики стратегического сдерживания России с учетом современных реалий, а именно переноса акцента в противоборстве между Россией и Западом на правящую элиту страны и систему ее национальных ценностей, т.е. на другие объекты политического силового влияния. Если прежде главными политическими целями военно-силового воздействия были Вооруженные силы, военный потенциал, территория, столицы и др. объекты, то сегодня, такими наиболее приоритетными группами целей становятся:
  - а). Правящая элита, ее конкретные представители, их собственность, здоровье, условие существования, семьи и т.д. Именно на эти цели

в XXI веке было акцентировано влияние Запада и его силовое воздействие и силы принуждения.

- б). Система ценностей российского общества, которые делает из народа нацию, защищающую и понимающую в чем суть национальных интересов.

Если согласиться с подобной постановкой вопроса, то становится ясно, что распределение внимания и средств в бюджете безопасности, направляемых на эти цели, в последние десятилетия было очевидно недостаточно. В результате в России значительная часть элиты превратилась в антинациональную и антигосударственную элиту, управляющую ресурсами и формирующую стратегию страны²⁵.

Аналогичная ситуация обстоит и с обеспечением защиты и развития системы национальных ценностей и приоритетов, которым только в последнее десятилетие стало уделяться внимание. В результате в современной России существует две идеологии и две политики одновременно, что, безусловно, является главной проблемой эффективной Стратегии.

- **Во-вторых**, до сих пор не переоценены и использованы в полной мере необходимые для решения этих задач национальные ресурсы и возможности, их объемы и характеристики, в т.ч. И те, которые по разным причинам пока вообще не используются. Мы не знаем точно своих ресурсов и не используем даже относительно полно своих возможностей. Так, если говорить о природных ресурсах, то не используется такой ресурс как питьевая вода, экология, а эффективность используемых — чрезвычайно низка.

Мы крайне неэффективно используем человеческий капитал и институты, территорию страны, ее геополитические возможности и многое другое. В СССР в свое время был создан специальный Совет по развитию производительных сил страны (СОПС), который начал системную работу по учету и использованию национальных природных ресурсов. Нечто подобное, но применительно теперь уже ко всем ресурсам нации, включая духовные, интеллектуальные, нужно сделать сегодня.

- **В-третьих**, необходимо выбрать из всего спектра средств и способов политического влияния наиболее эффективные, а также оценить наиболее эффективные ресурсы и возможности. В частности, известно, что наиболее важными ресурсами в XXI веке стал нацио-

нальный человеческий капитал и институты его развития. Этот вывод распространяется не только на его роль в развитии, например, в приросте ВВП, но и в выборе средства и способов политического влияния и противоборства.

Например, даже незначительные увеличения (в масштабах всего бюджета) расходы на развитие НЧК — образование, науку, культуру — дадут очень быстрый эффект не только с точки зрения увеличения ресурсов нации, но и с точки зрения ее возможностей противодействовать политике силового принуждения.

— **В-четвертых**, спрогнозированы и организованы самые эффективные средства и способы использования национальных ресурсов для достижения поставленных целей и задач. В частности, если Д. Трамп в Варшаве в июле 2017 года говорил о победе западной цивилизации, то нам необходимо на самых разных уровнях начинать не только говорить, но и что-то делать для противодействия такому противоборству — от культуры и наследия до торгово-экономической области²⁶.

Иными словами нужна не просто скорректированная, а качественно иная российская политика современного стратегического сдерживания в противоборстве с западной ЛЧЦ, в которой присутствуют адекватные современным требованиям цели и задачи, выделены ресурсы, а среди политических средств акцент делается уже не только и даже не столько на военные средства насилия, но и на эффективное применение невоенных средств и способов противоборства, а также — что принципиально важно — на **их синтез** — по аналогии с существующей сегодня в США «стратегией принуждения» («strategy of coercion»).

Современное положение в этой области неизбежно ведет к тому, что мы ожидаем и готовимся, во-первых, «не к той войне», которая будет (даже уже началась), а, во-вторых, наше отношение к современному военно-политическому противоборству уже устарело²⁷. Во много это происходит от неясности в главном вопросе: каковы стратегические цели национального развития? (в любой из его интерпретаций — Национальная доктрина, Национальная идея, Национальная стратегия и т.д.)

Это тем более важно, что российской ЛЧЦ, т.е. не только тем, кто проживает в России, но и за ее пределами, а также представителям других

наций, мы должны внятно описать наши внешнеполитические и иные стратегические цели. Так, например, не только автор этой работы пытался на протяжении многих лет это сделать²⁸, но и многие другие понимают чрезвычайную актуальность этого требования. Применительно к ЕАЭС, например, Ю. Яковец и Е. Растворцев видят это следующим образом²⁹. (рис. 2.7)

Политика стратегического сдерживания (в том виде как она сформулировано в последней редакции Стратегии национальной безопасности)³⁰ предполагает только наши ответные действия фактически и только в узком (и, порой, не самом главном) сегменте военно-политического противоборства, игнорируя другие области силового противоборства, их безусловную приоритетность. Как следует из Стратегии и Военной доктрины, все силовые средства политики искусственно делятся на «вооруженные» и «не вооруженные» («военные» и «невоенные»), а состояние «мира» противопоставляется состоянию «войны».

Это отношение требует политической переоценки. В действительности существует два основных вида отношений между субъектами и акторами МО и ВПО — сотрудничество и противоборство (и их синтез), —

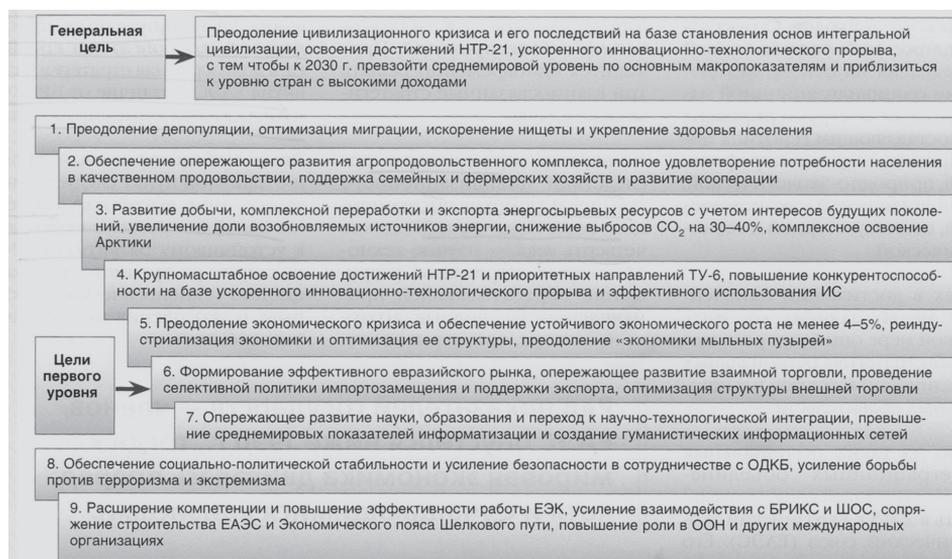

Рис. 2.7 Дерево целей устойчивого развития ЕАЭС

которые, в свою очередь, делятся на многочисленные подуровни, причем их количество, актуальность, масштабы и иные характеристики находятся в постоянном динамическом изменении.

В самом общем виде противоборство в отношениях между субъектами и акторами можно представить себе следующим образом в форме эскалации элементов насилия в таком противоборстве. Но — подчеркну — только в самом общем виде. В действительности каждый из этих этапов поделен на периоды и отдельные «подэтапы», которые мы наблюдаем в политике эскалации силового принуждения со стороны США. Общий принцип такой: усиливается давление, нажим и делается небольшая пауза, когда говорится (или дается понять), что можно отступить добровольно, либо под дальнейшим нажимом. Эта пауза называется «стремлением к переговорам» и т.п., но в действительности она дается для того, чтобы движение отступления сохранилось уже без видимой эскалации нажима на какое-то время. Потом — все сначала.

Таблица 2.4 Эскалация политики силового принуждения западной ЛЧЦ (основные этапы)

<p>↑ преращение акций в систему воздействия по мере развития эскалации прежние формы противоборства не только сохраняются, но и усиливаются</p>	Военно-стратегическое (военно-силовое) принуждение	8-ой этап
	Военно-политическое (военно-силовое) принуждение	7-ой этап
	Политико-дипломатическое принуждение	6-ой этап
	Социально-экономическое принуждение	5-ый этап
	Финансово-банковское принуждение	4-ый этап
	Торгово-экономическое принуждение	3-ий этап
	Информационно-психологическое принуждение	2-ой этап
	Культурно-духовное силовое принуждение (по ступеням эскалации)	1-ый этап
	Поиск и выделение этнических и культурных различий их противопоставление и использование в качестве объектов или поводов силового принуждения	грань сотрудничества/ противоборство

В настоящее время очень важно, чтобы сама правящая элита России определила, на каком этапе противоборства с западной ЛЧЦ мы находимся. На мой взгляд, в 2014–2017 годы мы устойчиво продвигались к 7-ому этапу в состоянии этих отношений, который может быть приравнен к «ползучему военному конфликту», фактически сценарию «Военно-силового принуждения»³¹. От полномасштабной войны его отделяет очень узкий промежуток, который пока что западная ЛЧЦ не решается переходить. Этот промежуток, однако, можно разбить на десятки мелких этапов эскалации, через которые можно достаточно быстро пройти. В 2014 году описал о том, что он будет пройден к 2025 году, в 2016 — к 2020.

Проблема заключается в том, что жесткой грани между 8-м этапом и «набором» из предыдущих 1–7-го этапов нет. Мы постоянно находились последние десятилетия под внешней угрозой и давлением³². В частности, еще несколько лет назад, бывший помощник НГШ И. Попов в своем докладе в МГИМО следующим образом достаточно просто, даже примитивно, но образно проиллюстрировал эту ситуацию на простом примере использования невоенных средств в качестве инструмента силовой политики.

Внешнее вмешательство, как уже говорилось выше, направлено не только против традиционных политических целей, как это было до XXI века, но и целенаправленно против правящей элиты и общества с одной стороны и традиционных ценностей с другой. Такое внешнее давление отнюдь не всегда может быть замечено (а тем более признано), а его опасность должным образом оценена. Так, например, как точно определить силу давления на того или иного представителя на того или иного представителя правящей элиты, который личными, семейными связями, финансовыми интересами, наконец, просто симпатиями, связан со страной-оппонентом? Эта степень влияния может быть оценена в очень широких границах от абсолютного «нуля» до «абсолютной» величины. Мы, например, и сегодня наблюдаем, как высокопоставленные чиновники администрации президента, аппарата правительства, министерств (включая МИД и силовые министерства) разными связями зависимы от западной ЛЧЦ или государств. Если в 90-е годы XX века их представители работали в органах власти нашей страны, то многие и сегодня продолжают работать, формально перестав быть представителями иностранных структур, включая структуры силового принуждения.

- Для страны-жертвы события, связанные с началом войны управляемого хаоса, выглядят как социальная революция.
- Социальные протесты в любом, даже самом благополучном обществе неизбежны. Они могут быть вызваны множеством объективных и субъективных факторов.
- **ОДНАКО:** революция в рамках войны управляемого хаоса инспирируется страной-заказчиком – из-за рубежа.

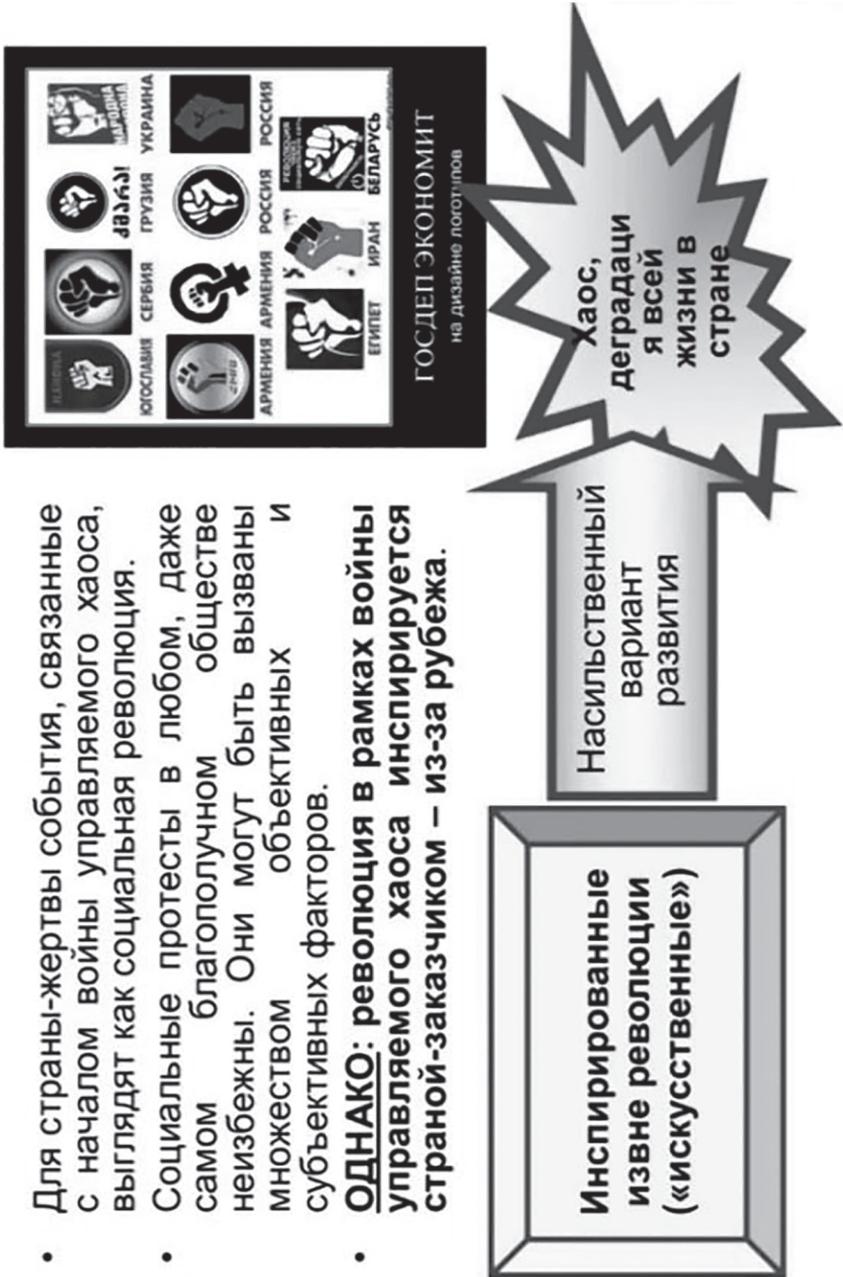

Рис. 2.8 «Цветная революция» как начало войны управляемого хаоса

Еще сложнее оценить созданные Западом инструменты влияние на систему национальных ценностей, которые может быть внешне и не очень заметны, но очень эффективны. Так, создание тысяч НПО и их финансирование — от абсолютно безобидных «обществ любителей бабочек» до военно-спортивных организаций — в один из моментов может привести к их участию в акция протестов, когда даже небольшие по численности (десятки, сотни человек) организации, объединенные внешним управлением могут «выставить» организованную толпу в десятки тысяч человек, которая может совершить (как в Киеве и других городах) государственный переворот.

Как видно из рисунка 2.8, существующая российская политика стратегического сдерживания, сформулированная в Стратегии национальной безопасности, имеет очень слабое отношение к реалиям сложившимся в мире в XXI веке. Её необходимо кардинально пересматривать, — как и средства, и способы ее обеспечения — в направлении разработки новых средств ведения системного и сетецентрического противоборства, в частности, вдруг, в периоды, когда будет создана пауза в эскалации, своего рода «перезагрузка». У нас не хватает средств и мы не подготовили необходимых способов ведения противоборства в условиях такого временного «замораживания» обострения МО и ВПО, а тем более, если, «вдруг», эти отношения стабилизируются или даже временно улучшаться, как это было прежде. В эти периоды, ЛЧЦ отнюдь не прекращает своей политики «силового принуждения», она просто меняет формы и способы воздействия.

2.2. Новые внешние условия формирования политики стратегического сдерживания Россией в XXI веке: «гибридная реальность»

Необходимо заранее организовывать сторонников, активно привлекать на свою сторону элиты, молодежь, потенциальных лидеров³³

*А. Гилёв,
военный эксперт*

Внешние условия существования (безопасности и развития) государства формируются под влиянием общих мировых тенденций, о которых мы, к сожалению, знаем не много. Марксисты сводят их, как правило, к политико-экономическим кризисам и противоречиям, что, на мой взгляд, не всегда отражает реалии: существует немало и других трендов и тенденций, влияющих на развитие МО и ВПО. Важно поэтому вычленить хотя бы некоторые из них. В США, например, практически любой документ по безопасности начинается с анализа «стратегической обстановки», что, на мой взгляд, абсолютно правильно³⁴. В наших работах по военно-политической проблематике³⁵ мы стараемся делать также, впрочем, и в документах нормативного и директивного характера эти аспекты имеют приоритетное значение, хотя и сводятся к достаточно поверхностному анализу «внешних угроз»³⁶.

Так или иначе, но чаще всего говорят о двух глобальных (общемировых) тенденциях, оказывающих влияние на политику государств (в нашем случае на его политику стратегического сдерживания). Точнее — о комплексах тенденций, объединенных между собой общими закономерностями, — общественно-политическом и материальном (экономико-технологическом). Иногда даже говорят о появлении такого феномена, как «гибридная реальность» — сращивание **физической и виртуальной реальности** в политике и в других областях человеческой деятельности, например, крупных компаниях с капитализацией в 1 трлн. или несколько сот миллиардов долларов, таких, как «Гугл» или «Яндекс».

Первая тенденция, свидетельствующая о неизбежности смены внешних условий существования России заключается в признании факта того,

что в самые ближайшие годы должны будут происходить революционные изменения в **политическом и военном искусстве** противоборстве наций, стран и ЛЧЦ, которые станут следствием развития глобальных научно-технологических и социально-политических процессов, но которые станут и причиной быстрой эволюции основного сценария развития МО и ВПО в мире. Того сценария, который сложился в 2018 году. Иными словами, будет происходить смена политик, стратегий и концепций, которая фактически уже началась в западной коалиции с приходом к власти Д. Трампа.

В свою очередь, дальнейшее развитие этого сценария «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ в XXI веке будет происходить в радикально меняющихся внешних условиях, вытекающих, из процесса смены фундаментальных технологических, политических, социальных и финансово-экономических парадигм развития человечества. Как уже говорилось, эти изменения пока что можно охарактеризовать только как эскалацию военно-силовой политики западной коалиции. На мой взгляд, в направлении, прежде всего, нарастающего соперничества между ЛЧЦ и формирующихся на их основе центров силы и военно-политических и иных коалиций³⁷. Хотя существуют и другие сценарии (точнее, пожелания) относительно, например, «партнёрства цивилизаций», «всемирного братства» и прочих благоглупостей, ставших популярными во времена М.С. Горбачёва, за которыми маскировались вполне конкретные и эгоистические интересы отдельных социальных групп и государств.

Таким образом, можно констатировать о наличии, по меньшей мере, двух доминирующих тенденций, чьё влияние будет во многом предопределять будущее состояние МО и ВПО:

- изменения, связанные со средствами и способами политического влияния и принуждения, которые уже стали оказывать влияние на политику государств;
- качественные изменения в технологиях, экономике, науке, технике и других сферах человеческой деятельности, которые, судя по всему, приобрели революционный характер.

Использование новых информационных технологий привело к тому, что Воздушно-космические силы будут действовать в сложном боевом пространстве, в котором интегрированы во времени и в пространстве

различные возможности антропологической, информационно-сетевой и вооруженной сфер борьбы и их составляющих.

Соединенные Штаты стремятся сохранить свое доминирование и обеспечить наращивание возможностей Вооруженных сил по двум направлениям.

Первое направление заключается в том, что если США имеют несовместимые интересы с одним или более международными субъектами, но при этом переход к вооруженному конфликту не целесообразен, то, преследуя эти интересы, они предпринимают действия ниже уровня вооруженного конфликта. Это уровень соперничества или конкуренции (competition) при котором противники используют ряд инструментов насилия, включая вооруженные силы, но без развязывания вооруженного конфликта.

Второе направление заключается в том, что в ходе конкуренции (соперничества) и вооруженного конфликта, если он все же развязан, предлагается интеграция действий противников в «разных областях, средах и функциях во времени и физических пространствах для достижения конкретных целей в бою, а также до и после боя в конкуренции»³⁸.

Для этого в настоящее время в США реализуется концепция «Единые силы 2020», которые предусматривается применять в рамках перспективной формы ведения военных действий «Глобально интегрированной операции».

В перспективе НАТО предполагает разработать новую форму ведения военных действий «Стратегическая многосферная операция», в рамках которой предполагается применение всего имеющегося коалиционного военного потенциала против сильного противника и, прежде всего, против Российской Федерации³⁹.

В соответствии с этим, Воздушно-космические силы будут применяться в многосферных сражениях, являющихся составной частью стратегической многосферной операции, являющейся многоплановым столкновением мощи государств и их коалиций в современных и перспективных военных конфликтах.

Согласно этому, под «боевым пространством (battle space)» многосферных сражений понимается «область, где военные операции проводятся для

достижения военных целей, состоящая из всех сфер (воздух, земля, море, космос и киберпространство), информационная среда, электромагнитный спектр и человеческое измерение войны.

Она включает в себя факторы и условия, которые должны быть понятны для успешного применения боевой мощи, защиты войск или выполнения задачи, включая вражеские и дружественные вооруженные силы, инфраструктуру, погоду и местность в пределах оперативных районов и районов, представляющих интерес».

В свою очередь, под «сферой (domain)», понимается «район действий в оперативной окружающей обстановке (наземной, воздушной, морской, космической и киберпространстве), в которой организуются и проводятся операции».

Заметим, что определения «сферы (domain)» и «боевое пространство (battle space)» являются нечеткими, а понятие «боевого пространства (battle space)» неопределенно.

В соответствии с этим, актуальным вопросом является определение сфер ведения современных и перспективных военных конфликтов с участием Воздушно-космических сил и, на основе этого, уточнение понятия «боевого пространства (battle space)».

На наш взгляд, задействование новых сфер борьбы происходит в соответствии с законом, определяющим влияния политического содержания войны и соотношения сил сторон на характер, ход и исход войны. В соответствии с этим тоном политика определяет:

- цели войны, от которых зависят степень использования насилия, размах и ожесточенность противоборства, характер жизни воюющих государств, отношения в коалициях и с нейтральными странами;
- стратегический план ведения войны и послевоенного устройства;
- силы и средства, мобилизуемые для достижения целей войны.

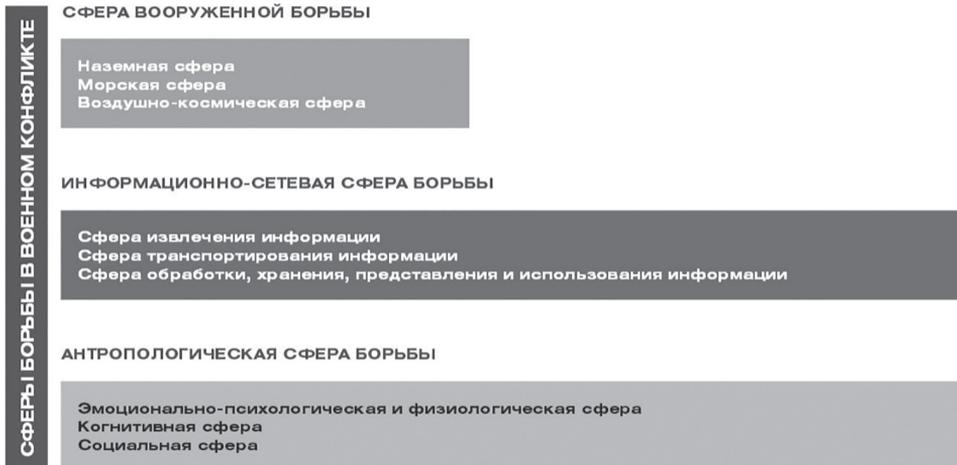
В свою очередь, соотношение материальных и духовных сил воюющих сторон определяет возможности сторон для ведения войны и победы в ней, длительность и издержки войны, степень реализуемости политических и военных целей.

Действие данного закона проявляется в характере развитии государств, предшествующем войне, а также в различных ограничениях во-

енной деятельности противоборствующих сторон, в выборе ими целей и путей их достижения.

В соответствии с этим законом, в современных условиях и в перспективе военный конфликт, на наш взгляд, может охватывать три сферы борьбы: вооруженную борьбу, информационно-сетевую, антропологическую и их составляющие, схематично показанные на рис. 2.9

Сфера вооруженной борьбы сложилась исторически по мере развития производительных сил человечества и соответствующих им производственных отношений⁴⁰.

Рис. 2.9 Сферы борьбы и их составляющие в современном и перспективном военном конфликте

Первоначально производительные силы позволяли удовлетворять потребности вооруженных сил ведущих борьбу только в наземной среде. Соответственно, образовалась наземная сфера борьбы. С развитием производительных сил и производственных отношений появились морская и воздушно-космическая сферы борьбы. Это находило выражение в количестве и качестве видов и типов вооружения, военной и специальной технике, материальных ресурсах и, прежде всего, средств поражения противника, которые, со своей стороны, определяли масштабы, формы и способы ведения войны. Наиболее полно эти вопросы рассмотрены в трудах И.В. Ерохина.

Однако в последнее время в связи с ростом поражающей мощи оружия, его избирательности, появилась возможность поражать объекты, находящиеся не в какой-то одной, а в различных физических средах. Вместе с этим, непрерывно растет дальность действия оружия, что ведет к поражению объектов не только в тактическом или оперативном тылу, но и объектов, расположенных в стратегическом тылу.

Таким образом, современные виды и типы оружия могут использоваться против объектов войск и инфраструктуры страны, расположенных в разных физических средах. Например, как показала операция по кризисному реагированию в Сирийской Арабской Республике, Военно-морской флот Вооруженных Сил Российской Федерации одновременно решал задачи по поражению объектов террористов из Исламского государства (запрещенного в России), противовоздушной обороны российской группировки войск в Сирии и выполнял задачу по блокаде морского побережья.

Таким образом, организация вооруженной борьбы и способы ее ведения становятся обусловленными уже не одной, а несколькими физическими средами.

Это приводит к стиранию границ между традиционно сложившимися наземной, морской и воздушно-космической сферами вооруженной борьбы, что позволяет говорить о единой сфере вооруженной борьбы, которая ведется одновременно во всех физических средах⁴¹.

Исходя из этого, сфера вооруженной борьбы это физические среды, где расположены главные объекты вооруженной борьбы и личный состав противоборствующих сторон, а вооружение, организация борьбы и способы ее ведения, соответственно, обусловлены данными физическими средами. Поскольку сфера вооруженной борьбы охватывает землю, океаны и моря, воздух и космос, то, в соответствии с этим, она делится на частные сферы вооруженной борьбы: наземную, морскую и воздушно-космическую.

В перспективе НАТО предполагает разработать новую форму ведения военных действий — «Стратегическая многосферная операция», в рамках которой предполагается применение всего имеющегося коалиционного военного потенциала против сильного противника и прежде всего против Российской Федерации.

С учетом наступления информационной эпохи и перехода к информационному обществу, разработки новых информационных технологий, связанных с поддержкой принятия решений в конце XX и начале XXI веков, сложилась разветвленная информационно-сетевая среда искусственного происхождения. Ее происхождение обусловлено тремя основными факторами⁴²:

- геостратегический фактор, который связан с глобализацией экономики и различных видов коммуникаций, информационных, материальных и людских ресурсов, товаров и услуг и, в соответствии с этим, распространением жизненно важных интересов государств на различные районы мира;
- военный фактор, который связан с использованием современных информационных технологий с целью интеграции действий всех видов и родов Вооруженных сил, других государственных органов, бизнеса, политических и общественных деятелей и организаций и т. п., что приводит к появлению новых форм и способов организации и ведения вооруженной борьбы и военных конфликтов;
- фактор перехода к информационному обществу, в котором основная часть валового продукта производится не за счет материального производства, а на основе создания и продажи наукоемких технологий и информационных продуктов.

Эти факторы напрямую обусловили появление информационно-сетевой сферы борьбы.

Информационно-сетевая сфера борьбы это сфера деятельности в искусственно созданной среде, где извлекается, транспортируется, обрабатывается, хранится, представляется и используется информация, и в которой ведется борьба посредством воздействия на информацию, информационные объекты и ресурсы противника, а также защиты своих объектов от такого воздействия.

Информационно-сетевая сфера борьбы охватывает информационную инфраструктуру, протекающие в ней базовые информационные процессы и реализующие их базовые информационные технологии, обеспечивающие превращение информации в ресурс. Исходя из этого, в ней можно выделить три частные сферы.

Первая частная сфера связана с процессами и технологиями извлечения информации о предметной области путем поиска, сбора, накопления и распространения информации, которая характеризуется:

- качеством информации (полнота, достоверность, точность, своевременность, актуальность, логическая последовательность и т.д.);
- распространением информации (диапазон, порядок распространения, непрерывность и т.д.).

Вторая частная сфера связана с процессами и технологиями транспортирования информации, которая характеризуется информационной взаимосвязью и принципами многоуровневой архитектуры открытых систем, принятыми международным сообществом и включает следующие уровни⁴³:

- прикладной уровень;
- уровень представления;
- сеансовый уровень;
- транспортный уровень;
- сетевой уровень;
- уровень звена данных;
- физический уровень.

Информационный обмен характеризуется:

- интерактивностью;
- доступом в режиме реального (близкого к реальному, жесткого и сверхжесткого) времени или определенной задержкой.

Третья частная сфера связана с процессами и технологиями обработки, хранения, представления и использования информации, имеющая три характеристики.

Первая характеристика — это информационные потребности органа военного управления. Они определяются как измеримый набор информации, необходимый для планирования и выполнения боевых задач.

Вторая характеристика — это информационное состояние сил и средств. Оно определяется как совокупность информации определенного качества, степень ее доступности и качество взаимодействия в данный момент времени.

Разницу между существующим и потребным информационным состоянием отражает информационная ситуация это третья характеристика. С учетом этого, превосходящее информационное положение достигается осуществлением информационных воздействий, которые можно свести к трем видам⁴⁴:

- расширения возможностей поиска, сбора, обработки и управления потребной информацией, а также распространения актуальной информации в интересах решения боевых задач своими войсками;
- обеспечения информационной безопасности своих войск;
- ухудшения информационной ситуации для войск противника.

Первый вид информационных воздействий осуществляется путем создания системы информационных и технических воздействий по созданию потока информацией требуемого качества и количества.

Второй вид информационных воздействий осуществляется путем создания системы юридических, организационных и технических мер по ограничению доступа или использования всех или части информационных ресурсов, а также предотвращения несанкционированного к ним доступа.

Третий вид информационных воздействий осуществляется путем использования информационного оружия с целью:

- трансформации информации изменения информации, приводящие к такому изменению ее качества, степени доступности и качества взаимодействия, которое затрудняет действия противника и облегчает действия своих войск;
- деформации информации изменения информации, приводящие к такому изменению ее качества, степени ее доступности и качества взаимодействия, которое мешает действиям противника и способствует действиям своих войск;
- деструкции информации изменения информации, приводящие к такому изменению ее качества, степени ее доступности и качества взаимодействия, которое препятствует действиям противника и вызывает действия своих войск.

Кроме этого, существует особый вид превентивных действий, связанный с законодательным установлением законодательных норм стандартов,

правил и т.д., регулирующих разработку, производство, распространение и использование информационной инфраструктуры, базовых информационных процессов, технологий и ресурсов в целях заблаговременного создания превосходящего информационного положения и заведомого преимущества в информационных ситуациях.

Объектами воздействия с целью достижения превосходящего информационного положения являются: информация; информационные ресурсы; информационные процессы; информационные технологии; информационная инфраструктура.

Таким образом, с переходом к информационному обществу образовалась информационно-сетевая сфера борьбы. В этой сфере борьбы имеются присущие только ей объекты борьбы и обусловленные этим организация и средства ведения борьбы, а также многообразие форм и способов информационных воздействий, приводящих к нанесению ущерба, сравнимому с ущербом от применения оружия массового поражения.

В то же время пришло понимание, что физическое и/или информационное воздействие на различные объекты борьбы, с одной стороны, в некоторых случаях требуют чрезвычайно больших затрат («пиррова» победа).

С другой стороны, массовое уничтожение разнообразных ресурсов и возможность неприемлемых для агрессора потерь приводит к тому, что вооруженная борьба становится последним аргументом, а на первый план выходят информационно-психологические и другие виды воздействия на человека.

В настоящее время в США реализуется концепция «Единые силы — 2020», которые предусматривается применять в рамках перспективной формы ведения военных действий — «Глобально интегрированной операции».

Деятельность любого государства заключается в соединении работы внутренней и внешней политики. Внутренняя политика должна отражать программу действий органов государственной власти по обеспечению интересов и удовлетворению потребностей общества и личности (именно они формируют цели и задачи внутренней политики), а задачей внешней политики является создание благоприятных внешних условий для реализации внутренней политики.

Внутренняя и внешняя политика базируется на сознательной созидательной деятельности отдельных личностей, политических институтов и общественных организаций, а также на принуждении организованном насилии, высшей формой которого является вооруженное насилие.

На результаты этой деятельности влияют социальные структуры обществ, общественный и государственный строй, социальные и морально-политические возможности воюющих сторон. Воздействуя на социальные и морально-политические возможности, можно изменить социальную структуру общества, общественный и государственный строй в выгодном для себя направлении.

Научно-техническая революция создала условия и предпосылки для противоборства государств и народов, их армий и негосударственных образований не только с применением вооружения, военной и специальной техники или новых информационных технологий.

В последнее время используются специфические меры и средства борьбы для воздействий как на рациональную и эмоциональную сферу отдельной личности, так и на структурированную совокупность всей массы людей, являющихся участниками конфликта с обеих сторон. На наш взгляд, данное противоборство целесообразно выделить в отдельную антропологическую сферу борьбы⁴⁵.

Антропологическая сфера борьбы это сфера индивидуального и коллективного человеческого подсознания, сознания, надсознания, а также деятельности (поведения) личности и совокупности всех людей, являющихся участниками конфликта с обеих сторон, состоящая из трех частных специфических сфер борьбы.

Психическим процессом, с которого начинается процесс познания личностью окружающего мира, является ощущение (отражение органами чувств отдельных свойств и качеств явлений), восприятие (отражение явлений в целом) и представление (образ ранее воспринятого явления). При этом важную роль играют эмоции и чувства (своеобразные формы отражения задач и условий их выполнения, явлений и их изменений и проявление отношения личности ко всему тому, что она познает и делает), которые могут активизировать деятельность или вызывать пассивность⁴⁶.

Этим обуславливается существование такой частной сферы, как эмоционально-психологическая и физиологическая сфера борьбы области индивидуального и общественного восприятия актуальных явлений борьбы, происходящих в операционной среде, включающей физико-географические условия, силы свои и силы противника, политические, социальные и экономические факторы, цели и задачи, поставленные перед вооруженными силами, а также различные ограничения.

Однако связи и отношения между явлениями не отражаются ощущениями и восприятиями человека. Это становится возможным благодаря мышлению (отражению в сознании личности сложных связей и отношений между явлениями объективного мира).

Этим обуславливается существование такой частной сферы, как когнитивная сфера борьбы области сознания человека, в которой происходит формирование индивидуального и общественного сознания и принятие решений. На принятие индивидуальных и коллективных решений влияют интеллект, взгляды, мнения, убеждения, ценности и понимание. Эта сфера находится под сильным влиянием обучения, индивидуального и коллективного опыта, общественного мнения и понимания обстановки.

Человеческая деятельность не сводится только к работе сознания. Человек склонен к решению возникающих перед ним задач, затрачивая минимум энергии. Поэтому многие функции человек осуществляет бессознательно или полубессознательно на основе сложившихся привычек, навыков, стереотипов и т. п., которые образуют так называемые поведенческие паттерны, складывающиеся под влиянием формальных и неформальных институтов. Сложившиеся поведенческие паттерны играют значительную роль, как в стандартных простых ситуациях, так и в сложных рискованных ситуациях, требующих мобилизации всех ресурсов человека.

Этим обуславливается существование такой частной сферы, как социальная сфера борьбы это область, в которой происходит формирование индивидуальных и общественных взаимоотношений, взаимосвязей и взаимодействий, находящихся под сильным влиянием как формальных, так и неформальных и невербальных знаний и отношений.

Социальная сфера определяется спецификой языка и символической связью между людьми. Это область, в которой происходит взаимодействие индивидуумов и элементов структурированной совокупности всей массы участников конфликта с обеих сторон. Социальная сфера в значительной мере зависит от представлений, ценностей, убеждений конкретной личности, а также от господствующих в обществе норм и ценностей.

Объектами борьбы в антропологической сфере являются⁴⁷:

- информационно-психологическая среда общества или отдельных его элементов (отдельные личности, группы и т. д.), которая является частью мировой информационной среды и связана с использованием информации, информационных ресурсов и информационной инфраструктуры для оказания влияния на психику и поведение личности, отдельных групп и общества в целом;
- язык, духовные, культурные, исторические и национальные ценности, традиции, граждане, совместно проживающие на определенной территории и т.д.;
- система формирования общественного сознания (мировоззрение, политические и другие взгляды и т.п.);
- система формирования общественного мнения;
- система принятия политических и других решений;
- психика и поведение личности, отдельных групп и общества в целом.

Основными средствами воздействия в антропологической сфере борьбы являются:

- политические, экономические, дипломатические и военные мероприятия, воздействующие на антропологическую сферу противника, своих союзников и своей страны в интересах достижения поставленных целей;
- информационное пространство (информация, информационные ресурсы и информационная инфраструктура), позволяющее производить и быстро распространять специальные информационные продукты, предназначенные для отдельной личности, группы лиц или для неограниченного круга лиц;
- якобы независимые политические, религиозные и общественные деятели, деятели искусства и культуры, заблаговременно созданные

внутри противоборствующих стран общественные, религиозные и другие организации, объединенные в сеть и предназначенные для использования стихийных общественных процессов в интересах достижения поставленных целей;

- неформальные (беженцы, мигранты и т. д.) и внесистемные средства воздействия (преступные группы, торговцы оружием, террористы и т.д.), используемые в интересах достижения поставленных целей.

Основными способами использования средств воздействия по объектам в антропологической сфере борьбы являются:

- группа способов по добыванию, сбору, обработке информации о слабых и сильных сторонах противоборствующих сторон и обмена ею в целях организации и ведения противоборства в антропологической сфере борьбы;
- группа способов по манипулирующему воздействию на свою сторону и противника (блокирование добывания, обработки и обмена информацией; внедрение дезинформации; распространение выгодной информации и т.п.);
- группа способов по информационной защите своей стороны;
- группа способов политического, экономического, дипломатического манипулирования в интересах создания выгодного положения для своей стороны и невыгодного для противника;
- группа способов психологического террора (обвинение в преступлениях, шельмование противника, дискредитация политических и общественных лидеров и т.п.).

Возможности оказывать воздействия в социальной сфере борьбы связаны с накоплением в начале XXI века больших массивов объективной информации о реальном поведении, привычках, склонностях и реакциях в различных ситуациях, как отдельной личности, так и о поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности.

Средства воздействия на социальную сферу разрабатываются на стыке когнитивных вычислений, Больших Данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук.

В качестве таких средств воздействия могут использоваться информационно-сетевые, юридические, дипломатические, информационно-психологические, финансово-экономические и другие инструменты.

Разрабатываемые инструменты воздействия на социальную сферу позволяют разработать способы манипуляции алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности и т. п., вложенными в личность социумом, а также собственной биографией и культурной средой. Способы манипуляции состоят в отделении привычки, реакции, стереотипа поведения и т.п. от сформировавших их видов деятельности или ситуаций, и использовании этих поведенческих паттернов для достижения целей.

Таким образом, используя данные инструменты воздействия на объекты антропологической сферы борьбы, под управление и контроль берутся не сами участники военного конфликта, а их мотивации для отключения рационального в человеке и включения иррациональной поведенческой программы.

Борьба в антропологической сфере ведется без открытого применения вооруженной силы, хотя оно не исключено, при наличии угрозы. Она направлена на дестабилизацию (нарушение сложившегося публичного порядка) и последующее ослабление (нарушение его суверенитета) и/или уничтожение государства противника, перехват управления в нем (перевод под внешнее управление).

Агрессия в антропологической сфере характеризуется:

- неявностью агрессии с обеспечением возможности правдоподобного отрицания своего участия, провоцирования и стимулирования;
- неравномерным ходом агрессии, включающим этапы активизации и спада;
- сочетанием использования многообразия сил и средств, обеспечивающих синергетические и кумулятивные эффекты;
- многообразием одновременно и/или параллельно достигаемых целей;
- многообразием потоков непрерывной лжи и оскорблений с перекладыванием ответственности на других, дерзостью и откровенной наглостью;
- разнонаправленностью и разноуровневостью агрессии, реализующейся государственными и/или негосударственными субъектами;
- сложностью прогнозирования дальнейшего хода агрессии.

Средства ведения агрессии в антропологической сфере характеризуются:

- уникальностью состава, соответствующими историческими, социально-культурными и другими условиями;
- определенной идеологией, позволяющей организовать использование разнообразных сил и средств ведения агрессии, соответствующих историческим, социально-культурным и другим условиям.

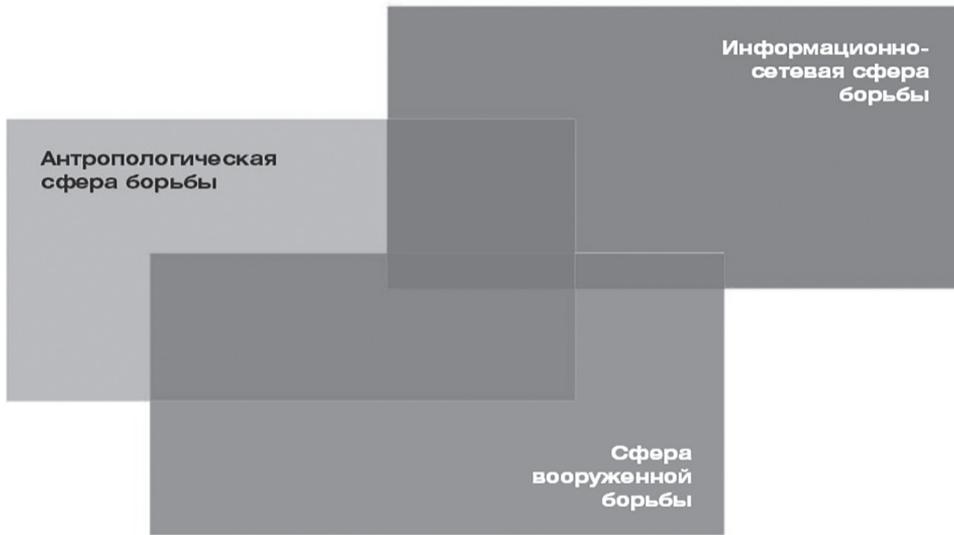
В основу многообразия форм ведения борьбы в антропологической сфере положена идея использования стихийных процессов самоорганизации для достижения поставленных целей. При этом на подготовительном этапе определяется протестный потенциал общественных групп и отдельных личностей, а затем из них выделяются те, которые способны стать движущей силой протеста. Далее осуществляется необходимая подготовка лидеров протестных групп. На начальном этапе борьбы используются или провоцируются массовые действия для побуждения всех недовольных к протестной активности. Затем протестная активность масс направляется на последовательное достижение цепочки практических целей, максимально приближенных к реальным требованиям масс, но в итоге ведущих к делегитимации существующей власти и принятию ею навязываемых требований и условий. Организуется мощное внешнее давление на власть на различных уровнях и по различным направлениям.

Если поставленных целей не удастся добиться, то на следующем этапе инициируются массовые беспорядки с участием специально подготовленных активистов (боевиков), управляемых извне. Если и в этом случае не удастся добиться поставленных целей, то создаются выгодные условия для ведения гражданской войны и/или применения иностранных вооруженных сил.

Таким образом, в антропологической сфере борьбы имеются специфические объекты борьбы и обусловленное этим многообразие средств, форм и способов действий позволяющее заменить или дополнить применение вооруженной силы в интересах достижения целей войны.

Соответственно, рассмотренные выше сферы борьбы определяют «боевое пространство (battle space)» военного конфликта. Таким

образом, на наш взгляд, термин «боевое пространство (battle space)» более правильно определить как «сложное боевое пространство» многомерную область, включающую антропологическую, информационно-сетевую и вооруженную сферы борьбы, в которой ведутся военные действия. Концептуальная модель сложного боевого пространства современного и перспективного военного конфликта представлена на рис.2.10

Рис. 2.10 Концептуальная модель сложного боевого пространства современного и перспективного военного конфликта

В этих условиях развитие теории и практики применения Воздушно-космических сил при подготовке и ведении боевых действий должно происходить с учетом фактора «сложного боевого пространства».

Усложнение боевого пространства произошло за счет его расширения. Поэтому Воздушно-космические силы будут действовать в многомерном боевом пространстве. Увеличение многомерности боевого пространства осуществлено следующим образом.

Во-первых, происходит размывание границы между военными действиями до уровня «вооруженного конфликта» и боевыми действиями

ми в ходе его. Это позволяет поэтапно достигать военно-политических целей без прямого и широкомасштабного использования Вооруженных сил. А если это невозможно, то создаются необходимые условия для ограниченного применения Вооруженных сил.

Во-вторых, ареной военного конфликта становятся различные комбинации антропологической, информационно-сетевой и вооруженной сфер борьбы и их составляющих.

В-третьих, расширено геостратегическое пространство военного конфликта за счет возможности проецирования силы из различных физических сред и районов земного шара вооруженной сферы борьбы, а также из антропологической и информационно-сетевой сфер борьбы.

В-четвертых, увеличилось число субъектов (сторон), вовлеченных в военный конфликт, а также изменились их роль и место.

Использование новых информационных технологий привело к тому, что Воздушно-космические силы будут действовать в сложном боевом пространстве, в котором интегрированы во времени и в пространстве различные возможности антропологической, информационно-сетевой и вооруженной сфер борьбы и их составляющих. Это позволяет создать необходимые и достаточные условия в интересах:

- комплексного использования имеющихся возможностей в различных сферах борьбы с целью создания физических, виртуальных и когнитивных преимуществ и окон возможностей;
- осуществления совместных, взаимосвязанных и взаимообусловленных действий сил и средств в различных сферах борьбы с целью достижения необходимых военных и политических эффектов на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях.

Боевое пространство усложнилось за счет его сжатия путем проецирования силы из различных сфер борьбы на тактический, оперативный и стратегический уровень для достижения быстрой и решительной победы. Исходя из этого, Воздушно-космические силы будут действовать в условиях сокращения цикла «разведка идентификация — принятие — решения реализация решения».

2.2.а). Изменения в политике, стратегиях и концепциях государств: от публичной дипломатии к «новой публичной дипломатии»

«гибридная реальность» — сращивание физической и виртуальной реальности⁴⁸

Ю.Оситов
профессор

России в политике сегодня нужна гибкая стратегия, соответствующая современным политическим и технологическим реалиям. Это стратегия «гибридной реальности», сочетающая материальную и виртуальную реальность. Реальность в МО–ВПО уже изменилась. Сохранять в этих обстоятельствах эффективность неизменной концепции стратегического сдерживания России будет уже явно невозможно, она неизбежно будет вынуждена приспособливаться к этим изменениям. И, очевидно, что лучше всего это будет происходить, если такой процесс приспособления будет идти осознанно, целенаправленно и инициативно, а не вынуждено⁴⁹.

Прежде всего, изменится геополитическая картина мира: новые центры силы и государства уже бросают вызов (пока что очень осторожный, особенно внутри коалиций, как это делает Германия) доминированию США. Но уже встал вопрос о будущей новой структуре МО–ВПО и месте и роли держав в этой структуре, который отнюдь не предрешен сегодня.

От его решения во многом будет зависеть политика России, но и её политика сможет повлиять на тот или иной вариант развития ситуации. Это отмечают уже многие политики и учёные, но сводят процесс к «многополярности», т.е. простой констатации формирования нескольких центров силы. Дальше этой констатации, как правило, процесс анализа не идёт.

Но уже появляются и более глубокие признания, например: «баланс сил в мире медленно, но неуклонно склоняется в сторону Азии. В то время как некоторые страны, такие как Южная Корея и Япония, по-прежнему зависят от своих западных союзников, другие, такие как Китай и Индия, становятся независимыми игроками, соперничающими с США.

Но характер этих держав различен», — рассказал во Владивостоке осенью 2018 года Ким Чин Хён, — председатель Всемирного форума мира.

Он справедливо полагает, что «Большинство западных стран обеспокоены ростом Китая и Индии, — отметил Ким Чин Хён, — но им, по его мнению, — не «стоит беспокоиться». «Китай и Индия никогда не станут центрами власти или империями. В истории у нас уже были *Rex Sovietica* и *Rex Americana* во время холодной войны, *Rex Romana* или *Rex Britannica*, но есть два неперемненных условия, чтобы стать такими центрами. Первое — это «ценностная» идеология. В России, например, это был коммунизм, который очень сильно повлиял на весь мир. В США это идеология прав человека и демократии. Конечно, Китай и Индия поддерживают идею универсальных ценностей, но не предоставляют свои»⁵⁰.

Второе условие состоит в том, чтобы такой центр мог доминировать в мире в сфере продовольствия и энергии, считает эксперт. «Китай и Индия находятся в наиболее неблагоприятном положении: они являются крупнейшими потребителями продуктов питания и энергии и никогда не поставляли их кому-либо ещё»⁵¹.

Другими словами, неизбежные геополитические изменения в мире объективно не позволят России сохранить в законсервированном виде её политику «стратегического сдерживания»: эффективное выживание и выстраивание отношений с новыми центрами силы в военно-политической области потребуют отказа от традиционного ядерного сдерживания.

Другой аспект этой проблемы: в политике огромное значение имеет наличие опыта и умение эффективно использовать имеющиеся или потенциальные национальные ресурсы, отношение к которым не должно быть упрощенным: далеко не всегда использует только то, что видно «на поверхности». Это означает постоянное совершенствование политического и военного искусства. Так, до сих пор «по достоинству» не оценен такой ресурс США как продукция Голливуда, создавшая в 80-е годы совершенно новую «антивьетнамскую» реальность, когда «Рэмб» (1985 г.) и «Рэмбо-3» (1988 г.) сбивали советские вертолеты Ми-24 «пачками», хотя никто не задумывался о том, что сделать это на практике нереально, а сами эти вертолеты сбивали в Ираке, как минимум 57 вертолетов противника⁵².

Очевидно, что есть взаимосвязь между политическими целями и амбициями, с одной стороны, национальными ресурсами (возможностями), с другой, но эта взаимосвязь далеко не всегда прямая: в истории человечества мы не раз встречались с ситуацией, когда выбор тех или иных ресурсов и средств, их умелое и своевременное развитие и эффективное использование оказывались порой важнее простых количественных сопоставлений. К сожалению, как правило, именно к таким количественным сопоставлениям обращаются не только публицисты, но и политики.

Искусство политика и военного требует знаний, профессионализма и чрезвычайной ответственности. Если, например, будут **не** своевременно и **не** точно определены необходимые ресурсы, если они **не** будут подготовлены и **не** будут эффективно использованы, то, в конечном счете, это ляжет тяжелой ношей ответственности именно на плечи тех, кто готовит и принимает решения, т.е. все на тех же политиков и экспертов.

Между тем надо помнить, что умение использовать те или иные ресурсы в разные периоды и эпохи существенно различает, одних политиков и военных от других. Талантливых от бездарных. Иногда это отличие радикально. **Выбрать из всего набора возможных ресурсов именно те, которые сегодня наиболее эффективны, либо найти новые, — также ответственность экспертов и политиков.** Причём очень важно по достоинству и своевременно оценить те или иные ресурсы. В этом и заключается искусство современных политиков и военных, в том числе и в области политики стратегического сдерживания, которая сегодня в России опирается, по сути, только на ядерные силы, а иногда и силы общего назначения. Вот почему этому аспекту работы будет посвящена специальная часть работы.

С этой точки зрения, анализ и прогноз развития концепции системной безопасности России (в нормативной существующей форме сегодня Стратегии национальной безопасности, утверждаемой Указом Президента РФ), представляется не абстрактным исследовательским процессом, а сугубо прикладным исследованием, находящимся в тесной связи с опасной эволюцией политики Запада от публичной (официальной) дипломатии⁵³ в направлении политики «новой публичной дипломатии»⁵⁴, которая произошла в начале XXI века. Например, «гибридная реальность» сегодня — это политика западной коалиции, опирающаяся

на фейки, дезинформацию, заведомо ложную пропаганду, искажающую реальность, где собственно политико-дипломатические традиционные средства играют все меньшее значение. Политические средства очень быстро прошли эволюцию от простых средств дипломатии и военной силы к сложному сочетанию информационно-когнитивных и военных средств насилия.

Эта эволюция требует немедленного принятия со стороны России конкретных политических решений, способных нейтрализовать эти последствия. В общем виде логика этих последствий выражается (иллюстрируя её на традиционной модели политического процесса) в следующем: политика публичной дипломатии превратилась в последние десятилетия в политику «новой публичной дипломатии» или «гибридной реальности», где «реальность» сначала создается в информационном пространстве, затем превращается с помощью СМИ в политическую реальность, которая затем легализуется и легитимизируется.

Политика «Публичной дипломатии» концентрировалась на направлении борьбы с государством (вектор «Б»–«В»), его целями и стратегией, реализуя традиционную деятельность государства в политико-дипломатической, экономической, информационной и военной областях.

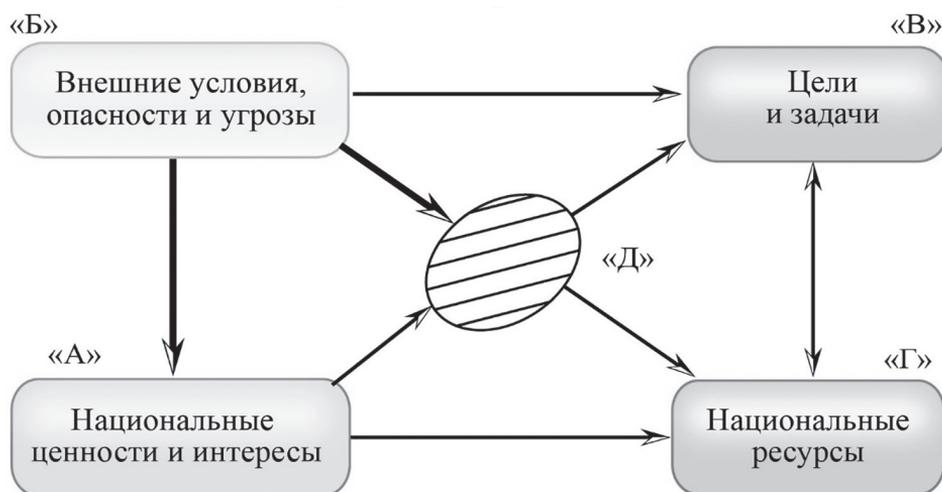

Рис. 2.11 Логика эволюции политики «Публичной дипломатии» в политику «Новой публичной дипломатии»

Политика «Новой публичной дипломатии» провела переоценку целей, средств и способов внешнего влияния, значительно усилив «негосударственные» вектора («Б»–«Д» и «Б»–«А»), что отразилось как на всем «наборе» средств, так и способов внешнего влияния.

Соответственно произошли изменения и в приоритетности внешних условий, опасностей и угроз всем трем основным объектам внешнего влияния: если по отношению к государству («В») сохранилась ставка на использование военной силы в ее политической («косвенной») форме, то по отношению к элитам («Д») эта силовая составляющая перешла в открытую фазу (угрозы и убийства лидеров), а по отношению к ценностям — откровенно силовому давлению, которого прежде не было при акцентах на политику «мягкой силы».

Политика «новой публичной дипломатии» стала новым мировым явлением, конечной целью, которой является сохранение установленного к концу XX века западной ЛЧЦ контроля в финансово-экономической и политической области с помощью применения системы силовых, скоординированных по своему использованию, средств — военных и не военных, — принуждения. Политика «новой публичной дипломатии западной ЛЧЦ становится тем конкретным инструментом, с помощью которого реализуется один из вариантов наиболее вероятного сценария развития МО и ВПО в XXI веке. Сценарий и политика взаимно дополняют и усиливают друг друга. Если наиболее вероятный сценарий развития МО–ВПО (которым является сценарий «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ) отвечает на вопрос о том, **какая** будет международная обстановка и **как** она будет развиваться, то политика «Новой публичной дипломатии» Запада отвечает на вопрос **каким образом** будут вести себя США и другие западные страны, которые во многом являются авторами и инициаторами развития этого сценария⁵⁵.

С другой стороны, важно понимать, что у этого наиболее вероятного сценария есть несколько вариантов реализации. Каждый из этих вариантов характеризуется конкретными и нередко субъективными условиями и факторами. Так, при доминировании этого сценария одним из его вариантов (после прихода к власти администрации Д. Трампа) может стать вариант «силового партнерства» с Россией, когда общее

усиление силовой составляющей внешней политики США может сопровождаться элементами развития отношений с Россией по ряду вопросов (борьбы с ИГИЛ, отношений с Ираном, КНДР, Кубой, переговорами по сокращению СНВ и др.). Соответственно будут меняться и внешние условия реализации Стратегии России. Может быть, даже не только частные.

Вот почему требуется постоянный анализ, оценка и стратегический прогноз современного состояния Стратегии национальной безопасности, существующей как на практике, в политике, так и в форме соответствующего Указа Президента № 683 от 31 декабря 2015 года. Прежде всего это представляется крайне актуальным в связи с качественными изменениями, которые происходят в международной и военно-политической обстановке в самые последние годы, но которые пока что не нашли своего своевременного и четкого отражения в политике безопасности России. Может быть потому, что они слишком динамичны, любые нормативные, а тем более законодательные, действия всегда будут отставать от реалий. Так, практическая деятельность администрации В. Путина существенно опережает теорию. Он не только не отвечает симметрично (например, на высылку в январе 2017 года дипломатов), но и реализует исключительно собственную стратегию.

Эти радикальные изменения в экономической, технологической и социальной областях, в свою очередь, потребовали пересмотра многих фундаментальных основ и подходов к обеспечению национальной безопасности. (Интересно, что это почувствовал Д. Трамп). В частности, это привело к неотложной возросшей потребности долгосрочного стратегического прогнозирования и планирования при подготовке базовых документов социально-экономического, бюджетного и финансового характера. Формально это произошло. В самом конце 2016 года неожиданно «высочили» долго отлеживавшиеся Концепция внешней политики, научно-технологического развития, информационной безопасности и др. Однако эти документы не стали общенациональным руководством, основой для долгосрочного национального планирования. Именно такая практика существует не только в США, но и в Великобритании, Китае и даже Австралии. Так, Стратегия национальной безопасности и Военная стратегия национальной безопасности США исходят из положений

стратегического прогноза, а не только современной и достаточно узкой оценки (как это есть в последних двух редакциях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации).

Лиц, структур и организаций, занимающихся в России сегодня этой проблематикой в сотни раз меньше чем в США. Это означает, что если по уровню ВВП мы отчасти на порядок, а в технологиях на два порядка, то в концептуальной области в тысячи раз!

В этой связи хотел бы отметить, что в Центре военно-политических исследований МГИМО за последние 4–5 лет было сделано несколько пионерских работ, посвященных теоретическим и методологическим аспектам в области стратегического прогнозирования и планирования международной и военно-политической обстановки, а также предложения и рекомендации к новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., опубликованным отдельными изданиями⁵⁶. Эти работы стоит оценивать только как самые первые шаги в политике новых механизмов обеспечения безопасности, которые совершение не соответствуют современным потребностям России, масштабу изменений в мире и характеру угроз.

Смена существующих парадигм безопасности, произошедшая в начале столетия, отразилась в определенной степени на оценке внешних и внутренних опасностей и угроз правящей российской элитой, а также средств и способов противодействия нашло отражение во втором десятилетии XXI века на практике. В теории, однако, это требует специального, системного и углубленного изучения. Парадоксальность ситуации заключается в том, что практическая политика России и меры «ручного управления» В. Путина стали достаточно эффективными и отражали новые реалии (что видно на примере Крыма, Сирии и других действий) изменившейся ВПО, однако их теоретическое обоснование и осмысление существенно отставало. В особенности если речь идет об информационных, психологически и средствах влияния, используемых западной локальной человеческой цивилизации, объединенных в единую систему политики «силового принуждения», где главной целью политического воздействия становится правящая элита и руководство страны оппонента. В международной и военно-политической области до сих пор стойко сохраняются стереотипы западной политологии и традиционной

советской науки, которые претерпели некоторые косметические изменения в начале века, но так и не смогли преодолеть инерцию мышления. Так, даже в 2014–2015 годах, когда стало очевидным, что сотрудничество превратилось в конфронтацию, а западная ЛЧЦ всячески усиливает развитие военно-силового сценария, значительная часть российской правящей элиты продолжала рассуждать и планировать свою политику в рамках традиционных, горбаческо-ельцинских, парадигм сотрудничества и партнерства.

Это привело к тому, что не наука и аналитика предлагали правящей элите свои идеи, а отдельные представители этой элиты предпринимали шаги в условиях цейтнота времени и ресурсов, которые — надо признать, как правило оказывались гораздо более эффективными, чем экспертные рассуждения.

В этой связи представляется целесообразным и особенно актуальным специальные исследования, посвященные анализу и прогнозу развития современного политического и военного искусства на Западе, в частности политики «новой публичной дипломатии» и лежащей в её основе стратегии «силового принуждения» («the power to coerce»). Особое значение приобретает анализ развития специальных информационно-психологических средств и социальных сетей, Web 2.0, 3.0 и иных Интернет-технологий, а также всего спектра «нелегального» оружия.

Естественно, что слабое изучение процессов, происходящих в политическом и военном искусстве западной ЛЧЦ вело к тому, что действия России далеко не всегда учитывали эти изменения в своей стратегии. Так, «стратегия силового принуждения» Запада предполагала усиление силового давления на Россию во всех областях, а не только военной или экономической, которые традиционно рассматривались как области формирования основных угроз. На первый план выступили, как уже говорилось, области давления на правящую элиту и ее отдельных личностей, а также на систему национальных ценностей, т.е. не на прикладные, а на базовые области, формирующие систему национальной безопасности.

Этот же «поворот» предполагал, что главным объектом политики становится человеческий потенциал (во всех его измерениях — от демографического до самоидентификации), что, в свою очередь, еще больше

интегрирует стратегию обеспечения безопасности и стратегию развития нации.

Представляется в этой связи остро необходимым изучение механизмов более тесной взаимосвязи между двумя блоками Стратегии национальной безопасности РФ — «блоком безопасности» (доктринами, концепциями и стратегиями обеспечения безопасности) — и «блоком развития» (концепции социально-экономического, инновационного, регионального и т.д. развития), между которыми часто существует только формальная взаимосвязь. В настоящее время эта взаимосвязь существует формально, только в нормативных документах.

Кроме того, в условиях финансово-бюджетных ограничений необходим поиск таких исключительно эффективных решений, которые одновременно позитивно сказываются как на социально-экономическом и технологическом развитии, так и на обеспечении безопасности страны. Это вполне возможно и не раз удавалось в прошлом (например, создание квантовых генераторов, космические исследования и пр.), но должно стать обязательной нормой при долгосрочном планировании выделения финансовых средств. Такие решения очевидны, например, в области развития качества человеческого потенциала вообще и ВС, в частности.

Большое значение имеет изучение и использование опыта изменения структуры военной организации на Западе и, прежде всего, в США, которая в настоящее время координирует и объединяет не только государственные институты, но и негосударственные акторов — общественные и коммерческие институты и организации, — т.е. имеет общенациональный характер. Думается, что есть все основания для того, чтобы в полной мере учесть и использовать этот опыт (который был применен в СССР в качестве механизма общенационального управления, например, при учреждении ГКО в Великой Отечественной войне).

Важное значение в начале XXI века приобретает исследование коалиционной стратегии Запада, которая выразилась в формировании по сути дела военно-политической коалиции во главе с США (на базе общих интересов, ценностей и идеологических предпочтений западной ЛЧЦ). Её развитие, судя по документам и действиям на Западе, имеет в настоящее

время наиболее приоритетное значение, даже с учетом изоляционизма Д. Трампа. Особенную значимость этому явлению придает тот факт, что силовое противоборство России с западной коалицией происходит в условиях достаточно жесткого финансово-бюджетного дефицита, когда необходимо учитывать несопоставимость материальных ресурсов и возможностей противоборствующих сторон.

Наконец, представляется актуальным и эффективным изучение зарубежного опыта привлечения к работе над вопросами национальной безопасности не только представителей государственных институтов, но и бизнес структур, а также формальных и неформальных групп исследователей, использование в этих целях всего творческого и интеллектуального потенциала нации. Так, за рубежом нередко наиболее интересные и эффективные решения появляются в результате работ, сделанных негосударственными коллективами и отдельными авторами по специальным заказам (либо за объявленную премию, либо из-за других мотивов). Такой подход позволил бы не только ускорить, но и увеличить спектр эффективных решений, особенно нетрадиционных. В настоящее время наиболее эффективные решения могут быть найдены неформальными коллективами и даже творческими одиночками. Этот подход отражает все усиливающуюся тенденцию превращения значительной части общества, прежде всего творческого класса, в «самозанятую» категорию. Это, прежде всего, относится к сфере интеллектуального (программисты, IT-специалисты и др.) и творческого труда.

И последнее. Изучение зарубежного опыта сбора, анализа, обработки информации и сделанных на их основе прогнозах и планировании показывает, что не только для его анализа, но и использования необходима самостоятельная и высокоэффективная информационно-аналитическая структура, работающая в интересах безопасности нации (Совета Безопасности РФ), а не только отдельных министерств и ведомств. Нередко такие информационно-аналитические подразделения министерств, ведомств и служб имеют узко ведомственный характер и не всегда отличаются высоким качеством исследований, а, главное, не спешат делиться информацией и сотрудничать с другими.

У Совета Безопасности РФ в этих условиях явно недостаточно возможностей, которые основаны на праве координировать деятельность ана-

логичных государственных структур, а не способности вести самостоятельный анализ. Это означает, что в целом ряде ключевых общенациональных областей СБ РФ будет полагаться на качество и результаты ведомственных разработок, а не на собственные оценки, что неизбежно предполагает создание собственной информационно-аналитической службы СБ РФ, имеющей общенациональный и системный характер.

Выбор в тот или иной конкретный исторический период и в конкретных исторических, политических, экономических и иных условиях наиболее эффективных средств политики, как известно, — прямая обязанность и ответственность тех, кто принимают политические решения, т.е. политических и государственных деятелей, финансовых и культурных лидеров, объединенных в правящую элиту страны. Этот выбор изначально обусловлен самыми разными условиями и обстоятельствами, — существующими и потенциальными национальными возможностями, качеством национального человеческого капитала и его институтов, возможностями экономики и уровнем развития технологической базы и т.д., — но, прежде всего, интересами и потребностями той или иной части правящей элиты, их субъективным подходам к этим интересам. Поэтому ни в коем случае нельзя воспринимать политику — ее цели и стратегию, а тем более тактику — как простую экстраполяцию объективных интересов. В реальности субъективный процесс осознания, формулирования и реализации объективных интересов крайне сложен и противоречив, а нередко и нелогичен. Иными словами, хотя изначально в основе любой политики (в т.ч. политики «новой публичной дипломатии»), находятся интересы (потребности) той или иной доминирующей части правящей элиты, общества и нации, их практическая реализация превращается в сложный процесс, когда эти интересы⁵⁷:

- во-первых, отнюдь не всегда и во всем совпадают с представлениями всех представителей правящей элиты и нации (пример расхождений Д. Трампа и Х. Клинтон, представляющих разные элиты, это еще раз показал);
- во-вторых, эти интересы «выстроены» в строгой приоритетности в зависимости от представлений той или иной части правящей элиты в некой стратегии реализации политики;

- в-третьих, эти интересы понимаются нередко очень по-разному и формулируются в разных (порой очень противоречивых) представлениях о целях и задачах политики даже в рамках одной части правящей элиты;
- в-четвертых, эти интересы находятся под влиянием разных внешних условий, вызовов и обстоятельств. Так, например, интересам безопасности могут угрожать одни факторы, которые не являются угрозой экономическим интересам;
- в-пятых, интересы неизбежно находятся под влиянием наличия реальных и потенциальных ресурсов у нации и правящей элиты, наличие энергетических ресурсов, например, может диктовать потребность в рынке сбыта;
- наконец, в-шестых, интересы могут определяться качеством политической и военной науки и искусства, умением адекватно воспринимать реалии и эффективно формулировать и достигать поставленных целей.

Нередко те или иные группы правящей элиты совершенно по-разному воспринимают как мировые реалии, так и способы достижения поставленных целей. В качестве примера можно привести соцопрос членов Совета по российско-американским отношениям, в ответах на который была высказана следующая точка зрения в середине 2016 года:

Настоящее ухудшение отношений между странами — это временное явление, вызванное срывом договоренностей по Сирии	7 (1,61 %)
Причиной кризиса в отношениях с США стали события на Украине и присоединение к России Крыма	91 (20,92 %)
Во всем виноват личный фактор: Путин и Обама не могут договориться. При других президентах кризиса удалось бы избежать	15 (3,45 %)
Охлаждение отношений России и Запада — результат до сих пор непреодоленных последствий холодной войны	153 (35,17 %)
Мы наблюдаем фундаментальное столкновение российской и западной цивилизаций	145 (33,33 %)
Ваш вариант (в комментариях)	24 (5,52 %)

Таким образом, как минимум, три (почти одинаковые по количеству) группы экспертов высказали прямо противоположные точки зрения на одну и ту же проблему. Это случается нередко особенно в переходные периоды. Это свидетельствует о том, что субъективные и даже иррациональные факторы в формировании политики играют в XXI веке не менее, а, может быть, даже более важную роль, требующую тщательного изучения.

Соответственно для того, чтобы в России разработать эффективную стратегию противоборства политике «новой публичной дипломатии» требуется, как минимум, иметь ясное и достаточно консолидированное представление у российской элиты о ее характере и особенностях.

Кроме того, собственно концепция безопасности России и разрабатываемые ею средства и методы обеспечения, сами находятся под влиянием множества групп факторов, большинство из которых являются переменными величинами: состояние экономики, природные явления, климат и т.п. Очень сильное влияние субъективных, а нередко и иррациональных представлений самой правящей элиты. Эта элита отнюдь не является однородной и не разделяет в одинаковой степени основные ценности и интересы нации и государства. Борьба внутри нее иногда носит драматический характер и, уж, точно отражается на политическом курсе страны. Достаточно вспомнить внешнюю политику Литвинова и Молотова.

В целях некоторой формализации представлений о влиянии этих групп основных факторов целесообразно вновь использовать модель, предлагавшуюся в свое время профессором МГИМО МИД СССР М. Хрусталевым, которая лежит в основе предлагаемой концепции системы обеспечения безопасности России в XXI веке.

Как видно из рисунка 2.12, внешние условия (факторы «Б») влияют не только на традиционные области (группу факторов «В» и «Д» — стратегию оппонента), но и на новые объекты, на которые прежде это влияние было либо минимальным, либо вообще отсутствовало — «интересы» («потребности») и систему ценностей (группу факторов «А») и национальную элиту и общество (группу факторов «Д»). Действительно, в ходе Второй мировой войны Германия, Япония и Италия

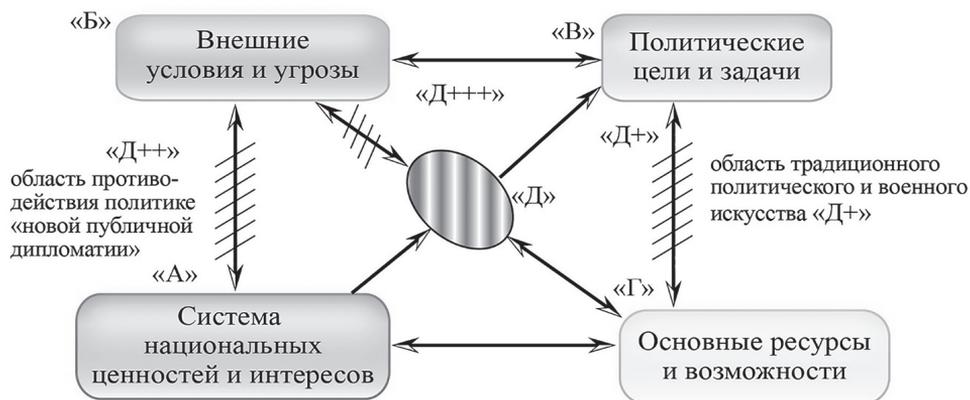

Рис. 2.12 Логическая модель концепции противодействия политике «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ

не боролись непосредственно ни с системами ценностей, ни с правящими элитами антигитлеровской коалиции. Они воевали с государствами, стремясь нанести им военное и политическое поражение. То же самое фактически было и в другие периоды человеческой истории, даже в тех случаях, когда шли религиозные войны.

В XXI веке ситуация радикально изменилась: основным объектом стали не государства, а нации, прежде всего их системы ценностей и правящие элиты. Традиционные войны и конфликты уступили место самым жестоким формам силового воздействия, не допускающим компромиссов. Соответственно и стратегия противодействия должна ориентироваться не только на противодействие традиционным угрозам и стратегии, но и нетрадиционным. Внешние факторы влияния на политику стали значительно, радикально сильнее потому, что они стали оказывать непосредственное влияние уже не только на саму политику, но и на базовые ценности и правящие элиты. Не случайно в политике «новой публичной дипломатии» главную роль стали играть насаждение норм, правил и даже традиций («права человека») и открытые угрозы и действия в адрес представителей правящей элиты.

Эффективная концепция системной безопасности России предпо-

лагает, что изначально должно быть максимально, точно, т.е. адекватно оценено влияние внешних условий, опасностей и угроз (группа факторов «Б») при проведении политики Запада на:

- систему национальных интересов и ценностей России (группу факторов «А»);
- правящую элиту России (группу факторов «Д»);
- наконец, традиционные политические цели и задачи, сформулированные элитой перед нацией группа факторов «В»).

Этим, однако, отнюдь не исчерпывается проблема оценки и анализа системы безопасности России, которая требует не только современного анализа перечисленных выше факторов, но и прогноза на будущее, как минимум, в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной (стратегической) перспективе. Иными словами, этот прогноз должен быть сделан для развития всех трех групп факторов — «А»; «Д»; «В» на указанные временные отрезки.

Таблица 2.5

Влияние внешних факторов «Б» → «А»	Краткосрочная перспектива (1–2 года)	Среднесрочная перспектива (5–7 лет)	Долгосрочная перспектива (7–10 лет)
Влияние «Б» → «Д»	– « –	– « –	– « –
Влияние «Б» → «В»	– « –	– « –	– « –

Иными словами в основе эффективной стратегии противодействия политике «новой публичной дипломатии» должен находиться анализ и прогноз не только внешних опасностей и угроз (что традиционно делается сегодня), но и анализ, и прогноз угроз:

- национальной системе ценностей и всей локальной человеческой цивилизации (что фактически отсутствует в современной Стратегии и тем более Военной доктрине);

- правящей элите и ее отдельным представителям (что очень ограничено присутствует в военном аспекте).

Для эффективного противодействия негативному внешнему влиянию внешних групп факторов требуется, кроме того, точная оценка собственных ресурсов и возможностей (группы факторов «Г») и эффективность традиционной избранной стратегии — вектор «Д»–«В» и «Д»–«Г»), который обозначен как вектор «Д+».

Эта область предполагает не только учет существующих и будущих ресурсов и возможностей, но и их максимально эффективное использование. Впрочем — это традиционная задача.

Естественно, что (в самом общем виде) для обеспечения максимально эффективной стратегии национальной безопасности необходимо⁵⁸:

- тщательно проанализировать объективное состояние и перспективы развития этих факторов и тенденций. Так, крайне важно понимать какие средства, когда и как будут использованы против правящей элиты;
- попытаться сделать стратегический прогноз развития этих факторов на долгосрочную перспективу, который может стать основой для стратегического планирования. В частности, требуется предусмотреть последствия внешнего влияния на образование, науку, духовную область;
- рассмотреть адекватность представлений о всех группах этих факторов у правящей элиты, т.е. влияние субъективных, иррациональных и др. обстоятельств на поведение и политику правящей элиты, неадекватность которой (по разным причинам) должна стать главной целью внешнего влияния.

Таким образом, в XXI веке появились новые формы, способы и объекты внешнего влияния, которые в корне изменили стратегии противоборства, превратив их в системные стратегии, использующие одновременно против разных объектов самые разные средства и способы внешнего воздействия;

- наконец, рассмотреть основные стратегии вероятных противников. В нашем случае это западная ЛЧЦ и ее политика «новой публичной дипломатии».

2.2.6). Влияние глобальных качественных изменений в технологических, социальных и экономических областях на политику государств и развитие международной и военно-политической обстановки в новом веке

Особенно большая область возможных революционных изменений — революционные изменения в технологиях, социальных, экономических и иных сферах. Эти изменения в решающей степени будут зависеть, прежде всего, от технологических и научных достижений, имеющих заведомо малопредсказуемый характер в силу скачкообразного развития науки и технологий, с одной стороны, и чрезвычайно широкого спектра направлений развития науки и технологий с другой.

По оценке генерального конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» П.А. Созинова, — Зенитная ракетная система С-500 — это не просто повторение систем предыдущих поколений в очередной технической и технологической редакции. ЗРС С-500 классифицируется как система 5-го поколения, и она будет решать, в том числе и задачи противоракетной обороны. Мы стремимся существенно превзойти по многим характеристикам те достижения, которые реализованы американцами в мобильном противоракетном комплексе ТНААД. Другая задача «пятисотки» — дальнейшее увеличение возможностей в сфере противовоздушной обороны. По сравнению с С-400 новая система будет совершенно другой конструктивно и технически, будет иметь новые локационные и вычислительные средства, новые зенитные управляемые ракеты.

Еще один важный момент — и это мировой тренд — базовые режимы работы в ЗРС С-500 будут автоматическими.

То есть вмешательство человека-оператора в ходе боевой работы предполагается, но основной режим всех средств С-500 по отдельности, да и самой системы в целом, является автоматическим. Только в этом случае можно достичь требуемого результата при отражении

удара современных средств воздушно-космического нападения, — тем более в условиях массированных налетов и в сложных условиях помеховой обстановки⁵⁹.

Не менее важна технологическая поддержка. С-500 — это большая научная и производственно-технологическая программа, а не просто проектирование системы из готовых элементов. Понятно, что для достижения уникальных в классе мобильных средств ПВО/ПРО характеристик необходима передовая технологическая платформа. У нас она есть.

Существует немало попыток систематизирования этих направлений в развитии науки и техники, в том числе и в военно-технической области. Так, известный военный эксперт Е. Дербин, например, предлагает следующий перечень тенденций (рис. 2.14)⁶⁰.

Одним из направлений создания в США так называемых «новых и умных» вооружений является разработка гиперзвуковых летательных аппаратов. По официальным данным, новое гиперзвуковое оружие разрабатывается для обеспечения американских Вооруженных сил возможностями существенно сокращения подлетного времени и высокоточного поражения целей при глобальных масштабах досягаемости (подч. — *А.П.*)⁶¹.

Рис. 2.13 Ключевые технологии ГЗКР, направленные на противодействие с элементами систем обороны (ВКО)

Предполагается, что управляемый полет таких летательных аппаратов для прорыва существующих средств ПВО и РКО должен происходить в разреженных слоях атмосферы Земли — стратосфере и мезосфере, на высотах 30-80 км, практически на космических скоростях более 5М.

Продолжающиеся в США исследования свидетельствуют, что разработка таких летательных аппаратов требует разработки прорывных технологий, не использованных ранее при создании авиационно-ракетной и космической техники и вооружения. Реализация таких технологий, можно предполагать, и обеспечит ожидаемую эффективность гиперзвуковых летательных аппаратов как оружия.

2.3. Новая стратегия национальной безопасности России как неизбежное следствие изменения международной и военно-политической обстановки в мире

Точно так же, как применение авиации полностью изменило войну в прошлом столетии, систематическое использование насильственных методов в финансовой, экономической и информационных сферах меняет сущность войны в XXI веке⁶²

*А. Гилёв,
военный эксперт*

Основная задача разработчиков долгосрочной стратегии национальной безопасности заключается не в угадывании будущего, а в его формировании⁶³

*Я. Новиков,
Генеральный директор АО Концерн ВКО «Алмаз-Антей»*

Новая стратегия национальной безопасности должна исходить не столько из оценок современной МО и ВПО, сколько из стратегического прогноза их развития и установки на желаемый результат, т.е. быть инструментом формирования образа будущего⁶⁴.

При это основная трудность заключается в разработке стратегического прогноза развития МО, который должен учитывать состояние, эволюцию и качественные изменения тысяч факторов и тенденций, формирующих МО, ведь, в конечном счете, будущая ВПО будет является во многом следствием и частью будущей МО⁶⁵.

В нашей работе мы неоднократно выдвигали концепцию (и пытались ее аргументировать) развития неблагоприятного сценария МО, который был назван эскалацией «Военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ⁶⁶, который также будет предопределять состояние международной (внешних условий, опасностей и угроз) безопасности. Этот силовой сценарий также, является, прежде всего, **следствием** развития состояния международной обстановки, а не другие, в т.ч. субъективных факторов. Таким образом, на основные условия будущей стратегии национальной безопасности будут влиять достаточно устойчивые факторы, эволюцию которых нужно прогнозировать. В самом кратком виде эту логику можно представить на рис. 2.15 ⁶⁷.

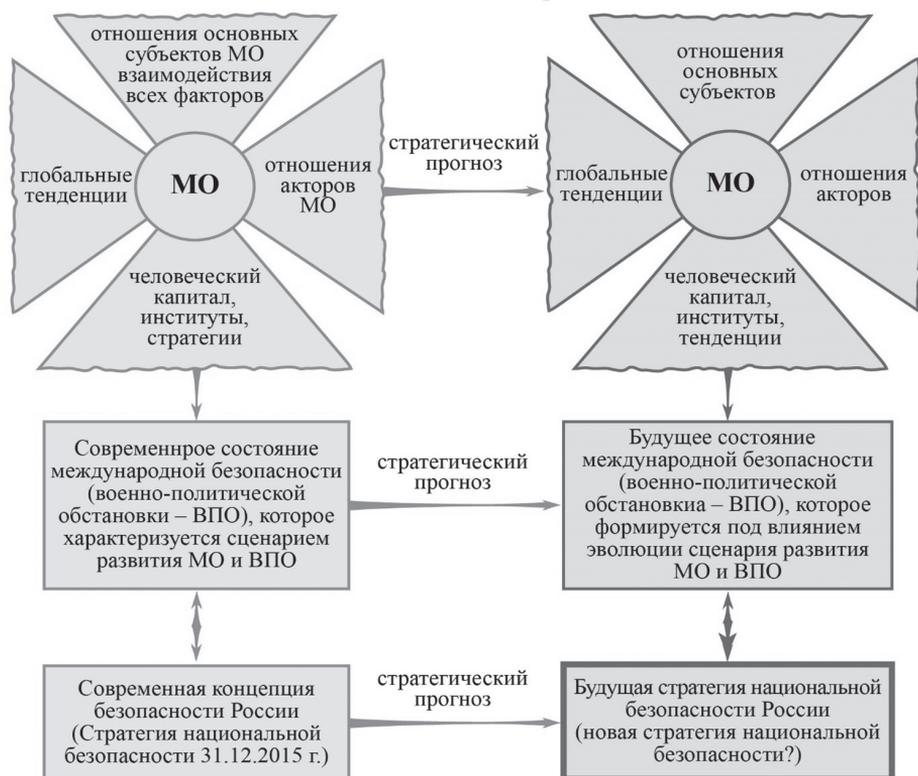
Иными словами будущая стратегия национальной безопасности, которая формируется сегодня, должна исходить из:

- стратегического прогноза МО, включающего прогнозы развития всех четырех основных групп факторов и тенденций;
- вытекающего во многом из стратегического прогноза развития ВПО (который включает и элементы собственно развития современного ВПО), реализуемого в сценарии развития;
- эволюции (пересмотра) концепции национальной безопасности России, которая должна учитывать обе перечисленные группы факторов, а также весь комплекс проблем, вытекающий из состояния и развития внутренних условий и их понимания правящей элитой.

В концентрированном виде влияние внешних факторов на безопасность страны выражено в существующей МО и ВПО, а также перспективах их эволюции, которые выражены в доминирующем сценарии развития.

Современное состояние МО, ВПО и стратегии национальной безопасности

Будущее состояние МО, ВПО в долгосрочной перспективе и стратегии национальной безопасности

Рис. 2.15 Логика последовательности развития состояния международной безопасности, военно-политической обстановки (ВПО) и стратегии национальной безопасности России

Но это только в «концентрированном виде». В практических целях необходимо проанализировать и спрогнозировать (на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу) развитие всех четырех групп факторов. (см. таблицу 2.6).

Уже говорилось, что таким сценарием на период 2015–2017 годов рассматривался сценарий «Военно-силового противостояния западной ЛЧЦ». Наша логика и модель развития МО предполагает, что одновременно может реализовываться один из двух–трех вариантов такого сценария, который, в зависимости от субъективных факторов, может

Таблица 2.6 Анализ и прогноз развития четырех групп факторов формирования МО

Современное состояние	Краткосрочный прогноз	Среднесрочный прогноз	Долгосрочный прогноз
1-я группа:			
<ul style="list-style-type: none"> – субъекты МО (государства, нации); – субъекты МО (ЛЦЦ, центры силы, коалиции, союзы); – субъекты МО (международные, региональные и иные организации); – акторы (партии, организации, движения) 			
2-я группа:			
<ul style="list-style-type: none"> – акторы (террористические, экстремистские и иные организации); – неправительственные организации 			
3-я группа:			
<ul style="list-style-type: none"> – глобальные тенденции: – экономические; – финансовые; – научно-технические и пр. – региональные: – внутриполитические 			
4-я группа:			
<ul style="list-style-type: none"> – развитие человеческого капитала; – университетов; – школ; – развитие институтов человеческого капитала; – науки; – СМИ 			

быть практической стратегией реализации этого силового сценария. Приход к власти Д. Трампа и определенная «смена настроений» в ЕС в пользу национальных интересов ослабили в начале 2017 года усилия

по продавливанию этого сценария, но отнюдь не отменили его. Вариант «сценария Трампа» может стать аналогом «варианта Р. Никсона» в разгаре холодной войны (который является примером для Д. Трампа), когда одновременно шел процесс войны во Вьетнаме США и делались попытки ограничить развертывание СНВ и ПРО СССР посредством переговоров по ОСВ.

Для выбора наиболее эффективной стратегии национальной безопасности России, таким образом, необходимо остановиться на том или ином варианте того или иного сценария развития МО и вытекающего из него сценария развития ВПО. В нашем случае это сценарий «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» в «варианте Д. Трампа».

Только после завершения этих обязательных действий, связанных с анализом, прогнозом и решением, можно приступать к созданию эффективной собственной стратегии противодействия, основанной на глубоком понимании будущей системной безопасности России. Фаза «принятия решения» правящей элитой очень важна, ибо она фиксирует оценку и предопределяет будущие действия. Так, «решение» И. Сталина о неизбежности войны стало условием силовой индустриализации и милитаризации страны во второй половине 30-х годов XX века, а «решение» горбачевской элиты («новое мышление») о прекращении соперничества с Западом, — основным условием для будущих компромиссов и односторонних уступок.

К сожалению, необходимо констатировать, что при разработке современной редакции Стратегии национальной безопасности России (от 31 декабря 2015 г.) этой работы по многим направлениям до конца сделано не было, либо она была во многом так и не завершена. В правящей элите России, например, до конца 2015 года доминировали надежды на возвращение к политике «партнерства» с Западом образца 90-х годов, но эти же иллюзии и надежды у значительной части элиты сохранились до сегодняшнего дня. Многие интересы правящей элиты (корпоративные, частные, личные и пр.) «остались» на Западе, что не могло не сказаться на позиции элиты России⁶⁸.

В этой связи следует напомнить, что весь комплекс проблем, связанных с системой ценностей и интересами, не является гомогенным. Его можно представить себе следующим образом, когда мы говорим о груп-

пе факторов «» (базовые интересы и ценности), определяющих политику страны.

Как видно, группа «частные» и «личные» интересы абсолютно доминировала и во многом это влияние остается.

Доминирование частных, личных и корпоративных интересов в политике России медленно сокращалось при В. Путине, что отразилось и на восприятии реалий.

Таблица 2.7 Группа факторов, составляющих комплекс «интересов и ценностей» (группа «А») российской правящей элиты в 90-е годы и начале XXI века

интересы ценности	по времени			По приоритетности в реальной политике (от 1 до 10)
	кратко-срочные	средне-срочные	долго-срочные	
глобальные	1	1	1	1
региональные	1	1	1	1
национальные	2	1	1	3
классово-социальные	5	5	5	5
групповые	6	6	6	6
корпоративные	8	7	6	8
частные	10	9	8	9
личные	10	10	9	10

Это связано, прежде всего, с тем, что Стратегия основывалась на анализе тех реалий, которые во многом уже устарели к 31 декабря 2015 года, а не на прогнозе будущей МО и ВПО.

Кроме того, была остро необходима постоянная и тщательная «инвентаризация» и мониторинг всех средств и методов политики, которые в XXI веке меняются очень быстро, либо даже уступают место более эффективным новым политическим средствами и методам. Именно это произошло в начале второго десятилетия XXI века при переходе Запада

от публичной дипломатии к политике «новой публичной дипломатии», когда администрация Б. Обамы разработала системную стратегию силового принуждения в качестве основного инструмента реализации политики «новой публичной дипломатии» получившей название «сила принуждения»⁶⁹. К сожалению, ни адекватной и своевременной оценки МО и ВПО не было, как не было исследовано и радикальное изменение политики Запада по отношению к России в 2015–2016 году, которое свелось фактически к признанию позиции США «вины России за Крым и Донбасс». Глубинные перемены в переоценке Запада не произошли.

Следует изначально признать, что на Западе создан мощный интеллектуальный пул государственных и частных организаций и компаний, которые оперативно разрабатывают многочисленные концепции и алгоритмы повышения эффективности использования силы, т.е. развивают ускоренными темпами свое политическое и военное искусство, институты управления и использования когнитивных возможностей человека. Это хорошо видно на примере многочисленных рейтингов университетов, научных центров и пр. институтов, количество и величина финансирования которых в сотни раз превышают российские показатели.

2.3.а). Основные варианты базового сценария развития международной обстановки

... первым признаком того, что элита перестает уделять данной проблеме (военному искусству — А.П.) должное внимание, является подмена стратегии тактикой⁷⁰

*И. Попов, М. Хамзатов,
военные эксперты*

Завтра заключается в сегодня, будущее создается в настоящем...
Время — ваше, то, чем оно станет, зависит от вас⁷¹

*Карл фон Клаузевиц,
военный теоретик*

Исследование и прогноз развития МО и ВПО реализуется в практическом плане в тех или иных конкретных вариантах одного–двух наибо-

лее вероятных сценариев развития МО–ВПО⁷². Определение этих конкретных вариантов того или иного сценария имеет огромное значение прежде всего потому, что каждый из этих вариантов предопределяет развитие той или иной конкретной стратегической обстановки и характер вероятного противоборства, военного конфликта или войны⁷³. Естественно, что для практических политических целей именно эти последствия, прежде всего, и имеют значение. Формальная логическая схема развития СО, военных конфликтов и войн показана на рисунке ниже, но необходимо особо подчеркнуть, что в зависимости от того или иного конкретного варианта сценария развития МО характер и особенности силового противостояния могут существенно отличаться друг от друга.

Как видно из рис. 2.16, выбор одного из вариантов только одного сценария ведет к появлению многочисленных вариантов развития СО и еще большего числа вариантов конфликтов и войн.

В результате проведенных до конца 2016 года исследований ограниченными возможностями Центра военно-политических исследований были получены основные результаты, исходя из которых предлагаются следующие конкретные варианты принципиально новых возможных ответных мер со стороны России, оформленные в Стратегии национальной безопасности в качестве основных положений системы исходных данных (СИД) для долгосрочного стратегического планирования. При этом мы исходим из того факта, что международная обстановка и, как следствие, военно-политическая обстановка, к началу 2017 года характеризуется крайней нестабильностью в отношениях между основными субъектами и акторами, которая инициируется западной ЛЧЦ с целью усиления своего влияния на формирование МО–ВПО.

Эта нестабильность в 2014–2017 годы ускоренно прогрессировала в направлении перерастания крайних форм силового противоборства и противостояния в открытые военно-силовые конфликты. Причем этот переход от противоборства к силовому противостоянию наблюдается на всех основных уровнях, а именно:

- на уровне отношений между основными локальными человеческими цивилизациями отмечается оформление противостояния в открытое противоборство формирующихся военно-политических коалиций таких ЛЧЦ;

- на уровне отношений между ведущими государствами отчетливо наблюдается процесс ухудшения двусторонних отношений между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, Россией и целым рядом других стран, с другой;
- в начале XXI века проявились серьезные противоречия между субъектами и новыми акторами МО, прежде всего, экстремистскими, террористическими и религиозными организациями, которые стали по своему влиянию сопоставимы с субъектами МО;
- на уровне противоречий между глобальными тенденциями можно констатировать, что во втором десятилетии XXI века проявились новые особенности этих противоречий, прежде всего между глобализацией и усилением влияния национальных интересов и ценностей.

2. Дальнейшее развитие МО и ВПО позволяет предложить следующий конкретный долгосрочный сценарий развития международной обстановки (МО), который носит наиболее вероятный характер⁷⁴. Этот сценарий получил название сценария «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» и допускает реализацию в трех основных вариантах (не исключающих и промежуточные варианты):

Вариант № 1 («относительно оптимистичный»). Возвращение к военно-силовому противоборству между ЛЧЦ и их коалициями на уровне, существовавшем с 2008 до 2014 года, когда основными средствами политики выступали силовые (но не военные) средства. Такое «возвращение» к более низкому уровню противоборства между Россией и западной ЛЧЦ может быть в случае, например:

- изменения внешней политики США и ряда стран-лидеров западной ЛЧЦ в результате корректировки отношений и переоценки приоритетов правящими элитами, которые могут периодически возникать (Ф. Рузвельт, Д. Кеннеди, Р. Никсон, Дж. Картер и др.) в связи с теми или иными обстоятельствами;
- переоценки внешних угроз и приоритетов, которые происходят достаточно регулярно во всех странах (в отношении Японии и Китая у США, в отношении Германии и СССР у США в 40-е гг. XX в.). В настоящее время увеличивается вероятность усиления приоритета во внешней политике США относительно Ки-

тая и радикальных исламских организаций, объективно «отодвигая» на менее важные позиции Россию;

- изменения в соотношении сил между разными ЛЧЦ и центрами силы, вызванные научно-техническими, технологическими и экономическими причинами.

Каждая из этих и других причин и все взятые вместе могут повлиять на корректировку внешней политики западной ЛЧЦ в отношении России в сторону более реалистического и менее рискованного варианта сценария. Однако, я не уверен, что такой вариант может надолго стать доминирующим, а тем более заставить отказаться от ведущего сценария усиления «Военно-силового противоборства»: процесс «усиления» может замедлиться или остановиться на время, — но не более того.

Силовые средства остаются основными при этом сценарии. Их «доля» во всем наборе силовых средств экспертами оценивается более чем в 70%, а собственно военная составляющая таких силовых средств, использовавшаяся для инспирирования нестабильности (около 30%), ограничена традиционными средствами и способами использования, а также угрозами разработки новых средств и способов применения вооруженных сил.

К концу 2016 года вероятность реализации такого варианта указанного Сценария развития МО рассматривается как невысокая. И не только потому, что тенденция развития МО в 2015–2016 годы набрала инерцию, но и потому, что она не вполне совпадает со стратегической целью западной ЛЧЦ — сохранением военно-политической и финансово-экономической систем, сложившихся в мире, в условиях усиления других ЛЧЦ и центров силы.

Вместе с тем полностью исключить это «относительно оптимистичный» вариант развития военно-силового сценария не следует потому, что приход к власти в ведущих странах Запада лидеров, склонных минимизировать глобалистский характер развития западной ЛЧЦ (не только Д. Трампа, но и других), может привести к деформации правящих элит и их сдержанному отношению к использованию военных средств из-за роста возможных рисков и вероятных крупных негативных последствий.

Вариант № 2 («наиболее реалистический»), инерционный. Предполагает сохранение сложившейся в 2014–2016 годы тенденции усиления военно-силового противоборства, когда происходит постепенное наращивание военных компонентов силовой политики западной ЛЧЦ и достаточно быстрое вытеснение ими других силовых (невоенных) средств — политико-дипломатических, экономических, информационных и др. В этом случае даже субъективное противодействие развитию этого варианта Сценария ряда факторов (например, приход Д. Трампа, смена приоритетов и т.д.), не повлияет в решающей степени на смену вектора развития базового Сценария и его варианта («инерционного») развития.

По оценкам экспертов Центра, в этом случае «доля» военных средств уже достигла к концу 2016 года 40–50% от общего числа силовых средств и имеет устойчивую тенденцию к усилению. Это проявляется, например, в усилении военной активности НАТО, развитии инфраструктуры блока, передислокации сил и средств, участии вооруженных сил США и НАТО во внешнеполитических операциях за рубежом, активизации военной деятельности в мире и в Европе⁷⁵.

Такой вариант военно-силового сценария уже был сформулирован в США и НАТО осенью 2014 года, но последующие годы показали, что его развитие идет даже с опережением данных прогнозов. Более того, этот вариант сценария доказал, что он имеет не просто инерцию, но и внутреннюю энергию, в том числе в части привлечения представителей правящих элит развитых стран Европы, Азии, Австралии, что будет препятствовать изменению его вектора в пользу других вариантов сценария.

Есть основания полагать, что эта тенденция сохранится, как минимум, на среднесрочную перспективу, что неизбежно должно в этом случае привести к постепенному переходу к варианту № 3 сценария «Военно-силового противоборства» уже в среднесрочной перспективе 5–7 лет. Поэтому представляется вполне обоснованным при подготовке Стратегии национальной безопасности России исходить, прежде всего, из «Варианта № 2» Сценария, как минимум, на среднесрочную перспективу до 2025 года. Это означает, повторю, что:

- отношение внутри правящей элиты и общества к состоянию и прогнозу развития МО в России должно быть изменено. Прежде всего с точки зрения состояния и перспектив отношений между российской и западной ЛЧЦ;

- исходить при подготовке федерального и консолидированного бюджетов из указанных выше оценок, с соответствующими корректировками пропорций и масштабов бюджетов;
- изменить политику управления и подготовки военной организации государства и нации к неизбежному усилению силового противоборства.

Вариант № 3 («пессимистический») развития сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» предполагает ещё более негативное и быстрое развитие «варианта № 2» Сценария в направлении военно-силового противоборства. Это означает неизбежное перерастание военно-силового противоборства (имеющего системный характер) в военное противоборство, при котором собственно военные средства будут иметь решающее значение, т.е. переход к военному конфликту и войне **уже в среднесрочной перспективе**. В этом случае «доля» военных средств в силовой политике будет колебаться (в зависимости от уровня эскалации) от 50 до 70%⁷⁶.

При этом этапы эскалации и масштабы этой военной эскалации значительно расширяют представления о содержании и особенностях развития «Варианта № 3» Сценария от пограничных с «Вариантом № 2» этапов использования военной силы в скрытых формах (террористической, экстремистской, поддержке вооруженной оппозиции и др.) до форм прямого и глобального применения военной силы.

Другими словами «Вариант № 3» предполагает обязательное дисперсное отношение к нему, а анализ и прогноз его отдельных этапов эскалации, условно можно разделить на следующие варианты развития стратегической обстановки, военных конфликтов и войн:

- «Вариант № 3», предполагающий локальное использование военной силы против России и ее союзников на отдельных ТВД (Европейском, Северокавказском, Среднеазиатском, Дальневосточном, Арктическом);
- «Вариант № 3», предполагающий использование военной силы на отдельных ТВД и в нескольких регионах одновременно (например, в Европе и Закавказье);
- «Вариант № 3», предполагающий использование военной силы в глобальном масштабе — от ограниченных воинских континентов до глобальной войны.

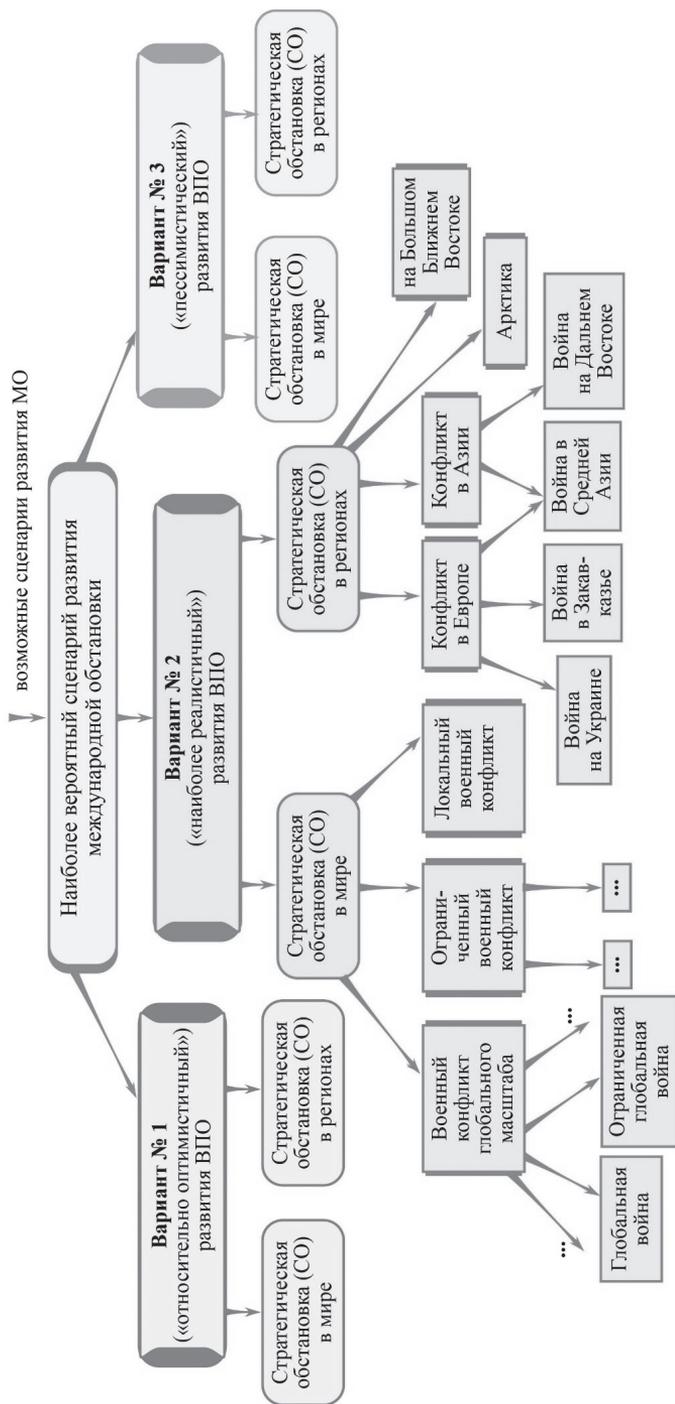

Рис. 2.16 Логическая модель трансформации конкретных вариантов различных сценариев развития МО – ВПО в варианты СО, военных конфликтов и войн

К началу 2017 года анализ всех трех вариантов развития ВПО, вытекающих из наиболее вероятного сценария развития МО показывает, что пока таким наиболее вероятным вариантом развития Сценария является «Вариант № 2», эволюционирующий в направлении «Вариант № 3» базового Сценария, т.е. «наиболее реалистичский» вариант.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что если не произойдет существенных изменений в МО в 2017–2020 годах, то прогнозируется постепенный переход Сценария от «Вариант № 2» к «Вариант № 3». Другими словами, существующее на рубеже 2016–2017 годов военно-силовое противостояние между ЛЧЦ (российской и западной, с одной стороны, исламской и западной, с третьей стороны) к 2020–2021 годам очень вероятно, даже почти неизбежно, выливается в открытый вооруженный конфликт в той или иной его форме — от локальной войны до глобального военного столкновения.

Наиболее вероятный сценарий развития МО и междивизициационных отношений, проанализированный и спрогнозируемый в результате проведенного исследования, также предполагает, что в долгосрочной перспективе возможно усиление конфликта сразу между несколькими ЛЧЦ, в основе которого находятся следующие базовые предпосылки:

- рост численности населения, его неравномерное распределение между новыми гигантами и центрами силы;
- ограниченность природных ресурсов, включая пресную воду, энергетические и продовольственные ресурсы;
- нарастание конкуренции в области национальных и цивилизационных систем ценностей, которую стремятся использовать в своих интересах отдельные акторы;
- обострение цивилизационного и национального конфликта интересов внутри ЛЧЦ, связанных с противоречиями глобализации;
- усиление противоречий между глобальными тенденциями и национальными, а также цивилизационными тенденциями, имеющими нередко прямо противоположный характер.

Это означает, что может произойти «смена приоритетов» в политике западной ЛЧЦ по отношению к другим ЛЧЦ, которая в 2017 году существовала в следующем виде (рис. 2.17):

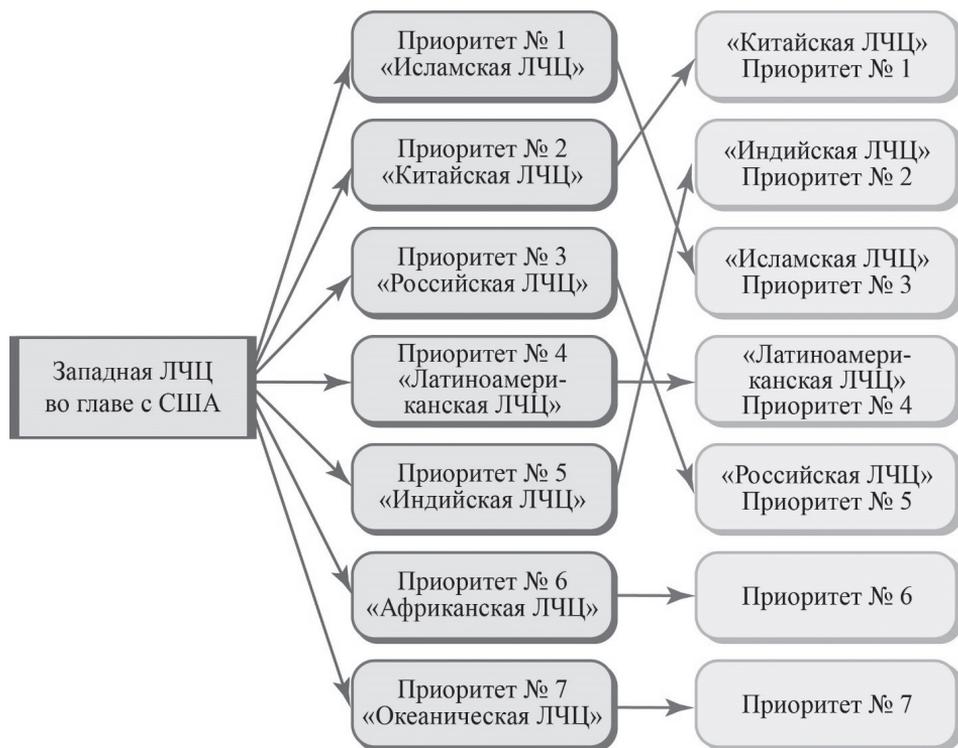

Рис. 2.17

Очевидно, что изменение в соотношении сил в мире и смена приоритетов западной ЛЧЦ самым радикальным образом может повлиять на формирование доминирующих сценариев развития МО и, как следствие, их вариантов, а также неизбежно отразится на состоянии СО, военных конфликтах и войн.

Наконец, следует отметить стремительное снижение эффективности политических процессов, направленных на урегулирование противоречий между субъектами и акторами МО и ВПО. К 2016 году существующие международные механизмы регулирования этих противоречий либо продемонстрировали вообще свою неэффективность, либо снизили реальную эффективность механизмов управления, что поставило всю цивилизацию перед угрозой потери остатков управляемости.

2.3.6). Необходимость поиска нетрадиционных средств противодействия развитию негативного варианта базового Сценария эволюции международной и военно-политической обстановки

... война — это не вооруженная борьба в чистом виде⁷⁷

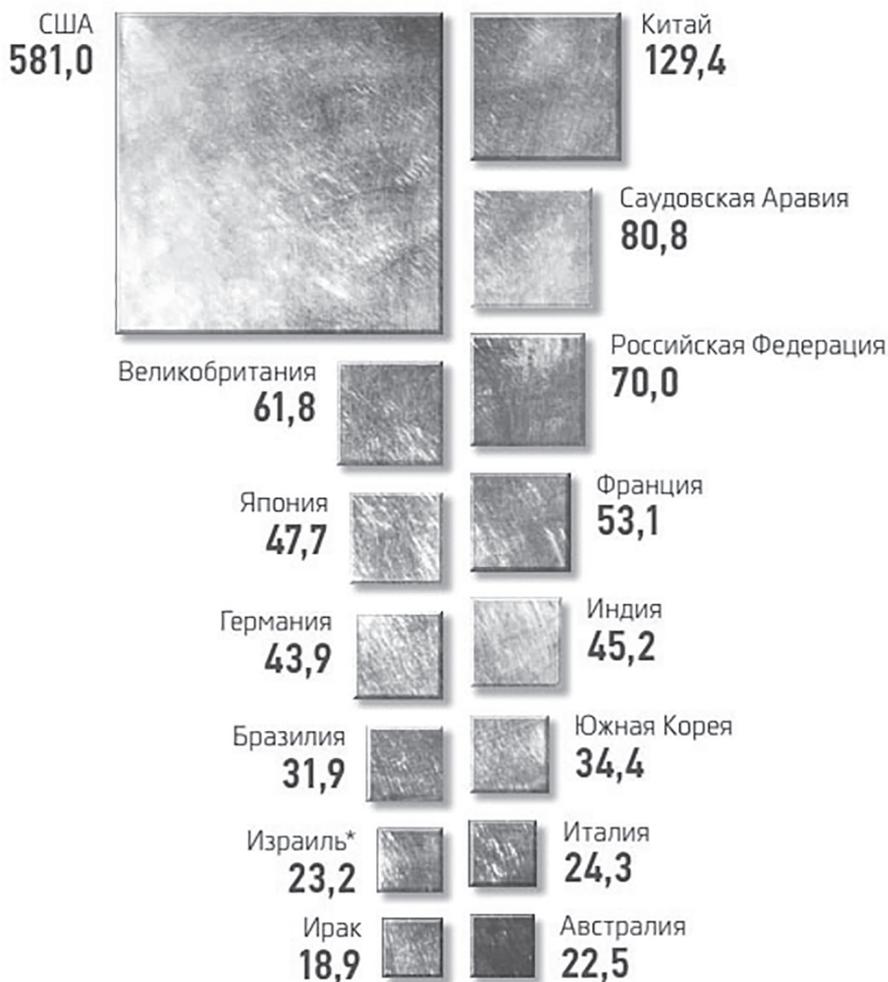
*И. Попов, М. Хамзатов,
военные эксперты*

Наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам⁷⁸

*Ян Моррис,
социолог*

Самый главный вывод для работы над повышением эффективности Стратегии национальной безопасности России заключается в том, что новые внешние условия, угрозы, силовые средства и способы использования требуют поиска таких же новых, нетрадиционных средств, способов и приемов противодействия⁷⁹. К сожалению, как отмечали не раз авторитетные представители российской политической и военной науки, мы по-прежнему готовимся не к будущим, а к прежним войнам, конфликтам и вариантам противоборства: «... отечественная военная мысль, — по справедливым словам военного эксперта генерала И.Н. Воробьева, — боится заглядывать в будущее, а военная наука предпочитает в основном анализировать опыт прошлого...»⁸⁰

В начале 2017 года вплотную встала проблема повышения эффективности российской стратегии противоборства в том виде как она была сформулирована в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации утвержденной Указом В.В. Путина 31 декабря 2015 года⁸¹. Необходимо было ответить на целый ряд очень острых вопросов, суть которых в итоге сводилась к тому, чтобы повысить эффективность защиты системы ценностей и интересов России в условиях очевидного несоответствия ресурсов России и Запада.

* включая военную помощь от США по программе US Foreign Military Assistance.

Примечание: Показатели сформированы на основании среднего рыночного курса доллара США за 2014 год по данным МВФ. Относительные показатели и позиции стран могут варьироваться по причине непосредственного внесения изменений в бюджеты стран, а также ввиду колебаний курсов национальных валют по отношению к доллару США. Использование средних рыночных курсов валют минимизирует данные колебания, однако в некоторых случаях они все же могут оказывать существенное влияние на позиции стран в рейтинге.

Рис. 2.18 Сравнение 15 ведущих военных бюджетов мира в 2014 году, млрд долл.⁸²

Что выражается даже в простом сопоставлении 15 ведущих военных бюджетов мира в 2014 году (в млрд. долл.) (рис. 2.18).

Достаточно успешная реализация первых пяти лет ГПВ 2020, конечной целью которой заявлялось обновление ВВСТ на 70% к 2020 году, отнюдь не означает, что существует потребность. И не только по своим ресурсам, но и по целям, и средствам, и способам их использования.

В результате исследования был сделан самый общий вывод о том, что наиболее вероятный вариант базового сценария развития международной обстановки, из перспектив которые следует исходить, обусловлен доминированием двух групп факторов:

Во-первых, существующей эволюцией развития наиболее вероятного сценария МО и вытекающего из его вариантов сценариев развития военно-политической обстановки, которые развиваются в военно-силовом направлении. Международная обстановка — во всем множестве ее конкретных вариантов — является обязательным условием развития того или иного варианта конкретного сценария ВПО, а те, в свою очередь, различных вариантов СО, конфликтов и войн. Таким образом, общая тенденция усиления развития доминирующего базового и наиболее вероятного Сценария МО, вытекающего из стремления западной ЛЧЦ сохранить свой контроль над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире, диктует неизбежность силового противоборства ЛЧЦ, а также во многом предопределяет вероятность и логику развития ВПО в мире и ее конкретных вариантов, выраженных в СО, конфликтах и войнах.

Это означает, что в обозримой перспективе России предстоит участвовать в конфликте между ЛЧЦ в целях защиты своей идентичности и национальных интересов. В самом лучшем случае, если такое участие ограничится участием «на вторых ролях» потому, что борющиеся ЛЧЦ — китайская, западная, исламская, возможно, индийская, по своим демографическим, экономическим и военным параметрам вполне сопоставимы между собой, но не с российской (которая по основным показателям: населения, ВВП, военным расходам и пр.). России требуется, во чтобы то ни стало, «отойти на второй план» из эпицентра конфликта цивилизаций.

Соответственно и стратегия национальной безопасности должна исходить из потребностей развития при сохранении национальной идентичности и защиты системы ценностей. При этом решающая роль в таком опережающем развитии будет принадлежать:

- количеству и качеству российского человеческого капитала;
- институтам развития НЧК.

Во-вторых, усиление влияния субъективных факторов, характерное для анализа и стратегического прогноза МО, особенно ускорилось в XXI веке в связи с быстрым ростом значения человеческого капитала и его институтов. Каждая СО, как и каждый военный конфликт или война, — уникальны и неповторимы. Опыт, знания, интуиция и другие, относительно постоянные факторы формирования МО и ВПО, как показывает история, не позволяют прогнозировать точное развитие конкретной СО, а тем более войн и конфликтов, но только основные тенденции и направленность в их развитии. Что в общем-то, тоже немало, если уметь пользоваться этими результатами.

Изучение конкретной СО, а тем более стратегический прогноз развития ее различных вариантов, предполагает вычленение многочисленных особенностей самых разных способов противоборства вариантов войн, конфликтов и конкретной стратегической обстановки, а также субъективных и иррациональных особенностей, которые предоставляют положительный и необходимый опыт, но не могут являться, строго говоря, прогнозом развития конкретной СО.

Программный алгоритм автоматической оценки состояния стабильности системы международных отношений, созданный в результате исследования, предполагает постоянный мониторинг и внесение корректив в состояние факторов определяющих МО и ВПО, и их взаимодействие между собой. В этом смысле «автоматический» характер алгоритма предполагает, что состояние сотен и тысяч факторов МО–ВПО и их соотношение между собой находится под постоянным контролем, исключающим качественные изменения в короткие сроки⁸³.

На основе анализа и долгосрочного прогноза развития МО–ВПО исследователями разработаны конкретные рекомендации и новый вариант Стратегии национальной безопасности, учитывающий наиболее вероятные варианты развития сценария МО и вытекающие из него варианты развития ВПО, а также определенное число наиболее типовых и вероятных конкретных вариантов развития СО, войн и конфликтов⁸⁴.

Такой новый вариант Стратегии национальной безопасности в концептуальном виде оформлен и опубликован в двух соответствующих аналитических докладах, в которых, естественно, не приводятся все многочисленные детали и рекомендации, в особенности те из них, которые имеют относительно частный характер.

2.4. «Стратегия противоборства» и «стратегия управления»: две стратегии национальной безопасности России в XXI веке

... в 1991 г., потерпев поражение, мы не просто стали другим государством или другими пятнадцатью государствами, мы стали государствами, получившим внешнее управление⁸⁵

Е. Федоров

В политическом и военном руководстве США сформировалась стратегия войны нового типа, нацеленная не на разгром противника, а на его «удушение»⁸⁶

*А. Гилёв,
военный эксперт*

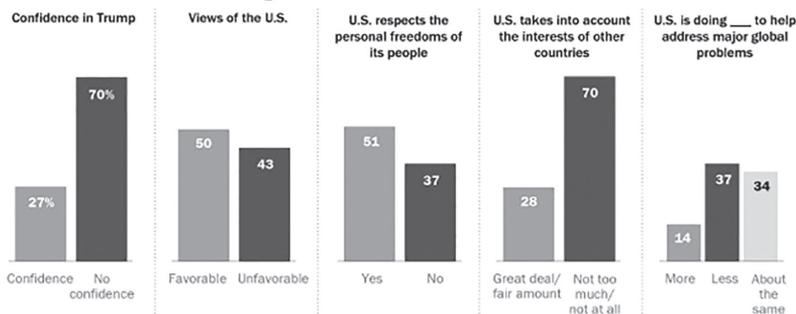
Выбор той или иной стратегии безопасности государства зависит от многих факторов, но в максимальной степени от внешних условий формирования международной обстановки и вытекающих из нее условий обеспечения безопасности⁸⁷. Кроме того, выбор стратегии зависит от имеющихся в распоряжении национальных ресурсов — как готовых к применению (факторов), так и потенциальных. По существу именно эти две группы факторов — внешняя и внутренняя — задают основные условия решения задачи. Так, если упрощенно говорить о задаче формирования эффективной стратегии России, то в 2018 году можно констатировать, что внешние условия стремительно ухудшаются для России, происходит эскалация военно-силовой политики и укрепление антироссийского военно-политической коалиции, а с точки зрения национальных ресурсов — Россия находится фактически в состоя-

нии стагнации и нарастающего отставания от развитых стран, которые характеризуются как низкими темпами роста НЧК, так и ВВП страны.

Рейтинг Трампа в мире остается низким, особенно среди ключевых союзников США («Pew research center», США).

Авторитет Америки в мире резко упал после избрания президента Дональда Трампа — на фоне широко распространенного несогласия с политикой его администрации и отсутствием уверенности в нем как в лидере. Теперь, когда приближается вторая годовщина избрания Трампа, новое исследование, проведенное аналитическим центром «Пью Рисеч Сентер» (Pew Research Center) в 25 странах, показало, что уровень популярности Трампа в мире остается низким, а рейтинг США сегодня гораздо ниже рейтинга США в период администрации Барака Обамы.

America's international image in 2018

Note: Percentages are medians based on 25 countries.
Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey. Q17a, Q30b, Q35a, Q38 & Q39.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.19 Восприятие Америки в мире по результатам исследований 2018 года.

Как показал опрос, международная общественность также испытывает серьезную тревогу в связи с ролью Америки в международных делах. Большинство респондентов считают, что США не учитывают интересы других стран в процессе принятия внешнеполитических решений. Многие считают, что сегодня США прикладывают меньше усилий для решения международных проблем, чем прежде. Кроме того, есть признаки того, что мягкая сила Америки тоже постепенно иссякает — включая тот факт, что, хотя США пока сохраняют репутацию страны, уважающей личную

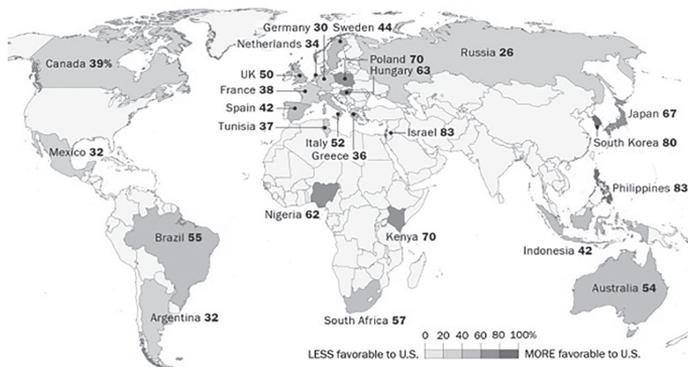
свободу, сегодня в это верит меньше людей, чем еще десять лет назад.

Хотя восприятие США в мире в целом все же остается положительным, различия в восприятии между отдельными странами оказалось довольно значительным. 10 из 25 стран, принявших участие в исследовании в этом году, — это страны Евросоюза, и в них в среднем только 43% опрошенных относятся к США положительно. Между тем в четырех странах Азиатско-Тихоокеанского региона подавляющее большинство респондентов сообщили о своем положительном отношении к США, включая 83% филиппинцев, среди которых рейтинг США оказался одним из самых высоких. США также получили высокую оценку от Южной Кореи, где к США положительно относятся 80% респондентов и где доверие к политике президента Трампа за последний год выросло с 17% до 44%.

Отношение в США в странах Африки южнее Сахары в основном положительное: в ходе опроса кенийцы, нигерийцы и южноафриканцы выразили в основном положительное отношение к США. Три страны Латинской Америки продемонстрировали различия в их отношении к США: бразильцы давали США в основном положительные оценки, в то время как аргентинцы и мексиканцы — в основном негативные. Две ближневосточные страны, принявшие участие в исследовании, — Израиль и Тунис — дали абсолютно противоположные оценки США.

Favorable views of U.S. prevail in many countries

Favorable view of the U.S.

Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey, Q17a.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.20

Несмотря на то, что имидж Америки немного испортился после избрания Трампа, в целом США все еще получают достаточно много положительных оценок: в 25 странах, принявших участие в исследовании, в среднем 50% респондентов заявили о своем положительном отношении к США, а об отрицательном отношении сообщили 43% респондентов. Однако в среднем всего 27% выразили уверенность в том, что президент Трамп принимает правильные решения в международных делах, а 70% заявили о своем недоверии к нему.

Недовольство и разочарование США и Трампом особенно широко распространены в странах, являющихся ближайшими союзниками и партнерами США. В Германии, где всего 10% респондентов выразили уверенность в правильности действий Трампа, три человека из четырех сказали, что сегодня США прикладывают меньше усилий для решения глобальных проблем, а доля тех, кто убежден в том, что США уважают личные свободы, снизилась на 35 процентных пунктов по сравнению с 2008 годом. Во Франции только 9% верят в Трампа, тогда как 81% опрошенных убеждены, что США не учитывают интересы других стран, таких как Франция, в процессе принятия внешнеполитических решений.

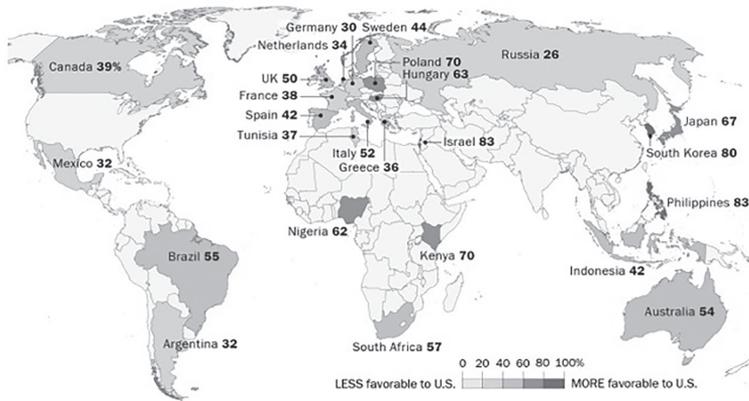
Критическое отношение к США также широко распространено среди ближайших соседей Америки. Только 25% канадцев оценивают Трампа положительно, а 63% убеждены, что сегодня США делают гораздо меньше для решения глобальных проблем, чем прежде. 82% канадцев считают, что США игнорируют интересы Канады в процессе принятия решений. Между тем самый низкий рейтинг Трампа оказался в Мексике, где только 6% респондентов выразили уверенность в правильности его политики.

Исключением из этого правила стал Израиль. Спустя год после того, как администрация Трампа спровоцировала массу споров, перенеся посольство США из Тель-Авива в Иерусалим, рейтинг Трампа повысился с 56% в 2017 году до 69%.

Мнения международной общественности о силе и влиянии США в мире разделились. В 25 странах, где проводилось исследование, в среднем 31% респондентов считают, что сегодня США играют более

Favorable views of U.S. prevail in many countries

Favorable view of the U.S.

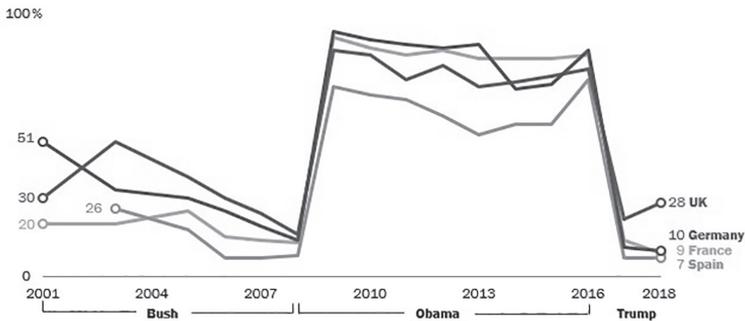
Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey, Q17a.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.21

Confidence in Trump remains low in key EU countries

Confidence in the U.S. president to do the right thing regarding world affairs

Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey, Q35a.

PEW RESEARCH CENTER

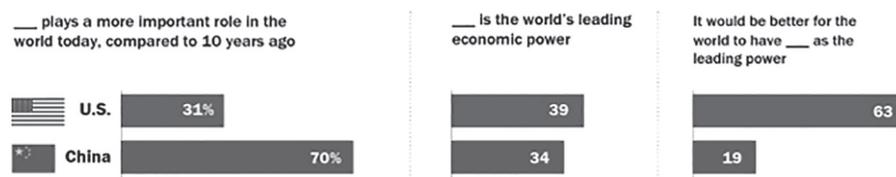
Рис. 2.22

важную роль в мировых делах, чем десять лет назад, 25% считают, что роль США в мировых делах уменьшилась, а 35% убеждены, что США сегодня играют такую же роль в мире, как и десять лет назад. Между тем отношение мировой общественности к мощи Китая более определено:

в среднем 70% респондентов считают, что роль Китая на международной арене за последние десять лет выросла. Тем не менее, число респондентов, называющих США ведущей экономической державой в мире, немного превышает число тех, кто считает такой державой Китай (39% считают, что это США, и 34% — Китай).

Кроме того, несмотря на недовольство, которое многие сейчас испытывают в связи с поведением США, большинство респондентов все еще находят идею миропорядка во главе США более предпочтительной. На вопрос, какую страну они предпочли бы видеть в роли ведущей мировой державы — Китай или США, респонденты практически во всех странах выбрали США. Это было особенно характерно для некоторых стран-соседей Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, таких как Япония, Филиппины, Южная Корея и Австралия.

How people see the balance of power between the U.S. and China

Note: Percentages are medians based on 25 countries.
Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey. Q29, Q31, Q32a & Q33.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.23

Ниже приведены основные выводы, сделанные в результате исследования аналитического центра Pew, которое проводилось с 20 мая по 12 августа 2018 года в 25 странах с участием 26 112 респондентов. В разделах 3, 4 и 5 были дополнительно использованы данные исследования Pew, которое проводилось с 14 мая по 15 июня 2018 с участием 1,5 тысячи взрослых американцев.

Наиболее негативные оценки США получили в Европе.

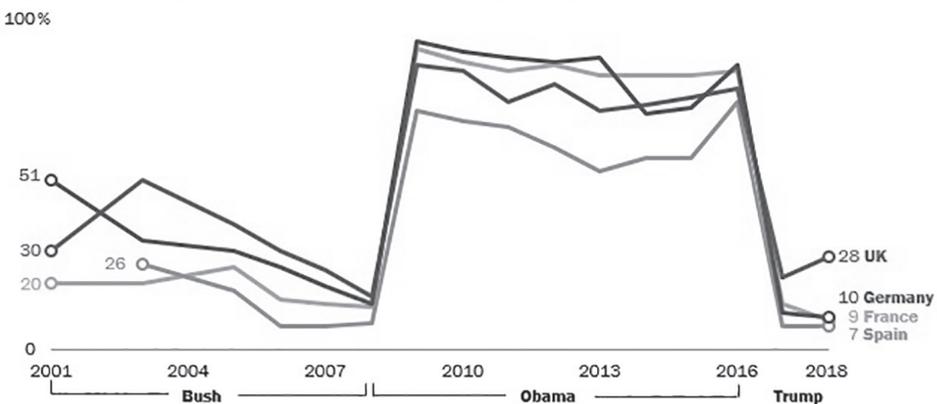
Хотя восприятие США в мире в целом все же остается положительным, различия в восприятии между отдельными странами оказалось довольно значительным. 10 из 25 стран, принявших участие в исследова-

нии в этом году, — это страны Евросоюза, и в них в среднем только 43% опрошенных относятся к США положительно. Между тем в четырех странах Азиатско-Тихоокеанского региона подавляющее большинство респондентов сообщили о своем положительном отношении к США, включая 83% филиппинцев, среди которых рейтинг США оказался одним из самых высоких. США также получили высокую оценку от Южной Кореи, где к США положительно относятся 80% респондентов и где доверие к политике президента Трампа за последний год выросло с 17% до 44%.

Отношение к США в странах Африки южнее Сахары в основном положительное: в ходе опроса кенийцы, нигерийцы и южноафриканцы выразили в основном положительное отношение к США. Три страны Латинской Америки продемонстрировали различия в их отношении к США: бразильцы давали США в основном положительные оценки, в то время как аргентинцы и мексиканцы — в основном негативные. Две ближневосточные страны, принявшие участие в исследовании, — Израиль и Тунис — дали абсолютно противоположные оценки США.

Confidence in Trump remains low in key EU countries

Confidence in the U.S. president to do the right thing regarding world affairs

Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey, Q35a.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.24

Страной, которая поставила США самую низкую оценку и в которой уровень положительного отношения к США за последний год снизился заметнее всего, стала Россия. Только 26% россиян относятся к США положительно — для сравнения, в 2017 году их доля составляла 41%. 55% россиян утверждают, что за последний год отношения между странами испортились, а доля респондентов, относящихся к Трампу положительно, уменьшилась с 53% до 19%.

Положительные оценки для Меркель и Макрона, низкие оценки для Си, Путина и Трампа.

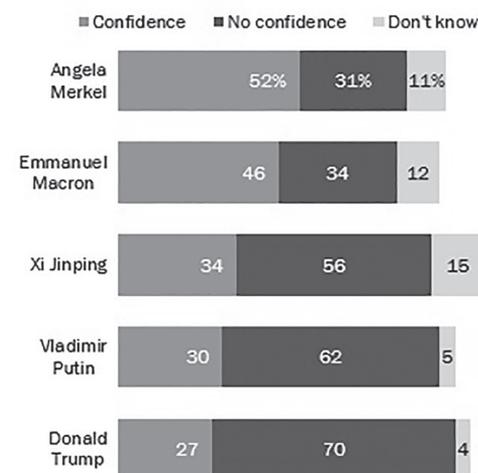
В рамках исследования было изучено отношение респондентов к пяти мировым лидерам, и среди них самый низкий рейтинг оказался у Трампа. В среднем 70% опрошенных из 25 стран сообщили о своем недоверии к американскому лидеру. Российский лидер Владимир Путин и китайский лидер Си Цзиньпин тоже получили в основном негативные оценки.

Между тем отношение опрошенных к канцлеру Германии Ангеле Меркель и президенту Франции Эммануэлю Макрону оказалось в основном положительным. Оба лидера пользуются популярностью в Европе, хотя внутри Евросоюза есть некоторые расхождения: Меркель и Макрон получили достаточно высокие оценки на севере Европы и менее высокие оценки в Восточной и Южной Европе.

Отношение европейцев к Трампу оказалось чрезвычайно негативным, особенно если сравнивать его рейтинг с рейтингом его предшественника. Если посмотреть на данные из тех четырех европейских стран, в которых аналитический центр «Пью» регулярно проводил свои исследования с 2003 года, можно увидеть четкую тенденцию касательно восприятия американских президентов. Джордж Буш-младший, чья политика не пользовалась популярностью в Европе, имел низкий рейтинг в период своего президентства, тогда как Барак Обама, чья политика была популярна среди европейцев, имел достаточно высокий рейтинг в этих четырех странах. После выборов 2016 года уровень доверия к американскому президенту резко упал, и рейтинг Трампа сейчас очень похож на рейтинг Буша ближе к концу его президентского срока (хотя в этом году в Соединенном Королевстве рейтинг Трампа слегка вырос).

Merkel and Macron viewed with more confidence internationally than Xi, Putin or Trump

Confidence in ___ to do the right thing regarding world affairs

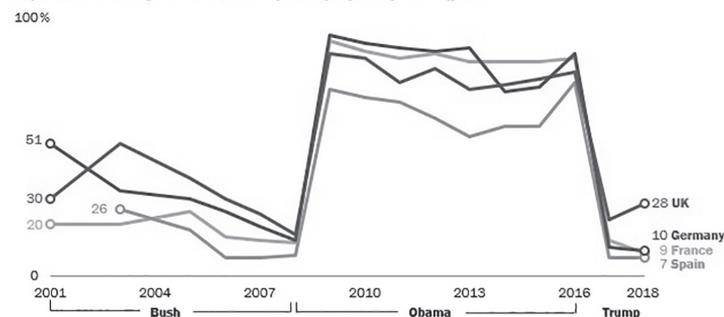
Note: Percentages are medians based on 25 countries.
Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey, Q35a-e.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.25

Confidence in Trump remains low in key EU countries

Confidence in the U.S. president to do the right thing regarding world affairs

Source: Spring 2018 Global Attitudes Survey, Q35a.

PEW RESEARCH CENTER

Рис. 2.26

В некоторых европейских странах Трамп получил более высокие оценки от сторонников правых популистских партий. К примеру, в Великобритании среди респондентов, поддерживающих Партию независимости Соединенного Королевства, 53% выразили доверие к Трампу, а среди тех, кто не поддерживает взгляды этой партии, доверие к Трампу выразили только 21%. Подобные различия существуют также среди сторонников и противников популистских партий правого крыла в Швеции, Франции, Италии, Нидерландах и Германии. Однако стоит отметить, что помимо Соединенного Королевства больше нет ни одной европейской страны, где больше половины сторонников популистских партий правого крыла выразили бы доверие к Трампу.

2.4.a). **Неизбежность смены национальной стратегии**

Стратегия — «практическое применение средств, переданных в распоряжение полководца для достижения поставленной цели»⁸⁸

*Мольтке,
немецкий фельдмаршал*

Если говорить коротко с точки зрения неизбежности смены стратегий безопасности в XXI веке, то такая смена стратегий национальной безопасности, как уже говорилось, находится в зависимости от:

- интересов, приоритетов и формируемых на их основе национальной элитой политических целей;
- внешних условий существования объекта;
- национальных (и, когда есть, коалиционных) ресурсов;
- наконец, способностей правящей элиты адекватно оценить все эти факторы.

Рассмотрим коротко с этой точки зрения все составляющие, начиная с национальных ресурсов. С точки зрения ресурсов, имеющих в распоряжении России (а коалиционные ресурсы и их возможности использования я оцениваю скептически), их оценка сама по себе представляет не простую задачу потому, что нужно оценить все виды потенциальных ресурсов и реальных возможностей не только государ-

ства, но и всего общества, включая бизнес, а также НЧК. Именно это наша правящая элита и не делает, полагаясь только на государственные ресурсы (и то, далеко не все). Для наших целей сейчас, однако, важна не точность оценки ресурсов — это отдельная и большая тема, — а признание того, что **наши ресурсы не сопоставимы** с ресурсами наших потенциальных противников в лице западной военно-политической коалиции⁸⁹.

Самый простой вариант оценки ресурсов России (и самый не точный) — по выделенным на оборону и безопасность расходам. Тем не менее, он может дать самые общие представления о возможностях страны. Так, в бюджете на 2019 год расходы исполнительной власти распределялись следующим образом: Больше всего в России, как правило, тратится на социальную сферу. В 2019 году планировалось направить на программы в этом направлении — 4,89 трлн. рублей из всего расходного пула в 18 трлн. рублей. На втором месте — экономика — 2,655 трлн. рублей. На третьем месте — безопасность и правоохранительная деятельность — 2,247 трлн. рублей. Другими словами, на внешнюю оборону и внутриполитическую стабильность выделялось 2 247 млрд. руб. или порядка 40 млрд. долл. С точки зрения мировых расходов, — это очень маленькая величина, которая значительно меньше, чем аналогичные расходы Великобритании, Японии, Франции и даже Саудовской Аравии. По сравнению с военным бюджетом США, составляющем только по линии Минобороны страны 719 млрд. (плюс еще более 200 млрд. по другим министерствам), и союзникам США по военно-политической коалиции — странам-членам НАТО, Японии, Австралии и пр. государствам — эти общие военные расходы могут приближаться к 1500 млрд., т. е. могут быть примерно в 40 раз больше российских.

При этом в российском бюджете выделяется ряд наиболее приоритетных направлений, по которым концентрируются государственные инвестиции: общий объем финансирования нацпроектов и модернизации и расширения магистральной инфраструктуры РФ в 2019–2024 годах составит 13,11 трлн. руб. На нацпроект «Демография» будет направлено 2,9 трлн. руб., на «Здравоохранение» — 1,34 трлн. руб., на «Образование» — 688 млрд. руб., на « Науку» — 387 млрд. руб., на

«Культуру» — 100 млрд. руб., на «Экологию» — 636 млрд. руб.⁹⁰. По сути дела, это расходы на развитие НЧК и его институтов. Расходы относительно небольшие, совершенно не сопоставимые с потребностями общества, но которые нельзя сократить даже в интересах безопасности, не нанося прямого ущерба социально-экономическому развитию.

Таким образом, Россия не может увеличить свои национальные расходы на безопасность, и обречена на отставание от своих оппонентов в ещё большей степени по мере роста военных расходов стран-членов НАТО, Японии, Австралии и других союзников США.

Россия не располагает в настоящее время сколько-нибудь мощными военно-политическими союзниками за исключением определенных (не ясных до конца) возможностей стран-участниц ОДКБ. Вместе с тем, теоретически остаются возможности союзнических отношений с новыми центрами силы в лице КНР, Индии, Пакистана и исламских государств, а также некоторых других государств мира.

Другая группа факторов — внешние факторы, меняющие стремительно МО и ВПО обстановку в наше время. Нарастающие внешние угрозы требуют от России какого-то адекватного ответа. Стремительно меняющаяся международная обстановка во втором десятилетии XXI века ставит совершенно по-новому важнейшие вопросы, связанные с формированием соответствующей стратегии национальной безопасности не только России, но и других ведущих государств-участниц, формирующих в основном систему международных отношений⁹¹. Следует в этой связи, прежде всего, понимать, что эти изменения в МО — во многом следствие еще более масштабных изменений в развитии всей человеческой цивилизации и отношений между её частями — локальными человеческими цивилизациями⁹². Они вызваны изначально переходным периодом («фазовым переходом») от одной общественно-экономической формации и технологического уклада к другой⁹³, но находятся под влиянием и многих других, в т.ч. субъективных факторов.

Этот процесс неизбежно ведет в XXI веке к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, отношения между субъектами и акторами, формирующими

международную и военно-политическую обстановки. Формируется не только совершенно **новая международная реальность**, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития⁹⁴, а каждая новая парадигма, естественно, ведет к смене парадигмы **безопасности и необходимости корректировки стратегии**. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведет к политическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности: политической, экономической, безопасности. Формальная логика этого процесса, на мой взгляд, выглядит следующим образом: выбор конкретного варианта стратегии предопределён развитием объективных условий существования нации, но он может на какое-то время остаться в рамках традиционной парадигмы («стратегического сдерживания»), превращаясь со временем (но достаточно быстро) во всё менее и менее эффективную стратегию.

Причем, надо иметь в виду, что смена стратегий может происходить в самых разных условиях развития МО и ВПО в мире, в т.ч. конфликтных⁹⁵. Во-первых, совершенно не обязательно, что этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII веках в ряде стран он закончился положительно, но до этого — в начале тысячелетия, — в Римской империи, — он отнюдь таковым не оказался, чему справедливо соответствуют, прежде всего, разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разная). Другими словами, от **качества правящих элит и эффективности управления**, видимо, зависит сама возможность перехода цивилизаций из одного состояния в другое⁹⁶. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и России, в частности.

Во-вторых, такой переход неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений — экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он в принципе не может быть плавным, безболезненным,

бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает роль силовых инструментов, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений между субъектами и акторами МО приобретают откровенно силовой, более того, военно-силовой характер⁹⁷.

Всё это означает, что правящие элиты государств должны тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и их вариантов, а, главное, своевременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности⁹⁸, внешней политики⁹⁹ и военные доктрины¹⁰⁰, а также Доктрины информационной безопасности¹⁰¹, Стратегии научно-технологического развития¹⁰². Примечательно, что о последнем, самом важном в условиях переходного периода документе (принятом одновременно с другими), до сих пор почти ничего не говорилось. А зря, ведь именно от успеха в его реализации, как увидим ниже, в наибольшей степени будет зависеть национальная безопасность России в условиях переходного периода от одной экономической, технологической и общественно-политической формации к другой, ибо условия такого перехода будут предопределяться научно-технологическими особенностями.

Стратегия национальной безопасности России конкретизируется в целом ряде документов, которые, как известно, концептуально именно так и выстраивают последовательность принятия и логику этих документов (хотя и не всегда, как видно, в строгом порядке и вовремя)¹⁰³, предполагая максимально полные, конкретные ответы на соответствующие основные вопросы обеспечения безопасности. При этом ответы на эти частные вопросы могут не вытекать из принятой парадигмы и общего подхода. Так, например, в новой редакции Концепции внешней политики России говорится о том, что «В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов... внешнеполитическая деятельность направлена на выполнение следующих основных задач:

- а) обеспечения безопасности страны, её суверенитета и территориальной целостности, укрепления правового государства и демократических институтов;
- б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого ро-

ста и повышения конкурентоспособности экономики России... и т.д., вплоть до подпункта «л»¹⁰⁴.

Между тем это традиционное определение приоритетов вызывает вопросы принципиального характера, непосредственно влияющие на приоритеты национальной безопасности. Вот лишь некоторые из них:

1. В условиях нарастающей борьбы за сохранение национальной идентичности и системы ценностей, не являются ли именно они наиболее приоритетными целями, а не традиционные цели обеспечения безопасности государства, о которых мы постоянно говорим (демократия, правовое государство и т.д.)?

От этого непосредственно зависит внешнеполитический курс страны, выбирающей каждый раз между укреплением системы национальных ценностей и интересами, и другими приоритетами.

Так ли, уж, важен традиционно повторяемый приоритет «укрепления правового государства» и «демократических институтов» для целей национальной безопасности? Не важнее ли приоритет обеспечения «традиционных ценностей» и «национальных институтов»? Представляется, что Россия долгие годы с начала перестройки жертвовала национальными интересами и ценностями в интересах демократии и правового государства, включая уступками в области национального законодательства.

2. Вряд ли можно согласиться, когда на самом высоком по приоритетности месте внешней политики ставятся задачи «устойчивого роста» и «конкурентоспособности»¹⁰⁵. Прежде всего, не всегда понятно, что такое «устойчивый рост»: если это тот самый рост в 1-2% , который нам планирует правительство, то является ли этот приоритет важным в условиях нарастающего отставания?

Другими словами Концепция внешней политики России не развивает и конкретизирует положения Стратегии национальной безопасности, а повторяет (а иногда и просто искажает) их¹⁰⁶. Она является хорошо проработанным консервативным документом, отражающим реалии конца 90- х годов, когда в России и МИД стали задумываться о национальных интересах.

Именно поэтому, представляется важным именно сегодня рассмотреть некоторые наиболее сложные вопросы обеспечения националь-

ной безопасности в комплексе, системно, вместе с вопросами защиты национальных ценностей и обеспечения опережающего развития. Прежде всего, потому, что они выступают наиболее общими и системными вопросами обеспечения именно национальной безопасности. К числу таких наиболее актуальных вопросов, относящихся не только собственно к Стратегии национальной безопасности, но и вытекающим из неё частным концепциям, на мой взгляд, следует отнести следующие:

- формирование стратегии национальной безопасности базируется на оценке и прогнозе только внешних и внутренних угроз и внешних опасностей (как сегодня) или на анализе и долгосрочном прогнозе обеспечения национальных интересов и системы ценностей?¹⁰⁷ Насколько обоснованы современные интересы национальной безопасности и их приоритетность с точки зрения необходимости их безусловной защиты?
- защита от внешних угроз (или все-таки защита интересов?) происходит исключительно ответными средствами противоборства (стратегического сдерживания) или выбором такой стратегии поведения, при которой реакция на эти опасности и угрозы может быть самая разная, вплоть до игнорирования некоторых мнимых опасностей и потребностей противоборства? Иначе говоря, может ли стратегическое сдерживание включать в себя набор не только оборонительных, но и наступательных действий, активных мероприятий и других шагов для защиты интересов безопасности?
- каким образом эффективно защититься России от внешних опасностей и угроз (или отстаять национальные интересы), обладая заведомо более слабыми ресурсами и возможностями, когда анализ соотношения сил в настоящее время и в будущем категорически не в нашу пользу? и какие интересы являются наиболее приоритетными, требующими, прежде всего, защиты?
- наконец, что практически будет означать в будущем для России успешная (эффективная) стратегия национальной безопасности? Только ли, как это говорится в Стратегии, защита суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод, или, прежде всего, национальной идентичности и системы ценностей?

2.4.6). Стратегическое сдерживание¹⁰⁸ или стратегическое управление¹⁰⁹ в условиях переходного периода?

... инсценированные угрозы, благодаря манипулятивному воздействию на сознание людей, могут превращаться в реальные опасности имеющие тенденцию распространяться по времени и охватывать все новое пространство¹¹⁰

*С. Кравченко, А. Подберезкин,
исследователи-политологи*

Как уже говорилось выше, неизбежная смена формаций и сценариев развития МО–ВПО в XXI веке ведёт к смене парадигм безопасности и такой же неизбежной смене стратегий национальной безопасности. Существующая современная стратегия национальной безопасности России, утвержденная Президентом РФ 31 декабря 2015 года, отражает реалии прежних лет, но не направлена на современные (а тем более будущие) реалии переходного периода. Более того, эти реалии толком даже не изучены и есть основания говорить о том, что они не вполне известны, а, значит, могут быть крайне опасны. По сути, речь идет о том, что разрабатывая ответные меры, мы можем не вполне отдавать себе отчет о том, каким интересам, целям, угрозам и опасностям они соответствуют.

Сегодня Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹¹¹ основана на концепции стратегического сдерживания, предполагающей «своевременные и эффективные ответные действия с использованием всего спектра средств — политических, экономических информационных и военных для предотвращения и отражения агрессии»¹¹².

Эта концепция, безусловно, отражает определенный уровень современного состояния МО и ВПО и современное понимание правящей элитой поведения России в этих условиях. Но именно «определенный уровень». Однако ситуация в мире стремительно осложняется, что подтверждается её опасным и стремительным развитием в самые последние (2014–2015) годы, позволяя делать вывод о стремительном сползании

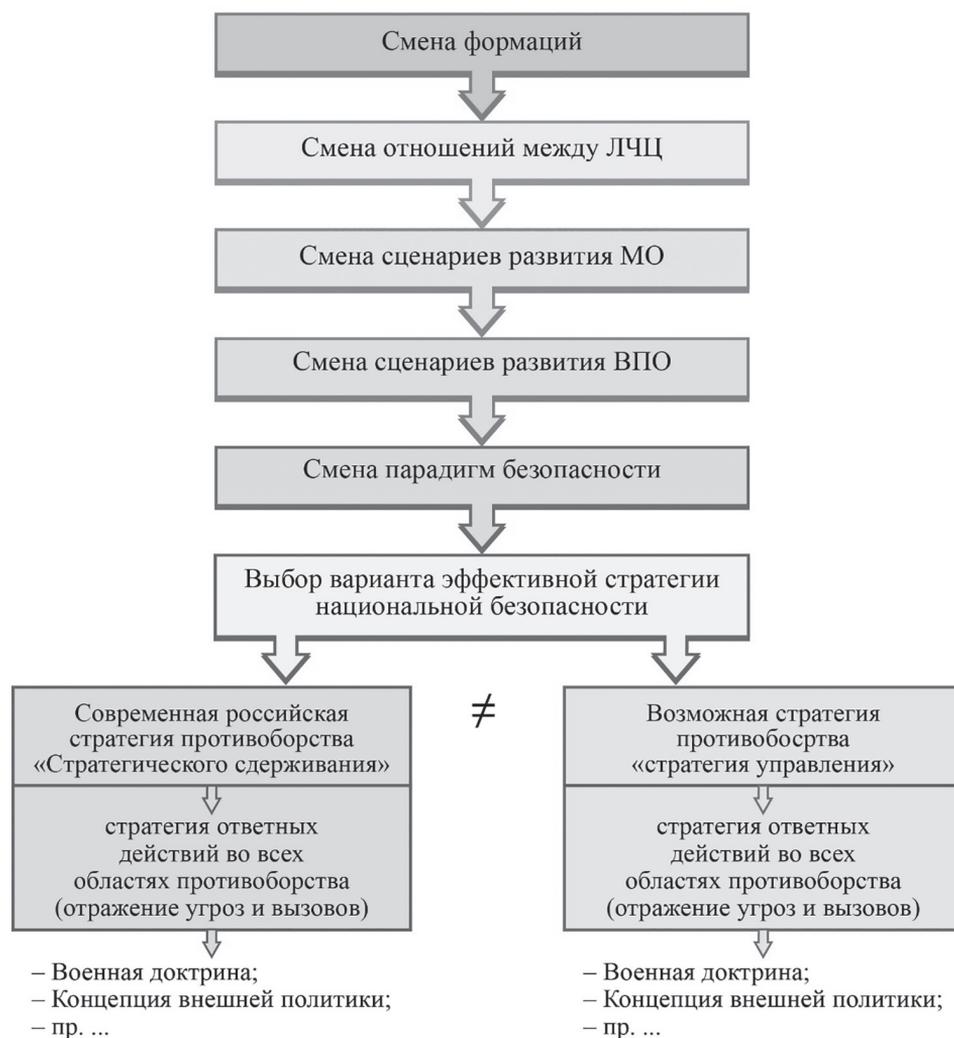

Рис. 2.27 Логика процесса смены парадигм безопасности

к военно-силовому сценарию уже сегодня¹¹³. Соответствует ли нынешняя Стратегия этой тенденции?

Следует подчеркнуть, что она меняется качественно в самых различных областях, осложняя традиционные и создавая новые опасности и угрозы, что хорошо видно на примере такого ставшего уже традиционной угрозой феномена как международный терроризм, который

в действительности в последние годы превратился в системное средство политики западной военно-политической коалиции и локальной цивилизации, а не некое противоправное явление¹¹⁴.

Причем если прежде такие специальные операции тщательно скрывались (как минимум, отрицались), то сегодня они стали политической реальностью, о которой говорят (например, как о поддержке США ИГИЛ) открыто официальные лица на уровне госсекретаря и министра обороны США¹¹⁵. Это привело к естественному и закономерному росту численности и масштабов террористических актов в последние годы, что объясняется фактическим превращением специальных операций (террористических, диверсионных и пр.) в легальную форму силовой политической войны¹¹⁶.

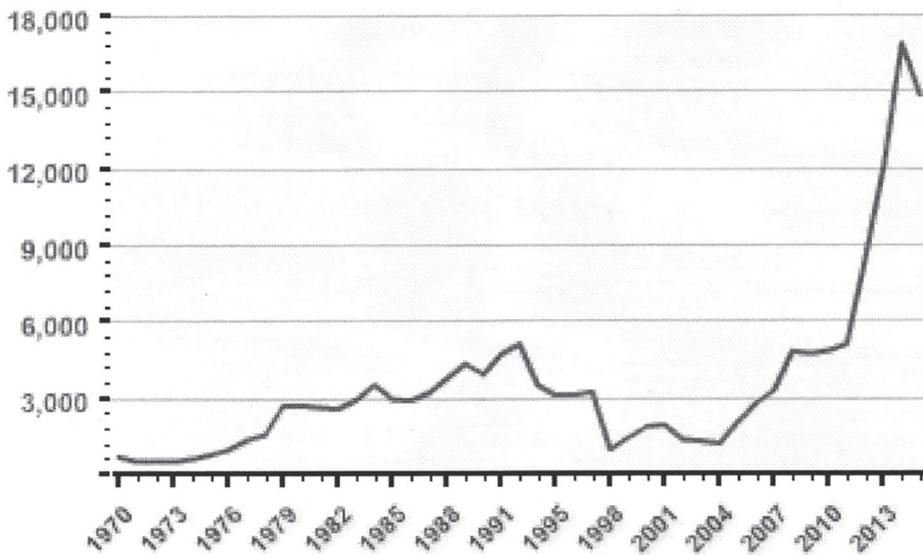

Рис. 2.28 Количество террористических атак за 1970–2015 годы

Другой наглядный пример нарастания качественно новых угроз, стоящих перед всеми ЛЧЦ, связан уже с относительно успешными попытками международного сотрудничества по ограничению выбросов CO_2 , которые однако не только не привели к изменению в целом негативной тенденции, но и не решили других глобальных проблем, связанных с косвенными последствиями загрязнения окружающей среды. Оба этих примера

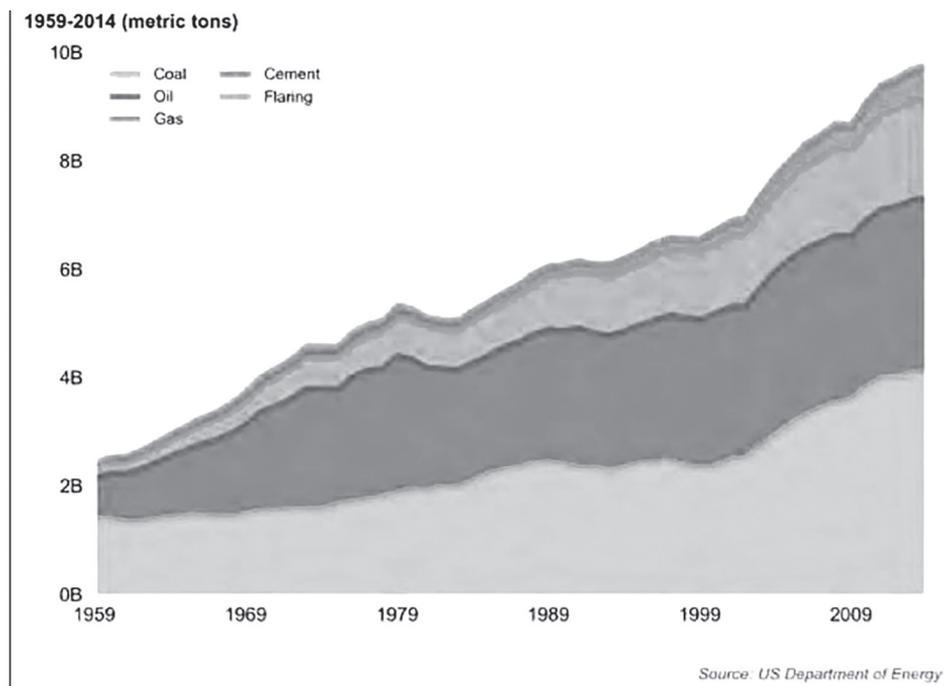

Рис. 2.29 Загрязнение CO₂ по источникам ¹¹⁷

свидетельствуют о том, что в целом развивается тенденция силового противоборства между ЛЧЦ и центрами силы, когда, во-первых, элементы сотрудничества отходят на второй план, а, во-вторых, происходит нарастание всего спектра новых средств и способов силового противоборства.

К сожалению, надо исходить из того, что удачных примеров международного сотрудничества, даже по наиболее актуальным проблемам, становится всё меньше, а причин для военно-силовой конфронтации — всё больше. Налицо опасная тенденция эволюции форм сотрудничества в формы противоборства. Соответственно и общая вероятность военно-силовых сценариев стремительно растет. Другое дело, какие конкретные формы приобретают эти сценарии и способы борьбы, в условиях одновременного усиления рисков непосредственного использования военной силы в прямой форме. Это обстоятельство становится особенно важным с точки

зрения поиска новых форм противодействия. В рамках существующей концепции стратегического сдерживания это означает, что каждая новая угроза или опасность требует адекватного противодействия в той или иной форме (политической, экономической, военной информационной и т.д.). Представляется, что такой алгоритм поведения является несколько упрощенным и все менее эффективным: учитывая колоссальную разницу в соотношении сил и стремление Запада к разработке все более широкого спектра инструментов насилия становится с каждым годом сложнее противодействовать этим угрозам.

Особенно в режиме ответной реакции, даже если она и не является зеркальной. Так, наращивание потенциала ПРО и ВТО, направленное на обесценение российских СНВ, пока что стимулирует нас к «асимметричным мерам» по преодолению этих усилий в области совершенствования возможностей стратегических си прорыва ПРО. В то же время существует реальная угроза того, что новые возможности ПРО и ВТО смогут нейтрализовать эти усилия.

В любом случае усиление противоборства России с Западом в традиционно силовых областях будет связано, в конечном счете, с ресурсными возможностями нашей страны, которые уступают и будут уступать западной ЛЧЦ. Это означает, что противоборство нужно переносить в другие области, где позиции России могут быть сильнее, а также выбирать уже не только области и формы противоборства, но и степень активности.

Совершенно справедливое в этой связи замечание А. Гилёва, как и другие предупреждения экспертов, относительно современной стратегии «удушения» России, которые, к сожалению, пока не стали поводом для серьезной публичной дискуссии о стратегии развития и национальной безопасности России в XXI веке. Дискуссии в СМИ ограничились незначительными спорами о социально-экономической политике России и бюджете страны¹¹⁸. Из них стало ясно, что военный бюджет России будет сокращен в ближайшие годы на 100 млрд. рублей (что не коснется программ ВВСТ), а поддержка военных возможностей в будущем, по словам В.В. Путина и С.К. Шойгу, сохранится на современном уровне.

Между тем до сих пор остались в стороне многие вопросы, от которых зависит само будущее существование нации и государства. Они пока что только обозначены, но не более того. Не случайно, в Послании Президента Федеральному Собранию России 1 декабря 2016 года В.В. Путин сделал многозначительное заключение: «...мы создали базу для дальнейшего движения вперед.... мы думали над повесткой развития и обеспечивали её. И сегодня именно эта повестка становится главной, выходит на первый план»¹¹⁹. Конкретность этих вопросов быстро обостряется, когда сохраняется абсолютное экономическое и технологическое превосходство западной ЛЧЦ, которое не только превышает современные возможности России в десятки раз, но и;

- прогнозируемо сохранится на обозримое будущее;
- может увеличиться еще больше при сокращении военных издержек западной ЛЧЦ относительно своего ВВП;
- будет сопровождаться продолжающимся увеличением научно-технологического отставания России.

В этих условиях продолжение стратегии противоборства в форме стратегического сдерживания представляется малоперспективной. Необходима такая стратегия, которая смогла бы обеспечить выживание и развитие нации в переходный период. Такой стратегией может стать «стратегия управления», в основе которой лежат не ответные меры на внешние вызовы, опасности и угрозы, а защита и продвижение базовых интересов и ценностей нации¹²⁰.

Если вернуться к базовой логической модели политики, которая использовалась в работе неоднократно, то сравнение двух стратегий видно на рисунке 2.30.

– **Стратегия стратегического сдерживания** («Δ») отвечает за противодействие попыткам добиться политических целей за счет усиления внешних угроз и опасностей (вектор «Б»–«В») посредством использования средств и способов обеспеченных национальными ресурсами;

– **«Стратегия управления»** («Δ++») предполагает продвижение собственных интересов и системы ценностей во внешней мир, что формирует новые условия для взаимодействия, противоборства и продви-

жения национальных интересов и ценностей. Эта стратегия исходит из безусловной приоритетности системы ценностей и интересов над традиционными угрозами¹²¹.

Стратегии стратегического сдерживания и стратегического управления, таким образом, принципиально **отличаются друг от друга**. В том числе и своими базовыми моделями, которые подробнее рассмотрим ниже. Искусство политики всегда играло большое значение в истории человечества, но в некоторые периоды — особенное, даже исключительное. Именно такой период, например, относится к концу XX века, когда советско-российская элита оказалась абсолютно не способной к управлению государством, обществом, экономикой и, естественно, Вооруженными силами, что привело не просто к краху такой политики, но и уничтожению советского государства, развалу ВС и ОПК. Именно неудачи политического руководства СССР–России, т.е. субъективные качества правящей элиты в области политического искусства, стали основными причинами поражения СССР. Существовавшая в то время стратегия «борьбы с империализмом» устарела, а горбачевская политика оказалась вообще непригодной для выживания страны.

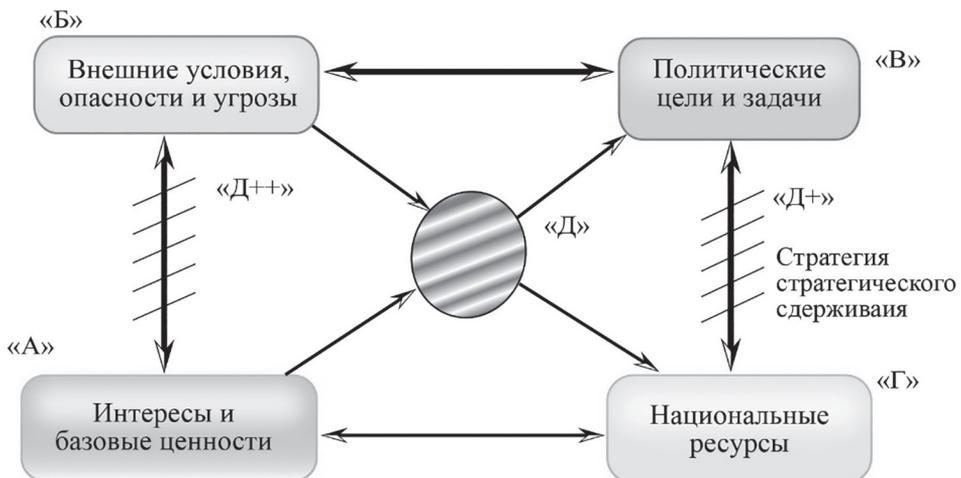

Рис. 2.30 Сравнение двух стратегий на примере базовой логической модели политики

2.4.в). Модели политики «стратегического сдерживания» и «стратегического управления» России

На практике оказывается, что «не стреляющие» средства вооруженной борьбы, к которым относится, например, инсценирование рисков и угроз в социальных сетях, оказываются и более опасными, и более эффективными, чем традиционные средства огневого поражения¹²²

*С. Кравченко, А. Подберезкин,
социологи*

Две политики — «стратегического сдерживания» и «стратегического управления» достаточно принципиально отличаются друг от друга по целому ряду важнейших особенностей¹²³.

Рассмотрим коротко некоторые из них, на примере простых моделей.

Модель традиционной российской политики «стратегического сдерживания»

Модель политики «стратегического сдерживания» представляет собой в целом традиционную, даже классическую модель политики, существующую в мире уже не одно столетие. Она достаточно универсальна и представляет собой сугубо оборонительную политику, основанную на использовании существующих у нации, государства или коалиции возможностей в целях противодействия внешней агрессии. И не так, уж, и важно, является ли это противодействие нашествию Наполеона или Гитлера, важно, что в принципе это противодействие в той или иной степени — по своим средствам и способам борьбы — достаточно симметрично. Политическое и военное искусство, которое используется в обоих случаях, сводится до поры до времени к оборонительным мероприятиям. Лишь после изменения в соотношении сил (которое явно видно после Куликовской битвы 1380 года или после исхода Наполеона из Москвы), наступает смена политики «стратегического сдерживания» на политику активных ответных действий¹²⁴.

Главной характерной чертой политики «стратегического сдерживания» является соотношение политических целей и средств политики (а также способов их использования), которые достаточно субъективно определяются правящими элитами государств. Нередко правящие элиты переоценивают, либо недооценивают свои реальные возможности, что одинаково неэффективно и ведет к радикальным издержкам: поражениям, уступкам, неоправданным компромиссам. Искусство политика и военного, как правило, сводится к максимально точному учету соотношения сил и возможностей.

На рисунке обычно это изображается следующим образом¹²⁵, где: ключевые вектора Стратегии «Д»–«В» (формирование политических целей), «Д»–«Г» (распределение ресурсов), вытекающие из субъективной оценки — «В»–«Б» (внешние опасности и угрозы).

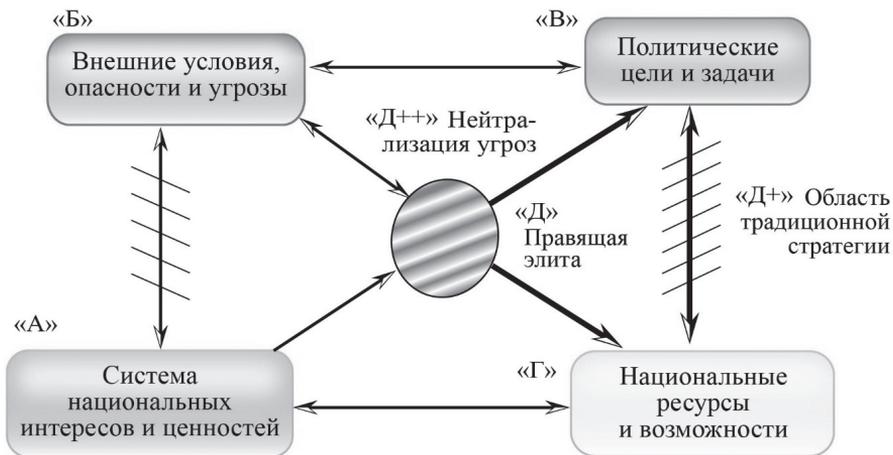

Рис. 2.31

Именно таковой является и современная стратегия противоборства России, получившая название политики «стратегическое сдерживание». Эта стратегия предполагает, что в зависимости от характера и степени внешней угрозы формируется вся Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина и Концепция внешней политики, хотя в тексте самого документа и признается, что над угрозой национальной безопасности понимается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам»¹²⁶.

Другими словами внешние опасности и угрозы политическим целям нередко воспринимаются как угрозы национальным интересам, или субъективно — реальный вектор «Б»–«В» подменяет собой вектор «Б»–2А».

Провести реальные различия между угрозами интересам и политическим целям принципиально важно — далеко не всегда то, что **кажется** серьезной угрозой интересам, может оказаться таковой. И, наоборот, реальные угрозы интересам могут далеко не всегда становиться приоритетными в политике. Так, важнейшая угроза национальным интересам — демографическая — в течение многих лет оставалась на периферии общественно-политического внимания в России, уступая место псевдоугрозам «демократии», «перестройки», «рыночным реформам» и пр. Так, с точки зрения реальных национальных интересов многие современные политические цели и, соответственно, угрозы окажутся второстепенными. Если исходить, например, из приоритета развития национального человеческого капитала и его институтов, то структура бюджетов всех уровней должна быть, как минимум, изменена в их пользу. Не только финансовые, но и другие ресурсы должны быть перераспределены в пользу наиболее важных приоритетов, среди которых в современной Стратегии называют «укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности»¹²⁷,... и только в самом конце этого длинного перечня указываются приоритеты НЧК и институтов его развития («... повышения качества жизни, укрепления здоровья населения, обеспечения стабильного демографического развития страны...»)¹²⁸.

Главное, что следует из этой модели, это то, что внешние условия (опасности, вызовы, угрозы), которые формируются в числе факторов группы «Б», влияние оказывают решающее на политические и иные цели — группу факторов «В» — политики правящей элиты, которая (в зависимости от оценки степени их угрозы) принимает соответствующие политические, экономические и иные решения, включая и решения о ресурсах. Иными словами, субъективные оценки масштабов опасностей и угроз являются критически важными для принимаемых решений и выбора средств и способов противодействия. Именно такие субъективные оценки и прогнозы лежат в основе современной политики «стратегического сдерживания» России, а не объективные интересы и потребности, выстроенные в строго приоритетном порядке¹²⁹.

Вообще-то говоря, вся военная политика, включая основные направления военного строительства, формируется изначально именно на основе субъективных оценок (в лучшем случае прогнозов), опасностей и угроз. Нередко это происходит вопреки национальным интересам или, как минимум, их приоритетности. Так, массовое строительство танков в СССР в 50-е–70-е годы привело к созданию огромного парка устаревших машин, которых позже потребовалось уничтожить (в т.ч. И в соответствии с ДОВСЕ), что также требовало огромных затрат.

Другой пример — строительство океанского флота в СССР, масштабы которого очевидно не соответствовали советским экономическим возможностям. И, наоборот, в эти же годы происходила очевидная недооценка значения средств боевого управления, связи и разведки, элементной базы, о которой я писал в 80-е годы¹³⁰.

Совершенно по-иному обстоит дело со «стратегией управления», которая основывается не на приоритете субъективных оценок опасностей и угроз, а на приоритете защиты и — что особенно важно — продвижения национальных интересов и ценностей — группы факторов «А». Приоритетное развитие и продвижение интересов и ценностей является высшей и, в конечном счете, главной целью политики, также главным «потребителем» национальных ресурсов. Кроме того в конечном счете «интерес» является и главным средством влияния на формирование МО.

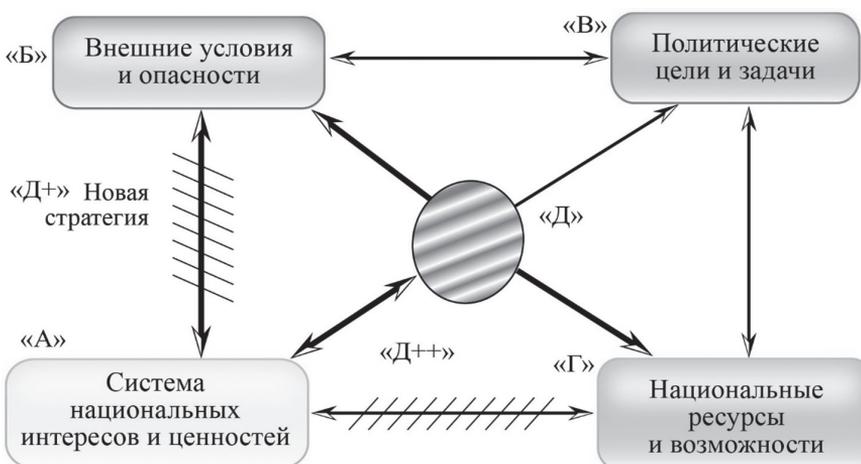

Рис. 2.32 Модель новой политики, основанной на стратегии управления

Политика государства превращается в политику нации. Соответственно меняется и основной вектор стратегии распределения национальных ресурсов с вектора «Г»–«В» на вектор «Г»–«А». Другими словами национальные ресурсы должны направляться, прежде всего, на обеспечение объективных (и, как правило, долгосрочных) интересов и системы ценностей, а не на политические субъективные цели.

Ключевые вектора Стратегии: вектор «Д»–«А» (развитие идентичности и интересов), вектор «В»–«Б» (влияние на внешние условия) и особенно вектора «Д»–«Г» и «Г»–«А» (распределение ресурсов в национальных интересах).

«В идеале» политические цели и задачи (группа факторов «В») должны максимально соответствовать национальным интересам (группа факторов «А»), что на практике происходит крайне резко. Прежде всего, потому, что сама категория «интересы» является очень разнородной. В самом общем виде можно выделить следующие виды и подвиды интересов. (Таблица 2.8)

Так очевидно, например, что **личные** экономические интересы на Украине в настоящее время существенно превосходят влияние остальных и доминируют политически.

В любой политике и стратегии, как известно, ключевое значение имеют доступные и потенциальные ресурсы. При этом в разные периоды развития человечества и в разных условиях значение тех или иных ресурсов в политике меняется. В современных условиях огромное значение для обеспечения безопасности нации и государства, например, имеют не только военные возможности, но и силовые средства экономического, политико-дипломатического, информационного и иного характера. В этой связи принципиально важно понимать, что распределение в соотношении сил стран и коалиций по их политическим, военным, информационным и экономическим потенциалам в мире в будущем будет зависеть, прежде всего, от двух групп факторов¹³¹:

- от **качества национального человеческого капитала**, который, в свою очередь, будет преимущественно формироваться:
  - уровнем образования;
  - уровнем творческих возможностей (креативности);
  - уровнем науки, технологии;

Таблица 2.8 Виды и подвиды категории «интересы» («потребности»): на примере современной Украины

Основные виды	Подвиды	Временные рамки			Особенности (вес, влияние: от 1 до 10)
		кратко-срочные	средне-срочные	долго-срочные	
Глобальные:	<ul style="list-style-type: none"> – экологические; – биологические; – экономические; – политические; и пр. 				
Национальные:	<ul style="list-style-type: none"> – политические; – экономические; – демографические; и пр. 				
Государственные:	<ul style="list-style-type: none"> – политические; – экономические; – экологические; и пр. 				
Социально-классовые:	–				
Групповые:	<ul style="list-style-type: none"> – экономические; – этнические; – экологические; – др. 				
Личные:	– экономические;				

- уровнем душевого ВВП;
- продолжительностью жизни;

- от **качества институтов развития человеческого капитала** во всех секторах деятельности и управления, а именно:
  - в государственном управлении;
  - в бизнес-управлении;
  - в управлении и степени развития общественных институтов;
  - в развитии самоуправления личности.

Очевидно, что нынешняя российская политика и стратегия социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности не вполне соответствует этим требованиям. Прежде всего, потому, что развитие НЧК и его институтов не является наиболее приоритетным, **ГЛАВНЫМ** интересом ни стратегии социально-экономического развития, ни стратегии национальной безопасности. Более того, и первая, и вторая делают опережающее развитие этих групп факторов простой фантазией недостижимой мечтой. Демографические показатели последних лет свидетельствуют только о прекращении вымирания человеческого потенциала, а его качество (ИРЧП) опустилось на 60–70 место в мире.

Это также очень хорошо видно на множестве примеров, например, реального места, занимаемого структурой российской экономики, среди структур других стран.

К сожалению, предлагаемые меры по исправлению ситуации (с точки зрения обеспечения основных интересов) очевидно недостаточны. Так, не является в этой связи решением и политика «импортозамещения», основанная на закупке иностранных технологий. Покупая, например, иностранную компьютерную программу или технологическое оборудование вы покупаете не технологию, а **зависимость от иностранного производителя**. Настоящие технологии создаются в стране или передаются от человека к человеку. Так было, например, в 30-е годы прошлого века, когда западные специалисты приезжали в Советскую Россию и передавали свой опыт советским инженерам и рабочим.

Эта модель непосредственно связана с оценкой внешних условий, опасностей и угроз, которые традиционно лежат в основе целеполагания. Думается, что есть основания считать, что традиционные показатели и критерии влияния субъектов МО (ВВП, численность населения, Вооруженные силы и ВВСТ, и т.д.) будут занимать постепенно все менее важное значение, а значит и **оценки опасностей**

Рис. 2.33 Доля экспорта нефти в ВВП страны ¹³²

и угроз следует пересматривать. Главные опасности будут возникать в области систем ценностей. Прогнозируя сегодня будущее соотношение сил в мире, и вытекающие угрозы, требуется учитывать стремительно усиливающееся влияние именно этих факторов, которое к 2030 году разделит всех субъектов и акторов МО в мире на три неравные группы:

Группа субъектов и акторов МО № 1: группа стран, обладающих развитым НЧК и развитой национальной научно-инновационной системой, способной самостоятельно **развивать все основные направ-**

ления науки, техники и технологий. В эту группу смогут войти лишь несколько стран-лидеров, но именно они и будут формировать будущую мировую повестку дня.

Группа субъектов МО № 2: группа стран, способных в той или иной степени успешно использовать достижения научно-технического прогресса (приобретая, покупая, воруя и пр.). Эта наиболее широкая группа, в которую войдет большинство ЛЧЦ и государств, но которые будут в разной степени успешно использовать достижения лидеров-стран первой группы, — группируясь вокруг них по цивилизационному признаку.

Группа субъектов МО № 3: группа стран, не использующая, либо слабо использующая достижения техники и технологии субъектов из группы № 2. Эта группа наиболее отсталых и ресурсно-ориентированных стран будет выступать демографическими и природными донорами других государств.

Соответственно основное внимание в социально-экономическом развитии и стратегии национальной безопасности России требуется сделать именно первым двум группам факторам, точнее — тем опасностям, которые могут от них исходить. Именно в этих направлениях должны быть сконцентрированы все основные финансовые, материальные, информационные и административно-организационные ресурсы.

Группа № 1

Относительно небольшая группа стран-лидеров ЛЧЦ, способных развивать все основные направления НТП

Группа № 2

Достаточно большая группа стран, способных с разной эффективностью осваивать новые технологии

Группа № 3

Группа остальных стран – потребителей товаров, услуг, технологий и поставщиков природных и демографических ресурсов

Рис.2.34 Распределение места стран в зависимости от качества НЧК и его институтов

Традиционная стратегия отношений между государствами в МО и ВПО на протяжении тысячелетий исходила из базовых положений силового, прежде всего военного противоборства, которые предполагали, что политические цели достигаются в результате использования различного вида противоборства между субъектами международных отношений. На первое место, как правило, выносилось соотношение сил (военных, финансовых, экономических), которое и предопределяло исход противоборства. В соотношение сил вносило поправку умение политиков и военное искусство военачальников, которые могли повлиять на результат противоборства.

Сравнение моделей основанном на «стратегическом сдерживании» и на «стратегическом управлении»

Сравнение двух моделей Стратегии национальной безопасности означает сравнения долей влияния, которые оказывают на внешние условия существования субъекта или актора МО, интересы или политические цели¹³⁵.

где основное влияние происходит через:

- вектор «А»–«Д»–«В» (90%);
- вектор «В»–«Б» (80%);
- вектор «Д»–«Б» (20%)

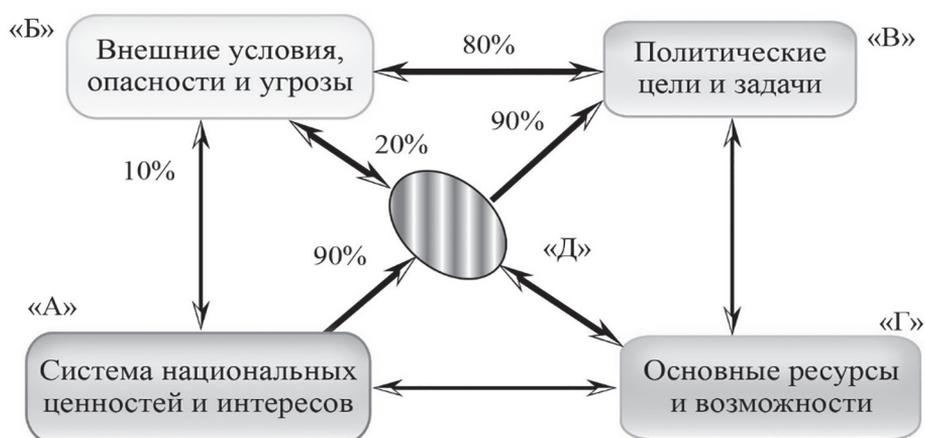

Рис. 2.36 Модель, основанная на субъективных политических целях («стратегическое сдерживание»)

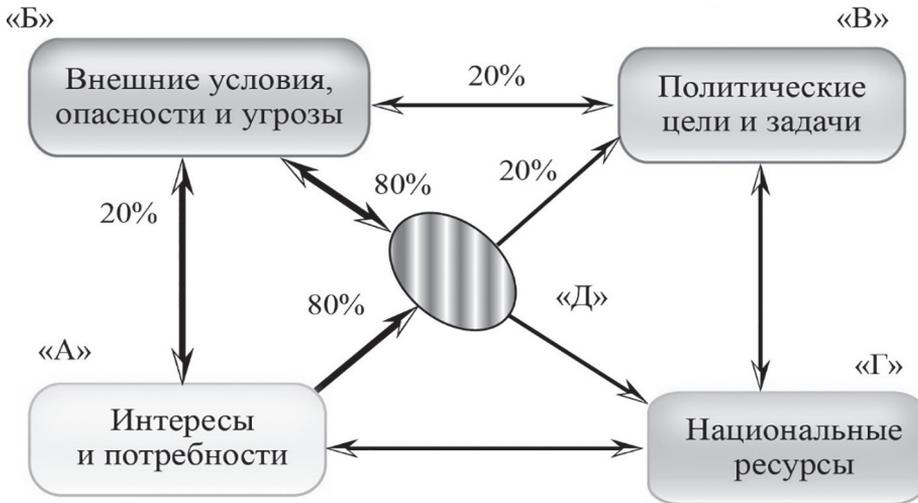

Рис.2.37 Модель, основанная на преимущественно объективных интересах/потребностях нации («стратегическое управление»)

Потому, что в нем участвуют самые разные, в т.ч. субъективно противоречивые и вредные для нации интересы и потребности.

Сравнивая эти модели, можно использовать «образ внедорожника», когда наибольшая мощь двигателя передается непосредственно для движения на переднюю ось (в модели «интересов»), обеспечивая оптимальную и экономически обоснованную скорость, либо — «проходя через ложные представления водителя», создавая препятствия, выбирая неэкономические способы движения, автомобиль движется неэффективно.

Это во многом зависит от способности правящей элиты (факторы группы «Д») ориентироваться на объективные национальные, а не личные или групповые интересы, максимально точно трансформируя их в субъективные политические цели. Что, конечно, бывает редко.

В XX веке СССР и Россия перенесла несколько этапов в развитии своей стратегии противоборства, которые отличались друг от друга, прежде всего, инициативой и выбором места, средств и способов мирового противоборства: от всемирной революции до разрядки, а потом и вынужденного стратегического сдерживания. Тогда, когда это происходило эффективно, СССР и Россия, как правило, достигали серьезных политических результатов (как это было во Второй мировой войне),

которые однако далеко не всегда полностью соответствовали национальным интересам. В противном случае (когда она только реагировала) на внешние вызовы результаты были существенно хуже, либо вообще отрицательные. Так, русско-японская и Первая мировая война явились для России по своей сути вынужденными, она была спровоцирована и втянута в эти войны, получив не только отрицательный политический результат, но и нанеся ущерб национальным интересам.

Наоборот, активная политика СССР в 30-е и 40-е годы в мире, которая определялась собственной, а не навязанной, стратегией, дала фантастические политические результаты — формирование просоветской политико-экономической системы в мире, которые, однако, далеко не всегда совпадали с национальными интересами.

Со второй половины 70-х годов СССР и его союзники вновь вступили в фазу «пассивного политического противоборства» навязанные извне — борьбы за права человека и т.п. Она не соответствовала национальным интересам СССР, а в итоге привела к окончательному подчинению внешней воле противника при М. Горбачеве–Б. Ельцине.

К сожалению, мы медленно отходим от этого алгоритма поведения, основанного на ложных целях, а не интересах, выстраивая свою стратегию прежде всего по-прежнему из субъективных оценок внешних опасностей и угроз, а не национальных интересов.

2.4.г). Переход от концепции стратегического сдерживания к концепции стратегического управления как первый шаг новой Стратегии национальной безопасности

... не обольщайтесь: не с каждым врагом возможен компромисс, с некоторыми нельзя идти ни на какие уступки¹³⁶

*Р. Грин,
военный теоретик*

Переход от стратегического сдерживания к стратегическому управлению предполагает **замену ответных действий на инициативу**, перед-

ко компромиссного характера, когда очень важно определить реальное значение того или иного фактора и действия, а не его мнимый, номинальный характер. По сути дела такой «управленческий» ответ является самостоятельной инициативой, а не ответной, тем более симметричной, реакцией. Он должен основываться не столько на действиях (и реакции на эти действия) другой стороны, сколько опираться на собственный стратегический прогноз и стратегическое планирование, основанные на тщательной предварительной проработке одного из сценариев наиболее вероятных действий¹³⁷. Именно так я и мои коллеги пытались делать, занимаясь прогнозированием развития ВПО в мире в последние годы, чему было посвящено несколько работ¹³⁸.

В действительности переход от концепции стратегического сдерживания к концепции стратегического управления уже начался. Это очень хорошо видно на примерах политической практики и решений В. Путина, например, отказаться от симметричной высылки 35 американских дипломатов, хотя традиции и форма поведения США требовали именно таких действий. Своего рода публичным «лозунгом» такой стратегии стали определения «партнерь» и «коллеги», которые использовались руководством России в отношении Запада даже в самых критических ситуациях.

В XXI веке для России наступило время, когда необходимо перейти от стратегического сдерживания в «стратегии противоборства» к «стратегии управления», от состояния постоянной борьбы и противостояния с нередко неверно понимаемыми субъективно вызовами и угрозами противника, к стратегии улучшения условий для выживания и опережающего развития нации. Ведь нередко получалось именно так: угрозы создавались для того, чтобы мы (СССР и Россия) неверно распределяли свои ресурсы и формулировали ложную стратегию. Думается, что можно привести несколько примеров того, как «стратегия противоборства», в основе которой лежит концепция «стратегического сдерживания», базирующаяся на субъективных политических оценках и целях, привела к крупным внешнеполитическим ошибкам в политике России в XXI веке. Так, периодом «расцвета» концепции стратегического сдерживания был период правления М.С. Горбачёва, когда эта концепция была даже предметом для переговоров, хотя именно в это время США наиболее успешно реализовывали свою программу развала ОВД и СССР¹³⁹.

«Опираясь» на стратегическое сдерживание, наша страна стремительно теряла своих союзников, возвращала внутреннюю оппозицию в регионах, разваливала экономику. И это считалось эффективным сдерживанием, хотя именно в это время мы терпели одно политическое поражение за другим. В конечном счёте, осталось «только» ядерное сдерживание, которое гарантировало нам только то, что против России не будет применено ядерное оружие, которое никто и не собирался применять. Разве что, возможно, в самые первые годы монополии США на ЯО. С подобным наследством к 2000 году мы вплотную приблизились к потере суверенитета и социально-экономическому краху, за которым бы шёл раздел России победителями со всем её ЯО¹⁴⁰.

Позже, уже при В.В. Путине, концепция стратегического сдерживания прочно вошла в основные нормативные документы России — Стратегию национальной безопасности России, Военную доктрину страны и Концепцию внешней политики РФ. На практике это очень мало помогло выходу её из глубочайшего кризиса. Прежде всего, потому, что заявленные политические цели страны, которые можно отнести к «послемюнхенскому» (2007 г.) периоду, еще не соответствовали ее реальным возможностям. За 7 лет после Б. Ельцина в России не удалось полностью стабилизировать социально-экономическую ситуацию и выйти на путь развития. «Тучные годы» (2001–2007 гг.) вскружили голову российской элите, которая не смогла сохранить концентрацию на главном национальном интересе — преодолении кризиса и возвращении в ряды лидеров научно-технологического прогресса. Последовавший за этим кризис и стагнация окончательно дезориентировал элиту «острова стабильности», которая до сих пор не смогла выйти на путь устойчивого развития: 2008–2017 годы оказались «провальными» для развития НЧК и экономики, а 2018 — начался со стагнации, которую власть прогнозирует до 2020 года. Опираясь на эту «базу», мы продолжаем выдерживать свою стратегию стратегического сдерживания¹⁴¹.

Между тем неизбежен переход к стратегии управления опережающим развитием и повышением безопасности, которая станет альтернативой стратегическому сдерживанию. Разница между этими двумя стратегиями — принципиальная, хотя «стратегия управления», безусловно, и включает в себя весь спектр средств и способов силового, в т.ч. ядер-

но-стратегического, противоборства, более того, постоянно и настойчиво работает над их расширением. Но — и в этом её принципиальное отличие — «стратегия управления» только ими не ограничивается и не исходит из их исключительной приоритетности.

Противоборство, в том числе самое простое стратегическое сдерживание (включая свою современную форму стратегического сдерживания) — не самая эффективная стратегия национальной безопасности, ибо предполагает изначально выделение значительных ресурсов не в целях национального развития, а в целях борьбы. Она была «простейшей» формой противоборства после появления ЯО и его массированного накопления, сыграв определённую роль с точки зрения исключения применения СЯС и угроз его применения в качестве политического средства. После достижения стратегического равновесия к началу 70-х годов прошлого года у стратегического сдерживания осталась единственная функция — не потерять убедительности с точки зрения возможностей ответного удара. И не более того.

Но эта стратегия теряла всякий смысл, когда не было ядерной угрозы, а тем более, военной угрозы. Чем с мастерством воспользовались США и их союзники уже в 70-е годы, фактически начав против ССР и ОВД силовую (но не военную) операцию по продвижению своей системы ценностей и институтов против стран ОВД и СССР. За исключением войны в Индокитае, эта стратегия носила гуманитарно-экономический характер, опиравшийся на Заключительный Акт, подписанный Л.И. Брежневым 1 августа 1975 года в Хельсинки. Создание ОБСЕ и разрядка были восприняты в СССР как желание Запада к сотрудничеству, что абсолютно не соответствовало действительности: поворот в политике Запада был вызван сменой силовых инструментов и способов силового воздействия. Поэтому стратегическое сдерживание осталась всего лишь теоретической концепцией, пусть даже оборонительной, которая может быть только частью стратегии управления, используемой в случае её неэффективности.

Принципиальную разницу между двумя стратегиями с точки зрения их практического применения, можно представить следующим образом (хотя, строго говоря, о практическом использовании концепции стратегического сдерживания говорить вообще не приходится): концепция

стратегического сдерживания — теоретическое, умозрительное представление о невозможности нанесения безнаказанного ядерного удара по территории (базам, союзникам) противника. Она не имеет никакого обоснования потому, что все умозрительные построения и расчёты не могут быть проверены, а тем более испытаны, но она не имеет и практического смысла именно поэтому же. Между тем именно эта концепция рассматривается в качестве фундаментальной основы безопасности России.

Она не только бессмысленна, но и бесполезна, более того, вредна потому, что создаёт иллюзию безопасности.

Таблица 2.9 Сопоставление двух стратегий:

«Стратегического сдерживания»:		«Управления»:
<ul style="list-style-type: none"> – жесткое; – мягкое; – хитрое; – прямолинейное; – сетевое, системное; – сетецентрическое и пр., пр.		<ul style="list-style-type: none"> – развитие; – совершенствование; – продвижение; – привлечение и пр., пр.
<p>Суть: силе, средствам и способам противника противопоставляются свои инструменты, средства и способы насилия.</p> <p>В результате идет борьба за то, кто окажется сильнее (в силах, средствах, искусстве) в существующей системе международных и военно-политических отношений, хотя для наиболее приоритетных интересов безопасности это может и не иметь решающего значения.</p>		<p>Суть: создавать и развивать свою систему приоритетов, выбирая свои средства и способы направленные на продвижение национальных интересов.</p>

«Победа» в результате противоборства всегда связана с огромными жертвами и потерями — будь то наступление, оборона или сдерживание. — Колоссальные победы СССР в XX веке включали его огромные демографические и материальные потери, которые рассматрива-

лись в качестве неизбежной платы: «мы за ценой не постоим». В любом смысле такая «победа» сегодня не в интересах национальной безопасности России и её главного приоритета — национального развития — просто потому, что под угрозой находится ее человеческий капитал и идентичность.

Необходимо понимать, что понимание «успеха» в политике «стратегического сдерживание» может вести не просто к огромным потерям, но и (в современных условиях) к уничтожению нации и, как неизбежное следствие, — государства. «Праздновать победу» будет просто некому, если успех будет требовать все новых и новых ресурсов, отрываемых от развития.

В этой связи требуется вновь вернуться к Стратегии национальной безопасности России, которая формально была утверждена Указом В.В. Путина 31 декабря 2015 года¹⁴². Этот документ декларирует, но не обеспечивает реальной взаимосвязи двух основных блоков документов, конкретизирующих Стратегию, — «блока развития» (в основе которого лежат неудачные варианты концепций социально-экономического развития отраслевые и региональные долгосрочные концепции) и «блока безопасности» (который конкретизируется в документах «Военной доктрины», Концепции внешней политики).

Складывается устойчивое впечатление, что один блок готовился и реализуется в абсолютном отрыве от другого. При очевидном непонимании того, что в условиях «переходного периода» развития нации и государства является таким же важным условием сохранения нации, как и обеспечение ее безопасности.

Таблица 2.10 Управление — как альтернативная стратегия

Предполагает отрицание абсолютного значения преимуществ в силах, средствах и способах применения военной силы. Управление, как принцип стратегии, исходит из отрицания абсолютизации не только военного, но и силового превосходства.

Использование искусства «парадокса», т.е. создание **своей** системы национальной безопасности и соответствующей стратегии, которая не основывается на необходимости поддержания равновесия или даже асимметричности в ВВСТ и ВС или других областях использования силы государством.

Стратегия «управления» основана на четком представлении о национальных интересах и приоритетах и соответствующих целях, которые вытекают из этих интересов, а не на внешних вызовах и угрозах, которые нередко не имеют прямого (а, иногда, даже косвенного) отношения к национальным интересам, либо могут иметь отсроченный, второстепенный характер. Примеров ложных вызовов и угроз, как и примеров недооцененных интересов в истории России можно привести немало. Так, на мой взгляд, не в интересах России были ложно понятые Александром I угрозы со стороны Наполеона после его изгнания из России. Кутузов был прав, когда не спешил переходить границу и отпрапляться в «европейский поход», спасая Австро-Венгрию и Пруссию, которые во время Крымской войны отплатили России неблагодарностью. Если бы Россия поступила иначе, то, вероятно, Англия и Франция еще долго воевали бы друг с другом, развязав руки России в Средиземном море и Средней Азии¹⁴³.

На мой взгляд, И. Сталин также слишком спешил с освобождением Европы, где СССР только в Польше потерял 400 000 человек, а тем более с операцией в Арденнах, помогая союзникам, которые до этого не спешили помогать СССР ни в 1941, ни в 1942 годах.

В современный период абсолютно не соответствовало интересам СССР разрушение Социалистического содружества (СЭВ и ОВД), а затем и самого государства, которые были «мотивированы» угрозами демократии и т.п.

Одно из важных условий «стратегии управления» заключается в том, чтобы рассматривать потенциальную внешнюю опасность или угрозу как благоприятную предпосылку или даже возможность для повышения эффективности собственной стратегии. Речь идет не просто об асимметричности ответных действий, а о возможностях использования гораздо более широкого диапазона средств и действий:

- ответных действий;
- нейтрального отношения;
- «включения» в процесс.

При выборе любого вида действий, однако, необходимо обязательно исходить не из необходимости автоматического ответа, а прежде всего, из **собственных** интересов и **собственной** стратегии. Так, например,

с этой точки зрения далеко не все переговоры по ограничению и сокращению вооружений являются благом для России. Если исходить из того, что затраты на СНВ и ВКО составляют не более 10% военного бюджета, а гарантируют сохранение суверенитета и контроля, то необходимы ли нам вообще эти переговоры по их сокращению? Можно допустить, что переговоры могут быть полезны в области ограничения ВВСТ на море, но именно там наши потенциальные противники их никогда и не будут вести потому, что их превосходство, как минимум, в несколько десятков раз больше.

2.4.д). «Стратегия управления» и ликвидация неравенства в соотношении сил российской и других локальных человеческих цивилизаций

Безопасность страны — единая система, которую надлежит постоянно всесторонне укреплять и перестраивать для повышения адаптивности¹⁴⁴

*А. Гилёв,
военный эксперт*

Стратегия национальной безопасности России в XXI веке неизбежно исходит из признания качественного неравенства в соотношении сил в мире между ней и ведущими мировыми субъектами, прежде всего, западной ЛЧЦ, которое измеряется десятками раз. Это простое признание означает, как минимум, что:

- такое соотношение сил не может быть резко изменено в пользу России и будет сохраняться неопределенно долгое время;
- повлиять на это соотношение сил смогут только новые центры силы и ЛЧЦ, развитие которых в долгосрочной перспективе изменит МО и ВПО в мире;
- наконец, это означает, что силовое противодействие со стороны России может быть только относительно эффективным, что делает изначально невозможным фронтальное противоборство

во всех областях, с одной стороны и выбор основных приоритетных направлений противоборства, с другой;

- и, последнее, подобные «стартовые» условия предполагают, что важнейшей задачей России является развитие ее потенциала, прежде всего, НЧК и его институтов, способных наиболее эффективно обеспечить защиту национальной идентичности и суверенитета страны.

«Любая политика начинается с анализа соотношения сил» — это классическое высказывание приписывается В.И. Ленину. В определенной степени оно сохраняет свою актуальность и сегодня, если только его не абсолютизировать и не рассматривать в качестве принципа для количественных сравнений и сопоставлений (что очень любят делать современные экономисты, наивно полагающие, что научность начинается с попыток количественного анализа). Для политических целей такой метод опасен потому, что нередко он вводит сознательно в заблуждение: почему-то то и дело побеждают слабейшие, а то и вообще те, кого даже изначально и в расчет не принимали. Поэтому учитывая соотношение сил, мы отнюдь не абсолютизируем его значение. Ни с точки зрения количества средств противодействия, ни с точки зрения поиска эффективных способов.

Если исходить из наиболее приоритетных национальных интересов и способов их обеспечения с помощью стратегии «управления», то для России самым высшим, абсолютным, приоритетом является развитие национального человеческого капитала¹⁴⁵, о чем впервые со всей определенностью заговорил В. Путин только в послании ФС РФ в декабре 2016 года¹⁴⁶. В целях справедливости отмечаю, что по этому поводу я неоднократно выступал с конца 90-х годов XX века, более того, подготовил целый ряд книг, безуспешно пытаясь привлечь внимание правящей элиты¹⁴⁷. Отсюда неизбежно следует в обязательном порядке изменить и стратегию национальной безопасности России, которую требуется формировать исходя не из опасностей и угроз (как это сделано в существующей Стратегии)¹⁴⁸, а прежде всего **из интересов развития НЧК России**¹⁴⁹. Другими словами требуется изменить:

- **во-первых**, структуру Стратегии, четко увязав за наиболее приоритетные задачи национального и государственного развития

- с задачами обеспечения собственно безопасности (политической, Военной, экономической, информационной и пр.);
- **во-вторых**, четко обозначить приоритеты Стратегии, обеспечив их реализацию решением конкретных задач национального развития;
  - **в-третьих**, сделать Стратегию из нормативно-концептуального документа в политико-обязывающий документ, что потребует изменения его статуса (из Указа в Федеральный Закон);
  - **в-четвертых**, создать институт национального и государственного управления (развития и обеспечения безопасности), охватывающего всё общество и нацию.

Рис. 2.38 Новая Стратегия национальной безопасности России, основанная на концепции «стратегии управления»

В этом случае совершенно по иному будут выглядеть и другие базовые документы, на которых основаны внешняя и военная политика государства — Концепция внешней политики и Военная доктрина России¹⁵⁰. В частности, в Концепции внешней политики России («представляющей собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации»)¹⁵¹

говорится о том, что «обеспечение национальных интересов и реализация стратегических национальных приоритетов», как уже говорилось выше, направлена на выполнение следующих основных задач:

а) обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности...;

б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения «конкурентоспособности экономики России...»;

в) упрочнения позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира;

г) укрепление позиций России в системе мирохозяйственных связей ... и т.д.¹⁵², но нигде (за исключением подпункта 4, где говорится о «популяризации достижений национальной культуры» и наследия), не говорится о высшем приоритете национальной стратегии — развитии национального человеческого капитала и опережающего развития его институтов.

С точки зрения стратегии управления, наиболее приоритетными задачами внешней политики являлось бы:

а) сохранение и опережающее развитие нации и её идентичности, системы ценностей и культурного и духовного наследия, национальных институтов, включая государственные и общественные, и качество национального человеческого капитала;

б) обеспечение лидирующих позиций российской науки, культуры, образования и технологий, опережающее развитие на их основе экономики и общественных институтов;

в) содействие российскому культурно-идеологическому лидерству в мире, концентрации вокруг этого лидерства прогрессивных сил...;

г) укреплению позиций России в мире в качестве центра силы в области науки, духовности, культуры и образования...

Отдельно требуется сказать о критерии эффективности новой Стратегии национальной безопасности. В современных условиях при существующем стратегическом прогнозе развития МО-ВПО в мире успешной может быть признана только та Стратегия национальной безопасности России, которая обеспечит её выживание и развитие при крайне неблагоприятном соотношении сил в мире в будущем. А именно, когда российская ЛЧЦ окажется «зажатой» между несколь-

кими центрами силы — западной, китайской, исламской и индийской ЛЧЦ, каждая из которых, как минимум, в 10–12 раз будет превосходить российскую, по демографической, экономической, финансовой и военной мощи.

Вопрос о том, **как** именно, **какими** конкретными способами и средствами Россия сможет сохранить и умножить свои национальные ресурсы для того, чтобы защитить свои национальные интересы и систему ценностей, сохранить идентичность, суверенитет и территорию при таких обстоятельствах остается открытым. Не только в силу очевидного несоответствия в соотношении сил, но и неэффективной политики социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, в результате которых отставание российской ЛЧЦ по основным параметрам государственной мощи не сокращается, а увеличивается в последние десятилетия. Если срочно не изменить эту тенденцию, то вопрос о существовании российской нации и государства неизбежно будет поставлен под сомнение.

Таким образом, эффективная Стратегия национальной безопасности России это такая стратегия, которая в состоянии повлиять позитивно на нынешние тенденции и перспективы их развития. В сложившихся условиях и при имеющихся возможностях это может быть только стратегия управления, в основе которой лежит опережающее развитие НЧК нации и его институтов. Но такое опережающее развитие НЧК и его институтов невозможно без изменения социально-политической политики России, которая в настоящее время отражает интересы очень узкой группы людей, отказывая в учёте интересов даже привилегированных слоёв населения. Парадоксальная складывается картина: миллиардеры из небогатой России, где реальные доходы граждан падают с 2014 года, богатеют быстрее всех. Тогда как их коллеги из промышленно развитых Германии и Китая быстрее всех беднеют. О чем на самом деле говорит рейтинг Bloomberg? Рейтинг очень символичный, особенно если сопоставить показатели экономик стран, которые в него включены, — отмечает президент Союза предпринимателей и арендаторов России Андрей Бунич. — Рост российского ВВП находится на отметке 1,5% — даже сейчас, при хорошей мировой конъюнктуре. В то время как рост ВВП Китая, несмотря на торговую войну, составляет 6–7% ВВП. Если же для

сопоставления взять доходы на душу населения, снова только Россия будет выпирать из списка.

В остальных странах будет наблюдаться связь: где темпы роста ниже, там и богатство верхушки ниже, где уровень жизни снизился в целом — уменьшается и верхняя страта. Но для России, получается, эти правила не действуют. Какими бы не были темпы роста экономики РФ и уровень жизни россиян, все равно высшая прослойка — миллиардеры из списка Forbes — богатеют.

Российские миллиардеры зарабатывают все больше и больше, при том, что денег в стране все меньше и меньше. И рейтинг Bloomberg — хорошая иллюстрация к этой ситуации.

В рейтинге Forbes — около сотни россиян. Но даже если взять всех, кому принадлежит собственность в России, финансовые активы и основные средства производства, наберется не более 1 миллиона человек. Из них не более 100 тысяч обладают подавляющим большинством богатства¹⁵³.

Разумеется, это полнейший перекосяк. А верхушка сверхбогатых вообще находится в полном противоречии с показателями развития страны. Косвенно это подтверждает тот факт, что у нас во всех отраслях, связанных с эксклюзивным потреблением — например, продажей сверхдорогих автомобилей и предметов роскоши — ситуация вообще никак не меняется, и не зависит от состояния экономически.

Разоряются предприятия, которые торгуют товарами низшей и средней ценовой категории. Но эксклюзивное потребление — самое дорогое — остается неизменным. Полный отрыв класса сверхбогатых. Эти люди, можно сказать, живут в другой стране. Да они и фактически — если по-честному — живут в других странах, и их капиталы находятся в других странах, а не здесь, поскольку они всем владеют через оффшоры. И даже в Москве они сосредоточены в определенных районах, вроде Рублевки и Остоженки. На деле, в лице сверхбогатых мы имеем группу людей, совершенно не связанных со страной. Их по какой-то ошибке — возможно, из-за их прежней идентификации — связывают с Россией.

С этой точки зрения, рейтинг Bloomberg не только демонстрирует противоречие между доходами российской верхушки и всей остальной Россией. Он делает понятным, почему в России не происходят ни-

какие экономические изменения. А. Полунин справедливо делает вывод о том, что «Чиновники верхних этажей, надо думать, кормятся от сверхбогатых. Благодаря этому сверхбогатые определяют экономическую политику. Неслучайно, если их положение все-таки начинает ухудшаться из-за санкций, государство бросается открыто им помогать, ни перед кем не отчитываясь. И надо понимать: речь идет о десятках миллиардов долларов, предоставляемых за счет налогоплательщиков».

Получается, если сверхбогатым без всяких реформ хорошо — а только им становится хуже, государство дает деньги, — как ожидать от власти перехода к новой экономической модели? Для сверхбогатых именно нынешняя политика приводит к позитивному результату — позволяет богатеть, несмотря ни на что — зачем же ее менять?!

Поэтому сверхбогатые рассуждают по-другому: пусть хоть вся Россия передохнет — нам-то хватит.

«СП»: — Их совсем не интересует долгосрочная перспектива?

— Установки сверхбогатых воспринимались бы дикостью, если бы в России был полноценный политический класс. То есть, узкая группа, которая есть во всех ключевых странах, заинтересованная в долгосрочном процветании своей страны. Термин этот, замечу, социологический — его ввел итальянский правовед и политолог Гаэтано Моска.

Так вот, в России нет политического класса. Наша сверхбогатая элита — люди временные, они не связывают своего будущего с Россией. Фактически, они представители транснационального международного капитала, цель которого — выжать из России все что можно, и неважно, каким путем.

Это положение, кстати, зафиксировано в нашем бюджетном правиле — вся страна должна жить на 40 долларов с барреля проданной нефти, хотя на рынке баррель стоит 80 долларов. А если жить на 40 долларов не получается — надо провести пенсионную реформу и повысить налоги, которые будет платить население (у олигархов в России и налоги другие).

Если все это иметь в виду, становится понятным, что происходит сейчас в России — что вытворяют кабмин и Министерство финансов. И этой линии они будут держаться, возможно, пока не развалит в стране все окончательно. Линии раскола в элите множатся, как накануне

1991-го. У сверхбогатых активы за границей, дети тоже живут за границей. Если Россия развалится — не исключаяо — им будет только лучше: тогда с них и спросить будет некому. Если же, напротив, в России придет к власти ответственное правительство, то оно может попытаться спросить со сверхбогатых — попытаться вернуть награбленное. Так что сверхбогатым вовсе не нужно, чтобы в России все было хорошо. Им нужно, повторюсь, выжать из России все возможное — и разбежаться.

Именно об этом, я считаю, говорит рейтинг Bloomberg. О том, что мы фактически живем под властью людей, которые эту страну не считают своей, и интересы которых полностью противоречат интересам российского общества.

---

¹ Новиков Я.В. Вступительное слово / Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 8.

² Агамирзян И. Возникает вопрос, зачем в такой модели нужен человек... / Эл. ресурс: «Бизнес Online». 2017. 13 января / <https://www.business-gazeta.ru/article/334149>

³ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

⁴ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.

⁵ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

⁶ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

⁷ Чуркин И. Правильно назвать — правильно понять // Воздушно-космический рубеж. 2018. Март. — № 1(3). — С. 56.

⁸ Носители крылатых ракет большой дальности развернуты на всех стратегических направлениях // Национальная оборона, 2018. Апрель. — № 4. — С. 1.

⁹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. / <http://base.consultant.ru>

¹⁰ Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

- ¹¹ Захаров И.Г., Землянов А.Б., Шляхтенко А.В. Современные тенденции развития надводных кораблей океанской зоны // Национальная оборона, 2018. Апрель. — № 4. — С. 81–82.
- ¹² Ходаренок М. «Мы в состоянии создать атомный ударный авианосец». 21.08.2017 / <https://www.gazeta.ru/army/2017/08/20/10839386.shtml>
- ¹³ Russia Military Power. — DIA, 2017. — P. 20.
- ¹⁴ GAO-18-360SP/ Weapon System Annual Assessment. — Wash., 2018, April. — P. 50.
- ¹⁵ Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. О системе целей и стратегии устойчивого развития Евразийского экономического союза / Экономические стратегии, 2016. — № 7 (141). — С. 2.
- ¹⁶ Бондаренко А., Гиндранков В. И др. В основе — математическое моделирование // Воздушно-космический рубеж. 2018. Февраль. —
- ¹⁷ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.
- ¹⁸ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. / <http://base.consultant.ru>
- ¹⁹ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.
- ²⁰ См.: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 326–333.
- ²¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
- ²² Russia Military Power. — DIA, 2017. — P. 220.
- ²³ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.
- ²⁴ The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. III.
- ²⁵ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.
- ²⁶ Подберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналитич. доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2016. Декабрь. — 123 с.
- ²⁷ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 29–31.
- ²⁸ Подберезкин А.И. Современная Русская идея и государство. — М.: Обозрева-

тель, 1995; Русский Путь. — М.: Обозреватель, 1999.

²⁹ Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. О системе целей и стратегии устойчивого развития Евразийского экономического союза / Экономические стратегии, 2016. — № 7 (141). — С. 7–8.

³⁰ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 года.

³¹ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 169 с.

³² Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. — М.: Кучково поле, 2016. — 832 с.

³³ Гилёв А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. 2014. — Т. 12. — № 5. — С. 52.

³⁴ См., например: Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 18 Jan. 2018, PP.2-3.

³⁵ См., например: Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 7–24.

³⁶ Путин В.В. Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³⁷ См., например: Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

³⁸ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 15.

³⁹ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 15.

⁴⁰ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 16.

⁴¹ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 16.

⁴² Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 17.

⁴³ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 17.

⁴⁴ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 18.

⁴⁵ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 19.

⁴⁶ Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 19.

- 47 Гончарова И., Долгов В. Усложнение боевого пространства для ВКС // Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — С. 20.
- 48 Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Цифровая платформа как институт технологического прорыва // Экономические стратегии, 2018. — С. 22.
- 49 См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.
- 50 Хен Ким Чин. Наступит ли Pax Asiatica? / Эл. ресурс: «Валдайский клуб», 27/2018.
- 51 Хен Ким Чин. Наступит ли Pax Asiatica? / Эл. ресурс: «Валдайский клуб», 27/2018.
- 52 См., например: Федоров К. Наша авиация: западные измышления в действии, 2017. 6 января / <http://mail.google.com/mail>
- 53 **Публичная (официальная) дипломатия** — зд. совокупность средств и действий, совершаемых официальными органами, в интересах внешней политики государства.
- 54 «**Новая публичная дипломатия**» — зд. совокупность всего спектра всех средств, форм и методов, совершаемых официальными и неофициальными органами государства и ЛЧЦ, для достижения решительных внешнеполитических целей посредством формирования решающего влияния на правящие круги и общественность зарубежных стран.
- 55 Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 325 с.
- 56 Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 57–81.
- 57 См. подробнее: Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 464 с.
- 58 Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. — 86 с.
- 59 Характеристики С-500 будут существенно выше ТНААД // Воздушно-космический рубеж. 2018. Февраль. — № 1(3). — С. 15.
- 60 Дербин Е.А. Презентация. — М.: АВН, 2016. — С. 26.
- 61 Лопин Г., Ваганов А., Миллер А., Смирнов М., Храмичев А. Характеристики С-500 будут существенно выше ТНААД // Воздушно-космический рубеж. 2018. Август. — С. 9–10.
- 62 Гилёв А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. 2014. — Т. 12. — № 5. — С. 47–48.
- 63 Новиков Я.В. Вступительное слово / Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 7.
- 64 См. подробнее последние журнальные публикации: Подберёзкин А.И. Повыше-

ние эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018, №3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

⁶⁵ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — № 5. — С. 19–35.

⁶⁶ См., например: *Подберёзкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 325 с.

⁶⁷ Strategic Trends Programme. Global Strategic Trends — Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015.

⁶⁸ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

⁶⁹ *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce / RAND. Prepared for the United States Army. 2016.

⁷⁰ *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли – М.: Кучково поле, 2016. – С. 46.

⁷¹ *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли – М.: Кучково поле, 2016. – С. 648.

⁷² См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление

политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

⁷³ *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 57–59.

⁷⁴ См., например: *Подберезкин А.И.* Долгосрочный прогноз развития сценария международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

⁷⁵ Этот вариант в 2014–2016 годы мною неоднократно описывался в различных работах, например: *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 169 с.

⁷⁶ *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 148–161.

⁷⁷ *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли – М.: Кучково поле, 2016. – С. 97.

⁷⁸ *Моррис Я.* Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 11.

⁷⁹ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

- ⁸⁰ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли — М.: Кучково поле, 2016. — С. 635.
- ⁸¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
- ⁸² Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. ЦАСТ, 2015. — С. 16 / http://cast.ru/files/Report_CAST.pdf
- ⁸³ См. подробнее последние журнальные публикации: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; Подберёзкин А.И. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; Дербин Е.А., Подберёзкин А.И. Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); Подберёзкин А.И. От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.
- ⁸⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
- ⁸⁵ Федоров Е. Госпереворот. Технология предательства. — Спб.: ИГ «Весь», 2016. — С. 16.
- ⁸⁶ Гилёв А. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике, 2014. — Т. 12. — № 5.
- ⁸⁷ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.
- ⁸⁸ Цит. По: Лиддл Гарт, Бэзил. Стратегия не прямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 452.
- ⁸⁹ См, например: Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ⁹⁰ Степанова А. Что каждый должен знать о бюджете на 2019 год / Эл. Ресурс: «ИТАР-ТАСС» // www.tass.ru. 01.10.2018
- ⁹¹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016 г.

- ⁹² Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 129–170.
- ⁹³ Подберёзкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 34–43.
- ⁹⁴ Агамирзян И. «Возникает вопрос, зачем в такой модели нужен человек...». 12 января 2017 г. / <https://www.business-gazeta.ru/article/334149>
- ⁹⁵ См, например: Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ⁹⁶ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет. — Т. 3, 2011 г.
- ⁹⁷ Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 25–78.
- ⁹⁸ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — № 683 от 31 декабря 2015 г.
- ⁹⁹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». — № 640 от 30 ноября 2016 г.
- ¹⁰⁰ Путин В.В. Указ «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 года № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации». — № 815 от 26 декабря 2014 г.
- ¹⁰¹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности». — № 646 от 5 декабря 2016 г.
- ¹⁰² Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». — № 642 от 1 декабря 2016 г.
- ¹⁰³ Путин В.В. Указ Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — № 683 от 31 декабря 2015 г.
- ¹⁰⁴ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г.
- ¹⁰⁵ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» №640 от 30 ноября 2016 г..
- ¹⁰⁶ См. подробнее последние журнальные публикации: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; Подберёзкин А.И. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; Дербин Е.А., Подберёзкин А.И. Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); Кравченко С.А., Под-

берёзкин А.И. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

¹⁰⁷ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

¹⁰⁸ **Стратегическое сдерживание** — зд.: современная политическая концепция Стратегии национальной безопасности, предусматривающая необходимость своевременного и адекватного противодействия широким набором силовых средств — политических, экономических, военных, информационных в целях предотвращения и отражения возникающих угроз. См.: *Путин В.В.* Указ Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — № 683 от 31 декабря 2015 года.

¹⁰⁹ **Стратегическое управление** — зд.: политическая концепция, выражающая способность нации обеспечить развитие, защиту и продвижения своих национальных интересов и ценностей в мире наиболее эффективными способами.

¹¹⁰ *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI веке // Вестник МГИМО-Университет, 2016. — № 6. — С. 15.

¹¹¹ *Путин В.В.* Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — № 683 от 31 декабря 2015 года.

¹¹² *Путин В.В.* Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — № 683 от 31 декабря 2015 года.

¹¹³ *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО-Университет, 2015 г.

¹¹⁴ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика

знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

¹¹⁵ https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?start_yearonly=1970&end_yearonly=2015&end...

¹¹⁶ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

¹¹⁷ *Rudd K.* UN 2030: Rebuilding Order in a Fragmenting World / <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2016/08/IPI-ICM-UN-2030-Chairs-Report2FINAL.pdf>

¹¹⁸ *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию России. 1 декабря 2016 г. / www.kremlin.ru, 2016, 1 декабря.

¹¹⁹ *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г.

¹²⁰ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

¹²¹ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

¹²² *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Социальные сети как качественно новый фактор системной безопасности России в XXI веке // Вестник МГИМО-Университет, 2016. — № 6. — С. 15.

¹²³ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повы-

шение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

¹²⁴ См., например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

¹²⁵ См., например: *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014 г.

¹²⁶ *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

¹²⁷ *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

¹²⁸ *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

¹²⁹ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

- ¹³⁰ *Подберезкин А.И.* Значение систем боевого управления связи и разведки в военной политике США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М.: Дипломатическая академия, 1989.
- ¹³¹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг. — Т. 1–3.
- ¹³² *Чернавский Д.С., Щербаков А.В.* Социальный и экономический кризис в России. Промежуточные итоги». 10.07.2016 / <http://spkurdyumov.ru/economy/socialnyj-i-ekonomicheskij-krizis-v-rossii-promezhutochnye-itogi/>
- ¹³³ Where Your Income Tax Money Really Goes FY2017 / Lafayette Street. NY, NY 10012. 212-228-0450 / <https://www.warresisters.org/store/where-your-income-tax-money-really-goes-fy2017>
- ¹³⁴ *Harrison T.* Analysis of the FY 2017 Defense Budget. CSIS, 2016. April. P. 3–5.
- ¹³⁵ См, например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ¹³⁶ *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин; [пер. С англ., Е.Я. Мигуновой]. — М.: РИПОЛ, 2016. — С. 33.
- ¹³⁷ См., например: Леонтьев С.К., Гусинский А.М. Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для ответственного оборонно-промышленного комплекса. — М.: МГУ, 2014. — 248 с.
- ¹³⁸ См., например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ¹³⁹ Современная военная политика России: в 2-х т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 1–2.
- ¹⁴⁰ *Подберёзкин А.И.* Социалистический манифест. — М.: ВОПД «ДН», 2001.
- ¹⁴¹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — № 5. — С. 19–35.
- ¹⁴² См. подробный анализ Стратегии: *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 338.
- ¹⁴³ См., например: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е., Харкевич М.В.* Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии. — М.: МГИМО-Университет, аналитич. доклад, 2016. Декабрь. — 123 с.
- ¹⁴⁴ *Гилёв А.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. 2014. — Т. 12. — № 5. — С. 48.
- ¹⁴⁵ *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал.— М.: МГИМО-Уни-

верситет, 2011–2013. — Т. 1–3.

¹⁴⁶ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. — М. 2016. 1 декабря / <http://www.kremlin.ru/>

¹⁴⁷ См., например: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. Т. 1–3. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013.

¹⁴⁸ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г. / <http://www.kremlin.ru/>

¹⁴⁹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

¹⁵⁰ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» № 640 от 30 ноября 2016 г.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Полунин А. Мощная поступь жиреющей России: миллиард к миллиарду / Свободная пресса, 19.10.2018 // svpressa.ru/economy/19.10.2018.

Глава III.
КАК СДЕЛАТЬ ПЕРЕХОД:
переход России к политике
эффективного управления
от политики стратегического
сдерживания

«Используя чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирався сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать». ¹

*Б. Клинтон, выступление на совещании ОКНП США
25.09.1995 г*

Настоящее, а тем более будущее развитие и безопасность России, как уже говорилось выше, не могут быть обеспечены самой эффективной политикой стратегического сдерживания в её нынешнем понимании. Пока что сохраняется положение, когда стратегическое сдерживание только в одной своей, а именно военной части, определяется способностью России предотвратить вооруженное (и, в еще меньшей степени, — ядерное) нападение. Как показывает современная реальность, — поражение в современной войне можно нанести противнику и без формального объявления войны и без массированного использования оружия². Только во 2-ой «иракской войне» США использовали крупные соединения своих вооруженных сил. Все войны последних десятилетия, а, главное, их политические результаты, были получены либо с помощью невоенных силовых средств, либо при помощи сил специальных операций и асимметричных действий³.

Для того, чтобы изменить эту ситуацию необходимо согласиться с тем, что характер современной политики и, в частности, военной политики в XXI веке, стал следствием бурного социально-экономического и военно-технического развития государств и акторов с последней

четверти XX века, что, в свою очередь, радикально повлияло на процессы формирования МО и ВПО, а также средства и способы силового (включая военного) принуждения. Прежде всего, средств и способов системного военно-силового принуждения или (используя традиционное выражение) политики силы. Яркий пример — действия российских ВКО в Сирии и их возможности (в частности, РЭБ и ПП), которые проявились, например, в результате уничтожения самолёта Ил 20, за которым произошли радикальные изменения в ВПО в регионе.

Таким образом, чтобы выбрать алгоритм действий необходимо признать, что выстраивается логическая цепочка, состоящая из следующих основных частей (о которой говорят многие годы, но по какой-то случайности — приходи или сознательно — не реализуют эту логику до своего конца)⁴:

- Стратегическое сдерживание зависит **от эффективности всей политики безопасности страны**, а не только ядерного оружия и «ядерного сдерживания», на которые уповают многие политики и военные деятели. В последние десятилетия возникли и стремительно развиваются другие факторы, обеспечивающие безопасность, — военные и не военные, — которые значительно шире, чем только ЯО. Необходимо это признать (что делается неформально и неохотно), а значит и научиться максимально эффективно использовать. Особенно если речь идет о сочетании военных и политико-дипломатических, информационных и иных средств.
- Политика безопасности зависит в возрастающей степени от **внутриполитической стабильности в стране и эффективности внешней политики**, которая также влияет на внутривнутриполитическую стабильность. Это — не новое явление: революции 1905 и 1917 годов во многом стали следствием войн, которые велись в то время.

В настоящее время Россия ведёт активную внешнюю политику, которая выражается, в том числе и в участии (в разных формах) в конфликтах в Сирии и на Украине и в других регионах. Надо понимать, что только положительные результаты такой политики могут положительно влиять на внутривнутриполитическую стабильность, а спорные (как участие СССР в конфликте в Афганистане), особенно препарированные СМИ, могут резко **негативно отразиться** на внутренней политике.

-
- Эффективность внешней и внутренней политики зависит, прежде всего, от темпов и качества социально-экономической политики и развития нации, которые определяются, прежде всего, **качеством и темпами развития человеческого капитала и его институтов**. Это означает, что и эффективная безопасность нации и государства, стратегическое сдерживание, в конечном счёте, зависят от темпов и качества развития НЧК и его институтов. Соответственно, справедливо и то, что усилия и ресурсы, затраченные на эти цели, будут наиболее эффективно с точки зрения безопасности и стратегического сдерживания, а значит необходимо провести переоценку существующей политики под этим углом зрения, сконцентрировав усилия и ресурсы на ускорении развития НЧК и его институтов.
  - Социально-экономическое развитие зависит от эффективности государственного и общественного управления, **которые измеряются конкретными результатами**. Надо признать, что в последние десятилетия эффективность управления была крайне низкой, а иногда и преступной. Это необходимо для того, чтобы:
    - во-первых, реально оценить роль управления и правящих элит в развитии нации и государства, возложив на них политическую, цивилизационную, нравственную и правовую ответственность за ошибки и преступления. Пока этого не будет сделано, не удастся вернуть ощущения чувства ответственности правящей элиты и её конкретных представителей;
    - во-вторых, необходимо вернуть главный критерий управленческой деятельности — результат (и его качественные и количественные оценки), который был оттеснен в эти десятилетия другими характеристиками — лояльностью, преданностью, угождением и пр.;
  - Эффективность национального управления зависит от способности и качества национальной правящей элиты, адекватности доминирующих взглядов, представлений и идеологии, составляющих в систему национальных ценностей и приоритетов, способности и организации к стратегическому прогнозу и планированию.
Необходимо **вернуть требования** к представителям управленческого звена правящей элиты, которые (не смотря на многочисленные

бюрократические инициативы) были в последние годы сведены к формальностям, либо вообще отсутствовали.

Во многом это стало следствием отсутствия у правящей элиты наиболее общей системы взглядов, т.е. Идеологии национального развития, которая отрывочно, «де-факто» формируется как под влиянием публичных выступлений, так и (более реально) тех российских реалий, которые бывают иногда сомнительны и даже опасны.

Очевидно, что говорить об эффективной политике стратегического сдерживания, т.е. только военной составляющей (даже только ядерной), бессмысленно, не определившись с более важными политическими и нравственными приоритетами, о некоторых из которых было сказано выше. Вместе с тем, подробнее анализировать эти общие политические и социально-экономические приоритеты в данном разделе автор не будет: это было уже им сделано многократно в 90-е годы и позже⁵. В этой части акцент будет сделан на логике максимально эффективного противодействия со стороны России в более широком понимании и узелком — повышение эффективности стратегического сдерживания.

3.1. Как эффективнее учесть суть, особенности и характер современного военно-силового противоборства в политике стратегического сдерживания?

Переход к политике стратегического управления от политики стратегического сдерживания равнозначен тому переходу, который в своё время произошел с появлением ЯО и появлением «ядерного сдерживания». Это произошло:

- Во-первых, не сразу, а по мере испытания и накопления ЯО и средств его доставки в США и СССР.
- Во-вторых, в соревновании военно-технических и экономических возможностей.
- В-третьих, с эволюцией военного искусства.

— В-четвертых, с изменением (во многом под влиянием этих процессов) МО и ВПО в мире.

Есть все основания полагать, что процесс «расширения» ядерного сдерживания (как минимум, по этим же пунктам и особенностям) начал развиваться и в настоящее время. Более того, этот процесс развивается объективно и в минимально степени зависит от России: кроме двух государств в нем, так или иначе, участвуют не только другие страны, но и целые коалиции государств, более того, — локальные человеческие цивилизации.

Само по себе общественное развитие — это, наверное, самый многогранный процесс для осмысления его человеком. Сегодня имеют место быть два главных подхода к развитию общества, а именно цивилизационный и информационный. Так как выше мы рассматривали общественные формации, начнем с формационного подхода⁶.

Теоретическими сторонниками формационного подхода являются Карл Маркс, Фридрих Энгельс и В.И. Ленин, которые заявляли, что развитие общества состоит из определенных периодов — общественно-экономических формаций, и первая из них — первобытнообщинный строй. Приверженцы формационного подхода отводят решающую роль в общественном развитии историческим закономерностям и объективным законам; состояние общества совершенствуется за счет разрешения противоречий (нахождения временной совместимости) между постоянно развивающимися производительными силами и обновляющимися производственными отношениями. В основе формационного подхода, по мнению одних ученых, лежит экономическая основа, объясняющая разнообразные общественные процессы, хотя мы знаем, что это не так. В ряде восточных и азиатских государств не было рабовладения, а человеческий фактор затирался действиями объективных законов.

Для всестороннего понимания общественного развития перейдем к рассмотрению цивилизационного подхода. Многие ученые по-своему трактовали цивилизации, описывая их в своих трудах и называя устойчивой общностью людей одних традиций и похожего образа жизни (Арнольд Тойнби). Другие ученые (Освальд Шпенглер) рассматривали цивилизацию как высший уровень развития общества и завершающий период культуры. Последние определения сводятся к совокупности духовных и материальных результатов жизнедеятельности общества.

Схематично структура цивилизации представлена на рис. 3.1.

Для понимания цивилизационного подхода следует напомнить, что существует две разновидности теории цивилизаций. Питирим Сорокин, Карл Ясперс, Элвин Тофлер, Уолт Ростоу — приверженцы теории стадийного развития цивилизации как единого непрерывающегося процесса, начавшегося много столетий назад и затрагивающего все общественные отношения и их сферы. В рамках этого направления были созданы отдельные теории, например теория пяти стадий экономического роста. Вместе с этим наблюдается распространение теорий локальных цивилизаций. Одни ученые называют восемь основных цивилизаций, другие в рамках наций до 30 цивилизаций. Сэмюэл Хантингтон различал конфликты цивилизаций двух видов. Первый (на микро-мезоуровне) заключается в борьбе народов за власть и землю. Второй (на макромегауровне) основывается на постоянном соперничестве государств, представляющих разные цивилизации, в экономической и военной областях — за курирование международных организаций и различных рынков.

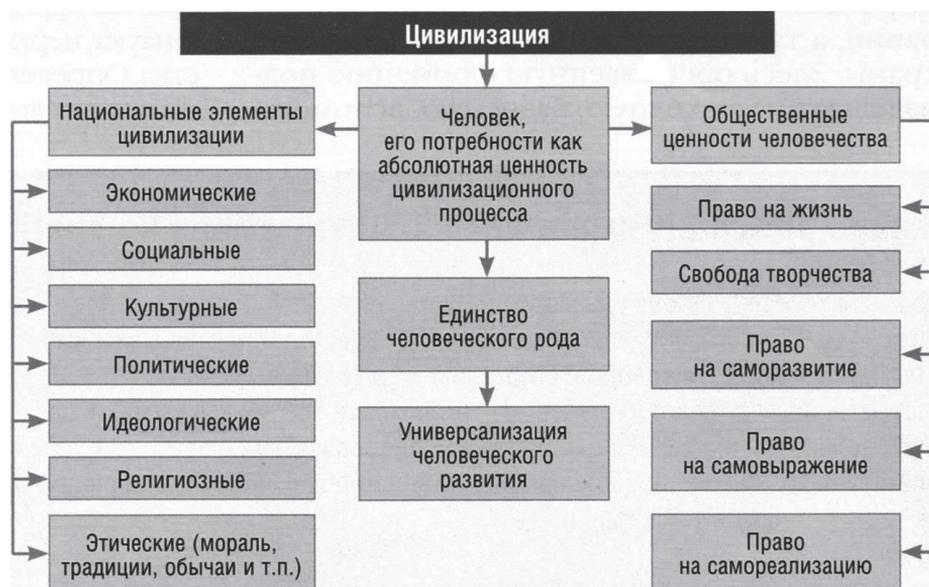

Рис. 3.1 Ценности человека и элементы цивилизации

Локомотивом цивилизации являлось требование внешней среды (А. Тойнби). В связи с войнами, стихийными бедствиями или внутренними конфликтами цивилизации периодически уходили в небытие, пройдя периоды зарождения и роста, дезинтеграции и надлома вплоть до полного уничтожения⁷.

Указанные два направления в определенном смысле помогают по-разному рассмотреть историю. Первое направление идет от общего к частному, второе — наоборот. В таблице 3.1 приведено сравнение достоинств и недостатков цивилизационного и формационного подходов.

Цивилизационный подход делает акцент на социокультурных факторах, а формационный — на экономических⁸.

Взаимосвязи и взаимодействие цивилизаций

Рассмотрим вопросы взаимосвязей, взаимовлияния и взаимодействия цивилизаций с учетом современных проблем в обществе и сообществах. Мир цивилизаций, для которых характерно высокое качество жизни и взаимодействие подсистем (ряд развитых стран Европы, а также Япония, США и Канада), начинает пополняться новыми участниками.

3.1.а). Учёт особенностей и характера современного противоборства в политике безопасности России

При разработке политики эффективного стратегического сдерживания в России необходимо учитывать, что эта новая военно-силовая политика Запада (политика «силового принуждения») в своей основе исходит из нескольких базовых положений, которые выходят далеко за границы собственно политики безопасности и компетенции Совбеза, МО, МИД и других ведомств, отвечающих за разработку стратегического сдерживания, а именно⁹:

— самых решительных политических целей, предполагающих,

Таблица 3.1 Сравнительный анализ цивилизационного и формационного подходов

Линия сравнения	Формационный подход	Цивилизационный подход
Соотношение объективных и субъективных факторов общественного развития	Объективные закономерности развития носят всеобщий характер. Хотя общественные законы складываются в результате деятельности людей, они непреложны	Человек — единственный творец истории; общественно-историческое познание — это познание человека через формы и продукты его трудовой, социальной, политической и другой деятельности
Соотношение материальных и духовных сфер	Материальные факторы играют решающую роль в развитии общества	Ценностные установки мировоззрения играют в развитии общества не меньшую роль, чем материальные факторы
Направленность исторического развития. Понятие «прогресс»	Общество движется от более низкой к более высокой ступени развития. Главные критерии прогресса связаны с совершенствованием производственных отношений	Каждая цивилизация неповторима, каждая вносит свой оттенок в палитру человеческого многообразия. Прогресс относителен, он может охватывать отдельные сферы жизни общества: экономику, технологии. Применительно к духовной культуре это понятие можно использовать очень ограниченно

Линия сравнения	Формационный подход	Цивилизационный подход
Достоинства	<p>Позволяет:</p> <ul style="list-style-type: none"> – увидеть то общее, что было в историческом развитии различных народов; – представить историю человеческого общества как единый процесс; – установить определенные закономерности исторического развития общества; – предложить определенную периодизацию всемирной истории и истории отдельных стран 	<ul style="list-style-type: none"> – Позволяет глубоко изучить историю конкретных обществ и народов во всем их многообразии и специфике; – ориентирует на изучение тех сторон общественной жизни, которые обычно выпадают из поля зрения сторонников формационного подхода (ценности, национальные особенности, духовная жизнь, психология и др.); – ставит в центр исследования человеческую деятельность и человека
Недостатки	<ul style="list-style-type: none"> – Многие народы не проходили в своем развитии через все и даже через большинство формаций; – большинство процессов политического, духовного, идейного, культурного порядка не могут быть без искажений и упрощений объяснены с чисто экономических позиций; – последовательное применение формационного подхода неизбежно отодвигает на задний план роль человеческого фактора, человеческую деятельность; – недостаточное внимание уделяется своеобразию, уникальности, неповторимости отдельных народов и обществ 	<ul style="list-style-type: none"> – При своем последовательном применении ведет к тому, что становится невозможным взгляд на всемирную историю как единый процесс исторического развития человечества в целом; – создает возможность полного отрицания единства человеческой истории, изоляции целых народов и обществ; – сводит к минимуму возможности исследования закономерностей исторического развития человеческого общества

- в конечном счете, разрушение национальной идентичности России и её суверенитета, что изначально не предполагает поиск компромиссов и поля для сотрудничества, которые могут быть использованы только в качестве тактического приема (по аналогии с Договором по ПРО 1972 действовавшим только на период проведения соответствующих НИОКР США);
- формирования военно-политической коалиции во главе с США, в которой в той или иной форме участвуют в разное время порядка 60 государств, т.е. создания единого фронта противоборства с Россией;
  - слабости коалиционных (особенно военно-политических) возможностей России, которые ограничены перспективами развития ОДКБ и широких «клубных» коалиций типа БРИКС и ШОС;
  - крайне невыгодного соотношения сил между Россией и западной коалицией, которое, может соотноситься как 1:25, если речь идет о ВВП, 1:50, если речь идет о соотношении СМИ и других инструментов мягкой силы, и 1:75 и более, если речь идет о новейших технологиях;
  - отсутствию в России эффективного государственного управления, слабой правящей элите (часть которой ориентирована на Запад), нарастающем социально-экономическом неравенстве и напряжении в обществе, что в совокупности создаёт условия для внутривнутриполитической дестабилизации страны.

Поэтому собственно современное эффективное стратегическое сдерживание предполагает способность нации вообще и государства, в частности, противодействовать политике «силового принуждения», реализуемой в самых разных формах и разными способами¹⁰. Оно не определяется компетенцией только Президента РФ, Совбеза, МИД и других силовых ведомств, а является предметом внимания всей нации и общества.

Это обстоятельство в полной мере относится к средствам и способам политики. В том числе — и чаще всего — силовыми, но далеко

не всегда военными средствами, против которых военная сила бывает чаще всего бесполезна. Так, отказ от возможности долгосрочных финансовых займов, а тем более аресты депозитов и активов, не могут быть предотвращены вооруженным насилием. Также как ограничения на участие в международных обменах и мероприятиях, но, прежде всего, противодействие информационно-когнитивному и цивилизационному воздействию. В конечном счете, необходимо всегда помнить, что развал ОВД и СССР не были результатом военного поражения, а проигрышем на других полях противоборства — концептуально-когнитивного, идеологического, информационного, экономического и социального.

Те средства и способы силового принуждения, которые разрабатываются сегодня в США и странах-союзниках по военно-политической коалиции, представляют собой, как правило, принципиально новые способы силового принуждения России, её правящей элиты, к политической капитуляции, которая, в конечном счете, должна привести к национальной и государственной катастрофе. Эти решительные и бескомпромиссные цели означают, что такие же бескомпромиссные будут средства и способы силового принуждения России. Поэтому необходимо сделать, как минимум, вывод о том, что средства и способы противодействия должны быть такими же бескомпромиссными и эффективными¹¹.

В целом разработка и внедрение таких эффективных средств и способов противодействия политике силового принуждения Запада и составляет собой суть понятия «эффективное стратегическое сдерживание», которое значительно шире, чем традиционное (и упрощенное) восприятие политики «ядерного сдерживания» («устрашения»). Таким образом, новая задача, стоящая перед политикой стратегического сдерживания России, заключается в поиске эффективных средств противодействия политике силового принуждения Запада в новых условиях формирования МО и ВПО.

На Западе признают, что в России несколько лет назад начался пересмотр важнейших положений военного искусства, который они связывают с НГШ ВС РФ В. Герасимовым. Так, один из авторов, М. Макью, пишет: «В феврале 2013 года генерал В. Герасимов — начальник

Таблица 3.2 Боевое использование крылатых ракет ЗМ-14 против террористов в Сирии¹²

Дата	Объекты атаки	Корабли-носители	Количество использованных ракет
7.10.2015	Объекты в провинциях Ракка, Идлиб, Алеппо	РК «Дагестан», МРК «Град Свяжск», «Углич», «Великий Устюг»	26
20.11.2015	Объекты в провинциях Ракка, Идлиб, Алеппо	РК «Дагестан», МРК «Град Свяжск», «Углич», «Великий Устюг»	18
8.12.2015	Объекты в провинциях Ракка	ДЭПЛ «Ростов-на-Дону»	4
19.08.2016	Объекты в Дар-Тааза и Алеппо	МРК «Зеленый Дол», «Серпухов»	3
15.11.2016	Объекты в провинциях Идлиб и Хама	ФР «Адмирал Григорович»	3
30.05.2017	Объекты в районе Пальмиры	ФР «Адмирал Эссен», ДЭПЛ «Краснодар»	4
23.06.2017	Объекты в провинции Хама	ФР «Адмирал Эссен», «Адмирал Григорович», ДЭПЛ «Краснодар»	6
ВСЕГО			74

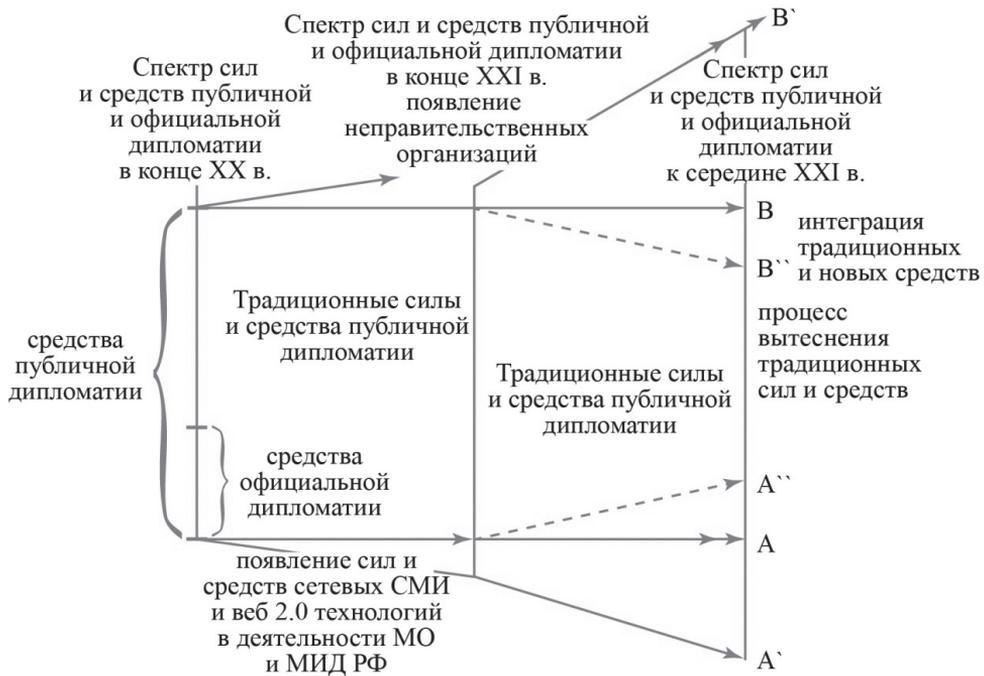

Рис. 3.2 Расширение спектра сил и средств публичной и официальной дипломатии в XXI веке (на примере МИД и МО РФ)

российского Генерального штаба, что примерно соответствует американской должности главы Объединенного комитета начальников штабов, — опубликовал в российской отраслевой газете «Военно-промышленный курьер» статью размером в 2000 слов под заголовком «Ценность науки — в предвидении». Герасимов взял тактику, разработанную в Советском Союзе, смешал ее со стратегическими военными идеями о тотальной войне и сформулировал новую теорию современной войны, предполагающую, скорее, не прямую атаку на противника, а «взлом» его общества. «Сами «правила войны» существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия... Все это дополняется военными мерами скрытого характера», — писал он¹³.

3.1.6). Суть современной политики безопасности России

Эту статью многие считают самым ясным выражением современной российской стратегии, опирающейся на идею тотальной войны и помещающей политику и войну в одну плоскость — как с философской, так и с технической точек зрения. Такой подход подразумевает партизанскую войну, ведущуюся на всех фронтах с использованием широкого спектра союзников и инструментов — хакеров, СМИ, бизнеса, «сливов» и да, фальшивых новостей, — а также обычных и асимметричных военных методов. Благодаря интернету и социальным сетям, стали возможны операции, о которых советские специалисты по психологической войне могли только мечтать. Теперь можно перевернуть в стране у противника все вверх дном исключительно с помощью информации. Доктрина Герасимова подводит под применение этих новых инструментов теоретическую базу и провозглашает невоенную тактику не вспомогательным элементом при силовых методах, а предпочтительным путем к победе. Фактически она объявляет именно это настоящей войной. Кремль стремится создавать хаос — недаром Герасимов подчеркивает важность дестабилизации вражеского государства и погружения его в постоянный конфликт.

Вместе с тем коренного пересмотра Стратегии национальной безопасности России и концепции стратегического сдерживания пока не произошло. Складывается впечатление, что управление страной остановилось в размышлениях об основных направлениях дальнейших реформ. Другими словами, можно сказать, что мы стоим перед очевидной необходимостью развития, но так и не выбрали конкретного пути движения¹⁴.

Последовательность решения этой проблемы должна быть следующей:

- выдвижение максимально конкретной идеи и обоснование прикладной стратегической концепции обеспечения именно национальной безопасности (а не только государственной безопасности, как сегодня), в основе которых лежит прогноз развития ВПО в мире и России;
- формулирование прикладной политической и военной стратегии (по аналогии с американской стратегией «силового прину-

- ждения»), определение основных целей, уточнение объема и качества национальных ресурсов и разработка новых способов достижения сформулированных целей;
- политическое и законодательное оформление стратегического плана противодействия политике силового принуждения Запада в соответствующих правовых и нормативных документах и решениях, выделение конкретных задач, сроков и ответственных исполнителей;
  - обеспечена повседневная реальная политическая управленческая деятельность по организации выполнения сформулированной стратегии, включая прикладное административное, правовое, идеологическое и нормативное регулирование.

Но прежде всего, необходимо решить организационно-политические вопросы. Также как они были оперативно решены в июле 1941 года при создании Государственного Комитета Обороны СССР, когда была создана новая система управления нацией и страной в чрезвычайных условиях, новая концепция обороны, принципиально новая организация государственного и военного управления.

Без ясного определения субъекта, который будет отвечать за реализацию всего проекта, дальнейшая работа теряет всякий смысл. Можно в этой связи привести следующие примеры: создание «правительства Гайдара» привело к политике радикальных либеральных реформ, «правительства Черномырдина» — к политике кризисного управления, «правительства Примакова» — к политике антикризисного управления, а «правительства Путина» — к политике в условиях чрезвычайных ситуаций. Последующие правительства, так или иначе, были правительствами, реализующими (с разной степенью успеха) политику инерционного развития и стабилизации, очень медленного выползания из той глубокой ямы, в которой оказалась Россия к концу 90-х годов.

Эффективная стратегия стратегической² стабильности и обеспечения безопасности невозможна — ни на стадии подготовки, ни на стадии реализации — без ясного определения того субъекта, который будет эту стратегию реализовывать. Особенно важно в этой связи подчеркнуть, что основная проблема государственного управления России — безответственность и неэффективность — без этого решения о субъекте решена, не может быть в принципе.

«Предложения по формированию требований к исходным данным, обеспечивающим планирование политико-дипломатических мероприятий стратегического сдерживания и предотвращения конфликтов на 2021–2040 гг.»

Это официальное название из ТЗ означает разработку методов проведения активной внешней политики МИД РФ и смежными структурами в связке с Минобороны. Здесь также возможно представить какой-то план таких мероприятий на 2021–2040 — например, несколько знаковых соглашений, которые потребуются заключить или продлить в описываемый период. На ум сразу приходит СНВ-3, или заменяющий его договор после 2021–26. Можно пофантазировать на тему того, какие форматы многосторонних соглашений в части стратегического сдерживания возможны и набросать ни к чему не обязывающий проект. Также можно описать важнейшие направления приложения внешнеполитических усилий в описанный период.

Однако главной задачей для этого раздела является теоретическое описание схем реформирования внешнеполитических ведомств в направлении проведения политики, основанной на долгосрочном стратегическом планировании — собственно предлагаемый план мероприятий в этом разделе только иллюстрирует желаемую методологию работы МИД и других структур. Предлагаемые схемы и методы должны опираться на взаимодействие с Минобороны по некоторой предлагаемой схеме и перечень данных и параметров, которые должны согласовываться в интересах долгосрочного планирования обороны и выработки внешнеполитических стратегий.

Обращаю внимание на то, что под стратегическим сдерживанием понимаются не только ядерные силы, но и перемещения группировок войск, проведение учений, демонстрация боеготовности, пиар-акции, преднамеренные утечки информации, анонимные заявления, публичная дипломатия и т.п. Заказчик желает наиболее полного описания всего спектра возможных мероприятий, которые могли бы влиять на стратегическое сдерживание, но полноту и целесообразность предлагаем мы сами. Важно только помнить, что стратегическое сдерживание рассматривается расширительно, и не ограничивается только официальной дипломатической линией.

3.1.в). Реформирование органов управления внешней и внутренней политики России, определение приоритетов ресурсов и возможностей

... Россией сегодня правят троечники. И не нужно предъявлять к ним требования, установленные для отличников. Учиться на пятерки они все равно не будут. Нет мотивации. У них и так все хорошо. Ресурсов бездонной страны до последнего экзамена все равно хватит¹⁵

*С. Белковский,
политолог*

Стратегия — это, прежде всего, максимально точное формулирование целей, основанных на реальных интересах, и распределение ресурсов, а также поиск наиболее эффективных способов их использования. И первое, и второе, и особенно третье, — требует максимальной мотивации и напряжения всех творческих сил от тех, кто готовит и принимает решения. В нашем случае, при переходе от политики стратегического сдерживания к политике управления, требования к интеллектуальному и творческому потенциалу многократно возрастают. Банальные «исполнительские» решения, которыми отличаются сегодня, как правило, подходы нашей правящей элиты, уже не нужны потому, что нужны некие качественные прорывы, а не унылая инерция. Требуется максимально быстрое и эффективное получение **конечного результата**, а не промежуточных «решений». Это справедливо как к области политики, так и требованиям к новейшим ВВСТ.

В России за год ухудшилось качество государственного управления. Это следует из результатов исследования Всемирного банка, которые опубликованы на его сайте. Улучшение этого показателя стало одной из задач в рамках майского указа президента Владимира Путина.

Задача построения в России шестого технологического уклада без посторонней помощи и в условиях финансовой и экономической блокады разрешима, но требует грамотного управления «ледяной войной» и еще более грамотного управления этим управлением¹⁷.

Рис. 3.3 Основные факторы, обуславливающие применение современных Технических средств разведки (ТСР), функционирующие на различных физических принципах¹⁶

Генерал Н.П. Бобырь добровольно сдал немцам крепость Новогеоргиевск. До окончания войны оставался в плену, затем вернулся в Россию. Расстрелян в Ялте.

Генерал М.В. Алексеев не сумел обеспечить взаимодействие русских фронтов в кампании 1916 г., что привело к потере 2,7 млн. человек убитыми, ранеными и пленными и стало непосредственным поводом к Февральской революции. Умер от пневмонии в Екатеринодаре.

Германская революция убивала меньше, но никто из военных и политических деятелей, приведших Второй рейх к поражению, более никогда не занимал сколько-нибудь значимой управленческой «позиции». «Это касается даже таких великих генералов, как Эрих Людендорф и Август фон Макензен и популярного в армии кронпринца Вильгельма. Единственным исключением оказался Пауль фон Гинденбург.

Распределение механизмов ротации элит представлено в табл.3.3.¹⁸

Соотношение легитимной и нелегитимной ротации элит 2 к 1, видимо, представляет собой некую социальную норму.

Таблица 3.3 Распределение механизмов ротации элит

Механизм ротации	Германия	Австро - Венгрия	Россия	Велико-Британия	Франция	Прочие	Всего	%
Добровольная отставка				1		1	2	4
Вынужденная отставка	2	3	3	5	1		14	27
Отстранение	3	1	1	1	3	9	18	35
Всего легитимная ротация	5	4	4	7	4	10	34	67
Ротация через смерть		3		1			4	8
Ротация через революцию	2	3	6			2	13	25
Всего нелегитимная ротация	2	6	6	1		2	17	33
Всего	7	10	10	8	4	12	51	

Россия, будучи страной с четкой авторитарной традицией, никогда не имела легитимного институционализированного механизма ротации элит. Отставки производились (и сейчас производятся) по воле первого лица, вне зависимости от того, называется ли это лицо императором, генеральным секретарем или президентом.

Такая система может нормально работать, но предъявляет очень высокие требования к сюзерену, который должен иметь независимые от бюрократического аппарата каналы получения информации, обладать рефлексией, уметь отличать работающее от неработающего и успех от неудачи, ставить интересы страны выше личных отношений.

Николай II не отвечал ни одному из перечисленных требований, поэтому в стране отсутствовало управление управлением войной.

Великий князь Николай Николаевич делал что мог, но традицию, согласно которой громкие отставки — прерогатива монарха, старался не нарушать. Очень характерно для российской системы управления: когда командующий фронтом (Н.В. Рузский) захотел сменить командующего армией (П.К. Ренненкампа), ему потребовалось для этого собрать чрезвычайное совещание с участием обоих командующих фронтами, их начальников штабов и главных начальников снабжения, верховного главнокомандующего и др.

Показатель индекса качества госуправления (WGI), ежегодно рассчитываемого Всемирным банком для каждой страны в отдельности, в 2017 году для России равнялся минус 0,48 пункта. Это на 0,06 пункта хуже, чем было по итогам 2016-го.

>> Названы главные пострадавшие от майских указов

Индекс рассчитывается на основе шести критериев: подотчетности властей, политической стабильности и отсутствия насилия, эффективности правительства, качества госрегулирования, верховенства закона, а также контроля над коррупцией. Нейтральным уровнем считается ноль, худшим — минус 2,5 пункта, лучшим — плюс 2,5 пункта. Лучший показатель для России был достигнут в 2004 году — минус 0,12, и с тех пор снижался: в 2015 году он равнялся минус 0,52, в 2016-м — минус 0,42¹⁹.

Далее: https://finance.rambler.ru/economics/40875465/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Переход к стратегии управления развитием и безопасностью от стратегического сдерживания, таким образом, потребует перемен в том узком слое правящей элиты, который сложился за последние десятилетия. При его формировании лежали самые разные принципы (даже если они таковыми и не считались) — «близость к телу», «исполнительность», «делегирование бизнесом» и т.д., но только не главный принцип — эффективность в получении результата. Карьеры большинства чиновников — это карьеры «менеджеров», которые в своей деятельности не добились результатов. Никто, кстати, таких результатов и не ожидал, и не спрашивал.

При переходе к стратегии управления требуется иное, а именно результат. Если для реализации политики «стратегического сдержива-

ния» по большому счёту ничего не требовалось кроме создания видимости «неотвратимого поражения», которая (видимость) в политике использовалась крайне редко, хотя и создавала иллюзию защиты, то при стратегии управления требует ежедневная и ежечасная защита интересов и реализация поставленных реальных, может быть, частных целей. Другими словами, требуется конкретная и эффективная повседневная работа. Работа, которая в МО была востребована крайне редко в предыдущие годы (в Чеченских АТО и конфликте с Грузией), да и то не всегда успешно.

Сирийский опыт — исключение, подтверждающее правило, которое показало, что в новых условиях требуется именно навык управления, а не умения «сдерживать». Именно в Сирии управленческий поход к политике доказал свою эффективность потому, что там ограниченность в использовании военных средств и способов (при всём многообразии их применения в рамках отведённых границ и правил) сочеталось с обилием политико-дипломатических, информационных и прочих «асимметричных» средств и способов. Именно сирийский, пусть и ограниченный, опыт применения всех средств в режиме управления (в т.ч. инициативы, смены тактики, сочетания военных и политических средств) продемонстрировал, на мой взгляд, объективную неизбежность смены стратегии.

Переход от стратегического сдерживания к стратегии управления предполагает:

Первое. Точное и своевременное, а также неординарное определение задач, приоритета ресурсов, выбор средств и методов (нередко разработка качественно новых) противоборства, которые зависят, прежде всего, от эффективности органов управления и средств управления. Прежние институты управления просто-напросто не в состоянии решать эти задачи. Именно так и произошло в Сирии, где были созданы новые органы военно-политического управления. Поэтому любые шаги по созданию новой стратегии требуется начинать с создания такого эффективного органа.

Необходимо изначально признать, что традиционные органы управления внешней политикой — Совет безопасности, МИД РФ, а также аппарат помощника президента, МО, Генеральный штаб

и СВР — не смогут в настоящее время уже адекватно реагировать на складывающуюся в мире военно-политическую ситуацию. Они в принципе не могут обеспечить эффективное стратегическое сдерживание потому, что их деятельность слабо координируется с другими органами власти и общества (существуют в реальности такие явления, как: «политика ГАЗПРОМа», «политика минфина», «политика Минобороны», МЧС, ГРУ, СВР и т.д.), а общенациональные ресурсы используются неэффективно и не полностью, причем процесс разработки и принятия решений — непростительно затягивается.

Основная причина в том, что в соответствии с Конституцией РФ за внешнюю политику страны и её безопасность отвечает Президент, который должен быть обеспечен механизмом реализации общей национальной и государственной, а не ведомственной политикой. В настоящее время такого механизма нет, что неизбежно ведет к существованию одновременно «разных политик». Если при СССР функцию координации (идеологической и организационной) общей внешней политики осуществлял ЦК КПСС в лице политбюро (члена политбюро, министра иностранных дел) и секретарей ЦК КПСС, то в настоящее время координацию соответствующих направлений не осуществляет никто.

Нужна общая ясная идеология (стратегия), обязательная для выполнения, а не в виде малоизвестной Концепции внешней политики, которая не обязательна для выполнения даже в МИД, не говоря уже о других организациях, ведомствах, а тем более институтах общества. Кроме того, нужна общая кадровая политика, когда сферы действия отдельных институтов, пересекаясь, не должны противоречить друг другу.

Таким образом, требуется принципиальная реформа механизма управления внешней политикой, в результате которой такая политика стала бы не просто скоординированной, **а единой**, представляющей интересы не только все основных властей и органов управления (законодательной, исполнительной и даже судебной власти), но и всего общества и бизнеса. Только такая единая политика может быть управляемой, прежде всего, активной, наступательной, а не только оборонительной.

Суть идеи заключается в том, что политика безопасности России в XXI веке (учитывая фактически развивающийся военно-силовой сценарий ВПО) должна быть **единой**, подчиняющейся конкретному органу, где отдельные структуры и органы государственного и общественного управления, становятся частью такой **общей политики**. МИД РФ, Минобороны, ФСБ, МЧС, а также все другие силовые и прочие органы управления должны координировать свою деятельность в рамках **общей политики безопасности**.

Функции управления должны быть сосредоточены (по аналогии с ГКО СССР) в компетенции Совета национальной безопасности под руководством Президента России. Такой Совет стал бы органом оперативного управления, а не только совещательным органом при Президенте РФ, причем уже не только институтов государства, но и общества, и бизнеса, т.е. стал бы в реальности общенациональным.

Более широкий состав Совета безопасности может составлять другой орган — такой, например, как Госсовет, куда могут входить не только федеральные министры, но и госбанки, губернаторы республик и крупных регионов, руководители парламентских фракций.

В обязательном порядке должны присутствовать две категории — представители частного бизнеса и институтов гражданского общества.

Это единый орган должен обеспечить перевод внешней политики из компетенции МИД в компетенцию органа общенационального управления с тем, чтобы использовать методы и средства не только традиционной дипломатии, но и других возможностей и институтов нации:

- активизацию внешней политики, перехват инициативы и навязывание своих правил противоборства, а не реагирование на создаваемые реальные и мнимые угрозы. Современная политика стратегического сдерживания является изначально сугубо оборонительной не только формально (в соответствии со Стратегией), но и по своей сути, хотя известно, что только оборонительными действиями эффективной обороны, а тем более победы, добиться невозможно;
- координацию всех ветвей власти и органов государственного управления, а также бизнеса и общества в рамках единой стра-

тегии безопасности. Необходим переход от стадии повышения координации на стадию единой политики безопасности, когда необходимо одновременно и в разных масштабах использовать все ресурсы, возможности, способы и средства самых разных институтов и граждан;

- повышение оперативности управления, контроля и эффективности, включая снижение затрат, для реализации политики. На стадии сетцентрического управления всеми ресурсами и способами против множества целей одновременно невозможно сохранить управляемость политикой безопасности (в частности, если использовать одновременно средства МИД, Минобороны, Минфина и общественных институтов).

Второе. Следующий шаг — необходимо определить с достаточно высокой точностью, какими ресурсами обладает нация для эффективного стратегического сдерживания потому, что у руководства страны до сих пор:

- нет точной информации об имеющихся реальных и потенциальных ресурсах;
- руководство далеко не всегда в своей политике использует те ресурсы и возможности, которые есть у нации (а не только у государства).

Соответственно при планировании подобных мероприятий по повышению эффективности стратегического сдерживания, в том числе в политико-дипломатической области, мы должны четко понимать свои возможности во всех областях противоборства — информационного, политического, культурного, финансового и военного, — включая, прежде всего те, которые могут потребоваться в случае силового давления. Другими словами, необходима точная информация, как об имеющихся ресурсах, так и возможностях. Причем не только государственных, но и общественных, и бизнеса. Иначе говоря, начинать надо с очень **тщательной инвентаризации**, выяснения того объема и того качества ресурсов, которые имеются в распоряжении руководства страны.

Кроме того, необходимо обратить внимание на мощные и не используемые ресурсы нации в интересах безопасности, прежде всего,

творческий потенциал личностей — национальный человеческий капитал и его институты.

Третье. Определение возможностей использования тех или иных ресурсов, а также поиск и разработка новых, более эффективных способов и форм политико-дипломатического и военного искусства.

* * *

Разработка предложений по формированию требований и технологиям формирования выходных документов, обеспечивающих планирование политико-дипломатических мероприятий стратегического сдерживания и предотвращения конфликтов на период 2021–2040.

Здесь требуется предоставить перечень собственно данных, параметров и запросов, которые МИД (или какая-то другая структура) хочет получать от Минобороны и других ведомств в интересах проведения активной внешней политики. Разумеется, мы говорим о какой-то сугубо теоретической модели. Основой этого раздела должен стать аннотированный перечень данных военно-стратегического характера, описывающий:

- Запрашиваемые данные;
- Обоснование того, в каких интересах они нужны или могут пригодиться;
- Пожелания к формату их представления и сроки выполнения запроса.

Требуется описать 20–25 параметров, которые нужны для заключения-продления существующих соглашений и выработки новых. Среди параметров могут быть разведывательные оценки и экспертные заключения, аналитические записки. Тем не менее, заказчик ждет, что не менее 4/5 запрашиваемых параметров будут описываться какими-то цифрами, которые они могут оперативно предоставить. Например, число развернутых танков на таком-то направлении.

Кроме собственно параметров в части фантазий допустимы запросы на подкрепление политико-дипломатических мероприятий демонстративными операциями. Например, проведение учений, показательная переброска войск и т.п.

3.1.г). Правовое и нормативное обеспечение политики безопасности и эффективного стратегического сдерживания в политико-дипломатической области

Формирование качественно новой МО и ВПО в XXI веке требует новых форм политико-дипломатической деятельности и реакции, которые соответствовали бы этим реалиям. Такая реакция должна вырабатываться в Совете национальной безопасности и МИД с учетом новых особенностей формирования военно-политической и стратегической обстановки в мире и в отдельных регионах, а также реального характера имеющихся войн и военных конфликтов, о которых российские эксперты писали еще в начале нового столетия. Речь шла, в частности, о том, что к окончанию XX века известный с незапамятных времен арсенал (традиционных) невоенных и военных средств противоборства обновился и дополнился группой т.н. нетрадиционных средств противоборства, направленных не только на развитие, но и на поражение (деформацию и деструкцию) компонентов **среды обитания человека (СОЧ)**²⁰.

Более того, разработка и совершенствование нетрадиционных средств противоборства в рамках современного этапа военно-технической революции привели к созданию нового класса вооружения — **оружия глобального поражения (ОГП)**, т.е. оружия, системное применение которого способно обеспечить глобальный характер поражения СОЧ. В состав ОГП вошли информационное, нелетальное и экологическое оружие.

Необходимо заметить, что создаваемые специально для поражения тех или иных компонентов СОЧ, нетрадиционные средства тем самым принципиально отличаются от традиционных. В то же время по характеру и уровню воздействия на людей нетрадиционные средства занимают промежуточное, переходное положение, располагаясь между невоенными и военными средствами противоборства (см. рис. 3.4)²¹.

Важнейшим классификационным признаком нетрадиционных средств противоборства (или ОГП как класса оружия) является их целевое

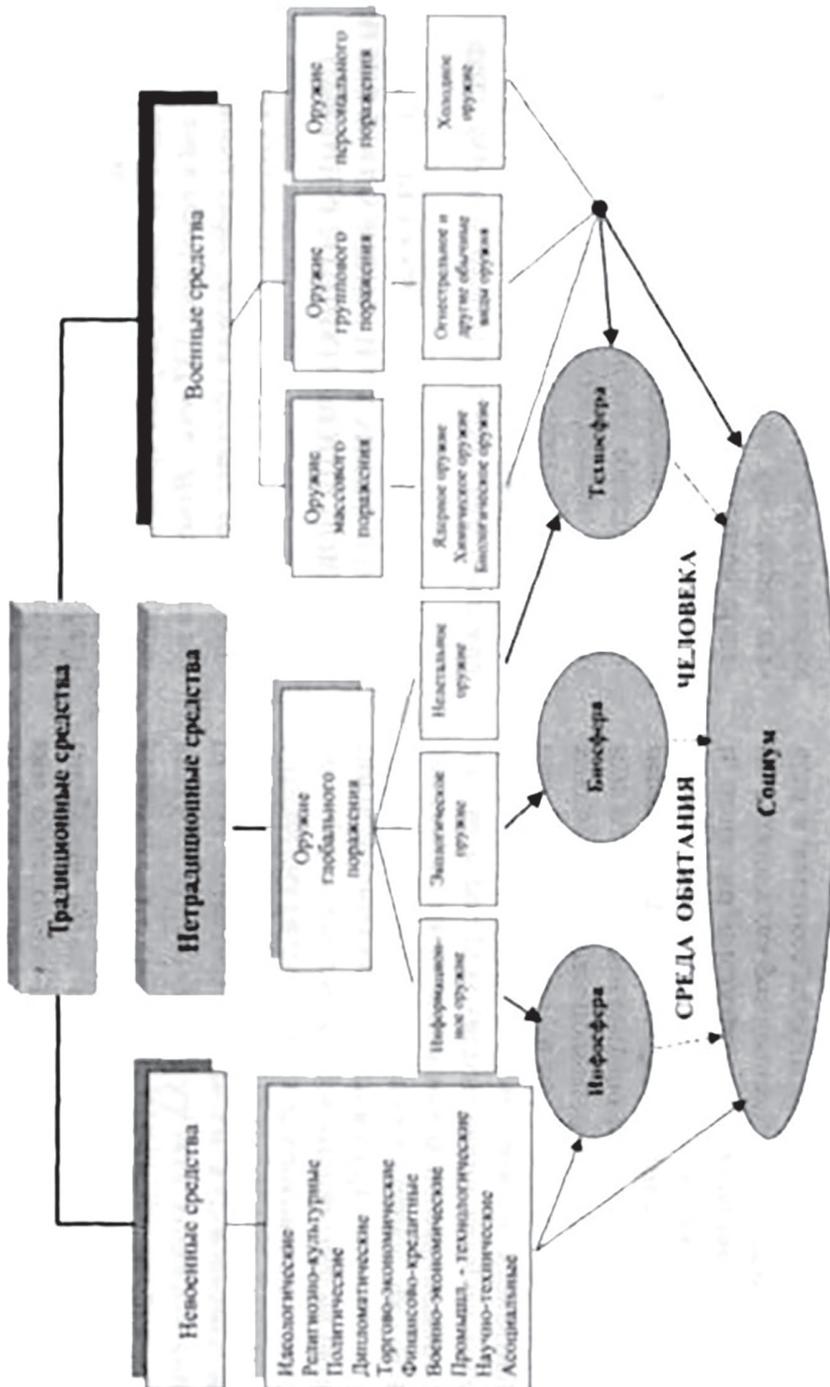

Рис. 3.4 Общая структура и основные направления воздействия средств противоборства

назначение, объект, для активного и направленного воздействия на который они специально создаются. Поэтому специфика использования и возможности такого оружия, механизм его воздействия зависят от структурных особенностей и свойств объектов, в качестве которых, как правило, выступают **ключевые структурные элементы**, составляющие компоненты СОЧ.

Применение нетрадиционного оружия в военное время в комплексе с другими средствами даст значительное и, возможно, решающее преимущество владеющей им противоборствующей стороне.

Применение невоенных мер должно быть увязано с временными интервалами, взаимосвязанными фазами политического процесса, развивающихся в определенном геополитическом масштабе (глобальном, региональном, локальном) и характеризующихся использованием необходимого спектра средств противоборства для достижения тех или иных политических целей. В результате использования этих средств происходит трансформация (преобразование), деформация (поражение) или деструкция (разрушение) СОЧ. Достижение (или недостижение) поставленных политических целей свидетельствует о разрешении социальных противоречий, окончании фазы и переходе социума на иной общественно-исторический уровень. Схематично развитие этого процесса можно представить в виде вектора (см. рис.3.5).²²

Точкой отсчета политического процесса является нулевая фаза (мирное сотрудничество) — наиболее благоприятная фаза развития

Рис. 3.5 Вектор противодействия невоенных средств в процессе противоборства²³

общества, во время которой социальные противоречия разрешаются исключительно невоенными средствами, при этом осуществляется позитивное изменение СОЧ. Важно подчеркнуть, что действие политических и других невоенных средств на стадии мирного сотрудничества исключает насилие и поэтому должно обязательно согласовываться со следующими мирными принципами их применения²⁴: невоенные средства должны применяться законно, т.е. в полном соответствии с нормами внутригосударственного и международного права при приоритете последнего; использование невоенных средств должно осуществляться добровольно и на взаимовыгодной основе; применение невоенных средств не должно нести угрозу безопасности и наносить ущерб другим участникам политического процесса.

Эти принципы взаимосвязаны и должны соблюдаться в пакете (исключение составляют асоциальные средства, т. е. такие средства, как организованная преступность, международный терроризм, контрабанда оружия, торговля наркотиками и т. п. Возможность их использования в рамках нулевой фазы определяется в основном масштабом применения этих средств). Только в этом случае речь может идти о мирном достижении поставленных политических целей, наиболее общими из которых, по-видимому, следует признать перераспределение зон геополитического влияния и ресурсов (или права их контролировать). Таким путем происходит ненасильственная трансформация социума, других компонентов СОЧ и мирное протекание политического процесса в рамках конкретного исторического периода.

Однако не все политические цели могут быть достигнуты при помощи «мягких» невоенных средств. Наступает момент, когда для достижения цели необходимо продолжить политику иными средствами. Своеобразно, но весьма точно описывал начало этого процесса Мао Дзэ Дун. *«Когда политика, — отмечал он, — достигнув определенной стадии развития, больше не в состоянии развиваться по-прежнему, возникает война — для того, чтобы смести препятствия на пути политики»*²⁵. По этой причине происходит перерастание периода мирного сотрудничества в качественно новое состояние — невооруженное противоборство, свидетельствующее о наступлении первой (низшей) фазы «войны»²⁶. Именно в это время начинается «продолжение политики иными средствами». Действительно,

важнейшей характеристикой этой фазы является применение «жестких» невоенных средств, при котором «пакет мирных принципов» категорически не соблюдается. Таким образом, появление новых политических задач, средств и способов их достижения неизбежно ведет к радикальным изменениям в средствах и способах противоборства.

Но не только в военно-технической и других областях, но и правовом обеспечении их использования. Повышение эффективности стратегического сдерживания и безопасности потребует принципиально нового правового и нормативного обеспечения, которое из документов, имеющих рекомендательный и концептуальный характер (таких, прежде всего, как Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина, а также Концепция внешней политики России), должно перейти в качестве обязательных к исполнению директив и федеральных законов. И начинать следует именно со Стратегии Национальной безопасности России, которая должна стать:

- во-первых, действительно **общенациональной**, а не только государственной, ориентирующейся на исполнительную власть. Для этого она должна быть вынесена на широкое обсуждение, в ходе которого должна быть внесена ясность в цели развития, основные приоритеты и средства, а также методы их достижения. Кулуарность Стратегии обесценивает её в качестве политико-идеологического документа;
- во-вторых, Стратегия должна быть принята на уровне **Федерального** закона, а не указа, который имеет механизмы принуждения за её невыполнение. Соответственно другие нормативные акты, которые относятся к безопасности в широком смысле (в т.ч. социально-экономическому, научно-технологическому и культурному развитию), должны быть прямым следствием Стратегии;
- в-третьих, Стратегия должна предусматривать авторитетные механизмы и инструменты её реализации, прежде всего, **соответствующие органы управления, в пользу которых будет перераспределена государственная** власть.

Только после проведения этих мероприятий можно будет переходить к нормативно-правовому оформлению взаимоотношений между субъектами, которые должны будут участвовать в разработке и реализа-

ции политики безопасности, включая стратегическое сдерживание. В настоящее время эта область регулируется Конституцией и положениями Стратегии национальной безопасности России, утвержденной 31 декабря 2015 года Президентом.

При этом исключительно важное значение имеет сам процесс подготовки Стратегии национальной безопасности и других документов стратегического планирования, который в настоящее время основывается только на ресурсах некоторых министерств и скромных ресурсах аппарата Совета безопасности, хотя в последней редакции Стратегии и говорится о «привлечении других ресурсов»²⁷.

Подготовка Стратегии и вытекающих из неё документов, как и других документов стратегического планирования, должна вестись:

- с участием всех государственных, общественных и деловых организаций, ведомств и отдельных граждан;
- при широком обсуждении и экспертизе со стороны профессионального сообщества и самой широкой общественности;
- этот «мозговой штурм» должен закончиться процедурой согласования на уровне экспертов, представляющих основные органы, отвечающие за политику безопасности;
- финальный документ должен утверждаться Федеральным собранием по представлению Президента РФ.

Изначально важно, чтобы свои предложения в концепцию новой политики безопасности сдали основные участники, которым предстоит её реализовать из числа непосредственных исполнителей. Причем их круг должен быть существенно расширен до включения в него «по вертикали» не только начальников, но и специалистов по конкретным и частным направлениям (например, для МИД до уровня начальников отделов и заместителей руководителей департаментов), а «по горизонтали» — до отдельных гражданских министерств, ведомств, университетов, НИИ и общественных организаций.

В частности, требуется организация масштабных исследований в области безопасности по самым разным направлениям, включая размещение заказов на исполнение НИР на конкурсной основе. Как, например, в 2018 году предполагает делать аппарат Госдумы ФС: «Современные тенденции законодательного регулирования перспективных и формирующихся секторов

народного хозяйства в интересах достижения стратегических целей развития и обеспечения устойчивого роста национальной экономики».

* * *

Разработка предложений по шаблонам выходных документов формирования, согласования и использования частных исходных данных, обеспечивающих планирование политико-дипломатических мероприятий стратегического сдерживания и предотвращения конфликтов на период 2021–2040.

В этой части нам нужен человек, знакомый с кухней МИД. Весь раздел должен представлять из себя несколько «рыб» запросов описанных выше данных. Для численных данных это будет один формат, для экспертно оцениваемых — другой, а для демонстративных действий — третий. Наверное, 3–4 «рыбы» запросов (Заказчик называет их карточками) будет достаточно. Кроме того, в разделе с комментариями должна быть примерно и на уровне фантазии описана схема прохождения-утверждения таких запросов между ведомствами. Или хотя бы предложена.

Объем 10–15 стр., из которых 2–3 посвящены описательной части, а остальные представляют собой желаемые форматы запросов и образцы.

3.2. Конкретные планы в области политики стратегического сдерживания и безопасности

Важным шагом, который усиливает потребность в квалифицированном анализе, является усложнение мировой политики и ситуации на макрорегиональном и региональном уровнях²⁸

*Т. Шаклеина,
профессор*

Планирование и реализация политико-дипломатических и иных не военных средств противодействия угрозам стратегической стабильности должно стать научным процессом, который будет совмещен с субъективными особенностями политического искусства. Наиболее актуальная задача в этой связи — попытаться формализовать и обеспечить научно-теоретической основой как процесс научного исследования развития ВПО, так и еще более сложный процесс изучения субъективных особенностей политического искусства. Пока что это существует в самом зачаточном состоянии, более того, по численности экспертов и ученых в международной и военно-политической области Россия уступает США в несколько раз больше, чем по объему ВВП.²⁹

Необходимо сочетание субъективно-эмпирических, порой интуитивных, знаний экспертов-международников, которые иногда бывают уникальными специалистами-страноведами или регионоведами, с политической практикой, широкими и комплексными военно-политическими исследованиями. Это можно делать только в случае индивидуального подхода к каждому такому специалисту, в результате чего можно получить необходимую (иногда очень субъективную) информацию.

Таким образом, необходимо:

- во-первых, провести своего рода «инвентаризацию» специалистов-страноведов и регионоведов, а также экспертов по отдельным направлениям политики безопасности, объединив их в целях более эффективного использования в формальные и не формальные

- сообщества (к сожалению, в результате мы увидим, что по некоторым направлениям и странам осталось всего лишь 2–3 специалиста);
- во-вторых, наладить с этими группами диалог с целью выяснения их субъективного экспертного мнения, которое крайне необходимо и полезно для разработки общей стратегии безопасности России. В этих целях необходимо, например, получение от них максимально подробной и формализованной информации, которая может состоять из сотен критериев (по аналогии с документами ООН). Так, например, можно составлять:
    - «паспорт страны»;
    - «паспорт ВПО региона и страны»;
    - «оценку перспектив НИОКР страны» и т.д.

Наконец, важно помнить о необходимости развития и поддержки исследований, в т.ч. специальными «грантами в области безопасности», как это делают заинтересованные министерства и ведомства, в частности, Минфин и МЭР. И первое, и второе направление находятся в настоящее время в самом начале своего развития: история исследования политических и военно-политических проблем насчитывает менее двух столетий, а политического искусства (если вспомнить Макиавелли) — несколько столетий. Между тем современное отношение к стратегии требует научного подхода и признания «познаваемости» этого процесса, что ведет неизбежно к попыткам изначальной формализации. Самые хорошие и тщательно проработанные концепции и даже планы, разработанные по всем канонам стратегического программирования, рушатся, когда не удается создать эффективных механизмов их реализации³⁰. И самая первая угроза возникает в связи с неполнотой, недоверенностью и неадекватностью поступающей информации, а затем в связи с потребностями оперативного доведения принятых решений до исполнителей.

Другая сложность заключается в том, чтобы максимально широко привлечь экспертов-страноведов и регионоведов к работе по осмыслению политики безопасности, дав им возможность высказывать самые разные, в том числе противоположные официальной позиции, точки зрения. И — что особенно важно — учитывать их мнение, что делается и делается, далеко не всегда, хотя неизбежно приводит к провалам

в «центральной политике». Например, в отношении политики Китая, которая (в силу политической конъюнктуры и целесообразности) публично представляется не вполне такой, какая она есть на самом деле. Так, известный эксперт-китаист Ю. Галенович пишет в отношении глобальной и долгосрочной стратегии КНР следующее: «Цель глобальной стратегии современного Китая — сплочение нации Китая для противостояния с «остальным человечеством»... Речь идет о противостоянии с каждой из его составных частей по отдельности (т.е. И с Россией — *А.П.*)»³¹.

Иными словами, руководство КНР изначально формирует свою картину мира, которая исторически всегда существовала в Китае, как о «ключевой нации», «Срединной империи», что оченьстораживает потому, что существовавший всегда китайский национализм, получая новые материальные ресурсы, неизбежно усиливает свои внешнеполитические и военные амбиции. Естественно, что в ущерб другим странам. Не стоит думать, что это не касается, и не будет касаться России.

Очевидно, что с точки зрения политики безопасности и стратегической стабильности не учитывать этой позиции КНР нельзя. Особенно с учетом резкого изменения соотношения сил к 2030 году в пользу КНР³². Тем более, что «Конечной целью тут выступает достижение верховенства над упомянутым «остальным человечеством». В КПК-КНР стремятся не допустить никаких союзов и альянсов тех или иных стран для защиты их интересов во взаимоотношениях с Китаем»³³.

Ясно, что подобные акценты (имеющие для КНР принципиальный характер), как минимум, противоречат идеям «союза» БРИКС и ШОС, которые всячески подчеркиваются (вполне обосновано) сегодня в российской публичной политике и СМИ. Важно, однако, чтобы эти оптимистические оценки отношений с КНР не легли в основу реальной политики безопасности России, например, при формировании планов военного строительства или военно-технического сотрудничества.

Долгосрочная стратегия КПК-КНР, называемая часто «глобальной стратегией», оставляет для России в будущем место периферии, одной из нескольких частей человечества, существующих в зависимости и по правилам Китая. В отличие от стратегий иных ЛЧЦ, китайская глобальная стратегия рассчитана на очень долгий период, может быть, 50-100 лет, одновременно являясь логическим продолжением тысячелетнего

существования китайской ЛЧЦ. В отношении СССР и России (пока что) действует принцип Мао, строго соблюдавшийся Дэн Сяо Пинем, — «другим, не враги и не союзники», — который в любой момент может быть заменен на принцип «вспомним старые обиды».

Другая трудность заключается в том, что таких источников, которые обеспечили бы достоверную картину состояния ВПО, должно быть очень много, а информации, поступающей от них, — огромные объемы. Организация такого процесса требует специальных органов управления, обладающих политическими, административными и правовыми полномочиями, с одной стороны, и средствами технического обеспечения этой деятельности, с другой.

Очень важна приоритетность, достоверность и качество информации, которые отнюдь не равнозначны их объемам, хотя и сами объемы информации могут ежегодно удваиваться и составлять фантастические показатели, которые еще недавно казались недостижимыми. Создание необходимых баз мегаданных возможно и полезно только в том случае, когда в этот процесс вовлечены все институты государства и общества, включая отдельных лиц.

Планирование широкого спектра политико-дипломатических, военных и гуманитарных мероприятий в интересах стратегического сдерживания потребует создание специальной системы для сбора, анализа и систематизации огромного объема информации (особенно при условии обязательного привлечения индивидуальной инициативы — «краудсорсинга»), что, в свою очередь, ведет к необходимости создания другой системы по систематизации, обработке и доведения до потребителей и исполнителей в удобном для них виде информации, исходящей из Совета национальной безопасности и Национального штаба обороны.

Прежде всего, необходимо, чтобы такая система сбора и обработки информации могла получать эту информацию от многочисленных источников — ведомств, организаций, отдельных лиц — в максимально обработанном и формализованном виде с тем, чтобы было возможно интегрировать эту информацию в общую картину мира и состояние ВПО. В данном случае необходимо, чтобы недостаток информации не перерос в свою крайность, с одной стороны, и чтобы эта информация могла быть использована, с другой. Поэтому необходимы специальные

формы (шаблоны) как для информации, получаемой из ведомств, так и направляемых в инициативном порядке, которые должны быть «на входе» обработаны соответствующим образом.

Думается, что таких форм должно быть немного, может быть, всего несколько, «вырастающих» одна из другой, конкретизирующих и уточняющих друг друга, но основанных на одних и тех же показателях и критериях. В наиболее простой форме таких показателей может быть 3–5, а в сложной — более 20. Первоначальный сбор информации от многочисленных источников может быть осуществлен в самых простых формах, которые со временем будут усложняться. В качестве примера можно привести самую простую форму-обращение к отдельному департаменту МИД, в которой требуется экспертная оценка МО и ВПО в регионе:

Форма № 1. Экспертная оценка МО и ВПО в регионе

1. Оцените в количественной форме степень суверенности политики субъекта МО (государства, организации, личности)
2. Оцените степень готовности к сотрудничеству с институтами России этого субъекта
3. Оцените степень готовности противостоять внешнему силовому давлению субъекта
4. Дайте (в количественной форме) характеристику основных 30 параметров экономики, социальной сферы и военной мощи субъекта
5. Дайте короткую характеристику перспектив развития внешней и военной политики субъекта
6. Предложите (в порядке приоритетности) формы сотрудничества с субъектом

Более эффективна и продуктивна другая форма, составленная в виде опросника, содержащего сотни вопросов. Такие формы можно заполнять:

Форма № 2. — индивидуально, отдельными экспертами, в которых используется, прежде всего, субъективное мнение эксперта, его опыт, интуиция и прогностические способности.

Эта форма имеет очень важное значение при оценке намерений противника, которые могут основываться на иррациональных предположениях. Здесь (в разработке) требуется участие не столько специалистов-страноведов, сколько психологов, философов, политологов.

Форма № 3. — обрабатывая уже имеющиеся материалы (например, годовые отчеты и справки).

Наконец, самая эффективная форма (Форма № 4) представляет собой опрос участников ситуационного семинара или круглого стола, участвующих в обсуждении конкретной проблемы.

Очевидно, что такие запросы целесообразно рассылать в адрес первых лиц организаций и ведомств за подписью руководителей Совета национальной обороны или Национального штаба обороны с указанием соответствующих сроков и ответственных исполнителей.

Другая стороны проблемы — способность Национального штаба обороны немедленно и в полном объеме (при соответствующих мерах защиты) довести информацию до многочисленных потребителей, вплоть до отдельных исполнителей — солдат, журналистов, активистов. Эта проблема должна быть технически решена с высокой степенью надежности в условиях силового противодействия.

Таким образом, получение, обработка и доведение до потребителей информации со стороны Национального штаба обороны предполагает создание мощной «двойной» системы, связанной с многочисленными исполнителями с помощью различных форм общения и каналов связи. Такая «двойная» система должна быть:

- комплексной, сочетающей и охватывающей все основные направления деятельности в области безопасности — от разведывательно-диверсионных и военных до гуманитарно-культурных и образовательных;
- сетцентрической, связанной как со всеми источниками информации, исполнителями, так и — при необходимости — направленной против множества объектов;
- глубоко интегрированной с практической деятельностью Национального штаба обороны и политикой безопасности, реализуемой другими органами управления Совета безопасности.

* * *

Разработка предложений по уточнению содержанию проекта плана противодействия многовекторным угрозам, осуществляемым как военными, так и невоенными средствами в части ди-

---

пломатических процедур сдерживания и предотвращения конфликтов.

Это свободный раздел. В нем можно описать новые невоенные и комбинированные угрозы, с которыми, как предполагается, мы можем столкнуться в период 2025–2040. Особое внимание здесь уделяется угрозам невоенного характера.

Для каждой из угроз, которые здесь выдумываются, требуется краткое описание того, почему она **не парируется классической военной силой**. При этом нужны также предложения о том, как ей **противодействовать именно политико-дипломатическими методами**. Это наша делянка, и угрозы, против которых дипломатия никак не применима, здесь описывать не следует — этим занимаются смежники.

В итоговом документе этот раздел, написанный коллективно всеми соисполнителями, должен стать основой планирования работ на следующий год. Поэтому не стоит здесь сразу раскрывать карты. По имеющимся данным все работы следующего года будут выстраиваться вокруг описанного перечня новых угроз и выработки способов противодействия им. Сейчас мы должны просто сформировать какой-то перечень и обосновать, почему именно мы можем предложить способы противодействия, но самих способов почти не описывать, только закинуть удочку.

3.3. Оперативное руководство, координация действий и контроль за реализацией мероприятий в области стратегического сдерживания и политики безопасности

Спецназовцы (Силы специальных операций — А.П.) — это не только стрельба на поражение, но и информационно-психологическая война, разведка, научные исследования и разработки, внедрение новых методов противоборства³⁴

*А.Савин.
эксперт*

Большую и непосредственную угрозу стратегической стабильности и безопасности России представляют специальные силы, которые представляют разные службы и виды войск, объединенные в силы специальных операций (ССО), отражающие коллективные возможности государства или даже всей коалиции. По некоторым оценкам, их бюджет только в США превысил 10 млрд. долл., а численность в последние годы превысила 70 тыс. человек, что, на мой взгляд, не включает финансирование всей деятельности, в т.ч. более чем на 120 зарубежных базах разного рода оппозиционных, экстремистских и террористических организаций³⁵.

Иными словами, дестабилизацией и силовым противоборством с Россией занимаются в самых разных формах — от террористической деятельности до политико-психологических диверсий — десятки тысяч человек, обладающих огромными финансовыми ресурсами. Причем многие из этих форм и направлений традиционно не соотносятся с использованием военной силы. Даже, например, в тех случаях, когда в результате деятельности ССО террористические организации непосредственно осуществляют нападение на органы власти и управления противника, как это происходит на Кавказе, или организуют националистические и экстремистские батальоны, как на Украине. В частности, приводятся в пример такие формы действий ССО, которые традицион-

но не относятся к области вооруженной борьбы, но которые требуют адекватных ответов, как:

- Нападения и атаки на объекты, имеющие важное политико-дипломатическое значение (захваты дипломатов, посольств, собственности и пр.), которые совсем не обязательно связаны с физическим уничтожением противника;
- Специальное наблюдение и контроль за деятельностью противника, имеющее стратегическое значение, связанное иногда с силовыми действиями (операции против российских дипломатических представителей и дипломатов);
- Специальные операции, затрудняющие или прекращающие работы (в т.ч. НИОКР) в области создания ВВСТ, в частности ОМУ (операции в Иране, Ираке, Пакистане);
- Операции, препятствующие развитию экстремистской и террористической деятельности противника в самых различных областях — информационной, финансово-экономической, политической и др.;
- Поддержка антиправительственных выступлений (до 2014 года на Украине, а до этого во множестве других стран), которые должны перерасти в вооруженную борьбу и прямое военное противостояние (как в Сирии);
- Иностранная внутренняя оборона, предполагающая поддержку «дружественных режимов», противостоящих выступлениям оппозиции (НДРЙ, Ливан, Израиль);
- Иностранная гуманитарная помощь, которая осуществляется в экстремальных условиях в интересах США (Афганистан, Ирак);
- Силовая поддержка информационных мероприятий и другие формы внутриполитической дестабилизации противника и т.д.

Множество различных форм силовых операций, которые традиционно не относятся к военным, означает только одно: существуют цели, стратегия и средства для проведения силовых операций специальными силами, которым могут противодействовать только такие же специальные силы, способные использовать как собственные ресурсы, так и ресурсы других силовых ведомств самых различных целях.

Как известно, в России существуют различные силовые структуры, обладающие специальными силами и средствами для проведе-

ния операций самого широкого профиля, но нет структуры, которая обладала бы всеми коллективными возможностями специальных сил МВД, МО, Росгвардии, МЧС, Финансовой разведки, а, тем более, МИД и СВР.

В этой связи представляется целесообразным создание такой структуры, объединяющей специальные информационные, когнитивные, военные, политико-дипломатические и разведывательно-диверсионные возможности в интересах обеспечения стратегической стабильности и безопасности России в качественно новой военно-политической обстановке. Причем уровень принятия решения в этой структуре должен быть исключительно высок. Оперативное управление этой структуры, имеющей межведомственный характер, должно осуществляться непосредственно Советом национальной безопасности, а сама структура иметь возможность координации всей деятельности не только силовых министерств, служб и ведомств, но и финансовых и социально-экономических органов власти.

При этом важно напомнить, что важнейшая роль в повышении эффективности стратегического сдерживания принадлежит конкретным исполнителям высшего звена, которые осуществляют общую координацию и согласование политики безопасности, и проведение конкретных акций и мероприятий. В современной России, где исполняется не более 25% президентских поручений, эффективность государственного управления является самой острой проблемой. Эта эффективность в области обеспечения национальной безопасности может, вероятно, считаться выше, но учитывая стремительное обострение ВПО, — всё еще не достаточной.

Учитывая, что общее политическое и стратегическое руководство политикой безопасности может и должно принадлежать Президенту РФ и Совету национальной безопасности, оперативное управление и текущую деятельность по реализации этих решений должно быть возложено на **Национальный штаб обороны** (по определенной аналогии с ОКНШ ВС США), **частью которого** становится Генеральный штаб ВС, а также штабы МВД, Росгвардии, ФСБ, СВР, МЧС и др. органов государственного управления, включая министерство финансов, здравоохранения и другие, которые должны представлять первые заместители

руководителей соответствующих ведомств, либо (аппарат Правительства РФ, Совет Федерации, Государственная Дума ФС и Счетная палата России) руководители соответствующих аппаратов.

В соответствии с Конституцией и политической практикой, руководителем Национального штаба обороны может быть только председатель правительства РФ, в руках которого концентрируется контроль над всей системой исполнительной власти в стране, а также общественными институтами и бизнесом в той части и в пределах тех компетенций, которые оговариваются Президентом и Советом национальной безопасности.

Причем (по аналогии со штабом Партизанского движения в годы ВОВ) должны быть созданы отдельные управления по работе с бизнесом и институтами гражданского общества, которые в новых условиях (особенно университеты, частные СМИ, интернет-ресурсы и пр.) будут играть исключительно важную роль в политике безопасности. В Эстонии уже действует, например, Центр кибербезопасности НАТО, в Латвии — Центр альянса по вопросам стратегических коммуникаций. Накануне маневров «Запад–2017» премьер-министр Эстонии Юри Ратас заявил, что его страна вместе с союзниками внимательно следит за ними «и при необходимости готова реагировать».

Сообщается, что летом этого года НАТО передало Украине оборудование для создаваемых в этой стране центров реагирования на компьютерные инциденты для ключевых государственных институтов, в том числе для Службы безопасности (СБУ) и Службы внешней разведки (СВР). Любопытно, что назначенный на днях новый глава СВР Украины Егор Божко долгое время исполнял обязанности главы миссии страны при НАТО.

Напомним, что после событий 2014 года в Украине при поддержке США и НАТО были развернуты подразделения информационно-психологических операций, главная цель которых «подрыв основ государственного строя России». С ними взаимодействуют уже упоминавшиеся Центр НАТО по вопросам стратегических коммуникаций (Рига), Киберцентр НАТО (Таллинн), Командование специальных операций и 4-я группа операций информационного обеспечения Пентагона, 77-я бригада и 15-я группа психологических операций Великобритании.

Отнюдь, не случайно, поэтому одновременно с началом российско-белорусских учений 15 сентября 2017 года на многие города России обрушился шквал звонков, дезорганизовавших работу многих учреждений.

Национальный штаб обороны России должен подготовить проект соответствующего долгосрочного плана политики безопасности для рассмотрения Советом национальной безопасности и утверждения Президентом на основании скорректированного варианта Стратегии национальной безопасности и директив, а также с учетом имеющихся и перспективных ресурсов.

Этот план, оформленный в Стратегии национальной безопасности, должен:

- **во-первых**, объединять в реальности задачи национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности (чего сегодня нет) и на практике являться основным документом для Концепции внешней политики, Военной доктрины и прочих нормативных документов. При этом статус Стратегию должен быть резко повышен с президентского указа до федерального закона, обязательного к исполнению;
- **во-вторых**, этот план должен опираться на стратегический прогноз развития МО, ВПО и России и точную (и полную) оценку национальных ресурсов и ресурсов потенциальных союзников;
- наконец, **в-третьих**, этот план должен быть комплексным, учитывающим все факторы безопасности, а также влияющие на развитие ВПО тенденции, в частности, факт противоборства локальных человеческих цивилизаций и их военно-политических коалиций (не учитываемый сегодня в Стратегии).³⁶

Такой план должен существовать в трех взаимосвязанных видах:

- краткосрочном, на срок до 3-х лет;
- среднесрочном, на срок 3–5 лет;
- долгосрочном, на срок 5–7 и более лет.

Для подготовки такого плана и его корректировки необходимо, чтобы в Национальном штабе обороны было создано соответствующее подразделение из представителей всех министерств и ведомств, а также Счетной палаты РФ, ЦБ и регионов, которое выполняло бы функции учета национальных ресурсов.

Особенно важное значение в этой области противоборства имеет разработка и применение силовых, но не военных средств и способов, которые прежде относились к области традиционной дипломатии. В настоящее время можно говорить о развитии одновременно двух процессов:

Во-первых, возможности традиционной дипломатии сужаются, её сфера деятельности (в том числе и считавшаяся прежде исключительной — личная дипломатия) становится всё менее значимой. Лидеры государств и правительств, высшие чиновники обладают теперь возможностями не только для личных встреч по несколько раз в год, но и регулярных контактов, а также других действий, т.е. они фактически находятся в постоянном контакте.

Другая сторона вопроса — их отношения со СМИ и социальными сетями, где они практически мгновенно реагируют на изменение МО и ВПО. Так, например, Д.Трамп до 10 раз в день комментирует и делает заявления в «Твиттере», а его аудитория насчитывает десятки миллионов человек.

Традиционная дипломатия, таким образом, становится все менее важной для политики, что, кстати, отражается на внимании к ней руководителей государств. В частности, именно в этой связи Трамп намеревался в 2017 году сократить бюджет Государственного департамента на 30%.

Во-вторых, одновременно со снижением значения традиционной дипломатии, резко возрастает других средств и способов политики, прежде всего силовых, военно-силовых и военных. Эти средства вытесняют средства дипломатических переговоров, оставляя за ними возможность международно-правового закрепления тех или иных политических результатов. Очень условно эти новые силовые средства политики и создаваемые ими угрозы можно разделить на три большие группы, изначально сделав очень важную оговорку — между этими группами **нет четких границ, более того, эти границы сознательно стираются. Во многом именно поэтому противодействовать этим средствам силовой политики и создаваемым ими угрозам сколько-нибудь исключительно военными средствами невозможно, либо, как минимум, неэффективно.**

Первая группа — силовые, но не военные, средства и способы политики, которая в принципе может относиться в той или иной степени — как видовое понятие — к другим двум группам, потому, что они

объединяются единой концепцией «силового принуждения». Тем не менее, в эту группу входят многочисленные способы силового принуждения без вооруженного насилия, которые используют средства экономического, политического, информационного, когнитивно-психологического и иного принуждения, а также политико-психологический шантаж применения вооруженного насилия.

Противодействовать этим средствам силового насилия военными средствами в современных условиях не считается адекватной реакцией, хотя в истории можно найти немало примеров того как это делалось в прошлом, когда, например, торговые преференции достигались за счет прямого применения военной силы.

Есть основания полагать, что при исключительно опасных невоенных угрозах государству в будущем смогут использовать для своей защиты военную силу. Например, против эмбарго, блокады и т.д. Испытания в КНДР ядерного оружия и БР по сути — военный ответ на экономические санкции.

Я бы не стал категорически исключать возможности военного ответа со стороны России на не военные, но угрожающие безопасности и стратегической стабильности угрозы со стороны западной военно-политической коалиции. Например, в случае использования электромагнитного импульса, попытки выведения из строя системы раннего оповещения о ракетном нападении или кибернетическом нападении. Но эти варианты военного ответа на военные угрозы, которые должны прорабатываться, не являются основными и рабочими. Наиболее приемлемыми и используемыми становятся варианты **ассиметричного ответа на не военные силовые угрозы**.

В последние годы спектр этих средств и способов резко возрос, более того, обновляется практически ежедневно. Если, например, посмотреть на политику США по отношению к России последних трех лет, то можно легко увидеть такие новые силовые способы, как:

- угрозы представителям правящей элиты, в том числе личные, попытки запугивания, аресты имущества, счетов, активов и пр.;
- использование подконтрольных международных организаций для создания психологического давления на различные профессиональные и иные сообщества в России — спортсменов, ученых, деятелей искусства, СМИ и т.д.;

- создание атмосферы политико-дипломатической изоляции России, отмены визитов и других контактов, свертывание дипломатической деятельности (сокращение дипперсонала, консульств);
- личные угрозы руководителям и оскорбления представителей России;
- попытки сдерживания активности России в международных правительственных и неправительственных организациях;
- организация процесса пересмотра существующих норм международного права и правил работы международных организаций (Совет Европы, ООН и др.).

Вторая группа средств и способов силового принуждения — военно-силовая группа, в которую входит очень широкий и постоянно расширяющийся спектр средств и способов. Они, как правило, ассоциируются с «асимметрической войной», под которой подразумевается «асимметрическое» использование преимуществ США и западной ЛЧЦ в ресурсах и методах их применения³⁷. С точки зрения развития доминирующего сценария «Военно-силового противоборства» до 2025 года эта группа средств и способов силового принуждения может считаться основной.

Примечательно, что в России на официальном уровне придается важное значение развертыванию этой активности, но она непосредственно не ассоциируется с внешней политикой США и их союзников. Так, в тексте Стратегии национальной безопасности в нескольких редакциях «борьба с международным терроризмом» выносится на самое приоритетное место, но не уточняется, что этот международный терроризм и экстремизм является во многом, и прежде всего, порождением западной политики³⁸. Более того, и сегодня часто террористические акции объясняются не действиями созданных спецслужбами организаций, а «индивидуальным творчеством».

Вторая группа средств и способов силового принуждения находится в состоянии очень быстрой динамики развития и легализации. Поэтому она требует тщательного мониторинга и оперативного осмысления. В ней, в частности, можно выделить следующие наиболее важные подгруппы:

- Подгруппа № 1. Силловые военные средства, не считающиеся вооруженным насилием — киберсредства, информационные средства борьбы, средства РЭБ и др.

- Подгруппа № 2. Использование средств и способов экстремистских организаций и радикальной оппозиции, что очень наглядно проявилось на Украине в 2014–2017 годы.
- Подгруппа № 3. Создание и развертывание террористических организаций, способных выполнять задачи в интересах политики США и их союзников, не ассоциируясь прямо с руководством этих стран
- Подгруппа № 4. Создание и использование диверсионные и террористических организаций ВС, а не специальными службами. Прежде всего речь идет о развертывании новых сил и средств Сил специальных операций, не входящих в структуру ВС США и ЦРУ. Таких, как многочисленные частные военные компании типа «Блэкуотер». В этих целях в 1999 году был создан на базе ВМС США Центр по асимметричной войне.

Третья группа средств и способов силового принуждения — военные средства и способы, которые широко и традиционно используются как политико-психологические средства силового принуждения (как говорили прежде — «без стрельбы») в двух формах³⁹:

- **эксплицитной** (явной), откровенного военного шантажа применением военной силы. Эта форма в последнее время открыто демонстрировалась США в отношении Сирии, Ирана, КНДР, а в определенные периоды времени и против СССР и России.

Но эту же форму использовал СССР во время кризиса 1956 года в Египте, кризиса 1962 года на Кубе, а также — менее выражено — во время вьетнамской войны США.

При определенных условиях эта форма используется нередко и сегодня, например, когда «отставные» или «не отвечающие» за внешнюю политику лица (в т.ч. сенаторы, конгрессмены и пр.) пытаются угрожать использованием ядерного оружия, что было характерно не только для кризиса с КНДР, но и вокруг ситуации в Грузии и на Украине.

Но эта форма, по сути дела — ультиматум,— далеко не всегда эффективна даже по отношению к заведомо более слабым государствам, хотя полностью исключать её из арсенала политических средств нельзя.

- **имплицитной** (скрытой), когда принуждаемого объекта заставляют учитывать возможные военно-политические последствия.

Примером этому служит решение США о возможности предоставления Украине летального оружия, которое посчитали на Западе удачным примером силового давления на Россию. «Президент РФ Владимир Путин согласился на ввод контингента ООН на Донбасс, потому что испугался заявлений руководства США о предоставлении Украине летального оружия». Об этом 16 сентября 2017 года в Киеве на конференции «Ялтинская европейская стратегия» заявил бывший генсек НАТО Андерс Расмуссен. И далее: «Путин понимает, что цена продолжения дестабилизации на Украине стала выше. Очень часто политические и дипломатические процессы можно проводить через четко сформулированную угрозу использования силы. Я уверен, что дальнейшее давление на Россию поможет этому процессу», — подчеркнул он. Более того, он, что для того, чтобы миротворческая миссия ООН «стала реалистичной», ей нужен мандат, по которому она сможет контролировать границу между Украиной и Россией, и получит полномочия защищать «не только ОБСЕ, но и население». «Если Россия примет все, что я перечислил, то ей может быть выдан пряник в виде снятия санкций», — добавил Расмуссен.

И первая, и вторая форма силового политического принуждения не являются новыми явлениями. Их «расцвет» применения произошел в годы, когда США обладали ракетно-ядерным превосходством, но по мере складывания военно-стратегического равновесия между СССР и США, ОВД и НАТО эти формы отходили в отношениях между двумя центрами силы на второй план, но до конца так и не исчезли, трансформируясь в состояние «ядерного сдерживания».

С конца 90-х годов такая ситуация постепенно стала девальвироваться. Нападение 1999 года НАТО на Югославию, по сути, означало, что ядерное сдерживание сохранилось только в отношении угроз и попыток силового давления на Россию. Развитие последующих событий в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине показало, что политико-психологическая форма силового военного давления на Россию со стороны Запада не работает, однако такому состоянию объективно угрожают две военно-технологические тенденции в развитии военной политики Запада:

- во-первых, создание потенциала высокоточного оружия разных типов базирования в неядерном оснащении (ВТО), обладающего большой дальностью и численностью, который будет размещен до 2025 года на разных стратегических направлениях против России;
- во-вторых, развертывание глобальной и глубоко эшелонированной системы ПРО США и их союзников, развертывание и совершенствование которой рассматриваются как долгосрочная и приоритетная программа США и их союзников. Учитывая огромный экономический потенциал западной коалиции, эта система может стать достаточно эффективной в обозримой перспективе.

Развитие обеих тенденций может привести к такой стратегической обстановке к 2025 году, когда ядерное сдерживание России станет не убедительным. Во всяком случае, это состояние будет быстро девальвироваться, т.е. сомнения в эффективности сил ответного удара со стороны России будут нарастать. В этой связи неизбежна резкая активизация политико-дипломатической и неофициальной (не публичной) деятельности России, которая потребует принципиального пересмотра основ стратегического сдерживания и политики безопасности.

Политико-дипломатические и иные меры противодействия и укрепления политики безопасности и стратегической стабильности России могут находиться в самых различных плоскостях — от высшего политического уровня до уровня народной дипломатии. Более того, можно выделить и такие уровни, которые сегодня пока что практически не задействованы, как «национальный» и даже «глобальный».

При этом важнейшим условием их разработки должно быть изменение характера их использования от только и исключительно оборонительного к **контр-наступательному и даже стратегически наступательному**. Это означает, что понимание эффективного стратегического сдерживания должно включать в себя в обязательном порядке не только ответы на угрозы, но и активные наступательные действия, которые в настоящее время не планируются. Инициативы России в Сирии и на Украине показали эффективность такой политики. Если в каких-то областях сохраняется стратегия оборонительных действий, то в других —

необходимо обязательно найти возможность для ведения контрнаступательных операций и даже стратегического наступления. Прежде всего, в политико-дипломатической, информационной и когнитивной областях, где Россия должна перехватить инициативы, которую ей навязывает Запад, обладающий многократным превосходством в ресурсах.

Причем для каждого из уровней противоборства необходима специальная разработка средств и способов. Такая «многоуровневая» стратегия обороны и наступления обеспечивает значительно более высокую эффективность. По аналогии с военной областью, где, например, дорогостоящей ракетой не будут уничтожать дешевую и второстепенную по своей важности цель. Так, для президента России потребуется, например, популярный сайт и блог, для министра обороны РФ — другой, а для уровня народной дипломатии — множество блогов и много блогеров.

Важно, как уже говорилось, самим выбрать те области, где можно было бы проявить инициативу и начинать масштабное стратегическое наступление, имеющее конечной целью укрепление стратегической стабильности в условиях фактически ведущейся против России войны.

В области официальной политико-дипломатической деятельности потребуется:

- **во-первых**, обеспечить активизацию силовой деятельности и инициативы сил специальных операций России, имея в виду навязывание инициативы противоборства, а не только отражения угроз;
- **во-вторых**, активизировать весь спектр политико-дипломатических средств и способов, в частности, провести глубокую и массированную публичную кампанию, в которой необходимо продемонстрировать самые острые формы политики силового принуждения:
  - связь правительств США и других стран Запада с международными террористическими организациями, более того, их ответственность за создание и развитие таких организаций;
  - роль правительств США и их союзников в создании и поддержке экстремистских организаций и движений.

Это можно сделать на разного рода международных конференциях (желательно не только в Москве), инспирируя дискуссии на основе утечек информации, публикации многочисленных материалов, прямых

обвинений руководства США и их союзников, сделанных самыми разными представителями СМИ, социальных сетей, полуофициальных и официальных органов. Так, например, возможны проведения регулярных брифингов, посвященных международному терроризму, со стороны Антитеррористического центра ФСБ.

Но не только. Еще более наступательный характер, привлекающий внимание СМИ, могут иметь брифинги СВР и даже ГРУ ГШ МО.

— **наконец, в-третьих**, может быть полезным возвращение к практике советских лидеров, когда выдвигаются публично масштабные внешнеполитические инициативы, которые трудно замолчать, в самых разных областях, но особенно в тех, где американская политика носит заведомо критикуемый внутри страны и за рубежом характер. В частности, во **внутриполитической области** можно обратить внимание общественности на такие крупные недостатки американской системы, как:

- сохраняющаяся расовая дискриминация;
- высокий уровень безработицы;
- несовершенство политической и избирательной системы и пр. недостатки, лишающие США права претензий на мировое лидерство.

Во внешнеполитической области можно использовать такие темы, как:

- длительное военное присутствие США в Афганистане и Ираке, превратившееся в оккупацию;
- «террор беспилотников» в Пакистане;
- нарушение суверенитета государств без решения ООН и т.д.

В области публичной дипломатии и информационной деятельности необходимо вернуться к практике и опыту СССР, когда создавались и поддерживались массовые общественные и профессиональные организации, которые сотрудничали с зарубежными партнерами:

- общества дружбы
- молодежные, студенческие
- профессиональные, научные, образовательные и прочие организации, ассоциации и союзы

В области силовой политики — необходим переход к активным действиям, которые могут вестись отдельными социальными группами и даже лицами, включая экстремистскими, в том числе на территории

потенциального противника. Так, например, возможна помощь национальным и расово ориентированным группам, отдельным оппозиционным слоям, создание неправительственных НПО, в т.ч. ориентированных на националистическую деятельность, и т.д.

В этой области необходима очень жесткая координация политических, специальных и информационных органов, с тем, чтобы сохранить конфиденциальность мероприятий. Следует понимать, что террористическая и экстремистская деятельность, как правило, не возникают стихийно, под влиянием неких эмоций или религиозных чувств. **И первое, и второе являются следствием политики противоборства, организованными ССО (или их аналогами).**

Поэтому и борьба с международными террористическими и экстремистскими организациями должна вестись теми же средствами и способами, т.е. силами и средствами ССО, а не классическим использованием военной силы.

Не следует создавать излишних иллюзий, а тем более самим верить этим иллюзиям, что террористическая и экстремистская деятельность имеет стихийный характер. Особенно негативно это сказывается в тех случаях, когда подобные положения фиксируются в официальных и нормативных документах, как, например, в редакции Стратегии национальной безопасности РФ, где приоритетом объявляется борьба с неким абстрактным международным терроризмом. Борьба России на Кавказе и других регионах свидетельствует, что ни традиционная военная сила, ни политико-дипломатические средства не в состоянии обеспечить позитивного результата. Нужно комплексное и комбинированное военно-силовое насилие (информационное, политико-дипломатическое давление, разведывательное, военное, специальное военно-техническое и пр.).

Даже в тех случаях, когда за каким-то враждебным актом и не стоит непосредственно организующая (и обеспечивающая ресурсами) сила, эта сила может:

- создавать атмосферу страха и террора;
- дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию;
- содействовать распространению идеологии (в т.ч. через образование, игрушки, фильмы и пр.) терроризма и экстремизма

- создавать сознательно социально-экономические трудности и т.п.
- особенно опасное явление, развивающееся с конца 80-х годов, это феномен «бескомандных соединений» и «волков-одиночек» — высокопрофессиональных лиц, не связанных порой формальными обязательствами с руководством страны.⁴⁰

Поэтому удар против терроризма и экстремизма должен быть прежде всего ударом по источнику политического заказа, финансирования и организационно-технического обеспечения, т.е. по штабу, которого необходимо принудить отказаться от этих форм борьбы под угрозой проведения аналогичных мер. Так, например:

- можно предоставить оппозиции в Афганистане современные средства ведения борьбы с тем, чтобы максимально увеличить количество потерь в вооруженных силах именно США и их союзников, что, как известно, встречает на Западе болезненную реакцию. Увеличение американских потерь с 2000 до 20 000 сделает присутствие США невозможным, но это также может стать мотивом для прекращения антироссийской террористической деятельности;
- можно профинансировать радикальную антиамериканскую деятельность исламских организаций на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке;
- можно усилить антиамериканскую направленность тех зарубежных СМИ, которые в наиболее резкой форме выступают против США и т.п., создав тем самым «площадку для компромисса» о прекращении террористической деятельности.
- наконец, необходимо перехватывать инициативу в области сетевых систем интернета, которые превратились в очень эффективные силовые средства политики. При помощи государства и общества можно сделать эти сети своим инструментом силовой политики. При этом надо отчетливо понимать, что США не откажутся от неё полностью потому, что в рамках стратегии силового принуждения России им будет необходима стадия перерастания внутриполитической нестабильности в стадию «низвержения режима».

И что очень важно — среди этих информационно-сетевых средств силового принуждения именно средства взаимодействия между отдель-

ными субъектами ВПО стали играть исключительно важную, особую, роль. Учитывая же, что именно в этих средствах западная ЛЧЦ обладает фактическим монополизмом (контроль более 95%), становится понятным и значение этих информационных средств, используемых в качестве инструментов политики принуждения⁴¹.

В настоящее время существует много понятий и терминов, которые используются, например, в США, в качестве способа влияния на зарубежных субъектов при помощи Интернета:

- цифровая дипломатия (digital diplomacy);
- интернет-дипломатия (internet diplomacy);
- дипломатия социальных сетей (twitter diplomacy);
- публичная дипломатия Web 2.0 (public diplomacy Web. 2.0) .

При этом наиболее распространённым термином в США считается последний. Публичная дипломатия Web. 2.0 представляет собой целый комплекс инструментов политического, военного и иного влияния, который можно активно использовать в интересах безопасности России:

- в организационно-политической форме для создания и поддержки существующих сил и структур, а также противодействию этой деятельности (через социальные сети происходит вербовка порядка 80% террористов), например, рассылки необходимой информации, в т.ч. через мобильные телефоны;
- в пропагандистской области размещение теле — и радиоконтента в Интернете, распространение литературы и т. п.;
- в области информационной борьбы — вбрасывание дезинформации, слухов, ложных идей и концепций, организация и мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание реальных и ложных сайтов, страничек и любого контента в социальных сетях;
- в политической области — создание необходимой атмосферы и основы для тех или иных политических или военных решений (например, наличия химического оружия у Сирии).

Важно понимать, что при хорошей организационной работе со стороны заинтересованных структур России, а, главное, креативной части общества, все эти средства могут превратиться в очень эффективные инструменты силовой политики.

3.4. Воздушно космическая оборона как средство обеспечить опережающее развитие России

В некоторых лекциях, выступлениях Павла Федоровича, а также трудах научно-исследовательских учреждений, разработанных под его руководством, предложены и описаны новые формы и способы применения сил и средств ПВО: «удар ЗРВ», «удар истребительной авиации», «удар силами ПВО».

Все это — наступательные формы, реализуемые наступательными способами действий. А введенное им понятие «встречное сражение Войск ПВО — не что иное, как контрнаступление в воздушной сфере вооруженной борьбы. Такая оперативная категория, как «воздушное сражение» предполагала разгром крупных сил авиации противника силами истребительной авиации (более соединения) в определенном районе. Причем навязывала воздушное сражение именно истребительная авиация ПВО, а не противник, целями поражения которого были наземные объекты⁴².

Все эти идеи были актуальными и отвечали времени, если не сказать больше — опережали его. Воплотить в практику их можно было только в рамках самостоятельной стратегической операции по отражению воздушно-космического нападения противника.

Это была теория, четко доказавшая право на существование новой — воздушно-космической сферы вооруженной борьбы наравне с традиционными — наземной и морской.

К сожалению, эта работа была свернута после ухода Маршала Советского Союза П.Ф. Батицкого с поста главнокомандующего Войсками ПВО. Наступательный подход к применению Войск ПВО не нашел отражения ни в боевых уставах, ни в наставлениях по подготовке операций. Не был он развит и в ходе новых научных исследований.

В 1990-е годы (после многократных сокращений и реформ ВС РФ) состав войск, ответственных за борьбу в воздушно-космической сфере, был доведен до уровня, при котором их не хватало даже на оборону важнейших объектов и направлений. Каждый новый этап «рефор-

мь» превращался в новую стадию разрушения армии. Тут было уже не до наступления.

В начале 2000-х годов из руководящих документов исчезла самостоятельная стратегическая операция по отражению воздушно-космической агрессии. По мере переименований и переподчинений воинских структур у Войск ПВО (позже — ВВС, еще позже — ВКО, а теперь ВКС) отобрали самостоятельную форму применения объединений — операцию. Войска распределили по военным округам, где они будут применяться как вспомогательное средство в наземной сфере вооруженной борьбы.

Сложилось и, к сожалению, господствует мнение, что наступление в воздушно-космической сфере — это функция ударных войск и сил (ракетных войск, Дальней авиации, фронтовой бомбардировочной и штурмовой авиации). И что наступательные действия в воздушно-космической сфере вооруженной борьбы — это поражение авиации на аэродромах противника.

А у войск ПВО (ВКО) якобы может быть только оборона (по определению и по наименованию самих войск). На этих постулатах базируются многие положения руководящих документов ВС РФ. Но слово «оборона» присутствует и в названии нашего силового ведомства — МО РФ, что, впрочем, не исключает наступления российских Вооруженных Сил в войне.

Исходное и ключевое заблуждение тех, кто стоит на таких позициях (по мнению автора), кроется в неправильном толковании смысла «сфера вооруженной борьбы». Сегодня доминирует упрощенный подход: если нечто военное летает по воздуху (или находится в космосе), то оно относится к в воздушно-космической сфере вооруженной борьбы. Соответственно: если ходит или едет по земле — к наземной сфере; если плавает — к морской сфере.

Такой взгляд не проясняет, а перепутывает все категории. Ведь пушечный снаряд, винтовочная пуля, стрела из арбалета тоже летят по воздуху. Означает ли это, что артиллериста, танкиста, пехотинца и лучника следует относить к участникам воздушной сферы вооруженной борьбы? а если зенитный ракетный комплекс стоит на земной поверхности и перемещается на колесах, то разве он не имеет отношения к вооруженной борьбе в воздушнокосмической сфере?

Основным критерием отношения оружия (и людей его эксплуатирующих) к той или иной сфере вооруженной борьбы следует считать природную среду нахождения цели, которую это оружие (подразделение) должно поразить (подавить).

Тот, кто обнаруживает и уничтожает (подавляет) наземную цель (даже если эта цель — самолет на аэродроме) — участник наземной сферы вооруженной борьбы. Не важно, при этом, что сам он находится на земле (танк), на воде (корабль) или в воздухе (вертолет, самолет и т.п.).

Тот, кто обнаруживает и уничтожает (подавляет) надводную или подводную цель (даже если это крылатая ракета на корабле) — участник морской сферы вооруженной борьбы. Не важно при этом, что сам он находится на земле (танк), на воде (корабль) или в воздухе (вертолет, самолет и т.п.).

Тот, кто обнаруживает и уничтожает (подавляет) воздушную или космическую цель (даже если это подразделение пехотинцев, летящее на транспортном самолете) — участник воздушно-космической сферы вооруженной борьбы. Не важно, при этом, что сам он находится на земле (зенитное орудие), на воде (корабельное зенитное огневое средство), в воздухе (самолетистстребитель) или космосе (в настоящее время ударных космических средств не существует).

Более полное представление о категориях «воздушно-космическая среда», «воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы» и «воздушно-космический театр военных действий» можно почерпнуть из книг профессора И.В. Ерохина (в частности — книга «Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней»), а также из монографии автора — «Воздушно-космический ТВД».

Таким образом, воздушно-космическая оборона — не вид военных действий, а вооруженная борьба в воздушно-космической сфере. И воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы является самодостаточной в плане реализации в ней любого вида военных действий: оборонительных, наступательных и контр наступательных.

Исключительно оборонительными войска ПВО (ВКО) бывают только тогда, когда решают вспомогательные задачи. Например, когда в операциях Великой Отечественной войны прикрывали пехоту. Обо-

ронительной всегда является войсковая ПВО, поскольку она действует в интересах и по плану командующего общевойсковой армии. Оборону осуществляет истребительная авиация при сопровождении бомбардировщиков в район выполнения ими боевых задач и при возвращении обратно, поскольку не ищет встречи с воздушным противником, а только отбивается от налетающих истребителей. И оборонительными оказались сегодня те соединения ПВО, которые в составе армий ВВС и ПВО переданы в подчинение командующим военными округами.

Обороняются те силы и средства ПВО (ВКО), которые борются со средствами поражения, сброшенными (запущенными) с борта бомбардировщика или тактического истребителя (крылатыми ракетами, управляемыми снарядами, авиабомбами и др.). Но сам по себе носитель этих бортовых средств (самолет) не представляет угрозы для объекта. Он такая же «база», как морской корабль — носитель крылатых ракет, наземный аэродром или пусковая установка. Но только находится до запуска, в момент запуска и сразу после запуска не в воде, не на земле, а в воздухе.

Уничтожение такой воздушной «базы» не является оборонительным действием, точно так же как не является обороной поражение корабля в акватории океана или аэродрома на территории противника. Это наступательное действие, но осуществляемое не чем иным, как средством ПВО (ВКО). Понять нам это мешает только консерватизм мышления, накопивший стереотипы в отношении понятий «противовоздушная оборона» и «воздушно-космическая оборона».

Нет сомнения в том, что российская экономика, ее оборонно-промышленный комплекс преодолеют все кризисы и санкции. В войска поступит много высококачественного оружия ВКО. В стране начнет создаваться единая система борьбы с воздушно-космическим противником. Пусть она даже традиционно называется ВКО (в конце — слово «оборона»). Но важно, чтобы все (а в первую очередь военные ученые) понимали смысл суворовского изречения, что «хорошая оборона должна быть наступательной»⁴³.

Развитие России может быть обеспечено за счет ускоренного развития наиболее перспективных областей ОПК, прежде всего, средств вооруженной борьбы и технологий ВКО.

В ближайшей перспективе следует ожидать, что в связи с развитием средств воздушно-космического нападения, появлением новых форм их применения, таких как сетевые военные действия, изменением приоритетных целей самих войн будут разрабатываться новые способы боевого применения СВКН, а известные способы боевого применения претерпят значительные изменения.

В последней четверти XX столетия сложилась ситуация, когда группа развитых стран во главе с США за счет крупного технологического прорыва, обусловленного, в первую очередь, стремительным развитием цифровых технологий передачи, хранения и обработки информации, достигла масштабных преимуществ во многих сферах человеческой деятельности, в том числе и в сфере вооруженной борьбы (рис.3.6).

Другие государства в это время существенно отстали от группы развитых стран по темпам разработки и внедрения цифровых технологий. В профильных комитетах ООН сложившееся положение дел назвали «проблемой цифрового неравенства», в которой их эксперты усматривали угрозу стабильности и гармоничному мировому развитию.

Рис. 3.6 Предпосылки появления новых способов применения СВКН⁴⁴

Достигнутые развитыми странами преимущества в цифровой сфере (рис. 3.7) позволили им модернизировать вооруженные силы, насытив их новыми цифровыми системами получения, обработки, передачи информации и управления, как оружием, так и группировками вооруженных сил.

Достигнутые преимущества модернизированных вооруженных сил развитых стран основывались именно на внедрении новых цифровизированных образцов вооружения, военной и специальной техники, и в меньшей степени — на достижениях в таких областях, как машиностроение, кораблестроение, самолетостроение и других. В таких условиях, пока нарастало цифровое неравенство, нарастало и достигнутое военное превосходство развитых стран.

В контексте темы статьи важным является то, что упомянутое преимущество было получено и нарастало даже без глубоких изменений в способах ведения военных действий. Происходившие изменения способов носили в основном характер адаптации под новые виды вооружений и военной техники (под высокоточное оружие, новые средства разведки, системы

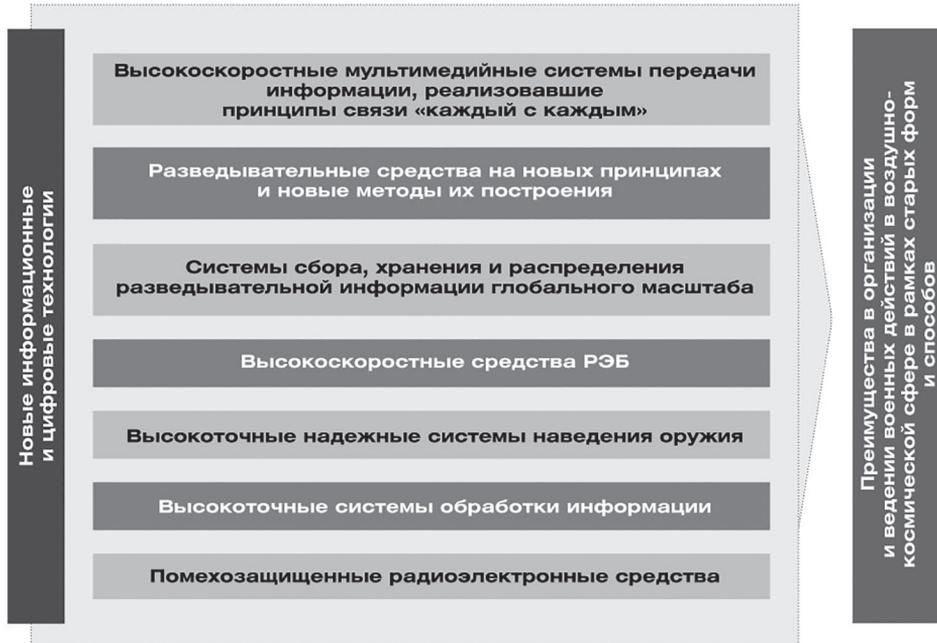

Рис. 3.7 Преимущества внедрения новых цифровых и информационных технологий в вооруженных силах

автоматизированного управления, связи и другие), под конкретные условия ведения военных действий (в первую очередь — под новые средства и системы ПВО), а также с целью учета явного перемещения в воздушно-космическую сферу основных усилий вооруженного противоборства как такового.

Ключевую роль в изменении характера вооруженной борьбы в воздушном пространстве сыграли крылатые ракеты и другие управляемые по программно реализованным алгоритмам ударные средства, изготовление и применение которых без цифровых технологий вообще невозможно, в силу чего отставшие в данном отношении государства фактически лишены этого вида оружия, запасы которого в развитых странах стремительно наращиваются.

Фактически, реализация достигнутого развитыми странами превосходства обеспечивалась увеличением количества и доли современных СВКН, успешно вписывающихся в рамки ранее разработанных способов их применения.

Тем не менее, военные исследователи развитых стран, в первую очередь в США, уже в 1990е годы понимали, что преимущество от технологического прорыва будет временным по ряду причин (рис.3.8). Тогда, в случае столкновения с равным или превосходящим их по вооружению противником, победу одержит тот, кто будет использовать более совершенные формы и способы военных действий и, в первую очередь, в воздушно-космической сфере.

Грядущие изменения, которые потребуют пересмотра способов применения СВКН, обусловлены, на наш взгляд, следующими фундаментальными причинами.

Во-первых, насыщение информационными системами всех сфер жизни развитых стран, в том числе и их вооруженных сил, имеет естественный предел, по мере приближения к которому новые преимущества от внедрения цифровых технологий будут становиться все менее масштабными, а их получение — все более затратным.

Во-вторых, в мире происходит объективный и ускоряющийся процесс распространения цифровых технологий среди отстававших в этом направлении государств, а значит, эти технологии внедряются и в их вооруженных силах. Причем, поскольку названные страны идут по уже проторенному пути, получение преимуществ от внедрения цифровых технологий является для них менее затратным и по материальным ресурсам, и по времени.

Рис. 3.8 Причины и следствия эволюции цифровых технологий

Первая причина породила важную тенденцию — стремительное удорожание новых образцов вооружения и увеличение времени их разработки (например, самолеты F-22 «Раптор», F-35 «Лайтнинг-2», проект эсминца «Замволт»).

Вторая дала сразу две важные тенденции:

- 1) развитие ВКО крупных стран (таких как Россия, Китай) и воспрепятствование доступа авиации развитых государств на их территорию.
- 2) развитие СВКН ранее отстававших в этом отношении стран, которые могут предложить и развить свои способы их применения⁴⁵.

3.4.a). Туники соперничества

В Стратегии национальной безопасности России блок проблем безопасности непосредственно связан с блоком проблем социально-экономического развития. Они влияют друг на друга также радикально, как и внешние и внутренние условия развития страны. В ходе президентских выборов Д. Трамп публично сказал о том, что «Экономические

и социальные успехи прямо зависят от уровня национальной безопасности», подчеркнув тем самым, что американское материальное мировое лидерство основано на военной силе. Позже, придя к власти, он подтвердил эти заявления конкретными намерениями по увеличению военного могущества и расходов страны на военные цели.

Эти внешние условия создают непосредственные угрозы России, которая вынуждена реагировать на них увеличением оборонных усилий. Естественно, что это не может не сказаться на темпах социально-экономического развития России. По итогам 2016 года Россия на 5,9% увеличила свои расходы на военные нужды, доведя их до 69,2 млрд. долл. Это позволило стране войти в тройку мировых лидеров по объемам затрат на оборону, потеснив на четвертое место Саудовскую Аравию, расходы на военные нужды которой за прошедший год составили 63,7 млрд. долл. В 2017–2018 годах расходы на оборону постепенно снизились и Россия уступила таким странам как Великобритания и Саудовская Аравия.

В то же время два первых места в этом рейтинге по-прежнему удерживают США с расходами на уровне 611 млрд. долл. И Китай с расходами в 215 млрд. долл. К ним постепенно приближаются Индия, Саудовская Аравия, Япония и ряд других стран, на фоне которых расходы России становятся относительно небольшими. При этом в номинальном выражении в местной валюте специалисты SIPRI оценили военные расходы России за 2016 год в сумму 4,64 трлн. Рублей, а в 2018 году — существенно ниже.

Вместе с тем не существует прямой механической зависимости между бюджетными расходами на национальную оборону и эффективность ВВСТ и ВС. Как и прежде, огромную роль играют не только экономические факторы (прежде всего, стоимость труда, ресурсов, транспортировки и НИОКР), но и развитие всех областей военного искусства и управления ВС. Так, операция Военно-космических сил России в Сирии, начавшаяся 30 сентября 2015 года, стала самой продуктивной и результативной военной кампанией в истории, уверен председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Виктор Бондарев. Современная история не знает более динамичной, продуктивной и результативной локальной военной кампании, чем контртеррористическая

операция России в Сирии», — цитирует сенатора его пресс-служба. По его словам, российские действия в Арабской Республике показали, что Россия научилась воевать. «Ведь важнейшим критерием военного мастерства является не только сам факт победы, но и её цена», — добавил он.

По подсчётам парламентария, «на данный момент потери наших Вооружённых Сил в Сирии составляют 112 человек, почти половина из которых приходится на катастрофу Ан-26 и сбитый Ил-20. Из техники потеряны восемь самолётов, семь вертолётов и, возможно, один-два БТР и броневедомоцикла». Это в разы меньше, чем потери Запада за время Иракской кампании.

«Успехи и малые жертвы объясняются многими факторами: и отличной подготовкой лётного состава, и суперсовременным оружием и техникой, и высочайшим уровнем организации кампании», — пояснил Бондарев⁴⁶.

В итоге мы можем констатировать, что российская экономика, занимающая далеко не первое место по объёму ВВП в мире, расходует на оборону относительно больше, чем остальные страны, но меньше, чем нужно для её безопасности просто потому, что её расходы соотносятся с расходами противостоящей военно-политической коалиции, как минимум 1 : 20! Однако военная эффективность при этом не сокращается, а растёт. Так, в Сухопутных войсках, на которые приходится до 65-70% поражающей мощи, прежде всего, ракетных и артиллерийских систем, происходит быстрая модернизация, итогом которой должна стать замена на 70% ВВСТ на новые образцы. Эти процессы, мы просто обязаны констатировать, если не хотим показаться далёкими от реальности, в последние годы происходят на фоне нарастания военно-силовой эскалации, которая поставила нас на грань (или уже за гранью?) войны с Западом.

В этих условиях нарастает критика правительства и вполне справедливые требования «эффективной стратегии» и «хорошего управления», которые сводятся, в конечном счете, к требованию иметь эффективную концепцию безопасности и развития, сочетающую требования и «пушек», и «масла». Решения, принятые после избрания В.В. Путина президентом страны в 2018 году, в социально-экономической области вылились в провалы правящей партии и самого президента на выборах осенью 2018 года в нескольких регионах. Списывать их просто

на не популярные реформы, прежде всего в пенсионной области, значит заведомо упростить ситуацию, которая отражает общий кризис в доверии правящей элите. Не только широкие массы, но и часть правящей элиты высказывается критически относительно проводимого внутриполитического курса.

Необходима долгосрочная стратегия, как минимум, в том варианте, в котором она была озвучена в послании, а не очередные «национальные проекты» и «12 приоритетных направлений», которые не представляют собой системы взаимосвязанных идей, концепций и планов. Более того, бюджетный прогноз темпов развития России до 2020 года правительства, который ориентирует на самую оптимистическую перспективу в 3%, свидетельствует о том, что стратегии у России нет. Во всяком случае, адекватной стратегии опережающего развития. Правительственные планы программируют дальнейшее отставание России от стран-лидеров, в отсутствие реальной и адекватной стратегии национальной безопасности. Причем реализовывать эту концепцию безопасности и стратегию развития придется наверняка не только в условиях цейтнота времени, но и в условиях фактического внешнеполитического и экономического кризиса, санкций и жестких ресурсных ограничений, что делает требования к повышению ее эффективности еще более жесткими. И ещё более неотложными.

Кроме того, решать эту задачу предстоит, видимо, тем же структурам и людям, которые уже пытались ее решать прежде в имеющихся институтах управления государством, и на той же материальной и информационно-аналитической основе, что уже изначально ставит под сомнение возможность такого эффективного решения. Действительно, если многократно заявленный курс на «ускорение», «инновации» и «модернизацию» не реализовывался в течение десятилетий, то где уверенность в том, что это произойдет сегодня или хотя бы в среднесрочной перспективе? Тем более, если сами ответственные за этот курс в экономике страны лица, прежде всего в МЭР, Минфине и Центробанке заходя планируют относительное отставание даже от среднемировых темпов роста ВВП?

Ситуация осложняется тем, что если говорить о законодательной и нормативной основе развития нации и государства, то в ней, как оказывается, вообще нет места для долгосрочной стратегии самого высокого

уровня, в которой, прежде всего, формируется национальное целеполагание, т.е. начисто отсутствуют внятные цели развития и основные требования к безопасности⁴⁷. Коротко и не бесспорно они описаны в двух последних редакциях Стратегии национальной безопасности России (2009 и 2015 года), в которых подчеркивается, что они являются «базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты»⁴⁸, но где сами интересы и приоритеты изложены достаточно противоречиво и вызывают серьезные возражения (Ст. 30 Стратегии).

Боевой опыт показывает, что применение иерархического и функционального принципа при построении системы ПВО и определении роли и места каждой составляющей системы борьбы с СВКН должно быть определяющим, учитывающим специфические боевые возможности ЗРС, ЗРК, ИА и др. по разведке и поражению конкретных типов воздушно-космических целей.

При этом необходима декомпозиция решаемых задач по территориальному признаку (эшелонам, высотам, направлениям), функциональному признаку (распределение конкретных целей для поражения), а также по уровням войсковой иерархии (тактический, оперативный, оперативно-стратегический), в которых создается группировка сил и средств борьбы с СВКН определенного состава и количества.

Наиболее весомый вклад в решение задач обороны воздушного пространства войсковая ПВО вносит при борьбе с СВН на тактическом уровне (до 80–90% числа уничтоженных СВН). Это подтверждается как математическим моделированием, так и опытом ведения боевых действий и объясняется спецификой состава ударов СВН по войскам и объектам тактического уровня и высокими боевыми (огневыми) возможностями ЗРК, ЗРС, ЗПРК при обстреле малоразмерных низколетящих СВН. **Например, доля малоразмерных беспилотных элементов ВТО в составе ударов СВН (особенно в начальный период боевых действий) сегодня достигает 70–80% от состава налета.**

Иногда воздушные удары могут наноситься только лишь элементами ВТО (крылатыми ракетами морского и воздушного базирования, управляемыми авиационными бомбами, ракетами, БЛА и т.п.) без захода носителей в зону воздействия зенитных средств.

Примером сказанному являются два недавних удара только лишь крылатыми ракетами по наземным объектам в Сирии (последний из них — 14 апреля 2018 года). При его отражении зенитные комплексы (поставленные в Сирию еще в советские времена) типа «Оса», «Бук», «Шилка», «Стрела» различных модификаций уничтожили **почти 70% налетающих малоразмерных КР, достигнув запредельной эффективности**⁴⁹.

Использование же зенитной ракетной системы С-200ВЭ для обстрела малоразмерных КР (вместо стрельбы по носителям КР) было заведомо нецелесообразным из-за его крайне ограниченных боевых возможностей по поражению малоразмерных ВЦ, а также по критерию «эффективность-стоимость».

Вклад войсковой ПВО в общей системе обороны воздушного пространства на оперативном уровне может достигать 12–18%, а в стратегическом звене — лишь 5–8%. Это еще раз подтверждает необходимость разумного разделения задач борьбы с СВКН между силами и средствами ВКС и войсковой ПВО с учетом сильных и слабых сторон каждой стороны.

Очевидной приоритетной задачей для войсковой ПВО должно быть первоочередное использование для уничтожения самолетов тактической авиации во всем диапазоне высот их применения, специализированных ударных вертолетов, крылатых ракет в нижних диапазонах высот, малоразмерных элементов ВТО всех типов и других низколетящих целей, особенно на тактическом и частично — на оперативном уровне иерархии.

Высокие боевые возможности ЗРС войсковой ПВО обуславливают возможность и необходимость их привлечения для прикрытия не только войск, но и важнейших государственных и военных объектов. Эти задачи могут решать зенитные ракетные комплексы и системы типа С-300В4, «Бук-МЗ» в комплексе со средствами непосредственного прикрытия (например, ЗРК «Тор-М2»), способные бороться практически со всеми типами СВКН, в том числе и с целями из состава «мгновенного глобального удара», а также оборонять площадные объекты от ударов баллистических целей.

Так, площади, прикрываемые бригадой ЗРС С-300В4 при отражении ударов баллистических целей, могут составлять от 2000 до 5000 км², а ЗРК «Бук-МЗ» — до 600 км².⁵⁰

Практически все зенитные ракетные и артиллерийские комплексы и системы войск войсковой ПВО характеризуются высокими маневренными возможностями и возможностями по перевозке их различным транспортом (железнодорожным, морским, воздушным) как в границах одного ГВА, так и при проведении стратегического маневра. Намечившаяся устойчивая тенденция перевооружения войсковой ПВО на современные зенитные ракетные комплексы и системы в скором времени приведет к значительному наращиванию боевых возможностей зенитных формирований войсковой ПВО.

В заключение отметим, что достигнутая высокая эффективность отражения ударов крылатых ракет группировкой ПВО в САР (14 апреля 2018 года) должна (помимо гордости) вызывать чувства настороженности у профессионалов-зенитчиков. Условия боевого применения группировки ПВО были крайне упрощенными: налет СВН был далек от внезапного; воздушные цели (пусть и малоразмерные, низколетящие) были малоскоростными, неманеврирующими; радиоэлектронные помехи и противоракетные маневры не применялись; огневое противодействие боевым расчетам ЗРК нападающей стороной не оказывалось.

Похоже, коалиционная группировка НАТО расходовала более сотни КР для тестирования противостоящей группировки сирийской ПВО, а также в разведывательных целях. Реальные боевые условия борьбы с современным воздушным противником, несомненно, будут более сложными и напряженными.

Таким образом, эффективное отражение ударов СВКН является чрезвычайно сложной задачей, решение которой возможно лишь совместными координированными усилиями всех видов и родов войск. Успех возможен лишь при комплексном использовании широкого разнообразия сил и средств, способных поражать СВКН как на земле (на аэродромах, стартовых площадках, позициях и др.), так и в воздухе при подлете к объектам удара. С учетом достаточно большого количества сил и средств войсковой ПВО, а также высоких боевых возможностей ВВСТ, войсковая ПВО способна внести весомый вклад в эффективность отражения ударов СВКН на различных этапах проведения ими воздушных операций.

УНИЧТОЖЕНИЕ

- ОТБР, БРСД (с дальностями пуска не менее 35 00 км) стратегических воздушно-космических ударных самолетов;
- ГЗЛА;
- самолетов ДРЛОУ, ПАП в зонах базирования;
- самолетов стратегической, тактической авиации до рубежей применения бортового оружия;
- крылатых ракет воздушного, морского базирования.

УНИЧТОЖЕНИЕ

- тактических баллистических ракет;
- самолетов ПАП из состава ударных групп;
- самолетов тактической авиации до рубежей применения бортового оружия;
- БЛА среднего и большого радиуса действия;
- высокоточных авиационных средств поражения типа УР, ПРР, УАБ и УАК.

УНИЧТОЖЕНИЕ

- тактической и армейской авиации на дальностях и высотах исключающих эффективное применение противником управляемого оружия малой дальности разведывательных ударных БЛА;
- поражающих средств ВТО, крылатых ракет.

Рис. 3.9 Участие войск войсковой ПВО в отражении удара СВН

Войсковая ПВО является незаменимой при отражении ударов СВН по группировкам мобильных войск на поле боя, при борьбе с малоразмерными воздушными целями в диапазонах малых и предельно малых высот. Кроме того, высокие боевые возможности ЗРС и ЗРК на средних и больших высотах, а также их способность решать задачи нестратегической ПРО, обуславливают необходимость использования войсковой ПВО в ходе отражения воздушно-космических ударов СВН в тесном взаимодействии с силами и средствами ВКО.

3.4.6). Запрет реформ

Сказанное означает, что выход следует искать в новом алгоритме управления, а именно: уйти от бесконечного реформирования в консервативную политику временного ограничения на всякого рода реформы, т.е. надо не бесконечно пробовать новые модели и новые кадры (которых за предыдущие десятилетия попробовали достаточно), а уже апробированные подходы в экономике и кадровой политике, которые давали положительные, пусть иногда и скромные, результаты.

И прежде всего необходимо начинать с того чтобы немедленно и тотально...запретить реформы. Любые: экономические, социальные, а тем более (и особенно) кадровые. Взять «абсолютную паузу» на подобную деятельность хотя бы на 2–3 года просто потому, что все предыдущие реформы были неудачны и разрушительны: в политике, экономике, науке, образовании, даже во внешнем облике чиновников и военнослужащих! Для предприятий ОПК, например, это означает, что, как сказал М. Ремизов»... необходимо переходить от мобилизационного периода работы по исполнению ГОЗ режиму планомерных ответов на долгосрочные вызовы».

Раз, уж, мы оказались в болоте «по самые ноздри», то и вести себя нужно соответственно — не психовать, не дергаться, а то окончательно захлебнешься (особенно с учетом того, что тебе охотно помогут извне). Необходимо осторожно осмотреться и аккуратно выбираться, используя для этого твердую основу — почву, деревья, все то, что может помочь этому. Исправить ситуацию можно по принципу «хуже не будет», используя практический накопленный и очень конкретный позитивный, а не абстрактный и псевдонаучный опыт тех конкретных предприятий, структур и лиц, которые сумели в тяжелейших условиях добиться положительных результатов. И только опыт, и только конкретный результат деятельности (а не «компетенции», которые стали у нас заменять знания, результат и опыт) должен стать на время единственным критерием в оценке деятельности того или иного руководителя, метода управления, экономического подхода.

Надо отчетливо понимать, что в принципе любые реформы неизбежно несут в себе отчетливо выраженные негативные последствия

(причем очень серьезные, а не сопутствующие), как минимум, в нескольких областях:

- **во-первых**, они выливаются в массовую бюрократизацию, появление новых чиновников.

Становится совершенно понятно, что процессы ухудшения государственного управления вообще не могли не затронуть и процессы управления ОПК и ВС России. При том, что есть и положительные примеры, когда эффективность управления в ОПК показывала выдающиеся результаты. Так, в Концерне ВКО «Алмаз-Антей» средний рост производительности труда за последнее десятилетие составил 15%, хотя в целом для экономики страны, не смотря на Указ В.В. Путина от 2012 года, продублированный в 2018 году, величина в 5% оказалась не достижимой.

Опыт СССР, когда значительная часть полномочий была сосредоточена у генеральных конструкторов и руководителей КБ и объединений, показывает, однако, что именно этот путь оказывается наиболее эффективным. Особенно для тех структур, которые, Концерн ВКО «Алмаз-Антей», способны самостоятельно решать многие проблемы. Так, например, при минимальной помощи со стороны федерального центра в Санкт-Петербурге с 2008 года ведется строительство и модернизация 17 объектов Северо-Западного регионального центра (СЗРЦ), на которых уже производится продукция военного, двойного и гражданского назначения;

- **во-вторых**, следствием непродуманных реформ последних десятилетий всегда являлось создание все новых управленческих и контрольных структур, которые нередко некомпетентно вмешивались в управление, в частности, в организацию ОКР, непосредственное производство, бесконечно стремятся «заслушать» и «обсудить», «проверить и посоветовать» тем, кто реально работает в КБ и на заводе.

Все это не просто отвлекает и препятствует работе, а иногда ведет просто к её дезорганизации, принятию ошибочных решений. При этом, «реформаторами», естественно, нередко преследовались цели, очень далекие от создания новых и модернизации прежних образцов ВВСТ;

— **в-третьих**, в результате бесконечных реформ всегда теряется время, требуемое на реорганизацию (совещания, согласования и т.п.), нередко тратится бездарно энергия и даже здоровье управленцев наукой и производствами, как правило, теряются ещё сохранившиеся кадры, которых сокращают в «целях оптимизации».

Достоинства от таких «реформ», мягко говоря, не очень заметны, а потому естественный вопрос «Зачем нам нужны их недостатки?» абсолютно закономерен и понятен многим, хотя публично задается не часто. Странно только, что такой простой вопрос не возникает каждый раз публично и — что важно — достаточно настойчиво после очередного провала «реформ». И, наоборот, есть немногие, но достаточно яркие примеры того, как коллективы КБ и предприятий в сверхсложных условиях добиваются реальных и осязаемых результатов. И в качестве примера можно и нужно взять некий конкретный образец деятельности, практический результат, рассмотрев, что помогает, а что мешает его дальнейшему развитию. Более того, попытаться спроецировать его опыт не только на другие предприятия и все отрасли ОПК, но и на другие отрасли экономики России, прежде всего, естественно, промышленности.

Наиболее яркий пример — Концерн ВКО «Алмаз-Антей», — который отметил недавно 15-летие своего создания. Этот концерн, объединяющий сегодня более 60 КБ и предприятий, может быть иллюстрацией того, как фактически уничтоженная подотрасль возродилась и бурно развивалась в тяжелейших условиях после разрухи 90-х годов. Именно поэтому опыт концерна представляется достаточно универсальным — у него не было искусственно созданного тепличного условия для развития, он не был обеспечен внешними огромными ресурсами. Как и все предприятия ОПК и промышленности, он прошёл трудный путь безденежья, бесконечных попыток «реформирования», приватизации, «наездов», внутренних и внешних конфликтов.

К наиболее известным достижениям концерна (полученным, напомним, на фоне деградации всей промышленности страны) можно отнести:

В военно-политической области — воссоздание суверенитета России в своем воздушно-космическом пространстве, которое сегодня контролируется практически на всей его огромной территории, после

многих лет сознательного разрушения ПРО и ПВО страны. Фактически в наше время, как показал опыт Ливии, Сирии, Ирака, Афганистана, а до этого — Югославии, эффективная система ПРО-ПВО стала синонимом государственного суверенитета. И таким суверенитетом в настоящее время обладают всего несколько стран в мире, как и способностью оказать помощь в создании такого суверенитета, что само по себе имеет колоссальное внешнеполитическое значение.

И если кто-то думает, что не только за рубежом, но и в российской элите это считает достижением, то он ошибается. До сих пор у части российской элиты существует убеждение о том, что «России никто не угрожает», которое трансформируется в самых разных формах. В том числе и в настойчиво-некомпетентное «прожимание» идеи о всесильности СНВ и «бесперспективности» американской ПРО. Эти идеи в свое время привели к деградации стратегических наступательных и оборонительных вооружений СССР и России, но эти же идеи и их носители благополучно и безбедно существуют (в том числе и на зарубежные гранты) и сегодня.

В настоящее время по мере развития средств воздушно-космического нападения, особенно новых средств ВТО и развертывания широко-масштабных систем ПВО-ПРО, обеспечение защиты с воздуха и из космоса становится самостоятельной политической задачей. Такой же по своему значению, какой была задача создания ЯО и средств его доставки. И Концерн ВКО «Алмаз-Антей» решил эту задачу на самом высоком уровне, более того, обеспечил заделы для её будущего решения, как минимум, на 15–20 лет.

Самый острый период, о котором сегодня все чаще говорят — 2020–2025 годов, — связанных с массивным развертыванием в США КРМБ и других ВТО, а также гиперзвуковых и других стратегических систем формулирует новую военно-политическую и стратегическую задачу перед коллективом Концерна по сохранению этой неуязвимости, т.е. суверенитета России в новых геополитических условиях резкого обострения военно-политической обстановки, а именно: обеспечить оборону страны и её ВС в условиях сползания к войне. Очевидно, что малейшее сомнение в обеспечении Концерном такой возможности приведет к началу полномасштабной войны.

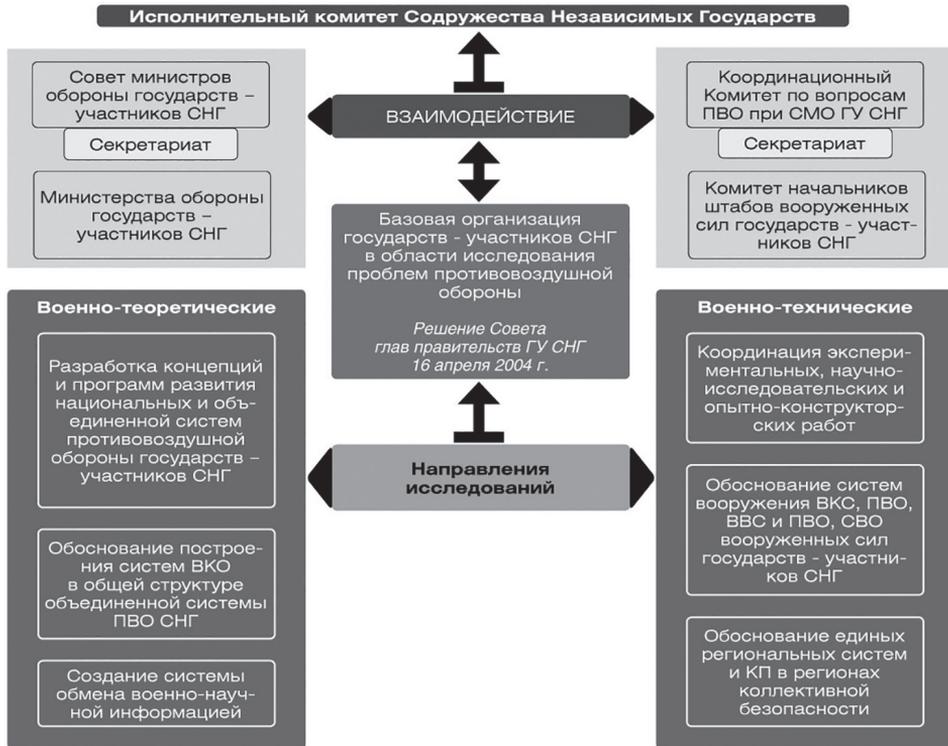

Рис. 3.10 Направления взаимодействия базовой организации ⁵¹

Этот положительный опыт можно использовать для ключевых отраслей не только ОПК, но и всей промышленности России, сконцентрировав её «на основных направлениях прорыва», но только без всяких нововведений и реформ, опираясь на уже существующие структуры и кадры. По сути дела требуется только одно: жестко сформулировать перед руководством задачу получения краткосрочного и среднесрочного результата, а также «горизонта планирования» на 10–15 лет в развитии, дать этому руководству максимальные права, ограничив вмешательство министерств, прежде всего, МО, Минпрома, МЭР, Минфина и других государственных структур, сформулировав перед ними задачу оказания помощи таким концернам.

В военно-экономической области — Концерн ВКО «Алмаз-Антей» добился исключительного результата на фоне деградирующей российской промышленности. Он вошел в 10 крупнейших военно-промышленных

компаний мира, став безусловным лидером в целой линейке систем не только военного, но и гражданского назначения. Продукция концерна не просто конкурентоспособна, но и крайне востребована на мировых рынках.

Более того, сам Концерн формирует во многом этот рынок ВВСТ. Его продукция, особенно системы ПВО ближнего и среднего радиуса «Тор» и «Бук», а также системы большой дальности «С-300», «С-350» и «С-400», создают в настоящее время эталон эффективности ПВО в мире. Кто ещё (за исключением компаний — экспортеров нефти и газа) может похвастаться таким результатом?

В промышленной области — Концерн создал, по сути, новую отрасль промышленности, перестроив, построив и закупив фактически три новых комплекса заводов, соответствующих лучшим мировым стандартам. Причем, сделано было это преимущественно за счет собственных средств и коммерческих кредитов, когда роль государственной поддержки была сведена к минимуму: из 260 миллиардов рублей, затраченных на переоснащение и строительство предприятий концерна, государство выделило только 40. Это — лучшее свидетельство пустой критики либералов относительно «разорительности оборонки».

В главной, военно-технической, области — Концерну удалось модернизировать прежние и создать новые системы ПРО и ПВО, не имеющие своих аналогов по эффективности в мире. Это системы ближнего радиуса — ТОР всех модификаций, средней дальности — БУК, большой дальности — С-300, С-400, а теперь и на подходе — С-500, а также многие другие системы разных типов базирования.

В научно-технической и образовательной области — Концерну удалось в целом решить эту наиболее трудную задачу предотвращения деградации научного, конструкторского и рабочего потенциала, сохранив в основном старый и надежный коллектив.

и как результат всего этого операция Воздушно-космических сил России в Сирии, начавшаяся 30 сентября 2015 года, стала самой продуктивной и результативной военной кампанией в истории, уверен председатель Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Виктор Бондарев.

А теперь попробуем применить этот удачный опыт к российской экономике в целом. Каковы же главные условия успеха? На мой взгляд, они вполне осязаемы и поучительны.

Во-первых, вовремя удалось остановить приватизацию и разграбление предприятий концерна. Конечно, не без потерь. Часть собственности, документации и оборудования оказалась в частных руках. Можно привести много примеров как в последний момент, например, остановили распродажу цехов легендарного Обуховского завода (кое-что все-таки не удалось отстоять) или комплекса зданий на Ленинградке в Москве. Самый яркий пример — Брянский завод, с цехов которого срывали крыши и двери, а оборудование отправляли в металлолом: два года назад, когда он вошел в концерн, женщины-станочницы вернулись на завод, чтобы как во время войны зимой работать в цехах, где разворовали трубы отопления. Сейчас вы можете видеть на параде многоосные тягачи этого завода, которые по общим оценкам являются выдающимся достижением мировой конструкторской мысли.

Во-вторых, огромная заслуга в этом корпоративной патриотичности руководителей, конструкторов и рабочих Концерна, которые работали буквально «с утра и до ночи». Так, как когда-то работали во время войны и в самые тревожные годы гонки вооружений. Этот интеллектуальный, творческий и нравственный человеческий капитал и стал, в конечном счете, тем рычагом, с помощью которого удалось Концерну добиться таких успехов.

В-третьих, это, безусловно, внимание и участие некоторых руководителей страны, которые лично следили и помогали Концерну. Надо сказать, что за 15 лет Концерну часто везло на руководителей и тех, кто курировал его деятельность.

Ну, а что же мешает дальнейшему развитию?

К сожалению, даже самые положительные результаты не гарантируют от того, чтобы этот опыт был сохранен и поддержан. В жизни так бывает. Особенно в тех случаях, когда во главе угла стоит не главный мотив — результат деятельности, — а иные мотивы. И люди, заинтересованные в иных мотивах.

В принципе Концерну сегодня мешает то же, что и всем и всей наукоемкой промышленности — некомпетентность, малообразованность

и безнравственность руководителей, игнорирование и непонимание интересов страны и оборонной промышленности, нахальное вмешательство в дела Концерна, стремление начальников «поручить», а кураторов — «по-советовать». Другими словами, стремление бюрократии «поучаствовать» в управлении, прежде всего посредством очередного «реформирования». Естественно, что без всякой ответственности за последствия.

Поэтому-то лучшим препятствием для такого реформирования является полный запрет на «реформы». Как минимум, на какое-то время. И отказ тем, кто хочет очередного реформирования, в праве на это. Как, впрочем, в праве на некомпетентное и непрофессиональное вмешательство.

---

¹ Цит. по: *Шевцов Л.* ВПК. — № 35 (600). 13 сентября 2017 г.

² См. последние разделы работы: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

³ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: в 2-х томах. — М.: МГИМО-Университет, 2017 г.

⁴ В качестве примера: *Подберёзкин А.И.* Социалистический манифест / Движение «Духовное наследие», 2001 г.

⁵ См., например: *Подберёзкин А.И.* Национальная доктрина России. — М.: РАУ-корпорация, 1993; *Подберёзкин А.И.* Русский Путь. — М.: ДН, 1995 и др.

⁶ *Мороз В.* Смена общественных формаций и совместимость цивилизаций // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 67–68.

⁷ *Мороз В.* Смена общественных формаций и совместимость цивилизаций // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 67–68.

⁸ *Мороз В.* Смена общественных формаций и совместимость цивилизаций // Экономические стратегии, 2018. — № 5. — С. 67–68.

⁹ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёз-*

кин А.И. От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

¹⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Военная политика России. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т.1–2.

¹¹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — № 5. — С. 19–35.

¹² *Мозговой А.* Сирия: главный «Калибр» // «Алмаз-Антей», 2017. — № 2. — С. 24.

¹³ *Маккью М.* Доктрина Герасимова. 07.09.2017 / <http://inosmi.ru/politic/20170907/240217819.html>.

¹⁴ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // *Журнал «Обозреватель»*, 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // *Журнал «Обозреватель»*, 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / *Гуманитарий Юга России*, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52) и др.

¹⁵ *Белковский С.* Россией правят троечники / Эл. ресурс: «Блог Белковского» / 17/09/2018

¹⁶ *Тикшаев В., Бандура С.* Защита от диверсантов // *Воздушно-космический рубеж*. 2018. Февраль. — № 1(3). — С. 62.

¹⁷ *Переслегин С.Б.* Ротация элит: время военное // *Экономические стратегии*, 2018. — № 5. — С. 104.

¹⁸ *Переслегин С.Б.* Ротация элит: время военное // *Экономические стратегии*, 2018. — № 5. — С. 104.

¹⁹ Майский указ Путина оказался под угрозой срыва / Эл. ресурс: «Рамблер-финанс». 24.09.2018 / https://finance.rambler.ru/economics/40875465/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

²⁰ *Волошко В.С., Лутовинов В.И.* Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации. — М.: ГШ ВС РФ, 2007.

²¹ *Волошко В.С., Лутовинов В.И.* Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации. — М.: ГШ ВС РФ, 2007.

²² Цит. по: *Волошко В.С., Лутовинов В.И.* Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации. — М.: ГШ ВС РФ, 2007.

- ²³ См.: *Андреев В.Г.* Оружие и война: новые тенденции развития // Вестник АВН, 2005. — № 1(10). — С. 163 / <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2005-vavn/10546-oruzhie-i-vojna-novye-tendencii-razvitija>
- ²⁴ См.: *Андреев В.Г.* Указ. соч. — С. 164 / <http://militaryarticle.ru/vestnik-akademii-voennykh-nauk/2005-vavn/10546-oruzhie-i-vojna-novye-tendencii-razvitija>
- ²⁵ *Мао Дзэ Дун.* Избранные произведения. — Т. 1. — С. 264.
- ²⁶ Точка зрения автора о том, что всякая борьба (экономическая, информационная и др.) означает войну, не соответствует базовым положениям военной науки. Согласно Закону об обороне (ст. 18), война начинается с началом военных действий и заканчивается с их прекращением.
- ²⁷ *Путин В.В.* Указ № 685 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
- ²⁸ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / под ред. Т.А. Шапклинной. — М.: 2014. — С. 109.
- ²⁹ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.
- ³⁰ См. подробнее: *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4.
- ³¹ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. — М.: «Русская панорама», 2016. — С. 17.
- ³² См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: коллект. монография / под ред. А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 874 с.
- ³³ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. — М.: «Русская панорама», 2016. — С. 17.
- ³⁴ *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — М.: — СПб.: «Питер», 2016. — С. 120.
- ³⁵ См. подробнее последние журнальные публикации: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и № 6; *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4; *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59); *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3; *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55); *Подберёзкин А.И.* От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Универси-

тет, 2017. — № 1 (52) и др.

³⁶ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

³⁷ См., например: *Tomes R.* Releaining Countersurgency Warfare / U S Army War College, 2004.

³⁸ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³⁹ На этот счет написано много работ в период 1970–1990-х годов, в т.ч. И автором.

⁴⁰ *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. — М.: С-Пб.: Питер, 2016. — С. 177–182.

⁴¹ *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей / *Обозреватель*, 2017. — № 9. — С. 23–26

⁴² *Криницкий Ю.* От воздушно-космической обороны — к наступлению // *Воздушно-космический рубеж*, 2017. Ноябрь. — С. 88.

⁴³ *Криницкий Ю.* От воздушно-космической обороны — к наступлению // *Воздушно-космический рубеж*, 2017. Ноябрь. — С. 89.

⁴⁴ *Гончаров А., Смирнов Г.* Мощь воздушного противника растет // *Воздушно-космический рубеж*, 2017. Ноябрь. — С. 24.

⁴⁵ *Гончаров А., Смирнов Г.* Мощь воздушного противника растет // *Воздушно-космический рубеж*, 2017. Ноябрь. — С. 27.

⁴⁶ *Рошений И. Бондарев:* российская операция в Сирии стала самой продуктивной в истории // *Парламентская газета*, 2018. 30 сентября.

⁴⁷ *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

⁴⁸ *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 683 от 31 декабря 2015 г.

⁴⁹ *Гаврилов А., Романенко В.* Войсковая ПВО в системе защиты воздушного пространства // *Воздушно-космический рубеж*. 2018. Август. — С. 42.

⁵⁰ *Гаврилов А., Романенко В.* Войсковая ПВО в системе защиты воздушного пространства // *Воздушно-космический рубеж*. 2018. Август. — С. 43.

⁵¹ *Пошелюзный А., Ягольников С.* Воздушно-космическая оборона // *Воздушно-космический рубеж*, 2017. Ноябрь. — С. 49.

Глава IV.
Политика «силового принуждения»
Запада и политика противодействия
(стратегического сдерживания)
России

Долгосрочное стратегическое соперничество требует монолитной интеграции многих элементов государственной мощи — дипломатии, информации, экономики, финансов, разведки, правового обеспечения и военной мощи¹

*Дж. Мэттис,
министр обороны США*

Изначально важно максимально точно представить себе реальную, а не декларированную публично политику Запада в отношении других государств и центров силы. В последние годы произошло удивительное по своему проявлению в международной жизни явление — дипломатия радикально изменилась, превратившись нередко в свою противоположность, «твиттер-дипломатию», которая нередко отличается безответственностью и не считается с традиционными нормами дипломатии, правилами политического поведения и даже международного права. Неадекватная оценка реальности, которая может возникнуть в результате такой дипломатии, нередко искажает общее представление о состоянии ВПО и политики тех или иных субъектов и акторов. Такой реальной политикой Запада в последние три десятилетия является политика «силового принуждения», **главной целью** которой является сохранение военно-политического и финансово-экономического контроля со стороны США как лидера Запада над системой МО и ВПО².

США откровенно и неоднократно заявляли об этом публично и в своих основополагающих документах. Так, ярко описал эту цель Госсекретарь США М. Помпео в декабре 2018 года: «Госсекретарь пояснил, что Трамп не отказывается от глобального лидерства, но намерен пересмотреть систему, сложившуюся по итогам Второй мировой войны. Вместо работы в рамках многосторонних институтов, заложенных

в фундамент послевоенной системы, президент собирается перейти к непосредственным отношениям с суверенными государствами.

В лучших традициях нашей великой демократии мы сплотим благородные народы, чтобы создать новый либеральный порядок, который предотвратит войну и приведет к большему процветанию. Мы действуем, чтобы сохранить, защитить и продвигать открытый, справедливый, прозрачный и свободный мир суверенных государств

– заявил Помпео.

С его слов, Трамп уже заставил Всемирный банк и Международный валютный фонд прекратить финансирование таких стран, как Китай. При этом, как опять же утверждает Помпео, Трамп «реформирует либеральный порядок, а не уничтожает его». Он привел в пример решение Великобритании о выходе из Евросоюза в качестве знакового события для наднациональных организаций, которые не могли эффективно работать.

Наша администрация ... законно покидает или пересматривает устаревшие или вредные договоры, торговые и другие международные соглашения, которые не соответствуют нашим суверенным интересам или интересам наших союзников³

– отметил глава Госдепа США.

Другим важным принципом политики «силового принуждения» США является системность, комплексность использования всех силовых инструментов и способов, максимально расширяя их спектр и возможности. Политика «силового принуждения» является, как справедливо заметил в военной стратегии США министр обороны страны Дж. Мэттис, «является единой» («монолитной») политикой, объединяющей все ресурсы и возможности США. Это же означает, что изначально предполагается, что все эти ресурсы будут использованы против оппонентов США в мире, причём, как увидим, с максимально широким привлечением союзников США по военно-политической коалиции⁴. В этом смысле экономические и иные санкции выступают только частью общей системы средств силового принуждения.

Следует сделать некоторые общие замечания, без которых анализ политики «силового принуждения» (частью которой является политика

западных санкций) и возможная реакция России были бы неоправданно ограничены только финансово-экономическим (не единственным и не главным) аспектом. Политика «силового принуждения» — как уже говорилось — гораздо шире политики санкций, включая весь спектр возможностей США и их союзников по коалиции⁵.

Таким образом, возникающие угрозы национальной безопасности России, связанные с введением международных санкций в отношении крупнейших холдинговых структур, компаний и отдельных личностей, следует рассматривать как органичную часть общей (системной) политики западной военно-политической коалиции во главе с США по «силовому принуждению» России и других стран, системно согласованную с широким спектром военных, силовых и других действий политико-дипломатического, информационного, военного и иного характера, проводимых все последние годы⁶.

Причём эскалация санкций этого самого широкого спектра силовых средств и способов политики принуждения будет — и в этом не стоит заблуждаться — продолжаться. Здесь ключевое слово «эскалация», которое выступает характеристикой и прогнозом будущей стратегии США. Так, осенью 2018 года спецпредставитель США на Украине Курт Волкер заявил, что Соединенные Штаты планируют регулярно вводить санкции в отношении России, чтобы принудить к обсуждению решения украинского кризиса. Он отметил, что политика США заключается в сохранении уже имеющихся ограничений и расширении санкционного давления «каждые один-два месяца или около того».

Более того, эскалация предусматривает не только развитие системы мер силового принуждения, но и усиление их воздействия на Россию. Выступая в Атлантическом совете в Вашингтоне, господин Волкер подчеркнул, что администрации президента Дональда Трампа «приняла гораздо более жесткую политику в отношении России и стала ещё больше поддерживать Украину, чем предыдущая администрация».

Таким образом, в целом политика санкций представляет собой часть более общей политики «силового принуждения», которая относится не только к России и даже Китаю, но и к другим странам⁷. Её нельзя рассматривать в отдельности от проводимого внешнеполитического курса на укрепление контроля США над МО и ВПО в мире.

Более того, она является ещё и частью более широкой экономической и промышленной политики США, направленной на возвращение промышленного доминирования страны⁸. Иными словами, силовые средства принуждения США решают не только политические и военно-политические задачи, но и задачи ускорения экономического и промышленного развития, т.е. **внутренние задачи США, не связанные с состоянием международной обстановки**. Это набор политических и военных средств активно применяется, таким образом, и в интересах сохранения экономического и технологического лидерства США в мире.

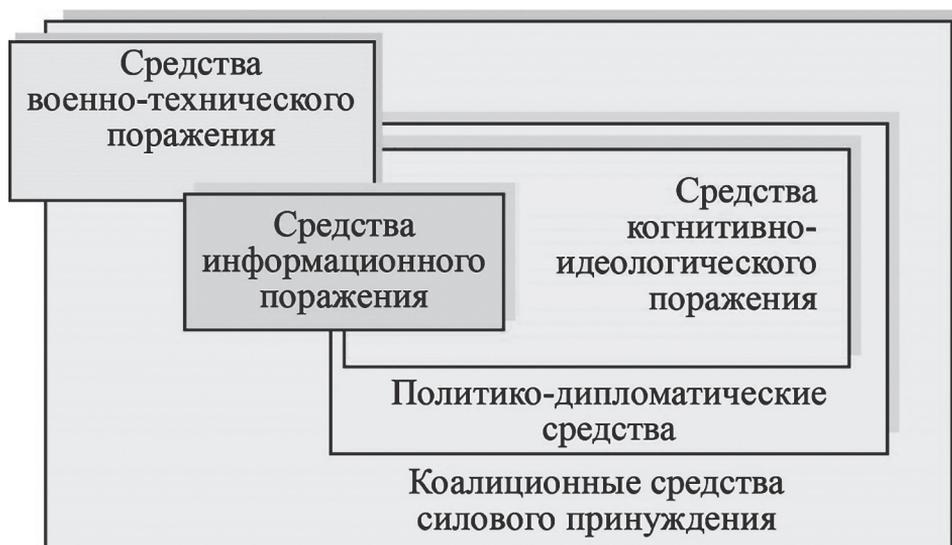

Рис. 4.1 Политика «силового принуждения»: структура и функции

Наконец, этот набор силовых средств принуждения активно используется США и в отношении своих «ближних» и «дальних» союзников по военно-политической коалиции, фактически «переформатируя» отношения с ними в интересах США от относительно равноправных в откровенно зависимые. И здесь уже потенциальными целями становится не только Россия, но и союзники США, прежде всего, относительно самостоятельные Франция и Германия, которых принуждают к совместной коалиционной политике. По словам Курта Волкера, США «очень тесно работают с европейскими союзниками» по вопросу антироссийских санкций.

«Мне кажется, для России это, вероятно, стало сюрпризом. Европейский союз продемонстрировал огромную устойчивость и силу в сохранении их в силе»⁹, — сказал Курт Волкер осенью 2018 года, имея в виду способность США сохранить контроль над членами коалиции¹⁰.

Контроль в мире со стороны США предполагает, как считают в Вашингтоне, что в будущем международные нормы права будут заменены на «представления правящих кругов США и нормах и правилах». Для этого необходимо, прежде всего разрушить или деформировать сложившуюся систему МО и ВПО, а также навязать силой свою. Ещё в 2015–2018 годах в правящих кругах США и ряда стран-союзниц по коалиции пришли к выводу (как утверждалось, например, в основном документе по стратегическому планированию до 2035 года ВС США) о «необходимости бороться в будущем с двумя видами опасностей: во-первых, попытками «ревизионистов» — стран и других акторов — пересмотреть правила и нормы поведения в мире и, во-вторых, постоянной нестабильностью целого ряда стран и их неспособностью контролировать внутриполитическую ситуацию¹¹. Позже, при Д.Трампе, эти положения стали ключевыми в Стратегии национальной безопасности, Военной стратегии и документах военного планирования, принятых в 2017–2018 годах Д. Трампом.

Иными словами, по мнению тех, кто ещё несколько лет назад занимался стратегическим планированием в США, как внешнеполитическая, так и внутриполитическая деятельность всех государств и даже отдельных акторов в мире должны будут находиться под их контролем при помощи силовой политики западной военно-политической коалиции, по меньшей мере, до 2035 года¹². Подобный контроль обеспечит новая структура ВПО, которая будет ориентирована на военно-политическую коалицию во главе с США.

В соответствии с этой новой структурой контроль над МО и ВПО в мире со стороны США достигается:

- абсолютным военно-политическим доминированием западной коалиции, в которую входит широкий спектр союзных государств, ориентированных на двусторонние отношения с США (порядка 65-68 стран на 2019 год), доминирующих относительно всех других центров силы и ЛЧЦ — китайской, российской, исламской и др;

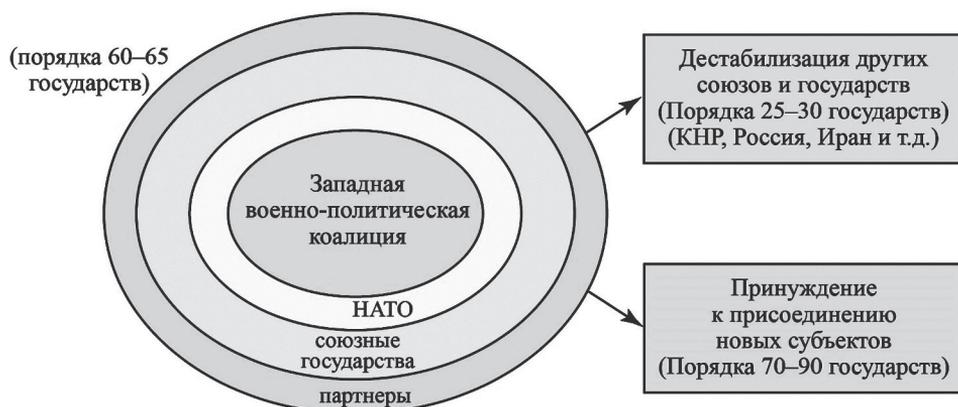

Рис. 4.2 Структура ВПО с точки зрения западной военно-политической коалиции

— неспособностью эффективно противодействовать (ни в военном, ни в силовом отношении) этой коалиции со стороны других государств или акторов, что требует постоянного военно-силового давления и организации «управляемого хаоса» на «периферии» и в других центрах силы (а в некоторых случаях и среди союзников).

Позже эта установка не раз подтверждалась администрациями Б. Обамы и Д. Трампа¹³. Особенно в связи со стремлением Д. Трампа активизировать развитие оборонно-промышленного комплекса страны¹⁴. С этой точки зрения, санкционная политика США и их союзников принципиально ничего не изменила. Как и не была принципиально новой — санкции против России и СССР накладывались регулярно с середины XIX века (а по некоторой информации и со времён Ивана Грозного). Санкции в этом случае выступают только частью более широкого спектра средств силовой политики¹⁵, которые взаимно дополняют и усиливают друг друга. Принятие или исключение тех или иных санкций в политике США означает фактически своего рода «настройку» силовой политики, которая никогда не исчезнет ни при каких обстоятельствах.

В то же время, при Д. Трампе, у этой политики проявился отчётливо и другой — экономико-промышленный — аспект. В современный период подобная политика основана на идее увеличения разрыва в объемах ВВП

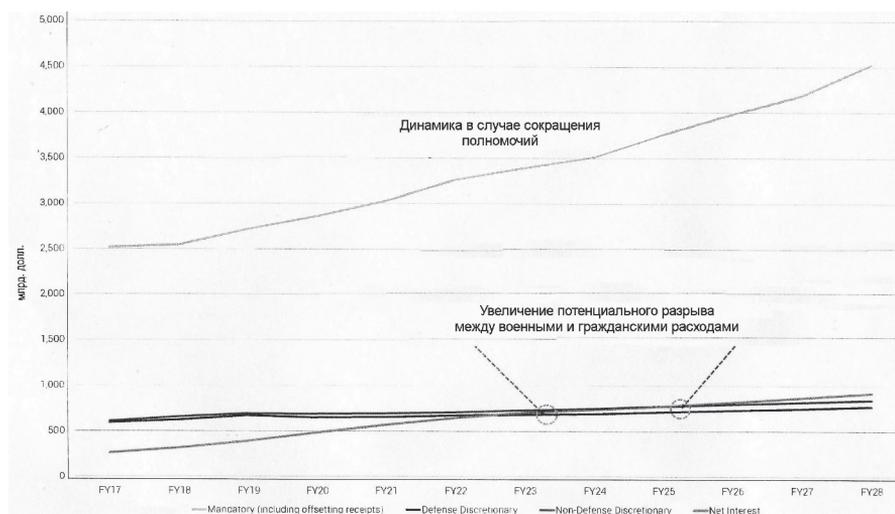

Рис. 4.3 Федеральные затраты на 2017-2018 гг.

и объёмах промышленной продукции, а также лидерстве в технологических областях, между Западом и Россией, с одной стороны, и возможностями финансировать любые инициативы власти (включая военные), с другой, с целью стимулирования промышленно-технологического развития США, что хорошо видно из структуры военных расходов¹⁶.

В этом смысле бороться с политикой санкций США и Запада в целом — абсолютно бесперспективная задача, даже «идеалистическая» задача, ибо они могут либо активизироваться, либо сокращаться в зависимости от актуализации в то или иное время целей политики «силового принуждения», но насовсем не исчезнут никогда. Санкции, как часть политики «силового принуждения», останутся инструментами внешней политики США и Запада в целом, как минимум, до тех пор, пока Запад сохраняет лидерство в финансово-экономической и промышленно-технологической областях. Борьба против санкций означает всего лишь борьбу с некоторыми попытками США обеспечить промышленно-технологическое лидерство, что в принципе нереально потому, что такое превосходство остаётся главным принципом американской политики.

Это же означает, что политика России должна строиться на основании того, что ей всегда в будущем предстоит противодействовать политике «силового принуждения» и политике санкций. Надежды на то, что

такая политика и санкции Запада будут радикально изменены, абсолютно беспочвенны. Даже в случае принятия самых невыгодных предложений и ультиматумов Запада, политика «силового принуждения» и, как минимум, часть санкций будет сохранена вплоть до полной политической и экономической капитуляции России. Причём капитуляции полной и окончательной, которая должна будет сопровождаться окончательным отказом от своих национальных интересов и ценностей¹⁷.

В этой связи попытки части советско-российской правящей элиты, интересы которой сегодня чаще всего озвучивает А. Кудрин, «найти компромиссы», «пойти на уступки» Западу означают только возможную капитуляцию и национальное предательство, сохранение у власти части правящей элиты, которая создала себе капиталы и статусные позиции при М. Горбачёве–Б. Ельцине за счёт развала страны и потерю ей своих позиций в мире. Их сохранение у власти неизбежно будет вести к торможению процессов национального выздоровления, в частности, переключению работы экономики на внутренний рынок, что полностью соответствует интересам промышленности, включая ОПК, России.

Таким образом, в конечном счёте, эффективность экономического и промышленного развития и противодействия санкциям со стороны России — вопрос скорее внутривнутриполитический, — устранения от власти той группы правящей элиты, которая уничтожила СССР и экономику страны¹⁸.

4.1. Стратегический характер невоенных средств политики «силового принуждения» Запада

Военная мощь — только один из инструментов большой стратегии, которая ... должна использовать всю силу и мощь финансового, дипломатического, коммерческого и не последнего по важности идеологического давления¹⁹

*Б. Лиддел Гарт,
военный теоретик*

Конец 2018 года в России производил странное впечатление — все разведпризнаки, более того, все политические особенности говорили о том, что против России вот-вот начнут войну, но никакого мобилизационного настроения в обществе и государстве не было заметно²⁰. Страна попросту утопала в позитивных сигналах «роста благополучия», хотя с 2014 года налицо присутствовали все разведпризнаки начавшейся против неё полноценной войны²¹. То, что в этой войне не часто стреляли орудия и не каждый день были человеческие жертвы, ничего не меняло, по сути — другая война ведётся другими силовыми средствами²².

В этих условиях как-то вяло и не убедительно вела себя власть, которая с трудом стала отказываться от обращения к нападавшим на неё западным политикам как «партнёры». Публицист Э. Биров очень точно характеризовал политико-психологическую ситуацию в России и вокруг России в конце 2018 года: «Россия готовится к войне. Русским, как многовековому народу, это не впервой. Но нам, как современникам, конечно, это не совсем понятно. Тем более что государство помимо военной сферы не включает мобилизационную модель всей экономики, что подразумевает беспрекословное подчинение личных интересов коллективу ради выживания и победы»²³.

Действительно, ни в пропагандистско-идеологической области, ни в области дипломатии, государственного управления, ни в экономической области правящая элита вела себя так, как будто в мире ничего не происходило. На всех уровнях — от президента и премьера до министра иностранных дел и начальника Генерального Штаба ВС РФ — господствовало спокойствие и уверенность в обыденности

происходящего. Даже частные эксцессы, типа ареста украинских катеров в Керченском проливе, не взволновали общественность и государственное управление больше чем на день—два, хотя соседнее государство ввело военное положение в ряде приграничных областей.

Очень точное замечание Э. Бирова, но и в военной области у России также не были особенно заметны мобилизационные мероприятия — учения, рост производства военной продукции идут в относительно спокойном, плановом режиме, хотя после спячки, продолжавшейся два десятилетия с конца 80-х годов, эти усилия и кажутся (скорее — представляются) большими. Показательное обращение 1 марта Президента России осталось декларацией, которую позже не подкрепили планы правительства — ни разработанный трехлетний бюджет, ни гособоронзаказ, ни, наконец, принятые 27 сентября правительством основные направления развития, не свидетельствовали о мобилизационном настрое.

В то самое время как в США и у их союзников по широкой коалиции проводится полномасштабная и системная подготовка промышленности и всей экономики к войне²⁴. Можно только напомнить о принятом осенью военном бюджете в 716 (+200) млрд. долл., очередном расширении НАТО и всего блока, увеличения общих расходов коалиции.

Гораздо важнее другое, а именно: полностью отсутствует идеологическая подготовка, которая ограничилась дежурными шоу на телевидении. Но, что больше всего волнует, не дистанцирована от власти прозападная либеральная часть правящей элиты, которая изначально нацелена на капитуляцию. Не очень заметны и мероприятия по укреплению внутриполитической стабильности, что также отмечает Э. Биров: «Наряду с активной подготовкой армии и ОПК, правоохранительных органов и сотрудников системы безопасности гражданское население, то есть большинство россиян, продолжают жить в режиме «мирного неба над головой». И это, согласитесь, странное сочетание — с одной стороны, ощущение близкой смертельной угрозы со стороны агрессора, с другой — спокойное его ожидание, без включения форсированной подготовки»²⁵.

В это же время стало особенно видно, что силовая политика Запада открыто носит долгосрочный и системный характер, рассчитанный на стратегическую перспективу²⁶. Она не зависит ни от личности толь-

ко Д. Трампа, А. Меркель, либо кого-то из других западных лидеров. В этом смысле политика по реализации финансово-экономических санкций в отношении России является частью общей политики, направленной на сохранение западного контроля в мире посредством принуждения к капитуляции российской элиты, а в стратегическом — плане получившей название политики «силового принуждения»²⁷. Не случайно подписанный в августе 2017 года президентом Дональдом Трампом закон «О противодействии противникам США посредством санкций» (CAATSA, PL 115-44), определяет не только Россию, но и Китай, Иран и КНДР (в принципе и других «ревизионистских» стран) в качестве стратегических противников США на долгосрочную перспективу²⁸.

Осень 2018 года стала весьма симптоматичным периодом, когда персональные санкции против представителей российской элиты стали усиливаться, «выбирая» наиболее близких к В.В. Путину людей — Р. Абрамовича, А. Усманова, братьев Ротенбергов и других. Складывалось впечатление, что усиление давления пойдёт, прежде всего, по внутриполитическому направлению: Сирия, Украина, другие спорные регионы в отношениях России и США оставались вытесненными на периферию политического внимания. Всё говорило в пользу смены акцентов в выборе главного объекта политики «силового принуждения» с собственно российской внешней политики, на её правящую элиту и внутриполитическую ситуацию в стране.

4.1.а). Смена главного объекта военно-политического воздействия

...Сеть может стать средством командно-ориентированных управленцев. Сеть может средством системы контроля..., усугубляющей централизацию управления²⁹

*М. Брюс,
старший президент института «Восток-Запад»*

Переход к новому этапу промышленного развития и новейшим технологиям привел к созданию таких не военных средств и способов применения политики «силового принуждения», которые существенно

расширили возможности силового давления США и их союзников на самые различные объекты политического влияния. В частности, речь идет о информационно-коммуникационных средствах, прежде всего сетевых СМИ и различных средств обработки и передачи информации, которые стало возможным использовать непосредственно против конкретных представителей правящей элиты и части общества. При этом важно учитывать, как минимум, два обстоятельства:

Во-первых, огромное преимущество в этой области у США и их союзников, прежде всего, в средствах связи и коммуникации, СМИ и интернете, которое многократно превосходило их преимущество в объемах ВВП, ВВСТ и других областях над Россией и другими центрами силы в мире. Так, если говорить об экономическом соотношении сил между Россией и западной коалицией (измеряемой в постоянных ценах ВВП), то речь может идти о соотношении сил в 2018 году как 1:15 с США и 1:30 со всей военно-политической коалицией, в военной области — как соотношение 1:3–4, но в информационно-когнитивной — как соотношение 1: 50. В своё время Б. Обама подчёркивал, что американское превосходство в информационной области включает контроль над 95% мировыми СМИ, что требует более активного привлечения этих средств к противоборству.

Во-вторых, — что менее известно — возможность концентрации этих ресурсов в ограниченных центрах силы, способность их тотального использования и контроля в политических целях, что стало заметно в ходе «цветных революций», но особенно ярко было продемонстрировано в многочисленных антироссийских компаниях 2014–2018 годов, которые использовались по самым разным поводам, а иногда и без повода, но носили тщательно скоординированный и управляемый характер — от попыток дискредитировать Олимпийские в Сочи, «дела Скрипалей», «голландского Боинга» до шпионских скандалов и провокаций против России на Украине.

И первое, и второе обстоятельство позволили Западу переориентировать силовую политику по её приоритетам с одних целей на другие уже со второй половины первого десятилетия XXI века, хотя первые признаки проявились еще в конце 90-х годов, когда в НАТО был создан специальный комитет по координации информационной политики в

отношении Югославии, задачей которого была подготовка в течение 6 месяцев общественного мнения в Европе к необходимости бомбардировки Югославии.

Позже, в начале нового века процесс консолидации усилий по проведению единой информационно-когнитивной политики, внутри широкой западной коалиции активно развивался. Новый толчок придала кампания по борьбе с международным терроризмом, к которой активно присоединилась Россия (которая до этого уже активно участвовала в этой борьбе самостоятельно). Постепенно пропагандистско-информационная компания западной коалиции приобрела чётко структурированный и направленный характер силового давления, своего рода санкций, в отношении не только сил международного терроризма, но и других сил, которые (по их представлению) «не вписывались» в политику Запада. Наконец, в 2018 году эскалация информационных санкций получила дальнейшее, более опасное, качественно новое, а именно — политическое — развитие. Эти радикальные перемены можно назвать **сменой парадигмы отношений Запада (как центра силы и военно-политической коалиции) с другими центрами силы** — локальными цивилизациями и странами-лидерами, их представляющими, включая Россию³⁰.

Повторю, что признаки этой смены (политические и информационно-когнитивные) наметилась еще с конца 90-х годов, когда целенаправленно стал организовываться прессинг и террор против зарубежных правящих элит и их лидеров, не разделяющих в полной мере ценности и нормы западной ЛЧЦ³¹. Такая смена политико-силовой парадигмы означала ни что иное, как переход к открытой силовой политике Запада в отношении правящих элит других стран, которая предполагает реализацию самого широкого спектра мер по «силовому принуждению» правящих элит этих государств. Последовавшие «оранжевые революции» на Украине, в Грузии, странах Северной Африки и Ближнего Востока можно оценивать как демонстрацию возможностей силового и даже военного использования средств политики «силового принуждения» против представителей правящих элит государств.

В этой связи принципиально важно определить как основные политические объекты и цели такого силового принуждения, так и основные способы, меры и средства западной военно-силовой политики, ха-

рактически характеризующие развитие современной стратегии государств западной военно-политической коалиции³². Их развитие в последние два десятилетия, которое претерпело очень существенное изменение, сохранив, однако, наиболее характерные общие черты политики «силового принуждения».

Для этого необходимо вернуться к основам анализа политического процесса, которые использовались прежде в настоящей работе. Так, известно, что в принципе политика того или иного субъекта по отношению к другим субъектам традиционно распределялась (в разной степени интенсивности и использования ресурсов) по следующим направлениям (на следующие цели):

- **воздействие на политику** (группа факторов «В») того или иного субъекта, которая, как правило, концентрировала на себе всё внимание и ресурсы противоборствующих сторон;
- **воздействие на его систему национальных интересов и ценностей** (группа факторов «А»)³³;
- **воздействие на правящую элиту этого субъекта** (группа факторов «Д»);
- наконец, на **воздействие на ресурсы и возможности субъекта** (группа факторов «Г»).

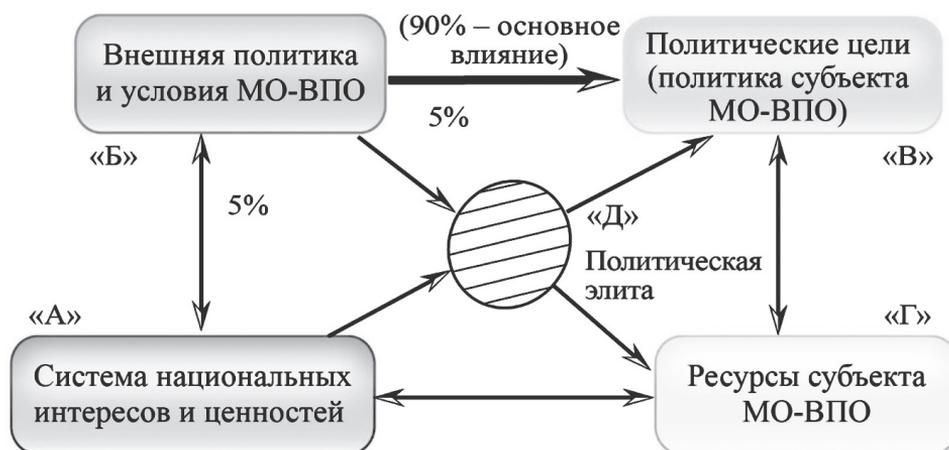

Рис. 4.4 Модель традиционной внешней политики влияния (до XXI века)

Эти 4 основных политических направлений влияния предполагают, что в конечном счёте они достигают политических целей с помощью самых разных средств политики (включая не только военные, но и все остальные). Несколько примитивно, схематично, эти процессы можно изобразить в форме некоего прямоугольника, в центре которого находится группа лиц (правящая элита), принимающая решения во всех областях.

Таким образом, традиционно внешнее политическое влияние тех или иных субъектов на других субъектов МО и ВПО, вплоть до недавнего времени (видимо, до второй половины XX века) характеризовалось³⁴:

– подавляющим влиянием (использования 90% всех внешних ресурсов) на политику противника, т.е. вектор «Б»–«В». Собственно история международных отношений и дипломатии и сводилась к изучению отношений между государствами и их коалициями, а роль политико-дипломатических средств была исключительно важной;

– остаточным, незначительным, непосредственным влиянием (по 5%) на систему ценностей, т.е. вектор «Б» –«А», и отчасти на саму правящую элиту — вектор «Б»–«Д» –того или иного государства. Естественно, что внешнее влияние на правящие элиты (вербовка, подкуп, запугивание и пр. действия) существовали и прежде. Более того, иногда такое влияние приобретало важное значение, особенно когда речь шла о государственных переворотах, смене монархов и правительств, но и в этих случаях внешнее влияние не носило системно-политический характер просто потому, что государства и их элиты были во многом замкнутыми системами.

Между тем, с конца прошлого столетия усилился процесс перераспределения внешнего политического влияния на другие части субъектов МО и ВПО, что выразилось, в конечном счёте, в относительном падении значения собственно политики и дипломатии, а также усиления значения прямого влияния на правящую элиту противоборствующих государств³⁵. Пример антироссийских санкций 2014–2018 годов — достаточно типичен: задача внешнего давления на Россию заключалась не столько в корректировке её внешнеполитического курса (что оставалось и остаётся во многом декларацией, типа «укрепления демократии»), а в корректировке реального поведения правящей элиты и её системы ценностей в нужном для Запада направлении.

Кроме того, санкции 2017–2018 годов (в особенности те, которые принимаются в США сегодня) ориентированы уже, прежде всего, и на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в России как следствия ухудшения социально-экономического положения в стране (рост инфляции, сокращение доходов, ухудшение условий труда и т.д.) и смену правящей элиты, включая В.В. Путина и его окружения. Главными средствами такого силового принуждения выступают рост экономико-финансовой и информационно-когнитивной мощи западной коалиции, базирующейся на мощи США³⁶. Так, только объявление о возможности новых санкций Госдепом в августе 2018 года привело к обвалу рубля и биржевых индексов уже на следующий день.

Схематично смену приоритетов в политике «силового принуждения» Запада в последние десятилетия можно отобразить следующим образом, где жирные линии показывают ориентировочное перераспределение влияния политики на отдельные области объекта (другого государства).

Смена основных объектов силового влияния в XXI веке

На (очень условном) рисунке видно, что произошло перераспределение «векторов» внешнего силового влияния западной военно-полити-

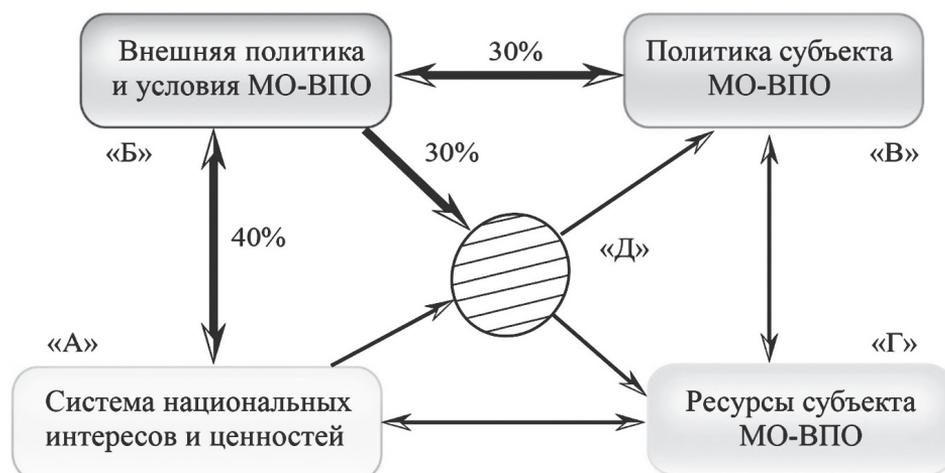

Рис. 4.5 Модель политического влияния на основные объекты субъектов ВПО в XXI веке

ческой коалиции от традиционного вектора («Б»–«В») в пользу других основных векторов, а именно:

- в пользу **усиления вектора в направлении «Б» → «А»** (национальные интересы и системы ценностей), т.е. борьбы за смену системы ценностей и принятие норм поведения своего противника взамен существующих международных норм³⁷. Это отчетливо проявилось при Д. Трампе, который попытался трансформировать всю систему международных институтов и договорённостей в удобную только для США форму.
- в пользу **резкого усиления давления по вектору «Б» → «Д»** (влияния на правящую элиту).

В итоге традиционный, доминировавший прежде, политический вектор влияния «Б»–«В» (политика государств), как объект силового влияния, значительно потерял в своём значении, т.е. произошло **перераспределение сил и средств внешнего влияния одного субъекта (группы субъектов) на другие объекты влияния**. Это выразилось, в частности, в достаточно резком падении значения традиционных политико-дипломатических средств, передаче их функций непосредственно руководителям государств и СМИ («твиттер-дипломатия Д. Трампа).

Такое перераспределение приоритетов предполагает, как следствие, неизбежное перераспределение средств и способов силового противодействия, прежде всего, в отношении правящих элит и прямого воздействия на их поведение, которого в окончательном виде — надо отметить — пока что окончательно НЕ ПРОИЗОШЛО. Но процесс неуклонно развивается в этом направлении. Похоже, что заявленные в августе 2018 года санкции станут решающим этапом к такому переходу, когда политическая элита России (в виде её целого ряда представителей) открыто превращается в публичный объект не только политического, но и уголовного преследования. Насколько готово к такому повороту российское государство — вопрос остаётся открытым, но без мер защиты государство будет испытывать на себе «неустойчивость» в поведении представителей правящей элиты. (Так, например, не разработаны дополнительные средства и способы защиты представителей правящих элит и членов их, которые пока что ограничены традиционными мероприятиями ФСО: демонстративные примеры уничтожения Чаушеску, Хусейна,

Милошевича, Каддафи и других лидеров и членов их семей должны заставлять задумываться)³⁸.

Кроме того, смена Западом акцентов в политических целях внешнего давления по вектору «Б»—«А» до сих пор до конца недооценивается, хотя ситуация выглядит много лучше, чем в 90-е годы, когда это направление западной политики вообще не учитывалось: на «откуп» были отданы не только наука и культура, но и образование. В результате в России оказалось совершенно запущенной ситуация с защитой системы национальных ценностей, которая стала медленно развиваться в положительном ключе только в самые последние годы. Попытка «приватизировать» православие на Украине — яркий пример того, как западные инструменты политического влияния через своих представителей работают на раскол общества.

Между тем, силовая и санкционная политика Запада очень тонко реагирует на все вопросы, связанные с продвижением своей системы ценностей, угрозу которым они рассматривают как прямую и «непосредственную угрозу». Так, контроль не только над выборами в США, но и во внутренней политике страны со стороны американской правящей элиты исключительно жёсткий, а попытки внешнего вмешательства немедленно и резко пресекаются. Причём это делается в публично-скандальной манере с тем, чтобы заранее предотвратить возможные рецидивы. Пример с Бутовой — очевиден.

Иными словами, разрыва между угрозами системам ценностей и военными угрозами на Западе **фактически не существует** (что игнорируется в российской политике). Это пространство успешно заполняют невоенные инструменты насилия — политико-дипломатические, финансовые и экономические³⁹. Более того, теперь уже спектр эти инструментов распространяется и на национальные религиозные институты и институты культуры. Границы между военными и не военными инструментами политического насилия исчезают, происходит своего рода интеграция, когда специалисты пытаются каким-то образом обозначить эту границу, как границу между потенциальной опасностью и угрозой.

В этой связи авторитетные авторы работы «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» 46 НИИ Минобороны совершенно справедли-

во утверждают, что «...военная опасность и военная угроза представляют собой не состояние военно-политической обстановки, а соответственно абстрактную или непосредственную **возможность применения военной силы** и являются важнейшим показателем содержания военно-политических отношений...»⁴⁰ (подч. — *А.П.*). Таким образом, «военная угроза — это **непосредственная возможность** применения военной силы против субъекта ВПО», — справедливо делают конечный вывод авторы работы, с которым необходимо согласиться⁴¹.

Рис. 4.6 Возможность и вероятность использования военной силы

Таким образом, происходит условное деление, которое можно обозначить следующим образом:

- опасность;
- возможность угрозы;
- вероятность угрозы.

Превращение опасности в возможность, а возможности в вероятность зависит от многих причин, но, прежде всего, от соотноше-

ния сил и готовности добиваться достижения политических целей с помощью оружия. Определённую роль играет также политическое искусство и дипломатия, применение не военных инструментов насилия. Также вероятность становится выше в случае, когда нации и государства подчёркивают значение своих систем ценностей и норм для безопасности страны — именно это активно сегодня происходит в США, где национальные системы ценностей не только абсолютизируются, но и превращают в «универсальные», обязательные нормы для других государств, более того, заменяющие международные нормы⁴².

При этом следует отметить, что существует и другая закономерность: вероятность использования военной силы находится в обратной зависимости от степени рисков. Иными словами, чем выше собственно военные риски, тем ниже вероятность применения оружия. Именно эта закономерность лежит в основе американской политики «стратегического сдерживания», которая направлена на минимизацию рисков глобальной войны при одновременном усилении значения использования военной силы в качестве инструмента реальной политики. Этим объясняется и бесконечная дискуссия в отношении российской Военной доктрины, когда эксперты США пытаются обозначить границу возможного применения военной силы против России.

Для того, чтобы преодолеть это противоречие в США и создана, собственно говоря, политика «силового принуждения», предполагающая эскалацию силового и даже военного давления без перехода некой «красной черты», за которой возрастают риски неконтролируемой военной эскалации. В самом общем виде эту зависимость можно проиллюстрировать следующим образом. (рис. 4.7)

Этот важный вывод, однако, требует дополнительных комментариев. Дело в том, что политические намерения и возможности могут быстро меняться, а военные и иные силовые средства изменяются значительно медленнее. Так, намерения у Великобритании относительно СССР в короткий период 1939–1940 годов менялись на прямо противоположные — от высадки корпуса десанта до подписания союзнических отношений⁴³. Поэтому тщательное изучение такой категории как «возможность», в особенности, если

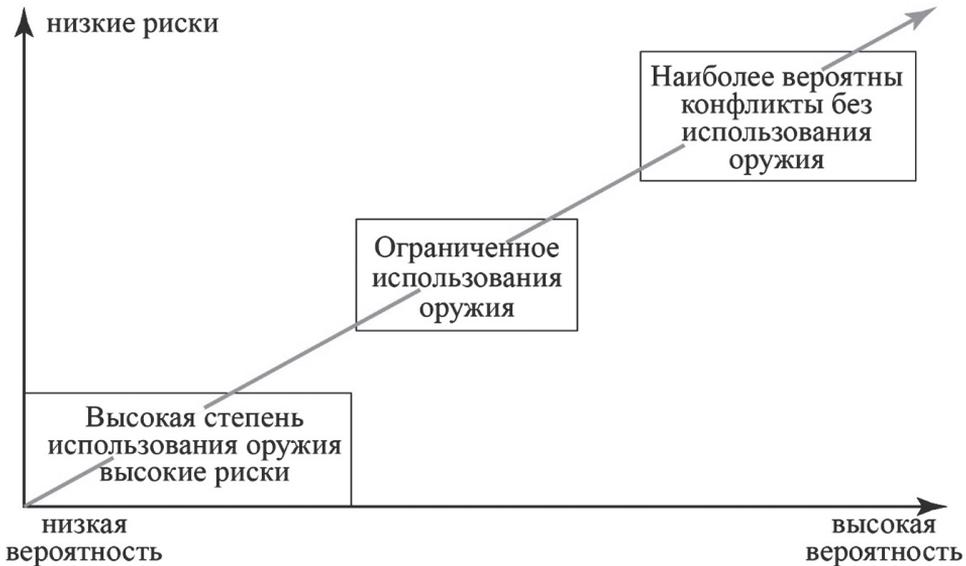

Рис. 4.7. Возможность и вероятность использования военной силы

речь идёт о материальных возможностях, а также способах их использования, — должны быть приоритетным направлением в анализе и прогнозе вероятных опасностей и угроз.

В этом смысле совершенно оправдано отчётливое разделение рисков и вызовов, способных привести к перерастанию опасностей в угрозы, а также тщательный анализ характера военной угрозы, предлагаемый авторами упомянутой работы ЦНИИ МО №46, где политические цели справедливо занимают приоритетное положение⁴⁴.

Причём, необходимо отдельно напомнить, что сами по себе политические цели — результат того или иного (порой очень субъективного) представления правящей элиты о национальных интересах и ценностях⁴⁵. Это означает, что субъективные трактовки могут (и бывают) самые разные, в том числе абсурдные и провокационные, что для Запада в нынешней ситуации не имеет ровно никакого значения — бесполезно полемизировать относительно аргументов в пользу тех или иных санкций. Эти «аргументы» изначально могут быть даже демонстративно абсурдными и необоснованными, как, например, в деле «вмешательства в выборы» или «отравления Скрипалей».

4.1.6). Санкции как силовое средство влияния на правящую элиту

... идеи, которые не проистекают из практического опыта, ...оказывают сильное обратное воздействие⁴⁶

*Бэзил Лиддел Гарт,
военный теоретик*

В основу политики санкций США в отношении России положена идея не столько принуждения, сколько разрушения России, которая, однако, себя не оправдала прежде ни при СССР, ни при императорской России. Принуждение российской правящей элиты — политическая стратегия, имеющая радикальный характер, а именно уничтожения не только государства, но и нации. Именно такая логика и переход к новой парадигме в политических отношениях с Западом присутствуют в проекте нового закона, вынесенного в конгресс США под названием «Защита американскую безопасность от агрессии Кремля 2018» в августе 2018 года, где основной акцент **делается на политике**, а не на финансово-экономических санкциях, а точнее — наиболее важных стратегических направления в политике «силового принуждения» России:

- отказа от поддержки любых выступлений на территории бывшего СССР, «возврате» Крыма и т.д., т.е. ограничении любой внешней активности, как минимум, а затем и её свертывание уже внутри границ;
- сворачивании внешнеполитической активности России в Сирии и ООН и в других регионах мира, как демонстрации готовности замены международных норм и правил на те нормы, которые предлагают США. Причём, на мой взгляд, что только этим требование не ограничивается: признание американских норм и систем ценностей за рубежом станет первым шагом к признанию норм и ценностей уже внутри России;
- ограничении деятельности в киберпространстве⁴⁷. Это требование не должно вводить в заблуждение — оно отнюдь не относится только к внешнеполитической активности. Оно предполагает, что государство и его институты постепенно отказываются от возможностей

современных коммуникаций с обществом, т.е. элита и институты государства постепенно самоизолируются⁴⁸.

Если посмотреть на инициативу сенаторов США под этим углом зрения, то станет очевидным, что подготовленный сенаторами Линдси Грэмом, Робертом Менендесом, Кори Гарднером и Бенем Кардиным текст начинается фактически с обращений к президенту Дональду Трампу. В частности, его призывают поддержать усилия по противодействию вмешательству «со стороны правительства России или других иностранных игроков в деятельность госучреждений США, а также в демократические процессы в стране». На самом деле это требование вполне распространяется и на поведение руководства России внутри самой России.

Второе пожелание — «публично призвать правительство России вернуть Крым под контроль правительства Украины, а также призвать отказаться от поддержки насилия на востоке Украины со стороны сепаратистов». В этом пункте речь также идет об «оккупации и поддержке сепаратистов» на территориях Грузии и Молдавии. Еще одно требование (опять же к президенту Трампу) — призвать Москву отказаться от поддержки президента Сирии Башара Асада, который, по мнению авторов законопроекта, продолжает «совершать военные преступления».

В целом же структура этого документа оправдана его общим смыслом — законопроект предполагает объединение всех вводившихся отдельными актами антироссийских санкций, от «украинских» до «кибертеррористических», в единый механизм политики «силового принуждения» России. В частности, для координации этого процесса в правительстве США предлагается ввести «санкционный координационный офис». Напомним, сейчас «политическая» часть санкций реализуется Госдепартаментом, финансовая — офисом OFAC Минфина США.

«Санкционный офис» предполагает координацию санкций с Евросоюзом, в том числе, видимо, финансовых. Кроме этого, предлагается создать еще одну структуру, «Национальный объединенный центр для ответа на гибридные угрозы», задачей которого будет системная борьба с попытками злокозненного влияния Российской Федерации в мире и в США.

Наконец, с 2020 финансового года предлагается открыть доступ к бюджетному фонду США в размере \$250 млн. для государств, уязвимых к российскому воздействию.

Критически важными в этой инициативе, как считает В. Иноземцев, оказались вовсе не разбираемые пункты, а **«смена тональности в отношении России»**. Точнее, в отношении её правящей элиты и президента. Она проявилась в двух моментах. Этот закон стал логическим продолжением всей политики Д. Трампа по наращиванию потенциала военно-промышленного комплекса страны в расчете на его использование в случае длительного военного конфликта. Собственно и разработка таких мер в 2017–2018 годах по поручению американского президента вылилась в создание комплексного плана ускоренного развития ВПК страны⁴⁹.

С одной стороны, это многочисленные упоминания президента России Владимира Путина и контекст, в котором они встречаются. Если в законе CAATSA глава российского государства упоминался всего три раза, и то довольно вскользь, то даже в представлении нового законодательства на сайтах внесших его сенаторов он упоминается в пяти из шести комментариев. В них говорится о «противостоянии Путину» или «путинской России». Одной из мер предлагается сделать «новые санкции» в отношении физических лиц (политиков, олигархов, и прочих граждан) «прямо или косвенно способствующих нелегальной или коррупционной активности, предпринимаемой согласно указаниям Владимира Путина». К этому добавляется требование представить «доклад о состоянии и активах В.В. Путина»⁵⁰.

Такие формулировки, на мой взгляд, не стоит списывать на желание сенаторов «набить себе цену». По всей видимости, в Вашингтоне пришли к выводу, что невозможно и дальше усиливать санкции против «окружения Путина», делая вид, что сам президент не вовлечен ни в какие сомнительные операции. Если именно эти формулировки окажутся в окончательном тексте закона и если его требования начнут исполняться, последствия сложно будет переоценить⁵¹.

Два с половиной года назад замминистра финансов США Адам Шубин, ответственный за борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма, заявил в программе «Панорама» на ВВС, что прези-

дент Путин коррумпирован и правительству США известно об этом уже «много, много лет». Обнародование соответствующих данных (даже если они будут объявлены бездоказательными) могут стать, на мой взгляд, не меньшим ударом по России, чем запрет на операции с госдолгом⁵².

Таким образом, произошло ускорение процесса «перенацеливания» всей политики «силового принуждения», включая санкций, с одного приоритетного объекта — российского государства — на его правящую элиту и, ещё конкретнее — лидера. Это означает неизбежный «переход на личности», свёртывание контактов и отказ от переговоров как переговоров для поиска компромисса в пользу переговоров как «механизма уступок и капитуляций»⁵³.

С другой стороны, есть и новый, крайне рискованный поворот в развитии санкционной политики, — это содержащееся в проекте закона требование к госсекретарю США представить аргументированное суждение о том, соответствует ли Российская Федерация критериям, по которым она может быть названа государством-спонсором терроризма. Сегодня в этом списке состоят всего четыре страны — Иран, Сирия, Судан и Северная Корея. В былые годы к ним добавлялись Ирак, Куба, Южный Йемен и Ливия. Если закон будет принят именно в такой формулировке, то Госдепу будет сложно найти причины, чтобы отказать Конгрессу и не включить Россию в этот список⁵⁴.

В этом случае наверняка американские власти не рискнут усомниться в «причастности» Москвы к уничтожению малайзийского самолета МН-17 (по аналогии со взрывом Boeing 747 авиакомпании PanAm в 1988 году, вину за который вменили властям Ливии), не счесть «российскую агрессию» против Украины менее очевидной, чем вторжение Ирака в Кувейт в 1990 году, не признать распространение российских наемников по всему весьма схожим с умножением точек присутствия кубинских «добровольцев» в 1970-е годы, и не вспомнить о гибели Зелимхана Яндарбиева в Катаре, Сулима Ямадаева в Дубае и Сергея Литвиненко в Лондоне (о покушения на Сергея Скрипаля) и т.д.

В случае попадания России в список «стран-спонсоров терроризма» проблемы государственного долга окажутся далеко не самыми

важными, ведь станут возможны расширение её списка и ужесточения санкций, а также к попытке перевода России в разряд государств-преступников, по отношению к которым допустимы самые радикальные меры силового давления. куда более серьезные финансовые меры вплоть до ограничения любых международных транзакций для банков с госучастием. А за покупками россиянами недвижимости и активов в США можно будет даже не следить — прокламация 9645 к указу президента США за № 13 780 замораживает все выданные гражданам стран-спонсоров терроризма визы и прекращает прием от них иммиграционных расширение её списка и ужесточения санкций, а также к попытке перевода России в разряд государств-преступников, по отношению к которым допустимы самые радикальные меры силового давления заявок⁵⁵.

Таким образом, новая инициатива американских законодателей, по мнению В. Иноземцева, с которым трудно не согласиться, «является гораздо более глубокой, чем просто жесткий ответ на какие-то недружественные действия России в адрес Соединенных Штатов или их союзников. Если бы это было так, то стоило бы, как это и делают сейчас в России, оценить потенциальный масштаб экономического ущерба и искать варианты его минимизации. Но скорее всего, в Вашингтоне убедились, что методы, позволяющие договориться с Москвой о чем бы то ни было, исчерпаны. И попытки достичь таких договоренностей слишком дорого обходятся любому политику. Это означает не только то, что санкции против России будут вечными. Но и то, что санкционная «удавка» будет затягиваться со все возрастающей быстротой»⁵⁶.

Можно сделать общий вывод о том, что политика «силового принуждения», частью которой являются финансово-экономические санкции США и ЕС против России, вступила в новый, политический этап, своего развития⁵⁷. Этот этап в возрастающей степени будет ориентирован на оказание силового давления на правящую российскую элиту, включая расширение её списка и ужесточения санкций, а также к попытке перевода России в разряд государств-преступников, по отношению к которым допустимы самые радикальные меры силового давления.

4.1.в). Общая характеристика «санкционной политики» США в отношении России

В то время, как неоконсервативный Вашингтон делает все возможное, чтобы нанести ущерб российской экономике и отвлечь российские ресурсы, Кудрин и поддерживаемая Западом часть российских СМИ будут своими требованиями поощрять Вашингтон на оказание еще большего давления на Россию с тем, чтобы вынудить её принять вассальный статус — такой же, как у немцев, британцев, французов и остальных европейцев, а также у канадцев, австралийцев и японцев⁵⁸

*Пол Крэг Робертс,
бывший заместитель министра финансов США при Р. Рейгане*

Кубинский кризис разрешился без войны, но я был уверен тогда и уверен сейчас, что мир избежал ядерного Холокоста благодаря везению в не меньшей степени, чем хорошему руководству⁵⁹

*У. Перри,
бывший министр обороны США*

Существует общепринятое заблуждение относительно того, что финансово-экономические санкции являются инструментом давления, политики «исправления» поведения того или иного актора или государства в мире. Более того, что они носят, как правило, временный, тактический характер, что совершенно не соответствует сути таких санкций. Стратегия санкций — политическая. В её основе лежат не мнимые декларированные цели «исправления» России, а долгосрочные и цивилизационные (прежде всего, экономические, технологические, промышленно-технологические) интересы соперничества с ЛЦЦ и новыми центрами силы в мире⁶⁰. Также как и во времена идеологического и цивилизационного противоборства с СССР, санкции — долгосрочный стратегический инструмент, что продемонстрировало, впрочем, их применение против КНР.

Собственно политика «силового принуждения» оппонентов, обладающих ядерным оружием даже в таких объемах как КНДР, — очень рискованная политика, степень рисков которой США поняли ещё в 60-е годы про-

шлого века. Поэтому в политической стратегии США санкциям отводится довольно скромное место — о них должны много говорить, но в них мало кто верит. Особенно в России. Особенно, когда речь идёт о военно-силовом противоборстве. Такие опытные политики, как бывший министр обороны США У. Перри, очень чётко обозначили проблему — проводить силовую политику, не переходя грани, за которой начинается масштабная война. В современных условиях эта политика связана с множеством непредсказуемых факторов — субъективных решений и случайностей, что объясняет стремление прибегать к силовым, но не военным мерам⁶¹. Поэтому экономические санкции — самый удобный формат эскалации силовых отношений, когда военные риски практически полностью исключаются, а силовое давление может усиливаться до бесконечности в сочетании с информационными, политико-дипломатическими и иными санкциями.

В том числе это вызвано и тем, что сокращаются возможности США по технологическому давлению на КНР, Россию и другие страны, вытекающие из объективного изменения соотношения сил в мире. Объем финансирования науки и НИОКР в мире достаточно быстро нарастает, прежде всего, со стороны Китая и ряда других стран, которые претендуют на ликвидацию американской технологической исключительности уже в среднесрочной перспективе. Это хорошо видно из сопоставления расходов США и КНР на НИОКР (к сожалению, не сравнимых с российскими).

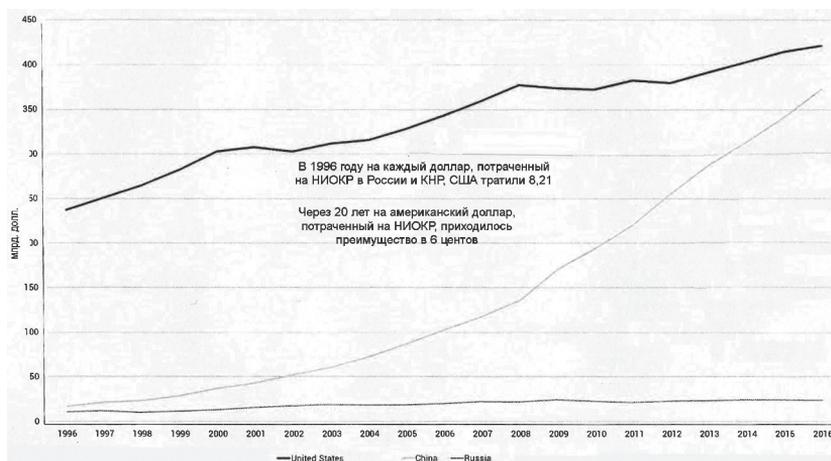

Рис. 4.8. Ежегодные расходы на НИОКР

Д. Трамп и его администрация в ещё большей степени усилили акценты на опережающее технологическое развитие, прежде всего, за счёт военных и смежных НИОКР, которые не сокращались даже во времена Б. Обамы при сокращении военного бюджета США. Явная ставка на военно-технологическое превосходство сочетается с санкциями, препятствующими технологическому развитию других стран. Причём не только России или КНР, но и всего спектра стран, развивающих свои технологические возможности.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что правящая элита США выбрала наиболее оптимальный вариант политики и силового принуждения давления на правящие элиты своих потенциальных противников, — учитывая ограниченность увеличения, — «технологического пространства» для новых технологий. Это должно отразиться на всех сторонах, но прежде всего на их бизнесе. Как уже говорилось, главное в изменении политики «силового принуждения», в т.ч. санкционной политики США, заключается в том, что она практически «перевела стрелки» с основного объекта политики «силового принуждения» — российского государства и нации — на правящую элиту страны и конкретно достаточно узкую группу лиц, которая охватывает высший слой финансовой, политической и административной правящей социальной группы. Подобный подход означает, что **перечень представителей элиты, будет постоянно расширяться, а меры против них — ужесточатся, вплоть до попытки выведения их в слой, преследуемых преступников**⁶². Как пишет бывший заместитель министра финансов при Р. Рейгане Пол Крэг Робертс: «Еще больше возрастет давление на власть Путина со стороны Алексея Кудрина, еврейского лобби, олигархов-миллиардеров, усаженных Вашингтоном и Израилем в ельцинские годы, когда Россия деградировала до уровня американского вассального государства. Эти предатели России столь могущественны, что Путин вынужден терпеть их»⁶³.

Сказанное также означает, что государственные институты США и их союзников будут ориентированы на пропагандистскую кампанию по «превращению» России и её правящей элиты в публично признаваемое в мире «преступное государство», «управляемое преступниками», по отношению к которому допустимы **любые меры** силового

принуждения. «Любые меры» это уже повторению югославско-ливийского сценария.

В этом смысле действующие и будущие финансово-экономические санкции преследуют важнейшую социально-экономическую цель — **снизить поддержку правящей элиты со стороны населения страны**⁶⁴, а в идеале — дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку и сменить правящую элиту, заменив её, по примеру Украины, такой, которая была бы исполнителем политической воли. Определённые надежды, не смотря на неудачи прямой трансформации социально-экономических трудностей в трудности внутривнутриполитические в 2014–2018 годы, у США и их союзников остаются.

Примечательно, что бывший сотрудник администрации Р. Рейгана и известный журналист достаточно критично относится к стратегии России и её реакции на политику США. Он откровенно пишет: «Российская власть своим смиренным ответом на крайне опасные провокации продолжает поощрять Запад на дальнейшие провокации. А эти провокации Соединённым Штатам и их вассалам ровным счетом ничего не стоят. Терпимость российской власти к предателям не убеждает народы западных стран в том, что Россия является открытым обществом, в котором соблюдается свобода слова. Вместо этого они верят Кудрину, а не Путину⁶⁵. ... Единственным достижением неконфронтационного ответа российской власти Западу и терпение к предательству внутри своей собственной власти является убежденность Вашингтона в том, что Путина можно свергнуть — так же, как до этого свергли пророссийского президента Украины, а также президентов Гондураса, Бразилии и Аргентины»⁶⁶.

Изначально важно подчеркнуть, что санкции США и их союзников не могут быть «абсолютными», всеобъемлющими, т.е. охватить все внешние связи России и все экономические области. Их ограниченность видна на примере масштаба экспорта РФ в 2017 году⁶⁷, который в агрегированном виде даёт самое общее представление о месте России в мировой торговле и, соответственно, возможностей влияния на неё извне: очевидно, что страна, чей экспорт занимает в мировой торговле большую долю, зависит от сворачивания торговли больше. «Континентальная блокада» Великобритании со стороны Франции при Наполеоне — яркий пример такой зависимости. Но сегодня, когда внешнее влияние

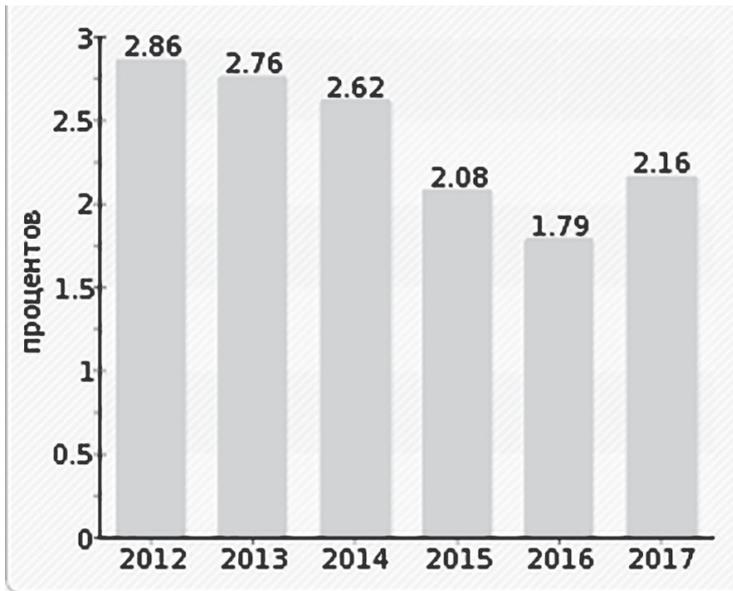

Рис. 4.9. Доля России в мировом экспорте по годам

ограничено 2%, вряд ли стоит ожидать, что такое давление окажет решающее значение. Тем более что значительная часть этой доли мировой торговли уже приходится не на Запад.

Как видно, Россия занимает относительно небольшую долю в мировом экспорте, которая практически не изменилась за годы санкций. Её относительное сокращение может объясняться кризисом и стагнацией в мировой экономике, а не результатами санкций Запада, хотя некоторое сокращение российского экспорта под санкционным нажимом и произошло.

Более того, даже в области ОПК, где Россия подверглась наиболее сильным санкциям, военное производство развивалось быстрее, чем прежде. Так, 13 августа 2018 года генеральный директор АО Концерн ВКО «Алмаз-Антей» Я.В. Новиков сообщил, что по итогам производственной деятельности в 2017 году концерн впервые вошел в «десятку» крупнейших мировых производителей продукции военного назначения, заняв 8-е место в рейтинге «ТОП-100» американского специализированного еженедельника «Defense News». По данным экспертов издания, холдинг значительно упрочил свои позиции на мировом

рынке вооружений и сохранил бесспорное лидерство среди компаний российского оборонно-промышленного комплекса.

В рейтинг «ТОП-100» в 2018 году включены 6 компаний российского оборонно-промышленного комплекса. Концерн ВКО «Алмаз — Антей» впервые был включен в рейтинг в 2006 году, стартовав с 50-го места по итогам производственной деятельности за предыдущий финансовый год, и уже в 2008 году занимал 28-ю строчку в «ТОП-100» издания «Defense News». В 2014 году «Алмаз — Антей» по подсчетам экспертов «Defense News» переместился на 12-ю позицию в рейтинге крупнейших мировых производителей продукции военного назначения, а в течение следующих трех лет прочно удерживал 11-ю строчку в этом списке.

Сказанное Я. В. Новиковым означает, что российский ОПК, а также сельское хозяйство и некоторые отрасли экспорта сырья находятся вне пределов досягаемости санкций. Более того, прекращение экспорта углеводородов со стороны России в Европу может привести к стремительному росту цен и социально-экономической нестабильности на всём континенте. Как показали события ноября-декабря 2018 года во Франции, даже рост цен на несколько процентов может привести к беспорядкам. Если же представить себе, что России сама встанет на путь санкций и перестанет экспортировать газ в Европу, то взрыв негодования в целом ряде стран будет неизбежен. В любом случае политика санкций может иметь двухстороннюю направленность — использоваться Западом, как против России, так и Россией против Запада.

4.1.г). Финансовые и экономические последствия санкций для России

Де-факто нынешний курс США представляет из себя то, что в прошлом веке называли экономической блокадой. Прибегали к таким мерам, как правило, именно во время ведения войны против конкретного государства⁶⁸.

Аналитик

Финансово-экономические последствия санкций для России — сложное и не однозначное явление, оценка которому требует коммен-

тариев. Сразу же надо оговориться, что политику санкций США и ЕС следует рассматривать как единую политику с существенными оговорками — единая политика это только цель предлагаемой в настоящее время американскими законодателями стратегии. При том понимании, конечно, что внешнюю и военную политику стран ЕС следует рассматривать не как полностью самостоятельную политику, а как во многом подчиненную, зависимую от США. Более того, во многом вытекающую из установки Д. Трампа на опережающие темпы развития национального ВПК⁶⁹. Даже появившиеся в последние месяцы разногласия между США и союзниками в стратегическом плане не меняют того, что эта единая политика военно-политической коалиции, где интересы отдельных субъектов могут пересекаться, но в конечном итоге оставаться в рамках общей политики⁷⁰.

Ещё недавно Германия — за редким исключением выступала против ужесточения и расширения эмбарго, руководствуясь не только политическими, но и порой в первую очередь экономическими причинами. К концу первого десятилетия XXI в., вслед за США присоединившись к санкционной кампании против Ирана и во многом дублируя меры, введенные Вашингтоном, ЕС впервые применил всеобъемлющие, в том числе и экономические, меры, вплоть до нефтяного эмбарго и финансовых ограничений. Этот случай не стал исключением — новые торговые санкции были введены против Кот д'Ивуара и Сирии. Позже этот сдвиг проявился и в кампании антироссийских санкций. Есть все основания полагать, что данная тенденция закрепится. То есть санкционная политика Запада в возрастающей степени превращается в коалиционную, зависящую от общих принципов и норм. Поэтому расхождение в вопросе о санкциях между ЕС и США будут, вероятно, нарастать, но не достигнут критической отметки. Разница интересов между этими центрами силы компенсируется политической, военной, информационной и иной зависимостью ЕС от США.

То, что администрация Трампа применила к России закон о борьбе с химоружием, имеет большое политическое значение, но экономические последствия этих санкций будут, скорее всего, чисто символическими. Обязательный набор санкций, который вступил в силу 22 августа, включает прекращение оказания России иностранной помощи со сто-

роны Соединенных Штатов, прекращение поставок вооружений и финансирования для закупок оружия, отказ в американских госкредитах и запрещение экспорта в Россию товаров и технологий, «чувствительных с точки зрения национальной безопасности» США. Другими словами, закон просто повторяет те санкции, которые уже были применимы по отношению к России: экспорт американских вооружений в Россию и так запрещен, и США не предоставляют России государственных кредитов (наоборот, Россия до последнего времени была кредитором американского правительства). Некоторые потери может понести двусторонняя торговля — поставки на «несколько сотен миллионов долларов» в год могут быть затронуты, сообщил представитель Госдепартамента на брифинге. Но правительство США уже предусмотрело несколько исключений, которые допускаются законом 1991 года, и поэтому ограничения будут куда более мягкими. Такими исключениями могут быть⁷¹:

Во-первых, США продолжают оказывать «инострannую помощь России и ее народу» (в том числе гуманитарную помощь, содействие в развитии человеческого капитала), указал представитель Госдепа. Во-вторых, санкции, запрещающие экспорт чувствительных товаров, которые не повлияют на космическое сотрудничество России и США. Кроме того, из-под новых санкций будут выведены товары и технологии, необходимые для безопасности коммерческой пассажирской авиации. Наконец, лицензии на экспорт из США чувствительной продукции по-прежнему будут выдаваться в индивидуальных случаях (case-by-case), если конечным пользователем является «чисто коммерческий потребитель» с целью исключительно гражданского применения.

Сейчас поставки в Россию американских товаров и технологий, чувствительных с точки зрения национальной безопасности (это большой список, включающий, например, аэропроизводные газовые турбины, электронные приборы и компоненты, интегральные микросхемы, измерительное и калибровочное оборудование, различные материалы и т.д.), возможны только при наличии экспортной лицензии Минторга США. Эти лицензии и так выдаются с трудом. Теперь, как рассказал представитель Госдепа на брифинге, в таких лицензиях будет автоматически отказано, если конечным получателем чувствительной продукции является организация, связанная с российским государством. По словам предста-

Рис.4.10. Экспорт из США в Россию по данным Минторга США, млрд. долл

вителя Госдепа, потенциально такие потребители в России могут лишиться будущих поставок на «сотни миллионов долларов». В 2016 году (последняя доступная статистика) Минторг США рассмотрел 502 заявки на экспорт/реэкспорт товаров в Россию на общую сумму \$4,3 млрд., из которых одобрено было 208 заявок на сумму \$2,7 млрд.⁷² Примечательно, что, не смотря на санкции, объём и структура американского экспорта в Россию практически не изменились.

В российском импорте из США преобладают технологии и продовольствие. Более 65 % от объёма импорта приходится на импорт легковых машин, грузовиков, автобусов, гражданских самолётов и других транспортных средств, оборудования (в том числе для нефтяного промысла), а также продовольственных товаров (мясо) и сельскохозяйственного оборудования и сырья.

Структура экспорта товаров из США в Россию (по данным ФТС России за 2014 год):

- машиностроительная продукция — 68 %;
- химическая продукция — 8 %;
- сельхозсырьё — 7 %;
- прочие товары — 17 %.

Дополнительные санкции против России, как и обещали США, были введены спустя три месяца, под надуманным предлогом «если российское правительство не согласится предоставить гарантии неприменения химического оружия». Учитывая, что Россия не считает себя причастной к отравлению Скрипалей, сценарий, при котором Россия согласится дать США какие-то гарантии, выглядит невероятным. Но и в этом случае трудно ожидать каких-либо радикальных перемен с точки зрения экспорта США в Россию, который, кстати, существенно меньше импорта из России.

Как видно из приведённых примеров, экспорт США в Россию достаточно ограничен и может быть замещен практически везде поставками из других стран, либо собственным производством.

Второй набор санкций — шесть возможных мер, из которых президент США обязан выбрать хотя бы три. Из них две меры носят символический характер и не имеют для России практического значения (блокирование международной финансовой помощи и запрет для американских банков предоставлять кредиты российским властям), одна дипломатическая (понижение статуса двусторонних дипломатических отношений) и три остальные — с потенциально серьезными последствиями для экономики и бизнеса, но их можно и не применять (так как достаточно трех мер из шести).

Это полный запрет на экспорт товаров из США (кроме продовольственных и сельскохозяйственных товаров), полный запрет на импорт в США и запрет на воздушное сообщение с США для государственных авиаперевозчиков (в случае с Россией это «Аэрофлот»). Но США не намерены пока что запрещать полеты «Аэрофлота», уже заявили в Госдепартаменте⁷³.

Трудно комментировать, что конкретно ожидают США от России в связи с санкциями, назначенными по закону о химическом оружии, которые действуют как минимум год и могут быть отменены президентом

* Неклассифицированные товары: продукция ВПК, самолеты, их комплектующие, авионика и товары двойного назначения. Данные ФТС и РЭЦ по секретному коду расходятся.

Источники: ФТС, Российский экспортный центр (РЭЦ)

© РБК, 2018

Рис. 4.11. Импорт из США в Россию по данным ФТС и РЭЦ, млрд долл.

США, если государство, против которого они введены, предоставит гарантии дальнейшего неприменения химоружия, допустит международных инспекторов, а также возместит ущерб, понесенный пострадавшими от применения химоружия — Россия, как известно в США, уничтожила под международным контролем не только химические ОВ, но и средства его производства.

Если говорить о санкциях, как о политике стран и в целом ЕС, то на современном этапе ограничительные меры (санкции) заняли вполне уверенную (и умеренную) позицию во внешнеполитическом арсенале

Европейского союза. Это нашло отражение и в последней Глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности Европейского союза «Общее видение, совместные действия».

В отличие от Европейской стратегии по безопасности в новейшей версии санкции выделены особо: ограничительные меры, вместе с дипломатией, являются ключевыми инструментами ЕС по достижению мирных преобразований. Они могут играть основную роль в устрашении, предотвращении конфликтов и их урегулировании. Как считают в ЕС, «Умные» санкции, «отвечающие нормам международного и европейского права, будут четко выверяться и контролироваться, чтобы поддерживать легитимную экономическую систему и избегать нанесения ущерба местным сообществам». Следует обратить внимание на международно-правовую особенность санкций ЕС, требующую строгого обоснования, и достаточно сдержанный экономический масштаб собственно санкций.

На мой взгляд, эти меры в отдельности не представляют собой угрозы национальной безопасности, а их влияние на экономику России может оцениваться по-разному — от частично негативного (не превышающего, по оценкам экспертов, влияния на снижение ВВП на 1% в год и до 7–9% за пять лет) до в целом даже положительного для некоторых отраслей народного хозяйства.

На эффективность этих санкций в возрастающей степени начинает влиять переориентация экспорта и импорта России на другие рынки, которая ликвидирует прежние монопольные позиции ЕС в торговле с Россией. Всего за несколько лет произошли достаточно радикальные перемены в структуре внешней торговли РФ со странами ЕС и КНР, но в ещё большей степени они смогут произойти в ближайшие 5–7 лет по мере развития отношений России со странами Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем, в США и в странах Западной Европы⁷⁴ общепринято (и вполне справедливо) считать, что **последствия для России политики санкции** в 2014–2018 годах привели к тому, что:

- ускори́лась инфляция, в особенности в области продовольственных товаров и услуг;
- на 50% обесценился рубль по отношению к доллару;
- заметно увеличилось число бедных и нищих;

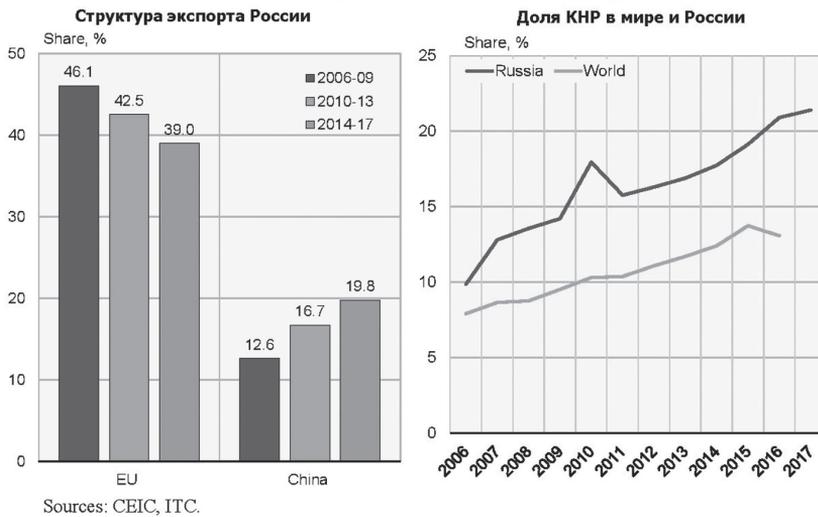

Рис. 4.12. Изменение в структуре экспорта России (слева) и доли импорта России и КНР в мире ⁷⁵

- сократился импорт и экспорт порядка 30%;
- сократился до отрицательного рост ВВП в 2014–2016 годы;
- был создан дефицит бюджета (до 3,5%) и сократились золотовалютные резервы (более чем на 150 млрд. долл.);
- несколько раз повышалась ставка рефинансирования, что привело к банковскому кризису, что хорошо видно на следующем графике:

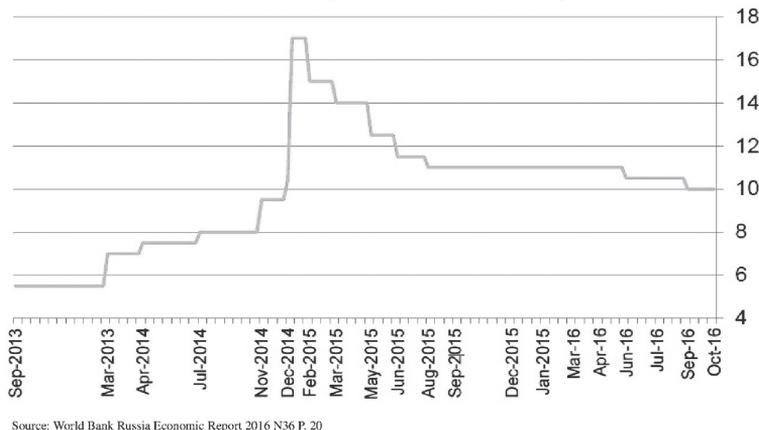

Рис. 4.13. Ключевая ставка (рефинансирования), %

Вместе с тем, уже после 2016 года ставка рефинансирования оставалась стабильной и даже снижалась вплоть до сентября 2018 года, когда она повысилась на 0,25% до уровня 7,5%, и декабря 2018 года, когда она вновь выросла на 0,25%. Можно сказать, что финансовая система России в 2018 году вышла на уровень полной стабильности, а бюджет вновь стал профицитным. Сказанное означает, что и на финансовую систему России санкции не оказывали решающего воздействия. Более того, на мой взгляд, лишившись «дешёвых» западных денег, российские финансисты стали аккуратнее относиться к заимствованиям, а ЦБ — строже контролировать реальные активы КБ.

Надо признать, что санкции имели и другие экономические и социальные последствия, которые во многом стали результатом нарастающих опасений среди российской правящей элиты. Это привело к увеличению численности бизнесменов, уезжающих на ПМЖ, правда, уже не в Великобританию, а на Кипр или Мальту.

Вместе с тем, западные эксперты признают, что:

Во-первых, так и не была достигнута главная цель — резкое ухудшение социально-экономической ситуации в России не повлияло критически пока что на уровень политического доверия к руководству страны, т.е. на внутривнутриполитическую стабильность. Процесс снижения уровня жизни в России идет, но очень медленно, совершенно не теми темпами, как этого хотели бы в Вашингтоне. Последний раз такие низкие показатели индекс демонстрировал весной 2016 года: в марте средний чек составлял 491 рубль, в апреле — 493 рубля. В мае 2016 года показатель находился на уровне 497 рублей. Падение доходов населения ведет также к снижению внутреннего спроса. В августе 2018 года сводный опережающий индекс (СОИ), который рассчитывает «Центр развития» ВШЭ, оказался в отрицательной области (-0,4% против 0,0% в июле), что почти исключительно объясняется снижением внутреннего спроса, говорится в сентябрьском бюллетене «Комментарии о государстве и бизнесе»⁷⁶.

Соответственно, не удалось ни принудить правящую элиту к смене политического курса, ни отстранить В.В. Путина от власти.

Во-вторых, было признано, что ухудшение социально-экономической ситуации в стране вызвано разными причинами, что также хорошо понимают граждане страны: трудно сказать наверняка, что негативные

явления в экономике и торговле в 2013–2018 годах, включая сокращение и удорожание импорта, полностью стали следствием санкций. Так, падение стоимости экспорта некоторых стран, по отношению к которым санкции не применялись, в эти годы также сократилась. Как видно из графика, в Белоруссии, Казахстане и Азербайджане экспорт из стран-членов ЕС в эти годы сократился больше, чем в Россию, хотя санкций по отношению к ним объявлено не было.

Более того, можно было бы ожидать, что экспорт в эти страны вырастет для того, чтобы «обойти» российские санкции, но и этого не произошло.

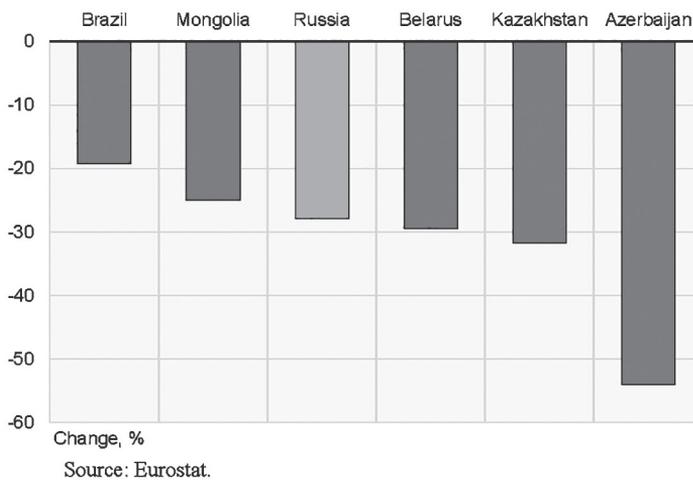

Рис. 4.14. Изменения в экспорте стран-членов ЕС в 2013-2017 гг (в %) ⁷⁷

Изменения показывают, что на динамику экспорта стран-членов ЕС в Россию влияли более общие факторы, а не только санкции. Так, экспорт из стран ЕС в Азербайджан, Казахстан и Беларусь (государств, которые не попали под санкции) упал больше, чем в Россию в основном по двум причинам: во-первых, из-за общего ухудшения макроэкономической обстановки, а, во-вторых, из-за переориентации части торговых потоков на другие рынки — Азербайджанского на Иран и Турцию, а также Китай, Казахстана на Китай, а Белоруссии из-за внутренних причин. Учитывая же ничтожную долю в торговле стран ЕС с этими государствами, можно сказать, что возможные санкции США за торговлю

с Россией вообще не будут даже замечены на фоне доминирования российской торговли.

Этот эффект были вынуждены в конечном счёте признать и на Западе, когда некоторые макроэкономические показатели России (темпы роста ВВП, инфляция, государственный долг и дефицит бюджета) за последние годы действия санкций в 2014–2018 годы даже несколько улучшились по сравнению с предыдущими годами. Это улучшение, впрочем, не стоит преувеличивать. По оценке главного экономиста банка Евразийского содружества Я. Лисоволика, не только Россия, но и другие страны Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), смогли в целом стабилизировать инфляцию на уровне 3–6%, а рост в ВВП на уровне 2,1% в 2017–2018 годах. Хуже, однако, что на ближайшие 3 года его прогноз в целом остаётся таким же⁷⁸.

Таким образом, финансово-экономические последствия санкций для России в период до конца 2018 года **не привели к желаемым политическим целям**, а, может быть, и на какое-то время, как минимум, даже укрепили внутриполитическую стабильность и контроль правящей элиты страны над нацией.

Объём российской экономики (как считают некоторые экономисты) сейчас на 6% меньше, чем мог бы быть, из-за западных санкций, введенных четыре года назад, говорится в исследовании. Более того, по оценкам экспертов Bloomberg Economics, в настоящий момент ВВП России на 10% меньше, чем можно было прогнозировать в конце 2013 года. Отмечается, что отчасти такая динамика связана с падением цен на нефть, а также внедрением в стране инфляционного таргетирования и распродажей на развивающихся рынках, однако санкции играют в этом большую роль. «Часть разрыва между прогнозами и фактическими показателями, вероятно, является результатом устойчивого эффекта санкций, уже введенных и потенциальных, в течение последних пяти лет», — считает аналитик Bloomberg Economics Скотт Джонсон (Scott Johnson). Этот фактор, по мнению экспертов, ставит под сомнение прогнозы правительства России о том, что реформы и инвестиции приведут к росту ВВП страны более чем на 3% к 2021 году. «Такой рост возможен, но его темп не будет устойчивым без резкого повышения производительности в экономике», — отметил Джонсон.

Иными словами, проблема ускоренного развития России это не столько проблема санкций, сколько эффективности финансово-экономической элиты страны, которая не способна обеспечить высокие темпы развития в принципе, что доказано её правлением в последние десятилетия.

4.1.д). Положительное влияние санкций Запада на политический курс и экономику России

Динамика промышленной продукции как за весь период реформ, так и за последние годы отражает общий упадок промышленного производства и примитивизация его структуры⁷⁹

*С. Бодрунов,
экономист*

Санкции против России, как уже говорилось, не самостоятельное явление, а часть системной политики силового принуждения со стороны западной коалиции. Кроме того, санкции по отношению к России следует рассматривать в контексте её общего социального и экономического развития последних десятилетий, которые характеризуются трагическими ошибками и преступлениями, общим кризисом и крайне медленным процессом выхода из него. Как уже говорилось, антиэлитная направленность санкций слабо влияла на социально-экономическое развитие страны, которое определялось другими факторами⁸⁰. Достаточно сказать, что индекс промышленного производства еще до санкций составлял **83% относительно индекса предыдущего года**. Аналогичная ситуация или даже хуже была в обрабатывающих отраслях экономики, которые по объему выпускаемой продукции так и не вышли на уровень РСФСР 1990 года. Более того, до введения санкций импортная зависимость в целом ряде отраслей и областей (в том числе определяющих состояние национальной безопасности) достигала 80–90%.

В США, напротив, организации и стимулированию промышленной политики уделялось много внимания, в особенности при Д. Трампе, который взял её за основу в своей стратегии национальной безопасности⁸¹.

С этой точки зрения реанимация собственного производства в России, особенно в жизненно важных областях, была крайне необходима и носила характер обеспечения острейших потребностей национальной безопасности (например, в ОПК, производстве лекарственных препаратов и продовольствия). К сожалению, этого долгие годы не происходило. Наоборот, нарастало отставание не только в технологиях и приборостроении, но и в целом ряде крупных отраслей, которые не только перестали обеспечивать собственные нужды, но и фактически оказались, как, например, приборостроение, полностью уничтоженными. Таким образом, санкции во многом искусственно простимулировали в 2014 году нашу обрабатывающую, прежде всего, оборонную, промышленность, вынудив её переходить к самообеспечению, получившему название «импортозамещение», что, надо признать, уже носило ограниченно-уничтожительный характер с самого начала: речь шла не о возрождении обрабатывающей промышленности, а именно о «замещении», где возможно отдельных элементов.

Экономическое оживление, начавшееся в последнее десятилетие при В.В. Путине, было очаговым, а не системным. Оно охватывало те области оборонно-промышленного комплекса (как, например, ПВО-ПРО), которые изначально были практически исключены из международной торговли. Так, объем ВТС в России в 15 млрд. долл. может свидетельствовать не столько об экономической эффективности российского ОПК, сколько о политических возможностях.

В этих условиях введение санкций вело к вынужденному принятию мер правительством страны в 2014–2018 годы по увеличению собственного производства в самых разных экономических секторах. Если до 2014 года этот процесс шёл достаточно медленно, то после 2014 года он получил ускоренное развитие в тех областях (как, например, производство говядины), которые были наиболее сложными и зависимыми от крупных инвестиций. В целом, в целом ряде областей и отраслей, таких как сельское хозяйство, влияние санкций, как правило, сказывалось положительно, хотя эту положительно-вынужденную динамику и не следует переоценивать. Так, Россия превратилась в крупного экспортёра зерна, а производство основных видов сельскохозяйственной продукции существенно увеличилось, но отнюдь не решило всех проблем.

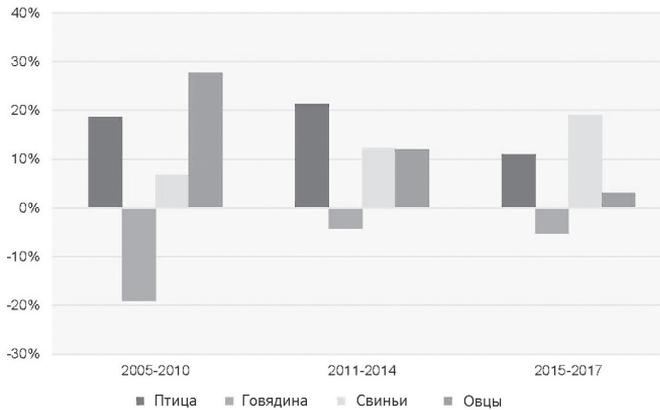

Рис. 4.15. Изменения в производстве животноводческих продуктов в России

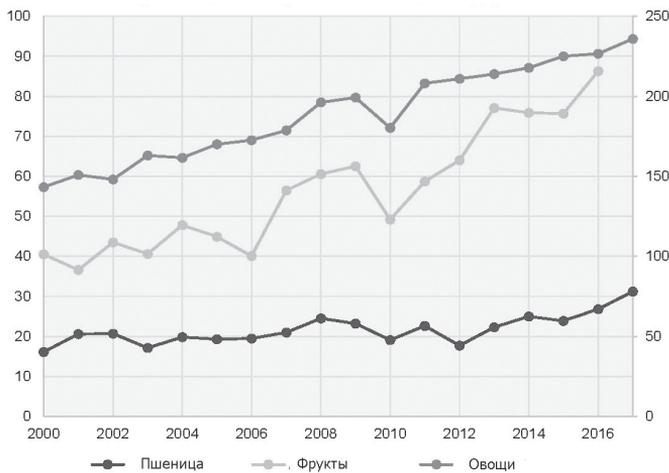

Рис. 4.16. Производство зерновых, овощей и фруктов⁸²

Это же попутно решило вопросы импортной зависимости, продовольственной безопасности и неожиданно быстрого (поэтому и неустойчивого) увеличения сельскохозяйственного экспорта России, что признают на Западе, в частности, аналитики Банка Финляндии.

Общеэкономическая ситуация в России являлась в 2014–2018 годы, таким образом, в целом отражением как негативной конъюнктуры цен на углеводороды, так и ошибок в государственном управлении страны, а не воздействием санкций.

Если попытаться выделить влияние позитивных и негативных факторов на развитие российской экономики, то, на мой взгляд, санкции оказали существенно больше положительного, чем негативного влияния на экономику:

- с точки зрения развития некоторых отраслей переработки, избавления от импортной зависимости;
- с точки зрения темпов роста отраслей нерыночной экономики, прежде всего, ОПК;
- с точки зрения ограничения финансовых спекуляций и доминирования национального финансового сектора;
- с точки зрения использования более эффективно ресурсов страны, контроля за бюджетом и расходов на безопасность и оборону.

Введение санкций совпало с временным падением цен на углеводороды в 2014–2017 годах, что, безусловно, усложняет картину более точного восприятия воздействия санкций. Как видно в 2014–2017 годы цены на нефть были существенно ниже, что при зависимости российской экономики от этого фактора мешает более точной оценке. Но, примечательно, что даже и в этом случае кризиса в России удалось избежать — финансово-экономическая система выдержала, пусть и с потерями в социально-экономической области.

Рис. 4.17 Цены на нефть марки «Юрал»⁸³

По разным оценкам (на мой взгляд, пессимистическим) санкции повлияли на динамику ВВП не более чем на 1–1,5%, а в среднесрочной перспективе до 5 лет, по оценкам МВФ, они могут отразиться на темпах роста ВВП в 9%. Так, считается, что сокращение ВВП России в 2015 году на 2,5% на 1,5% произошло по вине санкций. По оценке Ситибанка, 90% в потере ВВП России за последние годы произошло по вине падения цен на нефть и только 10% — в результате влияния санкций. По мнению других экономистов, за 2014–2017 годы по вине санкций Россия потеряла 2,4%, а сокращение душевого потребления — на 2000 рублей⁸⁴.

Другими словами, санкции оказывали негативное влияние, прежде всего, на темпы социально-экономического развития страны и уровень жизни граждан, не создавая прямой угрозы экономике России. Их воздействие совпало с влиянием целого ряда других негативных факторов, что, на мой взгляд, сказалось положительно, дисциплинировав процесс принятия решений и их исполнение в экономической области. Глубина падения ВВП в период санкций 2014–2017 годов была значительно ниже, чем во время кризиса 2008–2009 года, спровоцированного США, что хорошо видно по показателям 1-го квартала каждого года.

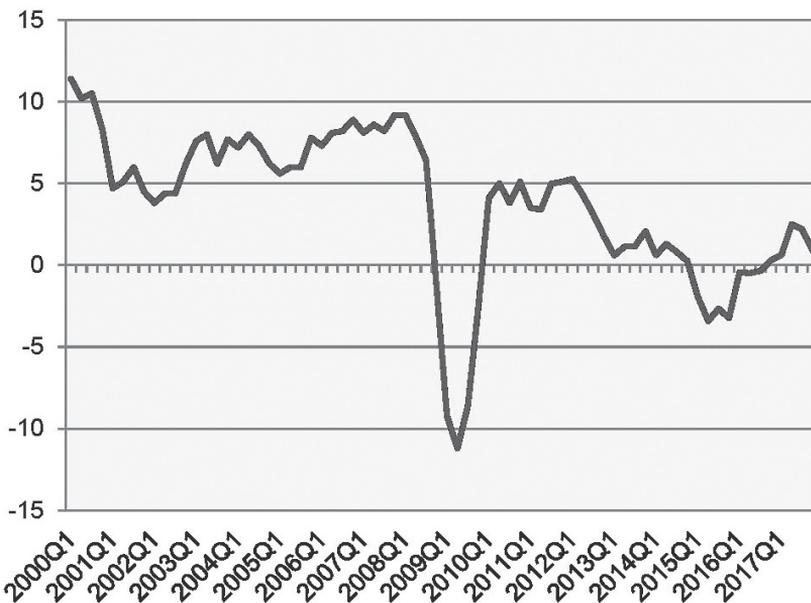
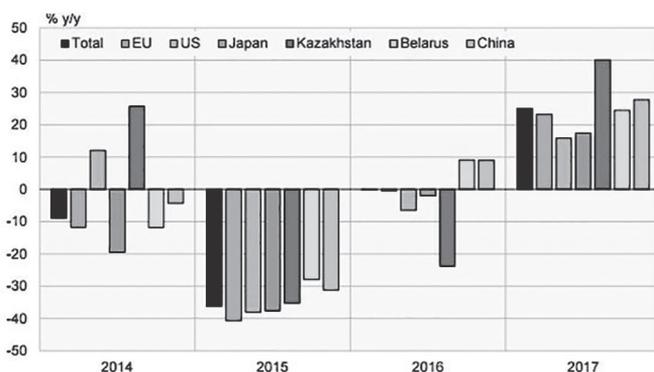

Рис 4.18. Рост ВВП по годам (первые кварталы) ⁸⁵

Более того, введение санкций, осложнив финансовую и внешнеторговую деятельность, вынудило российских импортеров и экспортёров более активно искать новые рынки, быстро приспосабливаться к меняющимся внешним условиям. Произошла адаптация, которая в основном завершилась к началу 2018 года. Краткосрочный характер влияния санкций подтверждает изменения в структуре импорта России, которые демонстрируют её быструю способность приспосабливание к изменению внешней ситуации. Как видно, уже в 2017 году Россия нашла новых партнёров, в том числе и среди стран, которые применяли в отношении неё санкции.

Произошло определенное замещение импортеров российской продукции, которое неизбежно будет развиваться и далее по мере роста развивающихся рынков, в особенности в Юго-Восточной Азии, где присутствие России до настоящего времени достаточно символично.

Sources: CEIC and Russian Customs.

Рис. 4.19. Изменения в импорте России из отдельных стран⁸⁶

Реальная опасность заключается не столько во всей политике «силового принуждения», в которой политико-дипломатические, информационные, военно-политические, финансовые и экономические меры играют определенную роль, а в **эскалации этой политики** на среднесрочную перспективу до уровня перехода силового противоборства в военное. На мой взгляд, ресурсы санкционного давления Запада практически исчерпаны, а их эскалация уже прямо вредит отношениям внутри коалиции.

С другой стороны, признание низкой эффективности санкций, однако, привело к усилению среди большинства истеблишмента США стремления к эскалации санкций, которые вероятно последуют в будущем. При этом изначально не следует забывать о существенной разнице в уровне сотрудничества между Россией и США и Россией и странами ЕС и другими союзниками США, которая порой начинает сказываться уже публично.

4.1.е). Санкции как традиционные средства политики «силового принуждения» западной коалиции

Претворение в жизнь американских идеалов будет идти путем терпеливого накопления частичных успехов⁸⁷

*Г. Киссинджер,
политолог*

Надо понимать, что США никогда не откажутся от санкционной политики в принципе. Просто потому, что она является частью их экономической и промышленной политики, т.е. стратегией. С точки зрения политической тактики, «санкционная политика» США в отношении России в последние годы характеризуется, прежде всего, тем, что она является **частью** общей стратегической линии, преследующей достаточно радикальные политические цели, получившей название «политики силового принуждения», т.е. наращивания силового давления во всех областях⁸⁸. Конечной целью такой политики является «силовое принуждение» правящей элиты России фактически к политической капитуляции и отстранение от власти национально-ориентированной её части и лично В.В. Путина с последующей поэтапной десоверенизацией России, преследующей радикальные цели — отказ от контроля территории, природных ресурсов, транспортных коридоров и потерей, в конечном счёте, национальной идентичности⁸⁹.

Таким образом, финансово-экономические санкции стали частью более широкого спектра действий и мер невоенного характера, которые, в свою очередь, являются частью ещё более широкого комплекса силовых — как военных, так и невоенных — мер Запада в отношении России. Логика развития финансово-экономических санкций может

быть адекватно оценена только в контексте политики «силового принуждения» России, преследующей радикальные политические цели. Эту логику стремительного развития средств и способов силового принуждения Западом можно отобразить на следующем рисунке, иллюстрирующем эволюцию силовой политики Запада в последние два десятилетия⁹⁰. На рисунке показано, что к существующему широкому спектру военных и не военных силовых средств политики добавляются как новые военные средства (повышающие возможности военной эскалации), так и не военные средства силового принуждения.

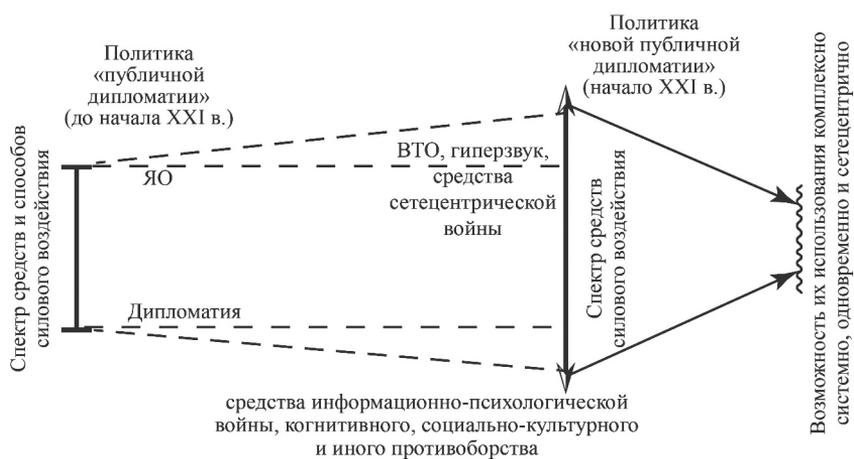

Рис. 4.20 Переход от политики «публичной дипломатии» к политике «новой публичной дипломатии» западной ЛЧЦ

Как видно на рисунке, кроме традиционно сохраняющихся силовых сил и мер в политике Запада расширяется весь спектр военных средств силового принуждения (и это объясняет стремительное увеличение военного бюджета США и требований сделать то же от союзников), — от ядерных до космических, — так и ещё более широкое применение невоенных силовых инструментов: от превращения невоенных средств в силовые инструменты политики до создания новейших средств информационного и когнитивного воздействия на противника. Такой «набор» силовых невоенных средств и мер политики необходим для того, чтобы с минимальным риском достичь политических целей, **сохраняя контроль над эскалацией нарастающего противоборства**⁹¹.

Фактически монополярная позиция США и их союзников в информационной области, в особенности средств электронной информации, предполагает их расширяющееся использование в политике. Именно на это обращал внимание ещё Б. Обама в своём последнем послании, когда говорил об информационном превосходстве, которое должны использовать США. Такое превосходство позволяет, например, использовать в пропагандистских и политических целях любые поводы, не доказывая и не обосновывая необходимость их применения. Это же означает, что не только применение санкций, но и — что более актуально — обвинения России и её правящей элиты в любых преступлениях против человечества становятся нормой политики США.

По сути дела все средства и способы «силового принуждения» используются в США системно и комплексно, дополняя и усиливая друг друга⁹². Это объясняет, например, применение заранее не эффективных средств и методов, которые в системе мер играют свою роль. Таким образом, финансово-экономические санкции разрабатываются и применяются в комплексе с другими средствами и мерами силового принуждения. Более того, сами по себе финансовые и экономические санкции — вполне традиционное и часто используемое средство политики развитых государств, как правило, по отношению к не развитым экономически странам, — является иногда просто очередным шагом для обоснования дальнейшей эскалации в отношениях. Так, например, большинство санкций, предлагаемых к введению в августе 2018 года, являются констатацией давно принятых мер, повторением с тем, чтобы сохранить «темп эскалации».

4.1.ж). Примеры, иллюстрирующие неэффективность санкций

Пример №1. Нередко эффективность экономических санкций США против России вызывает сомнения. Так, объем торговли между США и Россией в последние годы оставался не только по-прежнему довольно незначительным, но даже несколько вырос. Так, в 2017 году, по данным ФТС РФ, товарооборот был следующим⁹³.

Товарооборот России с США

В 2017 году товарооборот России с США составил 23 198 475 027 долл. США, увеличившись на 14,41% (2 921 708 268 долл. США) по сравнению с 2016 годом.

Экспорт России в США в 2017 году составил 10 699 964 760 долл. США, увеличившись на 14,39% (1 346 358 039 долл. США) по сравнению с 2016 годом.

Импорт России из США в 2017 году составил 12 498 510 267 долл. США, увеличившись на 14,42% (1 575 350 229 долл. США) по сравнению с 2016 годом.

Сальдо торгового баланса России с США в 2017 году сложилось отрицательное в размере 1 798 545 507 долл. США. По сравнению с 2016 годом отрицательное сальдо увеличилось на 14,59% (228 992 190 долл. США).

Доля США во внешнеторговом обороте России в 2017 году составила 3,9720% против 4,3349% в 2016 году. По доле в российском товарообороте в 2017 году США заняли 6 место (в 2016 году — 5 место).

Доля США в экспорте России в 2017 году составила 2,9965% против 3,2763% в 2016 году. По доле в российском экспорте в 2017 году США заняли 10 место (в 2016 году — также 10 место).

Доля США в импорте России в 2017 году составила 5,5068% против 5,9931% в 2016 году. По доле в российском импорте в 2017 году США заняли 3 место (в 2016 году — также 3 место).

Как видно из приведённых данных, не только физические объёмы торговли оставались небольшими, но и их удельный вес в экспорте и импорте России (соответственно 3% и 5,5%) не могут иметь решающего значения для развития страны. Причём как первое, так и второе в 2017 году не сократилось, а даже несколько выросло.

Не влияет принципиально на экономику России и экспорт в США, в котором решающее значение играет экспорт металлов и металлоизделий, а также минеральных продуктов.

Экспорт России в США

В структуре экспорта России в США в 2017 году (и в 2016 году) основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров:

Металлы и изделия из них (коды ТН ВЭД 72-83) — 36,03% от всего объема экспорта России в США (в 2016 году — 29,24%);

Минеральные продукты (коды ТН ВЭД 25-27) — 31,97% от всего объема экспорта России в США (в 2016 году — 35,60%);

Продукция химической промышленности (коды ТН ВЭД 28-40) — 13,85% от всего объема экспорта России в США (в 2016 году — 17,31%);

Драгоценные металлы и камни (код ТН ВЭД 71) — 7,68% от всего объема экспорта России в США (в 2016 году — 6,32%);

Машины, оборудование и транспортные средства (коды ТН ВЭД 84-90) — 5,32% от всего объема экспорта России в США (в 2016 году — 5,08%);

Древесина и целлюлозно-бумажные изделия (коды ТН ВЭД 44-49) — 1,80% от всего объема экспорта России в США (в 2016 году — 1,63%).

Обращает на себя внимание, как уже говорилось, небольшой прирост экспорта в 2017 году по сравнению с 2016 годом, который зафиксирован по следующим товарным группам:

Черные металлы (код ТН ВЭД 72) — рост на 790 554 740 долл. США;

Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы, плакированные драгоценными металлами, и изделия из них; бижутерия; монеты (код ТН ВЭД 71) — рост на 230 729 172 долл. США;

Алюминий и изделия из него (код ТН ВЭД 76) — рост на 166 857 876 долл. США;

Удобрения (код ТН ВЭД 31) — рост на 120 478 159 долл. США;

Изделия из черных металлов (код ТН ВЭД 73) — рост на 104 145 495 долл. США;

Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (код ТН ВЭД 27) — рост на 85 985 091 долл. США;

Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части (код ТН ВЭД 84) — рост на 85 551 701 долл. США;

Прочие недрагоценные металлы; металлокерамика; изделия из них (код ТН ВЭД 81) — рост на 57 582 286 долл. США;

Древесина и изделия из нее; древесный уголь (код ТН ВЭД 44) — рост на 33 997 834 долл. США.

Вместе с тем незначительное сокращение экспорта России в США в 2017 году по сравнению с 2016 годом зафиксировано по следующим товарным группам:

Продукты неорганической химии; соединения неорганические или органические драгоценных металлов, редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов (код ТН ВЭД 28) — сокращение на 297 394 599 долл. США.

Таким образом, можно констатировать, что в период самого разгара «санкционной войны» товарооборот между США и Россией рос. На него не влияли санкции, либо (если и влияли), то незначительно.

Пример № 2. Судя по всему, торговые санкции для США — достаточно символический политический инструмент. Причём, как оказывается, не только для США, которые активно применяли их с начала XX века, но и для других развитых государств. Так, в современный период Германия налагала санкции на следующие государства:

Таблица 4.1 Перечень стран, находившихся под санкциями Германии⁹⁴

Country	First announcement (Lifted)	Measures taken
Myanmar	22 May 2000	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Somalia	27 January 2003	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Liberia	4 September 2003	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Congo, Dem. Rep.	29 September 2003	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments
Sudan	26 January 2004	Freezing of assets and economic resources of natural persons

Country	First announcement (Lifted)	Measures taken
Zimbabwe	19 February 2004	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Cote d'Ivoire	31 January 2005	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Uzbekistan	14 November 2005 (15 December 2009)	Export restriction on goods related to nuclear technology
Lebanon	21 February 2006	Freezing of assets and economic resources
Belarus	18 May 2006	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Iran	2 February 2007	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment, chemicals and other resources (gold, silver,
Korea, Dem. Rep.	27 March 2007	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on luxury goods and goods related to nuclear technology
Comoros	17 March 2008 (24 July 2008)	Freezing of assets and economic resources of natural persons
Guinea	22 December 2009	Freezing of assets and economic resources of natural persons; export restriction on military equipment
Eritrea	26 July 2010	Freezing of assets and economic resources; export restriction on military equipment
Tunisia	4 February 2011	Freezing of assets and economic resources of natural persons
Libya	2 March 2011	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment
Egypt	21 March 2011	Freezing of assets and economic resources of natural persons

Country	First announcement (Lifted)	Measures taken
Syria	9 May 2011	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on military equipment, chemicals and other resources (gold, silver,
Afghanistan	1 August 2011	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments
Guinea-Bissau	3 May 2012	Freezing of assets and economic resources of natural persons
Russia	5 March 2014	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments; export restriction on oil drilling machinery, chemicals and other natural resources
Central African Republic	10 March 2014	Freezing of assets and economic resources of natural persons and establishments

Обращает внимание то обстоятельство, что за исключением России, доли этих стран в торговле, как и в экспорте капитала Германии очень малы. Даже символичны, что говорит о том, что правящие круги не очень охотно используют этот инструмент в своей политике. Исключением являлись несколько стран (Египет, Ливия, Иран) против которых проводилась «тотальная» политика, приведшая к обвалу инвестиций Германии. Теоретически, это может быть сделано и в отношении России.

Пример № 3. Примечательно и то, что после введения санкций против России её доля в инвестициях Германии **практически не изменилась**. Это свидетельствует во многом о «декоративности» финансовых санкций. Но это же может означать и возможность дальнейшего свёртывания торговых и финансовых отношений при усилении давления США на Германию.

По подсчетам германских экспертов, доля стран, находящихся под санкциями, в экспорте капитала фирм ФРГ, как правило, ничтожно мала (за исключением России: см. левую шкалу, находясь в масштабе 0,1–0,01% от всего экспорта. В то же время за 1999–2014 годы, как видно, доля России сократилась незначительно.

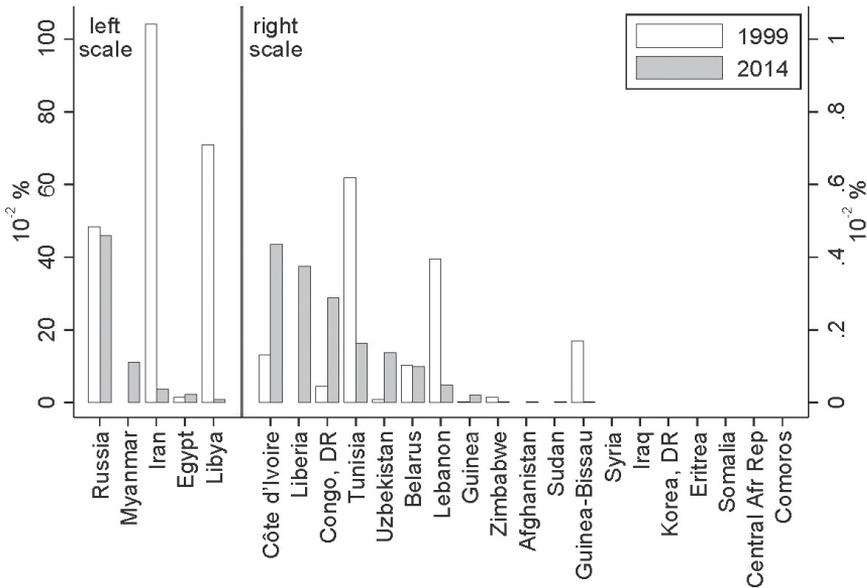

Рис.4.21. Доли соответствующих стран, находящихся под санкциями, в экспорте капитала Германии. Доли стран в экспорте капиталов германских фирм⁹⁵

Главный вывод: Таким образом, финансово-экономические санкции не играют решающей роли в политике «силового принуждения» России, которая преследует радикальные цели. Складывается впечатление, что они выступают «предметом для политического торга», своего рода валютой, за которую Запад надеется выкупить у России принципиальные уступки в её политике. Отсутствие политических компромиссов в такой политике означает, что США и их союзники готовы обменивать финансово-экономические санкции на политические и иные уступки со стороны России также как они это делали в период подготовки и реализации соглашений по СБСЕ в 1970-е и 1980-е годы. Надо признать, что в то время им удалось «обменять» диссидентское движение. Подобные радикальные политические цели — чётко сформулированная и осознанная стратегия США и возглавляемой ими широкой военно-политической коалиции, — которые не были достигнуты в конце 90-х годов прошлого века, хотя считалось, что все предпосылки для этого были сформированы. Приход к власти В.В. Путина изменил ситуа-

цию, которая стала развиваться постепенно в обратном направлении, и привела во втором десятилетии к возвращению России в качестве самостоятельного центра силы в мировую политику.

Эти изменения в мире (как и рост влияния КНР и других центров силы) совершенно не устраивают западную коалицию, которая сформулировала задачу силовыми средствами и способами ликвидировать Россию как активного фактора, участвующего в формировании мировой военно-политической обстановки (ВПО), а затем и как самостоятельного фактора мировой политики.

Надо отчетливо понимать, что подобная цель и политика изначально **не предполагают** сколько-нибудь равноправных договоренностей и компромиссов с Россией, оставляя за переговорами функцию организации односторонних уступок в пользу США и их союзников. США и их союзники планируют политику санкций на долгосрочную перспективу: именно поэтому относительно низкая эффективность санкций и иных мер в 2014–2015 годах не привела к отказу от взятого долгосрочного стратегического курса. Это же означает, что маловероятно ожидать, что санкции будут свёртываться или ограничиваться в более отдаленной перспективе.

В этой связи обращают на себя внимание многочисленные попытки независимых экспертов оценить эффективность западных финансово-экономических санкций для экономики России. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что не они являются главным инструментом силового давления. Так, в частности, швейцарские исследователи в очередной попытке определить эффективность экономических санкций невольно пришли к парадоксальному выводу о том, что из всех санкций только политико-дипломатические мероприятия в ООН и других международных институтах оказались эффективными. (таблица 4.2)

Другими словами, оценивая последствия применения экономических санкций, по сути дела **единственной эффективной санкций, по мнению экспертов, оказались действия в ООН по привлечению сторонников**⁹⁶.

Невольно это признают и в США, где планируется политика «силового принуждения», в рамках которой реализуются финансово-эко-

Таблица 4.2 Попытка оценить эффективность применения санкций (2014–2015 гг.)

Sanctions type	Purpose	Effectiveness	Policy outcome ¹	Sanctions Contribution
<ul style="list-style-type: none"> – Individual sanctions – Diplomatic measures – Suspension of on-going political-economic negotiations – Retraction of support for Russian membership of international organisations 	<p>Coerce Russia to follow international norms in handling the Crimea situation.</p> <p>Constrain Russia from annexing Crimea and undermining the territorial integrity of Ukraine.</p>	<p>Не эффект.</p> <p>Не эффект.</p>	<p>1/5, Russia did not withdraw its military forces and did not follow international norms with regard to secession.</p> <p>1/5, Russia proceeded quickly with the annexation of Crimea, both militarily and politically (through the referendum process).</p>	<p>1/5, Russia was not intimidated by the threat of sanctions and appeared resolved to accept their potential costs.</p> <p>1/5, Russia was not constrained by the threat of sanctions and appeared willing to accept their potential economic and financial costs. Russia did not stop supporting activities leading to annexation of Crimea and on 27 February Russian servicemen took the Crimean parliament building in Simferopol.</p>
Threat Phase 23 Feb–15 Mar 14	<p>Signal the violation of the international norm of territorial integrity to an international audience, and signal the interests of the EU and US in the matter to Russia, with specific reference to the 1994 Budapest Memorandum on Security Assurances.</p>	Не эффект.	<p>4/5, Signals to Russia and the international community were clearly articulated and Russia was stigmatised by the diplomatic restrictions applied, particularly by the threat of cancellation of the G8 meeting in Sochi. There was some uncertainty about the strength of resolve (and possibly degree of coordination) between the EU and the US, but the explicit threats of sanctions strongly signalled international commitment to defend the Budapest Memorandum and established a negotiations stance of not-accepting the annexation attempt.</p>	<p>2/5, Diplomatic measures (G8), suspension of negotiations, and retraction of support for Russian membership in international organisations were more significant to the outcome than the threat of sanctions.</p>

<p>First Episode 15 Mar–15 Jul 14</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Individual and Diplomatic – Travel ban and assets freeze – The US maintained diplomatic sanctions, limiting the travel of designated diplomatic or government personnel 	<p>Coerce Russia to negotiate a resolution of the crisis with the government of Ukraine, withdraw from eastern Ukraine, and cooperate with international organisations (particularly the OSCE).</p> <p>Constrain Russian capacities to annex and absorb Crimea (raising the costs) and from further territorial expansion in eastern Ukraine.</p> <p>Signal concern about the violation of the international norm of territorial integrity to an international audience, and signal the continued interests of the EU and US in the matter to Russia.</p>	<p>Не эффект.</p> <p>Смешанный эффект</p> <p>Эффективный</p>	<p>2/5, High-level talks to negotiate a resolution of the conflict were initiated in April and continued under the normandy Format in both June and July, but there was only limited disengagement of Russian forces in eastern Ukraine and limited cooperation with the OSCE (allowing some observers into the region).</p> <p>3/5, Costs to the Russian economy are visible and there is some evidence of Russian restraint (recognition of the Poroshenko election results and revoking parliamentary authorisation for use of Russian military forces in Ukraine).</p> <p>4/5, norms are clearly articulated, additional countries begin to apply restrictive measures, and UN General Assembly passes resolution 68/262 reaffirming Ukraine's territorial integrity.</p>	<p>Second Episode 16 Jul 14–10 Mar 15</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Individual sanctions remained and increased in number. – Diplomatic restrictions continued. 	<p>3/5, Sanctions were applied in conjunction with strong diplomatic efforts, first under the OSCE and later with the US before the 4-party arrangement (normandy Format) was established. There were also some efforts to aid Ukraine financially and militarily.</p> <p>3/5, The application of individual measures and uncertainty about future sanctions affected the Russian economy, but diplomatic initiatives in Geneva, normandy and Berlin, and improvements in Ukrainian military performance on the ground, also contributed to the constraint.</p> <p>3/5, Sanctions reinforced diplomatic efforts (both statements and negotiations), as well as international stigmatisation from the adoption of UN General Assembly Resolution 68/262 reaffirming Ukraine's territorial integrity.</p> <p>3/5 Russia reduced its support for the Donbass separatists after the downing of MH17, however separatists retained sufficient strength to overpower the Ukrainian army in Donetsk in January 2015. Sanctions were frequently brought up in negotiations, suggesting that sanctions played a role in the talks. Ukrainian military advances in August 2014 were also important.</p> <p>3/5, Following the downing of MH17 and imposition of sectoral sanctions, there was a noted de-escalation of fighting in Eastern Ukraine, with reports of heavy weaponry being removed from Donbass. Crash investigators were eventually granted access to the crash site. Nevertheless, pro-Russian separatists captured the remains of the strategically-important Donetsk airport in a renewed offensive which violated the terms of the Minsk 1 Agreement. Russia reluctantly agreed to a second round of Minsk negotiations.</p>
---------------------------------------	---	---	--	---	---	--	---

номические санкции. По этому поводу достаточно откровенно сказал Госсекретарь США М. Помпео на слушаниях в конгрессе страны в июле 2018 года после встречи Д. Трампа и В. Путина в Хельсинки. На них М. Помпео пытался убедить сенаторов, что политика администрации и лично президента США едина. В первую очередь это касается жесткого курса в отношении России. «Все санкции, которые были введены, каждый шпион, который был выслан,— это было сделано под руководством президента»,— подчеркнул госсекретарь. Он напомнил, что администрация Трампа ввела к настоящему времени санкции в общей сложности в отношении 213 российских юридических и физических лиц.

В ходе выступления госсекретарь несколько раз повторил, что американская администрация во главе с президентом Дональдом Трампом действует в отношении России чрезвычайно жестко, но открыта для диалога. «Президент Трамп считает, что двум великим ядерным державам не следует иметь столь конфронтационные отношения. Это отвечает не только нашим интересам, но и интересам всего мира»,— сказал госсекретарь. В то же время он подчеркнул, что подход администрации не меняется: **«Непрерывно увеличивать последствия за агрессию до тех пор, пока Владимир Путин не начнет проводить менее конфронтационную внешнюю политику, при этом оставляя двери открытыми для диалога»**⁹⁷. Другими словами, для «отступления» от внешнеполитического курса, которые вполне можно назвать политической капитуляцией.

4.2. Действия США и их союзников по ЕС в 2016–2018 годах против России

Стратегия эскалации санкций параллельно с заявлениями о необходимости нормализации отношений представляет собой политику «силового принуждения», которая, по мнению США, находится под контролем, т.е. эскалация силового противоборства развивается в рамках тех границ, которые заранее **обозначены США**. В проекте

сенаторов 2 августа 2018 года эти границы были отмечены чётко в первых 6 параграфах о сдерживании политики России. И в этом проект очень точно соответствовал заявленной стратегии национальной безопасности⁹⁸.

На мой взгляд, такая политика очень выгодна США, которые решают когда, где и в каких масштабах усиливать давление, и **совершенно не выгодна России, потому что лишает её инициативы и возможности действовать на других направлениях**. Так, например, в тех областях, которые могут быть болезненны для США, — в отдельных регионах планеты или на отдельных направлениях. Инициатива, выбор времени, области, средств и мер остаётся у США и их союзников. Эти действия хорошо иллюстрирует процесс развития политики санкций США. (Рис. 4.22 ⁹⁹)

Таким образом, тактика реализации «силового принуждения» заключается в сочетании эскалации всех форм силового давления с демонстрацией готовности пойти на переговоры (с неизвестным результатом) в случае уступки со стороны России. Расчёт делается на то, что огромные ресурсы США и их союзников смогут заставить правящую элиту России принять навязываемые её «нормы поведения» в мире и внутри страны.

При этом у США **ЕСТЬ** серьёзные основания рассчитывать на эффективность такой политики в силу очевидного несоответствия национальных ресурсов. Так, при совокупных расходах на военные цели США в 2019 году в 886 млрд. долл.¹⁰⁰ (включая сопутствующие расходы МО) и быстрому росту военных расходов союзников по широкой коалиции, соотношение сил в мире и с Россией будет настолько не в нашу пользу (примерно 25:1), что Россия будет просто вынуждена, в конечном счёте, шаг за шагом уступать Западу.

Надо понимать, что такой приём — «уступка за уступкой», применявшийся по отношению к СССР и России прежде, давал определённые результаты. В этом смысле политика США остаётся прежней: зачем менять тактику, если прежняя доказывала не раз свою эффективность. Таким образом, надо признать, что санкционная политика США в отношении России:

- имеет долгосрочный характер, не зависящей от личности или партийной принадлежности;
- последовательна на протяжении длительного периода времени;
- системна, включает самые разные направления деятельности;
- доказала свою определённую эффективность прежде,
- по своему, «по-американски», принципиальна, опирается на систему взглядов правящей элиты, нормативные документы, конкретные действия;
- и предсказуема.

В этих условиях реализации внешней политики США по отношению к России не стоит надеяться, что она будет заменена самостоятельно на другую политику, в частности, политику сотрудничества. Подобные надежды только запутывают общественное мнение и правящую элиту. России предстоит исходить из того, что политика «силового принуждения» будет усиливаться. Более того, эта эскалация продлится бесконечно долго, если правящая элита России будет по-прежнему сохранять установку на возвращение суверенитета.

Новый шаг, предпринятый 2 августа 2018 года группой американских сенаторов, которые предложили законопроект, предусматривающий ужесточение санкций против РФ, в совершенно конкретных целях, о которых говорится открыто: «Наша цель — изменить статус-кво и ввести сокрушительные санкции против **России Путина**, пока он не прекратит и не откажется от вмешательства в избирательный процесс в США, от кибератак против инфраструктуры США, выведет российские войска с Украины, прекратит попытки создавать хаос в Сирии», — заявил один из авторов законопроекта сенатор Линдси Грэм.

Обращают на себя внимание те меры, которые не относятся к экономическим санкциям, но вписываются в систему мер политики «силового принуждения». Так, проект предусматривает введение новых, а именно **политических санкций против российских официальных лиц, олигархов и прочих лиц, а также по сути дела всей страны**, которые якобы «способствуют противоправной и коррумпированной деятельности, прямым и опосредованным образом».

Кроме этого, речь идет о запрете транзакций, связанных с суверенным долгом РФ, о санкциях против инвестиций в энергетические проек-

ты, поддерживаемые Россией или структурами с участием российского государственного капитала; о запрете гражданам США участвовать в нефтяных проектах в России.

Сенаторы предложили вводить «секторальные санкции» против любого жителя РФ, который мог бы поддерживать враждебную киберактивность или способствовать таковой.

Также сенаторы считают необходимым оказывать давление на власти России, чтобы они «прекратили подрывать международные усилия по расследованию атак с использованием химоружия». При этом конгрессмены также призвали «наказывать российское правительство за производство и использование химического оружия».

Помимо этого, проект предусматривает изучение госсекретарем США того, соответствует ли Россия критериям государства-спонсора терроризма, а также предлагается сформировать центр по борьбе с гибридными угрозами, который занимался бы подготовкой к отражению различных угроз, исходящих от России, и создать специальный фонд по противодействию влиянию России.

В проекте говорится о том, что США должны продемонстрировать энергичную поддержку НАТО, снизить зависимость ряда членов альянса от российского военного снаряжения, и принять положение, согласно которому США могут покинуть НАТО только в случае одобрения этого шага со стороны двух третей сената.

Кроме того, любое противодействие политике «силового принуждения» США может рассматриваться ими как **основание для самых жестких санкций**. Именно так следует оценивать действия США в отношении М. Бутиной. Арест в Вашингтоне россиянки Марии Бутиной наносит серьезный ущерб отношениям России и США. Вопрос выходит за рамки чисто дипломатических отношений. Американцы посылают сигнал, что любой россиянин, имеющий дело с США, может оказаться за решеткой. Что его электронная почта и записи в социальных сетях могут стать компроматом. Что лучше сидеть тихо, избегать встреч, разговоров и вообще не рыпаться. Особенно когда джентльмены из высших кругов выясняют отношения¹⁰¹.

Для двух стран это гораздо опаснее политических кризисов. Ведь в современном мире с его мобильностью и открытостью ткань

отношений выстраивается на низовом уровне и выходит за рамки официальной дипломатии. По сути дела любой гражданин России, даже находящийся за пределами США (например, в Греции) может стать объектом уголовного и политического преследования. Американская юрисдикция публично распространяется на всю правящую элиту России.

Эти же санкции наносят удар и по сотрудничеству в самом широком смысле слова, к которому уже привыкли за последние 25 лет. Ученые, деятели культуры, бизнесмены, студенты и общественные деятели свободно общались с представителями властей, политических партий и движений с обеих сторон. Это был полезный, честный и интересный диалог, позволявший лучше понять и узнать друг друга, выйти за рамки стереотипов, пропаганды, мифов, клише, а подчас и откровенной лжи. Участников этого диалога было немного. Но именно в нем была жизнь, возможность свободно и творчески обсуждать общие проблемы. Такую роскошь вряд ли могут позволить себе действующие дипломаты. Поэтому деятельность экспертного и гражданского трека была важнейшей подпиткой для официальной дипломатии, как в России, так и в США.

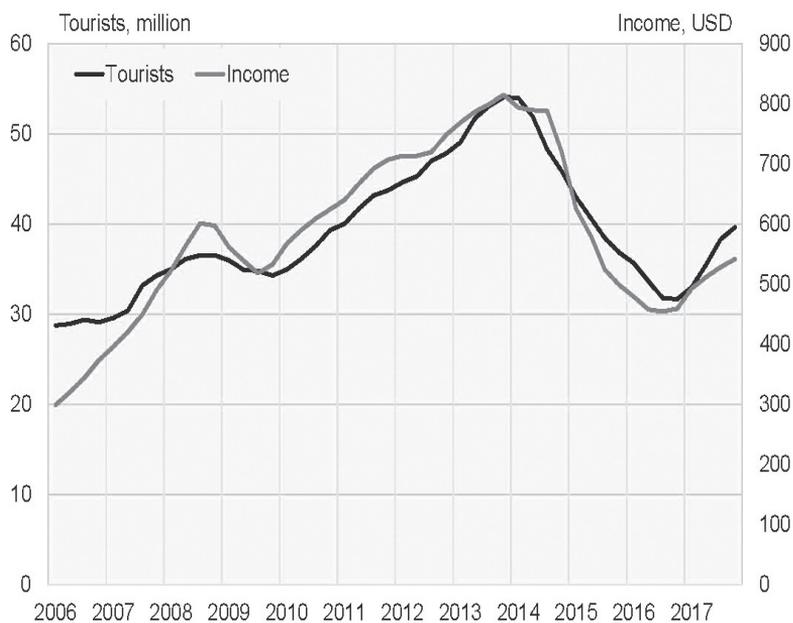

Рис. 4.23. Ежемесячный туризм и доходы России¹⁰²

Закрывая официальные каналы и контакты, санкции предназначаются для изоляции России в той степени, в которой это не удалось сделать с помощью американской дипломатии. Это отчётливо показывают тренды, иллюстрирующие туризм в Россию, которые свидетельствуют об эффективности антироссийской пропаганды, как минимум, в краткосрочной перспективе. Именно в период 2014–2017 годов количество туристов, приезжающих в Россию, сократилось на 20 млн. человек, каждый из которых может рассматриваться в качестве «маленького генератора» информации о России.

Примечательно, что США законодательно распространяют действие закона о санкциях фактически на всех граждан России, работающих или сотрудничающих с государственными институтами. Так, например, в известном законе от 2 августа 2017 года, говорится следующее:

«§231. НАЛОЖЕНИЕ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ВОВЛЕЧЁННЫХ В СОВМЕСТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С РАЗВЕДКОЙ ИЛИ ВОЕННЫМИ ВЕДОМСТВАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

(а) ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

После 180 дней включительно с даты вступления в силу настоящего Закона Президент может применить 5 и более санкций, описанных в § 235, если Президент определил, что данное лицо с даты вступления в силу Закона или после вовлечено **в тесное сотрудничество с лицом, являющимся членом, действующим в интересах или от имени военного ведомства или разведки правительства Российской Федерации, включая Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации или Федеральную службу безопасности Российской Федерации** (подч. — *А.П.*).

Иными словами, любое сотрудничество с МО РФ гражданина России может стать основанием для проведения против него санкционной политики, наносящей ущерб (фактически не ограничено) его правам, имуществу и свободе. Тем самым создается изначально «общий фон» для поведения российской общественности и правящей элиты

в отношении тех приоритетов и целей политики США, о которых будет сказано ниже.

В целом США и ЕС удалось создать относительно универсальную систему для реализации политики «силового принуждения» России и использования самого широкого спектра санкций в будущем, которая неизбежно будет совершенствоваться и дополняться.

Санкционные режимы США и Европы в отношении России

Таблица 4.3 Санкционные режимы США и Европы в отношении России

	США	Европа
1. Правовое регулирование	<p>Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA), PL 115-44, International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), 50 U.S.C. §§ 1701-1706, National Emergencies Act (NEA), 50 U.S.C. §§ 1601-1651</p> <p>Code of Federal Regulations, Federal Register notices,</p> <p>А также исполнительные указы Президента (например, Executive Order 13685 Blocking Property of Certain Persons and Prohibiting Certain Transactions with Respect to the Crimea Region of Ukraine (December 19, 2014) 13662 – Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine (March 20, 2014)</p>	<p>Базовые принципы использования ограничительных мер (санкций), принятые решением Совета Европы от 07.06.2004</p> <p>Раздел IV Договора о функционировании ЕС (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.)</p> <p>Решения и постановления ЕС: например, Council Regulation EU N 833/2014 о применении экономических санкций по отношению к России.</p>
2. Компетентный орган	<p>Управление по контролю за иностранными активами (OFAC, Office of Foreign Assets Control) Казначейства США.</p> <p>BIS (Bureau of Industry and Security) выносит Export Administration Regulation</p>	<p>Совет Европейского Союза</p>

	США	Европа
<p>3. Виды санкций</p> <p>3.1. Блокирующие (на примере санкций против РФ)</p>	<p>SDN (Specially Designated Nationals) — применяются в отношении конкретных физических и юридических лиц, а также объединений и организаций, с которыми запрещается сотрудничество и совершение операций с каким-либо имуществом или правом на имущество.</p> <p>Отличительной особенностью блокирующих санкций является то, что все имущество и имущественные права лиц, попавших в список SDN, считаются заблокированными и не могут быть использованы. А с участниками такого списка запрещается совершение любых сделок, ни прямо, ни косвенно.</p> <p>Применительно к России блокирующие санкции SDN введены по программе «Украина» и направлены в основном против предприятий оборонно-промышленного комплекса и их руководства, а также ряда российских политиков и иных физических лиц.</p> <p>В настоящее время в список SDN включены: ОАО «НПК Уралвагонзавод», ГСКБ «Алмаз-Антей», Концерн «Калашников», КБ Приборостроения, «Долгопрудненское научно-производственное предприятие» и др.</p> <p>«Правило 50%»: если одному или нескольким лицам, включенным в список лиц особых категорий (SDN), фактически являющимся «черным списком», принадлежит 50% и более юридического лица, то такое юридическое лицо автоматически становится санкционированным. Данное правило распространяется на все американские компании и их дочерние предприятия, фонды прямых инвестиций, находящиеся под управлением американских компаний, а также на граждан и постоянных резидентов США. Правило распространяется на все виды санкций, как блокирующих, так и секторальных.</p>	<p>Решением Совета Евросоюза № 2014/145/CFSP и Регламентом № 269/2014 от 17.03.2014 введены персональные санкции в отношении 21 гражданин РФ, которые по мнению Евросоюза причастны к подрыву территориальной целостности Украины и угрожают ее суверенитету.</p> <p>В отношении данных лиц вводятся следующие меры:</p> <ul style="list-style-type: none"> – запрет на въезд на территорию ЕС – «заморозка» активов, находящихся на территории ЕС – запрет на удовлетворение требований по любым сделками, исполнение которых было связано с «замороженными» активами, причем данный запрет действует как на лиц, поименованных в санкционном списке, так и на юридических лиц, действующих от их имени. Дата возникновения таких требований имеет значение, поскольку они могут быть удовлетворены, если появились до введения соответствующих санкций (17 марта 2014 года). <p>В Перечень санкционированных юридических лиц попали такие российские организации, как Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, ВЭБ и Россельхозбанк.</p> <p>Санкции распространяются на все дочерние общества с долей владения санкционированными финансовыми институтами более 50%, зарегистрированные в России или в оффшорных зонах, но при этом не относятся к зарегистрированным на территории ЕС дочерним обществам данных финансовых институтов.</p> <p>Действие «персональных» санкций:</p> <ul style="list-style-type: none"> – на территории ЕС; – на бортах воздушных судов и кораблей, находящихся под юрисдикцией стран-членов ЕС; – на граждан и резидентов стран-членов ЕС; – на юридических лиц, зарегистрированных или созданных в соответствии с законодательством стран-членов ЕС на территории и за пределами территории Европейского союза. <p>Прямое действие санкций: для их применения не обязательно наличие судебного решения, а любая организация, в том числе банки, вправе применить данные санкции самостоятельно со ссылкой на соответствующий правовой акт.</p>

	США	Европа
<p>3.2. Секторальные (на примере санкций против РФ)</p>	<p>SSI (Sectoral Sanctions Identifications) — меры, ограничивающие совершение ряда сделок и операций в отношении компаний определенных секторов экономики.</p> <p>В отличие от блокирующих санкций при введении секторальных санкций имущество и имущественные права участников списка SSI не считаются заблокированными.</p> <p>Секторальные санкции OFAC (на примере санкций против РФ) предусмотрены в следующих секторах экономики:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Банковский сектор <ul style="list-style-type: none"> – ограничен доступа на внешний рынок ценных бумаг для ряда юридических лиц – введен запрет на предоставление им финансирования, операции с ценными бумагами таких лиц со сроком обращения более 30 / 90 * дней 2. Оборонный сектор <ul style="list-style-type: none"> – введен запрет импорта и экспорта вооружений и сопутствующих материалов, товаров и услуг двойного назначения из/в Россию 3. Энергетический сектор <ul style="list-style-type: none"> – введен запрет экспорта в Россию товаров, услуг или технологий, связанных с разведкой и добычей нефти на Арктическом шельфе, глубоководной добычей, со сланцевыми проектами (энергетический сектор) <p>В настоящее время в список SSI включены: Сбербанк, Внешэкономбанк, Госкорпорация «Ростех», Газпромнефть, Роснефть и др.</p> <p>Действие секторальных санкций распространяется на конкретных лиц, ведущих деятельность в определенных секторах экономики, а также на компании, находящиеся в собственности или под контролем таких лиц.</p> <p>«Правило 50%»: если одному или нескольким лицам, включенным в список лиц особых категорий (SDN), фактически являющимся «черным списком», принадлежит 50% и более юридического лица, то такое юридическое лицо автоматически становится санкционированным.</p> <p>Данное правило распространяется на все американские компании и их дочерние предприятия, фонды прямых инвестиций, находящиеся под управлением американских компаний, а также на граждан и постоянных резидентов США. Правило распространяется на все виды санкций, как блокирующих, так и секторальных.</p>	<p>Решением Совета Европейского союза № 2014/512/CFSP и Регламентом № 833/2014 от 31.07.2014 были введены «секторальные» санкции, затрагивающие три сферы промышленности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Банковский сектор: <ul style="list-style-type: none"> – установлен запрет лицам ЕС покупать, продавать, предоставлять брокерские услуги, а также оказывать любой вида помощи при выпуске и обороте ценных бумаг, иных финансовых инструментов со сроком погашения более 90 дней, выпущенных после 01.08.2014, некоторым российским кредитным организациям (в частности, данные ограничения были введены против Сбербанка, ВТБ Банк, Газпромбанк, а также в отношении организаций, 50 % акций которых принадлежат лицам, попавшим в санкционный список – установлен запрет на покупку, продажу инвестиционных услуг, а также оказание любого вида помощи при выпуске и обороте ценных бумаг, иных инструментов денежного рынка со сроком <ul style="list-style-type: none"> – погашения более 30 дней (данные ограничения касаются не только кредитных, но и оборонных предприятий и крупнейших нефтяных компаний) 2. Оборонный сектор: <ul style="list-style-type: none"> – установлен запрет на покупку, продажу, трансфер, экспорт оружия и боеприпасов в Россию лицами ЕС, а также запрет на экспорт товаров двойного назначения (товары, которые могут быть применены как в мирных целях, так и при создании <ul style="list-style-type: none"> – оружия массового уничтожения) и технологий для военного использования 3. Энергетический сектор: <ul style="list-style-type: none"> – введена процедура лицензирования сделок с РФ в отношении товаров и технологий, предназначенных для добычи и разведки нефти и других полезных ископаемых (Приложение № 2 к Регламенту № 833/2014)

	США	Европа
4. Специальные положения	<p>OFAC может авторизовать некоторые виды сделок, которые по общему правилу являются запрещенными, путем выдачи генеральной и специальной лицензий. Данные лицензии позволяют исключить определенные виды деятельности из-под действия санкций. Например, согласно Executive Order 13662 посредством выдачи генеральной лицензии разрешено заключать следующие сделки:</p> <ul style="list-style-type: none"> – экспорт и реэкспорт конкретных товаров с/х назначения, лекарственных препаратов, медицинского оборудования, запасных частей из США или физ./юр.лицом США на территорию Крыма как части Украины – личные некоммерческие денежные переводы лицом США на или с территории Крыма; – экспорт и реэкспорт конкретных услуг и ПО из США или лицом США на территорию Крыма как части Украины <p>Специальные лицензии (specific licenses) предоставляются в конкретном случае путем подачи заявления в OFAC's Licensing Division</p>	<p>Отдельными правовыми актами могут быть предусмотрены исключения в виде ограничения действия санкций при осуществлении конкретных операций. Например, согласно Решению Совета Евросоюза № 2014/386/CFSP:</p> <ul style="list-style-type: none"> – запрет на импорт товара из Крыма и Севастополя не распространяется на исполнение договоров, заключенных до 25.06.2014; на особые товары, предназначенные для научных исследований, проводимых в Украине, для которых льготные условия предусмотрены Регламентами № 978/2012 и 374/2014 и Соглашением Евросоюза об ассоциации с Украиной от 01.09.2017 – запрет на въезд на территорию ЕС может быть временно снят для лица, включенного в санкционный список, если целями его поездки являются: срочные гуманитарные нужды, участие на встречах, которые организует ЕС или государство-член ОБСЕ, где главными темами политического диалога являются: продвижение ограничительных мер (санкций) и поддержка независимости и территориальной целостности Украины – предусмотрены исключения в отношении «замороженных» активов лиц, попавших в санкционные списки: компетентные органы государства-члена ЕС могут «разморозить» соответствующие активы в случаях, если такие активы необходимы для удовлетворения основных потребностей лиц, попавших в санкционный список и зависимых членов их семьи. Под такими потребностями может подразумеваться: покупка продуктов питания, оплата кредитов, покупка лекарств и оплата медицинского лечения, уплата налогов, страховых выплат
5. Ответственность	<p>Например, согласно Executive Order 13662: Civil monetary penalties of up to the greater of \$250,000 or twice the amount of the underlying transaction may be imposed administratively against any person who violates, attempts to violate, conspires to violate, or causes a violation of E.O. 13660, E.O. 13661, E.O. 13662, E.O. 13685, or the Regulations . Upon conviction, criminal penalties of up to \$1,000,000, imprisonment for up to 20 years, or both, may be imposed on any person who willfully commits or attempts to commit, or willfully conspires to commit, or aids or abets in the commission of a violation of E.O. 13660, E.O. 13661, E.O. 13662, E.O. 13685, or the Regulations .</p>	<p>ЕС полагается на национальные правительства в вопросе наказания физических и юридических лиц, нарушающих режимы санкций, путем взыскания денежных штрафов вплоть до тюремного заключения. Размер штрафов и срок тюремного заключения зависит от национального закона государства-члена ЕС.</p>

Вместе с тем, политика санкций США и её стратегия эскалации не абсолютны. В определенных случаях, когда это затрагивает интересы США, они могут и не приниматься или даже отменяться. Так, в июле, в связи с принятием военного бюджета на 2019 ф.г., США не пошли на перенесение санкций на страны, покупающие оружие у России. Разрешилась ключевая интрига, связанная с попытками США убедить другие страны отказаться от военно-технического сотрудничества с Россией: республиканцы и демократы в Конгрессе нашли компромисс по вопросу о вводе санкций в отношении государств, закупающих оружие у Москвы. Согласованная в ночь на вторник версия закона об ассигнованиях на национальную оборону на 2019 год разрешает не вводить ограничительные меры в отношении трех стран, закупающих российские вооружения и технологии, — Индии, Вьетнама и Индонезии. Для остальных партнеров России поблажек не будет, а давление на одну из стран — Турцию — решено усилить превентивно.

Вводить ограничения в отношении стран, закупающих российское оружие, власти США обязал принятый в 2017 году по инициативе Конгресса закон «О противодействии противникам США посредством санкций» (CAATSA). Однако администрация президента Дональда Трампа на протяжении нескольких месяцев пыталась отстоять право самостоятельно решать, кого наказывать, а кого нет. Среди стран, наказание которых в Белом доме считают контрпродуктивным, глава Пентагона Джеймс Мэттис не раз называл как раз Индию, Вьетнам и Индонезию. Власти США пытаются сами активно развивать отношения с этими государствами, в том числе в военно-технической сфере, и опасаются, что санкции подорвут этот процесс.

По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), в 2013–2017 годах доля США на мировом рынке экспорта вооружений составляла 34%, а России — 22%, что означает только одно — постепенное вытеснение российского ОПК с мирового рынка с помощью самых различных санкций, прежде всего, ограничивающих закупки за рубежом российских ВВСТ. В 2018 году мы стали свидетелями открытого внешнего давления не только на Турцию, но и Индию и даже КНР со стороны США, налагавших санкции на эти страны за закупки современных и дорогих вооружений и военной техники.

4.2.а). Нереально малое значение экономических санкций против России в политике Запада

Уже было сказано, что «политика экономических санкций» отражает только один из аспектов (а именно не военный) стратегии США и их союзников, получившей очень точное название политики «силового принуждения». Их реальное значение в отношениях США и стран ЕС с Россией — не такое значимое, о котором, как правило, говорят сегодня. Именно с этой точки зрения её и следует рассматривать, не абсолютизируя их значение.

Это объясняется вполне объективными причинами: для США и стран ЕС значение экономических отношений с Россией значительно, качественно ниже, чем политических и военных. Так, доля России в экспорте стран ЕС в 2013–2015 годы была (за исключением некоторых стран) ниже среднего уровня по ЕС в 2,8%.

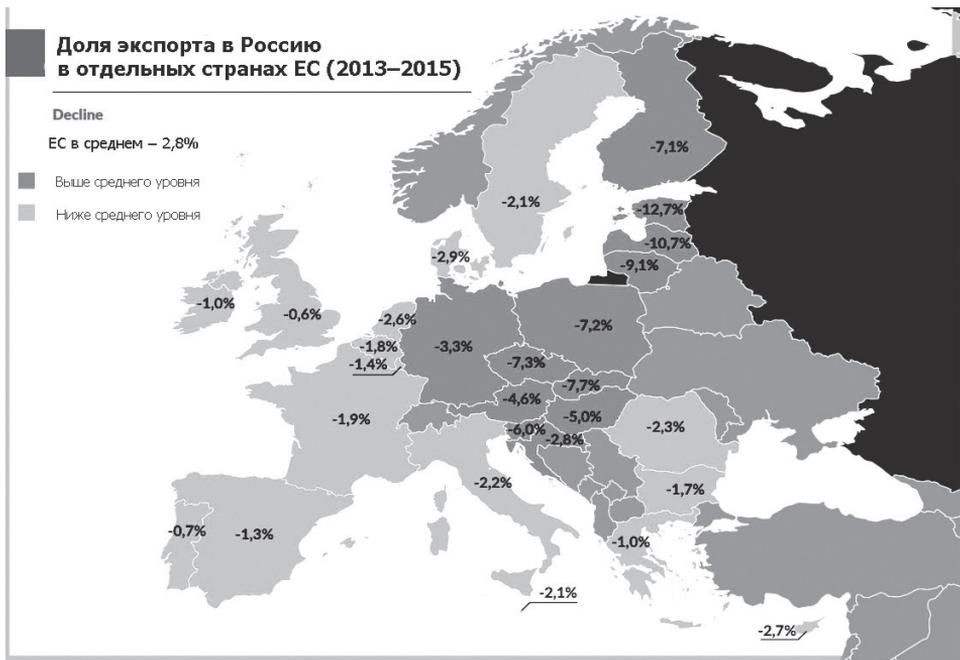

Рис.4.24 Доля экспорта в Россию в отдельных странах ЕС (2013–2015)

Другими словами, значение России в торговле стран ЕС достаточно небольшое и очень слабо влияет на принимаемые политические решения. Для некоторых стран ЕС и Европы падение экспорта в Россию в части областей было достаточно заметным, но в масштабах общего объема внешней торговли говорить об их сильном влиянии не приходится. Иногда представители тех или иных пострадавших секторов могут говорить о резком падении — это в действительности так, — но для общей картины внешней торговли эти явления не стоит преувеличивать. Представление о падении объемов внешней торговли по отдельным группам товаров дают следующие данные:

В таблице ниже показано изменение экспорта стран ЕС между 2013 и 2015 годами в соответствии с классификацией международных стандартов (СИТС). Так, наиболее пострадавшей оказалась категория № 4 (животные и растительное масло) и категория № 0 (продовольствие), которые стали результатом российских контрсанкций.

Таблица 4.4 Экспорт в Россию из стран ЕС по группам товаров¹⁰³

EU MEMBER STATE	SITC 0	SITC 1	SITC 2	SITC 3	SITC 4	SITC 5	SITC 6	SITC 7	SITC 8	SITC 9
AUSTRIA	-55%	-10%	21%	3%	-86%	-29%	43%	43%	-39%	104%
BELGIUM (and LUXBG ->1998)	-72%	74%	-2%	40%	-93%	-35%	48%	-50%	42%	-52%
BULGARIA	6%	-36%	68%	-19%	3%	-30%	-39%	-36%	-33%	-85%
CYPRUS	-100%	-100%	42%	NA	236%	-26%	-92%	-10%	37%	-65%
CZECH REPUBLIC (CS->1992)	-5%	-38%	15%	40%	45%	-13%	-22%	43%	-15%	79%
GERMANY (incl DD from1991)	47%	-33%	-32%	43%	-83%	-20%	-32%	47%	-39%	7%
DENMARK	-78%	89%	-26%	-39%	-99%	-30%	-28%	43%	-23%	-23%
ESTONIA	-67%	-48%	-26%	-11%	33%	-25%	48%	48%	48%	-48%
SPAIN	-70%	47%	50%	-54%	48%	-26%	-31%	-53%	-16%	3%
EU28	-62%	-29%	-32%	44%	-66%	-21%	-33%	43%	-36%	3%
FINLAND	-75%	-56%	-75%	-56%	-59%	-29%	-36%	-37%	-39%	-92%
FRANCE	-59%	48%	47%	9%	-98%	-29%	-33%	47%	42%	353%

EU MEMBER STATE	SITC 0	SITC 1	SITC 2	SITC 3	SITC 4	SITC 5	SITC 6	SITC 7	SITC 8	SITC 9
UNITED KINGDOM	-35%	-29%	-23%	-80%	-66%	-5%	-32%	-33%	-35%	-47%
GREECE	-90%	258%	-34%	190%	-55%	-26%	-11%	-18%	47%	0%
CROATIA	-60%	38%	1281 %	-100%	-96%	-10%	-44%	-63%	35%	36%
HUNGARY	-31%	-61%	-31%	-28%	-100%	-33%	-3%	-56%	-33%	-97%
IRELAND	-82%	-36%	-61%	NA	-100%	14%	-79%	-30%	-11%	44%
ITALY	-46%	-42%	-34%	4%	-60%	-5%	-37%	-32%	-40%	66%
LITHUANIA	-82%	-30%	32%	79%	-57%	23%	-34%	-28%	-30%	-39%
LUXEMBOURG	-34%	54%	-64%	-15%	NA	278%	-52%	-51%	18%	NA
LATVIA	-65%	-34%	19%	35%	-47%	-13%	-40%	-25%	-23%	444%
MALTA	NA	-97%	NA	-100%	NA	522625%	-64%	-42%	-28%	54900%
NETHERLANDS	-52%	-36%	-40%	-59%	-27%	-18%	-25%	-47%	-29%	-37%
POLAND	-71%	-36%	9%	-64%	-69%	-16%	-25%	-39%	-33%	70%
PORTUGAL	-52%	-48%	-19%	938800 %	-21%	-25%	-22%	-47%	-51%	NA
ROMANIA	13%	88%	-5%	0%	NA	-8%	-54%	-27%	-39%	-39%
SWEDEN	-46%	-9%	10%	71%	61%	-33%	-35%	-48%	-30%	336%
SLOVENIA	-27%	-37%	-65%	-84%	-40%	-28%	-19%	-20%	-50%	-81%
SLOVAKIA	-49%	12%	122%	-97%	-99%	-19%	-31%	-45%	-6%	-36%

Red = (<-50%), Brown = (>0%)
The value «NA» refers to cases where no exports occurred both in 2013 and 2015.

Source: Statistical Office of the European Union (EUROSTAT).

Следующая таблица показывает, какое значение те или иные группы товаров стран-членов ЕС имели в их экспорте в Россию. Из нее видно, что первые три группы — машины/оборудование, химические продукты и продукция промышленности (группы 7, 5 и 8) — абсолютно доминировали в экспорте с 2013–2015 годов. Очевидно, что производители этих товаров в ЕС понесли определенные убытки в результате санкций, но масштабы торговли и её снижению не свидетельствуют о радикальных потерях для экономики стран ЕС.

Таблица 4.5 Volume of exports from the EU to Russia in 2013 in EUR by SITC10

SITC	Value
7 — Machinery and transport equipment (машины, транспорт)	56,557,348,182
5 — Chemicals and related products (химические товары)	20,114,612,324
8 — Miscellaneous manufactured articles (промышленные товары)	14,875,524,958
6 — Manufactured goods classified chiefly by material	12,561,319,408
0 — Food and live animals	8,756,432,299
2 — Crude materials, inedible, except fuels	1,741,289,709
3 — Mineral fuels, lubricants and related materials	1,104,684,612
9 — Commodities and transactions not classified elsewhere in the SITC	1,028,463,234
4 — Animal and vegetable oils, fats and waxes	443,080,597
1 — Beverages and tobacco	34,402,226

Примерно аналогичная, даже более «скромная» ситуация наблюдается и в отношениях с США, где обращает на себя внимание то, что Россия не просто не входит в число 15 ведущих торговых партнеров США, но даже и не приближается к ним. Это означает, что внешняя торговля не могла быть и не была с самого начала решающим фактором в развитии санкционной политики Запада в отношении России в 2014–2017 годы. Как видно из таблицы 4.6, оборот торговли США с Россией составлял чуть более половины процента.

Во многом, поэтому следует скептически относиться к самой возможности Запада рассчитывать на радикальное влияние санкций на экономику России. Падение ВВП в 2015–2016 годах в России, как уже говорилось, было, прежде всего, следствием падения цен на нефть и внутренними причинами, связанными с провалами в экономической политике.

Вместе с тем видно, что со стратегической, долгосрочной, точки зрения США и их союзники получают абсолютный выигрыш **в темпах роста ВВП** по сравнению с Россией, которые становятся очень заметны на протяжении, например, 10–12 лет. По разным оценкам, как говорилось, они могут составлять от 5% и выше. Это, можно сказать, главный ожидаемый Западом результат и главное последствие санкций, из которого следует исходить, продумывая стратегию антисанкционных действий России на перспективу.

Таблица 4.6 Торговые партнеры США в 2015 году

Rank	Country	Exports*	Imports*	Total Trade*	Percent of Total Trade
-	Total. All Countries	1.504.90	2.241.10	3.746.00	100.00%
-	Total. Top 15 Countries	1.067.70	1.728.70	2.796.40	74.70%
1	China	116.2	481.9	598.1	16.00%
2	Canada	280.3	295.2	575.5	15.40%
3	Mexico	236.4	294.7	531.1	14.20%
4	Japan	62.5	131.1	193.6	5.20%
5	Germany	49.9	124.1	174.1	4.60%
6	Korea. South	43.5	71.8	115.3	3.10%
7	UK	56.4	57.8	114.2	3.00%
8	France	30.1	47.6	77.7	2.10%
9	Taiwan	25.9	40.7	66.6	1.80%
10	India	21.5	44.7	66.3	1.80%
11	Italy	16.2	44	60.3	1.60%
12	Brazil	31.7	27.4	59.1	1.60%
13	Netherlands	40.7	16.8	57.5	1.50%
14	Belgium	34.1	19.5	53.6	1.40%
15	Switzerland	22.3	31.2	53.5	1.40%
32	Russia	7.1	16.4	23.5	0.63%

* in billion USD. Source: US Census Bureau

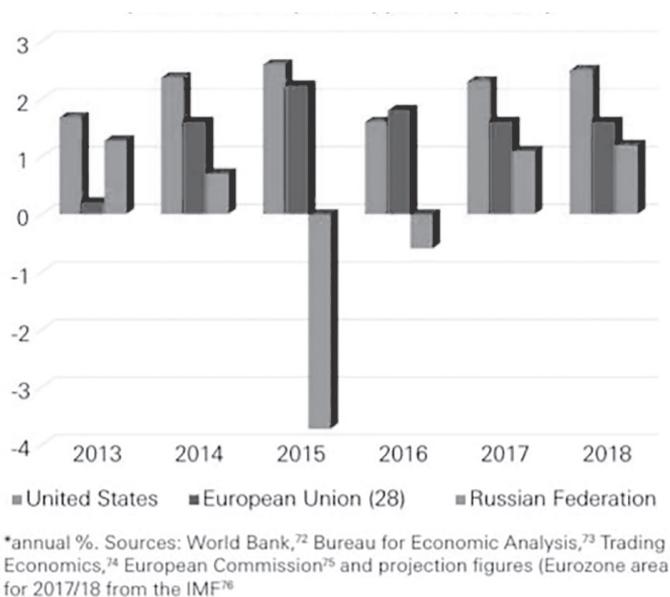

Рис. 4.25. Фактический и прогнозируемый рост ВВП¹⁰⁵

Как видно из данных, приведённых на рис. 4.25, на всём протяжении 5 лет в экономическом развитии Запада и России увеличивался разрыв, сложившийся еще ранее, который после катастрофы 90-х годов консервировал нарастающее отставание России.

4.2.6). Суть реальной санкционной политики Запада

Суть реальной санкционной политики Запада по отношению ко всем странам, включая Россию, заключается в сдерживании их технологического и экономического развития по мере увеличения усилий Запада в этой области. В целом, рассматривая финансово-экономические последствия санкций США и ЕС в отношении России в 2014–2018 годы, можно исходить из следующей концепции, которая характеризует экономические и финансовые санкции США и ЕС:

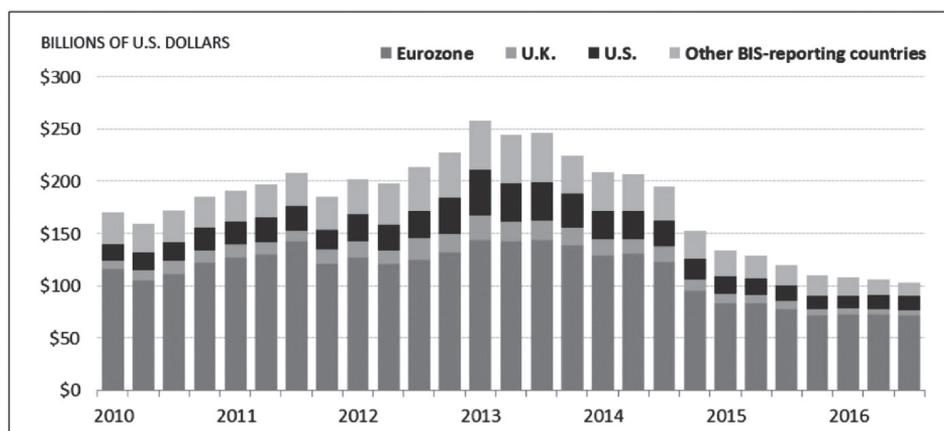
- **во-первых**, экономические, торговые и финансовые санкции составляли только часть (не главную) западной политики «силового

- принуждения». Это означает, что стратегические цели (уничтожение российской государственности) перед ними вообще не ставятся, но они должны стать частью системы мир, разрушающих Россию, которые должны привести к смене правящей элиты и её лидера;
- **во-вторых**, эти экономические санкции являются тактическими, а не стратегическими мерами, что означает только одно — у Запада и США есть и целый спектр других средств и мер, в том числе силовых, включая военных, но прежде всего информационных, имеющих более важное значение (в том числе и тех, которые пока не использовались);
  - **в-третьих**, экономические и торговые санкции преследуют подчиненные цели (а поэтому России и не следует акцентировать внимание на их низкой эффективности);

Частный характер экономических санкций подтверждается тем, что Госдепартамент США 26 октября 2017 года обнародовал новый санкционный (но ограниченный) список. В него попали только 33 российские компании, в подавляющем большинстве из оборонной отрасли, и шесть «разведывательных» организаций. Новые санкции против них ввели с отсрочкой — с 29 января 2018 г., как того требует вступивший в августе с силу закон «О противодействии противникам Америки...» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act). Для попавших в списки это будет выражаться в ограничениях на финансирование и ужесточении визовой политики. Но большинству из них не привыкать — они с 2015 г. уже были под санкциями.

Инвестиции зарубежных стран, прежде всего, прямые инвестиции, — ничтожно малы. В действительности, с начала «перестройки» призывы к Западу о портфельных инвестициях не находили отклика, более того, отток капитал из России в десятки и сотни раз превышал иностранные инвестиции в нашу страну. Только один год за всю историю современной России приток инвестиций превысил их отток из России.

Их общий объем — ничтожно мал для страны, а его сокращение в 2 раза за 2014–2017 годы не имеет сколько-нибудь существенного значения. Причём портфельные, а не спекулятивные инвестиции в Россию вообще никогда не превышали 45 млрд. долл., из которых на Запад приходилось ещё меньше.

Source: Created by CRS using Consolidated Banking Data from the Bank for International Settlements.

Рис. 4.26. Инвестиции зарубежных банков в России

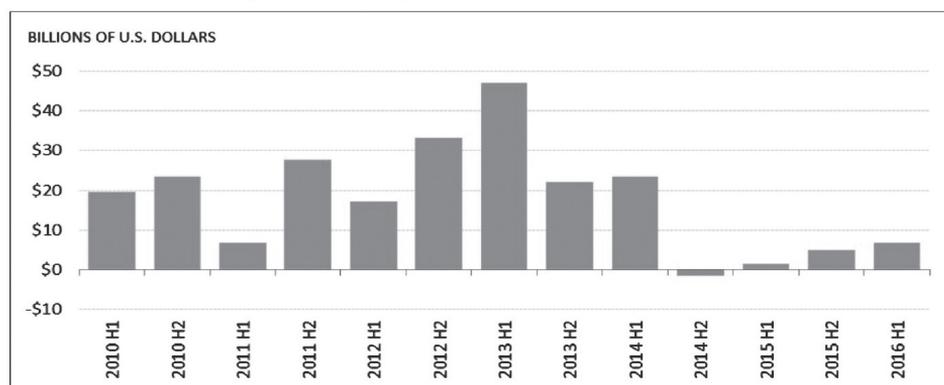

Рис. 4.27. Прямые иностранные инвестиции в России¹⁰⁶

Принципиальное отличие мер, предусмотренных СААТС, в том, что теперь наказание может применяться к любым контрагентам компании из санкционного списка, заключившим с ней существенную сделку. Им грозит ограничение на экспорт товаров из США, запрет на получение любых финансовых услуг в США и привлечение финансирования с участием американских банков и инвесторов, введение ограничений на владение имуществом в США и запрет на выдачу виз на въезд в США руководству компании и ее контрольным акционерам¹⁰⁷.

При этом подпадавшим под санкции будет почти невозможно выйти из-под них. СААТС дает возможность конгрессу заблокировать решение президента о снятии санкций. Такие же условия содержала поправка Джексона — Вэника, которая была принята в разгар холодной войны в 1974 г. и вводила ограничения на торговлю между США и СССР. Поправка была отменена лишь спустя 38 лет.

В соответствии с законом, принятым в августе 2017 года, с 28 ноября 2017 г. предполагалось, что:

- максимальный срок финансирования российских банков, находящихся под санкциями США, будет сокращен до 14 дней, компаний нефтегазового сектора — до 60 дней (ранее 30 и 90 дней соответственно);
- с 30 января 2018 г. должен быть введен запрет на участие, предоставление технологий и услуг в новых проектах подсанкционных нефтегазовых компаний (глубоководные, на арктическом шельфе и трудноизвлекаемые запасы), в которых им принадлежит более 33% (ранее — более 50%). Санкции распространяются на проекты во всем мире, а не только в России, как было ранее. Определения «новых проектов» до сих пор нет;
- в санкционные списки могут быть включены принадлежащие России предприятия железнодорожной, транспортной, металлургической и добывающей отраслей;
- минфин США при участии спецслужб должен представить конгрессменам отчеты о самых влиятельных политиках и бизнесменах России с указанием, например, их близости режиму, участия в коррупционных скандалах, сведений о состоянии и источниках дохода их семей. Президент США получает право ввести санкции:
- в отношении тех, кто инвестирует в строительство, модернизацию или ремонт экспортных российских трубопроводов или поставляет для этих целей продукцию, информацию или услуги единовременно более чем на \$1 млн. или на \$5 млн. в год;
- в отношении иностранных финансовых институтов, уличенных в предоставлении финансовых услуг компаниям и лицам из санкционных списков;
- в отношении лиц, инвестирующих более \$10 млн. или способствующих инвестициям в приватизацию активов в России с целью не-

законного обогащения чиновников правительства страны, их семей и близких.

Президент США обязан ввести санкции:

- в отношении людей, которые ведут вредоносную кибердеятельность в интересах правительства России. А также в отношении лиц, уличенных в предоставлении хакерам материальной, финансовой, технологической поддержки, товаров или услуг, в том числе финансовых;
- в отношении иностранцев, участвовавших в крупных сделках в интересах лиц, имеющих отношение к российской разведке, Вооруженным силам или ФСБ;
- в отношении иностранцев, «на основе достоверной информации» причастных к нарушениям прав человека на территории, контролируемой Россией.

При этом, санкции будут накладываться не автоматически, а по решению президента. Определять, является ли сделка существенной, каждый раз будет госдеп. Он рассмотрит всю совокупность фактов и обстоятельств в каждом конкретном случае, следует из материалов департамента. Госдеп будет учитывать, задевает ли это сотрудничество национальную безопасность США и внешнеполитические интересы страны и сильно ли им вредит. «На первых порах мы сфокусируемся на существенных сделках военного или разведывательного характера. Если сотрудничество <...> носит исключительно гражданский характер, этот фактор будет иметь большое значение для того, чтобы такое сотрудничество не было названо существенным», — говорится в сообщении госдепа. Однако твердого обещания, что гражданские сделки со структурами из списков под санкции не попадут, там нет. Подразумевается, что новые санкции должны охладить пыл, прежде всего, у американских компаний, желающих сотрудничать с российскими структурами из санкционного списка, отмечает руководитель Вашингтонской юридической фирмы Ferrari & Associates Эрик Феррари.

В список госдепа попали компании, на которые приходится более 90% экспорта российских вооружений и не менее 2/3 закупаемых Министерством обороны России вооружений и военной техники, знает

правительственный чиновник. Новые санкции наложены на «Ростех» и аффилированные с госкорпорацией компании — «Ижмех», «Ижмаш», «Калашников», «Сплав», КБП, «Оборонпром», КРЭТ, «Высокоточные комплексы», «Созвездие», «Вертолеты России», «Базальт», Объединенную приборостроительную корпорацию, «Уралвагонзавод», РТИ, «Молот-оружие» и Объединенную двигателестроительную корпорацию (ОДК).

Еще шесть компаний входит в АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей» (он сам, а также Долгопрудненское НПО, Завод им. Калинина, Мытищинский машиностроительный завод, НИИП имени Тихомирова и «Новатор»). Подпавшие под санкции «Сухой», «МиГ» и «Туполев» входят в принадлежащую государству Объединенную авиастроительную корпорацию (ОАК). В списке оказались «Адмиралтейские верфи», входящие в Объединенную судостроительную корпорацию, и НПО машиностроения, входящее в корпорацию «Тактическое ракетное вооружение». Кроме того, в списке спецслужбы — Служба внешней разведки, ФСБ и Главное управление Генерального штаба Вооруженных сил России (ГРУ).

С точки зрения масштабов и выручки главных российских концернов ОПК, они в разы уступают западным корпорациям, но не их экономическое, а военно-политическое значение играет при наложении санкций решающую роль. Так, Концерн ВКО «Алмаз-Антей» до 2018 года был лишь 11-й в рейтинге ведущих оборонных предприятий (с 2018 года — 8), но его продукция — системы ПРО и ПВО — гарантируют суверенитет и безопасность, т.е. независимость от США и Запада других стран. Это очень наглядно продемонстрировала ситуация в Югославии, Ираке, Ливии и Сирии.

Тем не менее, за последние 3 года экспорт ВВСТ России увеличился, по оценке, сделанной С. Шойгу в августе 2018 года, на 11%, что свидетельствует, как минимум, о бесперспективности вытолкнуть России с этого рынка. Более того, в 2018 году Концерн ВКО «Алмаз-Антей», например, переместился с 11 места в мировом рейтинге производителей ВВСТ на 8-е в условиях ужесточения санкций.

В реальности для российских компаний ОПК есть три большие проблемы:

	КОМПАНИЯ	ВЫРУЧКА ОТ ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В 2016 Г., \$ МЛРД	ДОЛЯ ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ОБЩЕЙ ВЫРУЧКЕ, %
1	Lockheed Martin	43,47	92
2	Boeing	29,5	31
3	BAE Systems	23,6	91
4	Raytheon Company	22,4	93
5	Northrop Grumman	20,2	82
6	General Dynamics	19,7	63
7	Airbus	13,3	17
8	L3 Technologies	8,88	84
9	Leonardo	8,53	64
10	Thales	8,36	50
11	Алмаз-Антей	7,4	100
...14	Объединенная авиастроительная корпорация	5,6	80
...32	Корпорация «Тактическое военное вооружение»	2,87	98
...45	Уралвагонзавод	1,58	71
...50	Концерн «Радиоэлектронные технологии»	1,37	65
...86	РТИ	0,66	75

* КОМПАНИЯ «ВЕРТОЛЕТЫ РОССИИ» НЕ ПОПАЛА В РЕЙТИНГ, ТАК КАК НЕ ПРЕДОСТАВИЛА ДАННЫЕ О ВЫРУЧКЕ ОТ ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЗА 2016 Г.
ИСТОЧНИК: DEFENSE NEWS

Рис. 4.28. Крупнейшие мировые производители вооружения

Во-первых, существенными сделками могут быть признаны поставки российских вооружений в страны, имеющие тесные связи с США. Это поставит под угрозу такие проекты, как поставки комплексов С-400 и других вооружений Турции, Саудовской Аравии и Катару.

Во-вторых, российские системообразующие госбанки, в первую очередь ВТБ и Сбербанк, работающие с отечественными оборонно-промышленными предприятиями, могут сами оказаться под угрозой санкций.

В-третьих, санкции повлияют на некоторые области, где Россия серьезно отстает от Запада, например, термостойкая электроника в аэрокосмической области.

Кредитование госбанками оборонной промышленности хоть и сократилось за последний год в разы после того, как в 2016 г. было погашено досрочно 700 млрд. руб. кредитов под госгарантии, однако все еще составляет несколько сотен миллиардов рублей¹⁰⁸. Из-за этого обсуждается создание специального банка для обслуживания оборонной промышленности, напоминает он. Однако создать банк с широкой филиальной

сеть быстро нельзя. Поэтому если угроза санкций станет реальностью, неизбежен переходный период, в течение которого у многих предприятий ВПК будут сложности с банковским обслуживанием. Представитель Сбербанка отказался от комментариев. «Данный вопрос преждевременно комментировать, в настоящий момент мы изучаем документы с помощью юристов», — считает пресс-служба ВТБ.

Под угрозой могут быть поставлены даже контракты с Алжиром, Вьетнамом и Индией. Точнее определить это можно будет после объявления критериев существенности сделок и введения санкций против первых иностранных контрагентов России, говорит он. Все это нанесет урон российскому экспорту, но полностью прекратить военно-техническое сотрудничество с этими странами у США вряд ли получится. Во-первых, эти страны не являются союзниками США, во-вторых, возможны способы расчетов, которые сделают такое сотрудничество безопасным, полагает чиновник.

Представители спецслужб, «Рособоронэкспорта» и большинства предприятий не комментируют ситуацию. Но известно, что все из представленных в новом списке компаний уже находились под американскими санкциями, и в течение последних трех лет мы научились жить в режиме санкций. В целом подобные меры всегда контрпродуктивны, в том числе для тех, кто их поддерживает.

У попавших в списки ОАК и ее структур, в том числе производителя гражданской авиатехники — «Гражданских самолетов Сухого» (ГСС), есть три гражданские программы, рассчитанные на масштабный экспорт. Уже несколько лет как началось производство ближнемагистрального самолета Sukhoi SuperJet 100 (SSJ100). Сейчас проходят летные испытания среднемагистрального самолета МС-21, поставки лайнера запланированы на 2019 г. И наконец, совместно с китайской госкомпанией СОМАС разрабатывается дальнемагистральный самолет. Проект на самой начальной стадии, серийный выпуск и поставки лайнера начнутся не раньше середины 2020-х гг.

«Формулировки [госдепа] размыты, поэтому формально санкции могут быть применены и к гражданским программам, как к экспорту самолетов, так и к поставкам комплектующих для их производства», — опасается исполнительный директор агентства «Авиапорт» Олег Пантелеев.

Основные импортные комплектующие российских самолетов — это двигатели. Для SSJ100 их поставляет компания Powerjet, совместное предприятие французской Safran и ОДК. У МС-21 будет два варианта двигателя — от канадской Pratt & Whitney (PW) и ПД-14 от ОДК. Причем последний только разрабатывается. Как минимум первые 200 МС-21 будут оснащены канадскими двигателями, в том числе 175, «твердо» заказанными авиакомпаниями, рассказывал федеральный чиновник.

Помимо двигателей иностранные комплектующие есть во многих системах новых российских самолетов: в SSJ100 доля импортных комплектующих составляет около 80%, в МС-21 — около 60%, напоминает Пантелеев.

«Партнерам ОАК и ее структур по всему миру придется решать, что для них важнее — бизнес с ОАК или санкции, пусть даже потенциальные, со стороны американских властей», — предупреждает партнер King & Spalding Илья Рачков. В зоне досягаемости американских властей за нарушение санкционного режима находятся американские компании, любые иностранные компании, имеющие какие-либо активы в США и даже просто осуществляющие транзакции в американских долларах, продолжает он.

Составление списка российских военных и разведывательных организаций — лишь один из первых шагов на пути к воплощению всех предусмотренных СААТС мер «противодействия противникам США». За ним могут последовать такие меры, как санкционные списки подконтрольных России предприятий железнодорожной, транспортной, металлургической и добывающей отраслей; санкции против партнеров в нефтегазовых проектах подсанкционных российских компаний и против участников проектов по строительству экспортных российских трубопроводов, а также составление списка самых влиятельных политиков и предпринимателей России.

Большинство аналитиков до сих пор гадают, какими будут приоритеты Дональда Трампа в применении новых санкций. Известно, что в августе 2017 года он подписал СААТС без большого энтузиазма. Обнадеживающим для российской стороны может быть то, что госдеп сорвал дедлайн по составлению списков: он должен был предоставить их до 1 октября, но затянул работу почти на месяц. «Новые санкции были при-

оритетом для конгресса, но на данный момент, как кажется, это не приоритет для администрации президента Трампа», — делает из этого вывод Феррари.

В отличие от санкций в отношении оборонного сектора санкции, применяемые к партнерам в российских энергетических проектах, в соответствии с законом должны вводиться по согласованию с союзниками. А это дает шанс, по крайней мере, европейским проектам «Газпрома» избежать санкций, рассуждает Карташкин. Тем не менее, самые осторожные инвесторы и компании могут решить не иметь дел с энергетическим сектором, поскольку санкции очень изменчивы, предупреждает Феррари.

Законодатели США недовольны, что госдеп работает над выполнением требований СААТС слишком медленно. «Большой вопрос, была ли задержка [с публикацией списка] связана с бюрократией или за ней стоит осознанная попытка отсрочить санкции, например, до встречи президента [Трампа] с [президентом России] Владимиром Путиным, которая должна пройти этой осенью», — возмущался сенатор Ангус Кинг. Госдеп объясняет задержку бюрократическими проволочками, недостатком сотрудников и сложностью закона.

Сенаторы Джон Маккейн и Бенджамин Кардин в совместном заявлении советуют Госдепу «направить достаточное количество персонала и ресурсов, чтобы выполнить требования нового закона», добавляя, что они обеспокоены появившимися в последнее время публикациями о том, что госдеп закрыл отдел, занимающийся вопросами санкций. Сенаторы обещают с особой тщательностью «следить за тем, как администрация президента определяет существенные сделки», а также в случае необходимости воспользоваться правом конгресса заблокировать решение Трампа, если оно не будет соответствовать ожиданиям конгресса¹⁰⁹.

В целом западные санкции практически не сказались на объемах и условиях торговли ВВСТ Россией в 2014–2017 годы, который остались почти на том же уровне. Но западные санкции резко подстегнули развитие собственного производства и комплектующих, которые были фактически заброшены в последние десятилетия. Были закуплены новые технологии и оборудование (в том числе в обход санкций на Западе), прежде всего в развитых странах, КНР, Республике Корея, Японии и др. При этом санкции мало повлияли на главные рынки — в АТР и Африке.

Рис. 4.29 Как Россия торгует с миром продукцией военно-промышленного назначения

Как видно из приведённых выше данных, санкции радикально не отразились на объеме российского экспорта ВВСТ, который в 2012–2016 годы оставался на уровне порядка 15 млрд. долларов. Надо сказать, что и этот объем не критичен — в недавней истории России он был существенно ниже, а в настоящее время равен экспорту с/х продукции.

После встречи Д. Трампа с В.В. Путиным произошло даже некоторое усиление негативной тенденции в области финансово-экономических санкций, которое выразилось в росте курса доллара и обесценении активов Сбербанка России. Финансовые аналитики четко озвучивают причину «шторма», в который попал Сбербанк — акционерами российских компаний и предприятий является множество иностранцев, которые реагируют на любые колебания в политике. Нынешнее падение банка как раз и является результатом реакции хэдж-фондов на риск новых санкций.

4.2.в). Возможные конкретные будущие финансово-экономические последствия для России

В настоящее время всех беспокоит дальнейшая эскалация санкционной политики США и их союзников. Как известно, в целом, Западу не удалось в 2014–2018 годы полностью дестабилизировать финансовую

и бюджетную систему России, что был вынужден даже признать и Всемирный банк. Основные финансово-экономические показатели остались на прежнем уровне, либо даже несколько улучшились. Но крайне важны отдельные детали. В частности, объём и структура внешнего долга России за последние годы не изменились. Как видно, государственный долг России вырос незначительно и не сопоставим с уровнем государственного долга России в 90-е годы, когда он составлял сотни миллиардов долларов.

Таблица 4.7 Внешний долг России (2016–2018 гг.), млрд. долл. США

	I-Jan-16	I-Apr-16	I-Jul-16	I-Oct-16	I-Jan-17	I-Apr-17	I-Jul-17	I-Oct-17	I-Jan-18
Total	518.5	520.1	523.0	518.3	511.7	521.5	527.0	529.6	518.9
Government (w/t CBR)	30.5	32.1	35.9	40.4	39.1	45.8	46.5	54.3	55.8
Corporate	476.3	477.3	476.4	467.2	460.5	461.7	463.6	454.1	448.6
Banks	131.7	129.8	127.7	123.6	119.4	120.2	113.3	108.0	103.4
Short-term	25.3	25.6	28.7	28.4	26.7	32.5	32.0	27.6	30.6
Non-banking sector	344.5	347.5	348.7	343.6	341.1	341.5	350.3	346.1	345.2
Short-term	13.2	12.5	14.3	12.5	13.5	12.8	16.4	14.3	14.2

Source: CBR.

Стабильная ситуация с внешним долгом, не смотря на санкции, свидетельствует только о том, что Россия, на мой взгляд, должна ориентироваться на внутренний рынок и внутренние финансовые ресурсы, гарантирующие ей финансовую стабильность, а также на резервы, которые быстро увеличиваются, в том числе и в металлическом золоте.

Существенно изменился платежный баланс страны, где не нефтяные доходы стали играть уже не решающую роль, а цены на нефть перестали быть критическими для экономики. Это видно по состоянию не нефтяного баланса, который сократился с (минус) 300 млрд. долл. до вполне символических (минус) 31 млрд., а по заявлению В.В. Путина на пресс-конференции 20 декабря 2018 — 13 млрд.

Таблица 4.8 Платежный баланс России (2013–2017 гг.) ¹⁰⁹

	2013	2014	2015	2016	2017	Q1 2017	Q2 2017	Q3 2017	Q4 2017	Q1 2018
Current account balance	33,4	57,5	68,8	25,5	35,2	22,3	2,2	-3,0	13,7	28,8
Trade balance	122,3	133,7	111,5	66,4	115,0	34,5	25,2	20,8	34,5	42,3
Non-oil current account balance	-315,6	-266,9	-134,5	-128,5	-154,5	-27,1	-43,7	-47,1	-36,6	-31,2
Capital and financial account	-46,6	-89,0	-69,4	-11,1	-16,3	-11,7	1,5	10,3	-16,4	-8,2
Errors and omissions	-8,9	8,0	2,9	-4,6	3,8	0,7	3,9	-0,8	0,0	-1,3
Change in reserves (- = increase)	22,1	107,5	-1,7	8,2	-22,6	-11,3	-7,5	-6,5	2,7	-19,3
Memo: average oil price (Brent, US\$/barrel)	108,4	97,5	54,4	45,9	54,4	54,1	50,2	51,7	61,5	67,0

Source: CBR.

Дальнейшее развитие ситуации на российском рынке будет зависеть от того, как будут развиваться события в США, где после окончания саммита поднялась волна критики и обвинений в адрес Трампа, которая привела к появлению новых проектов антироссийских санкций, которые поступили на рассмотрение сенаторов. И каждый из этих проектов по отдельности способен вызвать реакцию инвесторов, а уж последствия для российской экономики «тройного удара» сейчас сложно предсказать.

Один из проектов, за авторством Марко Рубио, нацелен на ужесточение ограничительных мер в отношении энергетического и банковского секторов РФ. При этом, проект предусматривает возможность действий без учета мнения Дональда Трампа. Свой проект представил и Джон Баррассо. Согласно его проекту санкции необходимо наложить на проект «Северный поток–2». До конца 2018 года конгресс США и Европарла-

мент высказались в пользу этого, хотя их рекомендации и не являются обязательными.

Еще один проект требует от Госдепа проверки России на спонсорство международного терроризма. Если будут сделаны положительные выводы, то дополнительный режим санкций будет введен практически автоматом. Слушания по данным проектам состоялись в четверг 26 июля 2018 года. Сенаторы Л. Грэм и Б. Мененда готовили «всеобъемлющий законопроект» по расширению санкций против России, в центре которого может находиться «суверенный долг страны».

Считается, что самой эффективной областью, где санкции дают и будут давать возрастающий эффект, — являются международные финансы. Финансовая система РФ не выдержит санкционных волн, если они будут сильнее апрельских ударов (2018 года), когда США запретили вести бизнес с компаниями Виктора Вексельберга и Олега Дерипаски. Если новые санкции будут иметь сопоставимые последствия, банковская система РФ может устоять. Такую оценку «санкционной прочности» РФ представили аналитики агентства Moody's. Готовятся к усилению санкций и российские чиновники — они стремятся увеличить валютные резервы любой ценой. До нового обвала нефтяных цен или до того, как Вашингтон решится перекрыть поток нефтедолларов в РФ.

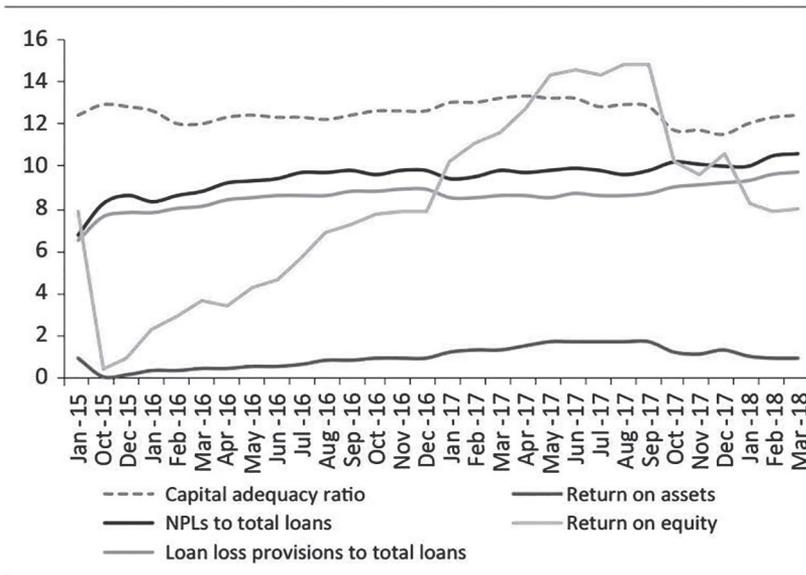
Страны G7 намерены продлить санкции против РФ — вопрос об антироссийских санкциях, введенных после «аннексии Крыма», будет рассмотрен на саммите в Канаде, передает Reuters. «Мы ожидаем, что вопрос о российских санкциях будет присутствовать в повестке дня. Мы считаем, что реализация Минских соглашений не оправдывает каких-либо изменений в позиции G7, поэтому скорее всего позиция была подтверждена», — заявил журналистам высокопоставленный чиновник в Брюсселе. Напомним, саммит G7 — США, Канады, Германии, Франции, Великобритании, Италии и Японии — прошёл 8–9 июня в Квебеке.

Ранее о продлении реализации программ по введению санкций в отношении РФ говорил и министр финансов США Стивен Мнучин. В частности, в ходе слушаний в Конгрессе по бюджету министерства на 2019 финансовый год он говорил, что полученные средства будут ис-

пользованы, в том числе, для применения закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций», включая финансирование наших программ по России и Ирану, а также борьбу с незаконными финансовыми сетями».

Официальная позиция российских властей вполне обоснована. Российские власти повторяют, что санкции мало сказались на РФ. «Наличие ограничений и санкций нас не удивляет, нас это не пугает. Это не заставит нас отказаться от самостоятельного, суверенного пути развития», — рассказал президент РФ Владимир Путин в интервью Медиакорпорации КНР, подчеркивая, что «санкциями наши партнеры стремятся к одному — сдержать развитие» страны. О некритичном влиянии санкций на экономику РФ говорят и западные аналитики. Так, управляющий директор банковской группы по региону ЕМЕА (Европа, Ближний Восток и Африка) агентства Moody's Ярослав Совгира утверждает, что пока российская банковская система способна выдержать новые санкции США против такого же количества компаний, которые подпали под санкции в апреле. «Если подпадет под санкции сопоставимое количество компаний в этом году, банковская система так же сможет их абсорбировать за счет текущих доходов в этом году. Банковская система в целом является и будет являться устойчивой к санкциям»¹¹¹.

Он также напомнил, что в апреле агентство уже оценило влияние новых американских санкций на российские банки в размере 2% от активов и 15% от капитала. «Мы посчитали, что текущий раунд санкций банковская система вполне спокойно пережила за счет текущих доходов», — сказал эксперт. Макроэкономическая ситуация в стране, по мнению экономиста, также «достаточно спокойная». Этому, в частности, способствуют небольшой рост ВВП, низкая инфляция, снижающиеся процентные ставки, высокий уровень валютных резервов и низкая зависимость суверенных рейтингов от внешних заимствований, высокая цена на нефть, профицит текущего счета. «Это все позитивные факторы», — замечает Совгира. Аналитики отмечают, что «устойчивость» банковской системы будет зависеть от помощи государства сектору, собственно этим заемщикам и косвенно банковскому сектору.

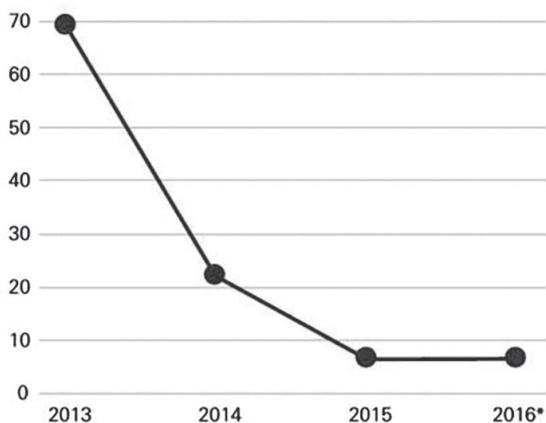

Source: CBR.

Рис. 4.30. Основные индикаторы финансов остались стабильны, %

Банковская система РФ действительно может не пережить несколько санкционных волн. В случае существенного расширения санкций, подобных апрельским, российские крупные компании могут оказаться не в состоянии обслуживать свои долговые обязательства перед банками, что, в свою очередь, может спровоцировать кризис во всей банковской системе, — говорит главный экономист «БКС Глобал Маркетс» Владимир Тихомиров, подчеркивая, что вероятность такого сценария не высока. «Санкции несут в себе разрушительный эффект для наших наукоемких отраслей, даже для бурения, для нефтедобычи. Они бьют по крупным предприятиям, которые являются ключевыми заемщиками банков и на которых базируется рентабельность крупнейших банков. Если эти компании перестанут брать кредиты, то это окажет негативное влияние на банковскую систему»¹¹², — продолжает управляющий партнер экспертной группы Veta Илья Жарский.

Конечно, прямые иностранные инвестиции упали, в особенности американские и европейские, но в абсолютных цифрах они достаточно небольшие.

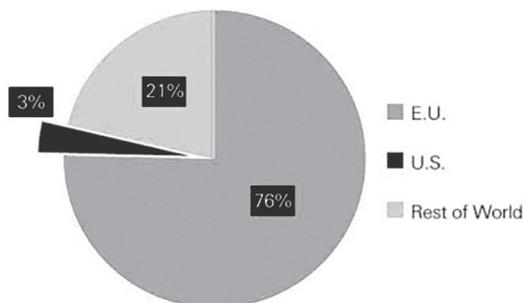
* Q2 2016. Source: Bank of Russia

Рис. 4.31 Прямые иностранные инвестиции, млрд долл.

Достаточно посмотреть на инвестиции США, которые в основном имели краткосрочный и спекулятивный характер. Иными словами, с российского рынка ушли спекулянты, для которых он стал слишком рискованным и закрытым.

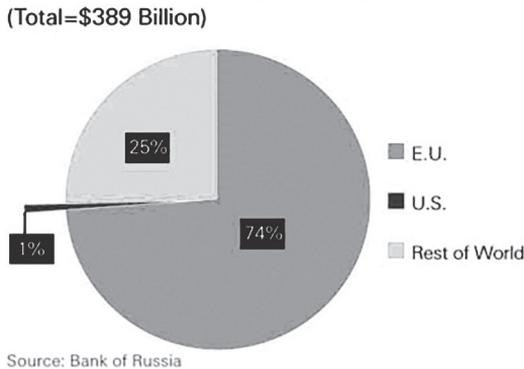
Это хорошо видно на конкретном примере: прямые инвестиции США упали за 2013–2015 годы с 69,2 млрд. до 6,4 млрд. В то же время наблюдался количественный рост (со 114 до 201) отдельных программ. При этом надо понимать, что доля американских инвестиций в общем объеме составляет менее 3%, а прямых — менее 1%.

(Total=\$566.4 Billion)

Source: Bank of Russia

Рис. 4.32 Прямые инвестиции в Россию в 2013 г. (566 млрд. долл.)

Рис. 4.33 Прямые инвестиции в Россию в 2016 г. (389 млрд. долл.)

Таким образом, абсолютное падение иностранных инвестиций (566 — 389 = 177 млрд.) составило 177 млрд. долл., т.е. примерно 30%. Что отчасти уже компенсировано ростом инвестиций в 2017–2018 годы из Китая и других стран Юго-Восточной Азии.

Вероятно, что значительно тяжелее (хотя и маловероятно) придется, если Россия будет отключена от системы SWIFT. При этом нефтяные компании будут менее устойчивы к санкционному воздействию, чем, к примеру, производители стали и алюминия. Помимо этого, санкции могут привести к повышению ставки Центробанка. Если имеется в виду введение секторальных санкций, серьезно ограничивающих экспорт, то это фактически означает ведение торговой войны¹¹³, полагает начальник управления операций компании «Фридом Финанс» Георгий Ващенко.

Вместе с тем действия самих российских властей говорят скорее о готовности чиновников к дальнейшему ужесточению санкций против РФ. Как отмечают эксперты из Центра развития Высшей школы экономики (ВШЭ), Россия заметно наращивает бюджетные доходы, тогда как расходы казны не только не увеличиваются, но даже снижаются.

Только за первые четыре месяца 2018 года доходы федерального бюджета составили 5,5 трлн. руб., что на 16% выше прошлогоднего показателя. «Нефтегазовые доходы выросли по сравнению с аналогичным периодом 2017 года на 26%», — замечают аналитики, подчеркивая при этом, что рост нефтяных цен был частично (примерно на 1%) компенсирован укреплением рубля на фоне роста экспортных цен на нефть

и введением новых антироссийских санкций. В частности, обращают внимание эксперты, в апреле 2018 года номинальный обменный курс доллара к рублю был практически равен прошлогоднему показателю, при том, что апрельская цена на нефть превышала прошлогодний показатель на 35%.

Санкционное законодательство США (PL 115-44) даёт достаточно чёткое (хотя и не абсолютное) представление о параметрах и направлениях американской политики санкций в 2018 году, оставляя возможность для «инициатив» любого рода, более того, предусматривая такие инициативы, как от членов конгресса, так и администрации США. Закон, принятый Конгрессом США 2 августа 2017 года, предполагает конкретные виды отчётности органов исполнительной власти о ходе и направлениях реализации санкционной деятельности против России. Это позволяло отчасти спрогнозировать события, которые произошли во второй половине 2018 года и которые во многом отражали суть санкционного давления на Россию¹¹⁴. — Считает российский эксперт Иван Тимофеев.

Необходимо понимать, что дух и буква американского закона PL 115-44 законодательно определяют Россию **как противника США**, которому необходимо активно противодействовать и в отношении которого требуется оказывать всеобъемлющее давление. По своей сути PL 115-44 задаёт достаточно жесткие рамки американской политики в отношении России, в значительной степени, исключая сами возможности для партнёрства и конструктивного взаимодействия. Это обстоятельство программирует американскую политику: в России не должно быть иллюзий по поводу возможностей развернуть негативные тенденции в ближайшем будущем. Нам также следует избегать недооценки механизмов давления на Россию. Они требуют тщательного анализа и мониторинга¹¹⁵.

В 2018 году органы исполнительной власти представят Конгрессу как минимум семь отчётных документов. Условно их можно разделить на три группы. Первая группа — это доклады, ключевую роль в подготовке которых будет играть министерство финансов. Американский минфин является ключевым (хотя и не единственным) инструментом реализации санкционной политики. Впрочем, Конгресс даёт минфину возможность работать в тесной координации с ЦРУ, госдепартаментом и другими

ведомствами, чья информация может существенно расширить возможности финансовой разведки.

Следующая группа — средства и меры по эскалации политики «силового принуждения США и их союзников. Они объединяются разделом PL 115-04 «О противодействии российскому влиянию в Европе и в Евразии». Закон обязывает правительство США взять на себя роль «защитника» суверенитета и безопасности всех стран Евразии, которые являются или могут являться «жертвами» российского влияния. В отношении данной группы ключевым ведомством выступает государственный департамент. Кроме того, реализация политики на данном направлении предполагает широкое применение мягкой силы с опорой на некоммерческие организации в США и странах Евразии (список некоторых из них прямо перечисляется в законе). На следующий год под эти задачи выделяется 250 млн. долл. — весьма значительная сумма с учётом того, что она идёт во многом на идеологическую и образовательную работу и не требует вложений в инфраструктуру.

На первый взгляд, эта сумма расплывается по значительному объёму задач и стран. Здесь и защита избирательной инфраструктуры, и борьба с коррупцией, и улучшение законодательства, и помощь НКО и СМИ, и борьба с «пропагандой». Однако с учётом низкой затратности такого рода мероприятий и их концентрации только на противодействии России, такая деятельность превращается в серьёзный ресурс давления. По крайней мере, выделяемая сумма значительно превышает все расходы, которая сама Россия тратит на институты своей мягкой силы.

PL 115-04 обязывает государственный департамент отчитываться каждый год о проделанной работе по данному направлению, эффективности затраченных средств, достигнутых результатов. Отдельный отчёт подаётся о взаимодействии с зарубежными организациями и их вкладе. Иными словами, американцы ожидают, что их затраты должны быть также усилены затратами на аналогичную деятельность со стороны их союзников в странах ЕС и других государствах. Появление отчёта ожидается 1 апреля.

Следующие два отчёта также должны подаваться ежегодно на постоянной **основе президентом США**. Первый из них — отчёт о СМИ, которыми владеет и которые поддерживает Россия. Это тоже своего

рода «чёрный список»), должно иметь как минимум репутационные последствия. Расчёт здесь как на стигматизацию собственно российских СМИ, так и тех, которые получают поддержку от России в той или иной форме.

Второй — о влиянии России на выборы в Европе и Евразии. Этот отчёт важен в качестве механизма интернационализации американского подхода к предполагаемому российскому «вмешательству в выборы». В отличие от США в Европе и за её пределами позиция американцев воспринимается со скепсисом. Публикация ежегодного отчёта позволит постоянно держать эту тему в поле зрения, агрегируя все сколько-нибудь заметные события и толкая западный дискурс на эту тему к американской позиции.

Наконец, ещё один отчёт связан с имплементацией установки закона на обеспечение энергетической безопасности Украины и других стран, понимаемой как независимость от российских поставок или любых связей с Россией. Речь идёт о содействии реформам энергетического сектора страны, его либерализации, повышении эффективности и тому подобном. Однако здесь же фигурирует противодействие российским энергетическим проектам («Северный поток» и другие) и в целом «российской агрессии». Здесь же прямо говорится о том, что целью американской политики должно стать продвижение экспорта американских энергоносителей в Европу, в том числе для создания рабочих мест в США (то есть американцы используют политический инструмент в конкуренции за рынки сбыта). О достижениях в деле реализации «Акта о поддержке свободы Украины», а также результатах работы по данному направлению госсекретарь должен будет отчитаться в феврале, а затем предоставлять отчёты каждые полгода.

4.3. Некоторые выводы и прогноз относительно политики западной военно-политической коалиции и действующей стратегии противодействия России

Наличие стратегии предполагает способность заглядывать дальше, чем в ближайшую перспективу, и, что ещё важнее, обращаться к причинам, а не симптомам — иными словами, видеть за деревьями тот самый лес¹¹⁶

*Лоуренс Фридман,
английский политолог*

В результате представленного обзора можно сделать некоторые общие выводы относительно стратегии США и их союзников, а также возможной стратегии России по противодействию западным санкциям в краткосрочной перспективе до 2019–2020 годов.

В октябрьском номере журнала «Экономическая политика» за 2018 год вышла статья премьера Дмитрия Медведева «Россия: 2024: Стратегия социально-экономического развития», и текст этот воспринимать достаточно сложно. Если убрать ФИО автора, то перед нами будет посредственный реферат устаревших источников, а если убрать редкие ссылки на научные источники, оставив имя автора, то мы получим политический манифест, а не научную статью. Однако само появление такого текста и его содержание сами по себе могут стать предметом для анализа. Стратегия социально-экономического развития.

Фактически перед нами программа, которую предлагает реализовать Медведев. Ее цели понятны и соотносятся как с майскими указами, так и с тем, что транслируют первые лица государства на протяжении последних нескольких лет: вхождение в пятерку ведущих экономик, прорыв, благосостояние граждан и так далее¹¹⁷.

Поэтому особый интерес представляет то, с помощью чего предлагается достичь поставленных целей. И здесь Д. Медведев вспоминает мантры 2007–2012 гг.: структурные институциональные реформы, модернизация, инновации. На Красноярском экономическом форуме в 2008 году

Медведев выступил с программной речью, где впервые прозвучала концепция четырех «И»: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции. Все эти 4 «И» так или иначе, звучат и в новом программном тексте Д. Медведева, которые в 2008 году звучали свежо, а сегодня звучат, как минимум избито. Более того, после послания В.Путина 1 марта 2018 года — противоречиво, что отмечается многими обозревателями, в т.ч. и публично.

Надо бы вспомнить, что ещё задолго до этого, в феврале 2005 года, в газете «Коммерсант» он опубликовал статью о значении человеческого капитала при реализации национальных проектов и программы этих проектов. Очень передовая для того времени концепция и даже претензии на стратегию, которая, однако, быстро забылась. Осталось в памяти то, что он сказал в 2008 году: «Никто и никогда не вернет 2007 год», когда он вышел на президентские выборы. Своей научной статьей премьеру это удалось сделать, ведь именно в 2007 году проходила его президентская кампания, в которой он и предлагал нам глубокие институциональные реформы, инновации и модернизацию.

В 2018 году возникло устойчивое ощущение, что программа В.В. Путина 1 марта и его указы от мая 2018 отличаются существенно от программы их реализации, предложенной Д. Медведевым в его «Основных направлениях...». Это заметно для всех, включая и в публичных вопросах, заданных В.В. Путину 20 декабря 2018 года: действительно, как совместить «рывок», о котором говорит В.В. Путин, и запланированные темпы роста ВВП по 1,5% в год?

Поэтому выводы и прогнозы в отношении России будут зависеть не столько даже от политики Запада, сколько от того курса, который выберет Россия — инерционно-стагнационного или инновационно-мобилизационного. Соответственно и реакция на внешние санкции и силовое давление будет зависеть от избранного курса — либо вяло-ответная, либо инициативно-наступательная.

4.3.1. Долгосрочный и системный характер политики санкций США и их союзников

Наиболее значительное усиление могущества приходится на долю азиатских цивилизаций... и Китай (который) постепенно прорисовывается как общество, которое, скорее всего, бросит вызов Западу

*С. Хантингтон,
политолог*

Уже говорилось, что политика санкций — часть силовой политики, точнее — политики «силового принуждения», которая имеет долгосрочный и стратегический характер. Ещё раз об историческом «генезисе» санкций В. Путин напомнил на пресс-конференции 20 декабря 2018 года. Долгосрочную глобальную стратегию западной ЛЧЦ и её коалиции в отношении других стран (в том числе России) можно понять, если представить себе, что правящие элиты Запада принимают неизбежность военно-силового противостояния в будущем с набирающими силу двумя ЛЧЦ — китайской и исламской. Противостоять им можно будет, как традиционно видят на Западе, при двух условиях:

– во-первых, сохранении военно-технологического превосходства, более того, его увеличении (на что направлены усилия Д. Трампа и его союзников, за счёт дальнейшего роста военных расходов и развития новейших НИОКР¹¹⁸;

– во-вторых, укреплении сил военно-политической коалиции, втягиванию в неё всё большего числа стран (включая не только нейтральных — Финляндии, Швеции и др., но и даже бывших недавно враждебных — Вьетнама и др.), одновременно всячески препятствуя формированию независимых союзов и блоков. Этот подход объясняет, например, скептическое и отрицательное отношение США и союзников к ОДКБ.

Подобная стратегия реализуется на протяжении последних 30 лет достаточно успешно, что подтверждается неоднократными расширениями НАТО, но также и участием других стран в акциях США в Афганистане, Ираке, Сирии и других странах. Иногда, правда, результат этих действий не всегда очевиден.

Таким образом, фактически к 2019 году мир оказался разделён на три части (что хорошо видно на примерах результатов голосования в ООН):

Первая, самая влиятельная часть, наращивающая свою военную мощь, — западная военно-политическая коалиция, включающая более 60 государств.

Вторая, значительно более слабая, но усиливающаяся часть стран, стремящихся сохранить свой суверенитет, объективно противодействующая экспансии Запада, как правило, насчитывает от 25 до 40 государств в зависимости от той или иной проблемы.

Третья группа стран, как правило, недостаточно развитых, либо (как Индия) пытающихся балансировать между первыми двумя группами стран, меняют свою политическую ориентацию, стараясь балансировать между двумя полюсами.

В отношении всех трех групп этих государств США проводит достаточно инициативную политику, используя, в том числе и силовые средства и способы:

- для первой группы, чтобы укрепить под своим влиянием контроль над коалицией, который при Д. Трампе переориентирован на двустороннюю основу;
- для второй группы, с целью «силового принуждения» следованию политике западной коалиции, запугивания, откровенного шантажа и политики санкций;
- для третьей группы — с целью вынуждения этих стран к отказу от остатков суверенитета и безусловной поддержке Запада.

Набор средств и методов силового принуждения — очень широк. Фактически он охватывает весь спектр военно-силовых, экономических и гуманитарных средств, применяемых системно и комплексно.

Системные санкции и акции предполагают возможность их развития по всем направлениям. Это — политическая акция подчеркивается западными институтами. Преследуются, прежде всего, политические цели — десоверенизация России, ослабление её влияния в мире, но, прежде всего, на постсоветском пространстве. Стратегия остаётся прежней, как и в 80-е годы прошлого века, — «отламывание по кусочкам» влияния, присутствия и контроль России. Её успех уже доказан на примере стран Прибалтики и особенно Укра-

ины, поэтому принципиально ничего менять не надо, считают на Западе. Вслед за Украиной наступает очередь Белоруссии, Казахстана, Армении и других бывших советских республик. Стратегически особенно важны Белоруссия (кратчайшее расстояние к центру России) и Казахстан (возможность вплотную приблизить исламские режимы к центру России, Поволжье и разделить её на Европу и Азию по Уральским горам). Специалисты по «смене режимов» лишат Беларусь иммунитета перед западной экспансией. Акценты смещены на Белоруссию и Казахстан.

Так, вслед за помощником госсекретаря по Европе и Евразии Беларусь посетила группа представителей американских политических НПО. Приехавшие в Минск американские аналитики — специалисты по «смене режимов» и «демократическим революциям», связанные с ЦРУ, Госдепом и Пентагоном. Беларусь эти люди осваивают в рамках своей профессиональной деятельности. Их ближайшая тактическая задача — лишить белорусское государство выработанного за 20 лет иммунитета к попыткам Запада разрушить его общественно-политический строй. Стоит обратить внимание и на этих экспертов: Бен Ходжес — эксперт Центра анализа европейской политики (СЕРА), в недавнем прошлом главнокомандующий Вооруженными силами США в Европе (EUCOM). Майкл Карпентер — старший директор Центра дипломатии и глобальных отношений имени Джо Байдена, в прошлом специальный советник по внешней политике вице-президента США Джо Байдена и заместитель помощника министра обороны США по России, Украине и Евразии. Глен Ховард — президент Джеймстаунского фонда, основанного ЦРУ для работы с советскими перебежчиками. Брюс Маклинток — эксперт вашингтонского аналитического центра Rand Corporation¹¹⁹.

Их миссия — расширение американской гегемонии и установление в Евразии проамериканских режимов, как посредством «демократических бомбардировок», так и путем «цветных революций». Так, Бен Ходжес на посту главнокомандующего американским контингентом в Европе занимался развертыванием инфраструктуры НАТО в странах, граничащих с Беларусью. Деятельность EUCOM по размещению интернациональных батальонов НАТО в Польше, Эстонии, Латвии и Литве, подвозу американской военной техники в Прибалтику, Польшу и на Украину

объяснилась исключительно «русской угрозой», но попутно доставалось и Беларуси.

Еще больший интерес среди высадившегося в Минске американского десанта представляют специалисты, узкий профиль которых — дестабилизация постсоветских государств. Майкл Карпентер был одним из кураторов киевского Майдана, а после государственного переворота помогал своему шефу, вице-президенту США Байдену осуществлять внешнее управление «незалежной» (все помнят знаменитый кадр, в котором Джо Байден сидит в кресле президента Украины и выслушивает доклады депутатов Верховной рады). Джеймстаунский фонд известен российским специалистам в области безопасности в первую очередь своей поддержкой чеченских боевиков в 1990-е годы. МИД России в свое время вручал американскому послу ноты протеста в связи с деятельностью фонда по обоснованию отделения от России республик Северного Кавказа и поддержке проектов людей, обвиняемых в РФ в терроризме. Наконец, Центр анализа европейской политики, ныне возглавляемый Беном Ходжесом, несколько лет назад предлагал американскому руководству сценарий «цветной революции» в Минске.

Судя по тому, кого американцы откомандировали в Беларусь, цели Вашингтона остаются неизменными — отрыв Беларуси от России, получение в Восточной Европе еще одного сателлита путем свержения правительства Лукашенко и привода к власти собственных ставленников, либо переориентации самого Лукашенко. Если Беларусь не удастся «демократизировать» по украинскому сценарию, то остается последний вариант — югославский. Однако и он представляется невозможным, пока Беларусь находится в военном союзе с ядерной сверхдержавой — Россией¹²⁰.

Поэтому главный шаг к тому, чтобы лишить Беларусь выработанного за 20 лет иммунитета к попыткам Запада разрушить ее общественно-политический строй, — это убедить белорусское руководство отказаться от союза с Россией. Практические предложения белорусской стороне от американского экспертного сообщества сводятся именно к этому.

Во время первого своего посещения Минска в 2015 году директор Джеймстаунского фонда Глен Ховард сказал, что «президент Лу-

кашенко вполне может стать новым [президентом Югославии Иосипом Броз] Тито — развивать тесные и взаимовыгодные отношения с Западом при одновременном сохранении и укреплении суверенитета своей страны». Год спустя в ходе следующего визита в Беларусь Ховард сказал, что на Западе ее видят в качестве «славянской Швейцарии»: нейтральной страны, богатеющей за счет того, что Россия и Запад используют ее как площадку для переговоров друг с другом. Во время нынешней поездки в Беларусь директор Джеймстаунского фонда вполне прозрачно намекнул, что именно мешают «синеокой» стать «славянской Швейцарией». Членство Минска в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не позволяет ему быть де-факто нейтральным, посетовал Ховард¹²¹.

При такой динамике несложно сообразить, что скажут американские аналитики во время следующего посещения Минска. Хотите быть славянской Швейцарией? Будете, мы вам в этом поможем. Только откажитесь от союза с Россией — выйдите из Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ. После того, как это произойдет, можно будет считать, что дело сделано: Беларусь окажется беззащитной перед лицом «демократизации».

Все остальное — вопрос техники. Будет и палаточный городок на площади Независимости, и уличные активисты, выращенные на грантах фонда «Открытое общество». А если законная власть попытается разогнать «мирный протест», то тут тебе и контингент НАТО в Прибалтике, и американская военная база, которую к тому времени построят в Польше. Недели не пройдет после воззвания «демократических сил Беларуси» к «цивилизованному миру», как американские морпехи уже будут в Минске. Александр Лукашенко вместо «белорусского Тито» станет «белорусским Милошевичем», и Беларусь в полной мере повторит судьбу Югославии. К этому и ведут разговоры посланников Вашингтона о «славянской Швейцарии»¹²².

В этом свете вполне понятны намерения использовать различные санкции против России — чтобы снизить её активность на постсоветском пространстве — и других государств, против которых применяются методы «кнута и пряника».

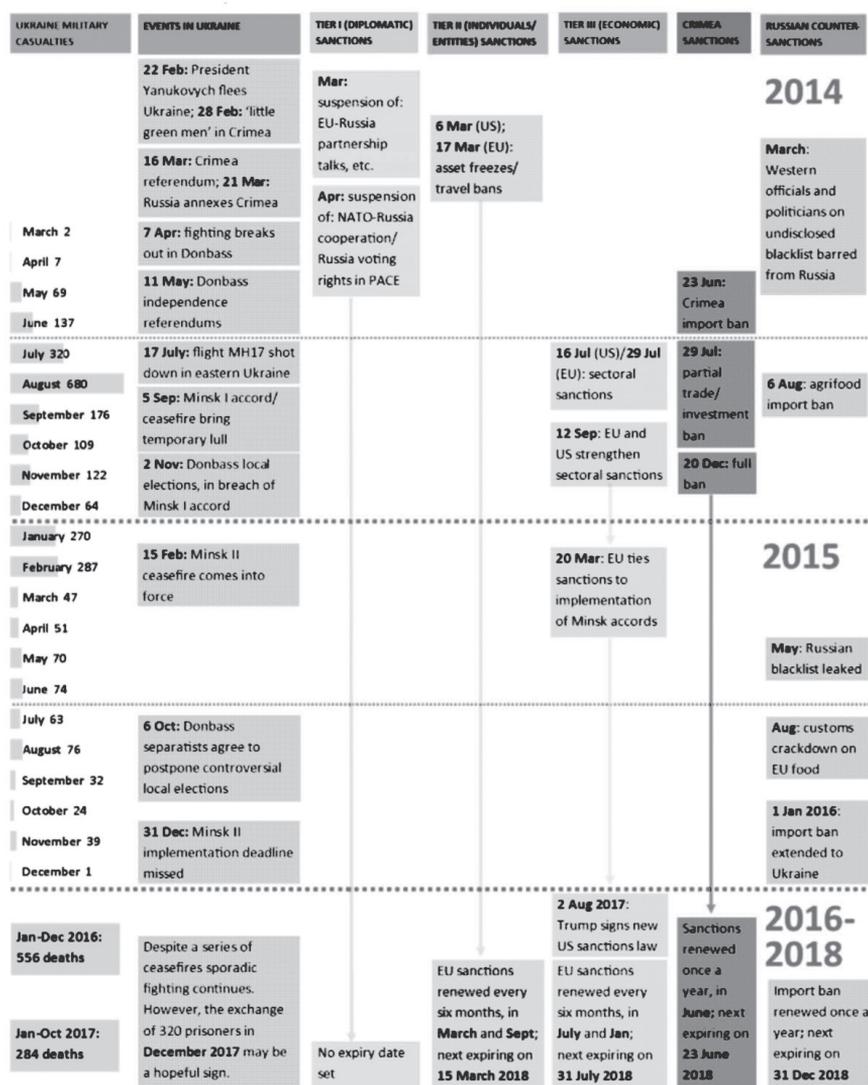

Рис. 4.34 Санкции 2014-2018 гг.¹²³

Стратегия США и их союзников, таким образом, носит долгосрочный, последовательный и чётко спланированный по срокам и мерам характер. Эта стратегия дала Западу определённые результаты в некоторых областях, хотя и не привела к заявленным политическим целям, что достаточно хорошо понимают как в США, так и в ЕС. Впро-

чем, эти цели достаточно долгосрочные и США и их союзники не спешат с их достижением. В ближнесрочной и среднесрочной перспективе, поэтому следует ожидать со стороны США и большинства их союзников продолжения эскалации политики «силового принуждения» в политико-дипломатической, экономической и финансовой области, включая персональные санкции против расширяющегося круга представителей российского бизнеса, а также расширения санкций против нового перечня российских компаний.

Необходимо выделить следующие области, которые тесно связаны с политикой «силового принуждения» США и НАТО и системой санкций. Российская экономика, вероятно, потеряла в результате санкций США десятки миллиардов долларов (хотя, по другим оценкам, и приобрела немало). Об этом заявила в 13 сентября 2018 года помощник госсекретаря США по делам экономики и бизнеса Маниша Сингх. «Мы считаем, что наши санкции в совокупности стоили российскому правительству десятки миллиардов долларов, помимо более широкого воздействия на принадлежащие государству сектора, а также в целом сковывающего влияния на перспективы [дальнейшего роста] российской экономики», — говорится в тексте вступительного слова Сингх, которое было подготовлено к слушаниям с ее участием в комитете по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США.

Эти слушания посвящены рассмотрению американской политики санкций в отношении целого ряда стран, включая Россию. С точки зрения Сингх, российские власти в настоящее время несут «подлинные издержки», вызванные использованием Западом санкций. Эти издержки «будут стабильно расти», если Москва не изменит свой внешнеполитический курс, заявила американский дипломат. В связи с этим она напомнила, что под рестрикции США и их союзников в Европе попали «одни из наиболее известных компаний России»¹²⁴.

Можно с уверенностью предположить, что наиболее приоритетной целью американской политики санкций являются именно эти компании, а также ОПК России, которые могут составить конкуренцию США, либо повлиять на усиление их противников. Другими словами, истинная цель политики США — «антикорпоративная» политика, направленная как против корпораций, так и против правящей российской элиты.

4.3.1.а). Санкции и развитие ситуации в военно-политической области

Америка потеряла контроль над мировой системой, когда сделала своими противниками одновременно Китай и Россию...¹²⁵

*А. Безруков,
доцент МГИМО*

Политика США и западной коалиции в военно-политической области во втором десятилетии XXI века может быть выделена в три основных направления:

Во-первых, максимально быстрое наращивание военно-производственного потенциала не только США, но и всех союзников по коалиции, что выразилось в увеличении военных расходов США на 2019 год до 900 млрд. и росте военных расходов союзников по НАТО, которые, как заявил Д. Трамп 11 ноября 2018 года Д. Макрону, должны в будущем достигнуть уже не 2,4%¹²⁶.

Во-вторых, в демонтаже всей системы договоров и соглашений по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, которые хотя бы отчасти не устраивают США, т.е. Отказу от всех компромиссов.

Это же направление предполагает и изменение институтов международной безопасности, реорганизации или ликвидации тех элементов системы МО, которые были созданы после Второй мировой войны.

В-третьих, расширение состава западной коалиции и подрыву любых попыток объединения за пределами западного военно-политического союза. Особенное значение в этой связи приобретают действия США в Европе по усилению участия союзников по НАТО и вовлечению новых членов, а также расширению инфраструктуры и ответственности блока.

Именно на это ориентировано развитие и структура ВС США и их союзников, где основные усилия последних лет сосредоточены на повышении качества и боевой эффективности ВВС и ВМС военно-политической коалиции. Иногда это происходит за счёт количественного сокращения устаревших систем и их замены более совершенными,

чья эффективность в несколько раз (иногда в десятки раз) превосходит прежние образцы. Это хорошо видно на примере создания истребителя-бомбардировщика нового, пятого, поколения Ф-35, которых к концу 2018 года уже произведено более 300 единиц (а в целом планируется произвести более 3000 единиц). Для примера — его аналоги — СУ-35 и МИГ-35 в России еще только проходят испытания и начинают поступать на вооружение.

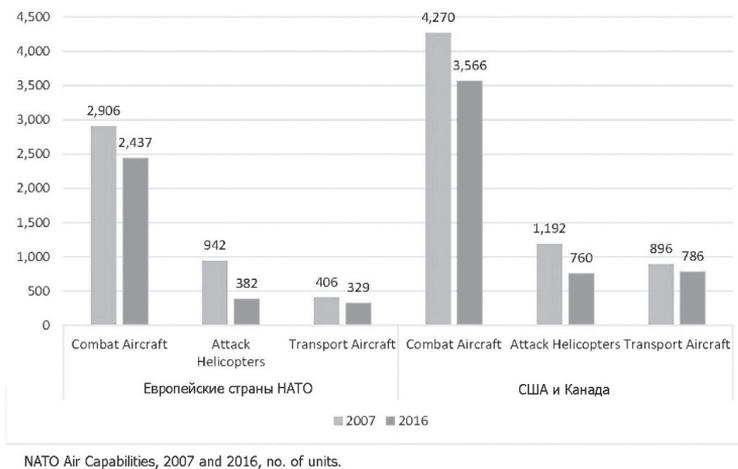

Рис. 4.35 Возможности ВВС НАТО

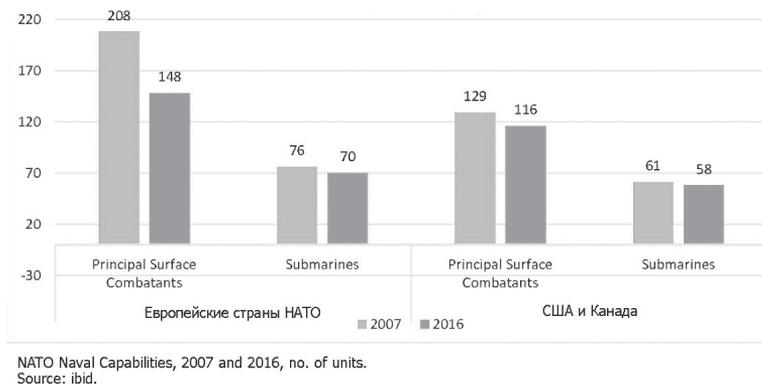
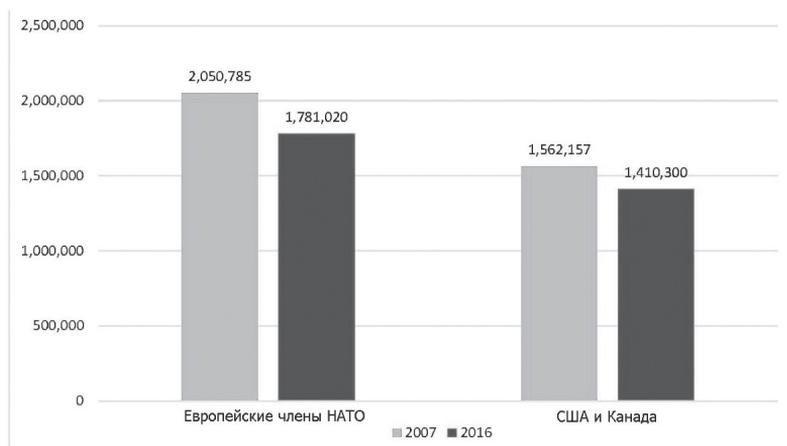
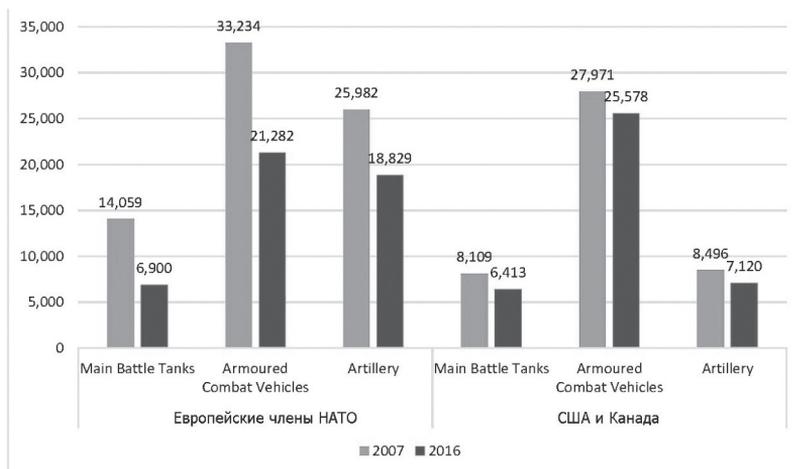

Рис. 4.36 Возможности ВМС НАТО¹²⁷

NATO soldiers on active duty, 2007 and 2016.
 Source: own calculations on the basis of: International Institute for Strategic Studies, "Military Balance", Taylor & Francis, London 2008 and 2017.

Рис. 4.37 Численность ВС

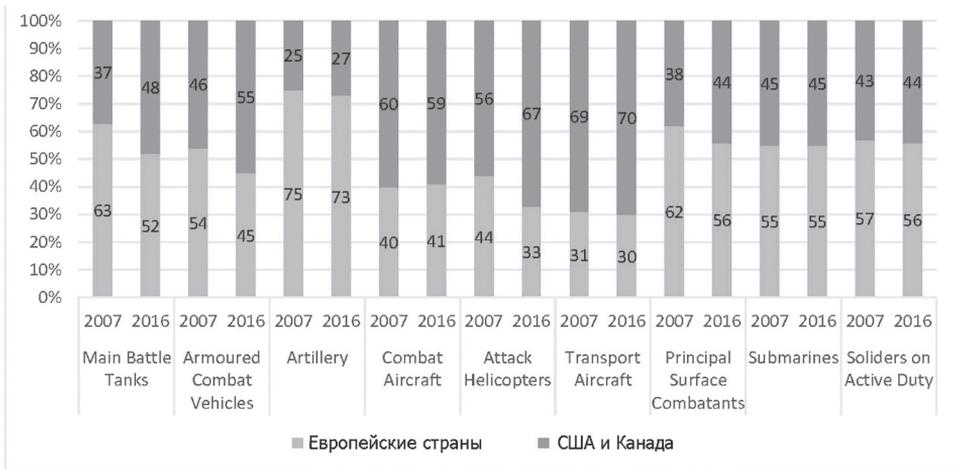

NATO Land Capabilities, 2007 and 2016, no. of units.
 Source: *ibid.*

Рис. 4.38 Сухопутные силы¹²⁸

Таким образом, последнее десятилетие для США и НАТО означало начало процесса массового перевооружения ВВСТ и ВС новыми поколениями оружия, специально разработанными для ведения нового типа войн и конфликтов. Соотношение сил между США и их союзни-

ками по родам и видам войск свидетельствует о том, что, как и прежде, США концентрируют свои усилия на ВВС и ударной авиации, оставляя европейцам возможности развивать сухопутные силы и, отчасти, военно-морской флот. Такая структура ВС США и НАТО не может не наводить на мысль, что наиболее предпочтительным для США выступает Европейский ТВД, где их участие, как и прежде в истории, будет ограничено авиационной поддержкой и обеспечением морских коммуникаций.

Share of the main categories of capabilities, USA and Canada vs. European NATO members, 2007 and 2016. All figures in %.
Source: *ibid.*

Рис. 4. 39 Доля в основных категориях возможностей и войск¹²⁹

В последнее десятилетие в Вооруженных силах НАТО происходили достаточно заметные изменения, связанные с переоценкой угроз на европейском континенте. Такая переоценка вполне объективна и понятна: к началу века исчезла не только Организация Варшавского Договора, как основной противник НАТО, но и ряд её членов стали членами НАТО, а главный потенциальный противник — СССР — развалился на несколько государств. Вывод войск из Германии, Венгрии, Чехословакии и Польши был сравним с их уничтожением, а «военная реформа» 90-х годов и хаос начала 2000-х окончательно прекратил ВС России в небоеспособную армию. Конфликт в Чечне, а затем и в Южной Осетии продемонстрировал многие слабые стороны ВС России, о которых уже

нельзя было говорить как о ВС великой державы: за исключением РВСН и десантных частей боеспособность достигла самого низкого уровня.

Из этого следует исходить при оценке мероприятий в военно-политической области США и их союзников с начала нового века. Они фактически «списали» ВС РФ из числа армий великих держав, ориентирував свои усилия на борьбу с государствами и акторами в странах «третьего мира». Соответственно и военные расходы США и их союзников, а также организационно-административное внимание было резко сокращены, что выразилось, например, в уменьшении доли военных расходов в странах Европы до менее 1% (за исключением Великобритании), а в США — в радикальном сокращении расходов (исключая НИОКР) при Б. Обаме.

Таблица 4.9 Соотношение основных категорий ВС стран НАТО

Европейские страны

	Main Battle Tanks	Armoured combat vehicles	Artillery	Combat aircraft	Attack helicopters	Transport aircraft	Principal Surface Combatants	Submarines
2007	14,049	33,234	25,982	2,906	942	406	208	76
2016	6,900	21,282	18,829	2,437	382	329	148	70
Change	-51%	-36%	-27,6%	-16,2%	-59,5%	-19%	-29%	-7,9%

США и Канада

	Main Battle Tanks	Armoured combat vehicles	Artillery	Combat aircraft	Attack helicopters	Transport aircraft	Principal Surface Combatants	Submarines
2007	86	1,321	455	107	0	28	15	4
2016	82	1,155	287	95	0	40	13	4
Change	-4,7%	-12,6%	-37%	-11,2%	0	+30%	-13,3%	0

После 2014 года, особенно после победы администрации Д. Трампа, приоритеты военной политики США были быстро изменены в сторону быстрого роста военных расходов, которые достигли 719 млрд. долл. на 2019 финансовый год. В ещё большей степени усилилось давление США на своих союзников с целью заставить их выполнить требование о военных расходах в 3% ВВП, а в будущем и ещё выше. Всё это объясняется только одним — США и западная коалиция приняли решение о военно-силовом противостоянии с Китаем, Россией, Ираном и рядом других государств, а не о попытках политико-дипломатических договоренностей.

В этих условиях Россия была вынуждена пересмотреть свои программы военного строительства, которые при министре А. Сердюкове ускоренно сокращались (достаточно сказать, что из 7 танковых и авиационных училищ осталось по одному). Восстановление ВС и ОПК медленными темпами началось еще до кризиса 2007–2009 годов, но темпы были исключительно медленными. Законной основой стратегического развития Вооруженных сил России является Государственная программа вооружений (ГПВ), которая утверждается президентом РФ и считается главным долгосрочным документом, охватывающим 10-летний период. С начала 2018 года начала действовать ее новая версия, рассчитанная до 2027 года и предусматривающая финансирование разработок и производства вооружений на сумму до 19 трлн. руб. К тому же президент страны Владимир Путин уже заявил на заседании Военно-промышленной комиссии (ВПК) РФ 19 сентября 2018 года о начале формирования очередной перспективной ГПВ до 2033 года.

Подготовка к новой Госпрограмме вооружений РФ на 10-летний период (которую примут в 2023 году) будет проводиться параллельно с выполнением действующей в настоящее время госпрограммы. В задачи ГПВ 2018–2027 годов входит создание перспективных образцов вооружения и военной техники (ВВТ) с учетом современных тенденций развития армий мира, а также на основе опыта боевого применения российского оружия в Сирийской Арабской Республике (САР). По словам главы государства, в результате реализации этой программы в войска должны поступить новейшие образцы вооружений, среди которых — ракетный комплекс «Сармат», истребитель пятого поколения Су-57, высокочастищенный танк на

боевой платформе «Армата», а также — зенитная ракетная система С-500 и подводная лодка проекта 677.

Одним из важнейших вопросов является финансирование ГПВ. На предыдущую программу 2011–2020 годов было выделено 20 трлн. руб., на действующую в настоящее время программу планируется потратить на 1 трлн. меньше, также следует принимать во внимание, что с учетом инфляции эта сумма еще более уменьшается. Чтобы избежать номинального сокращения расходов на оборону возможно дополнительное выделение ассигнований. Вице-премьер Юрий Борисов после совещания Военно-промышленной комиссии заявил, что расходы по основному разделу оборонного бюджета на закупку и разработку вооружений в ближайшие годы будут стабильными.

Особенностью формирования ГПВ можно считать сложность расчетов с учетом макропрогнозов на основе анализа экономики страны и оценки возможных угроз национальной безопасности. Действующая в настоящее время ГПВ должна была быть подписана в 2016 году, но из-за событий 2014 года, непредвиденного падения цен на нефть и скачков валюты, финансово-экономический блок не смог выдать точный макроэкономический прогноз и президент России утвердил ее только на рубеже 2017–2018 годов.

Одним из важнейших макроэкономических показателей является валовой внутренний продукт — ВВП, абсолютный прирост которого показывает, есть ли экономический рост в стране. В 2018 году рост экономики РФ прогнозируется на уровне 1,8%, а в 2019-м ожидается его замедление до 1,3% и предполагается повышение инфляции до 4,3% вместо прогнозируемых на 2018 год 3,4%.

4.3.1.6). Эскалация финансово-экономических санкций

Усиление экономических и финансовых санкций в отношении конкретных лиц и корпораций привело к реальному осложнению финансовой ситуации в стране, в особенности для некоторых корпораций и собственников. И — вероятнее всего — оно будет продолжаться в буду-

щем. Так, в октябре 2018 года стало известно, что были заморожены активы О. Дерипаски и его компании в США и угроза заморозки возникла для его активов в Европе. По данным издания, заморожены принадлежащие бизнесмену особняки в Вашингтоне и Нью-Йорке. Как сообщает The New York Post, дом в одном из престижных районов Нью-Йорка российский бизнесмен приобрел в 2008 году за \$42,5 млн. Данных о вашигтонском особняке газета не приводит¹³⁰.

Кроме того, представители Минфина ведут с Олегом Дерипаской переговоры об отказе от операций с активами в Европе, чтобы также не поставить их под угрозу введения санкций, сообщает газета. Представители бизнесмена от комментариев отказались. Управление контроля зарубежных активов Минфина США 6 апреля внесло Олега Дерипаску и единственного в России производителя алюминия «Русал» в SDN-список, запрещающий бизнес с резидентами США и доступ к финансовой системе страны.

Такие действия, безусловно, направлены на подрыв позиций В.В. Путина и смену его правящей элиты, но с точки зрения внутриполитической стабильности могут привести к обратным результатам — «деолигархизации» России и возвращению части её захваченной собственности.

Пока что в качестве крайнего средства рассматривается возможность «отключения» России от мировой платежной системы¹³¹. Эта политика будет встречать определенное сопротивление со стороны не только членов ЕС, но и ряда других союзников США, которая может привести, по оценке некоторых западных экспертов, к «расхождению в позициях США и ЕС на долгие годы». Кроме того, экономические санкции будут сопровождаться и сочетаться с:

- усилением политико-дипломатического давления, направленного на изоляцию России и её противопоставление всей западной военно-политической коалиции; это усиление приобретет характер эскалации ежедневных мероприятий в самых разных областях — от спорта и информационных провокаций до организации международных выступлений против России;
- усилением политического, экономического и уголовного преследования части правящей элиты России (предпринимателей, чиновников, политиков, общественных деятелей и журналистов) с целью

принуждения их к отказу от проводимого политического курса и правящей элиты;

- усилением процесса поддержки и создания антиправительственных организаций, прежде всего, в регионах страны, имеющих радикальный, экстремистский и террористический характер;
- наконец, будет усиливаться и противодействие со стороны части правящей элиты США, которая не заинтересована в санкциях против России. Многие западные эксперты, в частности, А. Аслунд из Атлантического совета, полагают, что такие санкции не имеют смысла. США пытаются повлиять на поведение российских олигархов, а через них — на поведение Путина, не нанося существенного вреда компаниям. На самом деле, там понимают, что подобные предприятия имеют стратегическое значение для России, ими не может владеть никто, кроме крупных бизнесменов, близких к власти, или кроме самого правительства.

Более того, санкции против «Русал» больно ударили по американским компаниям, таким как Boeing или Ford Motors. Они лишились выгодного и надежного поставщика алюминия, что неизбежно повышает себестоимость их продукции.

И последнее. В мировой экономике уже почти изжило себя понятие национальных интересов. Промышленное производство давно не помещается в рамках национальных границ государств. Например, торговые пошлины на экспорт товаров из Китая портят жизнь не только китайским производителям, но и американским. Ведь многие американские компании сегодня предпочитают размещать свои производственные мощности в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Примечательно то, что 60% американского импорта приходится на поставки от американских предприятий, расположенных за пределами США. Таким образом, объявляя санкции, американцы сами себе стреляют в ногу.

Д. Трамп, конечно же, понимает это, но он сознательно давал определенные предвыборные обещания (а их надо исполнять), которые позже можно скорректировать. Как бизнесмен, он понимает, что надо «замахиваться» на большее, чтобы получить желаемое. Вот и приходится сначала вводить санкции, а потом думать, как нейтрализовать их действие, чтобы не нанести вред собственной экономике. Можно надеять-

ся, что Трамп, формально выполнив свою «обязательную программу», вернется к здравому смыслу и начнет строить экономические отношения с другими странами на основе взаимной выгоды.

Андрей Костин считает неизбежным для России переход на расчеты в национальной валюте в том случае, если США продолжат использовать валюту как оружие¹³², а также максимально перевести на отечественную площадку размещение еврооблигаций. Такой план дедолларизации он изложил в опубликованном в пятницу интервью газете «Известия».

«Первое — это ускоренный переход в расчетах с иностранными государствами по экспортно-импортным операциям на другие валюты — это может быть евро, юань или рубль», — сказал Костин. В качестве второго пункта он назвал перевод юридических адресов российских холдингов в отечественную юрисдикцию. «По коллегам, которые попали в апрельские санкции, — тому же «Русалу» — мы поняли, что регистрация за рубежом усложняет выполнение дальнейших задач», — пояснил собеседник издания.

«Третье — мы предлагаем максимально перевести на российскую площадку размещение еврооблигаций, уйти от первичного депозитария в виде Euroclear (международная клиринговая система — прим. ТАСС) и перейти на российский», — сказал глава ВТБ. Четвертым пунктом плана является «лицензирование всех участников фондового рынка таким образом, чтобы они все работали по единым правилам», заключил Костин.

Ранее он говорил, что считает неизбежным для России и ряда других стран переход на расчеты в национальной валюте и отказ от расчетов в долларах в том случае, если США продолжат использовать доллар «как оружие». При этом в кулуарах Восточного экономического форума во Владивостоке глава ВТБ подчеркнул, что уход от доллара может занять много времени и процесс необходимо начинать уже сейчас.

Ранее ВТБ подготовил предложения по расширению использования рубля в международных расчетах, продолжая курс на дальнейшую дедолларизацию и деофшоризацию экономики РФ, говорил Костин в июле на встрече с президентом РФ Владимиром Путиным и просил главу государства поддержать эту инициативу. В начале сентября руководитель госбанка заявлял, что считает необходимым перенести инфраструктуру рынка еврооблигаций в российскую юрисдикцию, а также,

возможно, установить ограничения по размещению актов российских эмитентов за рубежом, сказал он на Московском финансовом форуме 6 сентября.

4.3.1.в). Ответная реакция России в военно-политической области

Надо признать, что действия России в период 2014–2018 годов носили исключительно ответный, запоздалый и ограниченный характер. Они не были рассчитаны на реальное сдерживание эскалации политики «силового принуждения», скорее, носили выжидательный и запоздалый характер, причём, как правило, действовали в искусственно ограниченной области. Примером этому стал ФЗ № 127 от 4 июня 2018 года, который является символическим «ответом» на аналогичный закон в США, принятый только через 9 месяцев. В соответствии с этим законом предусматривался ряд мер в отношении США, а также «иных иностранных государств..., организаций, должностных лиц и граждан», причастных к недружественным действиям в отношении России (Статья № 1. Пункт 2). Эти меры имели очень ограниченный и ответный, запретительный характер, которые должны будут приниматься по решению президента или правительства РФ, на основании предложений Совета Безопасности Российской Федерации (Статья № 3. Пункт 3)¹³³.

«Между тем нам важно двигаться дальше и уже сегодня начинать планировать разработку и выпуск перспективных образцов вооружения и техники на будущее, которые определяют облик Вооружённых сил России на длительную перспективу, на предстоящие десятилетия», — подчеркнул президент. Многие зависят и от возможностей самих предприятий оборонно-промышленного комплекса. Новая ГПВ на десятилетний период до 2033 года, начиная с 2024 года, будет призвана продолжить модернизацию военной техники и превзойти уже созданные образцы.

Вопрос ценообразования в ОПК и его совершенствование является одним из важнейших условий дальнейшего стабильного развития, и на заседании ВПК ему было уделено большое внимание. В перспективе, с

целью экономии бюджетных средств, предусмотрено создание информационной системы, которая будет в автоматическом режиме сравнивать ценовые показатели на основные комплектующие вооружений и военной техники. Владимир Путин считает, что «нужно и дальше оптимизировать систему ценообразования. Активнее применять современные информационные, цифровые технологии, чтобы более глубоко анализировать, как формируются цены на военную продукцию, быстро выявлять проблемные точки».

В дальнейшем, по информации Минэкономразвития, «начиная с 2020 года восстановление экономического роста будет основываться на результатах реализуемых реформ и успешной реализации нацпроектов» и инфляция может составить 3,8–4%, после кратковременного скачка до 5%, из-за изменения налога на добавленную стоимость, НДС, до 20% вместо нынешних 18%. При этом повышение ставки НДС с января 2019 года увеличит доходы в ВВП. «Максимально осторожный» прогноз предполагает умеренное ухудшение внешних условий с плавным снижением цен на нефть и постепенным снижением курса доллара до 68 руб. к 2024 году. Все это будет учитываться при подготовке перспективной ГПВ, не исключая риски от введения антироссийских санкций и других механизмов по экономической и политической изоляции России.

Совершенствование вооружений и создание новых образцов ВВТ напрямую связано с существующим творческим конструкторским потенциалом. И в стране, по мнению Юрия Борисова, «полностью состав генеральных конструкторов сформирован, эффективность этого аппарата доказала практика, у них достаточно широкие полномочия, и они несут персональную ответственность за выполнение своих обязательств».

Одним из вопросов на обсуждении комиссии был вопрос подготовки кадров для предприятий ОПК России. «Важно и дальше продолжать работу в этом направлении, привлекать на оборонные предприятия талантливых профессионалов, создавать для них достойные условия для работы и жизни», — подчеркнул Владимир Путин.

Для обеспечения кадровым составом по инициативе Министерства обороны созданы научные и научно-производственные роты, которые позволяют молодым людям во время службы в ВС применять квалификацию по своему основному виду деятельности.

Будет также продолжена военная подготовка при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования. «Система военного обучения студентов, ее совершенствование и дальнейшее развитие по-прежнему остается в центре нашего внимания», — отметил министр обороны Сергей Шойгу.

По информации министра, за последние три года созданы структурные подразделения военной подготовки при 19 высших учебных заведениях и планируется их открытие еще в шести вузах.

В следующем году число вузов, в которых будет проводиться военное обучение студентов, приблизится к 93. В Министерстве обороны развернута масштабная работа по созданию и поддержанию технополиса «ЭРА», ключевой задачей которого является поиск, развитие и внедрение передовых научных идей, разработок и прорывных технологий в сфере обороны и безопасности, а также развитие научного и промышленного потенциала страны в интересах укрепления ее обороноспособности.

В настоящее время уникальный специализированный научно-исследовательский комплекс в Анапе уже начал работу, в которой примут участие ведущие российские научные работники, перспективные молодые ученые, а также военнослужащие научных рот. Для реализации текущих и перспективных потребностей ВС и ОПК страны в технополисе отбираются лучшие научно-технические проекты различной направленности и привлекаются наиболее опытные военные специалисты во взаимодействии с ведущими предприятиями отечественного ОПК.

Привлечение квалифицированных кадров, повышение научного потенциала будут способствовать развитию экономики и укреплению обороноспособности государства, что позволит обеспечить основу для прогресса в создании новейших вооружений и выполнении самых амбициозных ГПВ.

Инициативы РФ, например, могут быть направлены на расширение сотрудничества в области ВКО, которое, как показали примеры с Турцией и Индией, могут иметь геополитический характер. Гарантии ВКО означают гарантии суверенности.

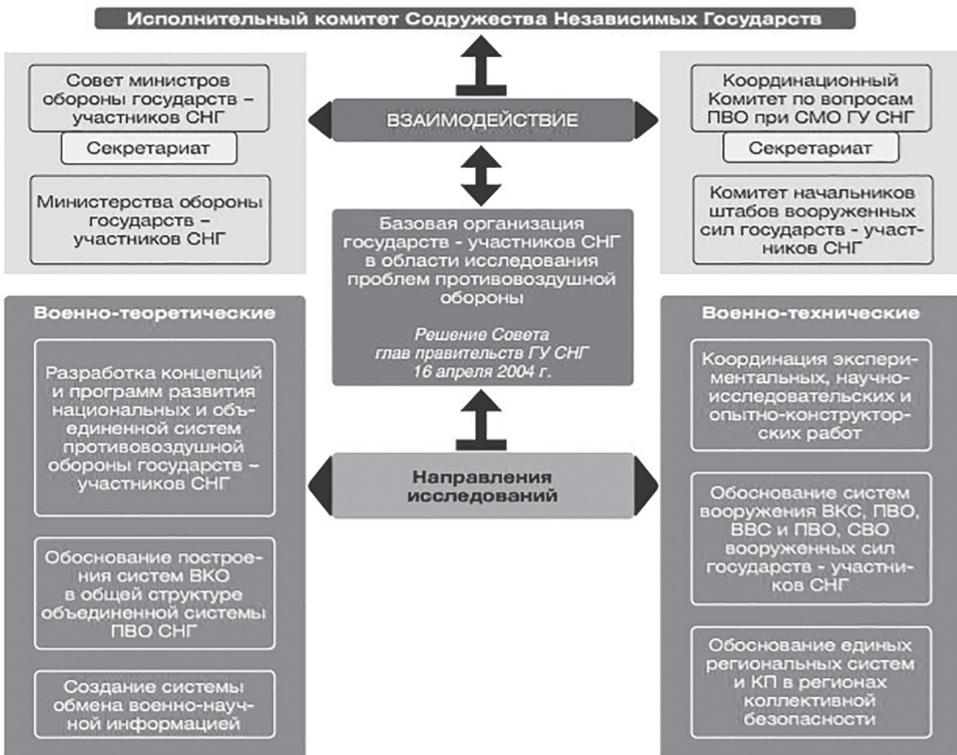

Рис. 4.40 Направления взаимодействия базовой организации¹³⁴

4.3.1.г). Необходимость новой стратегии

России необходима другая стратегия противоборства с политикой «силового принуждения», которая могла бы иметь более высокую эффективность. Причем не только в экономической, но и в других областях, но, прежде всего, в военно-технологической, где сконцентрированы основные усилия Д.Трампа¹³⁵. Например, необходимо отказаться от действующего договора по СНВ в силу очевидной ущербности и преимуществ для США. Как справедливо считает военный эксперт М. Вильданов, «... срок выхода сторон на заявленные уровни сокращения СНВ — 5 февраля 2018 г., при этом перспективный состав СНС США определен в ядерной стратегии США от 2010 года. Можно подвести предварительные итоги выполнения американцами своих договорных обязательств (табл. 4.10)¹³⁶.

Таблица 4.10

Тип носителя	Боевой состав СНС на 05.02.2011	Развернуто СНВ на 05.02.2018	
		носители	заряды
МБР	450	400	400
ПЛРБ/БРПЛ	14/336	12/240	1090
В-52Н	60	44	44
В-2А	16	16	16
В-1В	52	–	–
Итого в СНС	914	700	1550

Результаты анализа информационных материалов и российских инспекций на объектах СНС США показывают, что в силах МБР сохранены все 450 шахтных пусковых установок, заявленных на 5 февраля 2011 г. Ни одна шахта из этого состава не ликвидирована. Часть МБР Minuteman III извлечены из шахтных пусковых установок, разобраны на ступени и находятся в готовности к установке. Остальные несут бое-

вое дежурство с моноблочными головными частями, платформы которых обеспечивают оперативное наращивание количества боеголовок до трех. По данным Исследовательской службы Конгресса США, платформы головных частей ракет 90-го крыла на авиабазе Уоррен, якобы, переоборудованы для одной боеголовки и размещения комплекта средств преодоления ПРО.

Необходимо отметить, что избыточность складированных боеголовок на объектах ядерного оружейного комплекса США создала условия для серьезных нарушений требований ядерной безопасности, хотя это и проблемы американцев.

ВМС США и не думали приступить к ликвидации двух ПЛАРБ типа Ohio, как это определено в ядерной стратегии. Переоборудование четырех пусковых шахт на каждой из 14 ПЛАРБ типа Ohio в состояние «невозможности проведения пуска БРПЛ» проведено формально, что обеспечивает их восстановление в боевую готовность с загрузкой ракет, которые находятся на ВМБ. Процедуры переоборудования этих шахт с российской стороны не согласованы, а наши претензии традиционно остались без внимания.

Что касается ВВС, то переоборудование стратегических бомбардировщиков В-52Н для решения неядерных задач проведено **формально и с российской стороны также не согласовано**. Стратегические бомбардировщики В-1В заявлены в качестве носителей обычных средств поражения, при этом сохранены технические возможности по обратному переоборудованию для выполнения ядерных задач. Все это подтверждается результатами российских инспекций и отражены в фактологических отчетах.

Из таблицы видна очевидная глупость: правило засчета «один стратегический бомбардировщик — один ядерный боезаряд». Что это дало и каков порядок применения этого правила на практике не могут объяснить даже в органах управления, причастных к подготовке и реализации договоров. Резонным является вопрос, как это правило засчета учитывается при разработке (уточнении) планов строительства и развития ВКС РФ, планов боевого применения, при формировании Государственной программы вооружения и ГОЗ и их финансово-экономическом обосновании?

Наращивание боевого состава СНС США

Результаты оценки наращивания боевого состава СНС США по варианту максимальной комплектации ядерными боезарядами приведены в табл. 4.11

Таблица 4.11

Тип носителя	Боевой состав СНС на 05.02.2011	Возможный боевой состав СНС после наращивания	
		носители	заряды
МБР Minuteman III	450	450 (1–3 бг)	1050
ПЛРБ Ohio / БРПЛ Trident II	14/336	14/336 (8–12 бг)	3830
СБ В-52Н	60	60 (20 КР)	750
СБ В-2А	16	16 (16 АвБ)	256
СБ В-1В	52	52 (24 АвБ)	1248
Итого в СНС	914	914	7134

Оценки обеспеченности носителей ядерными боезарядами приведены с учетом их наличия и технических возможностей по воспроизводству на объектах ядерного оружейного комплекса США. Учтена возможность оснащения части БРПЛ Trident II двенадцатью боеголовками, что обеспечивается конструкцией двухъярусной платформы головной части. 52 стратегических бомбардировщика В-1В могут быть переоборудованы для решения ядерных задач, бомбардировщики В-2А и В-1В могут быть оснащены крылатыми ракетами и авиабомбами по штатной схеме. СБ В-52Н комплектуются крылатыми ракетами воздушного базирования типа AGM-86 в ядерном оснащении в количестве до 750 ед. По расчетам американских экспертов, сроки наращивания боевого состава стратегических наступательных сил США по варианту максимальной комплектации платформ ГЧ **составят до 30 суток**. При этом потребуются серьезная подготовка и напряженная работа сил и средств

ядерно-технического обеспечения, представителей американского ВПК по комплектованию требуемого количества боезарядов и их воспроизводству, обеспечению безопасности ядерного оружия.

Кроме того, необходимо суммировать ракетно-ядерный потенциал Великобритании, Франции, тактических ядерных сил НАТО (180–200 авиабомб).

Сохранение прежней стратегии может привести к потере внутривнутриполитической стабильности, смене власти, и, как следствие, потере суверенитета и национальной идентичности.

Стратегия противодействия санкциям должна стать частью этой общей стратегией противоборства¹³⁷. Санкции США и ЕС против России имеют принципиально разную логику, несмотря на то, что на уровне политической риторики Вашингтон и Брюссель придерживаются сходных позиций. Так, например, США активно идут на санкционную эскалацию, а ЕС не выходит за пределы «украинского пакета», несмотря на давление своих партнёров. Политика контрсанкций должна учитывать эти нюансы. Необходимо чётко отделять политику противодействия санкциям США и ЕС.

Санкционное законодательство США (PL 115-44) даёт чёткое представление о параметрах и направлениях американской политики санкций в 2018 году. Закон, принятый Конгрессом США 2 августа 2017 года, предполагает конкретные виды отчётности органов исполнительной власти о ходе и направлениях реализации санкционной деятельности против России. Это позволяет спрогнозировать события, которые произойдут в 2018 году и которые во многом будут отражать суть санкционного давления на Россию¹³⁸.

В новом законе в полной мере отразились современные реалии. В нем выпукло обозначен его функционал как средства противодействия враждебным действиям. То есть по своему «духу» он носит скорее оборонительный, а не наступательный характер. США в нём определяются в качестве основного источника недружественных действий — в законе 2006 года таких конкретных оценок не было. Полномочия президента в целом повторяют контур закона «О специальных экономических мерах» с более выраженным фокусом на действиях против инициаторов санкций.

Разработчики закона отмечали, что он носит рамочный характер, то есть даёт президенту возможность выбора тех или иных мер. Иными словами, рассуждать о его возможностях по успешному противодействию санкциям нельзя без привязки к стратегии конкретных действий, которая могла бы стать важным шагом в имплементации закона. Разработка такой стратегии — прерогатива правительства и администрации президента. От её приоритетов и реализации во многом будет зависеть и успех нового законодательства.

Что нужно принимать во внимание при разработке такой стратегии?

Прежде всего, стратегия по противодействию санкциям должна отталкиваться от целостной картины происходящих в мире процессов, роли и места в них России, а также понимания причин, которые стоят за использованием санкций. Если сводить противодействие санкциям к чисто техническим мерам (квоты, тарифы, барьеры, запреты), то она неизбежно будет носить реактивный характер. Техника вряд ли может заменить стратегию. Мы будем реагировать на санкционные удары без внятного понимания того, чего конкретно мы хотим и как именно достичь поставленных целей. Работа над ней должна носить межведомственный характер с широким привлечением экспертного сообщества.

Далее, стратегия должна базироваться на понимании того, что всякая политика санкций зиждется на подавляющем экономическом, технологическом и финансовом превосходстве стран-инициаторов над страной-целью. Это значит, что в долгосрочной перспективе лучшей гарантией от любых санкций является выстраивание эффективной, развитой экономики с высоким запасом прочности. Здесь предстоит решить трудную дилемму между открытостью экономики и её самодостаточностью. Открытая экономика в большей степени уязвима перед санкциями. Но за самодостаточность придётся заплатить свою цену: изоляция от глобальной экономики может обойтись дороже. Поиск баланса между двумя крайностями будет сложным, хотя в российском случае он облегчается пределами изоляции страны от её партнёров даже внутри западного сообщества.

Следует также понимать, что в текущих условиях наши возможности нанести ответный санкционный удар странам-инициаторам серьёзно ограничены. Торговые санкции против США вряд ли причинят чувстви-

тельный вред, который заставил бы Вашингтон пересмотреть свой политический курс. Объём нашей торговли с американцами равен приблизительно половине от объёма торговли США с Бельгией. Американский бизнес технически можно заставить уйти из России. Он понесёт убытки, но адаптируется и найдёт новые рынки. К тому же такие меры неизбежно отзовутся и на отечественном бизнесе, ведь коммерческие связи носят взаимовыгодный характер — никто нам их не навязывал. Разрушить их гораздо проще, чем собрать заново. Что касается ЕС, то здесь ущерб от ограничений может быть более болезненным. Начиная с 2014 года потери от санкций компаний из ЕС на российском направлении сопоставимы с российскими потерями. Сегодня торговля между нами растёт вопреки санкциям. Сбережение взаимовыгодных связей — столь же важная задача, сколь важной является защита российской экономики.

С точки зрения военно-политической стратегии противодействия должна быть скорректирована с пассивно-оборонительного характера, как минимум, на контрнаступательный характер. Здесь важна полная аналогия с военной стратегией.

В ходе Великой Отечественной войны более половины (57%) от общего числа уничтоженных на советско-германском фронте самолетов противника было сбито в воздушных боях, 26% самолетов было сбито зенитной артиллерией, а 17% — уничтожено на аэродромах. Из общего числа сбитых самолетов примерно 10% приходится на зенитную артиллерию и истребительную авиацию ПВО территории страны (— 5,6% — истребительная авиация; 4,4% — ЗА), 29% — на зенитные средства ПВО войск и 61% — на авиацию ВВС Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Приведенные данные по вкладу различных компонентов Вооруженных Сил в борьбу с немецко-фашистской авиацией в полной мере отражают характер Второй мировой войны, заключающийся в устремленности противника на захват территории, в противоборстве массовых армий и наличии сплошных фронтов. Действия немецкой авиации были, в основном, строго обусловлены задачами, решаемыми сухопутными группировками. Это подтверждается данными о распределении количества самолето-пролетов авиации противника по зонам действия, приведенными в табл. 4.12.

Таблица 4.12 Распределение количества самолето-пролетов авиации противника по зонам действия в годы Великой Отечественной войны

Показатели	Количество самолето-пролетов по годам					
	1941	1942	1943	1944	1945	Итого
Всего самолето-пролетов	88553	530082	471611	257746	76765	1424745
В том числе по войскам на поле боя и объектам войск тыла	67070 (75,6%)	444682 (83,5%)	409985 (86,9%)	234346 (90,8%)	73913 (96,3%)	122996 (87,0%)
По объектам прифронтовых коммуникаций в оперативных границах Войск ПВО страны	12548 (14,2%)	85180 (15,96%)	60326 (12,79%)	23400 (9,2%)	2840 (3,7%)	194749 (=13%)
По стратегическим объектам глубокого тыла СССР	8535 (10,1%)	220 (0,04%)	1500 (0,2%)	–	–	10455 (0,73%)

Из таблицы видно, что от 75 до 96 процентов самолето-вылетов авиации противника совершалось в пределах зоны действий войск на поле боя и объектов войскового тыла. Именно поэтому количество сбитых самолетов противника над полем боя (силами ЗА войсковой ПВО и авиацией КА и ВМФ) более чем в 9 раз превышает количество самолетов, сбитых силами ПВО территории страны. Возможностью ведения борьбы «на равных», наличием действий не только оборонительного, но и наступательного характера объясняется и достаточно большая доля самолетов противника, уничтоженных на земле.

После Второй мировой войны произошел резкий скачок в развитии средств противовоздушной обороны. Вместо зенитных и авиационных пушек и пулеметов основным средством поражения СВН стали управ-

ляемые зенитные и авиационные ракеты. В ходе прошедших локальных войн был накоплен богатый опыт их применения, особенно в войнах во Вьетнаме и на Ближнем Востоке.

В ходе войны во Вьетнаме суммарные потери США за весь период боевых действий составили около 9 тыс. самолетов и вертолетов. Известно, что каких-либо ударных действий по аэродромам базирования американской авиации Вьетнамская Народная Армия и Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама не предпринимали. В сообщениях СМИ проходила информация о том, что в конце войны после спешной эвакуации американских войск на аэродромах было оставлено большое количество поврежденных и неисправных самолетов и вертолетов, а часть авиационной техники после погрузки была сброшена и затоплена в море. Можно допустить, что за все годы войны суммарные потери авиации США на земле с учетом совершенных аварий и выхода самолетов из строя по техническим причинам могли составить около тысячи единиц.

Отсюда следует, что в ходе войны во Вьетнаме основные потери авиации США были понесены в воздухе. Из общего количества сбитых самолетов и вертолетов огнем зенитных ракетных войск было уничтожено около 1300 самолетов. Остальные потери самолетов были понесены, главным образом, от огня зенитной артиллерии и огня из стрелкового оружия.

Количество самолетов, сбитых во Вьетнаме в воздушных боях силами истребительной авиации за все годы войны, относительно невелико (по некоторым данным около трехсот единиц). Это объясняется ее практическим отсутствием в начале войны, а также подавляющим превосходством американской авиации в воздухе и низким уровнем подготовки летного состава ВНА.

Таким образом, в ходе войны во Вьетнаме наиболее весомую роль в борьбе с авиацией агрессора сыграли наземные средства ПВО — зенитные ракетные комплексы и зенитная артиллерия. Достаточно большая эффективность зенитной артиллерии и огня из стрелкового вооружения объясняется, главным образом, тем, что американцы были вынуждены активно использовать полеты на малых высотах как для увеличения точности бомбометания (высокоточного оружия в этот период было

еще крайне мало), так и для снижения эффективности зенитных управляемых ракет.

Особенностью арабо-израильских войн на Ближнем Востоке в период с 1967 по 1973 год является отсутствие большого дисбаланса в силах сторон по основным компонентам вооруженной борьбы. Однако господством в воздухе в течение большинства эпизодов прошедших войн владела израильская сторона.

По этой причине практически отсутствуют сведения о нанесении эффективных ударов по аэродромам базирования израильской авиации, а также о сколько-нибудь значительных успехах арабов в ходе воздушных боев. Основные потери израильская авиация несла от огня зенитных ракетных войск, зенитной артиллерии, а также от применения переносных зенитных ракетных комплексов. Всего за указанный период огнем зенитных ракетных комплексов было уничтожено более 200 израильских самолетов.

Ход и исход войн в Персидском заливе и в Югославии также является наглядным подтверждением того, что при подавляющем превосходстве противника в воздухе основную роль в борьбе с воздушным противником играют наземные средства противовоздушной обороны и, прежде всего, массовые и мобильные, менее подверженные огневому подавлению¹³⁹.

Однако из опыта локальных войн не следует, что при построении современной ПВО и в целом, при организации борьбы с воздушным противником, необходимо отдавать безусловный приоритет наземным средствам ПВО и осуществлять пассивную оборону, полностью отдав инициативу противнику.

Во всех перечисленных случаях, за исключением войны во Вьетнаме, обороняющаяся сторона потерпела военное поражение. Поражению же США во Вьетнаме способствовала не столько эффективная противовоздушная оборона (хотя она и сыграла немаловажную роль), сколько мощный подъем народно-освободительного движения во Вьетнаме и всей Юго-Восточной Азии, активные действия ВНА и НФОЮВ, всесторонняя международная поддержка борьбы вьетнамского народа за свое освобождение и негативное отношение к войне в самом американском обществе.

В целом, опыт войн XX — начала XXI столетий убедительно свидетельствует о том, что без современной противовоздушной обороны война будет непременно проиграна. Однако тот же опыт говорит и о том, что при пассивной обороне нельзя в принципе рассчитывать на благоприятный для обороняющегося исход войны, какой бы эффективной ни была противовоздушная оборона.

Роль наступательных (ударных) компонентов вооруженных сил в борьбе со средствами воздушно-космического нападения противника не может оцениваться только по их вкладу в уничтожение СВКН в местах базирования. Это положение имеет универсальный характер и является справедливым для вооруженного противоборства, ведущегося в любой другой сфере. Рассмотрение, а тем более планирование в качестве альтернативных вариантов только ударных или только оборонительных действий в ходе вооруженного противоборства допустимо лишь в чисто теоретическом плане. Преимущества сочетания оборонительных и наступательных действий давно доказаны практикой прошедших войн, в том числе и опытом Великой Отечественной войны.

4.3.1.д). Расширение нормативно-правовой базы ответных действий

Необходима более широкая правовая основа для организации противодействия (например, расширение ФЗ №127 до участников, акторов и отдельных лиц), включая привлечение негосударственных акторов. Президент России Владимир Путин подписал федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств». В отличие от политики США¹⁴⁰, эти меры носят узкий нормативно-правовой, а не стратегический характер.

Что ещё хуже, они фактически не связаны с общим планом развития страны, прежде всего в области новейших отраслей промышленности. В Государственной думе также обсуждается законопроект о внесении поправок в Уголовный кодекс по санкционной тематике. Оба документа вызвали широкий резонанс на стадии разработки. В итоге законодатели

сгладили наиболее дискуссионные положения, которые касались импорта лекарств и других чувствительных тем.

Новый закон даёт президенту широкие возможности по реагированию на санкции против России. Главный вопрос теперь — в стратегии его применения и выстраивании эффективной политики противодействия. Простой набор технических мер по ограничению торговли вряд ли даст серьёзные результаты. Требуется по-настоящему долгосрочное видение проблемы и столь же долгосрочный горизонт планирования контрсанкций¹⁴¹.

Новый закон обновил уже существующую в России нормативно-правовую базу. Вплоть до недавнего времени законодательной основой российских санкций и контрсанкций служил федеральный закон от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». Он давал Президенту и правительству достаточно много рычагов. Среди них — полномочия по ограничению программ помощи, запрету финансовых операций и внешнеэкономических операций, прекращению торговых договоров, регулированию пошлин, запрету на заходы в российские порты, ограничениям на туризм и другие. Закон, например, давал возможности соблюдать международные обязательства в случае решения СБ ООН о санкциях против той или иной страны. Он был вполне достаточен и для ответных ограничительных мер после введения против России секторальных и персональных санкций 2014 года. Однако принимался он в принципиально иных политических условиях.

4.4. Сценарии России по противодействию политике «силового принуждения» Запада на среднесрочную перспективу

Неизбежная в будущем эскалация политики «силового принуждения» и (в рамках этой политики) эскалации принятия всех видов экономических и финансовых санкций в отношении России ставит вопрос о стратегии поведения нашей страны, т.е. о её долгосрочном стратегическом курсе, из которого должны вытекать решения, ориентированные на краткосрочную и среднесрочную перспективу. И прежде всего мы должны создать стратегию не противодействия санкциям, а противодействия всей политике «силового принуждения». В частности, в важнейшей, военно-промышленной области. Как это сделал Д. Трамп¹⁴².

Это — принципиальное положение потому, что тактические и субъективные ответные действия не дают эффекта потому, что в политике они должны быть, очевидно, предсказуемы для другой стороны. На Западе должны ясно понимать, что политика «силового принуждения» встретит не только ответную реакцию, но и вызовет действия России в других областях. Прежде всего, тех, которые будут обусловлены интересами России, а не реакцией на санкции.

Руководствуясь этой логикой, правящие круги России теоретически могут выбрать **три альтернативных стратегии поведения на 2019–2020 годы**, учитывая, что в 2014–2018 годы уже сложилась некая практика и инерция поведения, которая задала некую инерцию и даже традицию поведения. Предлагается коротко рассмотреть возможные сценарии таких стратегий. При этом, хотел бы подчеркнуть, что стратегия должна быть в обязательном порядке:

- общенациональной;
- последовательной и долгосрочной;
- системной, объединяющей действия не только всех органов власти, но и институтов общества и бизнеса.

Рис. 4.41 Стратегия противодействия России

Прежде чем выбрать ту или иную стратегию, необходимо отметить, что политика противодействия России действиям Запада, включая экономические санкции, может вызывать закономерные вопросы. Прежде всего, потому, что организационно-содержательно, такая политика, строго говоря, сегодня не может быть названа стратегией, — в лучшем случае **набором тактических ответных мер**. Эти меры изначально не могут быть достаточно эффективными, как любые ответные меры, вызванные крайней необходимостью, они носят характер ответной и не всегда своевременной реакцией, а не продуманной долгосрочной стратегией, которая понятна нашим оппонентам. В целом они могут быть характеризованы следующим образом:

- как не всегда адекватная и своевременная попытка анализа и прогноза возможных сценариев развития МО и ВПО и вытекающих из них дальнейшего применения международных санкций в отношении российских организаций и граждан в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Представления правящей элиты о состоянии МО — разные, в отличие, например, от доминирующих представлений в США. Складывается устойчивое впечатление о расколе внутри элит, что крайне опасно для безопасности страны и провоцирует Запад.

В силу этого складывается впечатление, что у России нет стратегического плана развития страны в условиях эскалации международной напряженности, либо (если учесть послание Президента 1 марта 2018 года), такой план не всегда соответствует действиям правительства;

- как достаточно субъективная оценка вызовов и угроз военно-политической, информационной и финансово-экономической безопасности России в условиях возможных сценариев применения международных санкций. В некоторых случаях они неоправданно пессимистичны, а иногда — слишком оптимистичны, что даёт огромный разброс мнений.

Такие вызовы и угрозы в экономической области не связаны со всем спектром вызовов и угроз в политико-дипломатической, военной и информационной областях, рассматриваются по отдельности;

- как односторонняя (ведомственная) разработка мер по парированию существующих и потенциальных угроз экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию устойчивого развития в условиях международных санкций, ориентированная на учёт только части проблем, например, импортозамещения (которые сами по себе являются следствием политики не только Запада, но и России, а не их причиной).

Представляется, что оперативное и тактическое планирование действий России в ответ на эскалацию санкций должно быть:

1. Следствием реализации последовательной долгосрочной стратегии развития страны, а не реакцией на внешние опасности и угрозы.

2. Не только ответными действиями, но и инициативами, предпринимаемыми исходя из собственных интересов. Это означает, например, что Россия может выдвигать собственные санкции и налагать ограничения в новых областях.

3. Системным, в разных областях, исходя из общей стратегии противоборства, а не только ответных финансово-экономических действий.

4. Исключающее иллюзии относительно перспектив компромиссов и договоренностей.

4.4.1. Сценарий № 1. «Стратегическое отступление»

Эту стратегию можно назвать стратегическим отступлением, целью которого является сознательный выигрыш времени при потере пространства — политического или экономического. Выигрыш времени (сохранение внутривнутриполитической стабильности) за счёт поэтапного отказа от части суверенитета и системы национальных ценностей по аналогии с политикой М. Горбачёва и Б. Ельцина. Такая стратегия применима в условиях, когда противоборство невозможно и требуется время для создания ресурса сил. Цель — выиграть время, которое и становится главным ресурсом для развития.

У этой стратегии в правящей элите и обществе есть достаточно многочисленные сторонники, чьи основные интересы сосредоточены за рубежом, либо те представители либералов, которые искренне считают, что России необходимо «обменять суверенитет на вхождение в западную цивилизацию». И первые, и вторые — искренние или заинтересованные сторонники нарратива¹⁴³ прозападного либерально-демократического толка. Их идеи и поступки в той или иной форме присутствуют в политике и правящей элите и при определённых условиях могут (как в 1991–1995 гг.) занять доминирующие позиции.

В отличие от стратегии опережающего военно-технологического развития Д. Трампа, эта стратегия изначально будет не только хуже по сути, но и, в конечном счёте, проигрышной¹⁴⁴.

Рис. 4.42 Стратегия №1 противодействия России («Стратегическое отступление»)

Период развития России 1990–2000 гг. можно назвать периодом, когда де-факто реализовывался «Вариант № 2» («Капитуляция») в «Форме № 2» Стратегии «Стратегического отступления». Эта форма — неорганизованное отступление с частичной капитуляцией.

Недооценивать их влияния нельзя хотя бы потому, что они пользуются значительной поддержкой из-за рубежа, а внутривнутриполитическая дестабилизация в стране может привести их к реальной политической власти. **Отставание в социально-экономическом развитии России, а не санкции, которые её содействуют — главная угроза** для внутривнутриполитической стабильности и существования суверенного государства.

Таблица 4.13 Динамика основных макроэкономических индикаторов (темпы роста, %) ¹⁴⁵

	2018 г.				
	первый квартал	второй квартал	апрель	май	июнь
Индекс потребительских цен					
в среднем за соответствующий период к концу предшествующего периода	100,3	100,4	100,4	100,4	100,5
на конец периода к концу соответствующего периода предшествующего года	102,4	102,3	102,4	102,4	102,3
Внутренний валовой продукт (ВВП)					
к соответствующему периоду предшествующего года	101,3	–	–	–	–
в среднем за квартал к предшествующему периоду (сезонность и календарный фактор устранены)	101,5	–	–	–	–

	2018 г.				
	первый квартал	второй квартал	апрель	май	июнь
Промышленное производство					
к соответствующему периоду предшествующего года	102,8	103,2	103,9	103,7	102,2
в среднем за месяц к последнему месяцу предшествующего периода (сезонность и календарный фактор устранены)	100,8	100,4	99,9	100,6	100,6
Опережающий индекс менеджеров по закупкам в обрабатывающей промышленности (Markit PMI)					
на конец периода, сезонность устранена	50,6	49,5	51,3	49,8	49,5
Строительство					
к соответствующему периоду предшествующего года	96,0	100,9	101,4	105,6	98,7
в среднем за месяц к последнему месяцу предшествующего периода (сезонность устранена)	98,5	100,9	103,6	101,6	97,8
Инвестиции в основной капитал					
к соответствующему периоду предшествующего года	103,6	–	–	–	–
в среднем за квартал к предшествующему периоду (сезонность устранена)	99,6	–	–	–	–
Реальные располагаемые доходы населения					
к соответствующему периоду предшествующего года	103,2	102,0	105,6	100,1	100,2
в среднем за месяц к последнему месяцу предшествующего периода (сезонность устранена)	100,8	99,6	99,6	99,1	100,1

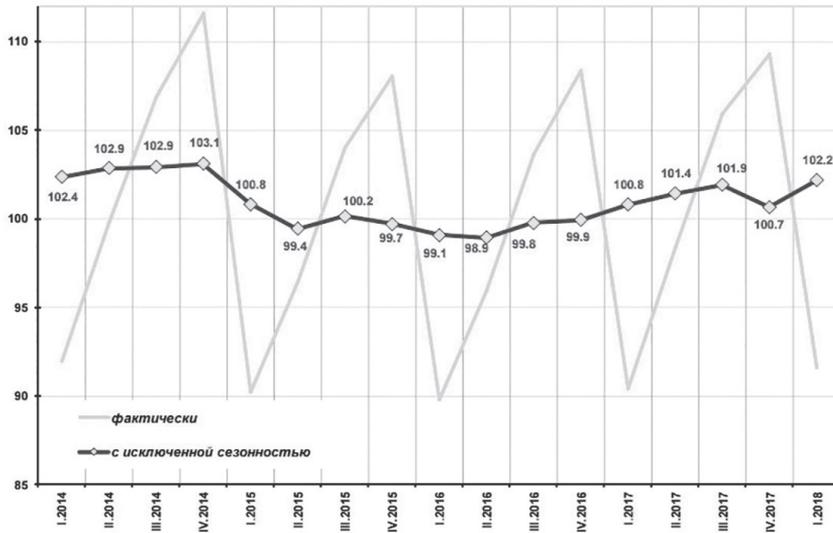

Рис. 4.43 Внутренний валовой продукт (в % к среднеквартальному значению 2012 г.)¹⁴⁶

Важно также иметь в виду, что по отношению к правящей элите и её конкретным представителям разрабатываются и используются все новые меры устрашения. В этом смысле репрессии в отношении некоторых лиц могут быстро перейти из экономической области в политическую и даже уголовную. Как сообщил Минюст США, Бутина была задержана по обвинению в незарегистрированной деятельности на территории США в качестве агента иностранного государства. Утверждается, что 29-летняя девушка «развивала отношения с американскими гражданами и получала доступ в организации, которые оказывают влияние на американскую политику, с целью продвижения интересов РФ». Россиянка может получить десять лет тюремного заключения за деятельность в качестве агента иностранного государства без надлежащей регистрации в министерстве юстиции и еще пять лет за участие в преступном сговоре с целью осуществления деятельности в пользу иностранного государства. По версии спецслужб, россиянка старалась налаживать контакты, прежде всего с «американскими политическими деятелями» в целях создания частных каналов связи с ними. Как считает ФБР, эти каналы могли бы использоваться Москвой «для проникновения в национальный аппарат

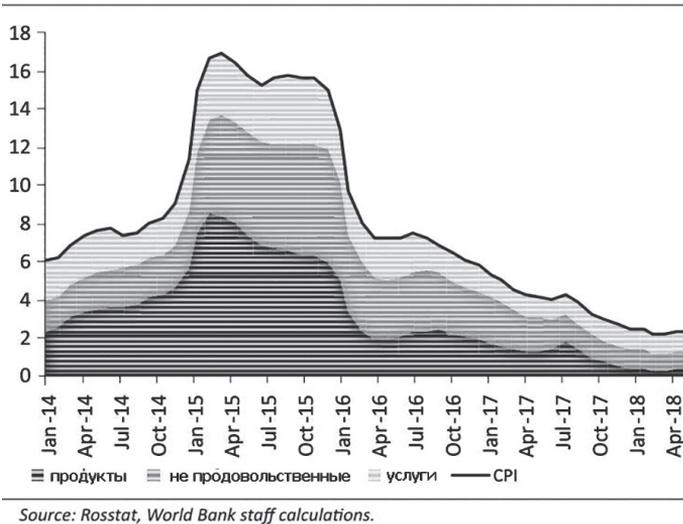
выработки политики США ради продвижения повестки дня Российской Федерации»¹⁴⁷.

Это — очевидный сигнал российской правящей элите, которой может не помочь даже её формальная правовая недоступность американского правосудия (которую размывала политическая практика США в последние годы). Шантаж российской элиты, переходящий из области экономических санкций в область политических и уголовных преследований, — сильный инструмент силового давления: сегодня значительная часть представителей этой части общества и правящей элиты осознают реальность опасности, что само по себе уже представляет опасность для существующего режима.

Кроме того, ошибки и трудности — как объективные, так и субъективные — правящей российской элиты могут создавать обоснованные предпосылки для внутриполитической дестабилизации, когда эта часть правящей элиты сможет пробиться к власти или повлиять на её решения. Вся история России и других стран — пример того, как внешнее влияние на правящие элиты заставляло их принимать антинациональные решения.

В целях внутриполитической дестабилизации России используется, и в возрастающей степени будет использоваться очень широкий спектр средств и мер — от политико-дипломатических и экономических санкций до создания экстремистских и террористических организаций. В соответствии с замыслом политики «силового принуждения» будет происходить эскалация использования всех этих средств и методов до тех пор, пока правящая элита России не капитулирует. Во многом санкции должны добавить негативных тенденций к проводимой нередко неудачной социально-экономической политике, которая сохраняет возможность внутриполитической дестабилизации. Так, инфляция в 2014–2017 годы очень серьезно отразилась на доходах граждан, обесценив часто их зарплаты, а официальная статистика, по сути, игнорирует этот факт. Только поддержка В.В. Путина, связанная с Крымом, компенсировала этот провал.

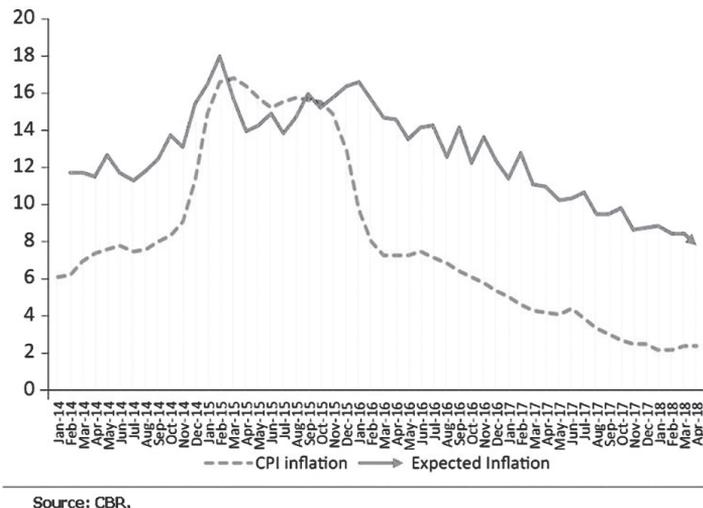
То, что реальная инфляция в 2017–2018 годах оказалась ниже ожидаемой, дает правительству некий ресурс доверия, который исчезнет уже после завершения 2018 года потому, что увеличение НДС, рост цен на бензин, санкции и иные причины вернут инфляцию даже

Source: Rosstat, World Bank staff calculations.

Рис. 4.44 Основные продукты, влияющие на инфляцию (в %)¹⁴⁸

по официальным данным, как минимум, к уровню 4% за 2018 год. Это означает, что доверие и внутриполитическая стабильность будут серьезно подорваны. Об этом свидетельствуют катастрофически низкие рейтинги Д. Медведева и всего правительства в середине 2018 года.

Source: CBR.

Рис. 4.45 Реальная инфляция ниже ожидаемой (в %)¹⁴⁹

Это означает, что правящая элита страны неизбежно будет поставлена перед выбором: где и с кем продолжить свои деловые, личные и политические отношения — с «режимом В.В. Путина», либо с западной военно-политической коалицией, которую традиционно называют «Западом», хотя в эту коалицию сегодня входят более 60-и государств, включая не только Японию и Австралию, но и Саудовскую Аравию.

Стратегия № 1 предусматривает, что правящая элита России будет постепенно и под разными предложениями идти на уступки по всему спектру проблем (о чем свидетельствуют требования нового закона США, предложенного сенаторами в августе), среди которых наиболее приоритетными для США (а, значит, и те, на которые, прежде всего, будет оказываться «силовое принуждение», включая санкции) будут следующие:

- отказ России от вмешательства в дела государств, обществ и даже общин (а по сути дела — влияния) на всём постсоветском пространстве;
- «присоединение» к политике западной коалиции в других регионах планеты — от КНДР до КНР и Африки;
- создание «независимых» (подконтрольных Западу) общественных и политических институтов в стране — СМИ, общественных и политических организаций и т.п.

Следует понимать, что Стратегия № 1 российской правящей элиты станет результатом внутреннего компромисса внутри её различных частей и общественности, что предполагает различные варианты её реализации — от «мягкого», «горбачёвского», варианта односторонних уступок до «жесткого» — «гайдаровко-козыревского» варианта внешнеполитической капитуляции.

В зависимости от соотношения сил внутри страны и за рубежом, позиций В. Путина и его окружения, один из таких вариантов, скорее всего «мягкой» капитуляции, отнюдь не кажется нереальным. Он предполагает, в частности:

- отказ от поддержки пророссийских сил на востоке Украины, в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, а также в других постсоветских республиках;

- обещание «уйти» со временем из Крыма;
- свёртывание поддержки Х. Асада, Ирана и КНДР;
- изменение системы власти в стране, допуском к ней либеральной оппозиции, как минимум, в некоторых областях;
- изменение информационной политики.

Надо сказать, что даже эти уступки не будут означать быстрой смены в политике США и их союзников, которые будут настаивать на «развитии демократических процессов» и ухода В.В. Путина и его окружения из власти.

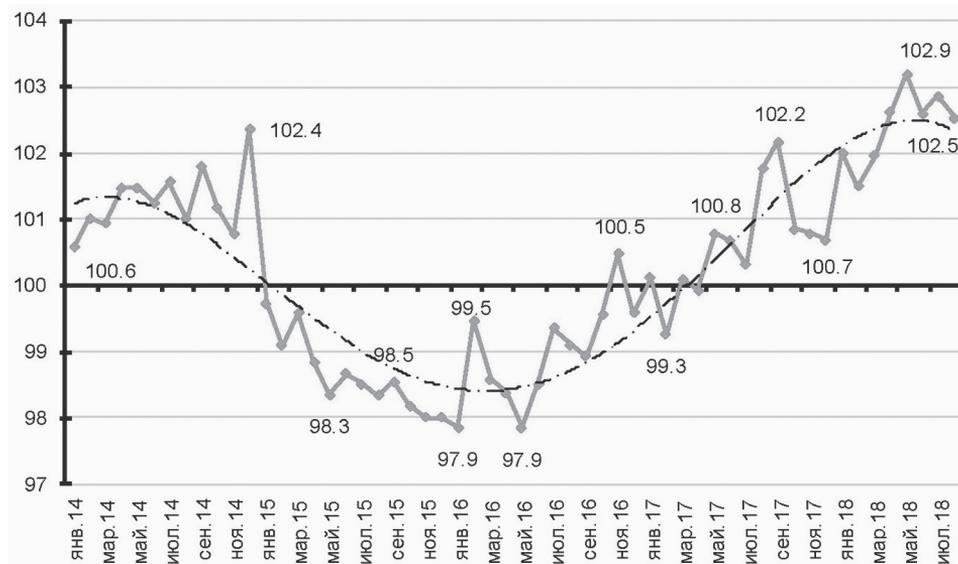
1. **Российская экономика** находится в состоянии стагнации, которая приобрела устойчивый характер. Дело не только в том, что рост затормозился (по хорошо наблюдаемому индексу экономической активности¹⁵⁰ он стабилен уже с весны, см. рис.) и можно ожидать, что прирост ВВП в текущем году составит 1,3–1,6% (2017 г.: 1,6%).¹⁵¹ Существенно важнее, что сложившаяся модель экономики, похоже, в принципе плохо приспособлена к экономическому росту — по крайней мере, интенсивному.

Формально, проблема состоит в том, что опорой экономического роста выступает сейчас узкий спектр источников — потребление населения (растущее за счет потребительского кредитования) и экспорт, главным образом, сырьевых товаров. При этом наблюдается стагнация инвестиций в основной капитал.

Соответственно, в ситуации, когда диверсификация производства и экспорта продукции является необходимым объективным условием для перехода к интенсивному устойчивому экономическому росту, в нашей экономике процесс идет ровно в обратном направлении — к упрощению и структуры экономики, и экспорта. Сформировалась целостная конструкция экономического роста, в чем-то воспроизводящая черты даже не российской экономики 1990-х, а советской — 1980-х годов. Речь идет о следующем:

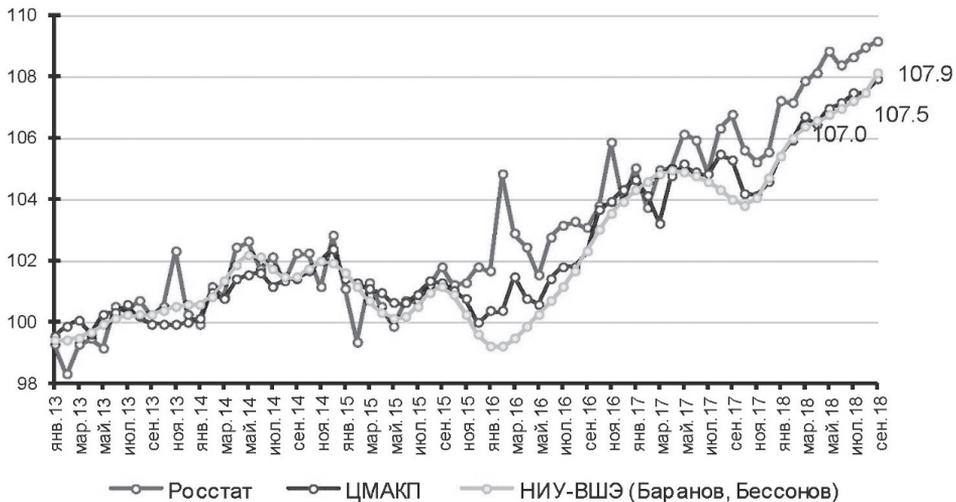
- опора на экспорт, причем преимущественно энергоносителей и сырьевых товаров;
- формирование двух разделенных воспроизводственных систем — в сырьевых компаниях, концентрирующих и доходы, и возможности привлекать кредиты, и, соответственно, обеспе-

- чивать расширение выпуска, и в остальной экономике, где уровень доходности существенно ниже и не позволяет привлекать кредитные ресурсы. Соответственно, и динамика роста там существенно ниже;
- ограниченные возможности повышения заработной платы и, соответственно, благосостояния населения. При этом рост товарооборота имеет, скорее, кризисный характер, отражая последствия бума потребительского кредитования и снижения доверия населения к финансовой системе, что ведет к масштабному изъятию финансовых ресурсов из банков.

Рис. 4.46 Агрегат экономической активности (среднемесячный уровень 2013 г. = 100)

Анализ текущего тренда изменения объемов промышленного производства свидетельствует о том, что хотя рост выпуска продолжается (см. рис.), в его основе — преимущественно наращивание добычи полезных ископаемых.

Рис. 4.47 Оценка объемов промышленного производства (сезонность устранена, 2013 г. = 100)

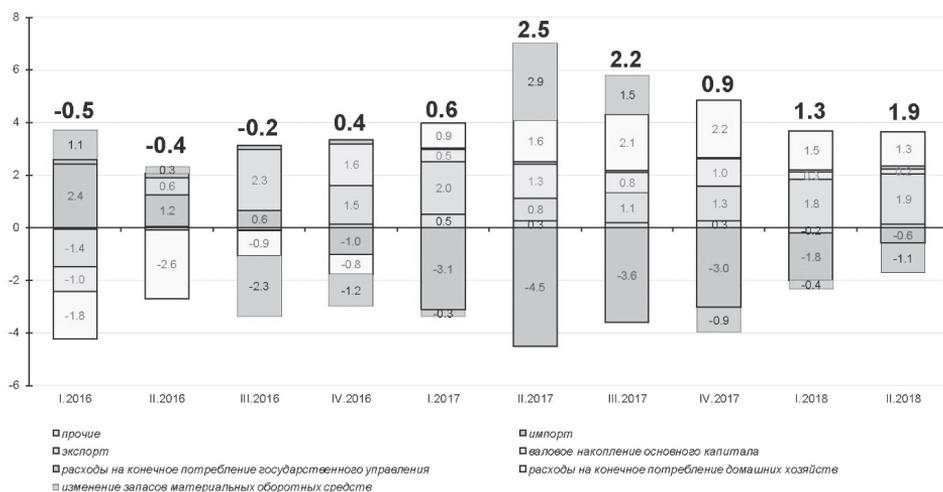
2. В «арифметике факторов роста» закрепились те пропорции, которые сложились еще полгода назад (см. рис.):

- завершился период восстановительного циклического роста, в значительной степени основанный на расширении запасов. Соответственно, если во втором и третьем кварталах 2017 г. уровень запасов повышался, а их вклад в динамику ВВП — увеличивался, то в последние три квартала наблюдается сокращение их прироста, а вклад прироста запасов в экономическую динамику стал отрицательным (второй квартал 2018 г.: $-1,1$ проц. п).

Помимо общеэкономического, у этого феномена есть и вполне ситуационное объяснение: из-за погодного фактора в текущем году и сроки сбора урожая сместились вправо, и сам он, очевидно, будет меньше, чем год назад — в итоге, прирост запасов сельхозпродукции нового урожая и меньше, чем год назад (когда был отмечен рекордный урожай), и смещен на более поздний период времени;

- резко замедлилось расширение инвестиций. Соответственно, вклад накопления основного капитала в экономический рост уменьшился до минимума;

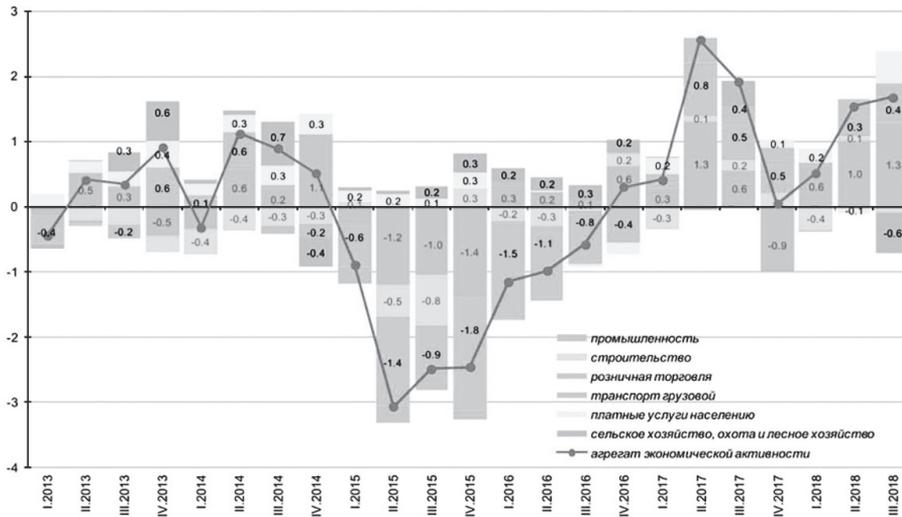
- ключевым фактором экономического роста остаётся экспорт товаров, причем, достаточно ограниченного их круга, в основном — энергоносителей и сырья (первый и второй кварталы: +1,8–1,9 проц. п);
- вклад импорта остаётся отрицательным, что вполне естественно в условиях сжатия инвестиционного (и ряда потребительских) рынков.

Рис. 4.48 Вклады компонентов использованного ВВП в экономический рост (к соответствующему кварталу предшествующего года, % прироста ВВП)

В отраслевой структуре экономического роста закрепились следующие тенденции (см. рис.):

- преимущественно промышленный (в основном сырьевой) характер экономического подъема;
- положительный вклад транспорта, что в значительной мере обусловлено перевозками экспортных грузов;
- отрицательный вклад сельского хозяйства (−0,6 проц. п.) — результат существенно более низкого и более позднего, чем в прошлом году, урожая. Заметим, что это хорошо коррелирует с отмеченным ранее расширением запасов продукции.

Рис. 4.49 Вклады производственных факторов (важнейших видов экономической деятельности) в прирост агрегата экономической активности (проц. Пунктов АЭА к соответствующему кварталу предшествующего года)

В составе промышленных отраслей драйвером очередного цикла роста выступили сырьевые производства. В условиях стагнирующего внутреннего спроса практически весь прирост продукции направлялся на экспорт. Кроме того, во второй половине года наметилось оживление в производстве инвестиционного оборудования (см. рис.), однако, сосредоточено оно исключительно в производстве оборудования для ядерных реакторов. В других группах производств, спада не было, но и существенного роста не просматривалось: среднемесячный темп прироста выпуска за январь–август составлял 0,1–0,2% в месяц (к предшествующему месяцу, сезонность устранена). Таким образом, текущие тренды изменения выпуска свидетельствуют фактически о дальнейшем закреплении экспортно-сырьевой модели развития (в рамках которой, как известно, рост «по определению» остается очень слабым, в лучшем случае на уровне 1,5–2,0% в год)¹⁵².

Из непромышленных товаров рекордно высокие темпы роста экспорта — у продукции агропрома (+2,7%). Впрочем, даже с такими экспортными успехами — с учетом низкой доли углеводородной компоненты экспорта — говорить о возможности выхода на высокие темпы роста экономики в целом не приходится.

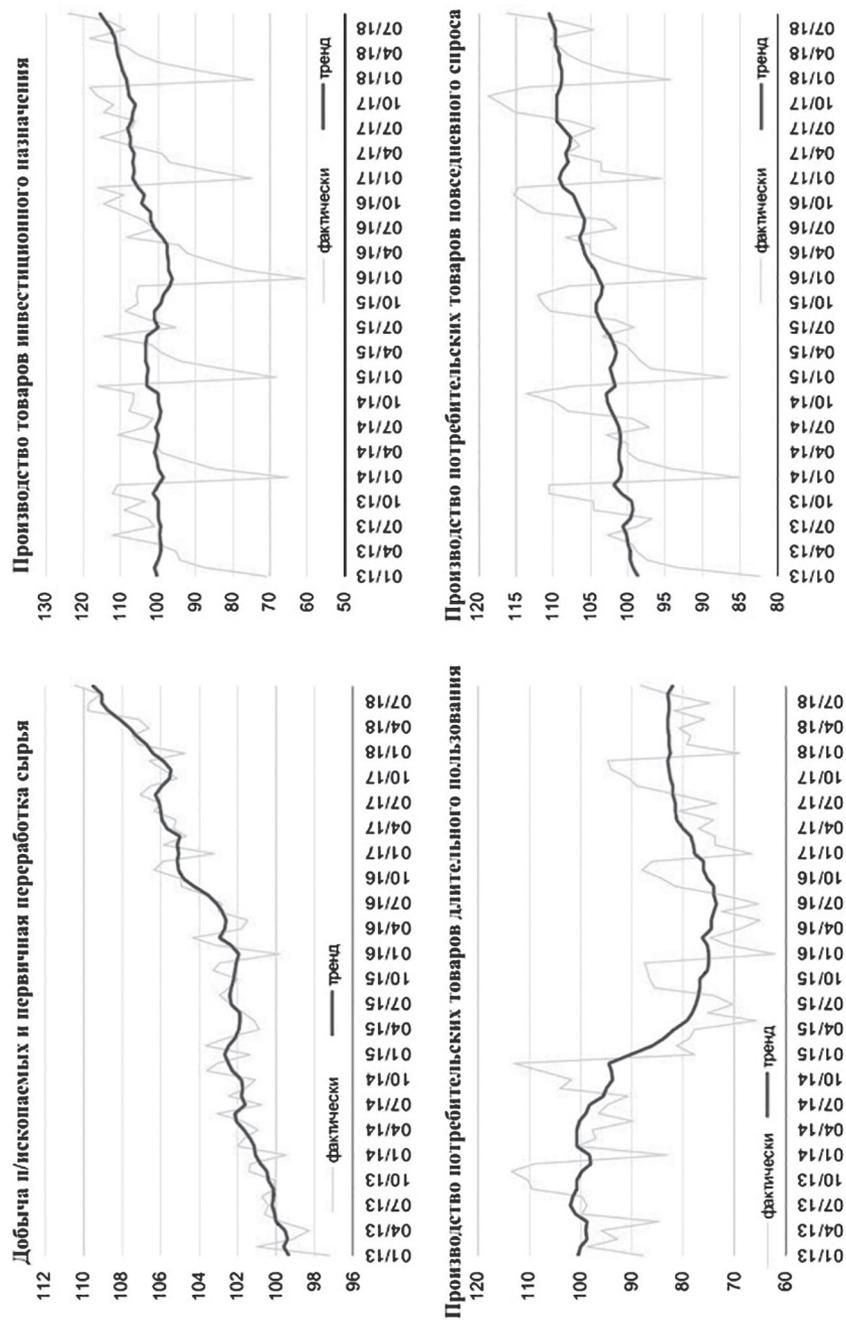

Рис. 4.50 Динамика производства по отдельным группам производств (оценки ЦМАКП, среднесуточное производство, среднегодовой уровень 2013 г. = 100)

3. **Финансовая ситуация** в реальном секторе экономики остаётся неоднозначной.

С одной стороны, в целом по экономике ситуация с прибылью в 2018 г. — формально — заметно улучшилась. По итогам января-июля прирост к аналогичному периоду прошлого года составил 34%, что с лихвой компенсировало некоторое ее проседание (на 9%) в 2017 г.

Однако этот рост был во многом обусловлен улучшением мировой ценовой конъюнктуры и, соответственно, был преимущественно сосредоточен в экспортно-сырьевом сегменте. Как следствие, дифференциация секторов по уровню рентабельности заметно усилилась: в настоящее время на фоне сверхприбыльного сырьевого сегмента выделяется целый спектр производств с очень низкой рентабельностью¹⁵³ (см. рис. 4.51).

Рис. 4.51 Рентабельность оборотного капитала (% , июнь 2018)

С другой стороны, суммарно, с учетом доходности бизнесов, накопленной долговой нагрузки и платежной дисциплины (см. рис.), следует констатировать, что в остро кризисной ситуации у нас находится практически весь инвестиционно-ориентированный сегмент экономики: строительство, операции с недвижимостью, производство стройматериалов, ряд машиностроительных производств.

Рис. 4.52 Долговая нагрузка (чистые обязательства к EBITDA, июнь 2018)

Рис. 4.53 Доля просроченных кредитов (авг. 2018)¹⁵⁴

4.4.2. Сценарий № 2. «Адекватные ответные действия»

Традиционный, действующий вариант, можно назвать «Сценарий № 2», хотя эта политика и не является, строго говоря, стратегией, а, скорее, набором рефлексивных ответных действий. Как правило, этот подход России в последние годы представляет собой ответную, замедленно-спокойную, нередко запоздалую реакцию на действия США, который характеризуется, в частности, в лучшем случае как попытки спрогнозировать новые угрозы и наметить возможные меры по их парированию¹⁵⁵. Политики западных санкций («силового принуждения») и российская политика противодействия.

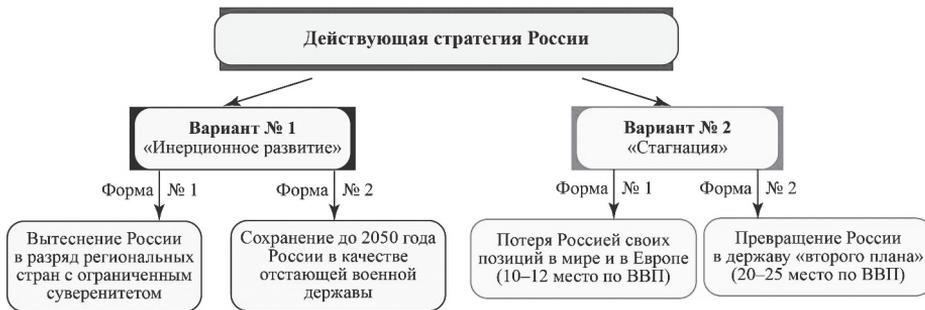

Рис. 4.54 Стратегия №2 «Адекватные ответные действия»

Политика экономических санкций — не точное и неверное название политики «силового принуждения» в отношении России, которая являлась, во-первых, логичным продолжением силовой внешней политики США в отношении России в последние годы и которая менялась лишь в некоторых акцентах, но не в конечных радикальных целях, а, во-вторых, была коалиционной политикой в отношении России со стороны широкой западной военно-политической коалиции, созданной США.

Итоги развития в мире и в России в 2013–2018 годы свидетельствуют о том, что такая традиционная монетаристская политика может сохранить страну в рамках алгоритма общего движения мира на какое-то время, но неизбежно увеличивает отставание России. В этом может заключаться главный смысл санкций — сохранить Россию во «втором

эшелоне» мировых держав по уровню технологического и социально-экономического развития, чей человеческий капитал (ИРЧК) находится на уровне Мексики и Аргентины.

Таблица 4.14 Стабильное мировое развитие¹⁵⁶

	2016	2017	2018f	2019f	2020f
World	2.4	3.0	3.1	3.0	2.9
Advanced economies	1.6	2.3	2.2	1.9	1.7
United States	1.6	2.3	2.5	2.2	2
Euro Area	1.8	2.4	2.1	1.7	1.5
Emerging and developing economies	3.5	4.3	4.5	4.7	4.7
China	6.7	6.9	6.5	6.3	6.2
Russia	-0.2	1.5	1.5	1.8	1.8
Crude oil (Brent, WTI and Dubai average, US\$/bbl)	42.8	53	65	65	66

Source: WDI, World Bank staff projections.

«Вариант «№ 2» развития России предполагает, что она будет развиваться в рамках прежней монетарной традиционной модели, которая была создана при Е. Гайдаре, но модернизированы при В.В. Путине. В этой связи, с точки зрения Запада, обращает на себя внимание **«неэкономическая»** часть санкций Закона № 3364, в которой формулируются **долгосрочные приоритеты и политические цели США.**

Целесообразно целиком привести эти требования для того, чтобы яснее понять условия сохранения России в рамках того алгоритма развития, в котором она оказалась благодаря реформаторам.

§252. Мнение конгресса.

Позиция Конгресса состоит в том, что

(1) Правительство Российской Федерации несёт ответственность за продолжающееся насилие в Восточной Украине, включая смерть 24 апреля 2017 года Джозефа Стоуна, гражданина США, который работал в

качестве наблюдателя от Организации по Безопасности и сотрудничеству в Европе;

(2) Президент должен призвать руководство Российской Федерации;

(А) вывести все свои войска с территории Грузии, Украины и Молдовы;

(В) вернуть контроль над границами этих территорий их соответствующим юрисдикциям, а также

(С) прекратить все усилия против народно избранных правительств этих стран.

(3) Правительство Российской Федерации применяет и продолжает применять к странам и народам Грузии и Украины традиционное использование силы, разведопераций и операций влияния, которые представляют собой явную и настоящую угрозу для стран Европы и Евразии;

(4) в ответ страны Европы и Евразии должны удвоить усилия по укреплению устойчивости их институтов, политических систем и гражданского сообщества;

(5) Соединенные Штаты поддерживают институты, которые Правительство Российской Федерации стремится подорвать, в том числе в странах НАТО и Европейского союза;

(6) сильная организация НАТО крайне важна для поддержания мира и безопасности в Европе и Евразии;

(7) Соединенные Штаты должны продолжать работать с Европейским союзом в качестве партнера против агрессии Правительства Российской Федерации, координируя программы помощи, участвуя в развитии и других антироссийских мероприятиях;

(8) Соединенные Штаты должны поощрять Создание комиссии по свободе СМИ в рамках Совета Европы, построенного по образцу Венецианской Комиссии по вопросам верховенства права, быть готовыми предоставить рекомендации правительственных экспертов по поддержанию правовых и нормативных мер, поддерживающих свободные и независимые СМИ для того, чтобы аудитория, получающая информацию, смогла различать информацию и мнения, основанные на фактах, от дезинформации;

(9) в дополнение к работе по укреплению НАТО и Европейского союза Соединенные Штаты должны работать с отдельными странами Европы и Евразии,

(А) выявлять уязвимости в отношении агрессии, дезинформации, коррупции и так называемой гибридной войны со стороны правительства Российской Федерации;

(В) разработать стратегические и технические планы для устранения этих уязвимостей;

(С) обеспечить меры для предотвращения использования финансовых систем этих стран для прикрытия незаконной финансовой деятельности должностными лицами правительства Российской Федерации или отдельных лиц в окружении президента Владимира Путина, которые обогатились за счёт коррупционных действий;

(D) расследовать и преследовать в судебном порядке случаи коррупции со стороны российских субъектов; а также

(Е) работать в направлении полного соблюдения Конвенции по борьбе с подкупом государственных должностных лиц в международных коммерческих сделках (обычно называемой «Антикоррупционной Конвенцией» Организации экономического сотрудничества и развития; а также

(10) Президенту Соединенных Штатов следует использовать полномочия Президента для наложения санкций согласно

(А) Закону Сергея Магнитского — Закон об ответственности 2012 года (раздел IV публичного права 112–208; 22 U.S.C. 5811 замечание), а также

(В) Общим Законом Магнитского об ответственности за права человека (подраздел F раздела XII Публичное право 114–328; 22 U.S.C. 2656).

В соответствии с этими долгосрочными целями США Конгресс объявляет о «политике США» в отношении России, которая, как видно из декларации, **отрицает саму возможность изменений на постсоветском пространстве, а именно** (подч. — *А.П.*):

§253. Провозглашение политики.

Соединенные Штаты в соответствии с принципом *ex injuria jus Non oritur* (право не может возникнуть из правонарушения), поддерживают политику, известную как «Доктрина Стимсона» и, таким образом, не признают территориальные изменения, произошедшие при применении силы, включая незаконные вторжения и оккупации Абхазии, Южной Осетии, Крыма, Восточной Украины и Приднестровья.

Наконец, Конгресс США предлагает конкретные меры по «противодействию российскому влиянию», подтверждая тем самым стремление ограничить влияние России на постсоветском пространстве и в Европе.

§254. Координационная помощь и помощь в Европе и Евразии.

(а) Одобрение ассигнований.

Одобрено выделение средств для фонда Противодействия Российскому Влиянию в размере 250 млн. долл. на финансовые годы 2018–2019.

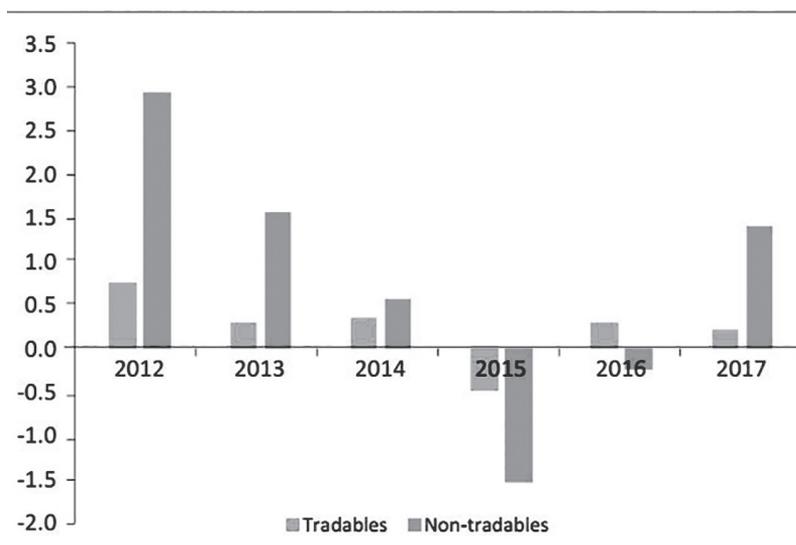
(б) Использование фондов.

Финансы фонда Противодействия Российскому Влиянию **должны** эффективно использоваться (*А.П.*) и т.д.

Ясно, что существующая стратегия России («Сценарий № 2») не вполне отражает американские и западные в целом опасения и угрозы, прежде всего, в понимании радикальности, бескомпромиссности и долгосрочном характере политики «силового принуждения» в отношении России. Так, на нескольких совещаниях высокого политического и экспертного уровня вплоть до начала 2014 года мне доводилось слышать доминирующий рефрен: «Мы находимся в исключительно благоприятной МО», который иногда сопровождался «прогнозом» того, что «так и будет в дальнейшем». Очевидно, что неадекватность таких оценок могла привести и к запоздалым и не всегда эффективным действиям в ответ на действия западной военно-политической коалиции.

В 2016–2018 годах нередко наблюдалась аналогичная ситуация «ожидания позитива от Д. Трампа», которого, естественно, так и не поступило. Его коалиционная политика в последние годы претерпела определённую трансформацию с точки зрения переноса тяжести принимаемых коалиционных решений с псевдоколлективного уровня на уровень США и формируемых ими двусторонних отношений. Это означает, что влияние США в коалиции и в её политике будет и дальше расти, что, применительно к России, будет означать дальнейшее ослабление влияния её традиционных партнёров в Европе.

Вместе с тем, следует признать жизнеспособность существующей модели России: в 2014–2018 годах с помощью санкций не удалось дестабилизировать Россию и усилить кризис настолько, чтобы он привел к краху. Началось очень медленное восстановление экономики. Прежде всего, за счёт **нерыночных секторов** (что, как бы, не многими замечается).

Source: Rosstat.

Рис. 4.55 Восстановление экономики было обеспечено за счет нерыночных секторов¹⁵⁷

Вклад рыночных секторов в восстановление экономики России в 2017 году не превышал 0,3%, а нерыночных — в 5 раз больше. Это означает, на мой взгляд, огромный государственный ресурс развития, который необходимо использовать. Этот ресурс имеет объективный характер потому, что он опирается на государственный сектор и развитие ОПК.

С политической точки зрения, у России, как оказалось, нет своей долгосрочной внешнеполитической стратегии, в то время как у США она есть: стратегия США по ограничению и ликвидации суверенитета и территориальной целостности России — долгосрочная и межпартийная, согласованная во всех частях правящей элиты США, стратегия, не предполагающая значительных компромиссов, равенства и договорённостей. Было бы ошибкой думать, что она стала результатом политики России в конфликте с Грузией 2008 года или событий на Украине в 2014 году, или её участия в войне в Сирии. Поэтому ожидать со стороны США (и не только Д. Трампа) позитивных шагов — бессмысленно.

Стратегия США в отношении СССР и России существовала все последние десятилетия и почти была реализована к концу XX столетия. Окончательному завершению помешал просчет, в соответствии с которым в США полагали, что процессы разрушения в России приобрели необратимый характер и закончатся «естественной смертью организма» государства в первом десятилетии нового века. Когда этого не произошло в связи с приходом В.В. Путина, то был начат новый этап в «холодной войне», которому было положено законом «О демократии в России» 2002 года, где констатировалось, что в 1992–2002 гг. правительство США оказало содействие в образовании и финансовой поддержке 65 тысяч общественных «неправительственных» групп и объединений в России и «тысяч независимых местных СМИ, несмотря на противодействие со стороны правительства» (ст.2 (а) (3) (А)). Иными словами, деньги американского правительства стояли за каждым седьмым из 445 000 НПО, которые были зарегистрированы в России к 2001 году, когда разрабатывался этот законопроект. На каждые 2100 человек населения РФ приходилась одна «общественная» организация, созданная и финансируемая Вашингтоном.

Объявляя «успех демократии в России» предметом «национальной безопасности» США (ст. 2 (а) (6); 3 (а) (1)), закон заявлял о необходимости «выработать долговременную и гибкую стратегию, направленную на усиление российским обществом поддержки демократии и рыночной экономики» (ст. 2 (а) (6)); и поручал правительству США «продолжить и усилить помощь демократическим силам в РФ» (ст.3 (а) (2)). В реальной жизни данное законодательное поручение свелось, прежде всего, к продолжению подпитки Америкой политиков, «агентов перемен», либеральной интеллигенции, вечной отечественной «диссиды». На реализацию поставленных целей Конгресс обязался ежегодно выделять 50 млн. долл. (ст. 6).

Под прикрытием разговоров о необходимости содействия «гражданскому обществу» в России и других постсоветских республиках США осуществляют финансирование т. н. «неправительственных» организаций (НПО) и «агентов перемен» с целью «смены режима» (regime change), тем самым грубейшим образом вмешиваясь во внутренние дела других государств. Россия, а вместе с ней – и наши соседи, подвергаются

скрытой иностранной интервенции, теперь – под модным слоганом «гражданского общества» и т. н. «некоммерческих организаций».

В августе 2017 года в США был принят новый системный и долгосрочный стратегический закон, направленный на правовое и политическое закрепление курса на «силовое принуждение» России.

Сказанное означает, **что стратегия США в отношении России в будущем будет сохранена при любых обстоятельствах, более того, в условиях обострения ВПО, — её интенсивность будет усилена.**

В этих условиях Россия оказалась без долгосрочной стратегии в отношении США и возглавляемой ими военно-политической коалиции, которую заменил комплекс субъективных и малозначимых тактических мер, направленных на противодействие агрессии США. Ответные меры, как их называют, «адекватные», носят, как правило, запоздалый и асимметричный характер. Между тем со стороны США санкции неизбежно переходят на новый, причём качественно новый, уровень, требующий, соответственно, иного ответа.

В рамках действующей парадигмы отношений России с США и их союзниками таких мер ожидать не приходится. Пока что возможные ответные меры могут ожидаться в рамках существующей парадигмы отношений.

С 22 августа 2018 года США ввели новый пакет санкций против России. Пока речь идет об ограничениях поставок высокотехнологичного оборудования в Россию, однако уже в конце ноября может быть инициирован второй раунд санкций, который предусматривает более жесткие меры. Кроме того, в Конгрессе США рассматривается законопроект о расширении санкций против России, который также предусматривает как персональные ограничения против российских бизнесменов и чиновников, так и секторальные санкции в экономике. По оценке хорошо информированного издания «Актуальные комментарии», Россия может ответить на новые санкции вполне традиционно, а именно¹⁵⁸:

С точки зрения права и законодательной деятельности — т.е. использования **нормативных возможностей**:

Принятия ряда мер президентом и правительством (на основании рекомендаций Совбеза) в соответствии с принятым в конце мая 2018 года Госдумой законом «О мерах воздействия на недружественные дей-

ствия США и иных иностранных государств». Он наделяет президента и правительство рядом новых ограничительных инструментов, согласно которым они могут:

- Прекращать или приостанавливать международное сотрудничество Российской Федерации, российских юридических лиц с недружественными иностранными государствами, организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств.
- Запрещать ввоз продукции и (или) сырья, странами происхождения которых являются недружественные иностранные государства либо производителями которых являются организации, находящиеся под юрисдикцией недружественных иностранных государств. Перечень этой продукции определяет правительство.
- Аналогичный запрет на ввоз продукции для организаций и граждан недружественных иностранных государств. Перечень продукции также утверждается правительством.
- Запрещать недружественным иностранным государствам и компаниям выполнять работы и оказывать услуги для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также нужд отдельных видов юридических лиц.
- Запрещать недружественным организациям и государствам участвовать в приватизации государственного или муниципального имущества, а также в выполнении ими работ, оказании ими услуг по организации от имени Российской Федерации продажи федерального имущества и (или) осуществлению функций продавца федерального имущества.
- Последний пункт позволяет президенту РФ принимать иные меры, что фактически наделяет главу государства полномочиями принимать любые санкционные меры в отношении США.

Экономика

Несмотря на пугающие прогнозы со стороны американских аналитиков и СМИ, российское правительство и ЦБ заверили россиян в обеспечении финансовой стабильности

Как заявил глава Минфина Антон Силуанов, для этого имеется необходимый инструментарий, и «при необходимости он будет использован

в рамках действующего законодательства, как это уже происходило, в том числе в этом году», а также констатировал выработанную за годы санкционных мер устойчивость российской экономики перед внешними стрессами.

Кремль также отреагировал на новости о новых санкциях спокойно. «Финансовая система России достаточно устойчива, это всем хорошо известно. Она доказала свою устойчивость в достаточно непростые времена. На фоне продолжающейся непредсказуемости наших заокеанских партнеров, конечно же, мы должны и держим нашу финансовую систему в надлежащем состоянии. Это очевидно»¹⁵⁹, — сообщил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков.

Тем не менее, новости о новых мерах спровоцировали падение российского фондового рынка и ослабили рубль — так, курс доллара впервые с 2016 года поднялся до 66 руб., а евро — почти до 77 руб. Силуанов объяснил текущую волатильность валюты «как очередной волной санкционной риторики США в отношении России, так и нестабильной ситуацией на развивающихся рынках».

Распродажу российских активов закономерным явлением в текущей ситуации считают и эксперты. Экономист Сергей Хестанов в интервью АК заявил, что «люди реагируют на информацию и принимают решения не только исходя из того, что есть, но и исходя из того, что, по их мнению, произойдет». Он также подчеркнул, что жесткие меры по заморозке валютных вкладов вряд ли можно ожидать. «Чаще всего такие пессимистичные ожидания не оправдываются», — подытожил эксперт.

Промышленность и товарооборот

Товарооборот между двумя странами, несмотря на рост 20% за 9 месяцев 2017 года, остается на низком уровне — \$16,9 млрд. Например, товарооборот России с Китаем в 2017 году составил \$86,9 млрд.

Как сообщает ФТС, треть российского экспорта в США — это металлы и изделия из них. Кроме того, Москва продает Вашингтону минералы, драгметаллы, камни, химпродукцию, а также российское оборудование, транспорт и древесину.

Россия, в свою очередь, чаще всего из США импортирует машины и оборудование (43% от общего объема экспорта США в РФ), а

также продукцию химической промышленности (16,5%). Таким образом, промышленность — важнейшая отрасль товарооборота России и США.

Необходимо понимать две важные детали. Во-первых, несмотря на то, что отношения между двумя странами шли по ниспадающей, это не отразилось на товарообороте двух стран. Объем экспорта в Россию увеличился на 20,6% (до \$7 млрд.) по сравнению с предыдущим годом. В то же время вырос уровень экспорта из России в США на 17% (до \$17 млрд.). Об этих данных пишется в отчете Торгового представительства США за 2017 год¹⁶⁰.

Во-вторых, как видно из цифр предыдущего абзаца, Россия продала товаров в США на сумму на \$10 млрд. больше, чем сама купила у Штатов.

Торговый дефицит США в данном случае Россия может себе записать в плюс — отказавшись от товарооборота с Москвой, Вашингтону придется искать новые рынки импорта — не факт, что по выгодной цене.

Впрочем, для продолжения позитивной динамики торговли между Россией и США даже без учета новых санкций уже существует одно серьезное препятствие. Речь идет о пошлинах на ввоз стали (25%) и алюминия (10%), которые 23 марта этого года ввел Дональд Трамп.

Минпромторг заявил об ущербе российской экономике в размере не менее \$2 млрд. по стали и \$1 млрд. по алюминию. Торговое представительство США в России пока еще не предоставляло отчетов по товарообороту России в США во втором квартале, но аналитики прогнозируют снижение российского экспорта в Штаты¹⁶¹.

Бывший министр экономики РФ, научный руководитель НИУ ВШЭ Евгений Ясин считает, что предлагаемые ранее ограничительные меры со стороны России «были не столько во вред нашим оппонентам на Западе, сколько самим себе и нашим гражданам». По его мнению, санкции будут приняты. Тем не менее, сам эксперт подчеркнул, что в данной ситуации «никаких санкций бы не применял».

«Это не то, чем мы можем добиться хоть малейшего успеха. Нет никаких отраслей, где я мог бы сказать, что эти контрсанкции могут быть полезны. Больше всего, наверное, это может быть полезно в отношении

наших различных оборонных нововведений. Но они ведь итак защищены», — сказал Ясин в интервью АК.

Авиация

Под новые санкции может попасть «Аэрофлот», которому запретят осуществлять полеты в США. На фоне этих новостей акции авиакомпании подешевели на 8%. В случае реальных ограничений власти РФ могут ответить асимметрично.

Американские авиакомпании не совершают рейсы в Россию, однако зачастую используют воздушное пространство РФ для осуществления грузовых или пассажирских перевозок. По данным Bloomberg, на конец 2017 года из почти 55 тыс. транзитных полетов иностранных авиакомпаний, проходящих над территорией России, 15 тыс. проходило по кроссполярным маршрутам (из США в Азию), около 32 тыс. — по трансвосточным (со стороны Канады и Восточной Америки в сторону Юго-Восточной Азии, полеты идут над северной частью Тихого океана с заходом на территорию России со стороны Петропавловска-Камчатского, Владивостока, Южно-Сахалинска).

Такой шаг вынудил бы американские авиакомпании перенаправлять часть рейсов, а от части из них отказаться вовсе. Однако, очевидно, что в таком случае санкционные меры в сфере авиации против России могут ввести и другие страны.

Дипломатический уровень

Один из пунктов второго пакета американских санкций, который может быть внедрен в конце ноября, предусматривает понижение статуса дипломатических отношений или же их полную остановку. Предыдущие санкционные меры США в сфере дипломатии всегда находили зеркальный ответ со стороны РФ. В ответ на высылку российских дипломатов по «делу Скрипалей» власти нашей страны также выслали 60 сотрудников американской дипмиссии. Ранее, в июле 2017 года, Россия в ответ на американские санкции потребовала от США сократить численность своей дипмиссии более чем на 700 сотрудников.

В ответ на дипломатические ограничения российские власти могут закрыть оставшиеся консульства США в Екатеринбурге и Владивостоке. Консульство в Санкт-Петербурге было закрыто ранее. Это усложнит работу дипломатической миссии на территории России, однако

также повлияет и на процесс выдачи американских виз для граждан РФ, который в последнее время усложнился из-за сокращения числа сотрудников.

Также могут быть возобновлены высылки американских дипломатов, который, скорее всего, спровоцирует аналогичные меры и со стороны США.

Перспективы

Любые санкционные меры, как правило, бьют по обеим сторонам противостояния. «Санкции, любые политически мотивированные ограничения, протекционизм — все это вещи однопорядковые, все это способы решения политических вопросов, в конечном счете, негодные для достижения конечного результата. Они вредны для всех: и для тех, кто их инициирует, и для тех, против кого они направлены», — заявил Путин журналистам по итогам встречи в Австрии. При этом президент России неоднократно подчеркивал, что в случае необходимости Россия будет предпринимать зеркальные меры для защиты собственных интересов.

О то, что Россия и дальше будет придерживаться этой линии поведения, заявили и в МИД РФ: «Мы, к сожалению, вынуждены действовать адекватно. Это можно называть зеркально, симметрично, как угодно»¹⁶², — сказала официальный представитель ведомства Мария Захарова.

Сейчас в США есть несколько линий санкционной политики против России. С одной стороны — это санкции по «делу Скрипалей», с другой — законопроект, инициаторами которого стали Линдси Грэм и Боб Менендес. Ожидается, что до 2018 года пройду как минимум три раунда расширения санкций против России, поэтому очевидно, что власти РФ будут отвечать на каждый из этих выпадов.

Таким образом, в рамках действующей парадигмы ответная реакция России будет симметричной и адекватной, а также малоэффективной, по сути подталкивающей Запад к дальнейшим акциям в области политики «силового принуждения». Политика России — политика ожидания и выжидания — как и в 2014–2018 годы — будет вести к ослаблению развития, снижению невысоких темпов роста ВВП и дальнейшему отставанию.

4.4.3. Сценарий № 3.

«Варианты стратегий опережающего развития»

Хотя инициатива в выборе направления нападения принадлежит обычно противнику, атакующей стороной всегда должны быть войска ПВО¹⁶³

*П. Батицкий,
Главком ПВО*

Необходимость стратегии, «дорожной карты», сценария опережающего развития для России стала очевидна давно на фоне её нарастающего отставания от Запада, КНР, Индии и исламских стран. Эта необходимость иногда проявлялась в требованиях В.В. Путина «войти в 5 ведущих держав мира» и прочие установки, которые можно назвать в лучшем случае пожеланиями. Иногда, в особенности с обострением ВПО, эти требования реанимировались. Именно так происходило несколько раз в 2018 году, впрочем, как и всегда, без видимых результатов.

В период до 2024 года проблемы промышленной политики становятся частью более широкой проблемы социально-экономического развития России, которые, в свою очередь, самым тесным образом смыкаются с ещё более широкими проблемами обеспечения уже не только безопасности, но и самого выживания нации — сохранения государственного суверенитета и национальной идентичности. И не только в силу постоянно вводимых против России санкций, затрудняющих технологическое и промышленное развитие, но и в силу растущего отставания в промышленно-технологическом развитии России от наиболее быстро развивающихся стран.

Этот комплекс проблем превращается из экономических и научно-технологических в цивилизационный и глобальный для всей российской нации, требуя изначально уже не финансово-экономического (привычного для российской элиты последних лет), а глобального, геополитического подхода, т.е. принципиально новой стратегии развития. Мне представляется, что такого рода стратегии могут представлять собой в любом случае те или иные варианты базовой стратегии опережающего развития, но сами по себе, конечно, эти варианты будут отличаться друг от друга.

Рассмотрим сначала самые общие черты, объединяющие возможные будущие варианты сценария, который я назвал бы «Сценарием опережающего развития».

Этот комплекс проблем в целом можно свести к следующим:

- проблемы опережающего научно-технического и технологического развития России;
- проблемы ускоренного социально-экономического развития нации;
- проблемы обеспечения информационно-когнитивной и цивилизационной безопасности;
- проблемы обеспечения внешней, прежде всего, военной, безопасности государства и нации.

Особенно важно отметить, что решение этих задач предстоит при крайне неблагоприятных условиях: внешних — эскалации враждебной военно-силовой политики западной коалиции по отношению к России, и внутренней — отсутствия стратегии национального развития, социальной и внутриполитической стабильности, сколько-нибудь ясного политико-идеологического плана и алгоритма развития.

4.4.3.а). Почему проваливаются современные сценарии опережающего развития?

Строго говоря, никогда и никаких сценариев опережающего развития у России не было. Как и механизмов их реализации. Как и реального мотива у правящей элиты страны. В лучшем случае за счёт роста цен на углеводороды всплывали идеи «удвоения ВВП», причём удвоение не производства товаров и услуг, а именно стоимости, которая добавлялась к ВВП и бюджету.

Результаты развития России в 2018 году свидетельствуют о том, что она находится в зоне «устойчивой рецессии». Росстат оценил увеличение чистого финансового результата компаний (кроме бюджетников, финансового сектора и малого бизнеса) в 30,6% в январе–августе 2018 года в сравнении с тем же периодом годом ранее — прежде всего из-за роста прибыли в добыче нефти и газа в 2,2 раза на повышении цены нефти

Рис. 4.56 Рентабельность оборотного капитала в отдельных секторах экономики РФ (% , июнь 2018 г.).

Источник: ЦМАКП

и дополнительных квотах на экспорт из РФ по соглашению ОПЕК+. Рост прибыли до налогов по сравнению с январем–июлем замедлился на 4,1 процентного пункта, при этом торговля (третий по объему прибыли сектор в экономике) в августе зафиксировала убыток в 42 млрд. руб. На этом фоне доля прибыльных компаний в экономике снизилась до 68,2% (69,1% год назад).

Дифференциация секторов по уровню рентабельности заметно усилилась. «Доходность оборотного капитала почти в половине секторов оказывается ниже, чем доходность альтернативных безрисковых направлений размещения свободных средств (гособлигации) и уж тем более — ставки по кредитам предприятиям», — отмечается в октябрьском докладе ЦМАКП «Тринадцать тезисов об экономике». Помимо этого суммарно с учетом доходности бизнесов, накопленной долговой нагрузки и платежной дисциплины «в остро кризисной ситуации у нас **находится практически весь инвестиционно-ориентированный сегмент экономики**» — строительство, операции с недвижимостью, выпуск стройматериалов, некоторые машиностроительные производства, отмечают аналитики центра. Например, чистые обязательства к ЕВГТДА в операциях с недвижимостью составляли в июне 2018 года 7,1%, в производстве машин и оборудования — 7%. строительстве в августе 2018 года составляла 22,5%, а в производстве стройматериалов — 17,6%¹⁶⁴.

В целом, констатируя «устойчивую стагнацию», в которой находится на сегодняшний день экономика РФ, в ЦМАКП отмечают: «В ситуации, когда диверсификация производства и экспорта продукции является необходимым объективным условием для перехода к интенсивному устойчивому экономическому росту, в нашей экономике процесс идет ровно в обратном направлении — к упрощению и структуры экономики, и экспорта. Сформировалась целостная конструкция экономического роста, в чем-то воспроизводящая черты даже не российской экономики 1990-х, а советской 1980-х годов».

Доля просроченных кредитов, таким образом, в реализации промышленной политики России до 2024 года будет происходить в крайне неблагоприятных условиях, которые оставляют мало надежд на получение значимых результатов. Главная фальшивая цель российского правительства состоит в его бюджетоцентрической установке. «Даёшь бюджет любой ценой!» — это путь к социальной катастрофе. Если бесконечно убивать платёжеспособный спрос, не будет ни спроса, ни экономики, ни бюджета.

На первое место в политике правительства должна выйти проблема обеспечения экономического роста, а не наполнения бюджета — при всей

важности бюджета. То есть приоритет — экономическая эффективность принимаемых решений, в том числе и решений по бюджету. Бюджет — не самоцель, он не существует сам по себе и сам для себя. Бюджет — это инструмент для чего-то. Для чего? Для наращивания эффективности производства. Но у наших либералов бюджет — это вещь в себе. Самоцель и итог работы, главный критерий её качества. Есть бюджет — есть результат. Даже если этот результат — убийство экономики.

Бюджет у либералов существует для бюджета, ценой удушения производства и убийства его эффективности. Наполнять бюджет при падающем росте и предупреждать о том, что ещё шесть лет будет только хуже, денег всё больше не будет, но вы держитесь и хорошего вам настроения — это колоссальная политическая ошибка.

Если не учиться, учиться и учиться, если забыть исторический опыт, накопленный человечеством, то можно не только не стать коммунистом, а и перестать быть капиталистом, превратившись в членов временного правительства, в конце концов, озабоченных только проблемой скорейшей и безопасной эмиграции. Однако и такая перспектива нынешним министрам-экономистам может не улыбнуться. Спаситься в этом мире в стадии его полураспада будет уже нелегко.

По официальным правительственным данным на осень 2018 года некоторые области российской науки характеризовались следующим образом:

- Производительные вычислительные машины — снижение количества научных работ на 32%.
- Биоинженерия — минус 30%.
- Геномные технологии — снижение на 32%.
- Клеточные технологии — минус 37%.
- Наноматериалы и наноустройства — 30%¹⁶⁵.
- Также отрицательная динамика наблюдается в научной деятельности в области математики, физики, геологии, биологии и в горном деле.

Специалисты поясняют, что для успешной научной деятельности требуется так называемая триада:

1. Государственный или социальный запрос.

2. Соответствующее финансирование — государственный или частный грант.

3. Заказчик, который не положит результаты научной работы в стол, а воплотит их «в железе».

Множество научных институтов получают госфинансирование в прямой пропорции к количеству публикаций. Этот принцип финансирования — по результатам КРП — плодит лженауку, но никак не помогает серьезным исследованиям. И что мы имеем в сухом остатке? Серьезные ученые, не желающие участвовать в балагане, уезжают за границу, где им создают все условия для работы. Остаются работать или патриоты, или те, кто на Западе не пригодился. Как закономерный результат, по словам Агладзе, произошел качественный слом российской науки: За несколько десятилетий произошел такой естественный отбор: сильные ученые уехали и научные школы остались без старых лидеров, но и без возможности новых лидеров воспроизводить. В результате худшие воспроизводят еще более худших.

Для сравнения, по состоянию на 2016 год вложения Соединенных Штатов Америки в научные разработки составили 464 млрд. долл., Европейский союз вложил в науку 350 млрд. долл., а Китай — 412 млрд. долл. Чтобы было понятно, в пересчете на тогдашний курс американской валюты, Пекин инвестировал в развитие собственной науки полтора федерального бюджета Российской Федерации.

В этой связи предлагается рассмотреть два основных базовых сценария промышленного развития России до 2024 года:

Во-первых, — нынешнего, инерционного, утвержденного правительством Д.А. Медведева и 27 сентября 2018 года, опирающегося на бюджет 2019 года и последующие три года.

Во-вторых, мобилизационного сценария опережающего развития России до 2024 года, который возможен к реализации в нескольких вариантах, о которых будет сказано ниже.

Учитывая вышесказанное, не просто целесообразно, но и неизбежно необходимо будет перейти к новой стратегии развития страны, что, в свою очередь, предполагает отказ от нынешнего сценария (инерционного) экономического и промышленного развития.

Рис. 4.57 Базовый и перспективный вариант развития экономики и промышленности России до 2024 года в системе мер по обеспечению безопасности

Рис. 4.58 Структура нового (VI) технологического уклада и темпы роста его составляющих¹⁶⁶

Это же предполагает изменение политики в отношении Запада и проводимой ими стратегии «силового принуждения», противодействия политике экономических санкций, являющейся, повторю, только небольшой частью политики «силового принуждения» Запада.

Смена стратегии противодействия совпадает со сменой стратегии развития экономики России, которая, в свою очередь, отставала от наиболее передовых моделей развития экономики, к которым пришли ещё в конце прошлого века, а именно — опоры на технологическое развитие. Таким образом, выбор стратегии противодействия означает на самом деле **выбор стратегии развития страны**.

Существует, как минимум, несколько вариантов такой стратегии на сегодняшний день, которые сводятся, в конечном счете, к следующим:

- вариант «Пассивное сопротивление» (вариант № 1), основанный на устаревшей либеральной экономической модели развития и признании зависимости от Запада;
- вариант «Асимметричные меры» (вариант № 3), предполагающий политическую и даже военную реакцию на политику Запада и возвращение к полностью закрытой модели экономического развития;
- вариант (вариант № 2) «Опережающее научно-техническое и технологическое развитие», от которого фактически отказался М. Горбачёв в 1985 году.

Если на Западе выбор был сделан в 70–80-е годы прошлого века, то Россия вновь пытается только-только сделать такой выбор в 2018 году, предложив очередные программы целевого развития, хотя уже несколько раз подобные программы оказались не реализованными.

В России происходит своего рода смена философии правящей элиты, которая, отказавшись от марксизма в 80-е годы, бросилась в объятия либерального капитализма, затем госкапитализма, а теперь поворачивается лицом к реальным приоритетам — технологическому развитию. Мир прошел этот путь еще 30 лет тому назад.

Рис. 4.59 Стратегия «Опережающего развития»

До конца 1980-х гг. влияние технологий на долгосрочный экономический рост рассматривалось в традиции модели Солоу, в которой оно полагается внешним фактором (наряду с ростом численности населения и нормой выбытия физического капитала).

П. Ромер — лауреат Нобелевской премии по экономике 2018 года — предложил рассматривать технологический фактор как эндогенную величину, определяемую внутри экономической системы и за счет усилий экономических агентов. Движущая сила этого фактора — инвестиции фирм в НИОКР. Так появилась знаменитая АК-модель, ставшая к настоящему моменту общим местом в учебниках (по крайней мере, магистерского уровня), а затем и отдельный раздел в теории — теория эндогенного экономического роста.

Следует отметить, что П. Ромер сочетал научную деятельность с предпринимательской, а также работой международного чиновника, являясь до недавнего времени главным экономистом Всемирного банка. При этом он не отходил от работы над проблематикой экономического роста: в известном эссе 2015 года он размышляет о возможности поддерживать устойчиво высокие темпы роста, связывая их с опережающей динамикой урбанизации. Это, по его мнению, питательная среда и для научно-технического прогресса, и для новых форм предпринимательства¹⁶⁷.

Таким образом, в присуждении премии У. Нодхаусу и П. Ромеру можно увидеть попытку вновь обратить внимание на необходимость комплексных и антропоцентричных мер, направленных на стимулирование экономического роста.

В условиях неопределенности экономической политики и геополитических рисков это можно рассматривать как пример позитивной повестки, которую предлагает экономическая наука. Для самой экономической науки присуждение премии — это тоже вежа. Спустя 31 год после премии, полученной Р. Солоу, состоялось **возвращение к проблематике экономического роста.**

4.4.3.б). Вариант № 1.

Стратегия развития и противодействия в рамках существующей парадигмы отношений с Западом»

В целях реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации...
Правительству поручено создание качественно новой системы анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности на период от 30 до 50 лет в интересах формирования¹⁶⁸ государственных программ вооружений

В рамках существующей парадигмы отношений с Западом и развития России можно говорить только об очень ограниченных возможностях такого развития в некоторых отраслях и подотраслях, прежде всего ОПК и других, связанных с необходимостью обеспечения безопасности страны в той степени, в которой ей угрожают внешние ограничения. В том числе и по причине стремительно наращиваемой военно-промышленной мощи США¹⁶⁹. Но, прежде всего, придётся до конца отказаться от образа мыслей, которые доминировали в нашей правящей элите в последние годы. И которые хорошо представлены в одном из докладов Комитета по промышленности Совета Федерации от 2004 года в качестве установочного принципа приводилась мысль,

отражавшая доминировавшие настроения в СССР–России с конца 80-х годов.

В соответствующем разделе («Условия, в которых государству предстоит разрабатывать и проводить промышленную политику») доклада откровенно признаётся: «Наиболее важной долгосрочной тенденцией, которая будет влиять на разработку и проведение промышленной политики, является изменение места и роли государства в жизни общества на всех уровнях, от местного сообщества до человечества в целом. Государство современного типа постепенно теряет свой уникальный характер и уступает свои функции негосударственным, надгосударственным и субгосударственным организациям. Эти организации могут иметь, а могут и не иметь характера абстрактных корпораций. К их числу относятся международные организации и объединения, местные сообщества, производственные и финансовые корпорации, общественные движения, религиозные объединения, нелегальные силовые структуры разного рода и т.д.

Главные причины изменения характера государства (и, во многих случаях, его упадка) состоят в следующем:

1). Отмирание войны **между государствами** как общественного института.

Государство современного типа возникло в Европе в первую очередь как инструмент ведения войн с другими государствами. Появление ядерного оружия сделало невозможной полномасштабную войну между государствами, обладающими ядерным оружием. Впоследствии, из-за опасения эскалации, этот процесс распространился и на большую часть остальных государств. В настоящее время война между государствами, которую ведут регулярные армии с использованием обычных видов вооружения, стала редким явлением и ограничено войнами, в которых с одной или с двух сторон участвуют слабые и относительно небольшие государства, имеющие мало влияния в мире.

Одновременно происходит процесс перехода социальной функции ведения войны, к разного рода негосударственным структурам, которые с трудом можно отделить от гражданского населения. Такие войны ведутся не только на поле боя, но используют всю совокупность социально-психологических, политических, экономических и иных способов

воздействия на противника. В войнах с участием таких структур традиционные государственные армии, вооруженные тяжелым оружием, становятся малоэффективными».

Собственно говоря, эта мысль, господствовавшая в России до начала второго десятилетия, стада главной политико-идеологической посылкой развития ОПК в России.

Декларируемый вариант «Стратегии опережающего развития», который я условно назвал вариантом «Пассивного сопротивления», предполагает противодействие Западу в рамках сложившейся с ним парадигмы отношений. Этот вариант, надо открыто признать, пока что не даёт желаемого результата. Более того, к концу 2018 года стало ясно, что социально-экономическое развитие России в целом остаётся в рамках тенденции «стагнации» 2014–2018 годов, если речь не идёт об отдельных (даже частных) случаях реализации крупных проектов. Это хорошо видно на примере развития мелкого и среднего бизнеса, который в максимальной степени оказался под давлением негативного развития МО и ВПО в мире. В 2018 году, например, более 80% российских компаний заявили о готовности продать активы.

Большинство опрошенных ЕУ руководителей российских компаний готовы продать рискованные активы. Однако к приобретениям готовы меньше трети инвесторов, а 84% собственников в России готовы отказаться от части активов из-за их неэффективности или каких-либо выявленных рисков. Но спроса на эти активы не хватает: только 32% инвесторов готовы вложиться в новые проекты, следует из результатов очередного глобального опроса «Барометр уверенности компаний» аудиторско-консалтинговой группы ЕУ (опрос есть у РБК). «Основная активность рынка связана с продажей малого и среднего бизнеса, и на данный момент предложение превышает спрос: только 32% опрошенных планируют приобретения», — сказал партнер ЕУ, руководитель практики консультационных услуг по сделкам в СНГ Алексей Иванов в понедельник, 3 сентября. Риск прекращения деятельности.

Из этих 84% российских респондентов 33% готовы продать экономически неэффективные активы и 51% — те активы, которые связаны с «риском прекращения деятельности». При этом само исследование проводилось минувшей весной и совпало с апрельским раундом

американских санкций против крупного российского бизнеса. В опросе приняли участие 60 руководителей российских компаний из 14 секторов экономики.

Главным риском, угрожающим развитию бизнеса, 55% респондентов в России назвали геополитическую напряженность. Также беспокойство вызывают изменение торговой политики, волатильность валютного курса и цифровая трансформация. При этом большинство опрошенных ЕУ российских руководителей (89%) считают, что число завершенных сделок в 2018 году увеличится. «Принимая во внимание благоприятные изменения, увеличение доходности и доступности кредитов, многие уверены в том, что лучшее еще впереди», — говорит Иванов. Надежды бизнеса на улучшение ситуации связаны с возвращением фондов прямых инвестиций как основных покупателей активов.

В июне глава Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) Кирилл Дмитриев пообещал инвестировать более 7 трлн. руб. в инфраструктурные и высокотехнологичные проекты в России. В конце 2017 года фонд создал новую инвестиционную платформу «РФПИ Технологии»¹⁷⁰.

Этот вариант стратегии практически находится в рамках существующей стратегии (которую назвали «Стратегия № 2»), но отличается от неё именно тем, что он планирует нашу реакцию на перспективу, как минимум, 3 лет. Что ясно следует из существующего правительственного бюджетного планирования. В частности, российский эксперт Иван Тимофеев считает, что основные долгосрочные приоритеты стратегии должны заключаться в следующем¹⁷¹:

Первым долгосрочным приоритетом в противодействии санкциям должна стать не столько международная торговля, сколько международные финансы. Американская политика санкций базируется на доминировании доллара и возможности использования глобальных финансовых экстерриториальных санкций. Отвечать на такие санкции ограничениями торговли — всё равно, что стрелять по слону из рогатки. Сегодня России практически нечего противопоставить финансовому давлению. Отчасти угрозу смягчает то, что наша страна глубоко интегрирована в мировую экономику. Поэтому, например, ст. 242 СААТSA о санкциях против российского суверенного долга пока реализована не была — удар

по России скажется и на американских инвесторах. Однако как таковую проблему уязвимости перед финансовыми санкциями это не снимает. Здесь по-настоящему глобальной задачей российской внешней политики должно стать создание коалиции стран, заинтересованных в создании альтернативных систем расчётов. Естественным союзником Москвы здесь является Пекин, который также уязвим перед финансовыми санкциями и к тому же обладает более внушительными возможностями по созданию альтернативных финансовых систем. Вовсе необязательно ставить во главу угла уничтожение доллара любой ценой. Но наличие альтернативы позволит застраховаться от злоупотреблений Вашингтона своим финансовым лидерством.

Второй приоритет — диверсификация торговых связей, а также их углубление до такого уровня, при котором экстерриториальные санкции не смогут нарушить партнёрство с третьими странами. Например, Россия является важнейшим поставщиком вооружений в Индию. Экстерриториальные санкции США против Дели неизбежно вызовут жёсткое политическое противодействие индийской стороны с учётом важности сотрудничества с Москвой для индийской национальной безопасности. Однако эта задача существенно повышает планку конкурентоспособности российских товаров и услуг. Санкции заставят нас существенно повысить качество экспорта. А значит, решение задачи потребует и качественных изменений российской экономики. Хозяйство сырьевой ренты уязвимо перед санкциями.

Третий приоритет — развитие и укрепление международного права в использовании односторонних санкций. Российская позиция, предполагающая, что СБ ООН является единственным легитимным источником санкций, должна активно продвигаться во взаимодействии с другими странами. Из числа постоянных членов СБ ООН сходных позиций придерживается КНР. Необходимо вести системный мониторинг экономического ущерба и нарушений прав человека в результате использования санкций. Они должны стать неприемлемыми как с правовой, так и с этической точки зрения.

Кроме того, И. Тимофеев предлагает использовать противоречия между США и странами ЕС. Он считает, что кроме того, важно понимать, что санкции США и ЕС против России имеют принципиально

разную логику, несмотря на то, что на уровне политической риторики Вашингтон и Брюссель придерживаются сходных позиций. Так, например, США активно идут на санкционную эскалацию — расширяют число поводов для введения санкций, число подсанкционных лиц и компаний, активно используют санкции для дискриминации российского бизнеса. Совершенно иным образом обстоит дело с санкциями ЕС. Брюссель не выходит за пределы «украинского пакета» — даже, несмотря на давление своих партнёров. Политика контрсанкций должна учитывать эти нюансы. Необходимо чётко отделять политику противодействия санкциям США и ЕС. Распространённый у нас стереотип о европейцах как о «вассалах Вашингтона» контрпродуктивен. Он лишь подводит нашу политику в отношении ЕС под американский знаменатель, то есть укрепляет американские позиции. Иными словами, стратегия по противодействию санкциями вряд ли будет плодотворной, если её целью будет нанесение максимального ущерба «во что бы то ни стало» и если она будет направлена против некоего абстрактного «Запада» без учёта важных отличий в политике западных государств¹⁷².

С чем нельзя ни согласиться, так это с его мнением о том, что «Работа над этими приоритетами потребует длительного времени и больших усилий. Но она, по крайней мере, будет носить активный характер. В обороне можно добиться локальных успехов. Серьёзные результаты возможны только при наличии инициативы».

Тем не менее, я полагаю, что такой традиционный алгоритм поведения России будет малоэффективен: создание международной валютной системы и переориентация торговли — процессы, которые в незначительной степени зависят от России в силу её небольшого экономического и финансового значения в мире, а международное право и его институты в условиях их девальвации Западом играют всё меньшее практическое значение.

Изменить ситуацию может только принципиально новая модель развития России в мире, основанная на научно-техническом и технологическом «рывке», который объективно остаётся единственным средством опережающего развития России.

Но самая главная нерешённая проблема — это ликвидация подразделений, занимающихся перспективой разработкой ЗРК семейства «Тор»,

в составе НПО «Алмаз» имени академика А.А. Расплетина (НИЭМИ) и передача этих функций заводу-изготовителю. Это приводит к недопустимо низкому уровню исследований, отсутствию научно обоснованной концепции развития одного из важнейших направлений совершенствования средств ПВО и фактически к топтанию на месте.

«Пересадка» комплекса на различные транспортные средства — это хорошо, но недостаточно, это не концепция развития и глубокой модернизации. Без решения этой и других, ранее рассмотренных, проблем неизбежно будет деформирована система вооружения войск ПВО Сухопутных войск, да и Воздушно-космических сил в целом.

Система вооружения — продукт глубоких научных и военно-технических исследований, результат решения многоплановой минимаксной задачи, позволяющий при минимальных затратах получить максимально возможный боевой эффект. Каждое из боевых средств наиболее эффективно решает главную для него задачу. Области решения задач могут частично перекрываться, но это только увеличивает эффективность решения той или иной задачи, а вот исключение одного или нескольких образцов из системы вооружения приводит к появлению брешы в системе обороны¹⁷³.

4.4.3.в). Вариант № 2.

Активного технологического развития («технологического скачка»)

Вариант «технологического скачка» — достаточно банален. Его предложение регулярно возникает в правящих элитах ведущих стран, включая Россию, где он был популярен в начале нулевых. Но в отличие от России, администрация Д. Трампа его начала реализовывать целенаправленно и системно¹⁷⁴. Этот вариант предполагает разработку собственной политики опережающего развития в условиях неизбежного нарастающего силового давления со стороны западной коалиции, исходя не только из прогноза возможных экономических санкций и угроз, но, прежде всего, из собственных потребностей ускоренного социально-экономического развития и укрепления безопасности страны¹⁷⁵. Пока что

есть только единичные примеры, как в станкостроении, которые достаточно скромны. Или в микроэлектронике, которые только ещё планируются. Новая стратегия в российской электронике нацелена на десятикратный рывок. Об этом в интервью CNews сообщил исполнительный директор АРПЭ Иван Покровский. По его словам, на данный момент в сфере электроники российским предприятиям не хватает как финансового обеспечения, по сравнению с зарубежными крупными корпорациями, так и должной технической базы для завоевания большого количества рынков. В итоге совместными усилиями представителей различных российских компаний было принято решение разработать действенную стратегию развития, которая позволит с существующим уровнем финансовой поддержки государства добиться совершения десятикратного производственного рывка.

На данный момент на сферу радиоэлектроники российский Минпромторг выделяет порядка 30–50 млрд. руб. в год. Эта сумма не слишком большая, если сравнивать с явными странами-лидерами в данной сфере. Однако и при довольно скромных финансовых возможностях Россия сможет добиться результата в 100 млрд. долл. реализуемой продукции ежегодно, причем при сохранении объемов инвестирования.

Для реализации этой стратегии и нужен специальный план. По словам Покровского, он заключается в выработке определенных направлений, где Россия действительно может достичь отличных достижений. Сейчас выделяемые на электронику средства государства равномерно расходятся по 150 проектам. В итоге каждый из них получает слишком малую долю финансирования. Если выделить 10 максимально удачных для РФ видов продукции и усилить инвестирование в них, то и результат придет довольно быстро, уверен специалист¹⁷⁶.

Таким образом, стратегия опережающего развития микроэлектроники (в 10 раз) направлена на реализацию собственных потребностей, а не на ответные действия России в противоборстве с Западом. Она такой и должна быть. В этой стратегии отчётливо просматриваются три магистральных направления развития, на которых основано вообще опережающее развитие любого человеческого общества, но которые являются, безусловно, традиционными историческими преимуществами России, — образование, наука, качество НЧК и его институты (считающиеся по-

чему-то отстающими). Именно благодаря образованию, например, Россия осенью 2018 года сохранили относительно высокий уровень ИЧР (49 место из 59 мест государств с «очень высоким уровнем развития ИРЧ по оценке ПРООН).

Как видно на рисунке ниже, вариант опережающего развития основывается именно на этих преимуществах России, включая, естественно, и технологические преимущества, которые Россия во многом растеряла в 90-е годы.

Рис. 4.60 Вариант №2 Стратегия №3 «Опережающего развития»

Такая стратегия опережающего развития и противодействия, как уже говорилось, не должна носить исключительно ответно-оборонительный характер, но она неизбежно должна основываться на следующих **принципах**:

А). Признание того, что политика «силового принуждения» США и их союзников носит долгосрочный характер и не будет заменена на политику сотрудничества. Возможные разногласия между ними (США — ЕС, США — Япония и т.д.) не будут носить принципиального характера. Это означает, что такую же долгосрочную, мобилизационную в своей основе, стратегию опережающего развития, рассчитанную на длительное противостояние, должна иметь и Россия.

Эта политика приобретает всё более скоординированный и коалиционный характер, когда не только против России, но и во всём мире выступает единая западная военно-политическая коалиция, которая фактически направлена на силовое продвижение ценностей и интересов западной ЛЧЦ¹⁷⁷. И в своих планах развития Россия должна исходить именно из этого. Так, в сентябре 2018 года даже некоторые банки КНР заявили об ограничениях, связанных с американскими санкциями.

Участие в военных конфликтах стран этой коалиции в последние десятилетия позволяет сделать вывод о том, что такая коалиционная политика обладает огромными ресурсами. Это хорошо видно на примере последних военных операций.

Вклад участников западной коалиции на различных этапах военного конфликта в Афганистане

(% от всех действующих ВС западной коалиции)

(2015–2017)

Canada	2.98%
Canada	7.14%
Georgia*	5.11%
Georgia*	4.23%
United States	1.52%
United Kingdom	4.36%
United Kingdom	4.47%
Czech Republic	1.04%
Luxembourg	0.78%
United States	3.10%
United States	4.14%
Romania	0.86%
Germany	0.64%
Netherlands	3.06%
Denmark	2.59%
Montenegro	0.85%
Denmark	0.61%
Estonia	2.47%
Latvia	2.36%

Albania	0.70%
Netherlands	0.51%
Denmark	2.31%
Romania	1.99%
Denmark	0.68%
Belgium	0.42%
Norway	2.27%
Estonia	1.95%

и т.д. вплоть до 0% такого участника как Молдова.

**Доля участников западной коалиции (от числа действующих ВС)
в различных операциях¹⁷⁸**

**NATO Kosovo Force (2002–2017) NATO Enhanced Forward
Presence (2017–2018) UN Peacekeeping Missions (2002–2017) Global
Coalition Against ISIS (2016):**

Slovenia	2.73%
Croatia	2.73%
Slovak Republic	1.38%
Canada	1.29%
Luxembourg	2.70%
Luxembourg	2.70%
Austria*	1.20%
Norway	1.27%
Austria*	1.72%
Canada	1.72%
Finland*	0.75%
Denmark	1.16%
Finland*	1.23%
Netherlands	1.23%
Sweden*	0.72%
Italy	1.01%
Sweden*	1.17%
Slovenia	1.17%
Italy	0.62%
France	0.96%

Hungary	1.06%
Denmark	1.06%
Portugal	0.54%
Germany	0.76%
Denmark	1.04%
United Kingdom	1.04%
Spain	0.51%
Netherlands	0.55%
Czech Republic	0.95%
Iceland»	0.95%

и т.д., вплоть до Албании, участие которой определили в 0,05%

Как видно, доля задействованных военнослужащих в операциях с 2003 по 2017 годы не превышала 3%.

Политика «силового принуждения» и санкций, таким образом, является коалиционной политикой широкой западной военно-политической коалиции, в которую на разных условиях входят не только страны-члены НАТО, но и более 30 других государств. Поэтому меры по отношению к России будут носить неизбежно коалиционный характер. Внешняя политика должна исходить из этой реальности по отношению к странам-союзникам США.

Б). Признание того, что политика «силового принуждения» преследует самые радикальные цели: не только ограничения влияния России в мире и, прежде всего, на постсоветском пространстве, но и, в конечном счете — развала России, лишения её суверенитета и идентичности, а поэтому не будет готова идти на компромиссы.

Это означает, что политика компромиссов со стороны России должна быть политически подчинена стратегии развития, не носить приоритетный характер. Политика уступок и компромиссов, лежавшая в основе действий М. Горбачёва и Б. Ельцина, себя полностью дискредитировала, но у неё еще остались сторонники в правящей элите страны, которые готовы идти на любые уступки Западу.

Г). Опережающее экономическое, промышленное, технологическое и социально-экономическое развитие возможно только за счет качественного развития человеческого капитала и его институтов.

Именно НЧК определяет два важнейших направления опережающего развития:

- скорость и качество «технологических рывков»;
- уровень развития и степень участия социальной группы, называемой «креативным классом», которая и является создателем качественно нового продукта и услуги в современном мире.

Применительно к стратегии противоборства это может означать только одно: национальный человеческий капитал (прежде всего, наука, образование, технологии) должны развиваться в приоритетном порядке. В частности, если речь идет об обороне, то доля НИОКР в расходах должна быть существенно увеличена.

Д). **Единственным эффективным** средством опережающего развития и преодоления последствий политики «силового принуждения» западной ЛЧЦ является процесс ускоренного и массового продуцирования научных идеи и технологий, способных качественно изменить не только качество ВВСТ и ВС, но и материальную и социальную базу всей экономики России. В США очень хорошо осознают эту особенность, на которой сделал акцент Д. Трамп еще в 2017 году, поручив подготовить обзор новой военно-промышленной политики¹⁷⁹.

В настоящее время Россия, очевидно, отстаёт в этой области. По оценке Всемирного банка, например, её расходы, существенно ниже, чем в передовых странах.

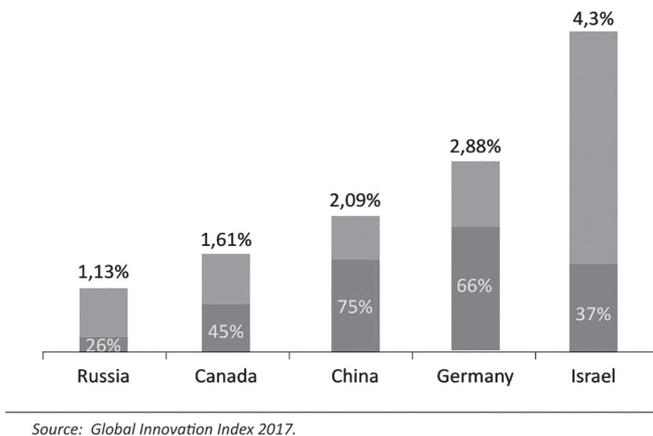

Рис. 4.61 Доли расходов на НИОКР в ВВП (и бизнеса в этих расходах)¹⁸⁰

Надо признать, что в США это прекрасно понимают, закладывая расходы МО на 2019 ф.г. около 100 млрд. долл., а КНР вообще не включают расходы на НИОКР в военный бюджет.

Сказанное может означать только **одно — приоритетное развитие технологий и фундаментальной науки будет единственным эффективным ответом в противоборстве с Западом.**

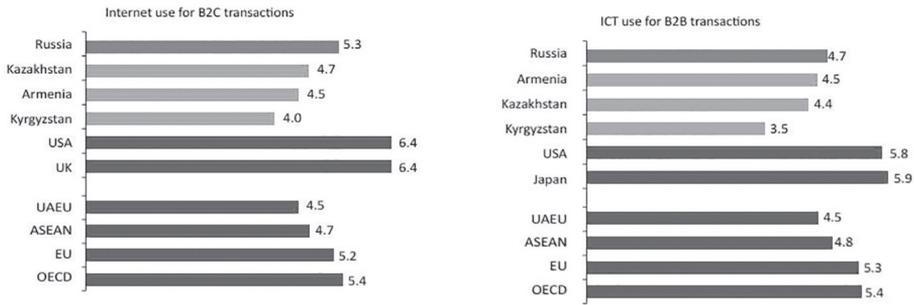
В настоящее время создание, например, комплекса ПВО-ПРО С-400 предполагает наличие (разработку или закупку) нескольких десятков технологий, каждая из которых, в свою очередь, требует еще десятки таких технологий, а те — еще технологий, идей и исполнителей. Производитель (в данном случае Концерн ВКО «Алмаз-Антей») стоит перед выбором:

- закупать за рубежом или внутри страны эти сотни технологий, что объективно — в силу санкций, неаккуратности исполнителей, монополизма и других причин — становится всё труднее;
- либо производить эти технологии самому, постепенно превращаясь во всё расширяющийся комплекс, объединяющий несколько отраслей и подотраслей промышленности, науки и техники.

В нормальных экономических и политических условиях такое развитие не целесообразно: развиваясь по пути «самообеспечения» (превращения в огромный «колхоз») даже крупный концерн испытывает проблемы с управлением, инвестициями и т.д. Однако в условиях санкций и силового давления, а также необходимости опережающего социально-экономического развития, такая модель превращает, объективно, концерн в драйвера развития экономики страны. Напомню, что в соответствии с «майскими» указами 2012 года прирост производительности труда в 5% ежегодно, не был достигнут, однако в Концерне «Алмаз-Антей» он составлял в эти годы не менее 15%.

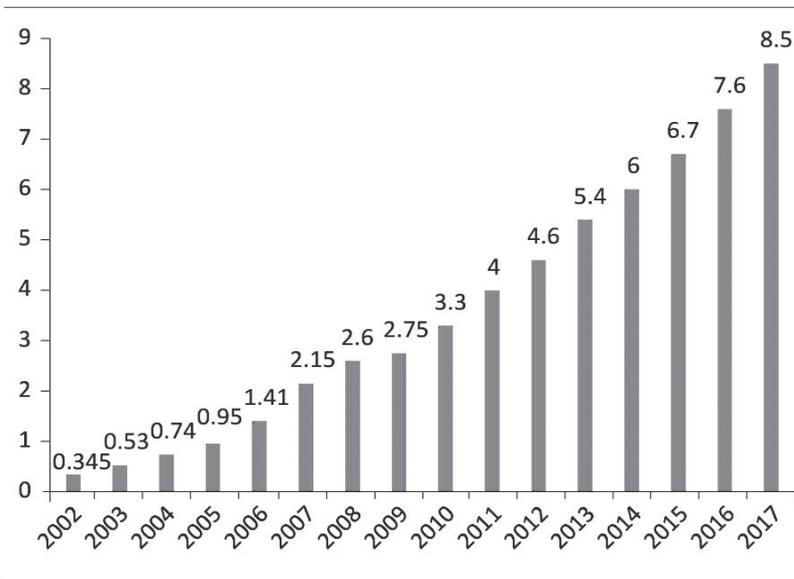
Между тем ситуация в этой области, например, ИКТ, объективно не так уж и плоха. Позиции России можно рассматривать как «средние».

Наконец, темпы роста российского экспорта показывают, что резервы и ресурсы развития ИКТ огромны.

Source: WEF Travel and Tourism Competitiveness Report 2017.

Рис. 4.62 Позиции России в области ИКТ в мире (7 баллов — высший критерий)¹⁸¹

Source: Russoft 2017.

Рис. 4.63 Рост экспорта ИКТ России (2003 — 2017, млрд. долл.)¹⁸²

Этот вывод подтверждают результаты социально-экономического развития России в 2018 году, которые в общем виде эксперты характеризуют как «Общее состояние российской экономики в последнее время стабилизировалось: спад преодолён, но и перехода к полноценному росту пока нет»¹⁸³.

Техническая рецессия, как мы и ожидали, оказалась сугубо точечной и охватила всего один квартал. В первом квартале прирост ВВП восстановился (см. рис.).

В то же время, анализ структурных факторов экономического развития показывает, что состояние экономики остается весьма напряженным, что, скорее всего, означает втягивание её в затяжную стагнацию.

Во-первых, динамика инвестиций в основной капитал остаётся весьма неустойчивой, их оживление сменяется периодами стабилизации, отчасти в результате проблем в сфере корпоративных финансов (в условиях перехода к финансированию инвестиций за счет собственных средств компаний). При этом впервые за несколько лет, субъективные оценки менеджеров перешли в негативную область.

Во-вторых, кризис корпоративных финансов ведёт и к торможению динамики оплаты труда, что, в свою очередь, обуславливает околостагнационную динамику потребительских рынков.

В-третьих, закрепились тенденции возврата на рынки конкурирующего импорта.

Примечательно, что все эти процессы имеют место на фоне достаточно высоких мировых цен на нефть. Можно отметить, что ожидавшаяся нами «перестерилизация» нефтяных доходов благодаря жесткому бюджетному правилу (базовая цена на нефть установлена на текущий год на уровне 40 долл. за баррель, в полтора с лишним раза меньше фактической цены) — состоялась. В итоге, прирост ВВП в текущем году оценивается всего в 1,3–1,6% (2017 г.: 1,6%), при том, что нефтяные цены возросли с 53,1 до 66,3–66,6 долл. за баррель.

Как известно, Росстат недавно осуществил уточнение данных о динамике промышленного производства за ретроспективный период. Согласно этим данным темп роста выпуска по итогам 2017 г. оценивается в 102,1% (против прежних 101,0%), а за январь–май 2018 г. к соответствующему периоду предшествующего года — 103,2% (после 101,8% за январь–апрель), за январь–июнь — 103,0%. При этом в 2018 г. наблюдается достаточно быстрый рост выпуска: +0,6% в среднем за месяц (к предшествующему месяцу, сезонность устранена).

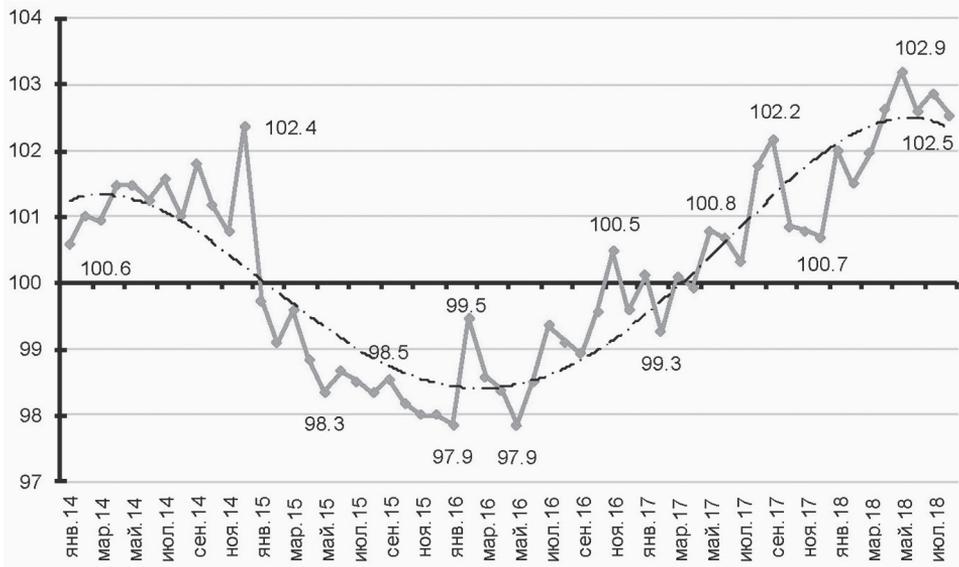

Рис. 4.64 Агрегат экономической активности (среднемесячный уровень 2013 г. = 100)

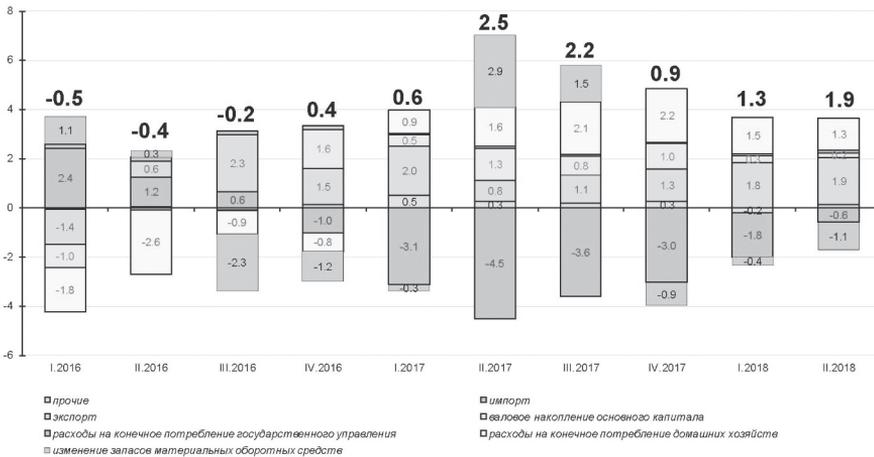
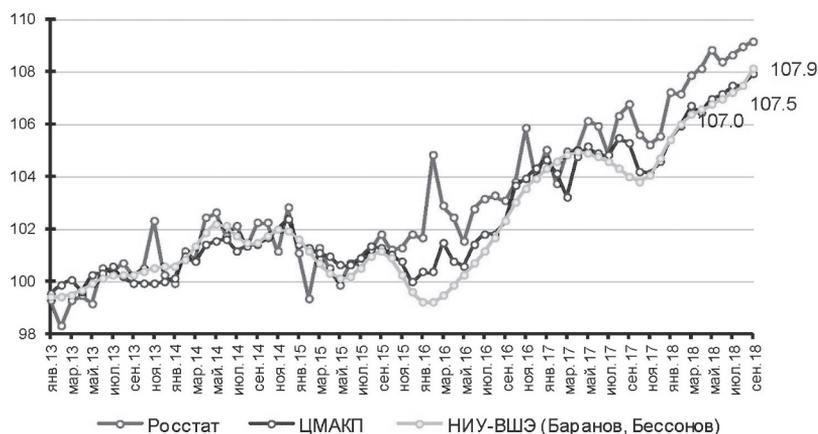

Рис. 4.65 Вклады компонентов использованного ВВП в экономический рост (к соответствующему кварталу предшествующего года, % прироста ВВП)¹⁸⁴

Рис. 4.66 Оценка объемов промышленного производства (сезонность устранена, 2013 г. = 100)¹⁸⁵

Отметим, что ЦМАКП, равно как и НИУ ВШЭ, все последние месяцы фиксировал картину, схожую с уточненными данными Росстата, хотя и с несколько меньшим «позитивом» (см. рис. 4.66).

¹ *Mattis J. Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018. — P. 2.*

² См. подробнее: *Подберёзкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.*

³ *Помпео М. Пересмотрим итоги Второй мировой: США заявили о новом мировом порядке. 2018, 5 декабря // ИТАР-ТАСС, 05.12.2018/*

⁴ *President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.*

⁵ *Подберёзкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т., М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 447–520.*

⁶ См. подробнее: *Подберёзкин А.И. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.*

⁷ См. подробнее: *Подберёзкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.*

- ⁸ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ⁹ США намерены ужесточить санкции в отношении России каждые «один-два месяца» // ИТАР-ТАСС. 18.10.2018.
- ¹⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.
- ¹¹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ¹² Joint Operating Environment (JOE) 2035 / The joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July 2016. — Wash., 2016. — P. 4.
- ¹³ См., например: The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash., 2015; The National Security Strategy of the United States of America. 2017, December 18.
- ¹⁴ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ¹⁵ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.
- ¹⁶ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.
- ¹⁷ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ¹⁸ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберёзкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.
- ¹⁹ *Бэтл Лиддел Гарт* Стратегия не прямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 455.
- ²⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.
- ²¹ *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 169 с.
- ²² См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

- ²³ Биров Э. Россия готовится к войне. Русским это не впервой / Эл. ресурс: «Взгляд» / www.vz.Ru 31.10.2018.
- ²⁴ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ²⁵ Биров Э. Россия готовится к войне. Русским это не впервой / Эл. ресурс: «Взгляд». 31.10.2018 / www.vz.ru.
- ²⁶ Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.; Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 722 с.
- ²⁷ The Power to Coerce. Countering Adversaries Without Going to War / RAND, 2016. — P. 37.
- ²⁸ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.
- ²⁹ Брюс М. Сетевое общество и роль государства / Россия в глобальной политике 2016, апрель. — С. 134.
- ³⁰ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ³¹ Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011, Т. III.
- ³² См. подробнее: Подберёзкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.
- ³³ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 312–333.
- ³⁴ См., например: Подберёзкин А.И. Современная военная политика России. В 2-х томах: учебное пособие. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. II.
- ³⁵ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберёзкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.
- ³⁶ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ³⁷ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными ци-

визациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 312–333.

³⁸ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 312–333.

³⁹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

⁴⁰ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 31.

⁴¹ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

⁴² Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 312–333.

⁴³ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО, 2017. — Т. 2.

⁴⁴ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» / под общей редакцией С.Р. Цырендоржиева. — М.: «46 ЦНИИ» Минобороны России, 2018. — С. 37–38.

⁴⁵ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Раздел «Формирование целей на основе приоритетов интересов» / В кн.: Формирование современной военно-политической обстановки. — LAP LAMBERT Academic Publishing, 2018. — P. 455–489.

⁴⁶ *Бэзил Лиддел Гарт.* Стратегия не прямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 317.

⁴⁷ Проект закона Конгресса США «Защищая американскую безопасность от агрессии Кремля». 2018-08-10 // Коммерсант, 08.08.2018.

⁴⁸ *Подберёзкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 287–305.

⁴⁹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

⁵⁰ *Иноземцев В.* Пришли за Путиным. Чем грозит принятие новых санкций США / Эл. ресурс: «Форбс» / www.forbes.ru/business/08/08/2018.

⁵¹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

- ⁵² *Иноземцев В.* Пришли за Путиным. Чем грозит принятие новых санкций США / Эл. ресурс: «Форбс» / www.forbes.ru/business/08/08/2018.
- ⁵³ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ⁵⁴ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.
- ⁵⁵ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 312–333.
- ⁵⁶ *Иноземцев В.* Расширение её списка и ужесточения санкций, а также к попытке перевода России в разряд государств-преступников, по отношению к которым допустимы самые радикальные меры силового давления пришли за Путиным. Чем грозит принятие новых санкций США / Эл. ресурс: «Форбс» / www.forbes.ru/business/08/08/2018.
- ⁵⁷ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберёзкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.
- ⁵⁸ *Пол Крэг Робертс.* Запад верит не Путину, а предателям из его окружения / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 17.11.2018 / <http://svpressa.ru/politic/article/213927/>
- ⁵⁹ *Перри У.* Мой путь по краю ядерной бездны. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 24.
- ⁶⁰ *Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Подберёзкина О.А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 515 с.
- ⁶¹ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберёзкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.
- ⁶² См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ⁶³ *Пол Крэг Робертс.* Запад верит не Путину, а предателям из его окружения / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 17.11.2018 / <http://svpressa.ru/politic/article/213927/>
- ⁶⁴ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ⁶⁵ *Пол Крэг Робертс.* Запад верит не Путину, а предателям из его окружения / Эл. ресурс: «Свободная пресса». 17.11.2018 / <http://svpressa.ru/politic/article/213927/>
- ⁶⁶ Там же.

- ⁶⁷ Внешняя торговля России в 2017 году / Эл. ресурс «Внешняя торговля России». 14.02.2018 / russiantrade.com
- ⁶⁸ Экономическая блокада началась: США бьют по ОПК России / Эл. ресурс: «Финобзор» / <https://finobzor.20.09.2018>
- ⁶⁹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ⁷⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ⁷¹ *Ткачёв И., Фейнберг А., Михеева А.* Что означают новые санкции США. Главное / Эл. ресурс: «РБК». 09.08.2018 / www.rbc.ru.08/09/18.
- ⁷² *Ткачёв И., Фейнберг А., Михеева А.* Что означают новые санкции США. Главное / Эл. ресурс: «РБК». 09.08.2018 / www.rbc.ru.08/09/18.
- ⁷³ *Ткачёв И., Фейнберг А., Михеева А.* Что означают новые санкции США. Главное / Эл. ресурс: «РБК». 09.08.2018 / www.rbc.ru.08/09/18.
- ⁷⁴ *Nelson R.M.* U.S. Sanctions and Russian Economy // Congressional Research Service. February 17, 2017.
- ⁷⁵ *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 13.
- ⁷⁶ Обнищание россиян: конца не видно / Эл. ресурс: «Газета.ру». 2018/09/19 / www.Gazeta.ru.2018.09.19
- ⁷⁷ *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 12.
- ⁷⁸ EDB Macroeview. 2018/08/. EDB, 2018. — P. 31, 33.
- ⁷⁹ *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — С.-Пб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. — С. 113.
- ⁸⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ⁸¹ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- ⁸² *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 8.
- ⁸³ *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 9.
- ⁸⁴ *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 9.
- ⁸⁵ *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 9.

- ⁸⁶ *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition, 2018. — № 4. — P. 11.
- ⁸⁷ *Куссунджер Г.* Дипломатия. — М.: АСТ, 2018. — С. 831.
- ⁸⁸ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- ⁸⁹ См. подробнее: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.
- ⁹⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ⁹¹ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- ⁹² См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.
- ⁹³ Внешняя торговля России в 2017 году / Эл. ресурс: «Внешняя торговля России». 14.02.2018 / russiantrade.com
- ⁹⁴ Deutsche Bundesbank, Service center 'Financial Sanctions'. 2018.
- ⁹⁵ Cheap Talk? Financial Sanctions and Non-Financial Activity, CESifo Working Paper, № 7068 / ECONSTOR, May 2018. — P. 22.
- ⁹⁶ *Moret E., Biersteker T., Giumelli F., Portela C., Veber M., Bastiat-Jarosz D., Bobocea C.* The New Deterrent? International Sanctions Against Russia Over The Ukraine CRISIS / Impacts, Costs and Further Action Jan., 2018. — P. 36 / <http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/internationalgovernance/shared/The%20New%20Deterrent%20International%20Sanctions%20Against%20Russia%20Over%20the%20Ukraine%20Crisis%20-%20Impacts%2C%20Costs%20and%20Further%20Action.pdf>
- ⁹⁷ Цит. по: Коммерсант, 27 июля 2018 г.
- ⁹⁸ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 // <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- ⁹⁹ *Moret E., Giumelli F., Jarosz D.* Sanctions on Russia: Impacts and economic costs on the United States / Overview of the US' Russia sanctions. — P. 8 / graduateinstitute.ch
- ¹⁰⁰ *Amadeo K.* US Military Budget: Components. Challenges, Growth. Feb. 15, 2018 / www.withbalance.com
- ¹⁰¹ *Тимофеев И.* США посылают сигнал // Коммерсант, 18.07.2018.
- ¹⁰² *Korhonen I., Simola H., Solanko L.* BOFIT Policy Brief 4/2018 / Bank of Finland / Institute for Economies in Transition. 2018. — № 4. — P. 19.
- ¹⁰³ *Moret E., Biersteker T., Giumelli F., Portela C., Veber M., Bastiat-Jarosz D., Bobocea C.* The

New Deterrent? International Sanctions Against Russia Over The Ukraine CRISIS / Impacts, Costs and Further Action Jan., 2018 / <http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/internationalgovernance/shared/The%20New%20Deterrent%20International%20Sanctions%20Against%20Russia%20Over%20the%20Ukraine%20Crisis%20-%20Impacts%2C%20Costs%20and%20Further%20Action.pdf>

¹⁰⁴ Statistical Office of the European Union (EUROSTAT)

¹⁰⁵ *Moret E., Giumelli F., Jarosz D.* Sanctions on Russia: Impacts and economic costs on the United States / Costs to the US. — P. 12 / graduateinstitute.ch

¹⁰⁶ *Nelson R.M.* U.S. Sanctions and Russian Economy. Congressional Research Service. February 17, 2017.

¹⁰⁷ *Кантышев П., Никольский А., Воробьев А., Бочкарева Т.* Как новые санкции США повлияют на Россию. Их цель — лишить российские компании партнеров за рубежом // Ведомости, 30 октября 2017 г.

¹⁰⁸ *Кантышев П., Никольский А., Воробьев А., Бочкарева Т.* Как новые санкции США повлияют на Россию . Их цель — лишить российские компании партнеров за рубежом // Ведомости, 30 октября 2017 г.

¹⁰⁹ *Кантышев П., Никольский А., Воробьев А., Бочкарева Т.* Как новые санкции США повлияют на Россию . Их цель — лишить российские компании партнеров за рубежом // Ведомости, 30 октября 2017 г.

¹¹⁰ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018, — P. 13. — № 39: Modest growth ahead (Russian).

¹¹¹ *Соловьева О.* Россия может не выдержать новой волны санкций // Независимая газета, 2018. 07.06.

¹¹² *Соловьева О.* Россия может не выдержать новой волны санкций // Независимая газета, 2018.07.06.

¹¹³ *Соловьева О.* Россия может не выдержать новой волны санкций // Независимая газета, 2018.07.06.

¹¹⁴ *Тимофеев И.* Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 2017.27.12 / ru.valdaiclub.com

¹¹⁵ *Тимофеев И.* Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 2017.27.12 / ru.valdaiclub.com

¹¹⁶ *Фридман Лоуренс.* Стратегия: Война, революция, бизнес / пер. с англ. И.Д. Голыбиной. — М.: Кучково поле, 2018. — С. 7.

¹¹⁷ *Карягин М.* Интернет ресурс «Актуальные комментарии» 09.10.2018 / Подробности от АК: http://actualcomment.ru/smog-vernut-2007-pochemu-nauchnaya-statya-medvedeva-yavlyaetsya-manifestom-1810091456.html?utm_source=politobzor.net

¹¹⁸ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹¹⁹ *Носович А.* Специалисты по «смене режимов» лишат Беларусь иммунитета перед западной экспансией // Эл. ресурс: «Русбалт». 11 ноября 2018 г. / <https://>

www.rubaltic.ru/

¹²⁰ Носович А. Специалисты по «смене режимов» лишат Беларусь иммунитета перед западной экспансией / Эл. ресурс: «Русбалт». 11 ноября 2018 / <https://www.rubaltic.ru/>

¹²¹ Носович А. Специалисты по «смене режимов» лишат Беларусь иммунитета перед западной экспансией / Эл. ресурс: «Русбалт». 11 ноября 2018 / <https://www.rubaltic.ru/>

¹²² Носович А. Специалисты по «смене режимов» лишат Беларусь иммунитета перед западной экспансией / Эл. ресурс: «Русбалт». 11 ноября 2018 / <https://www.rubaltic.ru/>

¹²³ Russell M. Members' Research Service. European Parliamentary Research Service. 2018. Jan. –P. 2.

¹²⁴ Эл ресурс: «ТАСС». 13.09.2018 // <http://tass.ru/economica.13/09/2018>

¹²⁵ Безруков А. Развод с миром и его последствия // Россия в глобальной политике, 2018, №1. — С. 139.

¹²⁶ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹²⁷ Dyrer A.M., Kacprzyk A., Lorenz W., Piotrowski M.A., Terlikowski M. Newport — Warsaw — Brussels: NATO in Defence of Peace in Europe. Warsaw. July 2018. — P. 28 / https://www.pism.pl/files/?id_plik=24616

¹²⁸ Dyrer A.M., Kacprzyk A., Lorenz W., Piotrowski M.A., Terlikowski M. Newport — Warsaw — Brussels: NATO in Defence of Peace in Europe. Warsaw. July 2018. — P. 26 / https://www.pism.pl/files/?id_plik=24616

¹²⁹ Dyrer A.M., Kacprzyk A., Lorenz W., Piotrowski M.A., Terlikowski M. Newport — Warsaw — Brussels: NATO in Defence of Peace in Europe. Warsaw. July 2018. –P. 28 / https://www.pism.pl/files/?id_plik=24616

¹³⁰ The New York Post сообщила о заморозке активов Олега Дерипаски в США // ИТАР-ТАСС, 7 октября 2018 г.

¹³¹ Jackson O. PRIMER: US and ES sanctions against Russia / International Law Review, 2 June, 2018.

¹³² «Известия»: глава ВТБ предложил план по отказу от доллара из четырех пунктов // ТАСС. 14.09.2018

¹³³ См. подробнее: ФЗ № 127 от 4 июня «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

¹³⁴ Пошелюзный А. Ягольников С. Воздушно- космическая оборона СНГ — этапы создания. Ноябрь 2017 г. — С. 48–49 / http://bvpa.ru/wp-content/uploads/2017/08/VKR-02_2017_All.pdf

¹³⁵ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov>.

gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states.

¹³⁶ Вильданов М. СНВ-3: что дальше? / Алмаз-Антей, 2017. — № 2. — С. 43–44.

¹³⁷ Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.

¹³⁸ Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.

¹³⁹ Валеев М., Кравченко Н. Ставка только на ударные или только на оборонительные / Воздушно-космический рубеж, 2018. Август. — № 3. — С. 29–31.

¹⁴⁰ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹⁴¹ Тимофеев И. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.

¹⁴² President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹⁴³ **Нарратив** (англ. и фр. *narrative*) — (здесь): исторически и культурно обоснованная субъективная интерпретация некоторого аспекта мира (политического, экономического, социального) с определенной позиции. В данном случае — интерпретация с либерально-демократических и прозападных позиций, изначально фактически (а, иногда, и демонстративно) исключаящих учёт интересов и ценностей российской нации и суверенных интересов государства.

¹⁴⁴ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹⁴⁵ Тренды российской экономики 2018 / Mon062018.pdf

¹⁴⁶ Тренды российской экономики 2018 / Mon062018.pdf

¹⁴⁷ Подробнее на ТАСС: Лоббистка, авантюристка, «агент влияния». Кто такая Мария Бутина и в чём её обвиняют / Эл. ресурс: ТАСС, 27 июля 2018 г. / http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5406515?utm_source=tass&utm_medium=referral&utm_campaign=interesnoe

¹⁴⁸ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018. — P. 16. — № 39: Modest growth ahead (Russian).

¹⁴⁹ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018. — P. 16. — № 39: Modest growth ahead (Russian).

¹⁵⁰ Агрегат экономической активности — показатель динамики выпуска товаров и услуг, рассчитанный по видам деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, промышленность, строительство, транспорт, торговля, платные услуги населению.

- ¹⁵¹ Тринадцать тезисов об экономике: октябрь восемнадцатого Выпуск 6. 21.10.2018 г.
- ¹⁵² При этом среди промышленных товаров по темпам роста экспорта в январе-августе лидировала продукция черной металлургии (+0.8% в месяц), лесопромышленного (+0.6%) и химического (+0.4%) комплексов.
- ¹⁵³ Так, доходность оборотного капитала почти в половине секторов оказывается ниже, чем доходность альтернативных безрисковых направлений размещения свободных средств (гособлигации) и уж тем более — ставки по кредитам предприятиям.
- ¹⁵⁴ Тринадцать тезисов об экономике: октябрь восемнадцатого / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Выпуск 6. 21.10.2018 г. / oct2018.
- ¹⁵⁵ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ¹⁵⁶ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018. — P. 26. — № 39: Modest growth ahead (Russian).
- ¹⁵⁷ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018. — P. 5. — № 39: Modest growth ahead (Russian).
- ¹⁵⁸ Чем ответит Россия на новые санкции США / Эл. ресурс: «Актуальные комментарии», 2018-08-10 / <http://actualcomment.ru/chem-otvetit-rossiya-na-novye-sanktsii-ssha-1808091833.html>
- ¹⁵⁹ Чем ответит Россия на новые санкции США / Эл. ресурс: «Актуальные комментарии», 2018-08-10 / <http://actualcomment.ru/chem-otvetit-rossiya-na-novye-sanktsii-ssha-1808091833.html>
- ¹⁶⁰ Чем ответит Россия на новые санкции США / Эл. ресурс: «Актуальные комментарии», 2018-08-10 / <http://actualcomment.ru/chem-otvetit-rossiya-na-novye-sanktsii-ssha-1808091833.html>
- ¹⁶¹ Чем ответит Россия на новые санкции США / Эл. ресурс: «Актуальные комментарии», 2018-08-10 / <http://actualcomment.ru/chem-otvetit-rossiya-na-novye-sanktsii-ssha-1808091833.html>
- ¹⁶² Чем ответит Россия на новые санкции США / Эл. ресурс: «Актуальные комментарии», 2018-08-10 / <http://actualcomment.ru/chem-otvetit-rossiya-na-novye-sanktsii-ssha-1808091833.html>
- ¹⁶³ *Креницкий Ю.* От воздушно-космической обороны — к наступлению / воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 58.
- ¹⁶⁴ *Шаповалов А.* РФ рентабельным осталось только сырье. Мониторинг прибыльности компаний // «Коммерсантъ». — № 197. — С. 2.
- ¹⁶⁵ Российская наука: не поминайте лихом / Эл. ресурс: «Российский репортер». 14.11.2018 / www.rosacor.ru

- ¹⁶⁶ https://vpk.name/file/img/ris-hrebtov_100115_2.jpg
- ¹⁶⁷ *Столбов М.И.* Нобелевская премия по экономике — 2018: возвращение к росту. / Эл. ресурс: «Портал МГИМО». 09.10.2018 / www.mgimo.ru/09.10.2018
- ¹⁶⁸ *Леонтьев С.К., Губинский А.М.* Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 17.
- ¹⁶⁹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ¹⁷⁰ *Агеева О.* Подробнее на РБК: https://www.rbc.ru/economics/04/09/2018/5b8d33f39a7947867fceb7d6?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
- ¹⁷¹ *Тимофеев И.* Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.
- ¹⁷² *Тимофеев И.* Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии / Эл. ресурс: «Валдайский клуб». 15.06.2018.
- ¹⁷³ *Лузиан А.Г.* Исчезающие перспективы. Настоящее и беспокойное будущее ЗПК семейства «Тор» // Воздушно-космическая сфера, 2018. — № 3(96). — С. 63.
- ¹⁷⁴ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ¹⁷⁵ *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 // Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и 6.
- ¹⁷⁶ *Колчин А.* В России может быть разработана новая стратегия развития сферы отечественной электроники, что позволит России в десять раз увеличить текущие производственные показатели / <https://politexpert.net/120455-novaya-strategiya-rossiiskaya-elektronika-nacelena-na-desyatikratnyi-ryvok#relap>
- ¹⁷⁷ *Дербин Е.А., Подберёзкин А.И.* Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60).
- ¹⁷⁸ *Kathleen H. Hicks, Jeffrey Rathke, Seamus P. Daniels, Michael Matlaga, Laura Daniels Andrew Linder.* Counting Dollars or Measuring Value / Assessing NATO and Partner Burden Sharing / https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180703_Hicks_Counting_Dollars.pdf
- ¹⁷⁹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ¹⁸⁰ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018, — P. 35. — №. 39: Modest growth ahead (Russian).
- ¹⁸¹ World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018. — P. 33. — № 39: Modest growth ahead (Russian).

¹⁸² World Bank. 2018. Russia Economic Report, May 2018, — P. 33. — № 39: Modest growth ahead (Russian).

¹⁸³ Тринадцать тезисов об экономике: октябрь восемнадцатого / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Выпуск 5. 19.07.2018 / oct2018.pdf

¹⁸⁴ Тринадцать тезисов об экономике: октябрь восемнадцатого / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Выпуск 5. 19.07.2018 / oct2018.pdf

¹⁸⁵ Тринадцать тезисов об экономике: октябрь восемнадцатого / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Выпуск 5. 19.07.2018 / oct2018.pdf

ГЛАВА V.
**Современная военно-промышленная
политика в мире в условиях развития
четвертого этапа промышленной
революции**

Для того, чтобы план был реальным, необходимо учитывать противодействие, которое может оказать противник¹

*Бэзил Лиддел Гарт,
военный теоретик*

Военно-промышленная политика часто справедливо рассматривается как неотъемлемая и наиболее важная часть современной промышленной политики развитых государств, хотя в ряде случаев в публичных выступлениях она нередко представляется в качестве некой излишней «нагрузки» на экономику страны. Более того, привычно говорится о том, что расходы на ОПК «съедают» экономику, а милитаризация — главная угроза социально-экономическому развитию. Эти тезисы самой общей направленности стали общим местом выступлений политиков и чиновников ООН со второй половины XX века, включая СССР и Россию, где их влияние сказалось особенно болезненно в 90-е годы².

Действительно, милитаризация во многом ограничивает возможности государств, для социально-экономического развития. Многие развитые страны — от Японии до большинства европейских государств — долгие годы обходились военными расходами, не превышающими 1% от ВВП. Вместе с тем, надо признать, что рекордно высокие военные расходы Израиля и Саудовской Аравии (более 20%) не помешали создать им передовые экономики и самые эффективные в мире национальные инновационные системы.

Это общее положение о вреде военных расходов о ВПК вполне справедливо вообще³, в особенности в идеологии и внутривнутриполитической борьбе, в частности, когда американский президент Д. Эйзенхауэр, уходя с поста, предупредил американцев «об угрозе ВПК» (хотя никто не мешал ему это сделать раньше). Но это общее правило далеко не всегда справедливо во многих частных случаях. Для этого существуют исклю-

чения. Например, для сегодняшних экономических реалий России, когда она сокращает военно-промышленные расходы последние два года на фоне роста военных расходов Запада, что (кроме очевидного военно-политического противоречия) негативно сказывается на развитии национальной наукоемкой промышленности.

По сути дела, в реальности, в настоящее время мы наблюдаем два прямо противоположных процесса: на Западе (причем практически во всех странах) активизируется промышленно-технологическая политика, опирающаяся на военные НИОКР, а в России происходит искусственное сдерживание не только финансирования развития военной промышленности посредством свертывания промышленного производства, но и ограничиваются масштабы оборонных НИР и особенно ОКР под предлогом, как всегда в таких случаях, экономии бюджетных расходов⁴.

Отсутствует понимание финансово-экономических и политических властей того, что современная технологическая революция и военно-промышленная политика связаны самым тесным образом: требования обеспечения безопасности в условиях конфликта цивилизаций и нарастания эскалации враждебности, как и в 50-е годы, стали самыми сильными драйверами развития промышленности и науки. Классическая схема — развитие фундаментальных наук — НИОКР — прикладных военных разработок сегодня оказалась «перевернутой»: требования безопасности (создание гиперзвуковых ЛА, беспилотников, систем наведения, новых материалов, систем связи и информации и т.п.), подкрепленные государственным финансированием, стало главным трендом в развитии промышленности.

Применительно к России ситуация усугубляется еще одним обстоятельством: неумение и отчетливое нежелание финансово-экономической элиты России управлять развитием промышленности и науки в целом удивительным образом совпадает с блестящими результатами в развитии национального ОПК, где научные, технологические и промышленные итоги развития нередко не только находятся на конкурентоспособном мировом уровне, но и превосходят его. Так, спасенный от приватизации в 2001 году Концерн ВКО «Алмаз-Антей» в 2017 году занял 8 место в мире среди крупнейших военно-промышленных корпораций, обеспечив устойчивый прирост производительности труда ежегодно в 15%.

5.1. Общемировые тенденции развития национальных оборонно-промышленных комплексов

... возникнет острый дефицит кадров (после отказа от либерализма), и это роковым образом проявится в ходе следующего кризиса и, в частности, создаст острейшие экономические проблемы в управлении страной...⁵

*авторы прогноза России
на современный период*

Как правило, говоря о четвертой промышленной революции, считается, что она является следствием развития принципов экономической целесообразности и потребностей человека, но при этом подразумевается, что далеко не всегда учитываются влияния интересов национальной безопасности, потребностей развития ВВСТ и способов их использования. В Германии, например, в 2017 году автомобильная промышленность обеспечила 14% ВВП страны. В 2019 году автопроизводители Германии реализуют 81 млн. машин, что всего на 2% больше, чем в 2017 году⁶, а военные расходы увеличились чуть более 1% ВВП.

Ярким примером этого является процесс роботизации и автоматизации производств и принимаемых решений, который к концу второго десятилетия отчетливо проявился в таких областях военного дела, как стирание граней между физическими, цифровыми и биологическими процессами, о которых еще в 2016 году говорил основатель и президент Всемирного форума в Давосе швейцарский экономист К.М. Шваб⁷. По сути дела мы переходим у этапу, когда процессы роботизации и искусственного интеллекта создают качественно новую экономическую и социальную реальность. Тот кто окажется в передовых рядах этого процесса, сможет получить от него максимальную выгоду, выражаемую, прежде всего, в том, что «интеллектуализация» производства и создания средств производства приведет к радикальным изменениям в экономике и социальной структуре государства, предоставив принципиально новые возможности.

В этой связи очень примечательна публикация в сентябре 2018 года в США частично рассекреченного доклада, подготовленного для американского президента по его поручению (от июля 2017 года за № 13806), Министерством обороны и рядом других министерств под очень характерным названием «Оценка и укрепление промышленного производства и военно-промышленной базы, а также обеспечение гарантий поставок продукции в ВС США»⁸. Доклад раскрывает основные положения ключевых документов, принятых Д. Трампом по внешней и военной политике в 2017–2018 годы, — Стратегии национальной безопасности США, Национальной военной стратегии США и Обзора ядерной политики США, которые подтверждают приоритет политики опережающего промышленно-технологического развития США и технологического превосходства⁹. Этот доклад, подчеркну еще раз, был подготовлен в соответствии со специальным поручением Д. Трампа год назад большим коллективом, объединенным в межведомственную группу¹⁰.

В этом докладе изначально определены приоритеты, в частности, дается ссылка на сформулированную президентом США задачу «дать критическую оценку состоянию промышленного и военного производства..., которые обеспечивают **экономическое процветание и глобальную конкурентоспособность**, а также возможность обеспечения национальной безопасности»¹¹ (подч. — *А.П.*). Если обеспечение национальной безопасности и технологического превосходства¹² остаются традиционной задачей военной политики США, то другие цели, например, «конкурентоспособность» экономики, звучат достаточно новой. Иными словами, военно-технологическое производство рассматривается в США в качестве средства обеспечения «процветания» и «глобальной конкурентоспособности», а отнюдь не только средства производства наиболее современных вооружений и военной техники (ВВСТ)¹³.

Можно таким образом говорить, что для США и ведущих государств мира, обладающих высокоразвитым оборонно-промышленным комплексом (ОПК)¹⁴, этот комплекс является не просто важной частью национальной экономики и промышленности, определяющей безопасность, но он находится под влиянием некоторых факторов и особенностей, существенно отличающих эту область от остальной экономики страны, например, научно-технологическое лидерство. Западные по-

литики и ученые вполне едины во мнении, что военно-промышленное развитие предопределяет как решение задач безопасности, так и задач опережающего экономического развития современного государства¹⁵. ОПК таких государств — США, России, Китая, Индии, Великобритании, Франции, Израиля — не могут считаться только вполне естественной и даже нормальной частью промышленности и экономики и финансов, но и выступают гарантом их конкурентоспособности и уровня развития их национальной промышленности.

В этом есть значительная доля правды. Если говорить о развитии научно-промышленной базы СССР после 2 Мировой войны, то во многом она основывалась на опережающем, сверхбыстром развитии двух комплексов промышленности — ядерном и ракетном, — которые объединили вокруг себя десятки отраслей и подотраслей промышленного производства, заставив их развиваться особенно быстрыми темпами. Простой пример с копированием по поручению И. Сталина американского бомбардировщика Б-29 и немецкой ракеты Фау-2 показывает, что российская промышленность вообще не производила более 20 наименований металлов, использовавшихся в этих технологиях. Это, естественно, потребовало создание таких производств.

Примечателен опыт комплексного анализа, проделанного по поручению Д. Трампа за 2017–2018 годы. Прежде всего, была создана межведомственная группа под руководством МО США, в которую входило 16 рабочих групп с более 300 экспертов из всех федеральных ведомств. 9 групп концентрировала внимание на традиционных секторах, а 7 групп — на тех, где пересекались возможности¹⁶.

В результате совместной работы группы определили основные зоны риска и потерю возможностей США, а также сделаны свои рекомендации в интересах МО США, в частности:

- Увеличение стабильности среднесрочного финансирования МО;
- Необходимости реорганизовать структуру, отвечающую за контроль над технологиями, переходящими к КНР;
- Потребность модернизировать политику передач обычных технологий, в частности БЛА¹⁷, военным предприятиям;
- Необходимость реорганизовать аппарат заместителя министра обороны по вооружениям и т.д.

Таблица 5.1 Организация деятельности межведомственной Комиссии США

Традиционные отрасли промышленности	Смежные отрасли промышленности (Cross-cutting)
Авиационная	Кибернетика производства
Химическая, биологическая, атомная	
Наземные системы	Электроника
Оборудование и ракеты	
Ядерные боеголовки	Инструменты и приборостроения
РЭБ	Материаловедение
Судостроение	
Обеспечение л/с	Органические основы
КОСМОС	Программное обеспечение
	Рабочие ресурсы

В результате анализа было предложено изменить военно-промышленную политику США, исходя из 5 основных выводов рабочей Комиссии, в результате анализа которые были обнаружены более 300 негативных последствий и разработаны подробные рекомендации¹⁸:

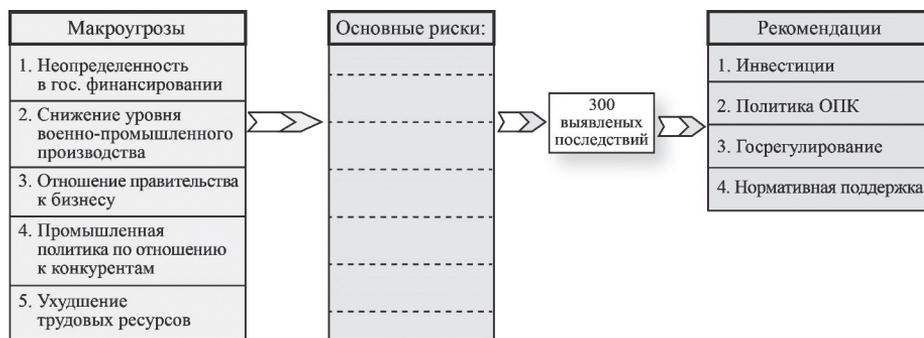

Рис. 5.1

В частности, проблема № 1 («Макроугроза»), которая выражалась в непоследовательности долгосрочного финансирования при разработке НИОКР и конкретных объектов промышленности, была проиллюстрирована следующим образом. Как видно, ограничение в объемах финансирования при Б. Обаме (с 2010 по 2016 гг.), а до этого при Клинтоне в 90-е годы, привело к серьезным нарушениям в стабильности развития НИОКР (пострадавших минимально, даже сохранившихся фактически на прежнем уровне) и военной промышленности (чьи объемы были серьезно урезаны).

Надо понимать также, что рост расходов после 2001 года был связан с расходами на ВВСТ для войны в Афганистане и Ираке и действиями сил зарубежных операций США, т.е. Не полностью отражался на увеличении промышленного производства новейших вооружений.

Кроме того, обращает на себя внимание, что при любых условиях расходы США на НИОКР **никогда** не сокращаются в абсолютных числах, а, как правило, несколько увеличиваются. Это особенно наглядно видно, например, на фоне 30% сокращений некоторых статей военного бюджета.

Расходы на НИОКР и закупки¹⁹ ВВСТ США

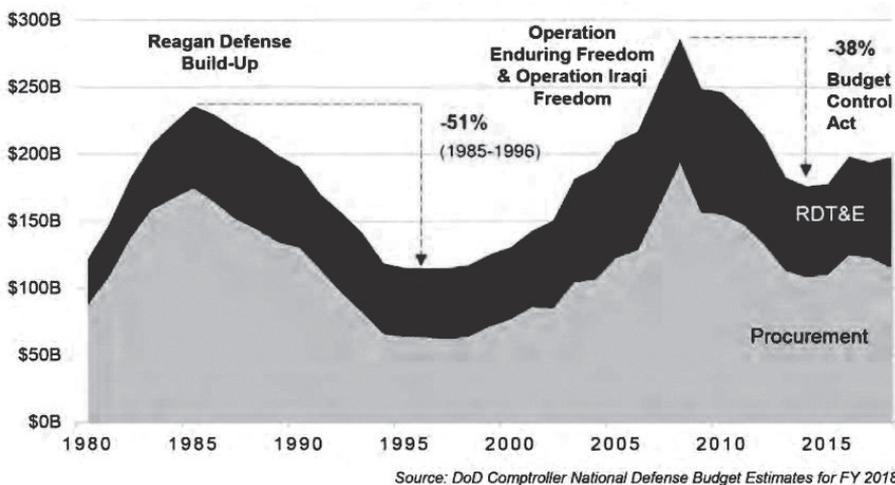

Рис. 5.2 Выделение средств МО США (в пост. ценах 2018 г.)

Главный вывод, к которому пришли авторы доклада, подготовленного по поручению Д. Трампа, заключается в том, что «Угроза №1» для американских ВС и безопасности это существующая нестабильность в финансировании военно-промышленных программ США, те спады, которые были вызваны политикой демократов в два последних десятилетия. «Рынок движется стабильностью» — вот главный вывод, подчеркнутый в докладе экспертов.

В полной мере этот вывод может быть отнесен и к советской, и российской военной политике, когда потраченные огромные суммы на НИ-ОКР и даже испытания опытных образцов (как, например, система «Энергия-Буран»), оказались выброшенными фактически на ветер. Возвращение к таким программам через 10–20 лет уже практически невозможно потому, что очень часто исчезли носители этих знаний и навыков, что является сегодня главной проблемой российского ОПК.

Другой важный вывод вытекает из анализа долгосрочных тенденций в развитии экономик КНР и США. Быстрое экономическое развитие Китая ведет к еще более быстрому увеличению их военных расходов, которые стремительно приближаются к американским. Особенно после вступления Китая в ВТО, которое произошло в 2001 году.

Как показано на графике, за эти годы экономика США выросла на 35%, а Китая — на 325%, что обеспечило КНР быстрый рост военных расходов при сохранении их относительно небольшой доли в ВВП на уровне 2%.

Опережающие темпы роста экономики КНР

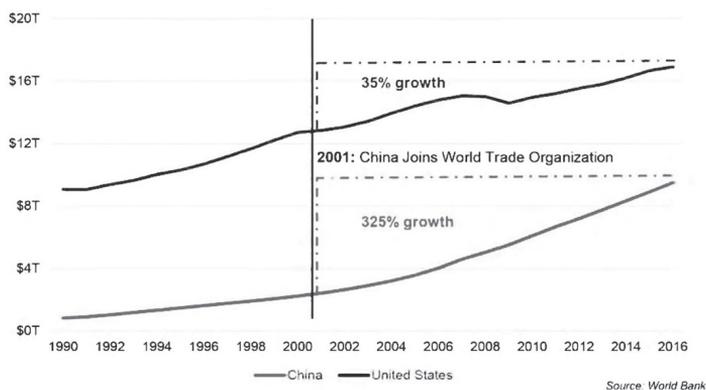

Рис 5.3 Сравнение ВВП Китая и США (в пост. ценах 2010 г.)

Быстрый рост ВВП КНР автоматически обеспечил быстрый рост военных расходов, которые выросли с 20 млрд. В 2001 году до 150 млрд. В 2017 году.²⁰

Надо сказать, что эта проблема особенно остро стоит перед Россией, чей ВВП не растет несколько лет, а фактически сохранился на уровне РСФСР 1989 года. Легко прогнозируется следующая динамика, когда ВВП США и КНР через 10 лет вырастут, как минимум, на 30–50%, а их военные расходы составят (при сохранении нынешней доли в ВВП) 1500 млрд. У США и более 500 млрд. У КНР²¹. На фоне расходов этих стран (если сохранится нынешняя тенденция развития России или будет реализован нынешний правительственный сценарий) военные расходы РФ вряд ли могут быть выше 60 млрд. долл., т.е. Одной двадцатой США и одной десятой доли Китая.

Но особенно беспокоит увеличение разницы в расходах на НИОКР России и США, которая превысила все мыслимые параметры. Она свидетельствует о том, что «отрыв США и КНР» от России уже невозможно характеризовать в сопоставимых ценах. Что, естественно, в полной мере и неизбежно сказывается на уровне и эффективности промышленного производства.

Быстрый рост Китая в расходах на НИОКР, относящихся к остальному миру

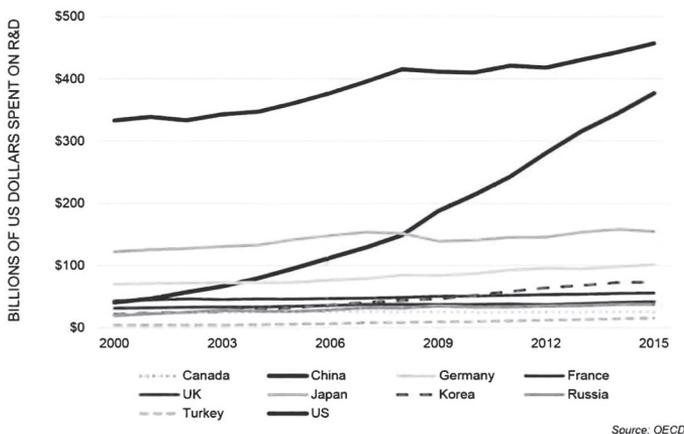

Рис. 5.4 Первые 10 стран по расходам на НИОКР

Как видно из приведенных данных, после 2015 года в области фундаментальной науки и НИОКР осталось только два мировых лидера — США и Китай, — которые и будут определять лицо 4-ой промышленной революции в мире.

Отчасти (но только отчасти) к ним могут присоединиться Япония и Германия, которые могут избрать для себя наиболее приемлемые области научно-технологического и промышленного развития, например, прежде всего, достаточно традиционные — химическую и машиностроение.

Что же касается России, то среднесрочные планы правительства, утвержденные 27 сентября 2018 года и бюджет Правительства, свидетельствуют, что наше экономическое, технологическое и промышленное отставание будут увеличиваться²².

Учитывая, что в России нет до сих пор стратегии опережающего развития на долгосрочную перспективу, легко прогнозируется и наша роль в мировой экономике и промышленности будущего как второстепенной аграрно-сырьевой державы, чей уровень человеческого капитала и промышленного производства в лучшем случае останется прежним — 50–60 место в мире, а, учитывая современную динамику, даже снизится.

Возникает очевидный вопрос: почему бы России не повторить опыт Д. Трампа, когда вместо рекомендаций нескольких органов (Военно-промышленной комиссии, МО, Совбеза и ряда других) создать единую комиссию, в которую включить значительное число экспертов и представителей различных ведомств, включая РАН, Генеральных конструкторов, руководителей предприятий в целях создания долгосрочной стратегии развития ОПК.

Сегодня такие попытки сводятся, по сути, к дискуссиям в отношении ГОЗ и плана обороны, а после выступления В.В. Путина на Совете безопасности 29 ноября и в отношении Военной доктрины России. Эти мероприятия, например, обоснование Системы исходных данных, разработки критериев безопасности и эффективности ВВСТ и др., находятся далеко в стороне от исследования потребностей и возможностей промышленности России и ОПК, в частности.

5.2. Основные внешние и внутренние факторы формирования российского оборонно-промышленного комплекса

Наш мир стал безопаснее именно благодаря войнам²³

*Ян Моррис,
историк из университета Стэнфорд*

На развитие национальных ОПК в мире и в каждой отдельной стране, как уже говорилось, влияет множество, порой самых противоречивых, факторов и тенденций. Россия в данном случае не является исключением. В начале XXI века Россия вынуждена развиваться в «агрессивной» внешней и политически нестабильной внутренней среде, которая (как традиционно считается) крайне неблагоприятно влияет на развитие промышленности и, естественно, оборонно-промышленного комплекса.

Таких внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие оборонных отраслей, великое множество. Причем среди них выделяются отдельно субъективные факторы, прежде всего, эффективность государственного управления, которые в наибольшей степени оказывают влияние на развитие военной промышленности в любых государствах, включая, естественно, США и Россию. Но для России последних десятилетий, начиная с периода «реформ» М. Горбачева, негативное влияние государства на отечественный ОПК сказывалось особенно сильно, превратившись в решающий фактор²⁴.

Этот субъективный фактор влияния политического руководства М.С. Горбачева, а затем и Б.Н. Ельцина до конца еще не оценен по достоинству просто потому, что живы и даже находятся у власти многие участники этого процесса. А между тем речь идет о полномасштабном целенаправленном уничтожении советского, а затем и российского ОПК на протяжении целого ряда лет (под внешним контролем), когда полностью (или почти полностью) прекратилось его финансирование, а предприятия были включены в программы ускоренной приватизации²⁵. Нередко доходило до того, когда предприятия скупались иностранными неизвестными оффшорными компаниями, а целые вагоны документации

просто вывозились из КБ и НИИ в неизвестных направлениях. Огромный Брянский автозавод, производивший лучшие в мире тягачи (на 10 лет опережавшие американские разработки) был просто пущен на металлолом — крыша, трубопроводы, подъездные пути, станки — все было утилизировано. Новый «хозяин» Концерн ВКО «Алмаз-Антей» выкупил это предприятие, на котором работало до приватизации почти 10 тысяч человек, по остаточной стоимости... в 50 000 рублей.

5.2.а). Низкая эффективность государственного управления, как главное препятствие развития российского оборонно-промышленного комплекса

Глобальная война, в которую будут втянуты стержневые страны основных цивилизаций мира...не исключена²⁶

*С. Хантингтон,
политолог*

Внешние угрозы последнего десятилетия развиваются в соответствии с задуманным на Западе планом эскалации политики «силового принуждения», что неизбежно ставит правящие элиты перед выбором: принять ультиматум и отказаться от суверенитета, либо оказать сопротивление. Не стоит думать, что российская правящая элита этот политико-цивилизационный выбор уже сделала. Совсем наоборот — по мере усиления внешнего давления все большая ее часть склоняется к капитуляции. И это прямо отражается на промышленной политике, в том числе в отношении российского ОПК.

Казалось бы деградация российской промышленности неизбежна. На самом деле совсем наоборот — некоторые предприятия ОПК России не просто восстанавливаются, но и начинают развиваться сверхбыстрыми темпами. Причем не столько благодаря усилиям правительства, которые заметны особенно с 2008 года, сколько усилиям собственно руководителей и сотрудников сохранившегося советского ОПК, которым с прихода В.В. Путина к власти, стали не препятствовать (а иногда и помогать) заниматься своими прямыми обязанностями²⁷. Так, на

предприятиях Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в 2001 году была остановлена приватизация (фактически разграбление активов) и началось восстановление, где финансовая роль государства была относительно небольшая — основные усилия предпринимались за счет коммерческих кредитов менеджментом.

Иными словами, подъем российского ОПК был обеспечен теми оставшимися после СССР кадрами, которые сохранили свои навыки, место работы и свое влияние. Политика и правительство в целом сменило акценты, существовавшие по отношению к ОПК при М. Горбачеве и Б. Ельцине, которые рассматривали военное производство и науку как «балласт» в своих отношениях с Западом, иногда требовавшего уничтожения производства или его передачу отдельным собственникам.

Собственно промышленная политика и финансирование также попробовали изменить известными методами, которые дали минимальные положительные результаты, среди них, однако, главным был акцент, внимание (пусть демонстративное) на оборонку. Именно оно дало возможность руководителям-производственникам даже в не самых хороших условиях проявить свои способности и возможности, таким образом, как нигде в других отраслях экономики. Так, например, указами Президента РФ от 2012 года требовался прирост производительности труда в 5% ежегодно, что, как мы знаем, выполнено не было. За исключением «оборонки», где, например, предприятия Концерна ВКО «Алмаз-Антей» ежегодно обеспечивали прирост производительности труда ... на 15%²⁸.

Таким образом, не смотря на неблагоприятные внешние и внутренние условия, по сути дела, промышленность России развивается **вопреки** существующим тенденциям, причем основные из них — внутриполитические — носят до сих пор вполне субъективный характер. К 2018 году Россия в целом восстановилась после «реформ» в результате «эффективного управления» экономикой либералами и достигла уровня РСФСР 1990 года по объему ВВП, причем доля энергетической части в общем объеме ее экономики стала намного выше. Доля восстановленной от 1990 года промышленности точно не определена, но полагаю, что она составляет не более 80% от уровня РСФСР 1990 года, а приборостроения и станкостроения — на уровне 10–15%.

Заслуга правительства в этом восстановлении небольшая — экономика восстанавливалась благодаря общим экономическим законам рынка, ориентированным на импорт. Введение санкций и иных ограничений создало определенные условия для национального производства, а требования «импортозамещения» явились, по сути, основой для восстановления промышленного производства в ряде отраслей. Более того, в настоящее время правительство фактически планирует стагнацию развития промышленности, а по некоторым сведениям и обвал в области новейших технологий, что де-факто подтвердила вице-премьер осенью 2018 года. Кабинет министров «надеется на рост экономики в 2% к 2020 году, а после — на все 3% в год».

Однако аналитики Bloomberg, например, считают эти прогнозы излишне оптимистичными. Экономическому развитию России мешают, прежде всего, слабые управленческие кадры, безответственность, коррупция и многочисленные ограничительные меры, как внешнего, так и внутреннего происхождения. Приведу конкретный пример. Так, уже в конце ноября 2018 года в дополнение к многочисленным административным мерам по контролю за деятельностью ОПК, МО РФ обязало оборонные предприятия предоставлять отдельные формы учета финансово-хозяйственной деятельности. Речь идет о подаче расширенного перечня документов, в котором должны быть детально расписаны все материалы, изделия и комплектующие, необходимые для изготовления того или иного типа продукции. Так, военные рассчитывают усилить контроль за расходованием бюджетных средств. Эти требования могут привести к росту непроизводительного персонала на предприятиях и увеличению средств на выполнение контрактов. У ряда предприятий уже начались проблемы со своевременной отправкой документации, что уже привело к сдвигу срока предоставления первой отчетности почти на месяц.

О том, что 8 октября 2018 года министр обороны Сергей Шойгу подписал внутренний приказ № 554 «Об определении порядка и сроков предоставления организациями, выполняющими ГОЗ, отдельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности», рассказали несколько собеседников в Минобороны и оборонно-промышленном комплексе. Согласно документу, все организации — по-

ставщики по гособоронзаказу обязаны предоставлять в ведомство новую форму отчета о выполнении госконтракта. Приказ выпущен в рамках изменений (к постановлению правительства № 47) от 19 января 1998 года «О правилах ведения организациями, выполняющими государственный заказ за счет средств федерального бюджета, раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности» (были внесены в мае 2018 года).

1. Согласно приказу отчет предприятия в электронной форме (при наличии в организации военного представительства) должен предоставляться в Минобороны **ежемесячно, не позднее десятого числа каждого месяца**.
2. в ответ в течение **трех рабочих дней**, положенных на проверки, ведомство должно прислать квитанцию с положительным или отрицательным заключением.
3. в тех случаях, когда военных представительств на предприятиях нет, отчет нужно подать сразу по запросу Минобороны.
4. Стоимость ресурсов контракта учитывается «в отношении партий формирования», то есть для материальных запасов может применяться «идентификационный количественный учет **каждой единицы запаса**», а дополнительные ресурсы должны отображаться отдельно.
  - Раздельному учету также подлежат деньги, если они были направлены на выполнение обязательств по другим контрактам.
  - Стоимостные и процентные показатели отражаются с точностью **до копейки и десятых долей процента**²⁹.

Таким образом, можно говорить о сознательно проводимой правительством политике «промышленной стагнации», которая сменила «политику самоликвидации» и «обвальную приватизации» промышленности последних трех десятилетий. Она заключается в следующих основных особенностях:

Во-первых, хаотичной кадровой политике, когда к управлению, как правило, приходят люди «не отягощенные» профессиональными знаниями, но отобранными по иным критериям. Они практически лишены ответственности за низкие результаты действия или их отсутствие потому, что их основная задача не рост промышленного производства, а «контроль над финансовыми потоками».

Со своей стороны государство и его институты максимально осложняют деятельность руководителей ОПК, нередко лишая их инициативы и ставя в заведомо трудные условия работы различного рода ограничениями и требованиями.

Во-вторых, продолжается политика, когда военное планирование носит ситуативный характер, а крупные военные программа и ОКР «зависают» из-за финансирования. Мелкосерийность (иногда несколько образцов ВВСТ в год), отсутствие продолжающегося финансирования ОКР, а тем более НИР, подрывают научно-технологическую базу ОПК.

В-третьих, сохраняется неравномерность финансирования и различного рода требования государства, не относящиеся прямо к наращиванию объемов военно-промышленного производства (выплата дивидендов акционерам, разного рода реорганизации, участия в непрофильной деятельности и т.д.).

5.2.6). Внешние и внутренние факторы развития российского оборонно-промышленного комплекса

Перед нашим взором начинает разворачиваться
хантингтоновская драма столкновения цивилизаций³⁰

*авторы работы «Будущее России
в глобальной экономике»*

Национальный ОПК больше, чем какая-либо отрасль или область или что-либо еще в экономике, зависит от внешних и внутренних условий существования. ОПК зависит даже больше, чем сырьевые отрасли от внешней конъюнктуры, например, или от внутривосточной стабильности. Просто потому, что влияние внешней и внутренней политики на ОПК абсолютно и никак не преодолимо. Мифы разрядки о мирном развитии человечества, например, развалили советский ОПК, а пренебрежение к промышленному производству и жадность ельцинской элиты — российский ОПК.

Но еще больше на состояние ОПК влияет внутренняя бюрократия. А так как в России она самая жадная и свирепая, то и влияние ее

абсолютно. Если провести опрос среди руководителей отечественного ОПК — заводов, НИИ, КБ, полигонов и других производств ВВСТ, что мешает в наибольшей степени их работе, то среди традиционных ответов (которые приведу ниже) чаще всего будет встречаться один: безобразная промышленная и финансовая политика правительства, его министерств, ведомств, надзорных организаций и других чиновников, прежде всего Минпромторга, Минфина, Минобороны, Минэкономразвития и других государственных органов и ведомств, чья помощь бывает изредка и символична, а вмешательство — регулярно и разрушительно.

По мнению ряда обозревателей, традиционно к «агрессивной внешней среде» технологического и промышленного развития можно отнести³¹:

1. Санкции со стороны Соединенных Штатов Америки и Европейского союза, хотя к ним уже во многих случаях привыкли и нашли способы — при необходимости — их обходить. На мой взгляд, в ОПК научились не только замещать импорт национальными изделиями, но и при необходимости легко обходить ограничения.
2. Начавшееся снижение цен на «черное золото», что крайне негативно влияет на сырьевую российскую экономику. Это снижение цен, на самом деле, должно быть благоприятным фактором для российского ОПК потому, что неизбежно заставляет органы управления чаще и внимательнее смотреть на отечественного производителя, а не импортера. В том числе и в ОПК. И не потому, что можно наращивать экспорт ВВСТ (рынок которого достаточно ограничен), но потому, что при умелом распределении мощностей и технологий доля гражданской продукции на предприятиях ОПК может повышаться. В.В. Путин потребовал довести ее в ряде областей до 50%, что, однако, не является пределом.
3. Повышение ставки Федеральной резервной системой США, что ведет к «утеканию» капиталов из страны в американскую экономику. На мой взгляд, эта жалоба относится к правительству, а не к корпорациям, которые не имеют доступа на рынок американских ценных бумаг.

4. Контролю и санкциям США за партнерами российских предприятий, который действительно достаточно жесток, но не охватывает все государства и далеко не всегда одинаково жесток по отношению к некоторым странам (например, Индии, Турции, Саудовской Аравии).

Но, главное то, что помимо внешних ограничений, промышленно-экономический рост, включая ОПК, России искусственно сдерживается и изнутри. И все это знают. Банальность политики и ее последствий поражает. Перечислим эти «внутренние санкции»:

1. Денежно-кредитная политика Центрального банка РФ направлена не на стимулирование экономического развития страны, а на инфляционное таргетирование. Так, ведомство Набиуллиной повысило ключевую ставку до 7,5%, что заведомо неконкурентоспособно для промышленных отраслей экономики.
2. Получаемые от аномально высоких цен на нефть сверхдоходы правительство не инвестирует в развитие экономики. Вместо этого Центральный банк долгое время направлял их на покупку американской валюты, после чего размещал ее даже не в России, а за рубежом. Сейчас происходит скупка монетарного золота, которое не инвестируется в промышленность. Профицит бюджета в 2%, о котором говорит В.В. Путин, еще один резерв отставания. Экономическому развитию России, таким образом, мешают субъективные меры правительства, которые носят ограничительный характер для развития промышленности, включая ОПК, как внешнего, так и внутреннего происхождения³².
3. с нового 2019 года НДС повышен властями с 18% до 20%. Это сделано под предлогом того, что правительству нужны средства для выполнения «майского указа Путина». Нефтяные сверхдоходы расходовать кабинет министров не намерен, предпочитая инвестировать их в иностранные валюты. При этом власти отдают себе отчет в негативных последствиях своей налоговой политики и Минэкономразвития дает это откровенно понять.

Такая политика (рост налоговой нагрузки) приведет к скачку инфляции, ухудшению положения населения и к сокращению темпов роста ВВП, которые и без этого не достигнут в 2018 году 2%. В полной мере это относится и к ОПК, где ситуация усугубляется сокращением закупок

и серийности, ОКР и дополнительными административными ограничениями. Собственно говоря, на этом можно поставить точку в разговоре о перспективах развития российской экономики. «Если еще западные ограничения Россия как-то переживет, то «санкции» от собственного кабинета министров и ЦБ РФ — едва ли»³³, — делают логический и банально-констатирующий вывод обозреватели и обыватели.

Примечательно, что подобное развитие тенденций российского ОПК происходит на фоне резкого обострения военно-политической обстановки в мире, которая неизбежно ведет к росту военной напряженности, отказу от мер по ограничению ВВСТ и наращиванию военных расходов, что мы и наблюдаем на примере политики США и их союзников в последние годы³⁴.

В этих условиях развитие ОПК России приобретает особое значение для обеспечения военной безопасности страны. Прежде всего с точки зрения нейтрализации влияния внешних военных факторов, преимущественно отражающих наиболее характерные особенности формирования военно-политической обстановки в мире и характера внешней военной угрозы. Именно нарастание внешней угрозы исторически (в 30-е, 40-е, 50-е, 60-е и 70-е гг.) требовало, например, от СССР создания и развития огромного ОПК страны³⁵. Естественно, что в полной мере это относится и к современной ВПО, требующей от России не меньших усилий по обеспечению безопасности. Чем выше степень военной безопасности и сильнее риски, тем вероятность войны меньше.

Но с таким же успехом это можно сказать и в отношении других государств. В самом общем виде эта мысль характеризуется формированием новых особенностей МО и ВПО в XXI веке, когда, например, исчезает жесткая граница между понятиями «война» и «мир». В «Военной стратегии США. 2015» эта мысль хорошо иллюстрируется на следующем рисунке, отражающем официальные взгляды США³⁶.

Как видно из рисунка 5.5, увеличение «вероятности» военного конфликта (движение стрелки вправо) означает снижение уровня вооруженного противостояния и, наоборот, снижение вероятности конфликта делает эскалацию использования ВВСТ ниже. С точки зрения военно-политических задач, стоящих перед ОПК, это означает необходимость иметь самый широкий спектр ВВСТ.

Рис. 5.5 Развитие конфликта

Из этого следует неизбежный вывод: мощная система безопасности (и, соответственно, мощный ОПК), гарантирующие эффективный военный ответ противнику, делают вероятность войны ниже, безопасность — более обеспеченной. Оружие, военно-промышленные мощности в этом случае выступают не излишками произведенных ВВСТ, а тем самым «золотым запасом», «подушкой безопасности», которые гарантируют суверенитет и национальную идентичность. А это те качества, которые стоят любых денег.

Возникновение новых угроз России в XXI веке вновь сформулировало политическую задачу обеспечения национальной безопасности военно-техническими средствами уже на новом технологическом уровне. Иными словами, главной особенностью развития оборонных отраслей промышленности вообще, а российской — в частности, являются военно-политические условия (прежде всего, состояние военно-политической обстановки в мире)³⁷ существования государства, а не экономические или иные обстоятельства³⁸. По большому счету

так и было всегда в истории человечества — внешняя угроза определяла масштаб ресурсов, которые были необходимы для ее нейтрализации. При том, понимании, конечно, что национальные ресурсы имеют свои пределы.

После 2016 года наступил очевидный перелом в военно-промышленной политике Запада. Так, с 2010 года стоимость продаж вооружений и военных услуг 100 крупнейшими компаниями из списка СИПРИ (т.е. 100 крупнейшими в мире военно-промышленными компаниями и компаниями, предоставляющими услуги военного назначения, включая китайские, ранжированными по их объемам продаж вооружений) снижалась после достижения своего максимума в 2010 г., хотя темпы снижения в последние два года замедлились³⁹. Но с 2016 года тенденция вновь изменилась.

Эту тенденцию к снижению военных производств на Западе в 2010–2016 годы можно в значительной степени связать с падением объемов продаж компаний, базирующихся в США и Западной Европе, которые доминируют в списке 100 крупнейших компаний как по числу вошедших в него компаний, так и по доходам от продажи вооружений. В 2014 г. снижение доходов 100 крупнейших компаний происходило по двум основным причинам. Во-первых, принятие строгих мер экономии для того, чтобы справиться с последствиями финансового кризиса 2008 г., привело к сокращению военных расходов, включая и расходы на закупки вооружений и военных услуг. Во-вторых, формальный вывод сил коалиции из Ирака в 2011 г. И сил Организации Североатлантического договора (НАТО) и коалиции из Афганистана в 2014 г. вызвал снижение спроса на военные услуги и технику, закупаемые специально под эти конфликты (в частности на бронетехнику, защищенную от взрывов мин, и услуги частных компаний, обеспечивающих безопасность на театрах боевых действий)⁴⁰.

Ранее США выделяли на закупку товаров и услуг, необходимых для участия в этих конфликтах, такое количество ресурсов, что производители бронетанковой техники, например, корпорация Navistar, и компании по оказанию частных военных услуг, как, например, KBR, вошли в число самых крупных по объемам продаж вооружений военно-про-

мышленных компаний и компаний, предоставляющих услуги военного назначения⁴¹.

Общее снижение доходов мировой военной промышленности также было несколько смягчено существенным ростом продаж у компаний, базирующихся за пределами США и Западной Европы. В частности, российские компании сумели значительно увеличить объемы продаж благодаря большому бюджету внутренних закупок и продолжающимся экспортным успехам, поскольку Россия по-прежнему находится на 2-м месте в мире по экспорту вооружений. Кроме того, продолжающийся в России процесс консолидации в военной промышленности, в ходе которого объемы продаж по всем активам обычно объединяются, способствовал значительному росту показателя продаж российских компаний. Так, Концерн ВКО «Алмаз-Антей» за 2014–2017 годы поднялся в рейтинге с 11 до 8 места. Доходы бразильских, южнокорейских и турецких компаний также увеличились главным образом из-за высокого внутреннего спроса.

Противоречивые тенденции изменения глобальных экономических и геополитических условий означают, что военная промышленность получает противоречащие друг другу сигналы. Так, усиливающаяся напряженность в Восточной Азии, ощущение растущей угрозы со стороны России в Восточной и Северной Европе и войны, ведущиеся против повстанческих сил на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, подталкивают к увеличению военных расходов в некоторых регионах и вынуждают правительства планировать крупные закупки вооружений. В частности, перспектива ослабления санкций в отношении Ирана после заключения с ним ядерной сделки и конфликты в Сирии и Йемене привели к всплеску региональных закупок вооружений на Ближнем и Среднем Востоке. Однако продолжающиеся экономические трудности на Севере и значительное падение цен на нефть оказывают влияние на национальные доходы в других регионах, потенциально ставя под угрозу амбициозные программы закупок в странах-импортерах и, следовательно, напрямую отражаясь на ожидаемых объемах продаж компаний.

Кроме того, а иногда и решающему, а не просто сильному, внешнему влиянию на развитие ОПК и промышленности (включая, есте-

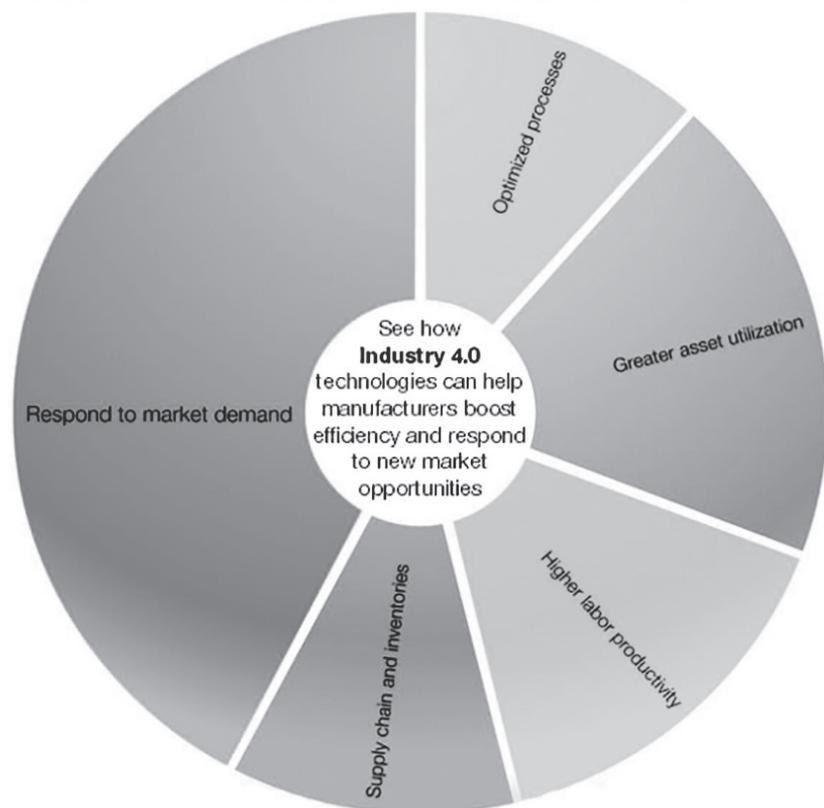
ственно, России), относятся следующие внешние факторы (на которые обратил внимание в своем поручении в 2017 году Д. Трамп)⁴², среди которых особо необходимо выделить следующие: технологические открытия, «прорывные достижения» в области новых технологий, которые немедленно отражаются на создании новых, более эффективных ВВСТ и развитии соответствующих отраслей экономики.

Фундаментальные достижения науки и НИОКР в атомной энергетике, как известно, привело в свое время к созданию целого комплекса отраслей атомной промышленности, изобретение ракет — к аналогичному технологическому и промышленному «взрыву» в космической отрасли. Эти традиционные группы отраслей продолжают развиваться опережающими темпами. В ядерной области создаются двигательные установки для ЛА и подводных лодок, боеприпасы, а в космической отрасли наступает новый период — массового производства оружия для действий в космическом пространстве.

В более позднее время был дан толчок массовым отраслям в ИКТ. Так, революция в области ИКТ в 80-е годы привела к созданию целой серии ведущих технологий и отраслей промышленности (микроэлектроники, средств связи, размножения и пр.), а также появлению принципиально новых видов и систем оружия и систем управления (высокоточного оружия, крылатых ракет, систем боевого управления, связи и разведки).

Эксперты сходятся во мнении, что 4-ый промышленный этап будет охватывать все области военно-промышленного производства — от стрелкового оружия, где ожидается появление новых образцов вооружений (в т.ч. из новых материалов, например, углепластика) и, главное, систем управления (наведения) ими, до новых поколений гиперзвуковых ЛА и космических средств ведения войны. Более того, 4-ый этап промышленной революции «предоставляет производителям новые возможности и императивы», — считают эксперты авторитетной консалтинговой фирмы «Маккензи». По их мнению, «технологии 4-го этапа промышленной революции уже начали трансформировать имеющее ее производство»⁴³. «Цифровые двойники» физических производителей, особенно в области конструирования, которая сокращается, по меньшей мере, на 20% в авиационной промышленности.

**Производители могут использовать технологии 4-го поколения
в целях повышения эффективности и усиления маркетинга**

Рис. 5.6 Ключевые элементы технологий 4-го поколения ⁴⁴

При этом эксперты компании «Маккензи» полагают, что эти новые технологии добавят к ВВП США 530 млрд. долларов еще до 2025 года, т.е. сделают именно то, к чему призывает Д. Трамп, — простимулируют развитие американской наукоемкой промышленности. Не трудно увидеть, что в своем подходе Д. Трамп действует аналогично бывшему президенту Р. Рейгану, который анонсировал в 1982 году Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), как комплекс передовых технологий, способных защитить США от ядерного оружия.

В настоящее время, когда разворачивается 4-я промышленная революция, происходит, таким образом, как совершенствование традиционных военных технологий (модернизация), так и разработка и появление

принципиально новых, которые могут гарантировать США сохранение мирового военно-технологического лидерства в обозримой перспективе⁴⁵. Важно особенно подчеркнуть, что технологическое лидерство США ставится в качестве важнейшего (даже самого важного) национального политического и военного, а не только экономического приоритета, возводится в основополагающий принцип американской внешней политики.

Запаздывание с осознанием значения этих изменений ведет к неизбежному технологическому и военно-техническому отставанию, как это было, например, во второй половине 80-х годов в СССР, но в еще большей степени по оценке ученых США угрожает сегодня России⁴⁶. Активную деятельность по выявлению критических военных технологий США начали в 80-х гг. XX в., когда была создана необходимая для этого нормативная база. Более того, с политической точки зрения эти усилия активно были поддержаны бывшим президентом США Р. Рейганом, который анонсировал программу Стратегической оборонной инициативы, как комплекса передовых технологий.

Считается, что в России работа по подготовке перечней критических технологий началась несколько позже — только в середине 90-х гг., а более активно только после 2005 года. На самом деле эта работа велась достаточно формально и на низком уровне. Очевидно, например, что такая работа велась на уровне нескольких десятков второстепенных НИР, результаты которых так и не легли в основу экономической, а тем более промышленной политики. Это объясняется достаточно просто: сам методологический подход (даже если он и был) тех, кто формировал экономическую политику в 90-е годы, а также позже, основывался не на принципе опережающего экономического и технологического развития, а на принципиальном положении о необходимости соблюдения «макроэкономической стабильности», т.е. не было «политического заказа». Отсутствие такого заказа объяснялось еще и идеалистическим отношением к внешним реалиям, сформировавшимся в горбачевско-козыревскую эпоху.

Поэтому на уровне отдельных групп исследователей была начата работа в рамках нескольких НИР и инициатив. Для того чтобы выявить технологии, которые должны быть отнесены к категории критических,

необходимо было разработать соответствующий научно-методический аппарат. И работа началась именно с разработки такого аппарата.

Как отмечают российские эксперты, занимавшиеся этой проблемой, «основой метода критических технологий является опрос ограниченного количества высококвалифицированных экспертов в сочетании с использованием количественных методов исследований. В общем случае работа проходит в две стадии. Вначале составляются предварительные списки технологий, которые можно отнести к категории критических. После этого проводится утверждение этих списков в соответствии с выработанными критериями и степенью их «критичности»⁴⁷. Более подробно алгоритм работы по формированию перечня критических технологий, адаптированный для проведения работ в интересах ОПК, представлен на рисунке 5.7.

Рис. 5.7 Алгоритм работы по формированию перечня критических технологий, адаптированный для проведения работ в интересах ОПК

Таким образом, работа шла исключительно на уровне экспертов, с привлечением на конечной стадии некоторых чиновников. Она выражалась в том что:

1. Осуществляется формирование тематических групп экспертов, или экспертных панелей. В качестве экспертов привлекаются наиболее известные в своей области ученые — представители академической, вузовской и отраслевой науки. Также могут быть привлечены представители органов государственной власти и коммерческого сектора.
2. Составляется первоначальный список потенциально критических технологий. Для этого используются как списки критических технологий, составленные и утвержденные ранее, так и результаты зарубежных и отечественных исследований. Здесь же учитываются и предложения членов экспертных групп.
3. Выбор системы критериев для оценки технологий зависит в основном от целей формирования перечня критических технологий. В общем случае это могут быть социально-экономические или политические приоритеты. Очевидно, что перечень критических технологий, разрабатываемый в интересах ОПК, будет иметь соответствующую технологическую направленность.
4. Оценка первоначального списка технологий экспертами по выбранной системе критериев может осуществляться как по формальной процедуре рейтингового голосования, так и с учетом неформальных, качественных оценок.
5. Формирование перечня критических технологий с учетом результатов оценки завершается формальными административными процедурами согласования и утверждения⁴⁸.

В последующие годы были сделаны определенные усилия по совершенствованию анализа и прогноза последствий технологического развития в мире для ВВСТ, включая многочисленные разработки в недрах ВПК и МО РФ, которые в целом дали достаточно полную картину будущей военно-технологической реальности. Но эти разработки, надо признать, были достаточно далеки от организации военно-промышленной деятельности, где происходила быстрая концентрация производств, КБ

и НИИ в рамках вертикально-организованных структур. Они, очевидно, отставали от практики формирования вертикально-интегрированных структур в ОПК. Примером этому может стать северо-западный филиал Концерна ВКО «Алмаз-Антей», созданный на базе Обуховского завода, в который вошли новые производства, несколько существовавших в Ленинграде НИИ и КБ. Этот огромный комплекс стал во многом результатом реализации инициатив его Генерального директора и руководства Концерна, а не Минпромторга и Минобороны.

5.2.в). Последствия развития российского оборонно-промышленного комплекса

Последствия развития российского ОПК можно разделить на три большие группы:

- Военно-политические последствия, связанные с обеспечением безопасности страны
- Последствия для возможных новых способов ведения военно-силовых действий, т.е. последствия для военного искусства.
- Военно-промышленные последствия развития российского ОПК.

Изменения в политической и военной области, эволюции военных доктрин ведет к радикальной перемене требований, предъявляемых к новым ВВСТ, например, созданию новых видов и образцов ВВСТ для ведения глобальных, региональных и других «локальных» войн, «асимметричных», «прокси», «кибер» и других конфликтов и войн. Требования (исходные данные) к новым системам и видам ВВСТ — основной двигатель их развития⁴⁹. Самый яркий пример — попытка США обеспечить себе гегемонию в мире после Второй Мировой войны с помощью военной силы, которая потребовала создания в стране двух мощных групп отраслей, а, как следствие, привела к аналогичным действиям в СССР: ускоренному созданию отраслей ракетостроения и атомной промышленности.

В настоящее время эти требования формируются под влиянием военных доктрин стран, которые в некоторых случаях меняются достаточно быстро. Так, на примере морской пехоты в СССР и России можно

увидеть как за 30 лет ее численность — в зависимости от политических установок и доктринальных положений — сокращалась почти до нуля, танки и БТР изымались, десантные суда консервировались, а затем — через 15 лет (опять же со сменой установок) все постепенно возвращалось вновь. С трудом и потерями, естественно⁵⁰.

Для российской промышленности однако эти изменения и решения даже в одном из родов ВС РФ (морской пехоте) означали дополнительное производство более 600 танков и 700 БТР, более 1 тысячи артиллерийских систем и десятков судов, а также множество иной техники. На практике это выглядит следующим образом: в начале 2018 г., наконец-то, возобладал здравый смысл по части оснащения морпехов танками — Минобороны анонсировало включение в состав каждой бригады танкового батальона. Это решение было принято по результатам эксперимента — в декабре 2017 г бригада морской пехоты на Камчатке получила танковую роту. По некоторым данным по состоянию на 2017 г морская пехота получила 600 таких бронетранспортеров.

Очень важно попытаться реально оценить современные возможности российского ОПК обеспечить ВС новейшими ВВСТ, не впадая в уныние или что, может быть, эйфорию. Не следует, например, думать, что все проблемы военного оснащения морской пехоты, ВМФ или авиации ВМФ решены.⁵¹ Эти области военного строительства в наибольшей степени пострадали от «реформ» в армии и ОПК. На самом деле, по части оснащения боевой техникой морпехи оказались примерно в том же положении, что и остальные сухопутные ВС — вроде бы поставки и идут, хотя до желательного уровня развития, диктуемого современной ВПО, еще очень далеко⁵².

В настоящее время сплошь и рядом получается, что новая военная техника — это «лучше, чем ничего, но много хуже того, что на самом деле требуется». Военная промышленность идет, по сути, по пути постоянной модернизации. Иногда такой ресурс позволяет это делать, но так происходит далеко не всегда. Если новый танк Т90, модернизированный уже не раз, поступает в войска, обладая новыми качествами (прежде всего защиты от ПТУРСов), то, например, те же БТР-82А в сущности это не более чем модернизированный БТР-80, серийный выпуск которого начался в 1984 г. Нововведения не были принципиальными. И никакие модернизации не в состоянии исправить крайнюю уязвимость конструк-

ции данного БТР к воздействию практически любых средств поражения и мин. Всего после 2010 года для ВС Казахстана и России было выпущено более 1500 БТР-82А.

Между тем эти машины уже к тому времени устарели. Одной из основных проблем БТР-82 и БТР-82А был довольно слабый уровень защиты, особенно от мин и фугасов. Поэтому бойцы предпочитают передвигаться сверху на машине, а не внутри ее. Именно слабость противоминной защиты являлась одной из основных причин начала работы над новым бронетранспортером. Модернизировать старые советские бронетранспортеры в этом направлении не представлялось возможным, они полностью исчерпали свой модернизационный ресурс.

Нужно было создавать БТР с новой формой корпуса, новой компоновкой и броней, сделанной из современных материалов. При создании «Бумеранга» особое внимание было уделено именно защите экипажа и десантников от мин и фугасов. Также большую опасность в современном бою представляют различные противотанковые средства. Разработчики машины особое внимание уделили защите БТР от кумулятивных боеприпасов. БТР «Бумеранг» был впервые показан на закрытой презентации, которая состоялась в 2013 году. Широкой публике машина была показана во время парада Победы в 2018 году. Серийные поставки новой техники планируют начать в 2019 году.

– Сильнейшее влияние производств ВВСТ испытывает под воздействием глобальных изменений в системах ценностей и приоритетах, когнитивно-информационной и иных, прежде всего межцивилизационных⁵³, областях развития человеческого общества⁵⁴. Прежде всего, когда речь идет о таких универсальных ценностях, как жизнь человека, его свобода, суверенитет государства и его безопасность, допустимость использования вооруженного насилия. Так, эпоха окончания холодной войны сопровождалась подписанием многочисленных соглашений об ограничении и запрещении некоторых видов вооружений, радикальных сокращений и даже уничтожения целых классов вооружений и военной техники — некоторых систем ЯО, ракет средней и меньшей дальности, численности бронетанковых соединений и т.д.

И наоборот — возвращение США к политике мирового доминирования привело к резкому увеличению военных расходов фактически

в мирное время (почти на 100%), когда отсутствовали угрозы военной безопасности, но развивалась логика военно-технического превосходства над всеми государствами в мире⁵⁵.

Очевидно, что доминирование той или иной нации или государства, провозглашаемое, например, публично США, ведет к установке на военно-технологическое превосходство, сохранение которого рассматривается всеми администрациями и правящими кругами США в качестве основополагающего принципа политики во всех публичных⁵⁶ и нормативных документах⁵⁷.

При этом подобное превосходство основывается на промышленно-индустриальном превосходстве США, которые сознательно используют новейшие достижения четвертого этапа промышленной революции, как для развития экономики, так и для укрепления оборонно-промышленного комплекса страны⁵⁸.

Таблица 5.2

Темп прироста ВВП, %*	ВБ, июнь 2018 г.	МВФ, июль 2018 г.	ООН, сент. 2018 г.	справочно: 2017 г.
Мир (по ППС)	3,8	3,9	3,7	3,0
США	2,7	2,9	2,6	2,3
Зона евро	2,1	2,2	2,1	2,4
Япония	1,0	1,0	1,0	1,7
Китай	6,5	6,6	6,6	6,8
Индия	7,3****	7,3****	7,1****	6,7
Бразилия	2,4	1,8	1,6	1,0
Россия	1,5	1,7	1,5	1,7
Нефть, долл./бар.**	70	70,23	71***	53

* в таблице отражены темпы прироста мирового ВВП по ППС. Темпы прироста ВВП по странам рассчитаны в соответствующих национальных валютах

** среднее цены сортов Dubai, Brent, WTI, если не указано иное

*** Brent

**** за фискальный год (01.07–30.06)

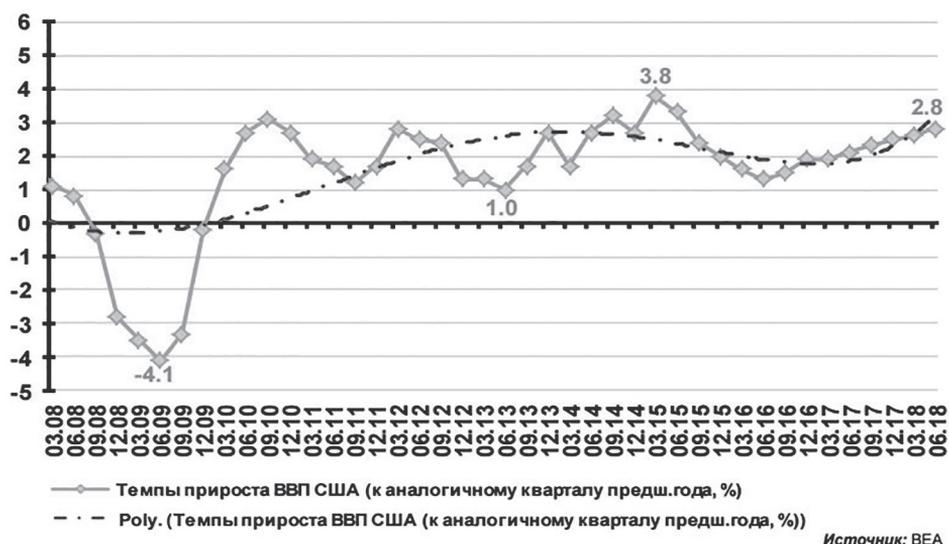

Рис. 5.8 Темпы прироста ВВП (к аналогичному кварталу предшествующего года,%)⁵⁹

Соответственно, в США могут безболезненно выбирать те или иные сценарии финансирования своих военных программ и развития военной промышленности — от вполне «умеренных» (как при Б. Обаме) до радикальных (как при Д. Трампе), которые отличаются друг от друга на несколько сотен миллиардов долларов, а в перспективе 10–15 лет, — на 700–900 млрд. долл.⁶⁰

Изменения в способах использования (политических и военных) ВВСТ, т.е. Изменения в тактике, оперативном искусстве и стратегии, требующие изменений в системах и видах ВВСТ. Так, в Сирии, например, прошли испытания и были после них усовершенствованы, либо сформулированы задачи по модернизации, более 300 видов и систем оружия, а также внесены конкретные корректировки в планы военного строительства и работу предприятий ОПК России.

Влияние так называемого военно-промышленного комплекса на принятие политических и экономических решений (которому положило начало известное выражение Д. Эйзенхауэра о роли ВПК) нередко сознательно преувеличивается, прежде всего, в политико-идеологических целях, к которому имел отношение прежде и автор⁶¹. Во всяком случае,

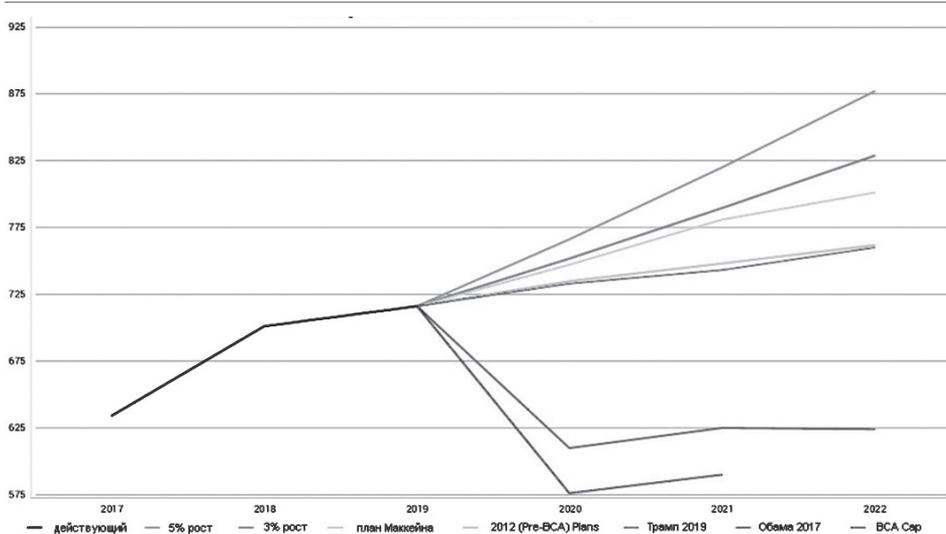

Рис. 5.9 Сценарии военного бюджета США⁶²

в СССР и в России, где по опыту и информации автора такое политическое влияние существенно уступало влиянию других групп правящей элиты.

Но не только в приоритетности внешнеполитического влияния на развитие ОПК заключается особенность его развития. Даже в рыночной экономике предприятия ОПК (особенно в области НИР и ОКР) работают в существенно отличных условиях, чем остальные отрасли экономики. Прежде всего, они должны быть изначально ориентированы на очень высокий уровень технологического развития, а, кроме того, ориентироваться на потребности обороны, когда экономические факторы существенно уступают (а иногда и вообще теряют) свое значение.

Промышленное развитие, как и все отрасли переработки, опираются в XXI веке, прежде всего, на качество и количество национального человеческого капитала и его институтов⁶³, обеспечивающих основной объем (по некоторым оценкам до 90%) прироста ВВП. Таким образом, в основе ускоренного развития экономики и общества находится не только и даже не столько средства производства и природные ресурсы, а человек и его возможности и способности, включая такое качество институтов человеческого капитала как эффективность государственного и общественного управления.

Логично предположить, что соответственно и приоритет в развитии, включая финансирование и создание максимально благоприятных условий для развития, должны быть отданы развитию национального человеческого капитала и его институтов⁶⁴. Ярче всего это проявляется в отраслях глубокой переработки, науке и технике, образовании и оперативной разработке новейших технологий. Особенно хорошо это видно на примере развития промышленности, прежде всего таких отраслей глубокой переработки, как радиоэлектроника, авиационная, ракетная техника, где безусловным лидером выступают предприятия ОПК. Не случайно, что именно в этих отраслях производительность труда за последние 10 лет выросла в 8–15 раз, а модернизация и переоборудование предприятий превысило 50%⁶⁵.

5.3. Современное состояние российского оборонно-промышленного комплекса: два периода современной истории

Состояние ОПК любого развитого государства невозможно адекватно оценить без обзора истории его формирования, которая является основой для развития будущей военно-промышленной политики. Именно такой анализ был сделан, например, в 2018 году по требованию Д. Трампа⁶⁶. На основе этого анализа были скорректированы выводы, сделанные прежде относительно будущей военной политики и политики безопасности США⁶⁷.

Суть такого явления как российский ОПК невозможно даже приблизительно представить без понимания особенностей и характеристики советского ОПК потому, что современный российский ОПК — прямой наследник огромного ВПК СССР, созданного до Второй Мировой войны, и получившего мощное развитие во время этой войны и в послевоенные годы⁶⁸. Собственно «российская часть» ОПК — относительно небольшая и частично модернизированная часть советского ОПК, в который прежде входили мощные предприятия Украины (основные производители баллистических ракет, крупных судов, танков, электроники и другой продукции), Белоруссии, Армении, Грузии и Прибалтики, а также Среднеазиатских советских республик.⁶⁹

5.3.а). Краткая история развала советско-российского оборонно-промышленного комплекса

... главное сегодня — предотвратить дальнейшее ослабление и развал Российского государства⁷⁰

группа политиков и политологов, 1994 г.

Развал СССР серьезно подорвал возможности как ОПК СССР в целом, так и его части — России, некоторые из которых (например, двигатели вертолетостроения, баллистические ракеты, танкостроение и ряд других) пришлось создавать фактически заново, а некоторые — полигоны в Казахстане, например, — компенсировать вообще не удалось до сих пор. Были разорваны горизонтальные связи, а обвальная приватизация привела к окончательному разгрому ОПК страны потому, что эта отрасль изначально не была ориентирована на рынок. В итоге, по некоторым оценкам, в 90-е годы, оставшиеся предприятия российского ОПК получали госзаказ и финансирование на 20 и даже на 10%, а значительная часть была передана собственникам-иностранцам и в зарубежные оффшоры. Считается, что финансирование ГОЗ в 1999 году впервые превысило 20%. Проведенное мною в начале 2000 годов исследование в Счетной палате РФ по итогам приватизации показало, что за короткий срок произошел фактический разгром ОПК СССР⁷¹.

Были разрушены все элементы системы ОПК СССР — от единой научно-технической и военно-промышленной политики, вытекающей из Военной доктрины СССР, до конкретных трудовых коллективов и социально-экономической базы, которая нередко была основой для существования целых городов и регионов.

Процесс восстановления был очень медленным и непоследовательным. Его начало можно отнести ко второй половине 90-х годов, когда понятие «национальные интересы» и соответствующее представление о необходимости их защиты стало возвращаться в российскую действительность⁷². Подчеркну, еще раз, — очень медленно и непоследовательно. Как видно из простой схемы, предлагаемой ниже, ключевым элементом военно-промышленного планирования

остается военно-политическое целеполагание, т.е. формулирование политической цели для ВС и ОПК. Но именно в этой области в России существовали наибольшие проблемы в те годы. Приход к власти в стране радикально-либеральных кругов уничтожил сколько-нибудь профессиональное отношение к обеспечению национальной безопасности. Прежде всего, в военной области. Как следствие этого, ОПК СССР рассматривался как не просто излишняя часть экономики, а как «нагрузка» на бюджет.

Вплоть до второй половины 90-х годов в Российской Федерации доминировала установка, оформленная, в том числе, и в первой редакции Концепции национальной безопасности 1997 года, о том, что «России никто не угрожает», а расширение НАТО на восток «можно приветствовать»⁷³. К сожалению, многие представители российской правящей элиты, разделяющие эту точку зрения, остались у власти в России до настоящего времени. Степень их влияния недооценивать нельзя.

В целом анализ истории становления и развития оборонно-промышленного комплекса свидетельствует о следующем:⁷⁴

- его развитие осуществлялось в большей степени путем ситуационного управления (в 1920-е гг. — из-за необходимости сохранить оставшуюся не разрушенной промышленность; в 1930-е гг. — под воздействием надвигающейся военной угрозы; в 1940-е гг. — в силу быстро меняющейся военной ситуации; в 1950-е гг. — из-за опасности отстать в развитии средств вооруженной борьбы; в 1960–1980-е гг. — вследствие гонки вооружения; в 1990-е гг. — в результате кардинальных перемен в стране; с конца 1990-х гг. — под циклическим воздействием финансово-экономических кризисов различного масштаба);
- быстрое изменение ВПО в мире в XX веке не оставляло руководству СССР и России возможности для выработки стратегии его развития с системных позиций, т.к. быстрая изменчивость военно-политической ситуации в мире, а также форм и способов ведения вооруженной борьбы постоянно требовали оперативной реакции на новые угрозы;
- система управления оборонной промышленностью в своем развитии сменила несколько фаз централизации и децентра-

лизации, что показало способность ОПК функционировать в различных вариантах управления, но с разной эффективностью (при этом наибольшая степень централизации была обеспечена с конца июня 1941 г., когда в ходе Великой Отечественной войны был образован чрезвычайный и полномочный орган — Государственный комитет обороны (ГКО), решавший все политические и экономические вопросы и обладавший всей полнотой власти; в июле 1941 г. была создана Ставка Верховного главнокомандования, решавшая все военные вопросы, в том числе связанные с управлением оборонной промышленностью);

Рис. 5.10 Существующая логика развития ОПК России⁷⁵

Для России последнего десятилетия 20 в. характерно беспрецедентное сокращение доли ресурсов, выделяемых на экономическое обеспечение национальной безопасности. Вся система этого обеспечения, прежде всего ОПК, была деформирована. Многократно сократились производственные мощности и численность занятых как в военном, так и в гражданском производстве. Вместо передачи в гражданский сектор высоких технологий и квалифицированных кадров произошел распад научных школ, страна лишилась немалой части интеллектуального потенциала⁷⁶.

К 1996 было утрачено более 300 передовых технологий и производств в аэрокосмической отрасли, биотехнологии, в сфере информатики и новых материалов. В 1999 доля военной продукции составила 20% выпуска военной промышленности, доля машин и оборудования гражданского назначения — 26%, потребительских товаров — 8,8%, экспорта продукции военного назначения — 34,3%, экспорта продукции гражданского назначения — 10,9%. Для ОПК сложились самые неблагоприятные социально-экономические условия: среднемесячная оплата труда на предприятиях комплекса в 1996 была ниже 60% среднего уровня оплаты труда в промышленности, а к 2000 достигла 72%. Почти 1/3 сотрудников научных учреждений оборонной промышленности уволилась; средний возраст занятых увеличился с 39 лет в 1990 до 58 лет в 2000. В ходе массовой приватизации ОПК подвергся неблагоприятным институциональным изменениям — были раздроблены сложившиеся крупные научно-производственные комплексы. Российские оборонные предприятия по мировым масштабам превратились в «карликов» и начали поддерживать свое существование за счет экспорта, а не государственного оборонного заказа (ГОЗ).

Во многом этому способствовало навязанное идеологическое представление о конверсии, которое противоречило реальной политике переориентации военного производства на гражданские нужды. Еще в конце 80-годов было создано две комиссии для разработки этого плана в СССР. Вывод одной из них, в которой я принимал участие, был следующий: основываясь на зарубежном опыте, необходимо соблюдение следующих обязательных условия для осуществления конверсии в ОПК:

- деньги для приобретения дополнительного оборудования и организации производства;

- время, которое требуется для переподготовки персонала (как минимум, например, для военных авиационных заводов 3 года);
- новые кадры для управления и производства.

Ни одно из этих условий не было разработано и принято ни в СССР, ни позже в России. ОПК был «обрушен» волевым решением руководства страны. Вместо этого было прекращено финансирование (без отмены госзаказа, что приравнивалось даже в то время к уголовному преступлению) и начата хаотичная приватизация. Итоги такой военной политики сказываются до настоящего времени. В ряде областей они могут и сегодня характеризоваться как катастрофические.

Приведу конкретный пример, иллюстрирующий последствия этого обрушения, которые сказываются до сих пор. Так, по свидетельству А. Тимохина, в настоящий момент в строю ВМФ России всего тридцать один корабль ближней и дальней морской, а также океанской зон (за вычетом неходовых кораблей, которые в море уже никогда не выйдут, но еще не выведены из боевого состава). Кроме пяти корветов проекта 20380 и четырех фрегатов (три 11356 и один 22350), все они были заложены еще при СССР. Из этого количества десять кораблей сейчас на ремонте, включая единственный авианосец⁷⁷. Таким образом, действительно морской компонент ВМФ России (а не патрульные катера), за исключением 10 судов, представляет собой набор кораблей 30–40 летней давности.

Фактически в настоящее время Северный флот может вывести в море всего пять надводных кораблей 1-го и 2-го ранга, включая всего два крейсера, Черноморский — пять СКР и фрегатов, Тихоокеанский — шесть, включая один крейсер, Балтийский флот — один СКР проекта 11540 и четыре корвета проекта 20380. Для сравнения: у Японии тридцать семь боевых кораблей УРО в строю и три вертолетоносца ПЛО, у Франции — двадцать три корабля УРО и полноценный атомный авианосец.

Странно, но каким-то образом переоценивается значение имеющих у России небольших судов — (менее тридцати на весь ВМФ) малых противолодочных кораблей, малых ракетных кораблей, ракетных катеров и вспомогательных кораблей и судов. Их применение в море ограничено прибрежной зоной. Они или не могут действовать в дальней морской зоне без больших кораблей, либо необходимы для организации

обороны прибрежных вод, либо и то, и другое. Ту же группировку ВС РФ в Сирии ими уже особо не защитить, вблизи Хоккайдо или Шпицбергена им — не повоевать. Эти новые МРК, отметившиеся пусками «Калибров», имеют очень ограниченную мореходность, и не имеют ни ПВО, ни средств ПЛО, или хотя бы противоторпедной защиты.

При этом все остальные большие корабли натурально «застряли» на ремонтах, которые продолжаются годами, и у которых все время увеличиваются сроки. Последняя новость из этой серии — затопление в октябре 2018 года плавдока ПА-50, в котором стоял авианосец «Адмирал Кузнецов», с навалом авианосца на стенку дока, и до конца не озвученными последствиями. Насколько это задержит выход из ремонта «Кузнецова» и осложнит ремонты прочих кораблей и подлодок, можно только гадать.

При этом интенсивная эксплуатация еще находящихся на ходу кораблей совершенно однозначно приведет к почти **полной выработке многими из них ресурса примерно к 2020-му году**, до того, как из ремонта начнут выходить стоящие там сейчас боевые корабли⁷⁸. Фактически флот может уполовинить свой и без того скромный боевой состав, а судоремонт уже сейчас не справляется с имеющимися объемами работ, после того, как этот объем вырастет процентов на шестьдесят, он не справится тем более. Особенно учитывая то, что некоторые корабли уже натурально доведены «до ручки», и объем работ с ними обещается просто огромный.

Но самое ужасное то, что ВМФ не может обновлять корабельный состав. Под гром фанфар и блеск главных морских парадов от внимания публики ушел один «скромный» факт: Россия не может строить боевые корабли нужных ей классов. Почти никакие. Иными словами, последствия развала ОПК не просто ощущаются сегодня, но они ставят перед страной очень трудные задачи хотя бы частичного восстановления боеспособности ВМФ. Если к этому добавить, что России практически лишилась авиации ВМФ, а ее противолодочная оборона носит чисто символический характер (в то время как ПЛО США, например, отслеживает все наши ПЛА и ПЛАРБ).

С конца 90-х гг. ситуация в ОПК начала очень медленно улучшаться. Уровень военного производства за 1998–2002 практически удвоился, достигнув, однако, только 18,7% выпуска военной продукции СССР (1991). Этот же вывод означает, что до 1998 года уровень военного производства

был практически нулевой. С 2002 года ГОЗ стал финансироваться практически в запланированных (хотя и крайне небольших) объемах, началось погашение долгов предприятиям за выполненные работы по ГОЗ.

В 2001 объем финансирования НИОКР увеличился на 43%, в 2002 — на 40%. Соотношение военных расходов на содержание войск и их развитие составило 70:30, в 2001 — 56:44, а к 2006 стало уже 50:50⁷⁹.

Можно признать, что ВС и ОПК России находились к концу 90- годов в состоянии, близком к окончательному самоуничтожению. Остатки производств и КБ готовились к приватизации и переориентации под «гражданские» активы. с точки зрения поддержания боеспособности ВС России характерен тот факт, что для проведения контртеррористической операции на Северном Кавказе из находившихся штатных 350 000 военнослужащих округа так и не смогли собрать группировку в 50 000 человек. Пришлось соскрести относительно боеготовые подразделения из других округов и флотов (это объясняет, например, наличие в горах Кавказа морских пехотинцев).

К концу 90-х годов на Западе пришли к выводу о том, что процессы самоуничтожения России, включая ВС и ОПК, приобрели необратимый характер, который приведет в конечном счете к желаемому результату — распаду страны. Сделанные ЦРУ и РЭНД рекомендации, советовали руководству страны просто-напросто «отойти в сторону на 2–3 года», дождавшись, когда страна обессилит настолько, что потребуются внешнее вмешательство, чтобы взять под контроль ее окончательный распад.

5.3.6). Период частичного восстановления оборонно-промышленного комплекса

Российская концепция «интегрированного стратегического сдерживания» предполагает инициативные шаги с целью доминирования на всех этапах конфликтах⁸⁰

Авторы доклада «Россия-НАТО: как преодолеть нестабильность сдерживания?»

Странным образом вопрос о военном превосходстве России над НАТО регулярно ставится на всех уровнях, причем особенно

подчеркивается эффективность и масштаб российского ОПК. Что, мягко говоря, не вполне соответствует действительности. По самым разным оценкам в российский ОПК сегодня входят (уже после распада СССР) более 1500 предприятий, на которых работают до 2 млн. человек⁸¹. Более точных данных и статистики нет по ряду причин. И не только объективны — закрытости предприятий и сложности их инфраструктуры, но и по совсем, уж, не понятным: официальная статистика Минпромторга в ноябре 2018 года давала данные только по итогам работы ОПК за 2014 год. В них отмечался рост объема промышленной продукции на 15,5%, а по отраслям:

- на 24% в радиоэлектронике;
- 13% боеприпасах и спецхимии;
- 5,4% обычных вооружений;
- 17,1% авиационной;
- 14,1 % судостроении;
- 8,6% ракетно-космической⁸².

По итогам работы ОПК за 2015–2017 годы информация отсутствует, поэтому в целом ряде случаев приходится пользоваться устаревшей или не точной информацией. Организации российского ОПК сохраняют значительный научно-технический задел, оставшийся от ОПК СССР, а также относительно небольшие собственные наработки, позволяющие по ряду направлений совершить даже технологический прорыв (ядерные, лазерные, авиационные, космические технологии, специальные материалы и сплавы и др.). Критические направления развития технологической базы ОПК не только совпадают, но и зачастую формируют ключевые направления научно-технологического прогресса в целом. В этом смысле логика развития российского ОПК не отличается от американской логики.

В соответствии с действующей редакцией сводного реестра организаций ОПК (утвержденной приказом Минпромторга России от 5 февраля 2013 года № 137) к ОПК отнесены 1340 организаций. Причем остройшей проблемой, может быть даже самой главной проблемой российского ОПК, являются кадры. Развал ОПК в период с конца 80-х годов до начала 2000 -х годов привел к ликвидации целых научных школ и отдельных специальностей, квалификация которых должна быть чрез-

вычайно высока. Среди работников ОПК очень высока доля лиц предпенсионного и послепенсионного возраста и только четверть относится к категории «до 35 лет». Поэтому предприятия ОПК вынуждены заниматься программами подготовки специалистов — от рабочих специальностей до конструкторов, - что требует времени и средств, создавать (как Концерн ВКО «Алмаз-Антей») научно-образовательные центры (НОЦ), воссоздавать бывшие ПТУ и колледжи⁸³. Так, в научно-образовательном центре Концерна ВКО «Алмаз-Антей» 30 ноября 2018 года состоялось первое заседание Комиссии по развитию машиностроительного комплекса для обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции, созданной Союзом машиностроителей России и Ассоциацией «Алига содействия оборонным мероприятиям».

В заседании принял участие Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, Первый вице-президент Союза машиностроителей России Владимир Гутенев, руководители ведущих предприятий отрасли и общественных организаций.

Темой первого заседания Комиссии, проведенного по инициативе ее Председателя, генерального директора Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Яна Новикова, являющегося также Вице-президентом Союза машиностроителей России, стали проблемные вопросы проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ предприятиями отечественного машиностроительного комплекса.

В своем вступительном слове председатель Комиссии Ян Новиков отметил ключевую роль, которую призван сыграть новый орган в развитии машиностроительного комплекса страны.

Ян Новиков выразил надежду, что Комиссия сможет предложить российским машиностроителям новые формы работы, сформировать консолидированные предложения предприятий для обобщения проблем машиностроительного комплекса России. По его мнению, результатом деятельности Комиссии должно стать достижение лидирующих позиций предприятий отечественного ОПК на мировом рынке машиностроения.

Общим решением участников заседания был утвержден состав Комиссии, регламент и план работы органа на 2018–2019 годы.

Решено, что на последующих заседаниях будут рассмотрены проблематика проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, предложения о мерах по борьбе с лоббизмом зарубежных компаний на российском рынке, концепция стратегии развития машиностроительного комплекса.

Ведомственная и отраслевая структура сводного реестра организаций ОПК представлена на следующих рисунках. Важной частью программы развития предприятий ОПК на сегодняшний момент является техническое перевооружение производства и вклад средств в развитие инновационных технологий, без которых в ближайшем будущем невозможно будет производить продукцию нового поколения, сопоставимую или превосходящую по своим тактико-техническим характеристикам продукцию стран-конкурентов на рынке вооружений, которыми в настоящее время являются США, Франция, Англия, Германия и Израиль.

Как видно из рисунка, наибольшая часть предприятий ОПК относится к ведомству Минпромторга, который фактически выступает монополистом-организатором военно-промышленной политики.

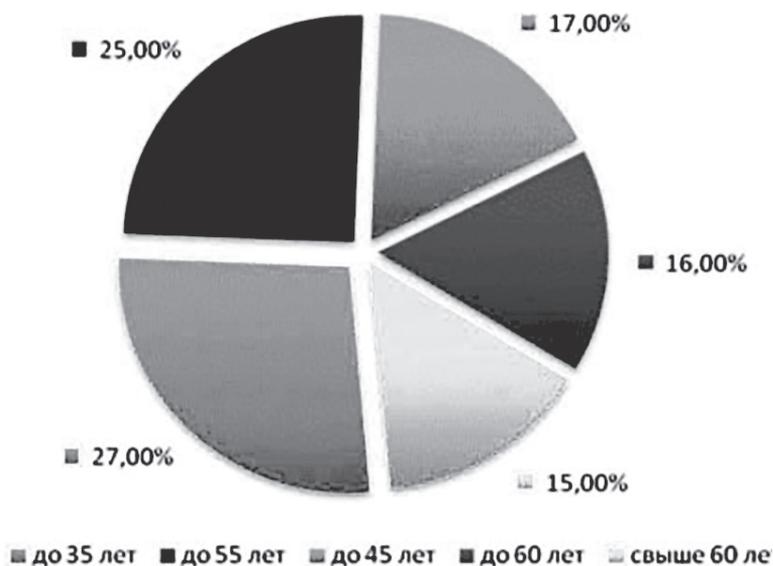

Рис. 5.11 Возрастной состав работников предприятий ОПК (%)⁸⁴

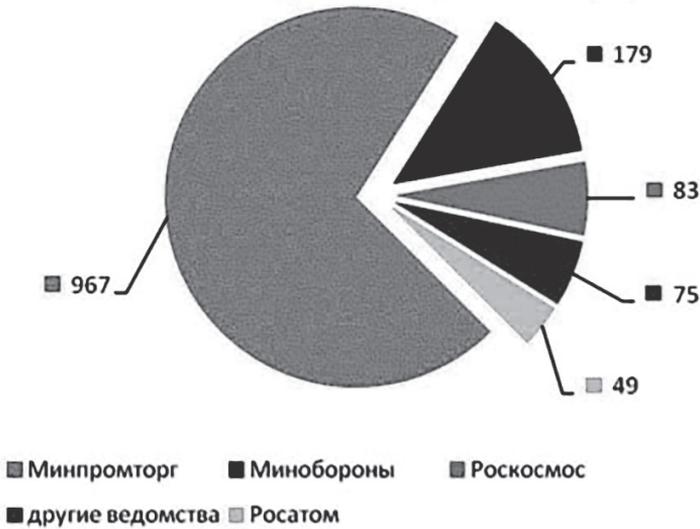

Рис. 5.12 Ведомственная структура предприятий ОПК (шт)⁸⁵

Рис. 5.13 Отраслевая структура предприятий ОПК⁸⁶

Основную составляющую финансового благополучия предприятия определяют средства выделяемые в рамках государственного оборонного заказа (далее — ГОЗ), безусловное выполнение которого является основной задачей стоящей перед оборонными промышленными предприятиями Российской Федерации. В настоящее время около 45 % объемов промышленной продукции ОПК — это продукция военного назначения, которая поставляется для внутренних нужд государственным заказчикам по регулируемым ценам, порядка 22 % поставляется по линии военно-технического сотрудничества (далее — ВТС), около 33 % — гражданская продукция в интересах таких важных сфер экономики, как транспорт, связь и телекоммуникации, отрасли ТЭК, здравоохранение и др.

Большой вклад в формирование бюджета организаций оборонной направленности вносит экспорт машинно-технической продукции, прежде всего, по линии ВТС Российской Федерации с иностранными государствами. Оборонный комплекс является одним из крупных и устойчивых источников поступления валютных финансовых средств за счет экспорта ВВСТ. Основные поставки продукции ОПК приходятся на страны Восточной Европы, Северной Африки и Китай. Статус одного из ключевых партнеров России в области ВТС сохраняет Индия. Недавнее подтверждение этого — подписание военных контрактов между Россией и Индией стоимостью почти 3 млрд. долл.

На мировом рынке вооружения Россия занимает лидирующие позиции. В 2012 году экспорт российского вооружения составил рекордные 14 млрд. долл., а сумма новых контрактов на поставку военной техники в третьи страны на сегодняшний день уже превышает 15 млрд. долл.

Учитывая, что темпы развития ОПК и выполнения Госзаказа в 2015–2017 годах не снижались, а конфликт в Сирии требовал поставок не только боеприпасов и составляющих из хранилищ, можно допустить, что темпы роста российского ОПК в следующие 3 года были существенно выше, что не нашло отражения в официальной статистике. Это косвенно подтверждает, например, тот факт, что Концерн ВКО «Алмаз-Антей» за эти три года переместился в мировом рейтинге военно-промышленных корпораций с 811 места на 8-е, существенно добавив

к объемам и номенклатуре выпускаемой не только военной, но и гражданской продукции. Этому также способствовало и рост крупных заказов, в частности, на поставки систем С-400 в Турцию и Индию, чья стоимость оценивается в сотни миллиардов рублей.

Причем, как правило, это специалисты очень высокой, либо уникальной квалификации, составляющие до 80% численности персонала такого концерна, например, как Концерн ВКО «Алмаз-Антей».⁸⁷

В период перестройки и экономических реформ ОПК понес сокрушительные потери, которые выразились как в непродуманной приватизации, так и попытках конверсии предприятий, которые в силу хаотичности действий носили разрушительный характер. В конце 80-х годов я участвовал в работе одной из комиссий по конверсии советского ОПК и был соавтором документа, в котором излагалась вполне обоснованная концепция конверсии. Ее суть сводилась к тому, что для успеха всего процесса конверсии нужно были, как минимум, соблюдать следующие условия⁸⁸:

- финансирование переоборудования и перепрофилирования предприятий под выпуск новых товаров (чего не было), что требует существенную модернизацию производств. Так, военный авиационный завод не в состоянии выпускать гражданские лайнеры, а судостроительный — военные суда. Нужна существенная, порой радикальная реконструкция;
- необходима переподготовка кадров (что даже не обсуждалось), которая требует времени и собственно самих кадров потому, что качество военной продукции («золотой стандарт») радикально отличается от качества гражданской продукции, что, естественно, отражается на ее стоимости;
- наконец, требуется некоторое время для системной и планомерной работы (в США, например, этот процесс занял более 10 лет после Второй Мировой войны). Нельзя «просто» заставить перейти на выпуск гражданской продукции, как это попытались сделать в 90-е годы.

Период 2012–2017 гг. характеризуется продолжением посткризисного роста российской экономики, что позволило приступить к масштабному технологическому обновлению оборонно-промышленного комплек-

са в рамках ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на период 2011–2020 гг.», направленной на оснащение Вооруженных Сил РФ вооружением и военной техникой в соответствии с Государственной программой вооружения на 2011–2020 гг.⁸⁹

Для концентрации технологических, производственных, финансовых и кадровых ресурсов организаций ОПК продолжались в соответствии с утвержденными планами-графиками и стратегиями развития отраслей ОПК структурные преобразования. К началу 2012 г. 55 интегрированных структур ОПК, включая 330 промышленных предприятий, концентрировали 60% объемов продукции ОПК (в 2003 г. 18 интегрированных структур, объединявших 88 промышленных предприятий, выпускали около 25,5% продукции ОПК). Формирование корпоративного базиса ОПК позволяло осуществить запуск самого масштабного за последние 20 лет инвестиционного цикла в ОПК и эффективно им управлять. В период 2011–2016 гг. разработано и принято около 80 нормативных правовых актов, касающихся различных направлений деятельности организаций ОПК, включая девять федеральных законов.

5.3.в). Совершенствование механизмов управления оборонно-промышленного комплекса

Принятый в 2012 г. указ президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 603 «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса» обозначил систему приоритетов целей развития ОПК, предопределив их на последующие годы:

а) оснащение ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов современными образцами вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), доведя к 2020 г. их долю до 70%;

б) приоритетное развитие сил ядерного сдерживания, средств воздушно-космической обороны, систем связи, разведки и управления, ра-

диоэлектронной борьбы, комплексов беспилотных летательных аппаратов, роботизированных ударных комплексов, современной транспортной авиации, высокоточного оружия и средств борьбы с ним, системы индивидуальной защиты военнослужащих;

в) развитие Военно-морского флота, прежде всего в Арктической зоне Российской Федерации и на Дальнем Востоке, в целях защиты стратегических интересов РФ.

При этом были поставлены задачи в области управления, науки и планирования, которые отличались от предыдущих лет по следующим направлениям⁹⁰:

- созданию качественно новой системы анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности на период от 30 до 50 лет в интересах формирования государственных программ вооружения; в этой области в последующие годы был сделан существенный прогресс в организации НИР и ОКР между различными институтами и структурами, часть из которых не привлекались прежде к подобного рода работам. В результате сложилось некое межведомственное представление о состоянии МО и ВПО и перспективах его развития⁹¹;
- расширению практики проведения открытых конкурсов и аукционов в рамках реализации государственного оборонного заказа и повышению ответственности за нарушение требований, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в сфере государственного оборонного заказа;
- совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере государственного оборонного заказа и ценообразования в отношении продукции военного назначения;
- упрощению процедуры создания новых производств продукции военного назначения, в том числе посредством реализации механизма государственно-частного партнерства;
- созданию системы управления полным индустриальным циклом производства вооружения, военной и специальной техники — от моделирования и проектирования до серийного выпуска изделий, обеспечения их эксплуатации и дальнейшей утилизации;

- созданию системы, направленной на совершенствование управления экономической деятельностью организаций оборонно-промышленного комплекса в целях оптимизации производственных процессов, позволяющих использовать передовые технологии, в том числе зарубежные, для создания качественной продукции;
- обеспечению динамичного развития прорывных высокорискованных исследований и разработок, фундаментальной науки и реализации прикладных исследовательских программ в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства, в том числе с участием Российской академии наук, государственных научных центров и ведущих университетов и т.д.

Достижение целей, установленных в этом указе, предполагало существенное повышение средств, выделяемых на реализацию Государственной программы вооружения и государственного оборонного заказа, что привело к усилению зависимости оборонных предприятий от заключаемых ими государственных оборонных контрактов, существенно сократив выпуск продукции гражданского и двойного назначения.

В этот период продолжилось⁹²:

- усиление вертикали управления военно-технической сферой страны, проявившееся в повышении статуса Военно-промышленной комиссии Российской Федерации, которая стала рабочим органом президента РФ;
- укрепление вертикально-интегрированных структур ОПК;
- совершенствование законодательно-правовой базы функционирования системы технического оснащения ВС РФ (федеральные законы от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», постановления правительства РФ от 5 декабря 2013 г. № 1119 «Об утверждении положения о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу», от 13 декабря 2013 г. № 1155 «Об утверждении положения о применении видов цен на продукцию по государственному оборонному заказу» и т.д.);

- принятие базовых документов, связанных с программно-целевым планированием развития ОПК в интересах повышения эффективности оснащения ВС РФ современными видами вооружения, военной и специальной техники (прогноз развития науки и техники в интересах обороны и безопасности Российской Федерации до 2030 г.; технико-экономические исходные данные на период до 2025 г.; перечень базовых и критических промышленных технологий на период до 2025 г. В обеспечение разработки проекта Государственной программы вооружения на очередной программный период и др.);
- создание целостной системы государственной поддержки промышленности, включающей в себя разнообразные институты и инструменты, охватывающие практически все категории предприятий;
- переход к заключению долгосрочных контрактов, контрактов полного жизненного цикла образцов ВВСТ и т.д.

Эти меры обеспечили появление ряда положительных тенденций в развитии ОПК⁹³:

- непрерывный рост объема промышленной продукции;
- повышение размера прибыли, получаемой оборонными предприятиями;
- достижение средней заработной платы в ОПК до конкурентоспособного уровня;
- снижение среднего возраста работников ОПК.

В целом с 2000 г. — с начала реализации курса на структурное реформирование и развитие ОПК — где по ряду направлений производительность труда к 2016 г. выросла более чем в 8 раз⁹⁴.

Новые геополитические условия, начавшие формироваться с конца 2013 г., обусловили введение против Российской Федерации множества санкций, что поставило отечественные оборонные предприятия в сложное положение, а резкое снижение цен на продукцию топливно-энергетического комплекса на мировом рынке и связанное с этим сокращение доходов федерального бюджета не позволили государству оказать финансовую помощь этим предприятиям в требуемых объемах. В результате возникшего в России финансово-экономического кризиса отдельные из зародившихся положительных тенденций в ОПК были нарушены.

Необходимость импортозамещения, обусловленная наложенными на Российскую Федерацию санкциями США и ЕС, привела к тому, что российские оборонные предприятия были вынуждены срочно переориентироваться на другие рынки комплектующих и элементной базы.

Даже в условиях очередного кризиса, ОПК остался наиболее интенсивно развивающимся сегментом российской промышленности (в 2015 г. объемы производства выросли на 13%, в то время как в стране в целом они сократились на 5,1%, в 2016 г. — рост более чем на 10%, против 1,3% в целом по стране). При этом важно то, что ОПК обеспечивает выполнение основной своей функции как составной части военной организации, обеспечивая реализацию программ и планов развития системы вооружения ВС РФ — к началу 2017 г. доля современного вооружения и техники в армии и на флоте превысила 50%.

О повышении качества функционирования ОПК в последний период свидетельствует неуклонный рост степени выполнения государственного оборонного заказа в целом (в 2013 г. — 93%, в 2014 г. — 96,7%, в 2015 г. — 97,6%, в 2016 г. — 98,8%, в 2017 году — 99%).

В то же время ориентация преимущественно на выполнение государственных оборонных контрактов создала опасность того, что многие оборонные предприятия, утратив свои позиции на рынках гражданской продукции, при сокращении государственного оборонного заказа по мере достижения заданных параметров состояния ВС РФ окажутся в сложной экономической ситуации. В этой связи президентом России поставлена задача последовательного повышения доли продукции гражданского и двойного назначения в общем объеме производства ОПК (к 2025 г. до 50%), что актуализировало работу по диверсификации производства оборонных предприятий⁹⁵.

3 июля 2016 г. принят федеральный закон №317-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О государственном оборонном заказе» и соответствующую статью Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», направленный на совершенствование взаимодействия государственных заказчиков и головных исполнителей (исполнителей) государственных контрактов по выполнению заданий ГОЗ и усиления ответственности за качество исполнения принятых обязательств⁹⁶.

В данный период разработаны Основы государственной политики в области развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на период до 2025 г. И дальнейшую перспективу (далее — Основы-2025) и утверждены указом президента РФ от 23 февраля 2017 г. Организована работа по разработке и утверждению плана мероприятий по реализации в 2017–2020 гг. Основ-2025. Основами–2025 предусмотрен комплекс задач по дальнейшему наращиванию и эффективно-му использованию потенциала ОПК.

Сформирована система программно-целевого планирования развития ОПК. В частности, утверждены постановлением правительства РФ от 16 мая 2016 г. № 425-8 государственная программа Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса» и изменения в федеральную целевую программу «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011–2020 гг.». В соответствии с постановлением правительства РФ в рамках указанной программы и ГОЗ на предприятиях ОПК осуществляются разработка промышленных базовых и критических технологий, а также работы по техническому переоснащению и реконструкция части производственной и экспериментально-технологической базы, что позволило существенно повысить производственно-технологическую готовность к выполнению ГПВ–2020.

В рамках государственных и федеральных целевых программ разработано более 900 промышленных технологий, введены в действие около 400 объектов капитального строительства. Разработаны и активно применяются такие инструменты государственной поддержки и стимулирования развития организаций ОПК, как различного вида субсидии, государственные гарантии и др.

Завершена организационная интеграция ОПК. Сформирован мощный корпоративный базис, который в настоящее время включает 65 интегрированных структур — это новые центры компетенции в оборонной промышленности, концентрирующие около 78% от общего объема выпуска продукции организаций ОПК. Осуществляется лицензирование деятельности в области ГОЗ. На сегодняшний день количество действующих лицензий на деятельность в сфере ГОЗ составляет почти 1,8 тыс. единиц.

Благодаря мерам государственной поддержки, в первую очередь в рамках указанных программ и ГОЗ, в 2011–2016 гг. отмечаются высокие устойчивые темпы развития ОПК. По сравнению с 2010 г. объем **промышленного производства ОПК в 2016 г. увеличился в 1,9 раза** (см. таблицу), а за весь период реализации курса на развитие ОПК (2007–2016 гг.) — почти в 2,9 раза.

Объем промышленной продукции, произведенной предприятиями ОПК за 2016 г., вырос на 10,7%. За счет опережающих темпов роста доля продукции ОПК (военного, двойного и гражданского назначения) в общем объеме промышленного производства России возросла в 2016 г. на 0,5% по сравнению с 2015 г.⁹⁷

За счет внедрения новых технических решений производительность труда выросла за 2011–2016 гг. В 1,9 раза. В 2016 г. прирост производительности труда составил 10,3% к уровню 2015 г. О качестве экономического роста в ОПК также свидетельствует увеличение доли инновационной продукции в общих объемах производства продукции оборонной промышленности и рост продукции, производимой на экспорт. Улучшается возрастной состав парка оборудования.

Знаковым для оборонной промышленности России стало возрождение института генеральных конструкторов по созданию ВВСТ⁹⁸.

Институт генеральных конструкторов был введен в СССР в 1956 г. Роль и статус генерального конструктора определялись самим порядком назначения на эту ключевую должность в системе военно-промышленного комплекса страны. Кандидатуры генеральных конструкторов рассматривались и утверждались на заседаниях Политбюро ЦК КПСС.

В целом можно признать, что с 2011 по 2019 годы в российском ОПК и МО проводилась напряженная работа под непосредственным, часто личным, контролем Президента РФ и Совбеза, которая способствовала ускорению выхода комплекса из кризиса на фоне общей неблагоприятной обстановки в экономической и промышленной политике этих лет. Ее результаты в ряде областей оказались впечатлительными, что предопределило отношение Президента РФ, который в своем послании 1 марта 2018 года показал некоторые образцы новых вооружений.

Таблица 5.3 Динамика общих объемов производства продукции отраслей ОПК в 2011–2016 гг.

Отрасли ОПК	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Авиационная промышленность, %						
к предыдущему году	109,0	112,3	117,2	118,3	105,2	109,0
к 2010 году	109,0	122,4	143,5	169,7	178,5	194,6
Ракетно-космическая промышленность, %						
к предыдущему году	110,6	111,8	115,3	108,6	108,9	99,1
к 2010 году	110,6	123,7	142,6	154,8	168,6	167,1
Промышленность обычных вооружений, %						
к предыдущему году	117,0	107,0	102,8	105,2	97,4	110,1
к 2010 году	117,0	125,2	128,7	135,4	131,9	145,2
Промышленность боеприпасов и спецхимии, %						
к предыдущему году	101,7	107,6	109,1	114,0	122,3	114,4
к 2010 году	101,7	109,4	119,4	136,1	166,5	190,4
Судостроительная промышленность, %						
к предыдущему году	86,8	92,2	101,4	140,7	114,7	103,9
к 2010 году	86,8	80,0	81,2	114,2	131,0	136,1
Радиоэлектронная промышленность, %						
к предыдущему году	109,9	117,1	129,5	119,9	133,0	118,5
к 2010 году	109,9	128,7	166,7	199,8	265,8	314,9
ИТОГО, %						
к предыдущему году	105,8	108,2	113,9	118,8	113,0	110,7
к 2010 году	105,8	114,5	130,4	154,9	175,0	193,8

5.4. Опережающее технологическое развитие страны: роль оборонно-промышленного комплекса

Есть очевидная взаимосвязь между общим уровнем экономического, технологического и промышленного развития и темпами и уровнем развития ОПК. Общепринято считать, что невозможно вычленить отрасли военно-промышленного комплекса из всего спектра отраслей и технологий промышленного производства, уровня развития фундаментальной науки и НИОКР в той или иной стране. Поэтому отставание в общем промышленном и научно-техническом развитии неизбежно скажется на отставании в военно-технических областях⁹⁹.

Но существует и обратное влияние, которое особенно было заметно в СССР период 50-х 80-х годов, когда советский ОПК развивался во многом достаточно изолировано, искусственно опережающими темпами по сравнению с другими отраслями промышленности. Я считаю, в этом нет непреодолимого противоречия: какое-то время в отдельных отраслях промышленности и науки можно искусственно поддерживать более высокие темпы развития, чем в других. Во всяком случае советский опыт это доказал — при ракетостроении до танкостроения и судостроения советские отрасли промышленного производства могли обеспечить ВС СССР аналогичные западным образцам по эффективности ВВСТ.

В современной России важнее, как мне кажется, другое: неудачи гражданских отраслей промышленности последних десятилетий, которые привели к фактической деиндустриализации страны, возможно, могут быть преодолены с помощью опыта советского и российского ОПК.

Сама по себе философия развития ОПК основана на положении о том, что военная мощь опирается на самые современные ВВСТ, которые могут быть созданы только в условиях опережающего технологического развития страны¹⁰⁰. Как признают российские эксперты¹⁰¹, «Опережающее технологическое развитие — одна из важнейших основ обеспечения государственной политики в сфере обороны и безопас-

ности», которая — важно подчеркнуть — является абсолютным приоритетом для США¹⁰². Сохранение и увеличение технологического превосходства — обязательный тезис¹⁰³, присутствующий в важнейших политических и нормативных документах руководства США¹⁰⁴.

К сожалению, в России наблюдается существенный разрыв между темпами технологического и промышленного развития и темпами развития ОПК, который, безусловно, сказывается как на перспективах ОПК, так и на перспективах промышленности. Это в принципе понимают руководители промышленных предприятий. Так, было принято решение о создании Комиссии по развитию машиностроительного комплекса для обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции, которое произошло на расширенном заседании Бюро Союза машиностроителей России и Бюро Ассоциации «Лига содействия оборонным предприятиям» 11 октября 2018 года.

Рост в первом полугодии 2018 г., в целом, сосредоточен в производстве сырья и материалов (что обеспечивается расширением экспортных поставок), а также товаров инвестиционного спроса. Причем, такая структурная особенность нынешнего роста оформилась еще в конце прошлого года.

На уровне оценок ситуации менеджерами компаний наметилось ухудшение ситуации. Индекс РМІ продолжил падение, выйдя за пределы

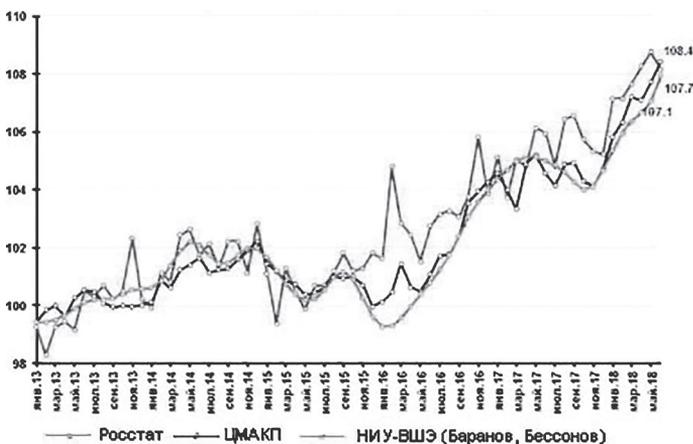

Рис. 5.14 Объем промышленного производства по данным Росстата и оценке ЦМАКП (сезонность устранена, 2013=100)¹⁰⁵

уровня «осторожного оптимизма» (50,5–51,5%), естественного для нашей экономики, в отрицательную область (ниже 50% — 49,8% в мае, 49,5% в июне и 48,1% в июле 2018 г., см. рис.). Это — либо известный чисто психологический эффект «перелета», когда после избыточно позитивных оценок они проваливаются в негативную область, либо результат первых инициатив нового Правительства России, не сулящих скольконибудь быстрого перелома экономической ситуации к лучшему (в первую очередь, пакета налоговых и пенсионных мер).

В любом случае, сочетание объективных и субъективных негативных факторов могут привести к тому, что стагнация выпуска грозит приобрести затяжной характер.

Таким образом, логика опережающего развития экономики и общества выглядит как на рисунке 5.15.

Таким образом, можно предложить модель ускоренного технологического развития промышленной и научной базы России в условиях эскалации негативного развития ВПО, опирающуюся на научно-производственную базу ОПК¹⁰⁶. При этом следует иметь в виду, что под ОПК понимается весь комплекс предприятий, связанных с обеспечением безопасности, но разрабатывающих и гражданскую продукцию. Более того,

Рис. 5.15 Логика опережающего национального социально-экономического развития

именно гражданская продукция с высокой добавленной стоимостью должна составлять более 50% всей выпускаемой продукции российского ОПК. По сути это и станет формой конверсии промышленности и научно-технической базы, основанной на опережающем развитии НЧК¹⁰⁷.

Рост в первом полугодии 2018 г., в целом, сосредоточен в производстве сырья и материалов (что обеспечивается расширением экспортных поставок), а также товаров инвестиционного спроса. Причем, такая структурная особенность нынешнего роста оформилась еще в конце прошлого года.

Как видно из сравнения ВС США, Китая и России (рис. 5.16), за 2001–2017 годы ситуация менялась как в ту, так и в другую сторону, т.е. США в принципе не только сохраняли соотношение сил, но и могли его менять в свою пользу.

Это означает, что тезис о сохранении военно-технологического превосходства США в условиях общего изменения экономических сил в мире, который неоднократно озвучивался в США, имеет под собой вполне обоснованную основу.

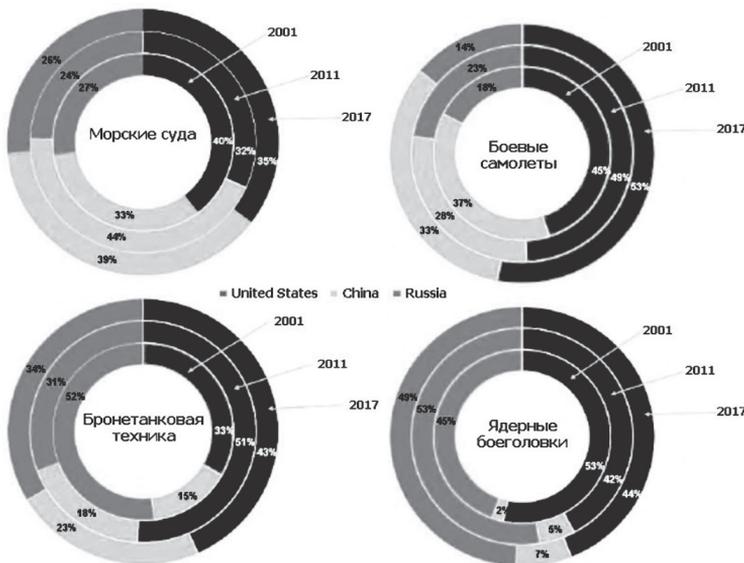

Рис. 5.16 Сравнение ВС США и Китая и России¹⁰⁸

Это означает неизбежно, что:

- должен быть создан мощный задел в области фундаментальных наук, на который будут опираться национальные прикладные разработки, потому, что они по определению не могут повторять зарубежные достижения¹⁰⁹;
- должны опережающими темпами развиваться национальные НИОКР, которые по своим масштабам и оригинальности не должны уступать ведущим зарубежным аналогам. Так, в США, например, на 2019 ф.г. только на НИОКР Минобороны выделяется 93 млрд. долл.¹¹⁰, что почти в два раза больше, чем весь военный бюджет России на тот же год;
- должны создаваться национальные и самые передовые технологии и образцы ВВСТ;
- должен быть очень высокий качественный уровень НЧК и его институтов, который, как минимум, не уступает уровню стран-лидеров.

Опыт США в этой связи имеет огромное значение. В соответствии с законом, МО США в 1980 г. разработало Программу критических военных технологий (Militarily Critical Technologies Program, МСТР), направленную на анализ и оценку существующих и перспективных технологий, которые могут оказать значительное влияние на развитие военно-технического потенциала. В рамках этой программы технологии группировались по двум направлениям:

- Militarily Critical Technologies List (МСТЛ) — перечень критических военных технологий на ближайшую (до 5 лет) перспективу;
- Developing Science and Technologies List (DSTL) — перечень научных и технологических направлений, критических в средне- и долгосрочной перспективе (более 5 лет) (рис.5.17)¹¹¹.

Список МСТЛ предполагалось использовать в интересах экспортного контроля. Список DSTL в основном должен был использоваться Научно-техническим управлением МО (Office of the Director of Defense Research and Engineering) и другими государственными структурами в качестве справочного документа для оценки перспектив развития высоких технологий. DSTL также применяется при подготовке и реализации программ международного сотрудничества.

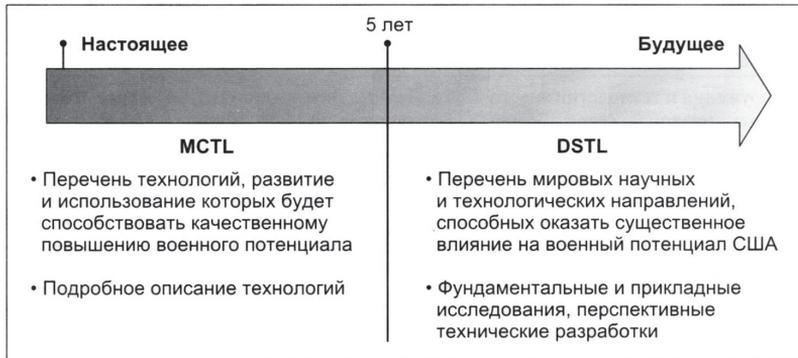

Рис. 5.17 Принцип группировки критических технологий

Общее руководство программой MCTP осуществлял помощник заместителя министра обороны по вопросам международной технологической безопасности (Deputy Under Secretary of Defense for International Technology Security, DUSD/ITS). Непосредственной реализацией программы занималось Научно-техническое управление МО, которое привлекло Институт оборонных исследований для разработки методики и составления списка критических технологий.

Для формирования списков MCTL и DSTL были выделены 20 перспективных направлений научно-технического развития (табл.), по каждому из которых Институтом оборонных исследований была сформирована группа экспертов¹¹².

1. Авиационная наука и техника	11. Информационные системы
2. Вооружения и технологии энергоемких материалов	12. Лазеры, оптические системы и системы отображения
3. Биология	13. Производство и обработка
4. Биомедицина	14. Морские системы
5. Химия	15. Материалы и процессы
6. Системы направленной передачи энергии	16. Ядерные системы
7. Электроника	17. Позиционирование, навигация и системы точного времени
8. Энергетические системы	18. Снижение заметности
9. Наземные системы	19. Космические системы
10. Информационная безопасность	20. Воздействие поражающих факторов

Экспертные группы формировались из представителей Министерства обороны, национальных лабораторий, федеральных агентств, разведывательного сообщества, академических научно-исследовательских организаций, учебных заведений и промышленности. Каждая группа работала под председательством или совместным председательством представителя Института оборонных исследований.

По каждому из 20 выбранных направлений эксперты проводили анализ существующих в различных странах мира возможностей и оценивали технические параметры, чтобы определить, какие параметры и какие уровни этих параметров имеют критическое значение для военного потенциала США.

Таким образом, в качестве основных задач экспертных групп можно выделить:

- определение технологий, потенциально угрожающих национальной безопасности США, в терминах технических количественных характеристик;
- оценку степени их глобального распространения и тенденций, влияющих на доступность таких технологий и способность США и их союзников контролировать распространение таких технологий;
- обеспечение перспективного планирования научно-технического развития.

Эксперты, используя все имеющиеся в их распоряжении источники информации и руководствуясь собственным опытом, обсуждали внутри группы целесообразность включения тех или иных технологий в список критических. Далее эти предложения представлялись на согласование и утверждение в Министерство обороны.

После согласования в Министерстве обороны технологии окончательно включались в списки и становились доступными для заинтересованных пользователей.

Этот вывод подтверждается и практикой военно-промышленного строительства в России, где только в 2014 году среди предприятий ОПК Минпромторга отмечалось следующее качественное изменение:

- было введено 76 новых объектов (из подконтрольных 900, т.е. Построено почти на 10% новых промышленных объектов), а на 387 объектах, т.е. Почти на 40%, осуществлено техническое переоснащение и реконструкция¹¹³.

Однако все эти позитивные изменения в минимальной степени затрагивают финансирование НИОКР, тогда как в США, например, даже в условиях сохранения военных расходов, предложенных Б. Обама, расходы на НИОКР не сокращались, а увеличивались.

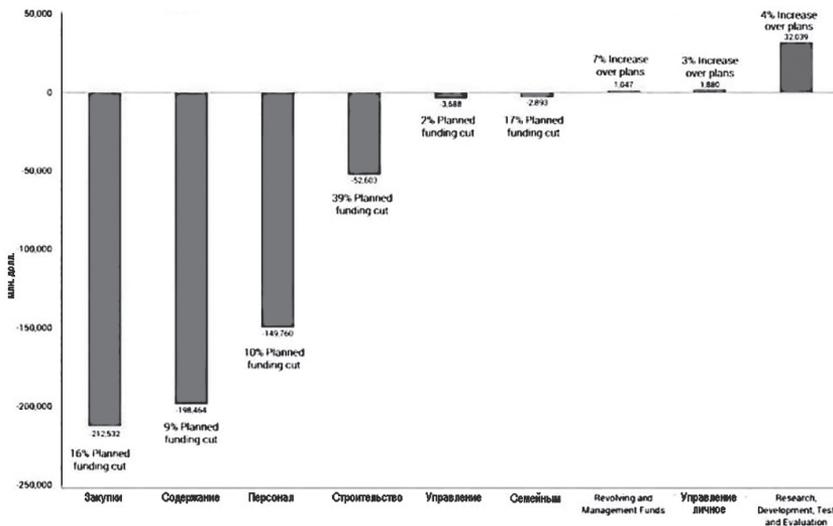

Рис. 5.18 Статьи планировавшегося сокращения бюджета в 2012–2021¹¹⁴

Как видно, проект сокращения бюджета МО США, предложенный Б. Обама, не только не затрагивал НИОКР, но и предполагал их рост в условиях общего сокращения военных расходов¹¹⁵.

В качестве одного из методов ускоренного социально-экономического развития может быть использован метод «технологического скачка», в основе которого положен принцип опережающего развития предприятий оборонно-промышленного комплекса России. Этот метод исходит из признания того, что ВВП и демографический потенциал страны могут в лучшем случае прирастить несколько быстрее, чем в среднем в мире, но недостаточно для ликвидации отставания¹¹⁶.

Быстрое развитие страны возможно только в случае интенсивного развития технологий, опирающихся, прежде всего, на отечественную науку и НИОКР, например, как это сегодня существует в Концерне ВКО «Алмаз-Антей», где ежегодный прирост производительности труда составляет 15%. В 2018 году предприятие заняло 8-е место в мире по объему производства ВВСТ. При этом до 50% видов продукции имеет гражданское назначение, т.е. Можно говорить о достаточно универсальной модели развития¹¹⁷.

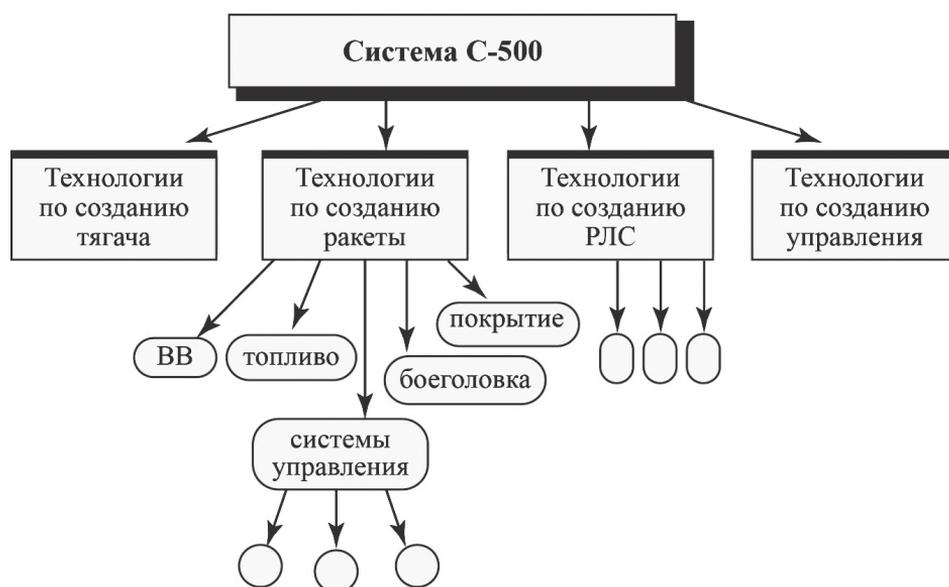

Рис. 5.19 Схема опережающего технологического развития на базе одного концерна

Очевидно, что такая модель не может сравниться по своей сложности и системности с тем, что было предложено Д. Трампфу в результате его поручения 2017 года¹¹⁸:

После послания В.В. Путина и принятия указа 7 мая 2018 года, в котором делается акцент на развитии программы «наука», правительством и МО предприняты дополнительные меры по ускорению научно-технического развития в дополнение к тем, которые были сделаны ранее. Этот вопрос обсуждали 5 июня 2018 г. премьер-министр Дмитрий Мед-

ведов и глава РАН Александр Сергеев, который подчеркнул амбициозность и сложность поставленной задачи.

Президент РАН подчеркнул, что наша наука серьезно недофинансирована, что ее научно-техническая база устарела, что бизнес не стремится вкладываться в разработки. По мнению А. Сергеева, прежде чем запускать проект «Наука», инвестировать в него серьезные деньги, надо тщательно разобраться, где мы находимся. Провести инвентаризацию всей российской науки, чтобы приступить к важнейшему проекту с четким пониманием ситуации¹⁹.

Кроме того, важно понимать, что мы будем действовать в условиях ограниченных ресурсов, отсюда и придется строить свою стратегию, — считает А. Сергеев. — Самое главное — правильно отобрать проекты. Именно это основная задача академии. Я бы разделил их на три группы. Очевидно, что мы не можем серьезно, как во времена СССР, поддерживать науку по широкому фронту, но в то же нельзя совсем потерять какие-то направления. Неизвестно, где завтра «выстрелит», а мы даже не будем понимать, в чем там суть. Поэтому эти направления надо поддерживать, но говоря образно, на уровне «понимания». Здесь нужны небольшие деньги.

Следующий уровень требует куда более крупных вложений. Он должен обеспечить конкурентоспособность наших разработок с ведущими научными странами. По мнению А. Сергеева, таких проектов может быть около 100. В случае успеха мы могли бы через шесть лет попасть в пятерку ведущих научных стран, как того требуют указы президента РФ. И наконец, необходимы очень крупные проекты, которые должны внести серьезный вклад в экономику страны. В качестве примера глава РАН назвал высокоскоростной транспорт и освоение глубоководных ресурсов мирового океана.

Все эти предложения станут основой национального проекта «Наука», который должен быть подготовлен совместно академией и министерством науки и высшего образования, а затем представлен в правительство.

Уже к 29 июня 2018 года с вашим участием Министерство науки и высшего образования должно было представить предварительный набор мероприятий, который будет включен в национальный проект «Наука», а к 15 сентября должен быть сформировать национальный проект по

науке, который станет основополагающим документом на ближайшие шесть лет¹²⁰.

Ранее, бывшим заместителем министра обороны Ю. Борисовым, а ныне — вице-премьером, уже проводилось совещание о перспективах НИОКР после 2027 года. Он отметил, что уже сейчас пора задумываться о проектах, которые будут реализовываться после 2027 года: «наша задача — заложить программу, фундамент, сформировать мероприятия уже для следующей программы вооружения. Это непрерывный процесс, нельзя упускать время, иначе прервется технологическая цепочка создания вооружения»¹²¹, — отметил Ю. Борисов.

В соответствии с задачами, поставленными перед МО президентом РФ, развитие системы вооружения в значительной степени ориентировано на создание качественно новых, в том числе нетрадиционных видов оружия (высокоточного, лазерного, радиочастотного, кинетического, гиперзвукового, робототехнического, информационного), разработка которых во многом определяется наличием целостного НТЗ¹²², который, в свою очередь, обоснован необходимыми исходными данными о состоянии и перспективах развития ВПО.

НТЗ представляет собой совокупность результатов фундаментальных, прогнозных и поисковых исследований (ФППИ), прикладных и технологических научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполненных в интересах модернизации существующих, создания и производства принципиально новых образцов вооружения, военной и специальной техники.¹²³

МО выстроена целостная система, обеспечивающая взаимодействие органов военного управления с государственными институтами, отвечающими за каждую стадию жизненного цикла образца ВВСТ. Учреждения РАН, включающие научные школы, создававшиеся десятки лет и имеющие устойчивые связи с предприятиями высокотехнологичных отраслей экономики, принимают непосредственное участие в составлении прогнозов, обосновании перспективных направлений, а также в получении новых знаний, рождении прорывных технологий, которые в дальнейшем становятся основой создания перспективного вооружения.

5.5. Институты развития человеческого капитала, темпы развития оборонно-промышленного комплекса и Вооруженных сил РФ

В целом ряде исследований авторов приводятся данные о крайне неблагоприятной зависимости между снижением уровня интеллекта и других качеств правящей элиты России и падением качества НЧК страны и его институтов при сохранении относительно высокого уровня основных параметров, характеризующих уровень НЧК. Это в наибольшей степени относится к правящей финансово-экономической элите, чей уровень интеллекта снижается устойчиво последние несколько десятилетий на фоне относительного роста общего уровня НЧК. Выражается это, в частности, в огромной разнице между качеством государственного управления, по которому Россия стабильно занимает одно из последних мест в мире (ниже 100-го места) и относительно высоким местом по ИРЧП (49–50 место).

Но качество НЧК в ОПК и ВС РФ превратилось в реальную огромную проблему, которая, к сожалению, очевидно недооценивается в стране. Получается, что проблема качества НЧК «выстраивается» в следующем приоритетном порядке:

- проблема качества НЧК в управлении государством, экономикой и обществом, характеризующаяся снижением общего уровня качества НЧК в стране;
- проблема качества НЧК в экономике, промышленности и ОПК, которая (по признанию руководителей ОПК России) является самой сложной из всех имеющихся проблем;
- проблема качества НЧК ВС РФ и других силовых институтов государства.

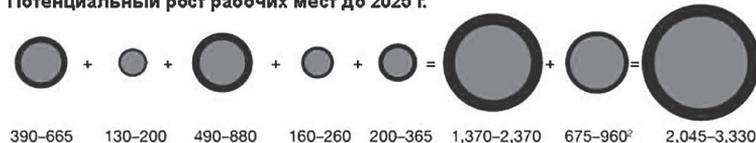
В основе промышленной революции на ее 4-ом этапе лежит использование НЧК в сочетании с традиционными или новыми технологиями для создания некоего синтеза. Такой синтез технологий и должен обеспечить технологическое и промышленное превосходство¹²⁴. Исключительно важное значение имеет развитие системы подготовки кадров ОПК и ВС РФ. Можно

сказать, что к концу второго десятилетия эта проблема стала самой главной как для ВС, так и для ОПК. Большинство проблем, стоящих перед предприятиями ОПК России, так или иначе, замыкаются на проблемах кадров, что потребовало специального решения — создания курсов (взамен профтехучилищ), образовательно-научных комплексов (ОНК) и других мер, включая подготовки специалистов по контракту и по договоренности с другими предприятиями. Как и многие другие проблемы, кадровая проблема на предприятиях ОПК возникла в результате разгрома научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений и предприятий ОПК СССР. Компенсировать эти провалы — крайне сложно еще и потому, что в СССР работа «в оборонке» рассматривалась как очень престижная и высокооплачиваемая работа, которая в рыночных условиях потеряла свою привлекательность¹²⁵.

2025 value-added potential in US manufacturing and indirect effect on other sectors, \$ billion (real, 2015) relative to baseline forecast

Потенциальный рост рабочих мест до 2025 г.

¹Approximately 28% in professional and business services, 27% in mining and oil, 23% in wholesale, and the rest in other sectors.

²Approximately 42% in professional and business services, 17% in wholesale, 15% in agriculture, 11% in transportation, and the rest in other sectors.

Рис. 5.20 Новые технологии промышленности добавляют США к ВВП страны 530 млрд. долл. и создадут более 2 млн. рабочих мест¹²⁶

Логика ее решения заложена в самой сути значения человеческого капитала и институтов его развития, логическая структура которого может выглядеть следующим образом.

Рис. 5.21

В этой связи можно рассмотреть в качестве примера только один из блоков (подготовка офицеров — управленцев тактического звена в ПВО страны), имея в виду, что в остальных видах и родах ВС ситуация аналогична.

Таблица 5.4 Подготовка офицерских кадров

(на примере Войск ПВО страны к 1985 г)¹²⁷

Академии	
1.	Военная командная Краснознаменная академия противовоздушной обороны им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (г. Калинин)
2.	Военная инженерная радиотехническая орденов Октябрьской Революции и Отечественной войны академия противовоздушной обороны им. Маршала Советского Союза Л. А. Говорова
Высшие военные командные училища	
1.	Горьковское высшее зенитное ракетное командное училище ПВО
2.	Днепропетровское высшее зенитное ракетное командное училище ПВО
3.	Орджоникидзевское высшее зенитное ракетное командное училище ПВО им. генерала армии И. А. Плиева
4.	Энгельское высшее зенитное ракетное командное училище ПВО

5.	Ярославское высшее зенитное ракетное командное училище ПВО им. 60-летия Великого Октября
6.	Вильнюсское высшее командное училище радиоэлектроники ПВО
7.	Красноярское высшее командное училище радиоэлектроники ПВО
Высшие командно-инженерные военные училища	
1.	Житомирское высшее ордена Октябрьской Революции, Краснознаменное училище радиоэлектроники ПВО им. Ленинского Комсомола
2.	Пушкинское высшее ордена Красной Звезды училище радиоэлектроники ПВО им. маршала авиации Е. Я. Савицкого
Высшие инженерные военные училища	
1.	Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище ПВО
2.	Киевское высшее инженерное радиотехническое училище ПВО им. маршала авиации А. И. Покрышкина
Высшие военные училища авиации ПВО	
1.	Армавирское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков ПВО им. Главного маршала авиации П. С. Кутахова
2.	Ставропольское высшее военное авиационное училище летчиков и штурманов ПВО им. маршала авиации В. А. Судца
3.	Даугавпилское высшее военное авиационное инженерное училище им. Яна Фабрициуса
Другое	
1.	Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО им. Ю. В. Андропова

Таблица 5.5 Подготовка офицерских кадров (Воздушно-космических сил к 2017 г.)¹²⁸

1.	Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж) Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» (г. Челябинск) Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» (г. Сызрань Самарской области)
2.	Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (г.Тверь)
3.	Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского (г. Санкт-Петербург)
4.	Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова
5.	Ярославское высшее военное училище ПВО

Для каждого горизонта планирования развития ВВСТ необходимо обеспечивать опережающую подготовку НТЗ по ключевым научным направлениям и технологиям, на основе которых могут быть созданы принципиально новые виды техники или последующие поколения средств вооруженной борьбы в интересах обеспечения безопасности государства¹²⁹. При этом следует исходить из того, что развитие ВВСТ (переход на новый качественный уровень) возможно только путем отбора для последующей реализации научно-технических достижений, отвечающих комплексу условий и критериев как по требованиям со стороны Министерства обороны, так и по уровню их готовности к реализации в опытно-конструкторских работах.

А действительно, вот если завтра война, причем без кавычек, и если завтра в поход? Нет, понятно, что дорогу к военкомату напомним. И «колошмат» дадут. Дальше-то что?

А дальше — надо бы по-хорошему (да и по-плохому) назначить командира. Да еще и толкового.

И понеслись у нас проблемы.

Вообще, варясь в околовоенной каше, поневоле начинаешь более обостренно схватывать нюансы. А потом и делать на их основе выводы. И в итоге рисуется картина, прямо скажем, не самая роскошная.

Если для кого-то секрет, очень жаль. Но в настоящее время в российской армии просто огромный дефицит офицеров. Огромнейший, причем, не где-то там, а повсеместно, от ВКС до мотопехоты и РХБЗ.

А почему?

А потому, что учиться, собственно, негде. На днях, в кулуарах нашего Минобороны произошло, в общем-то, будничное мероприятие. Что-то там посвященное результатам уходящего года, мы всех победили и все прочее.

Так вот, на этом собрании выступал такой товарищ, как заместитель министра обороны РФ, генерал армии Николай Панков. Личность примечательная, навеки вписавшая себя в историю нашей армии.

Господин генерал с чувством глубокого удовлетворения и до конца исполненного долга прокомментировал основное достижение армейских кадровиков. А именно то, что в 2018 году впервые в России в войска прибыл полноценный выпуск молодых лейтенантов. Более 12 тысяч молодых офицеров. Перемога!

Ну в сравнении с прошлым, 2017-м годом, когда эта цифра была меньше ровно на 10 тысяч — однозначно.

А почему я так сделал акцент на господине генерале? а вот почему. Николай Панков — это единственный генерал, который пережил реформацию и переход армии от Сердюкова к Шойгу. Именно господин Панков (по его собственному признанию), «реформировал» систему военного образования с 2008 года.

Под его чутким руководством было сокращено и закрыто 47 высших военных училищ, а профессорско-преподавательский состав был сокращен в 7 раз. Но и это еще не все, кто знает, не даст соврать, что в 2009 и 2010 годах в уцелевших училищах набор курсантов вообще не проводился.

Данный разгром в устах Панкова был преподнесен как «большая аналитическая работа».

Плюс господин Панков уволил 200 тысяч человек офицерского состава. Это обошлось казне почти в 2 триллиона рублей, что потеряла армия, каждый сам себе сможет сказать и прикинуть.

Но все просто. Минус 200 тысяч офицеров, якобы не нужных в новой армии, минус курсанты 47 училищ (о составе чуть ниже). Плюс (если можно так сказать) 1160 курсантов в год, начиная с 2011 года.

Ну что тут сказать... Остальные заслуги Панкова, в основном, связанные с финансовыми и земельными махинациями, меркнут, как пламя свечи под прожектором. Но ордена за заслуги перед Отечеством у нас просто так не дают, если у Панкова их три — значит, есть за что.

После озвученных «серьезных научных изысканий» генерал Панков пришел к выводу, что «в 2012-м выйдем на полную проектную мощность наших вузов в условиях нового облика вооруженных сил».

Если перевести в цифры, то 7–7,5 тыс. человек¹³⁰.

Но пришел Шойгу...

Жаль, я не смог тогда увидеть, но уверен, что генерал армии запаса Панков, перебравшийся к тому времени в кресло статс-секретаря, горячо аплодировал новому своему начальнику и, захлебываясь от восторга, в курилке обсуждал гениальность и правильность решений Шойгу.

А решения были элементарны и просты. Всеми силами увеличить набор в военные училища. В 5, 10, 15, 20 раз! и — увеличили. Помню

радость главкома ВВС Бондарева (перед самым увольнением в 2017 году), когда в академию Жуковского и Гагарина приняли аж 2200 курсантов на первый курс.

Шойгу небезгрешен и критикуем. Это факт. И вот в плане критики вопрос: что вообще забыл господин Панков в системе? Больше нет специалистов? Реально нет?

Плоховато господин Панков решал кадровые вопросы. А ведь с 2005 года главное управление кадров в его ведении было...

Но суть не в этом. Суть в том, что офицеров как не хватало, так и не хватает. Мы в свое время были удивлены, когда командир одного из авиаполков в ЗВО нам в прошлом году радостно похвастался, что его зам по подготовке орел, и урвал ДВУХ (!!!) молодых пилотов на выпуске. Ну мы не оценили, честно. Просто не знали, насколько глубока пропасть тогда. И два лейтенанта в авиаполк за один раз — неслыханная удача, достойная премии.

Теперь, когда в знакомых числятся два взводных старлея и капитан, все, конечно, проще.

А что мы, собственно говоря, хотели? Просто немного статистики.

В СССР на благо подготовки общевойсковых офицеров работала одна академия и 9 командных училищ.

В России академия вошла в состав Общевоинской академии РФ, училищ осталось три. Московское и Дальневосточное, плюс перепрофилировали Новосибирское политическое. На самый распространенный вид войск — три училища. Остальное подарили бывшим или закрыли сами (Омск, Орджоникидзе, Ленинград).

Танковые войска.

СССР: 1 академия, 6 командных и 2 инженерных училища.

Россия: 1 командное (Казань), 1 инженерное (Омск).

Академию влили все в ту же Общевоинскую академию Вооруженных Сил Российской Федерации.

И дальше можно продолжать в том же духе. Особенно печально за разгром инженерных училищ радиоэлектроники и летных училищ. Армавир, Балашов и Челябинск как факультеты Краснодарского ВВАУЛ и все той же академии Жуковского и Гагарина — это сильно.

В общем, ситуация с офицерами печальная. А тут еще про «кемелов», сиречь «верблюдов», подкинули новость.

Раньше в армии было как? Две категории, кадровые и «пиджаки». Мало, надо еще выдумать. И выдумали!

Не то чтобы «за неимением горничной сойдет и дворник», но факт: во всех военных округах появилось ЭТО: «курсы младших лейтенантов», сокращенно КМЛ.

Нет, совершенно ничего не имею против «пиджаков» в тонких сферах физики, математики и электроники. У самого есть такой знакомый, уже старшего лейтенанта получил. А от рядового Степанова до лейтенанта Степанова путь был ровно в три пьяных дня. То есть вышел на дембель, вышил и пошел надевать офицерские погоны. Так и ходит пока. Альтернативы все равно ему нет.

Но КМЛ — это нечто. Стало известно из официальных источников (начальник Главного управления кадров Министерства обороны РФ генерал-полковник Горемыкин), что на курсы принимают «исключительно хорошо зарекомендовавших контрактников с высшим образованием».

Это категория контрактников, которые безупречно прослужили не менее трех лет на солдатских и сержантских должностях, имеют опыт командования личным составом и по возрасту не старше 35 лет.

Готовят из них командиров мотострелковых, танковых взводов, зенитных и артиллерийских батарей.

Перевозу: все не просто плохо, все ужасно. Даже в такой армии, сокращенной-пересокращенной, офицеров на младших командных должностях катастрофически не хватает.

Да, большая часть училищ перешла на какую-то невнятную систему обучения в 4 года. Программу подсократили, в основном за счет практики (на месте получают типа). В общем, военные бакалавры и военные магистры¹³¹.

Но и это не дает возможности насытить войска необходимым количеством младших офицеров.

И вот — КМЛ. Закономерный результат.

У нас довольно своеобразная публика, вот пусть каждый сам себе задаст вопрос (умеете в основном же) и даст ответ: насколько хорошо можно подготовить офицера за 6 месяцев из командира отделения?

Полгода, из которых треть — теория, остальное вроде как практика. И все, «полевой взводный» младший лейтенант готов!

Остается главный вопрос: насколько такой «быстроприготовленный»

офицер будет способен не просто повести в бой людей (обеспечив себе обелиск со звездочкой), а обучить этих людей? Насколько за полгода (два месяца) можно обучить этого человека тактике современного общевойскового боя? в определенных условиях?

Вопросов куча, ответ один — да никак. Все, что мы видим — это «тришкин кафтан», латание дыр всеми возможными способами.

И совершенно понятно, что все эти «Арматы», БМПТ, «Терминаторы», «Коалиции» и прочее «не имеющее аналогов в мире» — не для «полевых». Да, БМП-2, БТР-82А, Т-72Б. Может, Т-72Б3, но уже не факт. «Акации» для артиллеристов. Ну, «Мста-Б». Не более.

Уважая контрактников, наблюдая, насколько восхитительно может поставить дело крепкий сержант в отделении, понимаю, что дело дрянь.

Для начала, вообще сложно сказать, насколько командиры отделений бросятся учиться полгода на должность командиров взводов. Ответственность выше, геморрой толще. Да и не за этим они в принципе лычки получали.

И другой вопрос: а их кто заменит? Лучшие сержанты уйдут в «верблюды», станут младшими лейтенантами с перспективой...

А насколько она есть, эта перспектива? Хорошо, стал младший лейтенант лейтенантом, пошел дальше. Ротный, и? Батальон? Академия? Без высшего военного образования, сиречь, нормального училища за спиной?

И вот тут два варианта. Либо будут брать, несмотря на отсутствие высшего военного, тем самым однозначно снижая уровень подготовки офицера, либо в армии будут реально ущербные офицеры, для которых рота — потолок. И оба пути, мягко говоря, не очень прямые.

И да, еще один не совсем тактичный вопрос. А кто будет на их месте? Кем заменим сержантов, которые захотят стать офицерами?¹³²

5.6. Влияние военного искусства на развитие оборонно- промышленного комплекса

...сегодняшняя военная организация и Вооруженные Силы России не отвечают ее экономическим возможностям ... плохо готовы к отражению наиболее вероятных угроз ее внешней и внутренней безопасности¹³³

*А. Владимиров,
генерал-майор*

Качество военного управления (искусства) во многом предопределяет не только конечный результат и эффективность использования ВВСТ и конечные, политические итоги войны или военного конфликта, но и требования к развитию промышленности¹³⁴. Хрестоматийный пример: когда появилась возможность решать политические задачи военными средствами сразу же на стратегическом уровне (были созданы ЯО и средства его доставки), то было создано на пустом месте сразу несколько десятков отраслей промышленности. Все важнейшие решения в области создания ВВСТ — будь то решение о производстве БМ-21 или Т-34 (при И. Сталине) или комплекса передовых технологий, объединенного под брендом СОИ (при Р. Рейгане) — принимались и принимаются на самом высоком уровне. Не случайно В. Путин дважды в год по несколько дней совещается в Сочи с представителями ОПК, вникая лично даже в самые мелкие детали.

Эти же качества в общегосударственном масштабе определяют эффективность политики и экономики, в том числе военной промышленности, страны. Ее главный критерий — эффективность использования государством своих ресурсов и институтов — военных или гражданских. В нашем случае, применительно к России, где ВС и ОПК, которые, как справедливо заметил А.И. Владимиров, «плохо готовы к отражению угроз».

В самом общем виде качество политического и военно-политического искусства определяется тем минимумом ресурсов и издержек, которые необходимы для достижения поставленных политических целей и решения военных задач. Другими словами, изначально точно поставленные

цели и задачи говорят об их возможности достижения и цене, которую за это придется заплатить государству и обществу. Так, ввод войск СССР в Афганистан (абсолютно верное решение, на мой взгляд) был слабо обоснован и нечетко сформулирован в деталях даже перед его исполнителями, что позволило позже регулировать на том, что СССР потерял 10 лет и 14 тысяч жизней неизвестно за что (хотя американцы в Афганистане уже больше 18 лет и несут бесконечные потери).

В военной истории есть множество примеров, в которых хорошо иллюстрируется взаимосвязь военного искусства и возможностей промышленности предоставить необходимые ресурсы. Когда Петр I «переливал бронзу колоколов» на пушки (кстати, не более 30% всех колоколов) это и был типичный пример взаимосвязи военного искусства с уровнем российской промышленности, которая, кстати, еще при Иване Грозном обеспечивала чугуном, металлом и бронзой половину Европы.

Но и качество технологий, их уровень развития влияет не только на военную стратегию, но и внешнюю политику государств. Так, ведущие американские эксперты из РЭНД-корпорации признают, например, что «... развитие технологий привело к изменениям военных доктрин и необходимости размышлять о войне с Китаем»¹³⁵.

Типичным примером можно назвать разработку в России комплекса радиотехнической разведки «Пенициллин», которая завершается в 2018 году.

Государственные испытания нового комплекса звукотепловой артиллерийской разведки 1Б75 «Пенициллин» успешно завершены, сообщили «РИА Новости» в пресс-службе холдинга «Росэлектроника», входящего в «Ростех». «Поставка первых двух образцов запланирована на 2020 год», — рассказали в пресс-службе. «Пенициллин» за пять секунд способен определить при помощи звука источник выстрела на полосе в 25 километров. Комплекс засекает шум и кинетическую энергию через четыре звукотепловых локатора, оптико-электронного модуля и стабилизационной платформы. Он оснащен шестью обычными и шестью тепловизионными камерами для высокоскоростной сортировки информации. Кроме того, установка может находить новые цели, которые ранее никогда не обнаруживались, например, реактивные системы залпового огня и зенитные тактические ракеты».

Холдинг сообщил о результатах испытаний после того, как эксперты американского National Interest назвали российский «Пенициллин» серьезной угрозой для артиллерии армии США. Издание отметило, что работа российского комплекса отличается от американского US Hughes AN / TSQ-51 или шведско-норвежского ARTHUR. «Ростех» уверен, что эта система под названием «Пенициллин» станет революцией в артиллерийской разведке так же, как ее тезка произвел революцию в медицине», — написал National Interest¹³⁶.

За последнее десятилетие в мире ускорилось появление технологий, способных придать традиционным вооружениям уникальные возможности, присущие боевым роботам. На площадке ООН для таких вооружений определили термин — смертоносные автономные системы (САС). Так называют оружие, способное поражать цели на земле, в воздухе, на воде и под водой без участия человека. Автономные ударные системы с использованием искусственного интеллекта создают угрозы, которые можно разделить, по мнению российского эксперта В. Козюлина, на три группы¹³⁷:

1. Первая группа включает риски, связанные с исключением человека из цикла принятия решений на применение оружия — так называемая «проблема значимого человеческого контроля».

2. Вторая группа угроз связана с риском нарушения стратегической стабильности. Элементы автономности и искусственного интеллекта приходят во все сферы военного противостояния. Так, в ядерной сфере появляются высокоточные тактические ядерные бомбы и гиперзвуковые аппараты с новыми ядерными боеголовками; в космической области — беспилотные космические дроны, системы низкоорбитальных спутников наблюдения и связи; в сфере ПРО — связка системы слежения и наблюдения с системой управления и связи; в киберсфере — кибероружие и автоматизированная система ответного киберудара. Некоторые из этих видов вооружений, как, например, гиперзвуковые ракеты или средства кибернападения, могут служить инструментом стратегического сдерживания наряду с ядерным оружием. То есть даже у неядерных стран возникает возможность резкого наращивания, как потенциала сдерживания, так и ударных возможностей. За этими тенденциями стоит серия рисков.

3. Третья группа угроз вытекает из радикального сокращения времени на принятие стратегических решений в рамках системы сбора и анализа разведывательной информации (Intelligence, Surveillance & Reconnaissance (ISR)) и военного управления и связи (Communications, Command and Control (C3)). Главный недостаток человека в сравнении с машиной состоит в том, что человеческому мозгу необходимо слишком много времени для оценки ситуации и принятия верного решения. Целый ряд военных программ в ведущих государствах мира (в частности программы Пентагона Maven, COMPASS, Diamond Shield) нацелен на то, чтобы суперкомпьютеры взяли на себя работу по анализу различных данных и подготовке сценариев для политического и военного руководства.

Так, в настоящее время радикально пересматривается роль ВКО, что непосредственно отражается на ОПК страны (Концерн ВКО «Алмаз-Антей» стал единственным российским концерном, который вошел в число 8 крупнейших военных корпораций планеты).

Сложилось и, к сожалению, господствует мнение, что наступление в воздушно-космической сфере — это функция ударных войск и сил (ракетных войск, Дальней авиации, фронтовой бомбардировочной и штурмовой авиации). И что наступательные действия в воздушно-космической сфере вооруженной борьбы — это поражение авиации на аэродромах противника.

А у войск ПВО (ВКО) якобы может быть только оборона (по определению и по наименованию самих войск). На этих постулатах базируются многие положения руководящих документов ВС РФ. Но слово «оборона» присутствует и в названии нашего силового ведомства — МО РФ, что, впрочем, не исключает наступления российских Вооруженных Сил в войне¹³⁸.

Исходное и ключевое заблуждение тех, кто стоит на таких позициях (по мнению автора), кроется в неправильном толковании смысла «сфера вооруженной борьбы». Сегодня доминирует упрощенный подход: если нечто военное летает по воздуху (или находится в космосе), то оно относится к воздушно-космической сфере вооруженной борьбы. Соответственно: если ходит или едет по земле — к наземной сфере; если плавает — к морской сфере.

Такой взгляд не проясняет, а перепутывает все категории. Ведь пушечный снаряд, винтовочная пуля, стрела из арбалета тоже летят по воздуху. Означает ли это, что артиллериста, танкиста, пехотинца и лучника следует относить к участникам воздушной сферы вооруженной борьбы? а если зенитный ракетный комплекс стоит на земной поверхности и перемещается на колесах, то разве он не имеет отношения к вооруженной борьбе в воздушно-космической сфере?

Основным критерием отношения оружия (и людей его эксплуатирующих) к той или иной сфере вооруженной борьбы следует считать природную среду нахождения цели, которую это оружие (подразделение) должно поразить (подавить)¹³⁹.

Тот, кто обнаруживает и уничтожает (подавляет) наземную цель (даже если эта цель — самолет на аэродроме) — участник наземной сферы вооруженной борьбы. Не важно, при этом, что сам он находится на земле (танк), на воде (корабль) или в воздухе (вертолет, самолет и т.п.). Так, например, российские крылатые ракеты Х-101, предназначенные для вооружения стратегических ракетоносцев Ту-22М3, Ту-95 и Ту-160, стали оснащаться комплексами радиоэлектронной борьбы. Об этом заявил на авиасалоне Airshow China 2018 в ноябре 2018 года советник первого заместителя гендиректора концерна «Радиоэлектронные технологии» Владимир Михеев, «Наши крылатые ракеты имеют полноценный бортовой комплекс обороны, потому что такое стратегическое оружие нужно очень хорошо защитить»¹⁴⁰.

Отметим, что новейшие крылатые ракеты Х-101 впервые были применены осенью 2015 года в Сирии. Стратегические ракетоносцы Ту-160 выпустили по объектам международных боевиков несколько крылатых ракет, которые точно поразили укрепления и склады террористов. При этом важно подчеркнуть, что стратегическая крылатая ракета Х-101 выполнена исключительно из российских комплектующих и малозаметна для радиолокации. Усовершенствованная система наведения обеспечивает при пуске отклонение от цели не более чем на пять метров. С точностью до 10 метров ракета способна уничтожать подвижные цели. Дальность применения — пять тысяч километров. Система наведения Х-101 комбинированная: инерциальная навигация с оптоэлектронной системой коррекции по эталонным участкам местности, на конечном этапе поле-

та включается головка самонаведения, принцип действия которой засекречен. Масса боеголовки Х-101 — 400 килограммов. Ядерный вариант (Х-102) имеет боевую часть мощностью 250 килотонн¹⁴¹.

Тот, кто обнаруживает и уничтожает (подавляет) надводную или подводную цель (даже если это крылатая ракета на корабле) — участник морской сферы вооруженной борьбы. Не важно, при этом, что сам он находится на земле (танк), на воде (корабль) или в воздухе (вертолет, самолет и т.п.).

Тот, кто обнаруживает и уничтожает (подавляет) воздушную или космическую цель (даже если это подразделение пехотинцев, летящее на транспортном самолете) — участник воздушно-космической сферы вооруженной борьбы. Не важно, при этом, что сам он находится на земле (зенитное орудие), на воде (корабельное зенитное огневое средство), в воздухе (самолет-истребитель) или космосе (в настоящее время ударных космических средств не существует).

Более полное представление о категориях «воздушно-космическая среда», «воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы» и «воздушно-космический театр военных действий» можно почерпнуть из книг профессора И.В. Ерохина (в частности — книга «Воздушно-космическая сфера и вооруженная борьба в ней»), а также из монографии автора — «Воздушно-космический ТВД».

Таким образом, воздушно-космическая оборона — не вид военных действий, а вооруженная борьба в воздушно-космической сфере. И воздушно-космическая сфера вооруженной борьбы является самодостаточной в плане реализации в ней любого вида военных действий: оборонительных, наступательных и контр наступательных¹⁴².

Исключительно оборонительными войска ПВО (ВКО) бывают только тогда, когда решают вспомогательные задачи. Например, когда в операциях Великой Отечественной войны прикрывали пехоту. Оборонительной всегда является войсковая ПВО, поскольку она действует в интересах и по плану командующего общевойсковой армии. Оборону осуществляет истребительная авиация при сопровождении бомбардировщиков в район выполнения ими боевых задач и при возвращении обратно, поскольку не ищет встречи с воздушным противником, а только отбивается от налетающих истребителей. И оборонительными оказались сегодня те соедине-

ния ПВО, которые в составе армий ВВС и ПВО переданы в подчинение командующим военными округами¹⁴³.

Обороняются те силы и средства ПВО (ВКО), которые борются со средствами поражения, сброшенными (запущенными) с борта бомбардировщика или тактического истребителя (крылатыми ракетами, управляемыми снарядами, авиабомбами и др.). Но сам по себе носитель этих бортовых средств (самолет) не представляет угрозы для объекта. Он такая же «база», как морской корабль — носитель крылатых ракет, наземный аэродром или пусковая установка. Но только находится до запуска, в момент запуска и сразу после запуска не в воде, не на земле, а в воздухе.

Уничтожение такой воздушной «базы» не является оборонительным действием, точно так же как не является обороной поражение корабля в акватории океана или аэродрома на территории противника. Это наступательное действие, но осуществляемое не чем иным, как средством ПВО (ВКО). Понять нам это мешает только консерватизм мышления, накопивший стереотипы в отношении понятий «противовоздушная оборона» и «воздушно-космическая оборона».

5.7. Организация промышленной политики России и оборонно-промышленного комплекса

... не денежные потоки, а реальные вещи... приводя в движение экономику¹⁴⁴

*авторы прогноза
Римского клуба*

По сути дела в России до настоящего времени сложилась «система управления», при которой отсутствуют сколько-нибудь последовательные (а тем более эффективные) меры управления промышленной политикой, за которую формально в стране отвечает Правительство и Минпромторг. Отсутствие этих мер, а также реальных приоритетов и целей развития бросается в глаза на фоне, например, закрепленных в документах высшего уровня США приоритетов развития промышленности

страны, когда «планируется к 2025 году достичь энергетической независимости и сконцентрировать на своей территории не только научно-исследовательские центры и структуры по разработке новых технологий, но и производства, на которых инновации будут внедряться и превращаться в базовые технологии нового промышленного уклада»¹⁴⁵.

На фоне этих планов удивительное сочетание — низкий качественный уровень правящей российской элиты и высокий уровень национального человеческого капитала — является единственным бесспорным объяснением неудач в развитии экономики СССР и России последних десятилетий. В особенности, если говорить о качестве финансово-экономической правящей элиты страны. И дело тут, наверное, не в интеллектуальных и иных свойствах людей, а в принципе их подбора и продвижения к власти, который не требовал реальных результатов, а исходил из совершенно не экономических и не практических критериев — «приверженности реформам», личной преданности, готовности делиться «финансовыми потоками» и пр. критериях, о которых не раз говорилось и писалось мною прежде¹⁴⁶.

Именно поэтому говорить об эффективности политико-экономического управления в современной России бессмысленно и даже где-то наивно, ведь никто всерьез никогда и не спрашивал за полученный результат. Примечательно, что подобный подход удивительно органично сочетался с критическим отношением к государству и его институтам, что в течение многих лет формально возводилось в принцип, а позже — стало традицией. Отрицая или преуменьшая роль государства в экономике и управлении промышленным развитием, правящая элита России в последние десятилетия умудрилась «запустить развитие» страны вопреки объективным законам, сделав из России исключение. Итог — известен. Станным образом, но выводы делаются медленно и не всегда для того, чтобы исправить ситуацию. Главный тезис правящей элиты — «создадим условия и будет развиваться экономика» продолжает в той или иной форме оставаться принципом управления¹⁴⁷.

В этой связи начну с длинной цитаты, которая многое объясняет, на мой взгляд, в современной мировой промышленной политике. Ее авторы — известные специалисты, которые написали очередной сценарий развития после нашумевшей работы «Пределы роста» — Д. Медоуз,

Й. Рандерс, Д. Медоуз: «Все, что мы (выше — *А.П.*) перечислили, имеет физическое воплощение, это не денежные потоки, а реальные вещи. ... Именно они, а не доллары, приводят в движение экономику и общество. Именно они, а не доллары, извлекаются нами из окружающей среды и рано или поздно возвращаются туда же — в почву, воду или воздух. Уже отмечалось, что промышленный капитал за счет самовоспроизводства **способен расти экспоненциально**»¹⁴⁸ (подч. — *А.П.*).

Иными словами, авторитетные авторы прямо пишут, что: во-первых, в основе экономического развития находится реальный сектор экономики, а не финансы, а, во-вторых, что промышленное развитие в мире развивается «экспоненциально», т.е. надо очень постараться, чтобы промышленное развитие (как это произошло в России) прекратилось и пошло на убыль. Для этого надо было сделать нечто такое, что постоянно разрушало бы промышленное производство в стране. И это было сделано сначала «рыночными реформами», а затем сознательным разрушением управления промышленностью, которая была отдана на откуп приватизаторам, а позже попросту заброшена из-за ненадобности ресурсной экономики. Слабые попытки власти восстановить промышленное производство вопреки общим политико-экономическим трендам ни к чему не привели: как это было продемонстрировано в очередной раз с повышением НДС с 18 до 20% в 2018 году и ставки рефинансирования.

Далее авторы цитируемой работы пишут, что «Структура обратных связей, обеспечивающих такое самовоспроизводство, похожа на структуру, определяющую численность населения. ... Определенное количество промышленного капитала (заводы, грузовики, компьютеры, электростанции) может произвести в год определенное количество промышленной продукции, если есть необходимые для этого потоки сырья, энергии и т.п. Определенная доля продукции производится в виде инвестиций в сам капитал — это станки, двигатели, сталь, цемент — увеличивая сам промышленный капитал, и таким образом приводя к росту производства продукции в будущем. Можно сказать, что это «рождаемость» капитала. Капитал, как и население, имеет не только контур рождаемости, но и контур смертности. Оборудование и заводские агрегаты изнашиваются или морально устаревают, их останавливают, демонтируют, пускают в металлолом, утилизируют. Доля выбывающего капитала аналогична

коэффициенту смертности в расчетах численности населения. Подобно тому, как в ходе индустриализации численность населения претерпела демографический переход, и в уровне промышленного капитала произошли хорошо заметные рост и изменения. Доиндустриальная экономика основана, прежде всего, на сельском хозяйстве и сфере услуг. Когда контур роста капитала начинает действовать, растут все сектора экономики, но промышленный сектор некоторое время растет быстрее всех. После того как промышленная база построена, дальнейший рост смещается в сферу услуг. Отклонения от этой закономерности происходят, только если **приложить к этому специальные усилия ...**¹⁴⁹ (подч. — А.П.).

Именно такие «специальные усилия», как мы знаем, и были приложены российской финансово-экономической правящей элитой в последние десятилетия. Высокоразвитые экономические системы часто называют «экономикой услугой», но в реальной жизни даже такой экономике необходима подпитка со стороны сельского хозяйства и промышленности. ... сфера услуг требует, чтобы ее постоянно поддерживали физические потоки (притоки ресурсов и стоки отходов). Вместе с деятельностью промышленности это Государственную комиссию по вопросам развития Арктики, профильным министерствам и ведомствам, и другим заинтересованным органам создает значительную нагрузку на окружающую среду. ... даже в постиндустриальной экономике промышленность не приходит в упадок. Информация — это удивительный ресурс, не существующий физически, но вполне реальный. Однако, в чем он содержится? ... Средний компьютер в 1997 году весил 25 кг и потреблял 150 Вт электроэнергии, а при его изготовлении больше 60 кг материалов уходило в отходы.

Люди, которые работают с информацией — создают, обрабатывают, используют ее — еще каждый день едят, водят машины, живут в домах, работают в зданиях с системами отопления и кондиционирования, и даже в век электронных средств передачи информации расходуют огромное количество бумаги. Контур положительной обратной связи, описывающий деятельность мирового капитала, работал столь интенсивно, что физический капитал увеличивался быстрее, чем росла численность населения. В период с 1930 по 2000 денежное выражение мировой промышленной продукции выросло в 14 раз, ... однако промышленное

производство на душу населения увеличилось только в пять раз. В период с 1975 по 2000 промышленная экономика практически удвоилась, но производство на душу населения возросло меньше чем на 30%¹⁵⁰.

Во многом современная военно-промышленная политика ведущих государств, схожа, что является следствием общих закономерностей 4-го этапа промышленной революции. В США она, как уже говорилось, формируется по инициативе президента и конгресса¹⁵¹. При этом, для ее разработки привлекаются экспертные группы, формируемые как министерствами, так и независимыми организациями, объединенными общей идеологией сохранения технологического превосходства¹⁵².

Промышленная политика в области безопасности и ОПК формируется непосредственно под руководством Президента РФ, который, как правило, дважды в год — весной и осенью — проводит полномасштабные совещания в течение нескольких дней с участием руководства страны и, МО, а также ведущих предприятий¹⁵³. На этих совещаниях очень подробно обсуждаются текущие и перспективные вопросы с привлечением руководителей и конструкторов предприятий, видов и родов войск, а также ведущих экспертов страны. Можно сказать, что не только принципиальные, но и отдельные решения по развитию и производству ВВСТ, структуре, финансированию ОПК и другим вопросам принимаются лично президентом. Учитывая, что таким совещаниям предшествует тщательная подготовка, где прорабатываются отдельные вопросы (иногда даже не по несколько, а по многу раз), можно сказать, что практика военного строительства в России в последнее десятилетие целиком замыкается на Президенте РФ. Таким образом, ключевые решения по развитию ВВСТ и ОПК в России принимаются лично В.В. Путиным. В этом смысле он выступает и главным руководителем ОПК, определяющим не только масштабы и способы финансирования, но и их порядок, целесообразность, организационные структуры крупных корпораций и т.д.

Более частные вопросы и реализация задач, происходит под руководством главы Правительства, соответствующего вице-премьера и заместителя министра обороны по вооружениям, а также министра промышленности. С точки зрения принятия решений, таким образом, круг лиц достаточно ограничен, хотя за каждым из представителей стоит

команда, в которую входят ведущие организаторы и эксперты. По сравнению, например, с США, структура существенно уступает экспертно-аналитическому обеспечению¹⁵⁴.

Отраслевые стратегии реформирования и развития ОПК России

Отрасли оборонно-промышленного комплекса находятся в ведении Минпромторга России.

Каждую отрасль курирует соответствующий департамент, а координация работ по формированию и реализации государственной политики в области развития ОПК возложена на Департамент оборонно-промышленного комплекса.

На профильные департаменты возложена задача разработки и обеспечения реализации стратегий, государственных, целевых и ведомственных программ.

Государственные программы Минпромторга России представлены на рис. 5.22.¹⁵⁵

Кроме того, госкорпорации Роскосмос и Росатом имеют свои специализированные программы развития.

Сама военная политика и строительство представляют собой сегодня переход к системе мер долгосрочного планирования, основанных на долгосрочных прогнозах развития МО и ВПО, подготовленных несколькими организациями и научными учреждениями, в которых принимал участие и автор работы, последние 5 лет¹⁵⁶.

Во многом подобные прогнозы формируются на основе различных возможных сценариев развития МО, ВПО и СО, вероятного будущего характера войн и военных конфликтов, которые, в свою очередь, формируют требования к будущим вооружениям и военной технике, в особенности на долгосрочный период¹⁵⁷.

Нет сомнения в том, что российская экономика, ее оборонно-промышленный комплекс преодолению все кризисы и санкции. В войска поступит много высококачественного оружия ВКО. В стране начнет создаваться единая система борьбы с воздушно-космическим противником. Пусть она даже традиционно называется ВКО (в конце — слово «оборона»). Но важно, чтобы все (а в первую очередь военные ученые) понимали смысл суворовского изречения, что «хорошая оборона должна быть наступательной»¹⁵⁸.

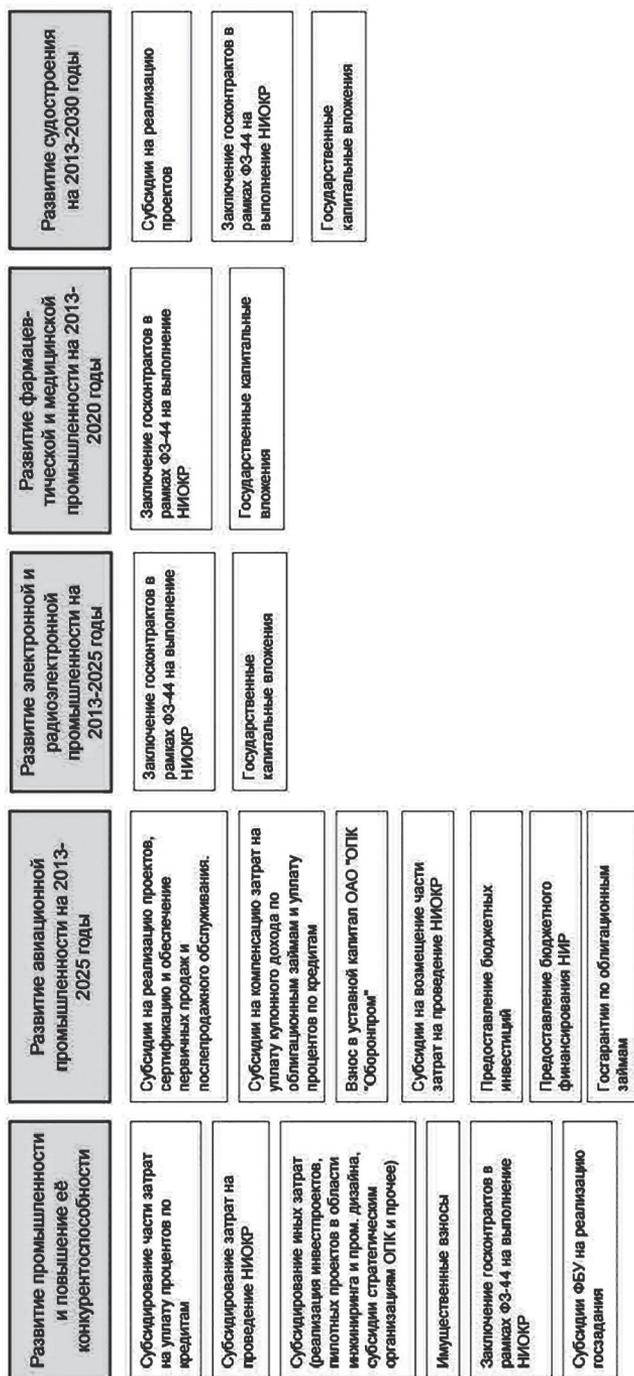

Рис. 5.22 Государственные программы Минпромторга России: основные инструменты промышленной политики

В частности, уже в 2016 году были уточнены и разработаны:

- «Перечень базовых и критических военных технологий на период до 2025 года». В него внесены изменения, связанные с развитием комплексов нетрадиционного вооружения, гиперзвуковых летательных аппаратов, систем связи и управления. Уточненный перечень включает девять базовых, 48 критических и 330 военных технологий.
- «Перечень приоритетных направлений фундаментальных, прогнозных и поисковых исследований в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства на период до 2025 года». Уточненный перечень включает 11 научных направлений, 56 поднаправлений и 718 направлений ФППИ. Это межведомственный перечень фундаментальных, поисковых и прикладных исследований, выполняемых, а также планируемых по государственным, федеральным и ведомственным целевым программам и планам в области обороны и обеспечения безопасности страны (Оба документа одобрены решением коллегии Военно-промышленной комиссии РФ 25 мая 2016 года).
- «Межведомственная координационная программа ФППИ в области обороны и обеспечения безопасности государства». Это инструмент, обеспечивающий взаимодействие на этапах планирования, выполнения и реализации результатов ФППИ. Программа призвана повысить эффективность исследований. А также консолидировать ФОИВ, государственные корпорации и соответствующие фонды на приоритетных направлениях создания научно-технического задела для ВВСТ¹⁵⁹.

В качестве основных первоочередных задач программы можно выделить следующие:

- формирование межведомственного перечня ФППИ;
- информационно-аналитическое обеспечение деятельности генеральных конструкторов по созданию ВВСТ и руководителей приоритетных технологических направлений в части предоставления сведений о состоянии и перспективах развития отечественной науки и технологий;
- разработка предложений органам исполнительной власти, госкорпорациям, РАН и научным фондам по формированию или уточнению государственных, федеральных и ведомственных целевых программ и планов с учетом рекомендаций генеральных конструкторов

по созданию ВВСТ и руководителей приоритетных технологических направлений;

- участие в информационном обмене результатами научных исследований и технологических разработок.

Структурно программа состоит из пяти подпрограмм, охватывающих все основные этапы создания научно-технического задела для перспективных ВВСТ:

- Руководящий документ по формированию НТЗ в рамках Государственной программы вооружения на период до 2025 года — Концепция создания НТЗ для перспективных вооружения и военной техники на период с 2016 года до 2025 года. Концепция утверждена Министром обороны и определяет цели, задачи и принципы создания НТЗ, структуру и состав работ, в ней закреплены задачи и обязанности органов военного управления.
- Подпрограмма 5 (предусматривающая создание упреждающего НТЗ в интересах модернизации существующих, создания и производства принципиально новых образцов ВВСТ) Государственной программы РФ «Развитие оборонно-промышленного комплекса», утвержденной 16 мая 2016 г., которая является правопреемником подпрограммы 5 «Ускоренное развитие оборонно-промышленного комплекса РФ» ГП РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» и ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса РФ на 2011–2020 годы»

Таким образом, к настоящему времени уже сформировалось общее представление и фактическая концепция ускорения научно-технологического развития, которая должна была быть оформлена в программе «наука» до 1 октября 2018 года. Требуется, на мой взгляд, во-первых, рассмотреть возможность усиление ресурсной базы этой программы с учетом политики «силового принуждения» и развития санкционной эскалации. Во-вторых, необходимы специальные механизмы в правительстве РФ, усиливающие ее приоритетность.

Можно с полной уверенностью утверждать, что в России создана эффективно функционирующая система государственного оборонного заказа.¹⁶⁰ Прямым подтверждением этому является тот факт, что за последние несколько лет показатели выполнения заданий ГОЗ не опускаются ниже

уровня 96–98%, и это несмотря на ряд негативно влияющих на ОПК факторов, в первую очередь экономического и санкционного характера. Напомним, что еще в 2012 г. этот показатель не превышал 82%¹⁶¹.

Выполнение заданий государственного оборонного заказа в 2017 г. осуществлено на уровне показателей 2016 г.

Если на достигнутые результаты посмотреть через призму ежегодных объемов финансирования оборонного заказа, то, наверное, трудно найти другую сферу, где бюджетные средства расходуются с такими высокими результатами.

При этом немаловажно отметить, что внедрена и эффективно работает система контроля за расходованием немалых бюджетных средств, в рамках оборонного заказа, включающая в себя два механизма: контроль и правомерность прохождения средств по всей кооперации через отдельные (специальные) банковские счета и через счета Федерального казначейства.

5.8. Адекватная оценка современного состояния оборонно-промышленного комплекса России

Адекватная оценка российского ОПК, как ни странно покажется, в российской общественном и экспертном сообществе отсутствует. Популярность мнений и оценок, как со стороны российских экспертов, так и из-за рубежа, — норма, ежедневно присутствующая в обозрениях. Причин этому достаточно много, но главные из них, как всегда, связаны с субъективными мотивами. Так, в один день за рубежом могут восхищаться ОБТ Т-90, системами ПРО-ПВО С-400, комплексами «Искандер» и новыми МБР России, но тут же признавать, что их количество достаточно ограничено, а серийное производство новейших вооружений (например, Т-14 и Т-15, как и СУ-57, неоправданно задерживается. Есть, правда, области, такие, как ВМФ России, где отставание в крупных надводных судах и модернизации настолько велико, что возражать трудно.

Главным условием развития ОПК развитых стран являются требования обеспечения национальной безопасности, которые в отдельные

исторические периоды могут различаться (порой радикально) друг от друга¹⁶². Так, если сохранение технологического превосходства на протяжении десятилетий оставалось важнейшим принципом политики безопасности США¹⁶³, то в СССР и России несколько раз возникали такие периоды, когда декларировались иные принципы — «равной безопасности», «не нанесения ущерба безопасности» и пр. Во многом военно-промышленная политика современной России и США развиваются в условиях, которые объективно диктуются развитием промышленной революции¹⁶⁴.

Современное состояние ОПК определяется тем, как быстро предприятиям, КБ и научным институтам удастся ликвидировать самые негативные последствия процессов разрушения, доминировавших в экономике страны с конца 80-годов, либо среагировать на поступление государственного оборонного заказа:

- приватизации, когда некоторые производства были просто уничтожены или, как минимум, разрушены;
- недофинансирования НИР и ОКР, которое, к сожалению, во многом еще сохраняется;
- уничтожением научных и конструкторских школ и производственных коллективов¹⁶⁵.

Типичный пример этого явления — Северо-западный комплекс Концерна ВКО «Алмаз-Антей», который был создан на остатках известного Обуховского завода в 2001 году, буквально за день до его приватизации. Часть помещений уже была приватизирована, территория разгромлена, а часть — готовилась к приватизации. В настоящее время на базе этого комплекса развиваются несколько бывших федеральных НИИ и КБ, а производственные цеха (старые и новые) оснащены самым современным оборудованием, загруженным в три смены¹⁶⁶.

В результате напряженной работы руководства и всего коллектива удалось за 15 лет фактически решить не только прежние проблемы (оформить в собственность и деприватизировать, частично восстановить работоспособность НИИ и КБ, включая новых, а также воссоздать научные и производственные школы), но и выйти на качественно новые уровни научно-производственной деятельности.

За последние годы обеспечено динамичное развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса, созданы новые технологии

и конкурентоспособная продукция, сформирован дополнительный запас прочности в промышленности, финансовой системе и подготовке квалифицированных кадров.

В сводный реестр организаций ОПК, утвержденный приказом Минпромторга России от 3 июля 2015 г. № 1828, включено 1355 организаций. В них занято около 2 млн. человек, в том числе в оборонных отраслях промышленности — 1,4 млн.

Среднемесячная заработная плата работников организаций ОПК в 2017 г. составила более 50 тыс. руб. (в 2016 году — 46,6 тыс. руб.), в том числе в промышленности — 45 тыс. руб., в науке — 62 тыс. руб. Таким образом, увеличение за год составило около 4 тыс. руб. (или 9,3%).

Необходимо отметить, что благодаря реализуемым мерам поддержки, как на уровне государства, так и компаний ОПК в последние годы численность работников в целом стабилизировалась, а на целом ряде предприятий она даже растет. При этом созданы условия для обеспечения притока и закрепления в ОПК талантливой молодежи, способной решать амбициозные технологические задачи и обеспечить преемственность научным школам. Доля молодежи в возрасте до 35 лет составила более 30%, а средний возраст занятых в ОПК сократился до 45 лет.

Организациями ОПК достигнуты устойчивые темпы развития, превышающие аналогичные показатели российской экономики в целом. Так, объем промышленной продукции, произведенной оборонными предприятиями в 2017 г., по данным на конец минувшего года, вырос на 7,5%, в том числе в части военной продукции — на 8,2%, гражданской продукции — на 4,3% по отношению к 2016 г.

Рост производительности труда только за 2017 год оценивается в среднем на уровне 6,3%.

Совокупность всех возможных траекторий достижения конечной цели, по сути, и является дорожной картой. Но для того, чтобы сделать ее эффективным инструментом принятия управленческих решений, необходимо провести еще несколько промежуточных мероприятий. Так, в частности, необходимо провести оценку и ранжирование всех возможных вариантов по степени их эффективности, с учетом значимости различных критериев, и выделить наиболее перспективные варианты.

Завершает второй этап разработки дорожной карты подготовка формального отчета. Отчет представляет собой визуализацию полученных результатов в виде связанного графа, узлами которого являются дистанцированные по времени ключевые факторы. Визуализированная схема сопровождается подробным текстовым описанием деталей представленного изображения и указанием необходимой сопутствующей информации, включая рекомендации и разъяснения.

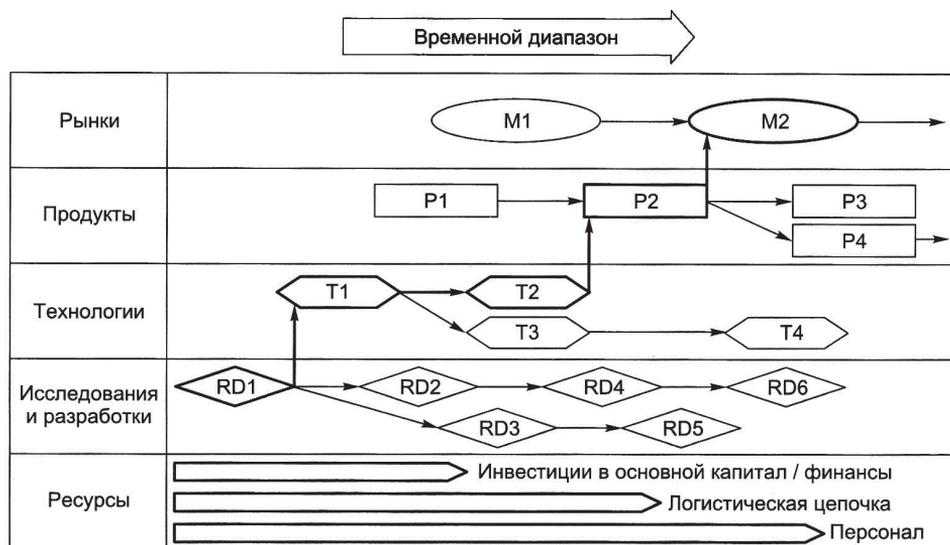

Рис. 5.23 Общая структура дорожной карты

Третий этап является переходным от прогнозирования к планированию. На этом этапе осуществляется придание дорожной карте нормативного, документального статуса, что позволяет в дальнейшем разрабатывать и реализовывать на ее основе детальные планы низшего иерархического уровня. Для этого дорожная карта проходит, в установленном порядке, процедуры согласования и утверждения. Кроме того, важнейшей частью данного этапа является процедура дальнейшей регулярной актуализации и уточнения дорожной карты в соответствии с возникающими во времени новыми реальными обстоятельствами и появлением новых значимых факторов.

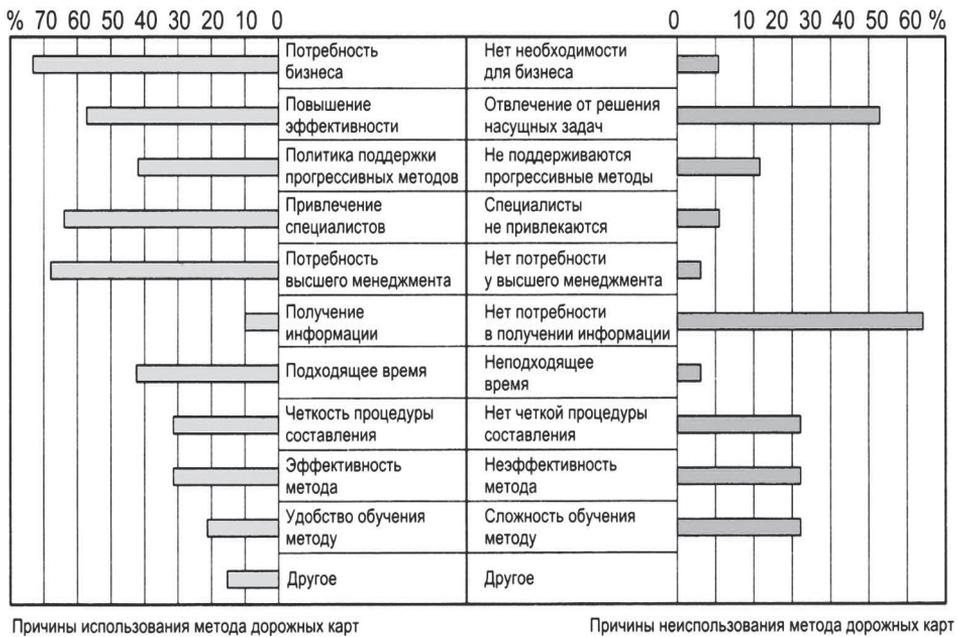

Рис. 5.24 Преимущества и недостатки использования дорожных карт с точки зрения коммерческих компаний

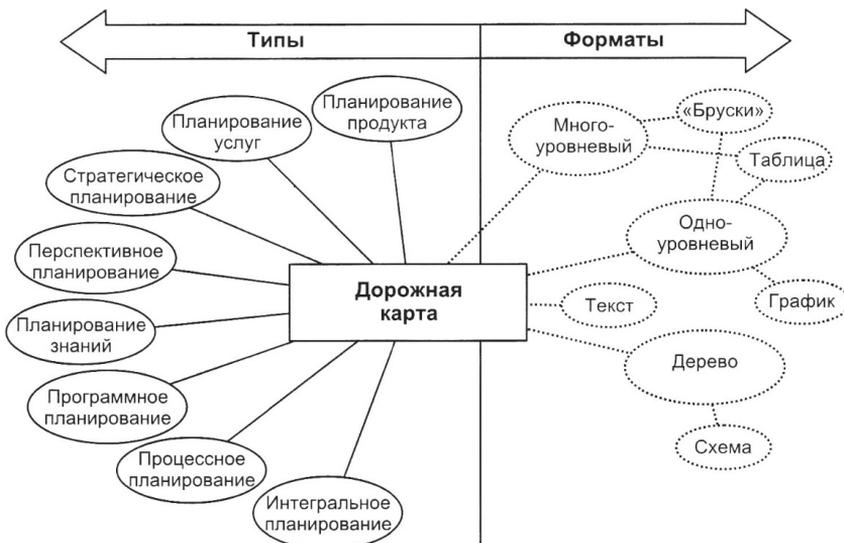

Рис. 5.25 Разновидности классификации дорожных карт

Создание дорожных карт — сложный, затратный и трудоемкий процесс. По данным британских исследователей, проанализировавших деятельность более 2000 фирм Соединенного Королевства, только около 10% компаний (в основном крупные) использовали технологические дорожные карты; около 80% из них, согласно ответам, делали это более одного раза либо осуществляли эту работу на постоянной основе. Выявленные тем же исследованием причины использования или неиспользования дорожных карт коммерческими компаниями представлены на рис 5.24.

Одним из важнейших элементов дорожной карты является графическое представление результатов. Интересная классификация типов и форматов графического представления разработана группой английских ученых (рис.5.25).

5.9. Военно-техническое сотрудничество как фактор развития оборонно-промышленного комплекса

Для того чтобы добиться успеха, человек должен быть не только стратегом, но и вождем, философом¹⁶⁷

*Бэзил Лиддел Гарт,
военный теоретик*

«Торговля оружием» — точнее «Военно-техническое сотрудничество (ВТС)», это не столько экономическая или финансовая категория, сколько военно-политическая. Также как и успешный стратег, который должен быть вождем и философом, ВТС предполагает учет множества не экономических факторов, которые выводят эту деятельность из-под определения «торговли». Прежде всего, что вся эта деятельность находится под жестким контролем государства и должна соответствовать национальным внешнеполитическим интересам. Поэтому военно-техническое сотрудничество во многом обусловлено внешнеполитическими, а не экономическими факторами.

Более того, можно сказать, что экономическая и финансовая составляющая имеют достаточно ограниченное влияние, уступая свой приоритет политическим и военным факторам. Никто, ведь, не будет продавать вооружения своим противникам или друзьям противников. Также трудно ожидать от государств возможностей оплаты дорогостоящих систем оружия, которые могут превышать все их военные бюджеты. Наконец, сам рынок ВВСТ в мире не безграничен (менее 400 млрд. долл.), хотя и увеличивается достаточно быстро, быстрее даже, чем растет мировая экономика.

Главная особенность современных вооружений это то, что поставки ВВСТ — во многом гарантируют (особенно средства ВКО) суверенитет государств и их безопасность¹⁶⁸. А ради этого государства готовы нести огромные издержки, нередко отказывая себе в самом необходимом — лекарствах, продовольствии, средствах связи и управления страной.

Другая современная особенность торговли ВВСТ — ее влияние на развитие науки, НИОКР и промышленного производства, в особенности современных технологий. США, контролирующие продажи почти 60 % ВВСТ в мире, активно используют этот фактор в интересах своей промышленной политики. Как известно, специальным поручением Д.Трампа предусматривалось, что межправительственная группа, состоящая из более 300 экспертов, подготовит специальный доклад с рекомендациями по увеличению военных НИОКР и промышленной продукции как стимулов для развития наукоемкого производства в стране. Военный бюджет США на 2019 ф.г., составивший только в одной своей части более 719 млрд. долларов, стал во многом программой по реализации этих рекомендаций, озвученных осенью 2018 года комиссией.

В годы, когда фактически отсутствовал заказ со стороны государства на производство ВВСТ, многие предприятия сумели выжить и даже проводить скромные ОКР за счет зарубежных поставок вооружений и военной техники¹⁶⁹.

Более того, некоторые образцы вооружений, например, истребителей, смогли появиться только благодаря зарубежным заказам, т.е. Зарубежное финансирование сохранило производство и конструкторскую основу части российского ОПК.

В 2017–2018 годах военно-техническое сотрудничество Российской Федерации осуществлялось в условиях сложной международной обстановки, обусловленной недобросовестной конкуренцией со стороны США и их союзников, а также неправомерными ограничительными мерами, применяемыми по отношению к российским субъектам ВТС¹⁷⁰.

В эти годы поставки российской продукции военного назначения осуществлялись в 47 стран, в целом количество наших партнеров в этой сфере превышает 100 государств. Российские образцы вооружения и военной техники были представлены на 23 международных выставках (из них 17 — за рубежом).

Портфель экспортных заказов стабилен и составляет около \$45–50 млрд., имея определенную тенденцию к росту не смотря на санкции, постоянно усиливающиеся со стороны США.

Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI) опубликовал доклад, согласно которому Россия в 2017 году вышла на второе место в мире по производству оружия. В статистику включены данные о 100 ведущих производителях, общий объем продаж, которых равен \$398,2 млрд. Китайские компании в него не входят, так как данные о них отсутствуют.

По данным экспертов, объем экспорта вооружений российских компаний составил 9,5% от мирового рынка. Отмечается, что на рост продаж на 8,5% в 2017 году повлияла реализация программы модернизации вооружения в России.

«С 2011 года российские компании продемонстрировали существенный рост объемов своих военных продаж. Это соответствует линии на увеличение военных закупок с целью модернизации вооруженных сил», — сказал исследователь программы SIPRI по вооружениям и военным расходам Симон Веземан¹⁷¹.

Отмечается, что в 2017 году впервые компания «Алмаз-Антей» вошла в десятку крупнейших производителей оружия в мире. Рост в более 15% показали и три другие входящие в топ-100 российские компании — Объединенная двигателестроительная корпорация (25%), НПО «Высокоточные комплексы» (22%) и корпорация «Тактическое ракетное вооружение» (19%). Увеличение продаж в прошлом году было отмечено у восьми из девяти российских компаний.

Лидером по объемам продаж, как и ранее, являются компании США, а британские фирмы, которые с 2002 года удерживали второе место, переместились на третью строчку рейтинга.

Крупнейшими в мире производителями оружия остаются Lockheed Martin Corp. И Boeing, разрыв между которыми за год увеличился с \$11 млрд. до \$18 млрд. При этом продажи Lockheed Martin увеличились на 8,3% — до \$44,9 млрд. В основном рост обеспечили поставки новых истребителей F-35, ракет, противоракет, а также новой корабельной многофункциональной боевой информационно-управляющей системы Aegis.

Совокупный объем продаж вооружений западноевропейских компаний вырос на 3,8%. В общем объеме продаж 100 крупнейших компаний мира их доля составляет 23,8%. Великобритания остается крупнейшим производителем вооружений Западной Европы: общий объем продаж семи британских компаний составил 35,7% (рост в 2,3%).

Значительный рост продаж показали турецкие компании — на 24%. Выделяет SIPRI и индийских производителей: объем продаж четырех компаний составил \$7,5 млрд. (1,9% от общего объема производства компаний в топ-100)¹⁷². В SIPRI за 2016 год ста крупнейших военно-промышленных компаний говорилось о росте объемов торговли оружием в мире. В 2016 году объемы торговли оружием выросли в мире на 1,9% и составили \$374 млрд.

В марте SIPRI представил статистику оружейного экспорта за две последние пятилетки. По данным института, в сравнении с 2008–2012 годами доля России на этом рынке в 2013–2017 годах уменьшилась на 4%, в то время как доля США выросла так же на 4%. В пятерку крупнейших экспортеров вооружений вошли США, Россия, Франция, Германия и Китай (74% продаж). Крупнейшими импортерами оружия оказались Индия, Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ и Китай (35% продаваемых вооружений).

В структуре экспорта по видам продукции военного назначения преобладает авиационная техника, далее следуют техника ПВО, техника сухопутных войск и военно-морская техника.

Дальнейшее развитие получила нормативная правовая база в сфере ВТС (издано 2 федеральных закона, подписано 19 международных договоров).

Понятно, что подобная динамика не устраивает не только наших оппонентов, но и западную коалицию, которая делает акцент на усилении внутривосточной нестабильности и внешнеполитическом давлении на партнеров России. «Классические» аргументы о «вреде торговли оружием» для России активизировались по мере того, как был преодолен кризис в этой области. Они сводятся к обыгрыванию тезиса о том, что **«Россия впервые за 17 лет вышла на второе место в мире по производству оружия, обогнав Великобританию и уступив США. Российские оборонные заводы наращивают обороты темпами выше среднемировых, а вся экономика страны с трудом прирастает на 1,5% в год»**¹⁷³.

В более агрессивном варианте этот тезис звучит так: «Российское правительство щедро тратит вырученные от продажи нефти и газа за рубеж средства на пушки, корабли и самолеты. Эффективность расходования государственных средств еще предстоит проверить Счетной палате, возглавляемой Алексеем Кудриным. Хотя и так видно, что увеличение ассигнований на оборону слабо помогает российской экономике. Оборонные компании наращивают обороты в 2,5 раза быстрее, чем остальной мир, — в среднем на 8,5% против 2,5% — на столько увеличилось мировое производство оружия в 2017 году по сравнению с 2016-м, достигнув отметки \$321,5 млрд.

В то же время российский ВВП едва прирастает на 1,5%, что в 2,4 раза медленнее прироста мировой экономики — 3,6%»¹⁷⁴.

Всего за 2017 год российские компании продали оружия на \$37,7 млрд., в том числе экспорт — \$15 млрд. (второе место в мире по экспорту вооружений **после США**). В начале ноября глава входящего в госкорпорацию «Ростех» АО «Рособоронэкспорт» Александр Михеев заявил, что в 2018 году компания подписала свыше 1100 контрактов на \$19 млрд., что почти на четверть превышает аналогичный показатель за весь прошлый год. Портфель заказов «Рособоронэкспорта» более \$50 млрд.

В 2017 году на оборону правительство потратило 2,9 трлн. руб. — 17% всех расходов федерального бюджета, а в 2018-м на вооружения пошло 3,03 трлн. руб. Принятый Госдумой и подписанный президентом Владимиром Путиным бюджет страны на 2019–2021 годы предполагает существенное увеличение военных расходов в ближайшие три года.

Таблица 5.6 Крупнейшие российские производители оружия

Место по продажам оружия в России (в мире)	Название компании	Продажи оружия 2017, \$ млрд.	Продажи оружия 2016, \$ млрд.	Рост (уменьшение)
1 (10)	АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей»	8,6	7,3	17%
2 (14)	ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация»	6,4	6,2	4,2%
3 (15)	АО «Объединенная судостроительная корпорация»	4,98	4,9	2,4%
4 (23)	Корпорация «Тактическое ракетное вооружение»	3,6	3,03	19%
5 (29)	АО «Вертолеты России»	3,17	3,14	1%
6 (34)	АО «НПО «Высокоточные комплексы»	2,8	2,3	22%
7 (40)	АО «Объединенная двигателестроительная корпорация»	2,6	2,05	25%
8 (47)	АО «Росэлектроника»	2,1	1,9	13%
9 (52)	АО «Концерн «Радиоэлектронные технологии»	2,06	1,9	6,8%
10 (66)	АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» имени Ф. Э. Дзержинского»	1,3	2,01	(33%)

Американские корпорации лидируют в рейтинге производителей: в топ-100 вошли 42 американские компании, совокупный объем их продаж — \$226,6 млрд. (57% всех продаж топ-100). В первой тройке рейтинга — Lockheed Martin Corp (\$44,9 млрд.), Boeing (\$26,9 млрд.), Raytheon (\$23,9 млрд.).

5.10. Модернизация вооружения, военной и специальной техники, и новые промышленные разработки

Запрос на новую промышленность, технологии и ВВСТ — общий запрос правящих элит государств¹⁷⁵. В США он выражается в политике администрации Д. Трампа и его требованиях к ускорению развития военной промышленности¹⁷⁶. Как известно, в России ведется целенаправленная работа по достижению требуемых показателей оснащенности Вооруженных Сил современными образцами вооружения и военной техники: их доля в соответствии с указом президента к 2020 г. должна составить 70%. В рамках выполнения Государственной программы вооружения на 2011–2020 гг. оснащенность Вооруженных Сил России современным ВВСТ на 2018 год доведена до уровня 59,5%. Очевидно, что этот процесс будет продолжен, более того, ускорен¹⁷⁷.

Модернизация современных ВВСТ превратилась в долгосрочный научно-производственный процесс, занимающий для некоторых систем пять и даже шесть десятилетий. Так, стратегические бомбардировщики США и России модернизируются все последние четыре десятилетия, вертолет МИ-8 — прошел очередную модернизацию за пятьдесят лет и т.д. Это касается практически всех видов и систем оружия, которые поступали на вооружения в XX веке и поступают сегодня, — от стратегических вооружений до большинства систем сухопутных сил. По сути дела их жизненный цикл закладывается в настоящее время до 60-х и даже порой 80-х годов нашего века.

Сказанное означает, что параллельно сохраняются, развиваются и КБ, а также производственные мощности, которые в некоторых случаях резко увеличивают производительность труда. Так, на производстве современных систем вооружений Концерна ВКО «Алмаз-Антей» на модернизированном оборудовании завода в Нижнем Новгороде производительность труда выросла от 8 до 27 раз! По сути дела модернизированные системы (например, С-400) представляют собой качественно новые системы оружия, чья боевая эффективность выросла в 2,5–3 раза, расширив функциональное

применение и придав этой системе фактически качественно новые возможности.

Классическим примером длительного процесса модернизации стала модернизация основного боевого танка Т-72, созданного в начале 70-х годов в СССР, но прошедшего многочисленные модернизации, последняя из которых завершилась несколько лет назад. Боевая эффективность после модернизации выросла в итоге в несколько раз, а сам танк стал вполне конкурентоспособен по сравнению с новым поколением танков Т-14 «Армата», но значительно (в несколько раз) дешевле.

Таким образом, процессы модернизации ВВСТ вполне совместимы с процессами внедрения новых технологий, а в ряде случаев и стимулируют их развитие. Причем именно модернизация становится иногда мощным импульсом для развития промышленного производства. Ярким примером этого тезиса стала модернизация Брянского автомобильного завода (БАЗ), которая началась после приобретения этого завода у частных владельцев в 2016 году¹⁷⁸.

БАЗ в советские времена, как и все автомобилестроение в области тяжелых тягачей в СССР, было не просто качественным, но и опережало мировое автомобилестроение в этой отрасли, как минимум, на 10 лет. После приватизации и прекращения регулярных ГОЗ, завод постепенно оказался в стадии полного разрушения — были утилизированы коммуникации, крыши, входные двери и ворота и т.д.

Концерн ВКО «Алмаз-Антей» был вынужден выкупить разрушенный завод (по некоторой информации за остаточную стоимость в 50 000 рублей) потому, что закупки тягачей на Минском автомобильном заводе — фактическом монополисте — стали для концерна крайне не выгодны. В настоящее время процесс создания новых образцов техники возобновился, причем он проходит параллельно: восстанавливается инфраструктура (тепло, крыши, полы и т.п.), меняется оборудование и возобновлено производство. Иногда в одном громадном цехе треть полов восстанавливается, на другой трети идет монтаж оборудования, а другая треть производит самые современные тягачи, например, для новейшей системы уже нового, российского поколения ПРО-ПВО «С-500».

Иначе говоря, опыт восстановления промышленного производства и ОКР на БАЗ показывает, что процесс индустриализации может быть достаточно быстро организован на традиционных предприятиях ОПК, где сохранились определенные кадры, инфраструктура, а, главное, НЧК инженеров и рабочих¹⁷⁹. Успех во многом, даже в основном, по моему убеждению, зависит от мотивации и качества руководителей и подобранной ими команды основных управленцев, т.е. Опять же от НЧК управленческого аппарата. Основные успешные проекты модернизации Концерна ВКО «Алмаз-Антей» (Северо-Западный филиал, объединяющий несколько НИИ, КБ и заводов, Брянский автозавод, Нижегородский завод и ряд других) смогли обеспечить быстрое и эффективное развитие при незначительном участии государства за счет руководства концерна и заводов.

Этот вывод относится не только к выпускаемой номенклатуре военной продукции, но и гражданским видам продукции. Кстати, на БАЗ номенклатура тягачей для военных нужд (порядка 40 наименований) меньше, чем для гражданских, чей спектр практически не ограничен — от буровых установок до подъемных кранов и большегрузных автомобилей.

В 2018 году Минобороны России выполнило все мероприятия по гособоронзаказу, сообщил на годовой коллегии ведомства с участием президента Владимира Путина глава военного ведомства Сергей Шойгу. По его словам, по некоторым видам вооружения, таким как самолеты и вертолеты, ведомство выходит на плановые показатели. В связи с этим задачи, поставленные президентом РФ по диверсификации, становятся особенно актуальными. «Их реализация позволит предприятиям ОПК выпускать востребованную высокотехнологичную гражданскую продукцию»¹⁸⁰, — сказал министр обороны.

Рассмотрим основные направления закупок ВВСТ. Общее это то, что в целом оснащенность армии и флота современным вооружением достигла 61,5%. Ожидается, что к концу 2020 года этот показатель будет доведен до 70%, хотя по видам и родам войск пропорции будут, естественно, разные: их приоритетность определена в соответствии с военной доктриной России, где основной упор делается на РВСН, ВКО и мобильные соединения. Выступая на расширенной коллегии,

президент потребовал быстрее оснащать войска современным вооружением, способным к преодолению перспективных систем ПРО. «Задача, поставленная в 2017 году, по выходу стратегических ядерных сил на уровень современности 82% выполнена»¹⁸¹, — отметил в докладе Шойгу.

«Все виды и рода войск развивались сбалансированно, в соответствии с принятыми планами и новой Государственной программой вооружений оснащались современными образцами оружия и техники, — сказал на коллегии президент РФ. — Заметно укрепилась и ядерная триада, которая играет ключевую роль в сохранении глобального паритета».

Сухопутные войска

В 2018 году уровень современного вооружения был доведен до 48,3%. В частности, поступило 2200 новых и модернизированных образцов ВВСТ.

Важно отметить, какие именно виды и системы оружия были поставлены на вооружение в 2018 году. Среди поставок бронетанкового вооружения и техники — бронетранспортеры БТР-82А, танки Т-72Б3, боевые машины пехоты БМП-3 и БМП-2М. Войска начали получать новые танки с повышенной защитой Т-72Б3М. Так, 20 машин получила 20-я общевойсковая армия в Брянской области.

В апреле этого года было официально объявлено о принятии на вооружение боевых машин поддержки танков (БМПТ) «Терминатор». Сообщалось, что первая партия из десяти единиц поступила в Центральный военный округ, где на базе танковой дивизии пройдут войсковые испытания, и в 2019 году там же БМПТ будут впервые задействованы в учениях. Таким образом, речь идет фактически лишь о нескольких десятках модернизированных танках Т-72 Б3 и Т-72 Т3М и БМП-3.

Войска также получили более 380 единиц автомобильной и около 740 единиц специальной техники. Среди них — броневые автомобили «Тигр», бронированные «КамАЗы» «Мустанг». Впервые в подразделение спецназа в Сибири прибыли броневые автомобили «Тайфун-К». Партия арктических вездеходов поступила на вооружение отдельной мотострелковой бригады Северного флота.

Кроме того, Сухопутные подразделения получили более 230 единиц средств войсковой ПВО и примерно 370 единиц вооружения ракетных войск и артиллерии. Среди них — зенитные ракетные комплексы «Бук-М3» и «Тор-М2», самоходные противотанковые ракетные комплексы «Хризантема-С», артиллерийские установки «Нона-СВК», реактивные системы залпового огня «Горнадо-Г» (около 20 комплексов «Горнадо-Г» по состоянию на 2015 год) и «Горнадо-С» (глубоко модернизированная система «Смерч») с увеличенными характеристиками по дальности и точности стрельбы и расширенной номенклатурой реактивных снарядов повышенного могущества. Запас одной боевой машины реактивными снарядами калибра 300 мм, оснащенными кассетной головной частью с 72 кумулятивно-осколочными элементами, поражает площадь до 67,2 га. Дальность ведения огня до 120 км, в перспективе с возможностью увеличения до 200 км. Первая серийная партия арктического зенитно-ракетного комплекса «Тор-М2ДТ» была передана Минобороны РФ.

С началом года были созданы два дивизиона большой мощности, а именно — крупнокалиберные минометы и орудия, которые стали модернизацией советских образцов: дивизион самоходных минометов 2С4 «Тюльпан» (40 единиц на службе и 390 единиц на хранении, по состоянию на 2018 год) в Оренбургской области и дивизион самоходных пушек 2С7М «Малка» («Пион», 60 2С7М и 260 2С7 на хранении, по состоянию на 2018 год) в Кемеровской области. Также проведено перевооружение одной артиллерийской бригады на модернизированные самоходные гаубицы 2С19М2 «Мста-С» (450 единиц 2С19, из них 108 единиц в модификации 2С19М2 и 150 единиц на хранении, по состоянию на 2018 год, а также в Морской пехоте России — 18 единиц 2С19 по состоянию на 2017 год). Таким образом, можно констатировать достаточно большое количество крупнокалиберных минометов и орудий, находящихся на хранении, численность которых, однако, на мой взгляд, не соответствует потребностям даже крупномасштабного конфликта. Речь может идти о дополнительном формировании в соотношении 1 к 5–6 бригад ствольной артиллерии большой мощности.

Летом 2018 года сообщалось о поставке до конца года в 448-ю ракетную бригаду в Курске оперативно-тактических комплексов «Искандер-М». Эта часть осталась единственной в войсках, на вооружении кото-

рой стоят комплексы предыдущего поколения «Точка-У», т.е. произошла замена устаревших вооружений на более эффективные.

Войска радиационной, химической и биологической защиты пополнялись тяжелыми огнеметными системами ТОС-1А «Солнцепек», также военные специалисты Западного военного округа получили машину специальной обработки УТМ-80М.

На опытно-боевое дежурство заступили лазерные комплексы «Пересвет», оснащение которыми началось с 2017 года.

В приоритетном порядке совершенствовалась автоматизированная система управления Вооруженными силами. Подразделения оснащались и новыми подвижными разведывательными пунктами ПРП-4А «Аргус», предназначенными для ведения разведки и управления огнем артиллерии. Важные объекты и военный транспорт оснащались малогабаритными станциями радиоэлектронной борьбы (РЭБ) «Лесочек», поступили современные радиолокационные станции разведки огневых позиций минометов 1Л271 «Аистенок».

Активно войска получали и беспилотные летательные аппараты (БЛА), среди которых «Орлан-10», «Элерон-3» и «Тахион». Их число в Вооруженных силах превысило 2100 единиц. Отдельное подразделение беспилотной авиации сформировано в мотострелковом соединении в Туве. Однако, современные БЛА ударного назначения в войска не поступали, хотя именно эти системы оружия доказали свою эффективность в Сирии.

В начале года стало известно, что Минобороны приняло на вооружение автоматы АК-12 (для Сухопутных войск, морской пехоты ВМФ и ВДВ) и АК-15 (для спецназа). Сообщалось, что первую партию военные получат до конца года.

Таким образом, в Сухопутные войска РФ в 2018 году стали поступать относительно мелкие серии ВВСТ — дивизионами, иногда бригадами, что можно назвать **началом массового перевооружения**.

Воздушно-космические силы (ВКС)

Доля современного вооружения доведена до планового показателя этого года — 74%¹⁸². Поставлено 126 современных самолетов и вертолетов, девять космических аппаратов, 120 единиц техники ПВО.

Безусловно, новинкой этого года стали истребители поколения «4++» МиГ-35, которые начали осваивать экипажи Государственного летно-испытательного центра Минобороны РФ в Ахтубинске. Контракт на поставку первой партии в количестве шести машин был подписан на форуме «Армия–2018».

В начале декабря Минобороны получило партию самолетов Су-35С, в том числе сотый выпущенный истребитель. Активно авиационные части пополнялись фронтовыми бомбардировщиками Су-34, многоцелевыми истребителями Су-30СМ и Су-27СМ3, штурмовиками Су-25СМ3 и дальними перехватчиками МиГ-31БМ.

На опытно-боевом дежурстве находятся высокоточные гиперзвуковые авиационные ракетные комплексы «Кинжал». Ими выполнено 89 полетов на патрулирование акваторий Черного и Каспийского морей. Был передан и очередной серийный модернизированный самолет дальнего радиолокационного обнаружения А-50У, имеющий улучшенные характеристики радиотехнического комплекса. Десять учебно-боевых самолетов Як-130 поступили на вооружение эскадрильи учебной авиабазы Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков им. Серова.

Авиационные стратегические ядерные силы пополнились модернизированными самолетами — одним Ту-160 и четырьмя Ту-95МС. «В ноябре стратегическим ракетоносцем Ту-160 после проведенной модернизации успешно выполнен пуск двенадцати крылатых ракет воздушного базирования Х-101 по полигону Пембой, расположенному за полярным кругом», — сказал на годовой коллегии ведомства министр обороны РФ Сергей Шойгу. Кроме того, после выполнения ремонта дальняя авиация получила очередной ракетоносец-бомбардировщик Ту-22М3, а военно-транспортная в Иванове — несколько новых транспортных самолетов Ил-76МД-90А. Также после модернизации был передан первый серийный транспортный самолет Ил-76МД-М.

Армейская авиация ВКС пополнялась вертолетами Ка-52 «Аллигатор», Ми-8АМТШ/МТПР/МТВ-5-1 и Ми-24П «Крокодил».

Что касается техники ПВО, то традиционно войска вооружались зенитными ракетно-пушечными комплексами «Панцирь-С1» и зенитно-ракетными системами (ЗРС) С-400 «Триумф». ЗРС заступили на дежурство в Хабаровском крае, Поволжье, Крыму и Калининградской области, а так-

же прикрыли западные границы страны в Ленинградской области. Сообщалось о принятии на вооружение для С-400 дальнобойной зенитной управляемой ракеты 40Н6, дальность поражения которой — до 380 км.

Модернизированные радиолокационные станции (РАС) средних («Гамма-С1М») и больших («Небо-УМ») высот заступили на боевое дежурство в Самарской, Воронежской и Новосибирской областях. Также в числе поступивших РАС — «Небо-У», «Каста-2-2», «Подлет-К1», «ВВО» и П-18Р (на Камчатке). Радиотехнические войска ЦВО получили по гособоронзаказу семь комплексов средств автоматизации «Фундамент».

Военно-морской флот (ВМФ)

Оснащенность превысила плановые показатели и составила 62,3%. Принято 14 кораблей и боевых катеров, 11 судов обеспечения.

Более 50% техники в составе сил Северного флота — современные образцы. В начале года прибыло первое судно, предназначенное для комплексных действий в Арктике, — ледокол проекта 21180 «Илья Муромец». В апреле состав флота пополнило судно тылового обеспечения проекта 23120 «Эльбрус». Летом в боевой состав ВМФ был включен «Адмирал Горшков» — головной фрегат проекта 22350 с управляемым ракетным оружием (крылатыми ракетами «Оникс» и «Калибр», зенитным ракетным комплексом «Полимент-Редут»). Таких мощных кораблей дальней морской зоны у нас будет четыре.

В июне был поднят Андреевский флаг на первом большом десантном корабле (проект 11711), спроектированном и построенном в новейшей истории России, — «Иван Грен».

В состав Черноморского флота вошли малые ракетные корабли проекта 21631 («Буян-М») «Орехово-Зуево» и «Вышний Волочек», разведывательный корабль (судно связи) проекта 18280 «Иван Хурс». В начале лета сообщалось о завершении испытаний рейдового буксира «БУК-2190» проекта 04690 «Волчок».

Состав Балтийского флота пополнили:

- головной малый ракетный корабль проекта 22800 (шифр «Каракурт») «Мытищи», оснащенный комплексом «Калибр»;
- патрульный катер «Раптор»;
- катер связи проекта 1388НЗ «Баклан» «КСВ-2168».

Еще один «Раптор» вошел в состав Каспийской флотилии. Кстати, первый боевой десантный катер появился у отдельной инженерной бригады в Башкирии.

Подразделения ВМФ пополнились четырьмя береговыми ракетными комплексами «Бал» и «Бастион».

Тихоокеанский флот (ТОФ) пополнился новым рейдовым буксиром «РБ-2186». Кроме того, сообщалось, что до конца года в состав спасательных сил войдут три катера проектов 23040 (гидрографический) и 23370М. С этого года в составе флота будет и корвет проекта 20380 «Громкий».

В июле Минобороны сообщало, что в первом полугодии ВМФ получил 49 крылатых ракет оперативно-тактического назначения «Калибр» и четыре противокорабельные ракеты. Также в октябре в состав флота вошло опытовое судно проекта 11982 «Ладога», предназначенное для проведения испытаний специальных технических средств и участия в поисково-спасательных работах.

Кроме того, в составе ВМФ будет и первый новейший патрульный корабль проекта 22160 «Василий Быков», способный выполнять задачи по противодействию угрозам безопасности страны в дальней морской зоне, в том числе в пиратоопасных районах Мирового океана.

Обновлялась и морская авиация флота. Так, в ноябре был передан отремонтированный дальний противолодочный самолет Ту-142МК, в июне — многоцелевые истребители Су-30СМ. Модернизированные вертолеты Ка-27М для поиска и обнаружения подлодок получили Балтфлот и ТОФ. Всего до 2020 года авиация ВМФ получит около 50 таких машин. Авиабазы в Приморье и на Камчатке приняли в свой состав обновленные корабельные вертолеты Ка-29.

Только в этом году в рамках программы перевооружения на современные образцы техники более 100 БТР-82А получили подразделения морской пехоты Каспийской флотилии. Сообщалось, что полностью укомплектованы этими бронемашинами соединения ТОФ в Приморье и на Камчатке.

Воздушно-десантные войска (ВДВ)

Доля современных образцов — 63,7%¹⁸³.

Поставлено более 300 основных образцов вооружения, военной

и специальной техники и свыше 11 тысяч комплектов средств десантирования личного состава, вооружения и грузов. В войска поступали танки Т-72БЗ, БМД-4М, БТР-РА и гаубицы Д-30. Так, Псковское соединение ВДВ в феврале получило батальонный комплект новейшей бронетехники — боевые машины десанта БМД-4М и гусеничные бронетранспортеры БТР-МДМ «Ракушка».

98-ю дивизию ВДВ вооружили новыми модулями планирования, разведки и управления. Как отмечалось, эта техника позволяет полностью автоматизировать систему управления огнем — от начальника ПВО соединения до стрелка-зенитчика.

Ивановская дивизия получила первый дивизионный комплект новой автоматизированной системы управления ПВО «Барнаул-Т», который создан на гусеничной базе БТР-МДМ «Ракушка» и может десантироваться парашютным способом на системе «Бахча-УПДС» из самолетов военно-транспортной авиации. Кстати, летом сообщалось о завершении успешных государственных испытаний «Бахчи» и ее серийных поставках в войска до конца года (31 комплект).

Также десантники получили в распоряжение соединений более 30 модернизированных минометных комплексов калибра 120 мм 2С12А «Сани» и 82 мм 2Б25 «Галл».

Ракетные войска стратегического назначения (РВСН)

В этом году продолжалось перевооружение на стратегические комплексы «Ярс» (является модификацией ракеты комплекса «Тополь-М») мобильного базирования в Иркутском и Йошкар-Олинском ракетных соединениях. Полностью им уже укомплектованы Тагильское и Новосибирское ракетные соединения.

Козельское ракетное соединение (дислоцируется в Калужской области) стало первым в РВСН, где в 2018-м началось переоснащение на «Ярсы» шахтного базирования. В декабре первый полк заступил на боевое дежурство. С 1982 года по настоящее время на вооружении этого соединения стоят ракеты УР-100НУ.

Также в части стратегических войск поступают роботизированные комплексы и беспилотники, новые средства связи, инженерная техника, средства радиоэлектронной борьбы.

По данным газеты «Красная звезда», РВСН получили девять межконтинентальных баллистических ракет, девять автономных пусковых установок, четыре подвижных командных пункта, 17 машин и шесть агрегатов обеспечения боевого дежурства. Так, помимо «Ярсов», в подразделения Тагильской дивизии поступили: машина дистанционного разминирования «Листва», машина инженерного обеспечения и маскировки, боевая противодиверсионная машина «Гайфун-М» и авторазливочная станция АРС-14КМ.

Также сообщалось, что на вооружение будут приняты отечественные высококомобильные модульные шасси, созданные в рамках опытно-конструкторской работы «Платформа-О», в том числе для комплексов «Тополь-М» и «Ярс». Возможности этого тягача были продемонстрированы на выставке «Армия-2018». В настоящее время используются белорусские многоосные шасси¹⁸⁴.

Инженерные войска

Для войск разработано и принято на вооружение 13 современных образцов, более 570 единиц техники и более 15 тысяч боеприпасов.

В ноябре поставлены первые шесть новейших бронированных машин разминирования БМР-3МА и инженерные машины разграждения ИМР-3М. Техника создана на базе танка Т-90А. В рамках реализации госконтракта, который был подписан в 2016 году, было передано 13 единиц ИМР-3М, две из них — в отдельную бригаду в Башкортостане. Кроме того, на снабжение принят многоцелевой механизированный комплект оперативного развертывания временных дорог.

Партию новой спецтехники в начале года получило соединение в Хабаровском крае. Так, военные инженеры приступили к эксплуатации комплекта тяжелого механизированного моста ТММ-3М2 (на шасси автомобиля «КамАЗ») и БМР-3МА. Подобная техника помогает, в том числе, ликвидировать последствия разгула стихии на Дальнем Востоке, например в случае паводка.

Активно шли поставки в войска Восточного и Центрального военных округов робототехнического комплекса разминирования «Уран-6», успешно прошедшего апробацию в Сирии. 9 мая его впервые показали на параде Победы в Москве.

Саперы Западного и Центрального военных округов получили нового робота-сапера «Кобра-1600», предназначенного для дистанционного обезвреживания взрывных устройств. В инженерные подразделения Дальнего Востока поступила партия неконтактных миноискателей «Коршун».

Военные инженеры в Смоленской и Воронежской областях получили возимые установки разминирования УР-83П, установленные на автомобиле КамАЗ-5350.

В июле Минобороны сообщало о планах принять на вооружение кран-манипулятор военного назначения КМВ-10К для механизации погрузочно-разгрузочных и монтажных работ с опасными грузами. Также говорилось о проведении государственных испытаний с последующим принятием на снабжение новой бурильно-ударной машины БУМ-2.

Оснащение военных баз

Дислоцированная в Таджикистане 201-я военная база — крупнейший военный объект России за ее пределами — в этом году получила различную новейшую технику РЭБ.

Так, подразделения впервые вооружились комплексами «Силок» (для борьбы с беспилотными летательными аппаратами) и «Борисоглебск-2» (для подавления систем подвижной спутниковой связи и радионавигационных систем, обнаружения, определения местоположения и подавления радиосетей). Кроме того, были поставлены радиолокационные станции «Гармонь» системы противовоздушной обороны.

Также сообщалось о поставках на базу в этом году пяти БМП-2М (модификация с боевым модулем «Бережок», повышающим боевые возможности машины в четыре раза), которые в соответствии с планом гособоронзаказа придут на смену устаревшим образцам имеющейся техники.

Другой российский объект за рубежом — 102-ю авиационную базу в Армении — пополнили два легких фронтовых истребителя МиГ-29. В августе сообщалось о поставках до конца года модернизированных штурмовиков Су-25СМ на авиабазу Кант в Киргизии.

Доля новейших образцов вооружения и техники на военной базе в Абхазии достигла 70%. Военнослужащие получили около десяти новейших портативных радиолокационных станций «Соболятник», являющихся многофункциональными средствами артиллерийской разведки и способных обнаруживать малогабаритные объекты на расстоянии десятков километров.

5.11. Диверсификация экономики: роль оборонно-промышленного комплекса

Для того чтобы добиться успеха, человек
должен быть не только стратегом,
но одновременно и вождем, и философом¹⁸⁵

*Бэзил Лиллел Гарт,
военный теоретик*

Проблема диверсификации экономики¹⁸⁶ и ее отдельная, достаточно автономная, часть — конверсия ОПК — давние проблемы СССР и России. Эта проблема — стратегии, политики и идеологии, — качества всей экономики и социально-экономической системы страны, которая, однако, в российской правящей элите рассматривалась все последние годы только как некая финансово-бухгалтерская проблема. Другими словами, в конечном счете, это проблема качества управления и качества элиты, которую вполне устраивала сырьевая ориентация экономики, возможность быстрой капитализации политического влияния и экономических активов в финансовые вложения за рубежом.

Собственно промышленность и предприятия в России долгие годы никого не интересовали именно потому, что получить от них прибыль было достаточно сложно. За исключением некоторых гигантов, таких как Аэрофлот или Автоваз, где прибыль может быть в любом случае отделена от результатов экономической деятельности.

Среди российских экспертов нет единого мнения касательно того, что здесь нужно делать, тем более что инструменты и мероприятия,

успешные в одной стране, приводят к провалам в другом государстве. Применительно к России имеет исключительно важное значение, учитывая ее ресурсную ориентацию. Называется ряд стратегий, теоретически способных обеспечить диверсификацию рентно-сырьевой экономики и устранение перекосов, вызванных фактически частным присвоением природной ренты: прямые инвестиции в избранные несырьевые отрасли; инвестиции в инфраструктуру и сферу образования в интересах развития всех несырьевых отраслей; развитие финансовой системы, как посредника по привлечению средств, вырученных от реализации сырьевых продуктов, в несырьевые отрасли экономики.

В России эта проблема решается крайне медленно в силу того, что принимаемые управленческие решения в принципе не ориентированы на ее решение. По мнению правящей финансово-экономической элиты, промышленная отсталость России не дает ей в принципе возможности создание конкурентоспособной промышленности. В силу этого, допускаются к реализации только отдельные программы и проекты. К перечню таких программ можно отнести военно-промышленные программы, которые в условиях санкций могут реализовываться только собственными силами, либо с минимальным участием зарубежных поставщиков. В целом это влияет как на структуру экономики в пользу увеличения доли промышленного производства, так и на структуру экспорта страны, где экспорт ВВСТ относится к категории «машины и оборудование» (собственно фактически и занимая его большую часть).

К сожалению, подобная политика не может называться стратегией диверсификации экономики, как это сделано в Китае, где еще в 2006 г. Госсовет КНР опубликовал «Государственный средне- и долгосрочный план развития науки и технологий», рассчитанный на период до 2020 г. В нем в числе приоритетных технологий указываются умные сенсоры, умные роботы и технологии дополненной реальности. В 2015 г. была выпущена программа «Сделано в Китае–2025». Она включает в себя фонд в 300 млрд. долл. на развитие высоких технологий и промышленного производства.

Эта программа предполагает интенсификацию работы в области НИОКР, новых материалов, искусственного интеллекта, создания телекоммуникационных сетей пятого поколения, производства роботов.

В 2016 г. были опубликованы «Руководящие мнения Госсовета КНР по активному внедрению инициативы Интернет+». В этом документе искусственный интеллект, наряду с технологиями Big Data, блокчейн, машинного обучения, рассматривается в качестве приоритетной области применения государственной стратегии, направленной на ускорение использования информационных и коммуникационных технологий для развития умной промышленности.

Однако сейчас Китай попадает в ловушку среднего дохода. Уровень жизни населения вырос, поэтому основное конкурентное преимущество страны — дешевая рабочая сила — уже сходит на нет. Исходя из этого, единственный выход в данной ситуации — конкурировать с развитыми экономиками, с их квалифицированными кадрами и инновациями. Для этого стране нужно сделать технологический рывок. Таким рывком должно быть как раз развитие искусственного интеллекта.

В июне 2017 г. Госсовет КНР выпустил «Программу развития искусственного интеллекта нового поколения», в которой сказано, что искусственный интеллект стал новой сферой международной конкуренции. Это стратегическая технология, которая будет определять будущее развитие, международную конкурентоспособность страны, а также ее национальную безопасность и уровень влияния в мире. Таким образом, власти Китая надеются с помощью искусственного интеллекта не просто трансформировать свою модель экономического роста, но и расширить геополитическое влияние КНР, а также модернизировать армию и укрепить обороноспособность страны. Председатель КНР Си Цзиньпин не раз подчеркивал важность военно-гражданской интеграции, необходимость устранения барьеров между коммерческой экономикой и военной промышленной базой. Иными словами, искусственный интеллект рассматривается как отрасль двойного назначения. Развитие военного и гражданского применения этих технологий, видимо, предполагается осуществлять синхронно¹⁸⁷.

Китайская программа развития искусственного интеллекта нового поколения ставит три стратегические цели. Первая — к 2020 г. отрасль ИИ Китая должна идти в ногу с аналогичными отраслями в основных развитых странах. При этом фундаментальная отрасль ИИ аккумулирует 22,5 млрд. долл., а объем смежных отраслей превысит 150 млрд.

долл. Вторая цель — к 2025 г. Китаю необходимо достичь лидирующих позиций в некоторых областях ИИ, фундаментальная отрасль будет аккумулировать 60 млрд. долл., а смежные — 745 млрд. долл. Наконец, к 2030 г. Китай должен стать главным мировым центром инноваций в сфере ИИ, фундаментальная отрасль будет аккумулировать 150 млрд. долл., а смежные — 1,5 трлн. долл.¹⁸⁸

Развитие стран в XXI веке привело к взрывообразному росту численности и качества технологий, которые, в конечном счете, стали определять не только военную мощь, но и положение государств на планете, чему были посвящены ряд исследований, подготовленных в МИД и некоторых центрах (МГИМО и ЦНИИ № 46 МО)¹⁸⁹. В США очень внимательно относятся к проблемам занятости и развития ОПК, причем как на политическом¹⁹⁰, так, и на рабочем уровне¹⁹¹. В частности, в известном докладе президенту сообщалось, что новые технологии добавят порядка 500 млрд. долл. к ВВП страны и 5 миллионов рабочих мест¹⁹².

Относительно быстро развивается этот процесс в России, где срочно вынуждены заниматься подготовкой новых кадров и созданием производств двойного назначения, где в дополнение к выпуску военной продукции растет выпуск и гражданской продукции. На целом ряде предприятий ОПК в инициативном порядке выполняются проекты по созданию новых гражданских производств. Это вызвано как ограниченностью и мелкосерийностью ГОЗ, так и необходимостью загрузки мощностей выпуском продукции гражданского назначения. В частности, Концерн ВКО «Алмаз-Антей» реализует проект создания системы управления воздушным движением. Есть немало и других примеров.

В сегменте инновационной строительной и дорожной техники ОАО «Ковровский электромеханический завод» создает мощности для производства многофункционального экскаватора-погрузчика на колесном ходу.

В секторе оборудования для топливно-энергетического комплекса выполняются проекты по оснащению газовыми турбинами на базе авиационных двигателей газотранспортных систем (для привода газовых компрессоров) и энергоустановок (для привода электрогенераторов).

Предприятия ОПК представлены в гражданском сегменте электротехнической и кабельной промышленностями. Значительные перспективы сконцентрированы в области медицинской техники, это касается

широкого номенклатурного ряда, в том числе оборудования для клинико-диагностических исследований, технических средств реабилитации, расходных материалов¹⁹³.

В рамках программ в области космической деятельности госкорпорацией «Роскосмос» реализуются мероприятия, предусматривающие импортозамещение на электронную компонентную базу (ЭКБ) отечественного производства функциональных базовых модулей для решения задач телеметрических, командно-измерительных и навигационных комплексов, аппаратуры спутниковой навигации, аппаратуры межспутниковой связи, бортовых комплексов управления, высокоскоростных космических радиолиний связи, а также систем бортового электропитания и систем регистрации и документирования внешних воздействий для перспективных космических аппаратов и наземного комплекса управления.

Госкорпорацией «Росатом» также реализуется отраслевая программа импортозамещения. Ключевые направления 45-и проектов этой программы: электротехническое оборудование, металлообработка, оборудование для нефтегазовой и химической промышленности, малая энергетика, композитные материалы. Основными партнерами в этой программе выступают АО «НК «Роснефть», АО «Росгеология», ПАО «Транснефть».

В интересах повышения эффективности процессов диверсификации производства предприятий ОПК организована работа по формированию каталогов высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения, выпускаемой организациями ОПК, в том числе для эксплуатации в Арктическом регионе. Создается система распределенных центров компетенции в указанной сфере.

В качестве иллюстрации можно привести деятельность Концерна ВКО «Алмаз-Антей», продемонстрированную с 5 по 7 декабря 2018 года в Санкт-Петербурге (КВЦ «ЭКСПОФОРУМ») в рамках VIII Международного форума «Арктика: настоящее и будущее», где Концерн представил последние разработки в области развития Арктической территории России для реализации мероприятий Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

Так, АО «Брянский автомобильный завод» представил уникальные специальные колесные шасси и тягачи высокой проходимости. Продукция БАЗ хорошо известна в России и за рубежом, используется в широком климатическом диапазоне и комплектуется с учетом индивидуальных требований заказчика. Производство продукции организовано по технологии двойного назначения: унифицированные узлы и агрегаты применяются в технике, как для обеспечения обороноспособности государства, так и экономического комплекса страны — в нефтегазовом секторе, в строительстве, для сложных транспортных операций, для пожарной, спасательной, аэродромной техники и другого. Кроме того, АО «БАЗ» представил доклад на тему «Презентация арктического вездехода БАЗ для МЧС»¹⁹⁴.

АО «Завод радиотехнического оборудования» продемонстрировал на Форуме «Арктика: настоящее и будущее» Цифровую радиорелейную станцию Р-416ГМ, предназначенную для эксплуатации в составе помехозащищенных радиорелейных линий прямой видимости. Радиорелейная станция позволяет организовать передачу цифровых потоков с динамическим выбором вида модуляции и кодирования передаваемого сигнала. Еще одной серией экспонатов предприятия стали 3 модели электрических шаберов, которые обеспечивают и ускоряют выполнение работ по шабрению (выравниванию) поверхностей. Шаберы обеспечивают механическую обработку изделий из стеклокристаллических материалов, СВЧ-керамики и ферромагнетических материалов при производстве. В рамках проведения Форума АО «ЗРТО» представил доклад «Создание телекоммуникационной структуры в Арктическом регионе РФ».

АО «НИИ измерительных приборов Новосибирский завод имени Коминтерна» представил прибор «НЕМФИС ПРО», работающий по методу электромагнитного индукционного многочастотного зондирования. Прибор предназначен для измерения кажущейся удельной электрической проводимости грунтов на частотах в диапазоне 2,5–250 кГц, в том числе при наличии электромагнитных помех. «НЕМФИС ПРО» применяется для изучения состава, строения и условий залегания грунта, горных пород. Позволяет обнаруживать под землей инженерные коммуникации и объекты без нарушения почвенного покрова. Основные области применения

«НЕМФИС ПРО»: археология, коммунальное хозяйство, земледелие, почвоведение, гидрогеология, строительство и эксплуатация.

АО НПО «Правдинский радиозавод» представил радиорелейное оборудование семейства «Радиус», предназначенное для организации одно- и многоинтервальных цифровых радиорелейных линий связи произвольной конфигурации с пропускной способностью от 2048 Кбит/с до 310 Мбит/с. (+ Ethernet) в диапазонах частот 7,25–7,55 ГГц, 7,9–8,4 ГГц, 14,4–15,35 ГГц. Данное оборудование может эксплуатироваться в различных климатических зонах: от +50 до –50 °С, в условиях повышенной влажности, в условиях пониженного атмосферного давления и т.д.

АО «ГПТП ГРАНИТ» представил Ремонтно-диагностический комплекс, предназначенный для выполнения диагностики неисправностей и ремонта сменных элементов радиоэлектронной аппаратуры вооружений и военной техники ПВО.

АО «Конструкторское бюро специального машиностроения» в рамках Форума представил Транспортно-упаковочный комплект ТУК-120 с металлобетонным контейнером. Это изделие спроектировано в Конструкторском бюро и предназначено для транспортировки и хранения отработавшего ядерного топлива атомного ледокольного флота. Еще один экспонат — Концептуальный проект железнодорожного крана СМ–2000 грузоподъемностью 200 тонн, предназначенного для выполнения широкого круга аварийно-восстановительных, погрузо-разгрузочных и строительно-монтажных работ на путях железных дорог колес 1520 мм. Кран способен работать в диапазоне температур — от –50 до +50 °С¹⁹⁵.

АО «Всероссийский научно-исследовательский институт радиоаппаратуры» ознакомил гостей и участников Форума с Автоматизированным комплексом технических средств «СИНТЕЗ-МДП» для мобильных командно-диспетчерских пунктов. Комплекс обеспечивает полетно-информационное обслуживание, управление воздушным движением в условиях полного или частичного отсутствия радиолокационного наблюдения, контроль за безопасностью выполнения полетов и т.д.

Одним из самых интересных экспонатов на объединенном стенде Концерна стал тренажерно-моделирующий комплекс средств руководства полетами, разработанный Всероссийским научно-исследователь-

ским институтом радиоаппаратуры. Основными функциями тренажера являются имитация обстановки, максимально приближенной к реальным условиям деятельности руководителя полетов на ледовом аэродроме или на авианесущем корабле одиночного базирования, а также моделирование нештатных ситуаций, в том числе отработка которых не осуществляется на реальной технике по условиям обеспечения безопасности полетов.

В деловой части программы Форума, представители предприятий, участвующих в выставочной экспозиции Концерна, а также представители АО «Ульяновский механический завод», «НПО «Алмаз» и НИИЦ АТиМ СЗРЦ Концерна ВКО «Алмаз-Антей» выступили с тематическими докладами по развитию Арктического региона Российской Федерации. Сегодня вопрос освоения и развития северных территорий страны является стратегически важным, и в АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей» уделяет этому направлению особое внимание.

«Не секрет, что многие технологии, первоначально создаваемые для военных целей, впоследствии находят широкое применение в гражданских отраслях промышленности, — отметил заместитель генерального директора, руководитель рабочей группы по Арктике АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей» Михаил Подвязников. — Концерн, как одно из передовых предприятий оборонно-промышленного комплекса России, сегодня располагает хорошим научно-техническим потенциалом, который без сомнения будет востребован для развития северных территорий нашей страны»¹⁹⁶.

Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» — это ключевое общественное мероприятие, посвященное развитию арктического региона и обсуждению актуальных вопросов, связанных с развитием и освоением Арктической территории. Данный Форум традиционно способствует достижению национальных интересов России в Арктике, развивая взаимодействие гражданского общества и бизнеса с органами власти. Все предложения и инициативы, обсуждаемые во время Форума, ежегодно включаются в «Итоговую общественную резолюцию» и направляются в Государственную комиссию по вопросам развития Арктики, профильным министерствам и ведомствам, и другим заинтересованным органам.

- 1 *Бэзил Лиддл Гарт*. Стратегия не прямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 467.
- 2 См., например: Подберезкин А.И. Современная военная политика России: учебное пособие в 2-х тт. — Т. 2. — М.: МГИМО, 2017.
- 3 Автор в том числе не раз повторял этот тезис. См., например: *Бурсов А.В., Подберезкин А.И.* Лоббисты катастрофы. — М.: Московский рабочий, 1987 г.
- 4 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.
- 5 *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. — Дубна: Феникс+, 2006. — С. 392.
- 6 Эл. ресурс: «Росбизнесконсалтинг», 2018, 4 декабря / https://www.rbc.ru/society/04/12/2018/5c063af29a79470b03964793utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
- 7 *Мануков С.* 4-я промышленная революция в Давосе / Эл. ресурс: «Эксперт online».07.11.2018/<http://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revolyutsiya/>
- 8 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump . September 2018.
- 9 *Mattis J.* Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, Jan., 18.
- 10 President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-orcer-assesing-strangthening-manufacturing-defens-industrial-base-supply-chane-resiliency-united-states>.
- 11 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump. September 2018. — P. 2.
- 12 National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- 13 **ВВСТ** — общепринятая в специальной литературе аббревиатура, раскрываемая как вооружения и военная (специальная) техника.
- 14 **ОПК** — зд.: Организации, конструкторские бюро (КБ), научно-исследовательские институты (НИИ) и промышленные предприятия, объединенные в целях разработки, производства, испытания, модернизации и обслуживания вооружений и военной техники (ВВСТ).
- 15 National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.
- 16 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump. September 2018 / <https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING->

- 17 **Технологии БЛА** — технология создания, управления и использования беспилотных летательных аппаратов всех типов
- 18 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. — P. 20 / <https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING->
- 19 **Procurement** — отдельные статьи бюджета США на закупки ВВСТ
- 20 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. — P. 35 / <https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING->
- 21 Подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- 22 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- 23 *Моррис Ян.* Война! Для чего она нужна?: Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов / пер с англ. Т.О. Новиковой. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 11.
- 24 См. подробнее раздел, посвященный военной политике СССР. В кн.: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебное пособие в 2-х тт. — Т. 2. — М.: МГИМО, 2017.
- 25 См. книгу, на основе которой был подготовлен доклад СВ РФ Президенту России: М.А. Мунтян, А.И. Подберезкин., С. П. Стреляев. Приватизация и приватизаторы. — М.: Евразия+, 2005. — 308 с.
- 26 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: Издательство АСТ, 2016. — С. 510.
- 27 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: в 2-х томах. —Т. 2. 2017.
- 28 *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- 29 Секреты оборонной бухгалтерии // Коммерсант, № 221 от 30 ноября 2018 г.
- 30 Будущее России в глобальной экономике / под общ. ред. И.Ю. Юргенса. — М.: Экон-информ. — С. 185.
- 31 *Мержецкий С.* Санкции против России российского правительства / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 18.11.2018 / www.topcor.ru/ 18.11.2018
- 32 *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- 33 *Мержецкий С.* Санкции против России российского правительства / Эл. ресурс:

«Военное обозрение», 18.11.2018 / www.topcor.ru / 18.11.2018

³⁴ Об этом я писал с 2015 года. См.: *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 325 с.

³⁵ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

³⁶ The National Military Strategy of the United States of America. — Wash.: GPO, 2015. June. — P. 4.

³⁷ *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.

³⁸ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.

³⁹ *Од Флоран.* Важнейшие события в военной промышленности в 2015 г. — Ежегодник СИПРИ, 2017. — М.: ИМЭМО, 2017.

⁴⁰ *Rosenberg, M. and Shear, M.D.*, 'In reversal, Obama says U. S. soldiers will stay in Afghanistan to 2017', New York Times, 15 Oct. 2015.

⁴¹ www.sipri.org/research/armaments/production/recent-trends-in-arms-industry

⁴² President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-orcer-assesing-strangthening-manufacturing-defens-industrial-base-supply-chane-resiliency-united-states>.

⁴³ Making it in America: Revitalizing US manufacturing / McKinsey / Digital McKinsey; McKinsey Global Institute analysis / <https://www.mckinsey.com/featured-insights/americas/making-it-in-america-revitalizing-us-manufacturing>

⁴⁴ Making it in America: Revitalizing US manufacturing / McKinsey / Digital McKinsey; McKinsey Global Institute analysis / <https://www.mckinsey.com/featured-insights/americas/making-it-in-america-revitalizing-us-manufacturing>

⁴⁵ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

⁴⁶ National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

⁴⁷ *Леонтьев С.К., Губинский А.М.* Технологическое прогнозирование и планирование. Российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. / Теоретические основы метода критических технологий комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 89.

⁴⁸ *Леонтьев С.К., Губинский А.М.* Технологическое прогнозирование и планирование. Российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. / Теоретические основы метода критических технологий комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 90–91.

⁴⁹ Эти изменения находят свое отражение прежде всего в таких нормативных

документах, как «Военная доктрина Российской Федерации». См.: Путин В.В. Указ Президента России № 815 от 26 декабря 2014 года «О признании утратившим силу Указа Президента РФ от 5 февраля 2010 года №146 «О военной доктрине России».

⁵⁰ National Security Strategy of the United States. December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

⁵¹ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁵² Эскалация ВПО в направлении обострения неизбежно требует не только возвышения прежних возможностей, но и их существенного увеличения, что стало ясно еще при администрации Б. Обамы. См.: The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash., 2015, June. — P. 3.

⁵³ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберезкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 34–43.

⁵⁴ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 39–81.

⁵⁵ National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

⁵⁶ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

⁵⁷ Об этом также говорится, например, во всех основных документах администраций Б.Обамы и Д.Трампа. См., например: Mattis J. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, Jan., 18. — P. 2.

⁵⁸ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-orcer-assesing-stranghtening-manufacturing-defens-industrial-base-supply-chane-resiliency-united-states>.

⁵⁹ Цит. по: Тренды развития крупнейших экономик мира, № 3 (57) за 2018 г. / ЦМАКП, 27.09.2018 / World_trends_june_2018.pdf

⁶⁰ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁶¹ См., например, Бурцев А.В., Подберезкин А.И. Лоббисты катастрофы. — М.: Московский рабочий, 1987.

⁶² President's Budget 2012, 2017, 2019; Congressional Research Service «The Budget Control Act and the Defense Budget»; Restoring American Power; Bipartisan Budget Act of 2018. — С. 53 / <providing-for-the-common-defense.pdf>

⁶³ **НЧК** — зд.: совокупность демографических, интеллектуальных, духовных, организационных и творческих возможностей нации, используемых в целях раз-

вития. Подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011. — Т. 1.

⁶⁴ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 3-х тт. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг.

⁶⁵ Раздел «Актуальные задачи». Официальный сайт Минпромторга РФ / <http://minpromtorg.gov.ru/activities/industry/oboronprom>. Дата обращения: 3.11.2018.

⁶⁶ Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump . September 2018. — P. 2

⁶⁷ National Security Strategy of the United States, December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

⁶⁸ См. подробнее: *Васина Т.* ВПК СССР. — М.: Центрполиграф, 2018. — 351 с.

⁶⁹ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁷⁰ Россия перед выбором / под ред. Подберёзкина А.И., Зюганова Г.А. — М.: ИА «Обозреватель», 1995. — С. 7.

⁷¹ См.: *Мунтян М.А., Подберезкин А.И., Стреляев С.П.* Приватизация и приватизаторы (Теория и практика российской приватизации). — М.: Воскресенье, 2005. — 295 с.

⁷² в те годы некоторая часть экспертов настойчиво пыталась привлечь внимание власти и общественности к проблеме восстановления суверенитета России. В частности, мною и рядом авторов были подготовлены работы по этой теме. См., например: Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). — М.: ИА «Обозреватель», 1994. — 503 с.

⁷³ в первой половине и середине 90-х годов мною и коллегами были опубликованы работы, ориентированные на восстановление трезвых представлений о национальной безопасности и необходимости развития ВС и ОПК страны. См., например: Российская Федерация: безопасность и военное сотрудничество /А.И. Подберезкин и др. — М.: ИА «Обозреватель», 1995. — 396 (VI) с.

⁷⁴ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁷⁵ http://litcey.ru/pars_docs/refs/44/43088/43088_html_m7d567f25.jpg

⁷⁶ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁷⁷ *Тимохин А.* Флот без кораблей. ВМФ России на грани коллапса / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2018, 3 ноября / <http://topwar.ru/242232>

- ⁷⁸ Тимохин А. Флот без кораблей. ВМФ России на грани коллапса / Эл. ресурс: «Военное обозрение», 2018, 3 ноября / <http://topwar.ru/242232>
- ⁷⁹ Кузык Б.Н. Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) / Эл. ресурс: <https://bigenc.ru/text/5045275>
- ⁸⁰ Russia and NATO: How to overcome deterrence instability? / Euro-Atlantic Security Report. – 2018, April. – P. II.
- ⁸¹ По официальным данным Минпромторга, в сводный реестр 2014 года входило 1339 предприятий ОПК, из которых более 70% находились собственно в сфере деятельности министерства, а общая численность занятых составляла 2 млн. человек, из которых собственно в оборонных отраслях было занято 1,3 млн. Более поздних и точных данных статистика министерства и Росстата не дает (См.: Официальный сайт Минпромторга РФ / <http://minpromtorg.gov.ru/activities/industry/oboronprom>. Дата обращения: 3.11.2018).
- ⁸² Раздел «Актуальные задачи». Официальный сайт Минпромторга РФ / <http://minpromtorg.gov.ru/activities/industry/oboronprom>. Дата обращения: 3.11.2018).
- ⁸³ Подробнее смотрите на сайте Центра военно-политических исследований МГИМО МИД РФ / www.eurasian-defence.ru
- ⁸⁴ Казаков П.И., Золотарева В.П. Оборонно-промышленный комплекс России в современных условиях / Экономические науки: сб. ст. по мат. XII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12 / URL: <https://sibac.info/studconf/econom/xii/34125>
- ⁸⁵ Казаков П.И., Золотарева В.П. Оборонно-промышленный комплекс России в современных условиях / Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12 / URL: <https://sibac.info/studconf/econom/xii/34125>
- ⁸⁶ Казаков П.И., Золотарева В.П. Оборонно-промышленный комплекс России в современных условиях / Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12 / URL: <https://sibac.info/studconf/econom/xii/34125>
- ⁸⁷ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- ⁸⁸ Подробнее: Подберезкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. –Т. 2. — С. 84–130.
- ⁸⁹ Национальная оборона / Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 годах / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml>
- ⁹⁰ Национальная оборона / Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml>
- ⁹¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-поли-

тические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

⁹² Национальная оборона / Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml>

⁹³ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁹⁴ Национальная оборона / Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml>

⁹⁵ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁹⁶ Национальная оборона / Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml>

⁹⁷ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

⁹⁸ Национальная оборона / Оборонно-промышленный комплекс России в 2012–2015 гг. / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2017/1226/104123038/detail.shtml>

⁹⁹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁰⁰ National Security Strategy of the United States, December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁰¹ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁰² *Леонтьев С.К., Губинский А.М.* Технологическое прогнозирование и планирование: российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 9.

¹⁰³ National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

¹⁰⁴ *Mattis J.* Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, Jan., 18. — P. 2.

¹⁰⁵ Тринадцать тезисов об экономике: октябрь восемнадцатого / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Выпуск 5. 19.07.2018 / oct2018.pdf

- ¹⁰⁶ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.
- ¹⁰⁷ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- ¹⁰⁸ International Institute for Strategic Studies (IISS) Military Balance, 2002, 2012, 2018 Bulletin of Atomic Scientists, Nuclear Notebook / Naval vessels include submarines and combat logistics force ships, but exclude small patrol and landing craft. Fighter aircraft exclude “attack aircraft,” but include “fighter, ground attack” aircraft, as classified by IISS) / providing-for-the-common-defense.pdf
- ¹⁰⁹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.
- ¹¹⁰ *Богданов К.* Бюджет роста: США потратят свыше 700 миллиардов на оборону / Национальная оборона, 2018. — № 8 (149). — С. 8.
- ¹¹¹ *Леонтьев С.К., Губинский А.М.* Технологическое прогнозирование и планирование. Российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. / Теоретические основы метода критических технологий комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 104.
- ¹¹² *Леонтьев С.К., Губинский А.М.* Технологическое прогнозирование и планирование. Российский и зарубежный опыт, перспективы для отечественного оборонно-промышленного комплекса. / Теоретические основы метода критических технологий комплекса. — М.: МГУ, 2014. — С. 105–106.
- ¹¹³ Раздел «Актуальные задачи». Официальный сайт Минпромторга РФ / <http://minpromtorg.gov.ru/activities/industry/oboronprom>. Дата обращения: 3.11.2018.
- ¹¹⁴ Providing for the Common Defense /The Assessment and Recommendations of the National Defense Strategy Commission / PB12Table 32-1, PB19 Table 26-1, FY19 Green Book Table 2-1, 2018 Appropriations / Note: this does not include general provisions from the 2018 omnibus, which reflect a further 1,78 billion in reductions / 3346722.pdf
- ¹¹⁵ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.
- ¹¹⁶ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.
- ¹¹⁷ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.
- ¹¹⁸ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

- ¹¹⁹ *Медведев Ю.* Президент РАН: Академия готова предлагать и вести крупные научные проекты / <https://rg.ru/2018/06/06/prezident-ran-akademii-gotova-predlagat-i-vesti-krupnye-nauchnye-proekty.html>
- ¹²⁰ Подробнее на ТАСС: <http://tass.ru/nauka/5263515>
- ¹²¹ Министерство обороны Российской Федерации: Встреча Ю. Борисова. 18.12.2017 / https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12155427%40egNews
- ¹²² *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.
- ¹²³ Эл. ресурс: «ВПК» / <http://vpk-news.ru/print/articles/35468>
- ¹²⁴ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
- ¹²⁵ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.
- ¹²⁶ Making it in America: Revitalizing US manufacturing / McKinsey / Digital McKinsey; McKinsey Global Institute analysis / <https://www.mckinsey.com/featured-insights/americas/making-it-in-america-revitalizing-us-manufacturing>
- ¹²⁷ *Гончаров А., Андреев А.* Кадры решают все // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 78.
- ¹²⁸ *Гончаров А., Андреев А.* Кадры решают все / Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 79.
- ¹²⁹ *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.
- ¹³⁰ а кто нас в бой-то поведет? // Военное обозрение. 2018.12.12.
- ¹³¹ а кто нас в бой-то поведет?// Военное обозрение. 2018.12.12
- ¹³² А кто нас в бой-то поведет?// Военное обозрение. 2018.12.12.
- ¹³³ *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны: монография в 2 частях / Ч. II. Теория национальной стратегии. — М.: Синергия, 2013. — С. 545.
- ¹³⁴ National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.
- ¹³⁵ *Gompert D., Cevallos A., Garafala C.* War with China. Thinking Through the Unthinkable. — RAND, 2016. — P. 2.
- ¹³⁶ Россия успешно завершила испытания комплекса артрязведки «Пенициллин» // Коммерсант, 2018, 2 декабря.
- ¹³⁷ *Козюлин В.* Три группы угроз смертоносных автономных систем. 1 ноября 2018 г. / Эл. ресурс: «РСМД» / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/>
- ¹³⁸ *Креницкий Ю.* От воздушно-космической обороны — к наступлению //

Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 87–89.

¹³⁹ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

¹⁴⁰ *Грищенко Н.* Российские крылатые ракеты Х-101 оснастили комплексами РЭБ // Российская газета. 9.11.2018.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁴³ *Креницкий Ю.* От воздушно-космической обороны — к наступлению // Воздушно-космический рубеж, 2017. Ноябрь. — С. 87–89.

¹⁴⁴ *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. — С. 15–16.

¹⁴⁵ The National Security Strategy of the United States of America. 2017. December 17. — P. 3 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁴⁶ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет. В 3-х томах, 2011–2013 гг..

¹⁴⁷ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. — С. 15–16.

¹⁵⁰ *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. — С. 15–16.

¹⁵¹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹⁵² National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁵³ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁵⁴ National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

¹⁵⁵ Государственные программы Минпромторга России [Осьмаков В.С. Планирование и реализация государственных программ.] Оценка их эффективности. Семинар в рамках системы внутреннего обучения Минпромторга России 31 октября 2014 г. / <http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/>

docs/Planirovanie_i_realizatsiya_gosudarstvennykh_programm._Otsenka_ikh_effektivnosti.pdf

¹⁵⁶ См., например: *Подберезкин А.И.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич и др.; рук. авт. коллектива А.И. Подберезкин. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 162 с., а также: *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁵⁷ См. подобные сценарии развития в работах ЦВПИ МГИМО, в частности: Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич и др. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 175 с.

¹⁵⁸ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁵⁹ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁶⁰ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

¹⁶¹ ОПК России: итоги 2017 года. 04/04/2018 / <https://www.nasha-strana.info/archives/27232>

¹⁶² National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

¹⁶³ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁶⁴ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹⁶⁵ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

¹⁶⁶ *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁶⁷ *Бэтл Лиддел Гарт.* Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 317.

¹⁶⁸ National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

¹⁶⁹ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.

¹⁷⁰ *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

¹⁷¹ SIPRI: Россия в 2017 году вышла на второе место в мире по производству ору-

жия // Коммерсант. 2018.9.12.

¹⁷² SIPRI: Россия в 2017 году вышла на второе место в мире по производству оружия // Коммерсант.2018.9.12.

¹⁷³ Крылов А, Сологуб А. Метагазета. 10 декабря 2018 г. / Военно-сырьевая экономика.

¹⁷⁴ Крылов А, Сологуб А. Метагазета. 10 декабря 2018 г. / Военно-сырьевая экономика.

¹⁷⁵ National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁷⁶ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-orcer-assesing-strangthening-manufacturing-defens-industrial-base-supply-chane-resiliency-united-states>.

¹⁷⁷ Подберезкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

¹⁷⁸ Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. — 1499 с.

¹⁷⁹ Подберезкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — С. 84–130.

¹⁸⁰ Цит. по: Азаров Р. От «Кобры» до «Ярсов». Чем вооружилась армия России в 2018 году / ТАСС / <http://eurasian-defence.ru/node/43049>, 18.12.2018

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Цит. по: Азаров Р. От «Кобры» до «Ярсов». Чем вооружилась армия России в 2018 году / ТАСС / <http://eurasian-defence.ru/node/43049>, 18.12.2018

¹⁸³ Цит. по: Азаров Р. От «Кобры» до «Ярсов». Чем вооружилась армия России в 2018 году / ТАСС / <http://eurasian-defence.ru/node/43049>, 18.12.2018

¹⁸⁴ Цит. по: Азаров Р. От «Кобры» до «Ярсов». Чем вооружилась армия России в 2018 году / ТАСС / <http://eurasian-defence.ru/node/43049>, 18.12.2018

¹⁸⁵ Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. – М.: АСТ, 2018. – С. 317.

¹⁸⁶ **Проблема диверсификации экономики** — зд. процесс, носящий стратегический характер, изменяющий структуру экономики, экспорта и импорта страны в сторону увеличения их наукоемкости, уменьшения ресурсоемкости и т.д., в целом повышение эффективности производственной деятельности.

¹⁸⁷ См. подробнее: Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁸⁸ Ковачич Л. Китай упустил промышленную революцию — не пропустит цифровую. 1 июня 2018 г. / Эл. ресурс: «РСМД» / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-upustil-promyshlennuyu-revoljutsiyu-ne-propustit-tsifrovuyu/>

¹⁸⁹ Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко. — С. Р. Цырендоржиев. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.

¹⁹⁰ National Security Strategy of the United States, December 2017. — Wash., 2017 / <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

¹⁹¹ President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / <https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states>.

¹⁹² National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

¹⁹³ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁹⁴ Концерн ВКО «Алмаз-Антей» представит в Санкт-Петербурге разработки для Арктической зоны // Пресс-релиз. 2018, 3 декабря.

¹⁹⁵ Концерн ВКО «Алмаз-Антей» представит в Санкт-Петербурге разработки для Арктической зоны // Пресс-релиз. 2018, 3 декабря.

¹⁹⁶ Концерн ВКО «Алмаз-Антей» представит в Санкт-Петербурге разработки для Арктической зоны // Пресс-релиз. 2018, 3 декабря.

Приложения

Приложение 1. ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ¹

Акторы — зд. и далее в работе имеются в виду негосударственные участники формирования МО и ВПО, которые в полной мере — политически и юридически — не могут считаться субъектами МО и ВПО, но практически оказывают на их формирование сильное, а иногда и решающее влияние.

Алгоритм — последовательность четко определенных действий, выполнение которых ведет к решению задачи; зд. — последовательность действий в интересах проведения политического анализа и прогноза.

База данных (БД) — совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования данными, независимая от прикладных программ (ГОСТ 20886-85).

Безопасность информации — состояние защищенности, при котором обеспечены ее конфиденциальность, доступность и целостность.

Боевой порядок — построение подразделений для ведения боя.

Валидность — зд.: мера (степень) соответствия методик и результатов исследования поставленным задачам.

---

¹ Подборка терминов и определений составлена как на основе всех частей работы, так и на основе публикаций: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 1; а также: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке/ А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с, а также других работ советских и российских авторов, законов и других нормативных документов, принятых в СССР и РФ.

Валидность (теоретическая) — зд.: соответствие качества данных, полученных с помощью данной методики, качеству данных других методик.

Взаимодействие автоматизированных систем — обмен данными, командами и сигналами между функционирующими автоматизированными системами.

Виртуальная машина — система обработки данных, функциональные возможности которой достигаются путем разделения ее ресурсов с другими пользователями.

Военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооружённого противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооружённые конфликты).

Внутренний вооруженный конфликт — высшая форма внутригосударственного конфликта.

Внутренний военный конфликт — военный конфликт внутри государства, субъектами которого выступают, как правило, государство и негосударственные акторы.

Военная безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой её применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы, либо способностью ей эффективно противостоять. В последнее время актуальным стало приобретение способности противостоять военной угрозе не только с помощью военных, но и невоенными средствами и способами, т.е. обеспечение военной безопасности не военными средствами и способами.

Военная мощь государства — совокупность всех постоянно задействованных в военное и мирное время материальных и духовных сил государства, которые оно способно мобилизовать для ведения войны (отражения агрессии).

Военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы.

Военная техника — техника, предназначенная для ведения и обеспечения боевых действий, управления войсками, их обучения, испытания и обеспечения заданного уровня готовности этой техники к использованию по назначению.

Военная доктрина Российской Федерации — является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Военная организация государства — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России. В военную организацию СССР включались и национальные, в т.ч. общественные организации и структуры, а не только органы исполнительной и законодательной власти. Современная военная организация должна быть общенациональной и включать государственные, общественные и частные органы власти и институты, а также органы, объединяющие отдельные группы и даже отдельных граждан.

Синоним — национальное управление в условиях подготовки и в ходе войны.

Военное планирование — определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения.

Синоним: планирование национальной обороны.

Военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности, а также защите интересов ее союзников силовыми и военными средствами.

Синоним — военно-силовая политика государства.

Военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью

возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооружённому насилию).

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер по организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения.

Синоним — стратегическое планирование в области обороны.

Военно-политическая коалиция — добровольное объединение государств и других акторов для достижения **определённых целей**, как правило, противостояния другому государству (коалиции). Эти цели строго определены, а сами участники коалиции остаются (как считается, совершенно) независимыми в своих действиях и самостоятельны.

Как примеры современных коалиций — Антигитлеровская коалиция, ШОС.

Военно-политические союзы (блоки) — такие коалиции, чьи **совместные действия** заранее планируются и оговариваются, а цели и средства (в отличие от коалиций), как правило, заранее согласовываются.

Как примеры союзов — НАТО и ОДКБ.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — часть международной обстановки (МО), состояние мировой военно-политической системы в определённый период времени (как правило, не очень продолжительный — от нескольких месяцев до нескольких лет), характеризующееся составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также конкретным характером и динамикой развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов.

ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других, а также потенциальной способностью и намерениями этих субъектов.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, соци-

ально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Военно-политический потенциал — совокупность материальных, нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Военно-политические тенденции — зд. относительно устойчивые возможности, закономерности, а также направления (векторы) развития военно-политической обстановки, а также внешней и внутренней политики государств, характеризующие современное состояние и перспективы их безопасности, прежде всего в международной и военной областях.

Вооружённый конфликт — вооружённое столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооружённый конфликт) или противостоящими сторонами в пределах одного государства (внутренний вооружённый конфликт).

Вооружение, военная и специальная техника (ВВСТ) — совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение — оружие, боевые и транспортные носители оружия наземного, воздушного, морского и космического базирования, агрегаты, приборы, устройства и другие технические средства, которыми оснащаются вооруженные силы для обеспечения их боевой и повседневной деятельности. (Словарь «Война и мир в терминах и определениях»).

Вызов коллективной безопасности ОДКБ — совокупность условий, потенциально способных перерасти в угрозу коллективной безопасности ОДКБ.

Государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечиваю-

щих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — деятельность органов государственной власти, с участием общественных, научных и иных организаций направленная на решение стратегических задач.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) - в военно-политической области — долгосрочное взаимовыгодное или вынужденное сотрудничество публичного и частного партнеров в рамках военной

организации государства, направленное на реализацию поставленных политических целей (обеспечения безопасности государства).

Государственный оборонный заказ (ГОЗ) — установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации (Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»).

Данные — информация, обработанная и представленная в формализованном виде для дальнейшей обработки.

Данные об изделии — представление информации об изделии в формальном виде, пригодном для ее передачи, интерпретации или обработки людьми или компьютерами.

Дедукция (в военно-политической области) — метод анализа, предполагающий построение авторского (субъективного) логического рассуждения, основанного на использовании больших объемов информации, исходя из последовательности «от общего к частному» (противоположен методу индукции).

Как правило, метод используется для построения сценариев (и их вариантов) развития МО и ВПО, а также концепций и прогнозов политики отдельных субъектов, которые в процессе анализа и прогноза уточняются методом индукции.

Важно отметить, что оба метода позволяют решать оба типа прогнозных задач: построение нормативного и поискового прогноза. Таким образом, на стадии выбора метода у нас имеется четыре альтернативы:

- создание поискового сценарного прогноза дедуктивным методом;
- создание нормативного сценарного прогноза дедуктивным методом;
- создание поискового сценарного прогноза индуктивным методом;

— создание нормативного сценарного прогноза индуктивным методом.

Оба метода лежат в основе стратегического прогноза данной работы и взаимно дополняют друг друга.

Документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

Документированная информация — Зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов — описание состояния и последовательности развития условий, событий в военно-стратегической области в долгосрочной перспективе

Доступ к информации — Возможность получения информации и ее использования (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Жизненный цикл изделия (ЖЦ) — совокупность этапов, через которые проходит изделие за время своего существования — маркетинговые исследования, составление технического задания, проектирование, технологическая подготовка производства, изготовление, поставка, эксплуатация, ремонт, утилизация.

Завершение (performanceofprogram) — завершение военных программ в МО США, часть бюджетного процесса в США, связанная с закупками ВВСТ

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Защищенность — обеспеченность средствами поддержания необходимого уровня и (или) качества защиты жизненно важных средств, субъектов от снижения пользы и (или) увеличения вреда.

Зона ответственности ОДКБ — территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ.

Индекс страхов — показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы. Индекс строится на основе вопроса «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?», измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от –100 до 100.

Интегрированная автоматизированная система (ИАС) — совокупность двух или более взаимоувязанных автоматизированных системы, в которой функционирование одной из них зависит от результатов функционирования другой (других) так, что эту совокупность можно рассматривать как единую автоматизированную систему.

Интегрированная информационная среда (ИИС) — совокупность распределенных баз данных, содержащих сведения о продукции, производственной среде, ресурсах и процессах предприятия, обеспечивающая корректность, актуальность, сохранность и доступность данных субъектов производственно-хозяйственной деятельности, участвующих в осуществлении жизненного цикла продукции.

Информационная инфраструктура — совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи, обеспечивающая доступ потребителей к информационным ресурсам (ГОСТ 7.0-99).

Информационная система (ИС) — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информационное обеспечение — совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих

и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения (ГОСТ 7.0-99).

Информационное обслуживание — Обеспечение пользователей необходимой информацией, осуществляемое информационными органами и службами путем предоставления информационных услуг (ГОСТ 7.0-99).

Информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информационные ресурсы — Совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации (ГОСТ 7.0-99).

Информационные технологии (ИТ) — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информирование — обеспечение информацией заинтересованных пользователей (ГОСТ 7.0-99).

Испытание — функциональная проверка или обследование одного или нескольких признаков единицы продукции при оказании на нее совокупности воздействий — физических, химических, окружающей среды или условий работы (ГОСТ Р 50779.11–2000).

Исходный код — компьютерная программа в текстовом виде на каком-либо языке программирования (ГОСТ Р 54593–2011).

Исходные данные для планирования стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов (ИД ПСС ПВК) — всесторонне согласованный информационный массив научно-обосно-

ванных исходных данных, необходимых и достаточных для подготовки документов Плана стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов в Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др. коалиции и союзы, направленные на совместное достижение вполне определенных целей объединенными усилиями.

Количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.

Коллективная безопасность ОДКБ — состояние защищенности коллективных интересов государств — членов ОДКБ, которое позволяет обеспечить независимость, территориальную целостность, суверенитет, обороноспособность и защиту от угроз каждому из государств — членов ОДКБ на основе координации и осуществления совместной деятельности;

Компьютер — функциональный блок, который может выполнять соответствующие вычисления, включая числовые арифметические операции и логические операции без вмешательства человека.

Компьютерная графика — методы и технологии создания, манипулирования, хранения и показа на дисплее нарисованных представлений объектов и данных, выполняемые с помощью компьютера, а также результаты применения таких методов и технологий (ИСО/ МЭК 2382-1–1993).

Конвертирование данных — изменение формы представления данных в соответствии с определенными правилами при сохранении содержащейся в них информации.

Конструирование — стадия конструкторской подготовки производства, в ходе которой создаются 3D-модели всех оригинальных деталей и их 2D-проекции (чертежи), оформляются спецификации и ведомости материалов, комплектующих и нормализованных изделий,

выполняются проверочные расчеты и моделирование. Согласно ГОСТ 2.103 результатом этой стадии является рабочая конструкторская документация.

Конструкторские данные об изделии — совокупность информационных объектов, порожденных в процессе проектирования и разработки изделия, содержащая сведения о составе изделия, геометрических моделях изделия, его компонентах и их технических характеристиках, об их отношениях в структуре изделия, о результатах расчетов и моделирования, о допусках на изготовление деталей и т.д.

Конфигурация — термин, объединяющий понятия структуры и состава изделия и предполагающий, что конкретные компоненты в составе обладают определенными значениями описывающих атрибутов.

Конфиденциальность информации — обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.

Корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.

Кризисная ситуация — нарастающее обострение обстановки в одном или нескольких государствах, которое непосредственно угрожает его безопасности, стабильности, территориальной целостности, суверенитету и способно при отсутствии необходимой помощи государств — членов ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и/или дестабилизации региона коллективной безопасности;

Критически важная система информационной инфраструктуры (ключевая система информационной инфраструктуры, КСИИ) — информационно-управляющая или информационно-теле-

коммуникационная система, которая осуществляет управление или информационное обеспечение критическим объектом или процессом, или используется для официального информирования общества и граждан.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели.

Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся мобилизационных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Логистика — наука о методах и способах управления материальными и информационными потоками в производстве и бизнесе; в частности, изучает процессы планирования, контроля и управления транспортированием, складированием, переработкой и др. операциями в процессе доставки готовой продукции потребителю.

Локальный военный конфликт — локальные военные действия между двумя и более субъектами (государствами или акторами), преследующие ограниченные цели, в котором военные действия ведутся в ограниченных границах и затрагивают ограниченные интересы.

Примеры: Военный конфликт в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, на Северном Кавказе.

Локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие).

Война России с Грузией 2008 года после перехода военного конфликта на военную стадию в августе 2008 года.

Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ) — определенная часть общества, проживающая на конкретной территории, объединен-

ная общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающая на определенной территории в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего.

Локальная человеческая цивилизация в МО и ВПО — один из важнейших субъектов, участвующих в формировании и реализации современной международной и военно-политической обстановки, выступающая в качестве важнейшей основы для создания военно-политической коалиции.

Лонгитудно-сценарный метод исследования — метод анализа и прогноза развития различных сценариев ВПО по отдельным этапам развития. в нашем случае он предполагает:

- во-первых, обязательное предварительное исследование состояния МО, затем ВПО и СО, а также (при необходимости) войн и конфликтов;
- во-вторых, изучение МО, ВПО и СО а также военных конфликтов в исторической ретроспективе, как минимум, нескольких десятилетий;
- в третьих, прогноз развития МО, ВПО и СО на ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Маневр — организованное передвижение войск в ходе боя в целях занятия выгодного положения по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств, а также перенос или перенацеливание ударов и огня для наиболее эффективного поражения противника. Видами маневра являются охват, обход, отход и маневр ударами и огнем. Маневр ударами и огнем заключается в одновременном или последовательном их массировании (сосредоточении) по важнейшим объектам противника, а также в перенацеливании их на новые объекты.

Материал — предмет или вещество, используемое или подвергающееся обработке (переработке) с целью получения изделия или его компонентов (Р 50.1.031–2001).

Международная обстановка (МО) — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характе-

ризуемое составом субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

Меры сдерживания невоенного порядка — внешнеполитические действия по укреплению системы международной безопасности

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Методология — тип сознания, направленного на разработку, совершенствование и изучение методов теоретической и практической деятельности в области международных отношений.

Методы сценарного прогнозирования — существует два основных — и при этом очень существенно различающихся между собой — метода сценарного прогнозирования. Это:

1) **дедуктивный метод** (от общих альтернатив — к частным сценариям; основан на анализе факторов, влияющих на поведение объекта прогнозирования);

2) **индуктивный метод** (от конкретных ситуаций и действий акторов к сценариям); Он основан на пошаговом анализе поведения акторов в рамках определенной ситуации.

Вместе с тем наиболее эффективное использование этих методов для целей военно-политического анализа предполагает применение

обоих методов в следующей последовательности: авторская концепция, основанная на дедукции и использовании больших объемов информации, затем применение индукции отдельных примеров, событий и фактов, с помощью которых корректируется принятая концепция.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов, акторов и тенденций военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. в структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Моделирование изделия — полное, всестороннее описание как самого изделия (состав и структура, геометрические твердотельные модели, конечно элементные и другие модели для расчетов), так и технологических приемов его производства, особенностей функционирования, режимов эксплуатации и т.д.

Модель сценария — сценарное моделирование (планирование) — это один из наиболее эффективных системных инструментов стратегического управления вообще и стратегического анализа и прогноза, в частности. Исторически такие модели и сценарии возникли примерно 30 лет назад в качестве альтернативы одновариантных прогнозов будущего развития конкретных компаний. Одновариантные прогнозы, как правило, довольно жестко задавали по существу единственную траекторию будущего развития организации. На практике они очень часто оказывались ошибочными. Поэтому при сценарном подходе для конкретного субъекта или актора МО или ВПО можно разрабатывать несколько примерно одинаково вероятных, но значимо контрастных вариантов будущего развития ее внешней среды (в нашем случае вариантов). Они выступают конкретными инструментами именно национальной стратегии, и в них делался акцент как раз на тех позициях, которые являлись объективно значимыми при принятии стратегических решений.

Модификация — утвержденное изменение проекта или изделия.

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Национальный человеческий капитал (НЧК) — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являю-

щиеся основной частью национального богатства и мощи государства, а также главным современным средством социально-экономического развития.

В политической и военной области НЧК определяет качество и эффективность военно-политического управления, боеспособность личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ОПК и ВВСТ.

Недекларированные возможности — функциональные возможности средств вычислительной техники и программного обеспечения, не описанные или не соответствующие описанным в документации, которые могут привести к снижению или нарушению свойств безопасности информации

Несанкционированный доступ — доступ к информации или к ресурсам автоматизированной информационной системы, осуществляемый с нарушением установленных прав и (или) правил доступа.

Новая парадигма развития МО–ВПО — совокупность общепринятых представлений, доминирующих в обществе, о принципах, тенденциях и целях развития, своего рода «универсальный образец», совокупность явных и неявных предпосылок, формирующих общепризнанную модель МО и ВПО, признанных большинством представителей мирового сообщества на данном этапе развития различных ЛЧЦ.

Новая публичная дипломатия (политика) — политика публичной дипломатии, основанная на принципах сотрудничества с негосударственными субъектами, двусторонней коммуникации и использования современных технологий, прежде всего, в области широкого применения социальных сетей в новых геополитических условиях в целях реализации политики «силового принуждения» Западом.

Нормативно-справочная информация автоматизированной системы (НСИ) — информация, заимствованная из нормативных документов и справочников и используемая при функционировании автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Носитель информации — средства регистрации, хранения, передачи информации (ГОСТ 7.0-99).

Обеспечение информационной безопасности организации — деятельность, направленная на устранение (нейтрализацию, парирование) внутренних и внешних угроз информационной безопасности организации или на минимизацию ущерба от возможной реализации таких угроз (ГОСТ Р 53114–2008).

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Обход — более глубокий маневр, совершаемый подразделениями для удара по противнику с тыла.

Общесистемное программное обеспечение — часть программного обеспечения автоматизированной системы, представляющая собой совокупность программных средств, разработанных вне связи с созданием данной автоматизированной системы и предназначенных для организации вычислительного процесса и решения, часто встречающихся задач обработки информации (ГОСТ 34.003).

Объект информатизации — совокупность информационных ресурсов, средств и систем обработки информации, используемых в соответствии с заданной информационной технологией, а также средств их обеспечения, помещений или объектов (зданий, сооружений, технических средств), в которых эти средства и системы установлены, или помещений и объектов, предназначенных для ведения конфиденциальных переговоров (ГОСТ Р 51275–2006).

Огонь — это одновременное поражение противника стрельбой из различных видов оружия. Он ведется с задачей уничтожения, подавления и изнурения противника или разрушения его объектов.

Опасность — наличие и действие сил (факторов), которые являются деструктивными и дестабилизирующими по отношению к какой-либо конкретной системе и которые способны нанести ущерб данной системе, временно вывести её из строя или полностью уничтожить.

Оперативное управление и регистрация хода производства — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая учет

выполнения технологических операций по видам изделий и их компонентов; ведение протоколов работы технологического оборудования и персонала

Оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Операционная система (ОС) — программное средство, которое управляет исполнением программ и которое может обслуживать выделение ресурсов, планирование, управление вводом-выводом и управление данными

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Открытая система — исчерпывающий и согласованный набор национальных стандартов Российской Федерации и международных стандартов информационных технологий и профилей, функциональных стандартов, которые специфицируют интерфейсы, службы и форматы в целях обеспечения переносимости, масштабируемости и взаимодействия приложений, данных и персонала.

Открытые стандарты и спецификации — стандарты и спецификации, являющиеся доступными и не требующими разрешения и оплаты за их использование.

Открытый код — исходный код программного обеспечения, передаваемый разработчиком пользователю на определенных лицензионных условиях

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

Отход — маневр, применяемый в целях вывода своих войск из-под ударов превосходящих сил противника, выигрыша времени и занятия более выгодного рубежа. Отход проводится только по разрешению или приказу старшего командира.

Охват — маневр, осуществляемый подразделениями в целях выхода для удара во фланг противнику.

Периферийное оборудование — устройство, которое управляется компьютером и взаимодействует с ним (ИСО/МЭК 2382-1-1993).

Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (Федеральный Закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Персональный компьютер (ПК) — микрокомпьютер, предназначенный, в первую очередь, для обособленного индивидуального использования.

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного, а также правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственно-научных комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения и реализации комплекса мер, осуществляемых политической и военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование производства — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая объемное планирование и формирование графиков производства; планирование по группам продукции для основных подразделений; расчет производственных мощностей основных подразделений и определение мер, обеспечивающих соответствие мощностей объемам выпуска; расчет и планирование потребностей в материалах и комплектующих с учетом графиков производства; расчет сменно-суточных плановых заданий для подразделений и технологического оборудования (оперативное производственное планирование) и т.д.

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Показатель эффективности использования продукции — количественная характеристика степени достижения полезных результа-

тов при использовании продукции в конкретной эксплуатационной ситуации с учетом эксплуатационных затрат (ГОСТ 15467-79).

Политический суверенитет — полное право государств на самоуправление и на принятие политических и иных решений, составляющее основу международных отношений и международного права, в рамках существующих объективных обстоятельств.

Пользователь информационной системы — лицо (группа лиц, организация), пользующееся услугами информационной системы для получения информации или решения других задач (ГОСТ 7.0-99).

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Походный порядок — построение подразделений для передвижения в колоннах. Он применяется на марше при преследовании, при проведении маневра и должен обеспечивать высокую скорость движения, быстрое развертывание в предбоевой и боевой порядки.

Правящая элита — зд. автором имеется в виду достаточно узкий социальный слой (социальная группа) общества, реально влияющий в решающей степени на формирование политики страны. с точки зрения автора, в России она составляет численность в несколько тысяч человек, а степень её влияния в некоторые периоды истории оказывается решающей для общества и всей нации.

Предбоевой порядок — построение подразделений, осуществляемое в целях сокращения времени на развертывание в боевой порядок, меньшей уязвимости от ударов всеми видами оружия.

Предоставление информации — действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Представление данных — характеристика, выражающая правила кодирования элементов и образования конструкций данных на конкретном уровне рассмотрения в вычислительной системе (ГОСТ 20886-85).

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Приобретение (acquisition process) — отдельный этап в поступлении вооружений в ВС США, рассматриваемый, как правило, в качестве процесса, когда в него можно внести изменения в ту или иную сторону.

Приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.

Провоцирование международного конфликта — использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации в качестве повода для эскалации конфликта.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития РФ и субъектов РФ в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программное обеспечение (ПО) — совокупность программ системы обработки информации и программных документов, необходимых для их эксплуатации.

Продукция военного назначения (ПВН) — вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) и информация в военно-технической области, за исключением информации, которая может быть опубликована в соответствии с законодательством Российской Федерации в средствах массовой информации, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах (Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»).

Программно-технический комплекс автоматизированной системы (ПТК) — Продукция, представляющая собой совокупность средств вычислительной техники, программного обеспечения и средств создания и заполнения машинной информационной базы при вводе системы в действие достаточных для выполнения одной или более задач автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов, направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Производственные данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая в процессе производства, ассоциированная с информационными объектами, описывающими изделие и его компоненты, содержащая сведения о статусе конкретных экземпляров изделия и его компонентов в производственном цикле (Р 50.1.031–2001).

Производство — совокупность бизнес-процессов, имеющая целью преобразование материальных объектов (материалов, заготовок, полуфабрикатов, комплектующих изделий) в готовое (конечное) изде-

лие надлежащего качества, удовлетворяющее требованиям потребителя (Р 50.1.031–2001).

Проприетарное (закрытое) программное обеспечение (ППО) — программное обеспечение, распространяемое на условиях простой (неисключительной) или исключительной лицензии, ограничивающей использование программы и/или запрещающей пользователю внесение изменений в программу для ЭВМ (переработку) и/или распространение изменений (переработанной) программы.

Прослеживаемость — способность восстановить предысторию использования или местонахождения изделия с помощью регистрируемой идентификации.

Публикация — документ, доступный для массового использования.

Развитие автоматизированной системы — целенаправленное улучшение характеристик или расширение функций автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Разработка — стадия конструкторской подготовки производства, в ходе которой разрабатывается подробная 3D-модель изделия, а также 3D-модели узлов, агрегатов и основных (базовых) деталей, на базе которых формируются 2D-проекции (чертежи), выполняются уточненные проектировочные расчеты и моделирование. Согласно ГОСТ 2.120 эта стадия называется техническим проектированием, а ее результат — техническим проектом (Р 50.1.031–2001).

Распределенная база данных — совокупность баз данных, физически распределенная по взаимосвязанным ресурсам и доступная для совместного использования в различных приложениях (ГОСТ 20886-85).

Распространение информации — действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздуш-

ном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели.

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Ремонт — комплекс операций по восстановлению исправности или работоспособности изделий и восстановлению ресурсов изделий или их составных частей.

Риск — сочетания вероятности и последствия наступления неблагоприятных событий.

Сбой — самоустраняющийся отказ или однократный отказ, устраняемый незначительным вмешательством оператора (ГОСТ 27.002-89).

Силы коллективной безопасности ОДКБ — объединения, соединения, воинские части и подразделения национальных вооруженных сил и других войск государств — членов ОДКБ, подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции), внутренних войск (национальной гвардии, войск полиции), органов безопасности и специальных служб, формирования органов, уполномоченных в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций государств — членов ОДКБ, подчиненные национальным органам управления и используемые по решению органов ОДКБ, а также коалиционные группировки войск (сил), региональные (объединенные) группировки войск (сил), группировки объединенных (совместных) военных систем и Миротворческие силы ОДКБ.

Сингулярность — (математическая) Singularity — это английское слово, означающее уникальное в своем роде событие с крайне особенными последствиями. Это слово используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю.

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирова-

ния, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Система коллективной безопасности ОДКБ — совокупность органов ОДКБ и национальных органов государственного управления, сил и средств государств-членов ОДКБ, обеспечивающих в соответствии с международным правом и национальным законодательством защиту коллективных интересов, суверенитета и территориальной целостности государств-членов ОДКБ на коллективной основе;

Система управления базами данных (СУБД) — совокупность программ и языковых средств, предназначенных для управления данными в базе данных, ведения базы данных и обеспечения взаимодействия ее с прикладными программами (ГОСТ 20886-85).

Система управления качеством продукции — совокупность управляющих органов и объектов управления, взаимодействующих с помощью материально-технических и информационных средств при управлении качеством продукции (ГОСТ 15467-79).

Совместимость автоматизированных систем — комплексное свойство двух или более автоматизированных систем, характеризующее их способностью взаимодействовать при функционировании. Совместимость автоматизированных систем включает техническую, программную, информационную, организационную, лингвистическую и, при необходимости, метрологическую совместимость (ГОСТ 34.003).

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Сопровождение автоматизированной системы — деятельность по оказанию услуг, необходимых для обеспечения устойчивого функционирования или развития автоматизированной системы.

Средства информационной поддержки жизненного цикла продукции — аппаратные, программно-аппаратные, программные средства, реализующие процессы сбора, обработки, накопления, хранения и поиска информации в интегрированной информационной среде.

Средства коллективной безопасности ОДКБ — вооружение, военная и специальная техника, специальные средства, технологии, технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства; включая информационно-телекоммуникационные каналы, используемые для обеспечения коллективной безопасности.

Стабильность — динамичное состояние, которое при изменении внешних и внутренних воздействий позволяет системе сохранять свои основные качественные и количественные параметры в установленных пороговых пределах.

Стратегическое нападение — нападение с использованием ядерного и неядерных вооружений, а также всех других силовых средств, для достижения самых решительных политических целей в войне. Стратегическое нападение должно осуществляться по плану, который должен быть реализован при любом противодействии противника. Сверхзадачей стратегического нападения является на подготовительном этапе исключить огромное множество неэффективных вариантов стратегий, оставив и выбрав только один, наиболее эффективный вариант будущей стратегии нападения.

Стратегическая обстановка (СО) — вид военно-политической обстановки в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются меры по защите национальных интересов Российской Федерации, а также осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие нации.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое сдерживание (трад.) — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны. Способность обеспечения интересов безопасности с помощью угрозы или применения ядерного оружия.

Стратегическое сдерживание (нов.) — это способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки, так и на любом уровне развития конфликта, в т.ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам силового принуждения.

Стратегическая стабильность — (узкое понимание): предполагает определенное состояние взаимодействия России и США в стратегической ядерной сфере с учетом фактора стратегической ПРО и стратегического неядерного оружия, а также нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО). Понятие «стратегическая стабильность» применимо и к взаимодействию сторон в силах и средствах общего назначения (обычных вооружений)².

Стратегическая стабильность — (широкое понимание), предполагающая фактически рассмотрение вопросов положения дел в системе мировой политики, в различных сегментах этой системы. Такая интерпретация, безусловно, имеет право на существование. Однако в нынешних сложнейших условиях продуктивное рассмотрение Россией и Со-

² Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях значительного ухудшения международной обстановки // Журнал «Полис. Политические исследования». 2018. — № 4. — С. 7–21.

единенными Штатами широкой повестки дня (фактически связанной с динамикой изменений миропорядка) представляется весьма затруднительным. Это связано не только с конкретными разногласиями между РФ и США по проблемам международной безопасности, по оценкам обстановке в регионах мира, но с тем, что для России неприемлем тот миропорядок, который выстраивали США после завершения холодной войны и распада СССР».

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Стратегическая оборона — *з*д. вид политических, военных и иных действий, предусматривающий комплекс активных мероприятий по созданию:

- условий для перехода в наступление;
- проведение контрударов и частных активных (в т.ч. наступательных) операций;
- активных мероприятий на разных направлениях и театрах.

Стратегическая стабильность — состояние стратегических отношений, которое «устраняет стимулы для ядерного удара первой».

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств, при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная и взаимосвязанность совокупности действий (актов, сцен, сюжетов), направленных в соответствии с единой логикой на движение к общей цели.

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Сценарии развития международной обстановки — относительно детальный план (проект), существующий в виде документа или набора логически последовательных идей по поводу краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных политических и иных тенденций в развитии и взаимодействии витии субъектов, факторов и акторов, формирующих международную обстановку.

Сценарий — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или логически последовательного набора идей относительно долгосрочных тенденций и политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — описание состояния ВПО как составной части сценария развития МО и следствие одного из сценариев развития ЧЦ, которая характеризует состояние всей системы человеческой цивилизации в определенный период времени как совокупность взаимоотношений субъектов и последствий влияния внешних и внутренних факторов развития.

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Техническое обслуживание — комплекс операций или операция по поддержанию работоспособности или исправности изделия при использовании по назначению, ожидании, хранении и транспортировании.

Технологическая подготовка производства — совокупность процессов и процедур, имеющая целью создание комплекта технологических документов — технологических маршрутов и операционных карт механообработки, сборки (монтажа), контроля; норм времени на выполнение технологических операций; управляющих программ для оборудования с числовым программным управлением; проектов оснастки и специального инструмента и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Технологические данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая на стадии технологической подготовки производства и ассоциированных с информационными объектами, описывающими изделие и его компоненты. Содержит сведения о способах изготовления и контроля изделия и его компонентов в процессе производства, описание маршрутных и операционных технологий, нормы времени и расхода материалов, управляющие программы для станков с ЧПУ, а также данные для проектирования приспособлений и специального режущего и мерительного инструмента и т.д. (Р 50.1.031–2001).

Угроза коллективной безопасности ОДКБ — совокупность факторов, препятствующих достижению стратегической цели ОДКБ — обеспечение безопасности стран-членов организации.

Удар — одновременное поражение группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них всеми имеющимися средствами или войсками.

Управление вооруженными силами — разработка и реализация наиболее эффективных способов в деятельности институтов государства по подготовке и обеспечению защиты национальных интересов военными средствами специальными органами.

Управление данными — совокупность функций обеспечения требуемого представления данных, их накопления и хранения, обновления, удаления, поиска по заданному критерию и выдачи данных (ГОСТ 20886-85).

Управление закупками — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение реестра поставщиков, учет их конкурентоспособности, качества и сроков поставок, наличия сертификатов и т.д.; оценка соответствия закупок бюджету предприятия и обязательствам по платежам; оценка соответствия закупок плану материального обеспечения производства.

Управление запасами и складами — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая учет и контроль наличия материальных ресурсов на складах и в производственных подразделениях предприятия; планирование поступления ресурсов на склады; прием ресурсов от поставщиков и выдача их в производство; отгрузка готовой продукции

заказчикам; учет остатков незавершенного производства; периодическая инвентаризация содержимого складов

Управление кадрами (персоналом) — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая планирование потребных трудовых ресурсов по профессиям и численности; ведение структуры предприятия, штатного расписания и должностных инструкций; формирование системы оплаты труда; набор новых сотрудников и повышение квалификации работающих; ведение личных дел сотрудников.

Управление качеством продукции — действия, осуществляемые при создании и эксплуатации или потреблении продукции, в целях установления, обеспечения и поддержания необходимого уровня ее качества.

Управление обслуживанием технологического оборудования — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение базы данных о технологическом оборудовании; планирование и учет профилактического обслуживания и планово-предупредительных ремонтов; ведение статистики отказов и неисправностей; поддержка склада запчастей и расходных материалов; анализ протоколов работы оборудования и т.д.

Управление предприятием — особый вид бизнес-процесса предприятия, в ходе которого определяются цели предприятия, собирается и анализируется информация о ходе производственных процессов, принимаются решения и выполняются действия, направленные на достижение целей.

Управление продажами, заказами и дистрибуцией — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение списка клиентов (заказчиков); формирование каталогов продукции и запасных частей; формирование цен и прайс-листов; формирование портфеля заказов и плана продаж; подготовка и ведение договоров на поставку продукции; подготовка и рассылка коммерческих предложений на поставку продукции; расчет себестоимости заказов и договорных цен; планирование сроков поставки продукции заказчику; оценка статуса заказа относительно плана производства; планирование потребностей и запасов в системе дистрибуции и др.

Управление финансовыми ресурсами — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая бухгалтерские функции; обобщение результатов расчета себестоимости продукции, уровня оборот-

ных средств и незавершенного производства; учет финансовых средств; поддержку внутрипроизводственного хозрасчета; формирование и анализ выполнения финансовых планов; оценку устойчивости финансового положения предприятия, оборачиваемости средств, рентабельности, эффективности инвестиций и т.д.; кредитный менеджмент; управление основными фондами предприятия.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Файл — поименованное множество записей, обрабатываемых как единый блок.

Формат — способ расположения и представления данных на носителе информации.

Характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей масштабы военных действий.

Характер международных войн — совокупность наиболее важных черт и признаков современной войны как конкретного исторического явления, определяемого конкретными историческими условиями.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Центр обработки данных (ЦОД) — ресурс, который состоит из персонала, аппаратного и программного обеспечения, организованный таким образом, чтобы обеспечивать услуги в виде обработки данных

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. в данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ:

- **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете;
- **локальная ЧЦ** — часть современной глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близкие общества, государства и сообщества отдельных групп и людей.

Человеческий капитал — в широком смысле — это интенсивный производительный фактор экономического развития, развития общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование ЧК как производительного фактора развития. Человеческий капитал — главный фактор формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний. Используют классификацию человеческого капитала:

- Индивидуальный человеческий капитал.
- Человеческий капитал фирмы.
- Национальный человеческий капитал.

Чрезвычайная ситуация — обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Эксплуатационные данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая в процессе проектирования и разработки, содержащая сведения, необходимые для организации обслуживания, ремонта и других действий, обеспечивающих работоспособность изделия .

Электронная вычислительная машина (ЭВМ) — вычислительная машина, основные функциональные устройства которой выполнены на электронных компонентах.

Электронное сообщение — информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Эффективность автоматизированной системы — свойство автоматизированной системы, характеризующее степень достижения целей, поставленных при ее создании.

Приложение 2. АББРЕВИАТУРЫ

АСЕАН	— Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АСП	— анализ стратегических прогнозов
АТР	— Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС	— Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
АЭС	— атомная электростанция
БЛА	— беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	— баллистическая ракета «воздух—земля»
БРИКС	— группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (англ. BRICS: Brazil, Russia, India, China, South Africa)
ВВП	— валовой внутренний продукт
ВВСТ	— Вооружения, военная и специальная техника
ВЕЭС	— Высший Евразийский экономический совет (Высший совет)
ВиВТ	— вооружения и военная техника
ВКВ	— Воздушно-космические войска
ВКО	— воздушно-космическая оборона
ВКС	— Воздушно-космические силы
ВОТС	— Высший орган ТС
ВПО	— военно-политическая обстановка
ВПС	— мировая военно-политическая система
ВТО	— высокоточное оружие
ВТО	— Всемирная торговая организация

ГЗЛА	— гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО	— группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО	— группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО	— группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	— грунтовые пусковые установки
ГПЭ	— группа правительственных экспертов
ГУАМ	— региональная организация из четырех государств: Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. До выхода Узбекистана из регионального объединения именовалась ГУУАМ
ДЗПРМ	— Договор о запрещении производства расщепляющих материалов
ДВЗЯИ	— Договор о взаимном запрете ядерных испытаний
ДЗПРМ	— Договор о запрете производства ядерных материалов
ДКП	— денежно-кредитная политика
ДНЯО	— Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	— Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ДОН	— договор по открытому небу
ДПРОК	— проект договора (российско-китайский) о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов
ДРМ	— Договор по расщепляющимся материалам (США)
ДРСМД	— Договор о запрещении ракет средней и меньшей дальности
ДСНВ-1991, ДСНП-2002, ДСНВ-2010	— Договоры по сокращению наступательных вооружений (потенциалов)
ЕАБР	— Евразийский банк развития

ЕАС	— Евразийский союз (термин, употреблявшийся в 1990–2000-х годах)
ЕАЭС	— Евразийский экономический союз
ЕврАзЭС	— Евразийское экономическое сообщество
ЕС	— Европейский союз
ЕТП	— единое транспортное пространство
ЕТТ	— единый таможенный тариф
ЕФСР	— Евразийский фонд стабилизации и развития
ЕЭК	— Евразийская экономическая комиссия
ЕЭП	— Единое экономическое пространство
ЗСТ	— зона свободной торговли
ЗСЯО	— зоны, свободные от ядерного оружия
ИК	— Интеграционный Комитет ЕврАзЭС
ИКАО	— Международная организация гражданской авиации
ИМЭМОРАН	— Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук
ИДПССПВК	— Исходные данные для планирования стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов
ИТ	— информационные технологии
КА	— космический аппарат
КБТО	— конвенция по запрету биологического и токсинного оружия
КВРН	— контроль над вооружениями, разоружением и нераспространением
КНО	— конвенция о негуманном оружии
КОР	— Комиссия ООН по разоружению
КР	— Конференция по разоружению (в Женеве)
КНР	— Китайская Народная Республика
КОВЕ	— контроль над обычными вооружениями в Европе
КР ВВ	— крылатая ракета воздушного базирования
КР МБ	— крылатая ракета морского базирования

КСОР	— Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ
КСП ПРО	— комплекс средств преодоления ПРО
КТС	— Комиссия ТС
КШУ	— командно-штабное учение
ЛАГ	— Лига арабских государств
ЛЭП	— линия электропередачи
МБД	— меры безопасности и доверия
МБР	— межконтинентальные баллистические ракеты
МВД РФ	— Министерство внутренних дел Российской Федерации
МВФ	— Международный валютный фонд
МГС	— Межгосударственный Совет ЕврАзЭС
МГУ	— Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МЕРКОСР	— Южноамериканский общий рынок (исп. Mercado Comúndel Sur, MERCOSUR)
МИД	— Министерство иностранных дел
МО РФ	— Министерство обороны Российской Федерации
МСНП	— меры сдерживания невоенного порядка
МТАК	— меры транспарентности и доверия в космической деятельности
НАТО	— Организация Североатлантического договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НАФТА	— Североамериканское соглашение о свободной торговле (англ. North American Free Trade Agreement, NAFTA)
НДС	— налог на добавленную стоимость
НПЗ	— нефтеперерабатывающий завод
НПОК	— обязательство России не применять первой оружие в космическом пространстве
НТБ	— нетарифные барьеры
НТП	— научно-технический прогресс
НЧК	— национальный человеческий капитал
ОАЭ	— Объединенные Арабские Эмираты

ОБСЕ	— Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	— Организация Варшавского договора
ОДКБ	— Организация Договора о коллективной безопасности
ОДЭР	— Организация за демократию и экономическое развитие
ОЗХО	— Организация по запрету химического оружия
ООН	— Организация Объединенных Наций
ОПК	— оборонно-промышленный комплекс
ОРВ	— процедура оценки регулирующего воздействия решений ЕЭК
ОЭСР	— Организация экономического сотрудничества и развития
ОЭС-ЦА	— Общая энергосистема Центральной Азии
ПАО	— публичное акционерное общество
ПГВК	— предотвращение гонки вооружений в космосе
ПИИ	— прямые иностранные инвестиции
ППС	— паритет покупательной способности
ПРО	— противоракетная оборона
РА	— Республика Армения
РБ	— Республика Беларусь
РК	— Республика Казахстан
РК	— Республика Корея
РКРТ	— режим контроля над ракетной технологией
РАС	— радиолокационная станция
РМ	— расщепляющие материалы
РО	— региональное объединение (региональная организация)
РТ	— Республика Таджикистан
РФ	— Российская Федерация
СААРК	— Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВПД	— совместный всеобъемлющий план действий (по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы)

СГРБ	— Союзное государство России и Беларуси
СЕ	— Совет Европы
СЕАП	— Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	— Сотрудничество центрально-европейских государств
СИПРИ	— Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	— стратегические крылатые ракеты
СМИ	— средства массовой информации
СМП	— Северный морской путь
СНБ	— Совет национальной безопасности США
СНГ	— Содружество Независимых Государств
СО	— стратегическая обстановка
СПРН	— система предупреждения о ракетном нападении
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные Штаты Америки
СЯС	— Стратегические ядерные силы
ТНААД	— комплекс ПВО-ПРО США
ТАП	— Трансатлантическое партнерство
ТБ	— тяжелый бомбардировщик
ТК	— Таможенный кодекс ЕАЭС
ТН ВЭД	— товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС
ТНК	— транснациональная корпорация
ТС	— Таможенный союз
ТТП	— Транстихоокеанское партнерство
ТЭС	— тепловая электрическая станция
ТЭЦ	— теплоэлектроцентраль
ФТС	— Федеральная таможенная служба РФ
ЦА	— Центральная Азия
ЦАЭС	— Центральноазиатское экономическое сообщество
ЦБ РФ	— Центральный банк Российской Федерации (Банк России)
ЦИИ ЕАБР	— Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития

ЦИНК	— Центр изучения национальных конфликтов
ЧЦ	— человеческая цивилизация
ШОС	— Шанхайская организация сотрудничества
ЭПШП	— Экономический пояс Шелкового пути
ЭЭС СНГ	— Электроэнергетический совет Содружества Независимых Государств
ЮНКТАД	— Конференция ООН по торговле и развитию (англ. United Nations Conference on Trade and Development — UNCTAD)

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

ПОЛИТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО
СДЕРЖИВАНИЯ РОССИИ
В XXI ВЕКЕ

Монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка *Е.В. Лобыгина*
Художественное оформление обложки *Е.С. Игнатовой*

Подписано в печать 28.07.2019. Формат 70×100^{1/16}.
Усл. печ. л. 65,65. Уч. изд. л. 35,73. Тираж 300 экз. Заказ

ИД «Международные отношения»
125481, г. Москва, ул. Свободы, д. 91/2